

СЕИДЪ-МОЗАФАРЪ-ХАНЪ

Эмиръ Бухарскій.

Дозв. ценз. Спб. авг. 21 1882.

Зав. В. Грацианскаго. Спб., Невск., по 16

ПУТЕШЕСТВІЕ

РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА

ПО

АВГАНИСТАНУ

И

БУХАРСКОМУ ХАНСТВУ

въ 1878—1879 гг.

ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ ЧЛЕНА ПОСОЛЬСТВА,

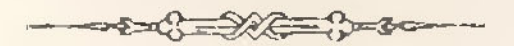
Д-РА И. Л. ЯВОРСКАГО.

Дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

въ двухъ томахъ.

ТОМЪ II.

Съ приложеніемъ: портретовъ эмира Авганскаго Ширъ-Али-Хана и эмира Бухарскаго Сеидъ-Мозафаръ-ед-Динъ-Хана, изображенія Бамьянскихъ каменныхъ истукановъ, карты верховьевъ Аму-Дарьи и маршрута посольства, составленнаго топографомъ посольства Н. А. Бендерскимъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія д-ра М. А. Хана, Ковенскій пер., д. № 14.
1883.

ПУТЕШЕСТВІЕ

РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА

ПО

АВГАНИСТАНУ И БУХАРСКОМУ ХАНСТВУ

Amicus Plato, sed magis
amica veritas.

ТОМЪ II.

ОГЛАВЛЕНIЕ 2-го ТОМА.

Стр.

Глава I.—Опять въ путь.

Глава II.—Отъ Самарканда до Аму-Дарьи.

Глава III.—Въ Мазари-Шерифѣ.

Глава IV.— Съ авганскимъ эмиромъ.

Глава V.— Съ Авганскимъ эмиромъ.

Глава VI.— Съ эмиромъ Авганскимъ.

Глава VII.

Глава VIII.—Время смутъ.

Глава IX.—Отѣздъ изъ Мазари-Шерифа.

Глава X.—Отъ Аму-Дарьи до города Бухары.

Глава XI.—Въ городѣ Бухарѣ.

Глава XII.—Возвращеніе въ Ташкентъ.

ГЛАВА I.

Опять въ путь.

Причины, вызвавшія мою вторичную поѣздку въ Авганистанъ. — Извѣстія о печальномъ санитарномъ положеніи нашей миссіи въ Кабулѣ. — Я получаю предписаніе снова отправиться въ Кабулъ.—Мои ташкентскіе сборы въ дорогу. — Открытый листъ на слѣдованіе въ Кабулъ. — Прощальная аудіэнція у генер. Кауфманна.—Отъѣздъ изъ Ташкента.— Почтовые порядки на самаркандско-джиззакскомъ трактѣ.—Приготовленія къ пути, произведенныя мною въ Самаркандѣ.—Финансовыя затрудненія.—Курсъ нашего кредитнаго рубля на бухарскихъ рынкахъ.—Самаркандское общество.—Бѣглый обзоръ исторіи г. Самарканда съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго.—Постройки Тимуридовъ въ Самаркандѣ (по Баберу Мирзѣ).

Въ концѣ сентября мѣсяца 1878 г. состоялось Высочайшее повелѣніе относительно нашей миссіи, находившейся въ Кабулѣ. Въ силу этого повелѣнія она должна была остаться въ Авганистанѣ впредь до особаго распоряженія.

Отъ генерала Столѣтова, находившагося въ то время въ Ливадіи, въ Ташкентѣ не получалось почти никакихъ извѣстій. Одинъ только разъ онъ прислалъ генер. Кауфманну коротенькую телеграмму, въ которой извѣщалъ Туркестанскаго генер.-губернатора, что онъ работаетъ по авганскому вопросу день и ночь, что недавно былъ боленъ

лихорадкой, но что потомъ поправился. О своей вторичной поѣздкѣ въ Кабулъ теперь онъ не говорилъ ни слова. Въ Ташкентѣ объ этомъ также ничего не было извѣстно. Впрочемъ, въ это время достаточно уже выяснилось, что генер. Столѣтовъ не поѣдетъ вторично въ Авганистанъ, такъ какъ начальникомъ оставшейся въ Кабулѣ части нашей миссіи былъ назначенъ генер.-маіоръ Н. О. Разгоновъ. О моей обратной поѣздкѣ въ Авганистанъ тоже не было ничего извѣстно. По крайней мѣрѣ я долго не получалъ никакихъ опредѣленныхъ распоряженій въ этомъ смыслѣ.

Между тѣмъ миссія нуждалась во врачѣ. Въ наступившее осеннее время кабульскія лихорадки дали себя знать миссіи почти повальнымъ заболѣваніемъ всего ея состава. Но это бы еще куда ни шло: если есть хининъ, лихорадки совсѣмъ не страшны.—Дѣло было хуже. Въ Кабулѣ въ сентябрѣ мѣс. вспыхнула тифозная эпидемія. Одинъ казакъ уже заболѣлъ тифомъ, какъ объ этомъ сообщалъ генер. Разгоновъ. За первымъ больнымъ могъ послѣдовать другой, третій—и невозможно было предвидѣть, чѣмъ все это кончилось бы, до какихъ предѣловъ дошла бы болѣзненность миссіи.

Въ концѣ октября мѣс. генер. Разгоновъ прислалъ Туркест. ген.-губернатору письмо, въ которомъ, между прочимъ, подробно описалъ затруднительное положеніе миссіи, оставшейся въ Кабулѣ безъ врача. Въ своемъ письмѣ онъ сообщалъ также личное желаніе эмира Ширъ-Али-хана имѣть при себѣ русскаго врача, такъ какъ его болѣзнь горла усилилась и онъ чувствовалъ себя очень дурно. Особенно сильно онъ жаловался на кашель, постоянно мучившій его. При этомъ генер. Разгоновъ, со словъ эмира присоединялъ, что «тѣ порошки, которые оставилъ здѣсь докторъ-саибъ при своемъ отъѣздѣ изъ Кабула, принесли многимъ большое облегченіе отъ кашля». Поэтому эмиръ и просилъ генер. Разгонова о томъ, чтобы онъ довелъ до свѣденія генер. Кауфмана его желаніе—имѣть русскаго врача, и именно меня. Результатомъ этого письма было оффиціальное приглашеніе, присланное мнѣ генералъ-губернаторомъ,—пожаловать къ нему для совѣщанія о новой поѣздкѣ моей въ Кабулъ. Я не замедлилъ явиться и получилъ отъ генер. Кауфмана приказаніе—готовиться къ новой поѣздкѣ въ Авганистанъ.

Готовиться къ новой поѣздкѣ въ Авганистанъ мнѣ нужно было

теперь гораздо лучше, чѣмъ лѣтомъ: 1) эта поѣздка должна была продолжаться болѣе или менѣе долгое, вообще—неопредѣленное время; 2) на этотъ разъ надо было мнѣ пройти Бамьянскимъ путемъ въ позднее время года, зимою, черезъ цѣлую почти дюжину перевалов, изъ которыхъ нѣкоторые достигаютъ 12—13 тыс. футъ высоты. Имѣвшіяся до этого времени свѣденія объ этомъ пути сообщали, что съ половины ноября по апрѣль мѣс. горные перевалы Гинду-Куша бываютъ покрыты снѣгомъ, путь черезъ нихъ дѣлается крайне затруднительнымъ, а иногда и совсѣмъ непроходимымъ. Въ виду всего этого мнѣ надо было приготовиться какъ слѣдуетъ къ зимнимъ холодамъ и вьюгамъ, которые могли бы застать меня въ пути, во время слѣдованія черезъ горы.

Кромѣ надлежащаго путеваго снаряженія самаго себя я долженъ былъ приготовить походную аптеку, и, на этотъ разъ, въ гораздо большемъ объемѣ, чѣмъ прежде, потому что продолжительность моего пребыванія въ Авганистанѣ была не опредѣлена (по предположенію ташкентск. начальства я могъ пробыть въ Авганистанѣ даже цѣлый годъ), да и объектъ моей врачебной дѣятельности предполагался болѣе обширный, чѣмъ въ первую поѣздку. Такъ, напримѣръ, было предположеніе, что я вынужденъ буду играть роль единственнаго санитарнаго врача всей авганской арміи, собиравшейся воевать съ англичанами.

Надо было позаботиться и о вьючномъ обозѣ. Горькимъ опытомъ, вынесеннымъ изъ предыдущей поѣздки, я убѣдился—чтó значитъ легко относиться къ этому дѣлу. Поэтому теперь, при разсчетѣ подъемныхъ средствъ на мою специальную поѣздку, я принялъ за норму, чтобы вѣсъ вьюка для лошади не превышалъ 4-хъ пудовъ. Вьюки бóльшаго вѣса въ пути по такимъ гористымъ мѣстностямъ, какъ Авганистанъ, очень скоро утомляютъ животное, а еще скорѣе дѣлаютъ его непригоднымъ къ дальнѣйшей работѣ, вслѣдствіе наминки и пораненія спины. Какъ бы ни было хорошо приложено къ животному вьючное сѣдло, но если вьюкъ тяжелъ—никакая спина не устоитъ противъ ежедневнаго продолжительнаго давленія на нее очень тяжелаго вьюка.

Что касается моего личнаго снаряженія, то на тѣ средства, какія были выданы мнѣ и теперь на эту поѣздку, нельзя было особенно раз-

гуляться. Правда, подъемныхъ я теперь получилъ 300 рублей, а не 200, какъ лѣтомъ,—но изъ этой суммы сдѣланъ былъ вычетъ 16% на инвалидовъ и въ пенсіонный капиталъ, такъ что прибавка оказалась почти что фикціею. Чтобы дать читателямъ понятіе о средствахъ, назначенныхъ на разныя статьи расходовъ по моей экспедиціи, я прилагаю здѣсь вѣдомость, составленную въ канцеляріи Туркестанскаго генералъ-губернатора. Думаю, что читатель не очень посѣтуетъ на меня за такія скучныя, какъ вообще канцелярскія, подробности.

№№	Суточныхъ съ 13-го ноября по 1-е января 1879 г.	Сумма. Руб.	Коп.
1)	Доктору Яворскому по 3 р. въ сутки	144	—
2)	Фельдшеру по 50 коп. въ сутки	24	—
3)	Уряднику по 50 коп. въ сутки	24	—
4)	9-ти казакамъ по 30 коп. въ сутки	139	20
5)	Переводчику по 1 р. въ сутки	48	—
	Подъемныхъ.		
6)	Фельдшеру	80	—
7)	Переводчику	100	—
8)	На покупку 3-хъ юламеекъ [1])	75	—
9)	На покупку 16-ти подъемныхъ лошадей	800	—
10)	На покупку фуража для 16-ти лошадей	320	—
11)	На непредвидѣнные расходы	300	—
12)	На наемъ лаучей.	150	—
	Итого . .	2,204	20;
	а съ начисленіемъ 15% необходимыхъ при обмѣнѣ 1,149 р. 20 к. кредитныхъ билетовъ на бухарскія теньги	172	38
	Всего . .	2,376	58.

15% надбавлялись на означенную выше сумму для лажа при мѣнѣ кредитныхъ рублей на бухарское серебро, именно для рубрикъ подъ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 10, 11 и 12.

Изъ вѣдомости видно, что животныя, назначенныя въ обозъ, были одарены матеріальными средствами щедрѣе, чѣмъ люди. Незначитель-

[1]) Войлочныхъ палатокъ.

ность средствъ, назначенныхъ для фельдшера, особенно рѣзко бросается въ глаза; но я по этому поводу могу только сказать, что назначеніе средствъ отъ меня нисколько не зависѣло.—Переводчикъ—разсчитывая, конечно, на переводчика-туземца—былъ обезпеченъ повидимому болѣе или менѣе удовлетворительно. Но я не могу умолчать о томъ, что не нашелъ ни одного порядочнаго, грамотнаго переводчика, который согласился бы ѣхать въ Авганистанъ за назначенное вознагражденіе. Такъ и долженъ былъ я отправиться въ путь безъ переводчика, обходясь въ путевой практикѣ своимъ небольшимъ знаніемъ персидскаго языка, да небольшой помощью одного джигита и казака-оренбуржца, говорившаго довольно сносно по татарски.

Казаки были снаряжены, относительно говоря, довольно хорошо: къ суточнымъ деньгамъ, назначеннымъ по «вѣдомости», прибавлены были имъ еще и фуражныя деньги изъ той части войскъ, въ которой они состояли въ данное время на службѣ.

Изъ «вѣдомости» же читатель можетъ узнать почти весь составъ людей, назначенныхъ въ мою экспедицію. Фельдшеръ, командированный въ мое распоряженіе, былъ выбранъ мною изъ лучшихъ госпитальныхъ силъ. Казачій конвой присоединился ко мнѣ въ Самаркандѣ.

На разныя приготовленія къ путешествію я потратилъ не мало времени. Впрочемъ, большая часть его потеряна была даромъ, и не по моей винѣ, а вслѣдствіе обычной медленности канцелярскаго дѣлопроизводства. Изъ-за этой, совсѣмъ почти заѣвшей насъ, русскихъ, канцелярщины, у меня чуть было не возникло серьезное столкновеніе съ разными «канцелярскими повытчиками», привыкшими затягивать всякое дѣло до безконечности. А между тѣмъ мнѣ надо было торопиться. Лишній день, даже лишній часъ, даромъ проведенный мною въ Ташкентѣ, могъ отозваться впослѣдствіи, въ пути по горамъ, очень невыгодно.

Наконецъ, 15-го ноября, экзекуторъ Н. вручилъ мнѣ пачку кредитныхъ билетовъ (опять таки кредитные билеты!) и 400 шт. авганскихъ рупій.

Туркестанское начальство пересылало со мной также и суточныя деньги для членовъ миссіи, находившихся въ Кабулѣ. Эти деньги также были выданы мнѣ кредитными билетами!—Что могла дѣлать миссія съ кредитными билетами въ Кабулѣ, гдѣ не су-

шествуетъ не только размѣнныхъ лавокъ, но и самаго понятія о русскихъ бумажныхъ денежныхъ знакахъ—одинъ Аллахъ вѣдаетъ. Впрочемъ, кромѣ Аллаха, вѣроятно знало и туркестанское начальство, но держало отъ меня это знаніе въ секретѣ.

Вмѣстѣ со мною же генералъ Кауфманнъ пересылалъ генер. Разгонову ящичекъ съ серебряными вещицами, назначенными для подарковъ разнымъ авганскимъ лицамъ. Я думаю, что для читателей не безъинтересно будетъ узнать списокъ этихъ подарковъ. Мнѣ кажется, что онъ можетъ навести на нѣкоторыя размышленія, выводы изъ которыхъ сдѣлаетъ и самъ читатель, помимо меня. Вотъ этотъ списокъ:

СЧЕТЪ

Въ Канцелярію Генералъ-Губернатора

отъ Д. Н. Захо [1]).

2 бокала по 16 руб.	32 р.
4 стакана по 15 р.	60 »
1 сахарница	40 »
1 тожъ	38 »
1 спичечница	14 »
1 тожъ	18 »
1 портмоннэ	23 »
1 портпапиросъ	30 »
1 тожъ	33 »
1 тожъ	35 »
1 тожъ	30 »
Итого .	353 р.

Подписалъ довѣренный Д. Н. Захо, Ларкинъ.

Я замѣчу только, что подборъ предметовъ, назначавшихся для подарковъ, очень нецѣлесообразенъ. Для чего, напр., дарить авганцу-мусульманину бокалы?—Такой подарокъ просто неприличенъ: мусульманину кораномъ запрещено пить вино.—Къ чему также эти дорого стоющіе портпапиросы, когда авганцы не курятъ папиросъ и всѣ, отъ простолюдина до Сердаря, употребляютъ для куренія кальянъ-чилимъ?

[1]) Наиболѣе значительный торговый домъ въ Ташкентѣ.

Наиболѣе цѣлесообразными подарками были бы въ родѣ слѣдующихъ: часы карманные, ножи перочинные, табакерки (многіе авганцы нюхаютъ табакъ) и проч. Между тѣмъ участь подарковъ въ видѣ бокаловъ, портъ-папиросъ и т. под. была очень печальна. Я знаю, напр., что даже эмиръ Ширъ-Али-ханъ переплавилъ на монету подаренный ему генер. Столѣтовымъ серебряный сервизъ съ бокалами, рюмками и тому подоб. принадлежностями. Также поступали съ подаренными вещами и другіе авганцы. Они такимъ образомъ переводили подарокъ на деньги; но понятно, что подарокъ терялъ при этомъ все свое значеніе, ибо въ видѣ металла и вычеканенныхъ изъ него денегъ онъ представлялъ очень небольшую цѣнность.

16-го ноября я имѣлъ прощальную аудіэнцію у Туркестанскаго генералъ-губернатора, фонъ-Кауфманна. За завтракомъ онъ познакомилъ меня до извѣстной степени съ такъ называемымъ «авганскимъ вопросомъ» и тою ролью, которую Россія могла играть въ немъ. Онъ высказалъ при этомъ много очень вѣскихъ сужденій о начавшейся распрѣ между англичанами и авганцами—сужденій, которыя оправдались потомъ почти съ математической точностію.—Говоря о моей предстоящей поѣздкѣ, онъ указывалъ на то, что могло болѣе или менѣе затруднить мое путешествіе по Авганистану.

— Трудности нетолько вашего путешествія, но и вообще положенія миссіи въ Авганистанѣ, говорилъ ген. Кауфманнъ, возрастутъ особенно съ тѣхъ поръ, когда англичане начнутъ военныя дѣйствія противъ авганцевъ.

Въ противоположность общему мнѣнію нашей прессы, утверждавшей, что англичане къ немедленному походу въ Авганистанъ не готовы и не могутъ открыть военныхъ дѣйствій раньше весны, генер. Кауфманнъ говорилъ, что когда я пріѣду въ Кабулъ, англо-авганская война будетъ уже въ полномъ разгарѣ. При этомъ онъ прибавилъ, что Россія не можетъ оказать эмиру Ширъ-Али-хану помощи своими войсками не смотря на его просьбу объ этомъ, выраженную въ письмѣ къ Государю Императору. Вообще генералъ-губернаторъ рекомендовалъ какъ мнѣ, такъ и вообще миссіи, соблюдать полнѣйшую осторожность и сдержанность въ сношеніяхъ съ авганцами.

Въ тотъ же день я получилъ отъ генер. Кауфманна дорожный

видъ на безпрепятственное слѣдованіе мое до Кабула. Видъ написанъ былъ по русски и по персидски. Вотъ его содержаніе:

«Предъявитель сего, русскій докторъ Яворскій, командированъ мною въ Кабулъ въ русское посольство. При немъ одинъ русскій фельдшеръ, 10 человѣкъ русскихъ казаковъ, переводчикъ и два джигита изъ сартовъ.

«Докторъ Яворскій поѣдетъ черезъ Бухарскія владѣнія, на Чушка-Гузеръ и Мазари-Шарифъ.

«Прошу всѣхъ Начальниковъ, которые будутъ находиться на пути слѣдованія г. Яворскаго, оказывать ему содѣйствіе и покровительство къ безпрепятственному слѣдованію его въ Кабулъ.

«Туркестанскій генералъ губернаторъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманнъ 1».

17-го ноября я выѣхалъ изъ Ташкента въ Самаркандъ.

Проѣзжая голодною степью, я на этотъ разъ испытывалъ совсѣмъ другое ощущеніе, чѣмъ лѣтомъ. Тогда я задыхался отъ нестерпимаго зноя, теперь же мнѣ пришлось отъ холода сильно кутаться въ шубу, особенно во время ночной ѣзды.

Однако, кругомъ была таже безжизненная обстановка, что и лѣтомъ: тѣ же остовы павшихъ отъ почтовой гоньбы лошадей валялись тамъ и сямъ по дорогѣ, тѣ же полуразрушенные колодцы съ солоноватой грязью вмѣсто воды, тѣ же верблюды, группами и въ одиночку пасущіеся въ разныхъ мѣстахъ степи, тѣ же миражи, то же монотонное позвякиванье колокольчика, то же состояніе полузабытья...

Въ два часа ночи медленно тянувшаяся, покрытая инеемъ, моя почтовая трашпанка [1]), съ дремавшимъ на облучкѣ ямщикомъ, качнулась раза два изъ стороны въ сторону, отдала назадъ и вслѣдъ затѣмъ остановилась. Я очнулся отъ того оцѣпенѣнія, въ которое былъ повергнутъ ночнымъ холодомъ, монотонымъ звяканьемъ колокольчика, мѣрнымъ, неторопливымъ шлепаньемъ лошадиныхъ копытъ по пыльной дорогѣ, и растолкалъ клевавшаго носомъ ямщика-киркиза. Передо мной была станція Джимбай, послѣдняя станція передъ Самаркандомъ. Ямщикъ сначала почесалъ зачѣмъ-то затылокъ, потянулся, крякнулъ скатился съ козелъ на земь и затѣмъ неторопливо направился къ

---

[1]) Такъ называется здѣсь перекладная почтовая повозка.

станціонному двору. Послышались два-три глухихъ оклика, которыми мой киргизъ звалъ дежурныхъ ямщиковъ; но отклика на нихъ не послѣдовало. Ямщикъ вскорѣ совсѣмъ пропалъ на дворѣ.

Прождавъ въ повозкѣ минутъ 15, я сталъ звать къ себѣ моего ямщика, но безъ всякаго результата. Не было слышно ни единаго звука. Дѣлать нечего, приходилось мнѣ самому разыскивать ямщика, или хотя кого либо изъ служащихъ на станціи. Взойдя на станцію, я нашелъ запертыми на ключъ какъ комнату для проѣзжающихъ, такъ и комнату станціоннаго старосты. Я сталъ стучать въ двери, но толку изъ этого выходило мало. На мой зовъ отвѣчало мертвое молчаніе. Тогда я отправился на дворъ, съ цѣлью розыскать хотя какое либо живое существо. Кое-какъ мнѣ удалось отыскать моего ямщика, который мнѣ и сообщилъ, что никого на станціи не нашелъ. Узнавъ отъ него, что на этой же станціи живетъ человѣкъ, завѣдующій хозяйственною частью почтоваго тракта, я послалъ ямщика за нимъ. Долго мнѣ пришлось ожидать въ холодныхъ и темныхъ сѣняхъ прихода означеннаго лица.

Наконецъ пришелъ этотъ, знаменитый въ лѣтописяхъ почтовыхъ жалобныхъ книгъ, мужъ. Онъ принесъ съ собой атмосферу виннаго погреба. Покачиваясь на ногахъ, охрипшимъ отъ безпрерывнаго пьянства голосомъ онъ мнѣ объявилъ, что старосты на станціи нѣтъ, что онъ уѣхалъ на сосѣднюю станцію, сопровождая казенную почту и т. п.

Я потребовалъ себѣ лошадей. Но оказалось, что лошадей выдать мнѣ онъ не могъ, «потому что», объяснялъ «завѣдующій», «староста, уѣзжая съ почтою, заперъ на ключъ комнату, въ которой находятся книги для записи подорожныхъ видовъ ѣдущихъ по тракту лицъ». Поэтому онъ объявилъ, что не можетъ дать мнѣ лошадей.—Почему же нельзя мнѣ дать лошадей, спросилъ я не безъ удивленія? «Да потому, отвѣчалъ мнѣ этотъ человѣкъ, что книги для записи подорожныхъ заперты, а безъ прописки подорожной я не дамъ вамъ лошадей».—Не правда ли хороша отговорка? Точно онъ не могъ записать что нужно на листѣ бумаги, а потомъ уже по возвращеніи старосты на станцію, вписать въ книгу? Отговорка была, очевидно, очень нахальна и во всякой другой странѣ она немыслима, но въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ поч-

товые порядки еще напоминаютъ времена «держимордъ» и «тяпкинъ-ляпкиныхъ», это—явленіе обычное и, по своему, даже нормальное.

Войдя въ комнату для проѣзжающихъ, которую завѣдывающій кое-какъ отперъ, я уже взялся было за перо, чтобы записать жалобу въ записную почтовую книгу, когда г. Фаустъ (имя завѣдующаго хозяйствомъ тракта) нашелъ возможнымъ отпустить мнѣ лошадей.

Когда перепряжка была окончена, я пересчиталъ мои вещи, оставшіяся въ повозкѣ. При этомъ счетѣ не оказалось саквояжа. Очевидно было, что во время моихъ поисковъ на станціи какой либо злоумышленникъ похитилъ его. Очевидно было также, что вся вина пропажи саквояжа лежала на почтовой администраціи станціи. Вѣдь еслибы мнѣ не надо было уйти отъ повозки для отысканія людей, конечно ничего-бы не могло пропасть.

Я записалъ въ установленной книгѣ жалобу по поводу этого случая, но высшая почтовая администрація края поступила съ нею вѣроятно также, какъ поступаетъ и со всѣми прочими жалобами, вписанными въ книгу, поставивъ стереотипную резолюцію: считать жалобу неосновательной, а служащихъ на станціи—невиновными.—А между тѣмъ подобныя резолюціи санкціонируютъ и на будущее время всѣ безчинства и самоуправства панургова стада, именуемаго въ Туркестанскомъ краѣ почтовой администраціей. Почтовые тракты здѣсь представляютъ собою такое вопіющее зло для проѣзжающей публики, для рабочихъ на трактѣ, даже для окрестнаго населенія, что человѣку, не испытавшему хотя отчасти всѣхъ прелестей здѣшняго почтоваго пути, просто трудно себѣ и представить.

Между тѣмъ въ саквояжѣ были очень нужныя для меня вещи: анэроидъ, выданный мнѣ изъ мѣстнаго топографическаго отдѣла, карманный хирургическій наборъ, паровой пульверизаторъ, компасъ, нѣсколько фунтовъ чаю и сахару и проч.

Пріѣхавъ въ Самаркандъ, я заявилъ кому слѣдуетъ о случившейся покражѣ; приняты были мѣры къ отысканію ихъ, да такъ и отыскиваютъ до сихъ поръ.

Въ Самаркандѣ я тщательно занялся снаряженіемъ вьючнаго обоза. Теперь пришлось уже мнѣ самому, лично, вникать во всѣ малѣйшія подробности снаряженія; я самъ покупалъ лошадей для обоза, самъ пробовалъ ихъ алюры, осматривалъ каждую ногу, пересчиты-

валъ каждый зубъ во рту... однимъ словомъ, превратился на это время въ записнаго лошадинаго барышника. За то и лошади были куплены на этотъ разъ очень порядочныя. Они прекрасно сослужили свою службу, сдѣлали весь походъ безъ малѣйшей запинки, между тѣмъ и цѣна то ихъ была значительно ниже лѣтней. Теперь каждая лошадь мнѣ обошлась среднимъ числомъ въ 34 р.

Особенное вниманіе я обратилъ также на снаряженіе палатокъ. Очевидно было, что зимою нельзя довольствоваться полотняными палатками; надо было устроить войлочныя. Но вотъ тутъ то и предстоялъ вопросъ: какого рода построить палатки? Въ Средней Азіи кошемныя палатки употребляются двухъ видовъ: юрты и юломейки. Тѣ и другія очень хороши, но требуютъ для своей перевозки верблюжьяго обоза, или большаго количества подъемныхъ лошадей, чего у меня не было. Кромѣ того, установка ихъ требуетъ довольно много рукъ и времени, что опять-таки составляетъ въ дорожной практикѣ неудобство, а особенно въ холодное, зимнее время. Поэтому я устроилъ себѣ особенныя палатки, которыя представляютъ въ сущности увеличенные верхи отъ юломеекъ: 10—12 довольно крѣпкихъ палокъ, около сажени въ длину каждая, связаны были вмѣстѣ ремнемъ на одномъ ихъ концѣ; свободные же концы палокъ были заострены. Такой остовъ, поставленный на землю, образовалъ конусъ болѣе сажени въ діаметрѣ. Теперь надо было только выкроить кошму по этому остову—и палатка готова. Въ такой палаткѣ могло помѣститься 5 человѣкъ. Послѣдующая дорожная практика вполнѣ доказала ихъ пригодность. Такихъ палатокъ я устроилъ 4.

Для лошадей были куплены теплыя войлочныя попоны, да и вьючныя сѣдла, заказанныя мною нарочно для этого случая, были снабжены также войлочными попонами. Такимъ образомъ лошадь была покрыта попоной какъ въ дорогѣ, во время пути, такъ и во время стоянки на станціи.

Теперь мнѣ предстояло выполнить финансовую операцію по обмѣну бумажныхъ денегъ на бухарское серебро. Но тутъ я былъ весьма непріятно удивленъ. Отъ перваго же мѣнялы я узналъ, что нашъ кредитный рубль на бухарскихъ рынкахъ еще болѣе упалъ въ своей цѣнности, чѣмъ лѣтомъ, передъ поѣздкой въ Кабулъ. Такъ, въ данное время кредитный рубль шелъ здѣсь всего по 60 коп. на бухар-

ское серебро.—Что мнѣ было дѣлать съ великодушно предложенными 15% на лажъ? Для обмѣна моихъ денегъ на серебро недоставало еще 25% всей суммы. Находясь въ подобномъ затрудненіи я ничего лучшаго не придумалъ, какъ телеграфировать объ этомъ въ Ташкентъ. Я просилъ выслать мнѣ деньги серебромъ, и непремѣнно бухарскимъ, или же добавку въ 25% кредитными ко всей суммѣ. При тѣхъ ограниченныхъ средствахъ, какія были назначены мнѣ на путешествіе, потеря 25% на лажъ была для меня очень чувствительна.

Между тѣмъ здѣсь, въ Самаркандѣ, я узналъ, что въ Ташкентскомъ казначействѣ должно было находиться серебро въ бухарскихъ теньгахъ. Дѣло въ томъ, что нѣсколько времени тому назадъ эмиръ бухарскій пожертвовалъ Обществу «Краснаго Креста» 30,000 тенегъ бухарскимъ серебромъ.

Отвѣта на телеграмму мнѣ пришлось ждать довольно долго. Я ужь совсѣмъ рѣшился было на потерю въ 25%, такъ какъ необходимо было, во что бы то ни стало, обмѣнять деньги: въ Авганистанѣ бухарскія теньги ходятъ хорошо, но о русскихъ деньгахъ авганцы не имѣютъ никакого понятія. Кстати замѣчу здѣсь, что если обмѣнивать у здѣшнихъ мѣнялъ кредитные рубли на русское же размѣнное серебро, то не смотря на низкопробное его достоинство, все же они даютъ только 96 коп. за рубль. Здѣшніе мѣнялы—преимущественно индѣйцы, но есть и евреи—какъ оказывается, зорко слѣдятъ за курсомъ нашего рубля за границей. Въ послѣднихъ нумерахъ газетъ, какія здѣсь, въ Самаркандѣ, были только что получены, курсъ на Лондонъ былъ показанъ въ 61,5 коп. за кредитный рубль. А здѣшніе мѣняла спустили его даже до 60%.

Между тѣмъ всѣ мои дорожныя приготовленія были уже закончены. Задержка состояла только въ томъ, что отвѣта изъ Ташкента на мою телеграмму все еще не было.—Наконецъ, 25 ноября я получилъ отвѣтъ въ удовлетворительномъ для меня смыслѣ. Онъ былъ полученъ мною какъ нельзя болѣе кстати. Горбоносый мѣняла еврей уже отсчиталъ нѣсколько сотъ рублей бухарскими теньгами, когда почталіонъ вручилъ мнѣ желанную телеграмму, извѣщавшую меня, что серебро высылается мнѣ съ первою почтою.

Относительно туземной прислуги, которая необходима была для

вьючнаго обоза, я устроился очень хорошо и въ матеріальномъ, и въ моральномъ отношеніи. Прежде всего, конечно, надо было найти ловкаго и надежнаго караванъ-баши, заправилу вьючнаго обоза и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ближайшаго начальника туземной прислуги. Я бы не прочь былъ взять въ качествѣ караванъ-баши уже испытаннаго въ этомъ дѣлѣ Раджабъ-Али-хана, ѣздившаго съ миссіею въ Кабулъ лѣтомъ. Но его въ данное время не было въ Самаркандѣ; нужный мнѣ джигитъ находился въ данное время въ Катта-курганѣ, въ распоряженіи мѣстнаго уѣзднаго начальника. Въ этотъ же день правителемъ канцел. нач. Зеравшанскаго округа была послана въ Катта-Курганъ телеграмма слѣдующаго содержанія: «Вышлите немедленно, если возможно, въ Самаркандъ джигита Раджабъ-Али и еще другаго джигита, ѣздившаго въ Кабулъ въ этомъ году».

На слѣдующее утро оба джигита уже были въ Самаркандѣ и представлялись мнѣ. Но въ то же время я узналъ, что Раджабъ-Али, несмотря на все свое желаніе, не могъ ѣхать со мной.

По распоряженію генер. губернатора онъ долженъ былъ отправиться въ Бадахшанъ съ различными порученіями къ полковнику Матвѣеву.

Я долженъ здѣсь пояснить читателю, что полковникъ Матвѣевъ въ сентябрѣ мѣс. 1878 г. получилъ разрѣшеніе Туркестанскаго генералъ-губернатора отправиться въ Бадахшанъ и Кафиристанъ. Цѣль этой поѣздки была чисто научная. Съ нимъ отправились: астрономъ Шварцъ, подпоручикъ Троцкій, 7 человѣкъ казаковъ и два стрѣлка. До Байсуна съ ними доѣхалъ извѣстный ученый, г. Руссовъ, такъ преждевременно похищенный у науки и общества безпощадною смертью.

Вотъ къ этой-то экспедиціи и долженъ былъ отправиться Раджабъ-Али, такъ какъ въ данное время объ ней не имѣлось никакихъ извѣстій. Раджабъ-Али долженъ былъ розыскать ее во что бы то ни стало.

Такимъ образомъ я долженъ былъ отказаться отъ услугъ этого человѣка. Но я былъ настолько счастливъ, что могъ замѣнить его еще лучшимъ джигитомъ. Такъ какъ этотъ джигитъ потомъ будетъ въ моемъ разсказѣ довольно часто упоминаться, и такъ какъ это далеко не дюжинный человѣкъ, то я и познакомлю съ нимъ читателя теперь же.

Нассиръ-ханъ,—такъ зовутъ моего джигита, котораго я сдѣлалъ своимъ караванъ-баши—родомъ авганецъ. Ему въ данное время было лѣтъ 35. У него много родственниковъ въ Авганистанѣ, а его мать съ нѣкоторыми членами семьи постоянно живетъ въ одномъ изъ предмѣстій Кабула.

До 1869 года онъ также жилъ въ Кабулѣ и его удаленіе оттуда имѣетъ вѣроятную связь съ окончательнымъ пораженіемъ Абдурахманъ-хана и отъѣздомъ его въ Самаркандъ.

Удалившись изъ Авганистана, Нассиръ-ханъ поступилъ на русскую службу и исполнялъ разныя порученія, касающіяся пограничной службы. Такъ, наприм., въ началѣ 1878 г. онъ ѣздилъ въ Кабулъ, куда отвезъ письмо генер. Кауфманна на имя эмира Ширъ-Али-хана. Порученіе это было исполнено имъ съ обычнымъ успѣхомъ. Нассиръ-ханъ говоритъ на 4-хъ языкахъ: турецкомъ, персидскомъ, авганскомъ и индійскомъ. По русски онъ еще плохо говоритъ, но понимаетъ хорошо. Это—человѣкъ, у котораго родственныя связи и знакомства находятся почти въ каждомъ средне-азіатскомъ городѣ.—Такой караванъ-баши былъ для меня настоящимъ кладомъ.

Затѣмъ мною были наняты еще 2 джигита, тоже испытанные; одинъ изъ нихъ бывалъ уже въ Кабулѣ; другой долженъ былъ мнѣ служить вмѣсто переводчика, такъ какъ настоящаго переводчика на тѣ суммы, которыя были мнѣ ассигнованы, какъ я сказалъ выше—нельзя было нанять. Этимъ тремъ джигитамъ было мною положено жалованье по 20 руб. въ мѣсяцъ каждому на всемъ готовомъ содержаніи, но на своихъ лошадяхъ. Затѣмъ еще были наняты 3 лаучей, безъ собственныхъ лошадей, но на моемъ же содержаніи, по 12 руб. въ мѣсяцъ каждому. Они должны были ѣхать на моихъ запасныхъ лошадяхъ.

Казаки, назначенные въ мой конвой были снаряжены удовлетворительно. Я обратилъ особенное вниманіе на то, чтобы всѣ они непремѣнно были снабжены теплой одеждой. Я настоялъ, чтобъ они имѣли также валяные сапоги и овчинные полушубки.

Среди подобныхъ хлопотъ и сборовъ я не упустилъ случая, насколько возможно, расширить свое знакомство съ русскимъ Самаркандскимъ обществомъ. Впечатлѣнія, которыя я вынесъ изъ этого знакомства, только хорошія. Даже американскій городъ въ столь ко-

роткое время существованія едва ли могъ бы сдѣлать большее. Здѣсь есть мужская и женская прогимназія, и аптека съ безплатной раздачей лекарствъ туземцамъ, и общественное собраніе, куда собираются дѣйствительно затѣмъ, чтобы развлечься, повеселиться, а не дѣлать изъ себя выставку модныхъ магазиновъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ нашихъ столичныхъ общественныхъ собраніяхъ. Въ здѣшнемъ общественномъ собраніи не будетъ скучно и тѣмъ, кто не танцуетъ и не играетъ: читальня обладаетъ порядочнымъ запасомъ книгъ, а газетами и журналами, выписывающимися на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и даже на англійскомъ языкѣ, покрытъ огромный столъ.—Я уже и не долженъ былъ бы говорить о томъ, что въ городѣ существуетъ телеграфная станція, отдѣленіе государственнаго банка и проч. Можно отъ души пожелать этому молодому, но съ сильными и здоровыми зародышами городу дальнѣйшаго и еще болѣе быстраго развитія. Что бы ни говорили европейскіе руссофобы—пусть развивается русскій флагъ на древнихъ стѣнахъ Самарканда, и да здравствуетъ русская цивилизація, непонятная для себялюбивыхъ западныхъ торгашей, высасывающихъ жизненные соки изъ двухъ колоссальнѣйшихъ націй Азіи! Пусть эта цивилизація шествуетъ все далѣе и далѣе въ глубь варварскихъ странъ Востока. Она принесетъ имъ только одно счастіе...

Время основанія Самарканда, выражаясь стереотипною фразою, «покрыто мракомъ неизвѣстности».

Народное преданіе приписываетъ построеніе этого города мифическомъ герою, царю Эфрасіабу. Согласно съ этимъ преданіемъ—Эфрасіабъ былъ сынъ Тура, перваго Туранскаго властителя. Это преданіе имѣетъ, такъ сказать, совершенно законное основаніе для своего существованія. Еще и теперь при въѣздѣ въ Самаркандъ вы встрѣчаете груду мусора и развалинъ, называемыхъ туземцами Кала-и-Эфрасіабъ, т. е. замокъ Эфрасіаба. Нужно полагать, что древностію своею Самаркандъ едвали уступитъ когда-то знаменитымъ городамъ, въ настоящее время находящимся въ развалинахъ, какъ напрям. Вавилону, Ниневіи, Персеполю, Мемфису, Ѳивамъ и друг.

Согды, жившіе въ предѣлахъ нынѣшней Зеравшанской долины,

упоминаются еще у Геродота и въ эдиктахъ царя Дарія. Столица Согдіанцевъ, Мараканда, едвали не впервые упоминается и описывается у историковъ Александра Македонскаго.

Квинтъ Курцій въ немногихъ словахъ даетъ довольно точное описаніе Согдіаны и ея столицы, Мараканды.

«Согдіана», говоритъ онъ, «есть страна въ большей своей части пустынная; обширныя пустыни занимаютъ пространство почти въ 800 стадій въ ширину. Стремительная рѣка пересѣкаетъ страну въ прямомъ направленіи; эту рѣку жители называютъ Политиметомъ» [1]. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что страна вдоль рѣки лѣсиста и удобна для устройства неожиданныхъ непріятельскихъ засадъ [2]).

Здѣсь, въ этихъ-то лѣсахъ, возмутившійся вождь Согдовъ, Спитаменъ, напалъ на 2000 пѣхотинцевъ и 300 македонскихъ всадниковъ и вырѣзалъ ихъ всѣхъ до одного.

Столица Согдовъ, Мараканда, имѣла 70 стадій въ окружности; цитадель города не была окружена отдѣльной стѣной [3]), что, вѣроятно и способствовало такому легкому занятію города Александромъ Македонскимъ.

Здѣсь, въ Согдіанѣ, великому греческому завоевателю пришлось прожить болѣе или менѣе долгое время. То онъ ходилъ изъ этого города на Скифовъ, то на возмутившихся противъ него Бактрійцевъ; а то дѣлалъ и увеселительныя прогулки, напримѣръ, въ страну Базарія, въ лѣсахъ который онъ собственноручно убилъ льва [4]). Послѣднее обстоятельство очень важно: значитъ, въ прежнее время въ этихъ странахъ водились львы. Теперь же не только въ Согдіанѣ, т. е. въ Зеравшанской долинѣ, но и въ долинѣ Аму (Окса) совсѣмъ нѣтъ львовъ [5]). —Здѣсь же въ этой долинѣ и, можетъ быть, въ стѣнахъ Ма-

---

[1]) Quintus Curcius, Opera completa, lib. VII, cap. X. Сравн. у Арріана, Ἀλεξάνδρου ἀνάβασισ, βιβλ. 4. κεφ. 6., а равно и у Страбона въ его географіи, кн. XI, гл. II, 5.

[2]) Loc, citat. lib. VII cap. VII. «silvestre iter aptum insidiis tegendis erat»; сравн. у Арріана, Ἀλεξάνδρου ἀνάβασισ βιβλ. 4, κεφ. 6.

[3]) Idem, lib. VII, cap. VI.

[4]) L. cit lib. VIII, cap. I.

[5]) Между тѣмъ Мyркрофтъ, описывая долину верхней Аму, говоритъ о пребываніи львовъ въ долинѣ Аму: «In the desert plain about Kounduz between this and left bank of the Oxus, deer, foxes, wolves (hogs and lions are

раканды, Александръ убилъ лучшаго своего друга и полководца, Клита.

Что за народъ были эти Согды—до нѣкоторый степени даетъ намъ понятіе слѣдующій разсказъ Квинта Курція.

Послѣ подавленія возмущенія Спитамена, причемъ Мараканда и его окресности были опустошены огнемъ и мечомъ Македонянъ, «къ царю были приведены 30 самыхъ знатныхъ и сильныхъ плѣнниковъ, Когда они узнали отъ переводчика, что осуждены царемъ на казнь, то начали пѣть веселыя пѣсни и выражать свою радость танцами и другими тѣлодвиженіями. Царь удивленный ихъ мужествомъ, съ которымъ они шли на смерть, велѣлъ ихъ позвать къ себѣ и спросилъ о причинѣ ихъ радости, такъ сказать, на самомъ порогѣ смерти. Согдіанцы на это отвѣтили, что если бы кто другой предалъ ихъ смерти то они были бы печальны, но что они рады умереть отъ руки столь великаго царя, побѣдителя всѣхъ народовъ» [1]).—Александръ, тронутый такимъ благородствомъ духа своихъ враговъ, простилъ ихъ и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ въ нихъ преданнѣйшихъ воиновъ для своего войска.

Не то говоритъ о нихъ Страбонъ. По его словамъ, Согдіанцы, равно какъ и Бактріанцы, «мало чѣмъ отличались отъ номадовъ по образу жизни и по нравамъ; Онексиритъ разсказываетъ о нихъ много далеко непохвальнаго; лица, сдѣлавшіяся негодными по старости или по причинѣ болѣзни, выбрасываются у нихъ живыми на съѣденіе собакамъ, нарочно для этой цѣли содержимымъ; на туземномъ языкѣ собаки эти называются погребателями» [2]).

Послѣ распаденія монархіи Александра Македонскаго Согдіана играла не послѣднюю роль въ ряду восточныхъ государствъ, образованныхъ греческими военачальниками. Иногда она составляла часть обширнаго Греко-Бактрійскаго государства [3]), а иногда была и самостоятельна [4]).

---

numerous; the latter resemble those in the vicinity of Hariana». Journey to Kaboul and Bokhara vol. II p. 430. Нечего и говорить, что увѣреніе Муркрофта о пребываніи львовъ въ долинѣ Аму въ настоящее время довольно странно.

[1]) Qu. Curtius. lib. VII cap. X.

[2]) Страбонъ, Географія, кн. XI гл. 11, § 3.

[3]) Тамъ же кн. 11, гл. 11. § 2.

[4]) Григорьевъ. Греко-Бактрійское царство (Изъ лекцій по кафедрѣ Исторіи Востока).

Въ первыхъ вѣкахъ нашей эры сюда проникло ученіе Христа. Въ началѣ 6-го вѣка Самаркандъ служилъ мѣстопребываніемъ мѣстному епископу или даже митрополиту [1]).

Въ это время Согдіана съ столицею Самаркандомъ составляла отдѣльное, независимое государство. Она служила для окружающихъ ее владѣній и народовъ примѣромъ подражанія, какъ бы идеаломъ совершенства. Вотъ что мы читаемъ объ этомъ государствѣ у великаго китайца, Сюань-Цапя, путешествовавшаго по центральной Азіи въ первой половинѣ 7-го столѣтія:

«Государство Sa-mo-kien (Самаркандъ) имѣетъ въ окружности отъ 1,600 до 1,700 ли.

«Оно удлинено съ востока на западъ, между тѣмъ какъ по направленію съ юга на сѣверъ сжато.

«Столица имѣетъ около 20 ли въ окружности. Государство это защищено (отъ непріятельскаго вторженія) естественными препятствіями и обладаетъ значительнымъ народонаселеніемъ. Въ немъ сосредоточена очень богатая торговля съ сосѣдними странами. Почва жирна и плодородна и даетъ обильныя жатвы. Лѣса представляютъ роскошную растительность. Цвѣтовъ и плодовъ великое изобиліе. Страна производитъ большое количество великолѣпныхъ коней. Ея жители отличаются отъ сосѣдей большею ловкостью въ искусствахъ и ремеслахъ. Климатъ пріятный и умѣренный; нравы жителей отличаются энергіей и смѣлостью. Сосѣдніе и даже отдаленные народы подражаютъ имъ въ томъ, что касается морали и благонравія. Царь исполненъ мужества и сосѣдніе народы повинуются его повелѣніямъ. Онъ имѣетъ сильную армію и многочисленную кавалерію. Солдаты очень храбры и встрѣчаютъ смерть съ радостью. На полѣ битвы противъ нихъ никто не можетъ устоять» [2]).

Изъ приведеннаго отрывка, читатель не можетъ не замѣтить, что моральный обликъ Согдіанцевъ, или въ данное время уже самаркандцевъ, остался тотъ же, что и во времена Александра Македонскаго,

---

[1]) Jule's Geography of the valley of the Oxus (Wood's Journey to the source of the Oxus) pag. XXVIII.

[2]) Stanislas Julien, Mémoires sur les contrées occidentales par Hiouen Thsang, vol I p. 18.

если принять во вниманіе свидѣтельство Квинта Курція. Сюань-Цань особенно настойчиво указываетъ на смѣлость и храбрость, какъ преобладающія черты характера жителей Самарканда. Изъ показаній болѣе позднихъ путешественниковъ мы увидимъ, что эти качества еще въ продолженіи долгаго времени не оставляли жителей роскошной долины Зеравшана.

Въ началѣ 8-го столѣтія арабы вторгнулись въ цвѣтущую долину Зеравшана и вскорѣ вся Трансоксіана подпала подъ власть Калифа. Самаркандъ не избѣжалъ общей участи, хотя занятіе его и не дешево обошлось завоевателямъ. Онъ былъ разграбленъ мусульманами въ 708 г. Христіанство, сильно развившееся было къ этому времени въ Трансоксіанѣ, конечно, съ пришествіемъ магометанъ подверглось сильному гоненію. Несмотря, однако, на всѣ средства насилія, какія пускали въ ходъ фанатическіе послѣдователи Магомета, христіанство стойко держалось здѣсь еще въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Этому, кажется, до нѣкоторой степени способствовало разумное, исполненное вѣротерпимости, правленіе Саманидовъ. Время ихъ было временемъ наивысшаго процвѣтанія Самарканда. Изящныя постройки украшали городъ; роскошь и богатство царили на его обширныхъ базарахъ. Мусульманскіе географы и путешественники 10, 11 и 12 столѣтій согласнымъ хоромъ поютъ хвалебный гимнъ въ честь гор. Самарканда. Такъ напр., у одного изъ старѣйшихъ арабскихъ географовъ, Ибнъ-Хаукала, мы находимъ слѣдующее описаніе города и страны.

«Самаркандъ—столица Согда; онъ расположенъ на сѣверномъ берегу рѣки Согда. Городъ имѣетъ цитадель, предмѣстья и укрѣпленія съ 4 воротами: восточныя называются *китайскими*; западныя—ворота *Нубехаръ* или ворота источника; сѣверныя — ворота *Бухарскія*; а южныя—*Шахрисябскія*» [1]).

Авторъ очень хвалитъ постройки Самарканда, дворцы, сады, загородныя дачи.

«Самаркандъ», говоритъ онъ далѣе,—«великое перепутье по направленію въ Мавераннияхръ. Мѣстопребываніе правителя страны

---

[1]) Oriental geography p. 252.

было прежде въ этомъ городѣ, покуда Измаилъ-Бинъ-Ахмедъ не перенесъ его въ Бухару» [1]).

Отдавши должную дань вниманія производительности страны, Ибнъ-Хаукалъ съ особенною любовію распространяется о жителяхъ Маверанняхра и, въ частности, Согда (т. е. Зеравшана). Вотъ какъ онъ рисуетъ моральный обликъ современнаго ему самаркандца.

«Благородство и щедрость такъ свойственны жителямъ, что нѣтъ ни одного человѣка, который бы не исполнялъ обычаевъ гостепріимства. Если посторонній человѣкъ будетъ разсматривать ихъ съ этой стороны, то онъ можетъ подумать, что всѣ семейства страны составляютъ одну общую семью, одинъ домъ. Когда приходитъ къ нимъ путешественникъ, то каждый изъ жителей старается пригласить его къ себѣ; чтобы имѣть возможность предложить любезныя услуги страннику—что составляетъ лучшее доказательство ихъ благородства—всякій житель, какъ бы ни былъ онъ бѣденъ, непремѣнно отдѣляетъ часть своего помѣщенія для пріема подобнаго гостя. По прибытіи странника, они вступаютъ въ споръ о томъ, кому изъ нихъ должна выпасть честь оказать услуги чужестранцу и ввести его въ свой домъ. Такимъ образомъ они расходуютъ свои доходы на дѣла гостепріимства. Однажды мнѣ случилось быть въ Согдѣ, и я тамъ увидалъ большое зданіе, настоящій дворецъ, двери котораго были настежь отворены и прибиты къ стѣнамъ гвоздями. Я спросилъ о причинѣ подобнаго явленія и мнѣ отвѣтили, что прошло уже болѣе ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ двери были открыты и до сихъ поръ они остаются открытыми день и ночь: странники могутъ приходить въ домъ во всякое время въ какомъ угодно числѣ—и хозяинъ этого дома снабдитъ ихъ всѣмъ нужнымъ, какъ людей, такъ и ихъ животныхъ; и онъ кажется очень довольнымъ и веселымъ, если гости проживутъ у него нѣкоторое время. Нигдѣ въ другихъ странахъ я не видалъ ничего подобнаго. Напротивъ, владѣтели и богатые люди другихъ странъ тратятъ свои богатства на личныхъ своихъ любимцевъ, или на удовлетвореніе грубыхъ чувственныхъ потребностей» [2]).

Въ половинѣ 12-го стол. Самаркандъ былъ все такимъ же бле-

---

[1]) Тамъ же, стр. 251.

[2]) Тамъ же, стр. 234—5.

стящимъ городомъ, какъ и во времена Ибнъ-Хаукала, хотя перенесеніе столицы въ Бухару и не могло не отразиться на немъ довольно неблагопріятно. Эдризи, арабскій географъ даннаго времени, такъ описываетъ этотъ городъ.

«Самаркандъ—великій и прекрасный городъ, расположенный къ югу отъ рѣки Согда; онъ представляетъ собой главный городъ провинціи Согдъ. Улицы и общественныя площади въ немъ очень широки, строенія очень высоки, равно какъ базары и бани. Городъ опоясанъ землянымъ валомъ и рвомъ. Цитадель очень крѣпка и красива. Въ городѣ масса домовъ и дворцовъ; мало домовъ, даже и не особенно хорошихъ, которые не были бы снабжены садами, виноградниками и фонтанами» [1]).

Эдризи говоритъ далѣе, что Самаркандъ въ его время, не смотря на столь блестящее состояніе, представлялъ только тѣнь того, чѣмъ онъ былъ прежде [2]).

Вскорѣ послѣ этого онъ былъ взятъ Чингисъ-ханомъ (въ 1221 г. по Р. Хр.).

Несмотря, однако, на страшное опустошеніе степныхъ варваровъ, которые, какъ говоритъ сложившаяся потомъ персидская поговорка, «пришли, разрушили, сожгли, умертвили, ограбили и ушли» [3]),— Самаркандъ скоро оправился отъ погрома настолько хорошо, что Марко Поло, бывшій здѣсь во второй половинѣ 13-го столѣтія, говоритъ о немъ слѣдующее:

«Самаркандъ—великолѣпный городъ, украшенный чудными садами... Онъ окруженъ равниной, производящей всевозможные плоды. Въ этомъ городѣ живутъ христіане и сарацины» [4]).

Послѣднее замѣчаніе очень важно. Значитъ, въ Самаркандѣ въ данное время христіанъ было такъ много, что нельзя было не обратить на нихъ вниманія. Марко Поло говоритъ о нихъ также какъ и о сарацинахъ (т. е. мусульманахъ).

---

[1]) Géographie d'Edrisi, trad. par Amedée Jaubert, vol II, 197—8.

[2]) Тамъ же, стр. 198.

[3]) «Амедендъ у кендендъ у сухдендъ у куштендъ у бурдендъ у рефтендъ». Вамбери, Трансоксанія, т. I стр. 144.

[4]) Марко Поло. Путешеств. по Татаріи. Спб. 1873 г. гл. XXXIX. стр. 48.

«125 лѣтъ тому назадъ», продолжаетъ Марко Поло, «въ Самаркандѣ была построена церковь, посвящен. св. Іоанну Крестителю. Правитель города, ханъ Цагатай, принялъ христіанскую вѣру» [1]).

Несмотря на такую, повидимому, успѣшную борьбу христіанства съ мусульманствомъ, несмотря на поддержку монгольскихъ князей, оно въ скоромъ времени было совсѣмъ искоренено въ Трансоксаніи.

Въ наступившую потомъ эпоху внутреннихъ раздоровъ и междоусобій, которые вели между собой Чингизиды, Самаркандъ запустѣвалъ и падалъ все болѣе и болѣе. Теперь онъ былъ замѣчателенъ только одними своими развалинами, напоминавшими о существовавшемъ когда-то его величіи, да развѣ еще расплодившейся массой мусульманскихъ святыхъ. Мусульманская схоластика и мусульманскій піэтизмъ въ это время еще впервые запустили наиболѣе прочно свои корни въ умственный и моральный міръ потомковъ древнихъ Согдовъ. Эти чужеядныя растенія потомъ такъ овладѣли привлекательнымъ деревомъ древне-иранской культуры, и такъ жадно высасывали его соки, что отъ него остался одинъ только остовъ.

Знаменитый тангерецъ, Ибнъ-Батута, посѣтившій Самаркандъ въ первой половинѣ 14-го столѣтія, приводитъ длинный списокъ мусульманскихъ святыхъ и святынь, которыми Самаркандъ уже успѣлъ прославиться по всей Средней Азіи. Прославляя магометанство, какъ и подобаетъ истинному сыну ислама, этотъ путешественникъ очень живо рисуетъ картину запустѣнія Самарканда. Я привожу здѣсь отрывокъ изъ его описанія.

«Когда я простился съ султаномъ Термаширпномъ (въ г. Бухарѣ), я направился въ гор. Самаркандъ, одинъ изъ самыхъ великихъ, прекрасныхъ и великолѣпныхъ городовъ въ мірѣ. Онъ построенъ на берегахъ рѣки валяльщиковъ и покрытъ сѣтью водяныхъ каналовъ, орошающихъ его сады. Жители города каждый день, послѣ молитвы, въ 4 ч. дня, собираются на берегъ рѣки для развлеченія и прогулки. Здѣсь устроены эстрады для сидѣнья и лавки, гдѣ продаютъ фрукты и другія пищевыя вещества. Здѣсь же, на берегу рѣки, прежде находились обширные дворцы и памятники, свидѣтельствующіе о высокой образованности жителей гор. Самарканда. Большая часть этихъ зда-

[1]) Тамъ же, стр. 48.

ній въ настоящее время представляетъ изъ себя однѣ развалины; значительная часть города также опустошена. Въ городѣ нѣтъ ни стѣнъ, ни воротъ. Сады расположены внутри (?) города. Жители Самарканда обладаютъ благороднымъ характеромъ и любовью къ иностранцамъ; по своимъ душевнымъ качествамъ они стоятъ гораздо выше жителей Бухары» [1]).

Нужно замѣтить, что Бухара въ это время уже носила титулъ «Бухара-и-Шерифъ»—священная Бухара.—Религіозное ханжество—все равно какая бы ни была религія—всегда идетъ рука объ руку съ обскурантизмомъ и приниженіемъ душевныхъ качествъ человѣка. Ибнъ-Батута хотя и былъ самъ ревностный мусульманинъ, но оказался настолько безпристрастнымъ, что не уклонился отъ невыгоднаго сравненія «столповъ мусульманства», жителей «священной Бухары» съ жителями Самарканда.

Вскорѣ Самаркандъ былъ выведенъ изъ того забытья, той спячки, въ которую погрузился было во время управленія краемъ Чингизидовъ. Хромой завоеватель Азіи, Тамерланъ, выбралъ его своею столицею. И снова улицы города наполнились шумомъ многолюднаго, дѣятельнаго населенія, базары и рынки снова завалены были товарами, привозившимися сюда со всѣхъ концовъ міра. Площади его украсились величественными зданіями, а среднеазіатское или, вѣрнѣе, обще-азіатское зодчество пріютилось въ роскошныхъ загородныхъ садахъ и виллахъ царственной фамиліи. Цѣною гибели городовъ чуть-ли не половины Азіи, цѣною цѣлыхъ потоковъ крови, проливаемой выходцемъ изъ «Зеленаго Города» (Шехръ-Себзъ) на пространствѣ отъ Яксарта до Ганга и отъ Памира до Босфора,—Самаркандъ богатѣлъ, ширился и сталъ едва-ли не величайшимъ городомъ тогдашней Азіи.

Клавихо, посолъ испанскаго короля, Генриха III, бывшій въ Самаркандѣ въ 1404 году, подробно описываетъ всѣ чудеса столицы потрясателя Азіи. На каждомъ шагу онъ долженъ былъ удивляться несмѣтнымъ богатствамъ, свезеннымъ въ Самаркандъ со всѣхъ концовъ Азіи.

---

[1]) Voyages d'Ibn Batoutah, traduits par Défrémery et d-r Sanguinetti, vol. III, pp. 51—52.

Время Тимура было временемъ возрожденія для Самарканда не только внѣшняго блеска и могущества, но и возрожденія духовныхъ потребностей народа. Цѣлая плеяда талантливыхъ поэтовъ воспѣла въ стихахъ и прозѣ дѣянія великаго монарха. За поэтами не замедлили явиться и ученые. Знаменитые труды державнаго астронома, Улугъ-Бега-Мирзы, еще и въ настоящее время не утратили своего значенія.—Да, время Тимуридовъ было для Самарканда блестящей эпохой, къ сожалѣнію очень краткой! Едва прошло столѣтіе со времени основанія могущественной монархіи, какъ дикіе варвары, предводимые смѣлымъ наѣздникомъ, ханомъ Шейбани, снова нахлынули съ сѣвера въ цвѣтущую долину Зеравшана. Великолѣпныя загородныя виллы, дворцы, величественныя мечети, медрессе подверглись разрушенію—и «мерзость запустѣнія» снова овладѣла городомъ и свила себѣ въ немъ прочное гнѣздо.

Тщетно старался защитить родной городъ благородный Баберъ-Мирза, послѣдняя отрасль великаго Тимура; тщетно напрягалъ онъ всѣ свои силы для отпора грубыхъ грозныхъ всадниковъ, «опиравшихся на деревянныя стремена»—изнѣженные роскошью жители вѣчнаго города не въ силахъ были справиться съ врагами...

Съ тѣхъ поръ Самаркандъ пошелъ crescendo подъ гору, къ упадку. Даже выдающійся Шейбанидъ, Абдулла-ханъ, не могъ удержать этого паденія. Надменные и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне невѣжественные правители Бухары послѣдующихъ двухъ столѣтій еще болѣе способствовали полнѣйшему упадку прежняго величія города. Онъ снизошелъ на степень второстепеннаго города Бухарскаго ханства и, кажется, даже забылъ о своемъ прежнемъ величіи. Онъ уснулъ было мертвымъ сномъ узкой религіозной обрядности.

Въ 1868 г. оковы этой смерти разбиты были русскими штыками—и городъ можетъ вспомнить, осуществить и еще болѣе развить свое прошедшее славное, идя рука объ руку съ законностью и свѣтомъ западной науки, которыя внесли съ собой русскіе.

Я считаю не лишнимъ привести здѣсь описаніе Зеравшанской долины, равно какъ и наиболѣе знаменитыхъ зданій и построекъ Тимуридовъ въ Самаркандѣ, та̀къ, какъ это изложено въ мемуарахъ султана Бабера [1]).

[1]) Mémoires de Baber, traduits par Pavet de Courteille. Paris. 1871 г.

«Мало мѣстъ въ мірѣ, которыя можно было бы сравнить съ Самаркандомъ»—такъ начинаетъ Баберъ описаніе этого города, «онъ находится въ поясѣ пятаго климата [1]), и основанъ Александромъ; турки и монголы называли его Симеркентъ... Я приказалъ измѣрить окружность стѣны города; длина ея оказалась 10,600 шаговъ [2])... Кругомъ города находятся прелестные луга [3]).

«Рѣка (Кёгикъ), при своей значительной величинѣ, едва удовлетворяетъ потребностямъ населенія долины въ водѣ для орошенія посѣвовъ. Лѣтомъ, въ продолженіи 3-хъ или 4-хъ мѣсяцевъ, вода въ рѣкѣ не доходитъ до г. Бухары. Виноградъ, дыни, яблоки, гранаты и, проще сказать, всѣ фрукты здѣсь превосходны и произрастаютъ въ огромномъ количествѣ, особенно хороши яблоки и «сагиби» (видъ винограда). Въ Самаркандѣ очень холодно [4]), хотя снѣга падаетъ здѣсь не столь много, какъ въ Кабулѣ.

«Въ предмѣстьяхъ Самарканда находится много построекъ и садовъ, устроенныхъ Тимуръ-Бегомъ и Улугъ-Бегъ-Мирзою. Первый построилъ слѣдующія:

1) Кёкъ-Серай — обширный кіоскъ, великолѣпный, очень высокій...

2) Мечеть изъ камня (вблизи Желѣзныхъ воротъ, въ цитадели города), сооруженіе которой произведено камнетесами, приведенными изъ Индостана. Надпись, находящаяся на лицевой сторонѣ зданія и содержащая цѣлый стихъ «и тогда Ибрагимъ воздвигъ основанія»— выложена (изъ камней) буквами такой величины, что ее можно читать на разстояніи одного или двухъ курyховъ [5]). Это—монументальное зданіе.

3) Въ саду «багъ-и-диль-куша» (садъ, восхищающій сердце)

---

[1]) Извѣстно, что арабскіе географы раздѣляли населенную часть на семь климатовъ, при чемъ 1 климатъ по ихъ мнѣнію начинался подъ 12° сѣв. широты, а послѣдній (7) подъ 50° широты.

[2]) Baber, l. cit, vol 1, стр. 96.

[3]) Тамъ же, стр. 103.

[4]) Это заявленіе знаменитаго султана очень странно. Вотъ средняя t° Самарканда за 10 лѣтній періодъ, со времени занятія края русскими: средняя t° года +15,4°C., зимы +3,3°, весны +16,4°, лѣта +27,5°, осени +14,1°. Самый холодный мѣсяцъ, февраль, имѣетъ среднюю t° +1,6° C.

[5]) Курухъ=4,000 шаговъ (почти 1 французская миля (lieu).

воздвигнутъ великолѣпный кіоскъ, въ которомъ находятся картины, изображающія походъ Тимура въ Индію. Отъ этого кіоска до бирюзовыхъ (?) воротъ насажена была аллея изъ двухъ рядовъ серебристыхъ тополей [1]).

«Между постройками, возведенными Улусъ-Бегъ-Мирзою и находящимися внутри городскихъ укрѣпленій, нужно упомянуть:

1) Медресе и монастырь. Куполъ послѣдняго зданія колоссаленъ; говорятъ, что онъ во всемъ мірѣ не имѣетъ себѣ соперника; 2) Вблизи медрессе и монастыря Улугъ-Бегъ построилъ великолѣпныя бани, называвшіяся «банями Мирзы». Бассейны выложены камнемъ всѣхъ сортовъ. Во всемъ Хоросанѣ и Самаркандѣ нѣтъ другихъ подобныхъ бань.

«Къ югу отъ медрессе тотъ же государь построилъ: 3) часовню, названную «Мееджиди-Мукатта» (узорчатая мечеть). Такое названіе зданіе получило отъ того, что его стѣны и своды были украшены рисунками въ китайскомъ вкусѣ, сдѣланными изъ артистически-подобранныхъ разноцвѣтныхъ кусковъ дерева.

«Слѣдующее замѣчательное сооруженіе Улугъ-Бега есть—4) обсерваторія, построенная у берега рѣки Кёхика, для астрономическихъ наблюденій. Именно, при помощи этой то обсерваторіи Улугъ-Бегъ и составилъ свои «гурганіанскія» таблицы, вошедшія въ употребленіе въ цѣломъ мірѣ».

Въ настоящее время отъ этихъ построекъ болѣе или менѣе сохранились только: мечеть Тимура, медрессе и монастырь Улугъ-Бега. Остальныя же постройки или представляютъ груды мусора и развалинъ, или же совершенно исчезли съ лица земли.

---

[1]) Baber., l. cit. vol. 1, 98—99.

ГЛАВА II.

Отъ Самарканда до Аму-Дарьи.

Выѣздъ изъ Самарканда.—Путь черезъ Каратюбинскій перевалъ.—Опять Алій.—Шахрисябзь.—Встрѣча съ эмиромъ бухарскимъ.—Онъ дѣлается моимъ паціентомъ.—Изъ исторіи Шахрисябзя.—Продолженіе пути.—Моя переписка съ полк. Матвѣевымъ, возвращавшимся изъ Бадахшана.—Сочиненіе письма къ Лойнабу Чааръ-вилайета.—Переправа черезъ Аму и прибытіе въ Мазари-Шерифъ.

Дня за два до моего отъѣзда изъ Самарканда, мѣстная русская администрація послала письма беку гор. Шаара, черезъ который пролегалъ мой путь, и Лойнабу Хошь-Диль-хану. Эти письма увѣдомляли обоихъ туземныхъ начальниковъ, какъ шаарскаго бека, такъ и правителя авганскаго Туркестана, о моемъ проѣздѣ черезъ ихъ владѣнія въ Кабулъ.

Въ 5 часовъ дня, 27-го ноября, сумерки уже замѣтно спускались на землю, а бѣлесоватый туманъ постепенно завладѣвалъ низменными частями долины Зеравшана—когда длинный рядъ вьючныхъ лошадей моего походнаго обоза медленно потянулся по Абрамовскому бульвару. Скоро назади у насъ остались цитадель и русскій городъ, направо—зданіе и тѣнистый садъ Самаркандскаго Отдѣла, а налѣво—синій куполъ гробницы Тимура. На протяженіи 5—6 верстъ намъ пришлось ѣхать извилистыми, иногда очень узкими, улицами туземнаго города. Нѣсколько разъ вьюки падали, лошади упрямились, брыкались въ сторону, пугаясь почему-то первой встрѣчной арбы; вообще на пер-

выхъ порахъ пришлось порядочно повозиться съ вьючными животными.

Когда, послѣ безконечнаго числа остановокъ и перевьючиваній, мы выѣхали за черту города, то полнолицая луна уже значительно поднялась надъ горизонтомъ, освѣщая широкую и гладкую степь своимъ сильнымъ, желтоватымъ свѣтомъ. Свѣжій вѣтерокъ, тянувшій съ покрытыхъ снѣгомъ твердынь Самаркандскаго хребта, ограничивавшаго южный горизонтъ степи, придалъ значительную долю бодрости и людямъ и животнымъ. Мало по малу, съ каждымъ шагомъ впередъ, все яснѣе и яснѣе стали выдвигаться изъ голубой дымки, стѣной возвышающіяся прямо передъ нами, горы. Ярко сверкали, при лунномъ свѣтѣ, ихъ бѣлыя, покрытыя снѣгомъ, вершины.

Черезъ нѣсколько времени вѣтеръ усилился. Стало холодно. Казаки, поѣхавшіе было въ однѣхъ армячинныхъ, гимнастическихъ рубашкахъ, вскорѣ должны были облечься въ свои неизмѣнныя сѣрыя шинели. Желѣзныя стремена [1]) дали себя почувствовать всадникамъ—первыя; а потомъ холодная струя вѣтра полѣзла по широкимъ рукавамъ пальто, сквозь воротъ не плотно застегивающагося сюртука, а еще позднѣе вѣтеръ началъ непріятно щекотать и колѣна, не смотря на защищавшія ихъ чембары (кожанныя брюки, вошедшія въ обычное употребленіе въ туркестанскихъ войскахъ).

Ночлегъ былъ назначенъ мною въ дер. Кара-Тюбе [2]), находящейся верстахъ въ 30 отъ Самарканда. Не доѣзжая до станціи верстъ 10, я послалъ впередъ одного джигита, чтобы онъ приготовилъ для насъ помѣщеніе, чай, ужинъ и вообще все, что слѣдуетъ. — Во все время перехода дорога шла по открытой, степной мѣстности. Наконецъ она повернула въ ущелье, и вдали замелкали огни Кара-Тюбе. Когда я въѣхалъ въ деревню—все уже было готово, и гостепріимный караванъ-сарай принялъ насъ въ свои мрачныя объятія, показавшіяся озябшимъ путникамъ очень привѣтливыми и уютными. Было около 10

---

[1]) Я имѣлъ въ запасѣ также пару стремянъ деревянныхъ, какія обыкновенно употребляются киргизами. Я запасъ ихъ на случай переѣзда черезъ снѣжные перевалы Гинду-Куша.

[2]) Высота деревни Кара-Тюбе надъ уровн. моря 2,920 ф. (по Шварцу). Астрономическое положеніе: восточн. долг. 38° 58′ 26″, сѣв. широта 40° 5′ 17″ (по Замочникову).

часовъ ночи, и вскорѣ мы всѣ уже спали мертвымъ сномъ усталости.

На слѣдующій день надо было сдѣлать довольно длинный, трудный переходъ отъ деревни Кара-Тюбе до дер. Койнаръ, всего около 30 верстъ. Это разстояніе какъ разъ равняется ширинѣ Самаркандскаго горнаго хребта, въ данномъ меридіанѣ. Дорога идетъ черезъ перевалъ Кара-тюбинскій или Тахта-Кара-ча.

Путь пролегаетъ сначала по длинному ущелью Катта-сай, по бокамъ котораго иногда тянутся миніатюрныя поля, засѣянныя озимымъ хлѣбомъ. Изрѣдка встрѣчаются прилѣпившіяся къ отвѣсной скалѣ ущелья, или повиснувшія на обрывистомъ утесѣ, горныя селенія туземцевъ. Груды сноповъ клевера, сложенныхъ на кровляхъ домовъ, сообщали селеніямъ очень привлекательный видъ домовитости. А внизу шумитъ и бурлитъ стремительный ручей, съ изумрудно-зеленой каймой растительности, еще не скованный ледяными оковами зимы.

Но вотъ дорога стала круче, каменистѣе. Вскорѣ стали встрѣчаться и льдистыя покатости горъ. Еще выше — скалы были уже одѣты снѣжнымъ покровомъ. Послѣдняя верста пути до вершины перевала была особенно трудна. Снѣгъ былъ довольно глубокъ, но это еще куда бы ни шло. Гораздо хуже была дорога въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разлившіеся и замершіе ручьи представляли сплошное, гладкое, скользкое, ледяное зеркало. Вьючныя животныя, постоянно скользя и спотыкаясь, тяжело и медленно, шагъ за шагомъ, выигрывали пространство. Еще хорошо было, что я догадался подковать лошадей на русскія подковы. Благодаря острымъ шипамъ этихъ подковъ нога животнаго пріобрѣтала больше цѣпкости и устойчивости, чѣмъ если бы она была подкована туземными, плоскими, безъ шиповъ подковами. Несмотря на это преимущество русской подковы передъ туземною, среднеазіатцы очень туго усвоиваютъ себѣ русскій способъ ковки. Напротивъ, русскіе обыкновенно потомъ усвоиваютъ себѣ туземный способъ ковки. Это, повидимому, странное явленіе объясняется слѣдующими причинами:

1) русская ковка возможна почти исключительно въ кузницахъ, вообще горячими подковами. А это обстоятельство неудобно для средне-азіатца, такъ какъ въ степяхъ и горахъ Средней Азіи очень рѣдко можно встрѣтить кузницы. Между тѣмъ ковка туземны-

ми, плоскими, обыкновенно очень тонкими, подковами возможна и холоднымъ способомъ, при всякой обстановкѣ, даже во время пути;

2) туземныя лошади, подкованныя русскими подковами, очень скоро разбиваютея на ноги, въ чемъ я самъ убѣдился въ дальнѣйшей дорожной практикѣ.

Какъ бы то ни было, но въ данномъ случаѣ русскія подковы сослужили мнѣ добрую службу.

Во все время подъема на перевалъ шла довольно сильная снѣжная пурга, и рѣдкія арчи, вздымавшіяся по обѣимъ сторонамъ дороги, были окутаны снѣгомъ, подъ тяжестью котораго ихъ гибкія вѣтви склонялись почти до самой земли.

Но вотъ и высшая точка перевала Тахта-Кара-ча [1]). Гранитныя скалы и плиты въ безпорядкѣ нагромождены здѣсь другъ на друга. Одинъ, совершенно отдѣльно стоящій, камень невольно обращаетъ на себя вниманіе путника. Онъ такъ и просится на легенду. И дѣйствительно, народное преданіе гласитъ, что камень этотъ былъ принесенъ изъ долины никѣмъ инымъ, какъ все тѣмъ же любимцемъ среднеазіатскихъ былинъ и сказаній — Аліемъ. Вотъ и отпечатки пальцевъ святаго калифа, врѣзавшіеся въ гранитъ! Набожный мусульманинъ никогда не пройдетъ мимо него, чтобы не сотворить молитву. Ему нужды нѣтъ, что легенда не вяжется съ мѣстной геологіей. Въ долинѣ гранитныхъ пластовъ нѣтъ; тамъ главнымъ образомъ сланцы и глина; между тѣмъ камень Алія есть точная копія съ камней, лежащихъ возлѣ него, на вершинѣ перевала, въ безчисленномъ множествѣ. Нѣтъ никакого дѣла этому набожному мусульманину и до того обстоятельства, что Алій никогда не былъ въ этой мѣстности, что въ его время еще ни одинъ піонеръ мусульманства не проникалъ въ эти горы и долины.

Въ сознаніи среднеазіатца еще не зародилась, или вѣрнѣе,—погасла (?) искра сомнѣнія,—тотъ, иногда очень дешевый, скептицизмъ, которымъ такъ богатъ современный намъ западный міръ—и онъ долго еще будетъ вѣрить, въ простотѣ душевной, что камень не-

---

[1]) Абсолютная высота перевала Тахта-Кара-ча 5,180 ф., по Шварцу. Полковникъ Матвѣевъ даетъ почти ту же цифру высоты для этого перевала, именно въ 5,200 ф.

сомнѣнно принесенъ святымъ героемъ изъ долины. Для него важенъ и нуженъ только поводъ—лишній разъ вспомнить о своемъ легендарномъ героѣ.

Я остановился на вершинѣ перевала на нѣсколько минутъ. Вьючныя животныя положительно нуждались въ отдыхѣ. Снѣжная мятель вдругъ прекратилась и солнце ярко освѣтило зубчатый гребень скалъ, покрытыхъ чистѣйшимъ снѣгомъ.

Отсюда открывается великолѣпный видъ на Шахрисябскую долину. Она представляется взорамъ наблюдателя какъ-бы заливомъ безбрежнаго океана Туранской низменности, ограниченнымъ съ сѣвера Самаркандскимъ горнымъ хребтомъ, а съ юго-востока крайними западными отрогами Хиссарскаго хребта. Восточный уголъ ея замыкается массивной горной группой Хазретъ-Султана, высоко вздымающей свои сѣдыя вершины надъ окружающимъ её моремъ холмовъ. Долина была вся залита солнечнымъ свѣтомъ. Вотъ передъ вами точно на ладони виднѣются города: Китабъ и Шааръ, а восточнѣе ихъ—Якка-багъ; всѣ они окружены широкимъ поясомъ темныхъ садовъ. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ въ сторону отъ вершины перевала есть такой пунктъ, съ котораго заразъ видны обѣ прекрасныя долины, Зеравшанская и Шахрисябская. Можете вообразить все величіе и грандіозность представившейся вашему взору картины!

Спустившись съ перевала, мы ѣхали по глубокому ущелью, по дну котораго несется игривый потокъ, преодолѣвая на своемъ пути случайныя запруды и плотины, образованныя мѣстами изъ глыбъ обвалившихся скалъ.

Вдругъ, на одномъ изъ холмовъ, принявшихъ здѣсь уже довольно мягкія очертанія, показалась конная фигура. Фигура эта отъѣхала нѣсколько шаговъ къ намъ на встрѣчу, пристально посмотрѣла, оглянулась по сторонамъ, точно нюхая воздухъ своимъ вздернутымъ носомъ, затѣмъ круто повернула коня и стрѣлой помчалась назадъ. Развѣвавшіяся полы халата всадника вскорѣ исчезли за выступомъ ближайшаго холма. Сначала я не могъ понять, чтобы значило это явленіе.—Вскорѣ, однако, когда впереди отъ насъ, на дорогѣ показалась кучка пестро-одѣтыхъ бухарцевъ, дѣло разъяснилось.

Завидѣвъ меня, кучка эта подняла своихъ лошадей галопомъ и быстро подскакала ко мнѣ. На скаку всадники соскочили съ лошадей

и одинъ изъ нихъ, повидимому наиболѣе почетное лицо, быстро подскочилъ къ моей лошади, выкрикивая привѣтствія и протягивая руки для пожатія моихъ рукъ. Это былъ сынъ Китабскаго бека, высланный, по приказанію эмира бухарскаго, спеціально для встрѣчи и для привѣтствія «доктора-тури».

О своемъ назначеніи онъ самъ же сейчасъ и сообщилъ мнѣ, прибавивъ, что въ близь лежащей деревнѣ Койнаръ уже все приготовлено для моего ночлега.

На слѣдующій день, я проѣхалъ всего 15 верстъ,—разстояніе, отдѣляющее дер. Койнаръ отъ г. Шаара. На этомъ пути приходится перейти въ бродъ довольно многоводную рѣчку Акъ-Дарью, одинъ изъ притоковъ Кашка-Дарьи. На сѣверномъ берегу рѣчки расположенъ довольно большой поселокъ, который носитъ довольно странное названіе «Урусъ-Кишлакъ»,—русская деревня. Такъ какъ въ этой деревнѣ въ настоящее время нѣтъ ни одного русскаго жителя, то и приходится предположить, что здѣсь въ прежнее время, можетъ быть, жили русскіе плѣнники. Это предположеніе подтверждается до нѣкоторой степени свидѣтельствомъ Ефремова [1]), попавшаго въ плѣнъ къ киргизамъ въ концѣ прошлаго столѣтія и также влачившаго, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, цѣпи бухарскаго рабства.

Какъ бы то ни было, но теперь вся бухарская знать у глиняныхъ стѣнъ этого самаго «Уруса-Кишлака» поджидала пріѣзда «уруса-доктора»—хакима-тури, выражаясь на среднеазіатскомъ жаргонѣ. Едва я подъѣхалъ къ этой группѣ разодѣтыхъ всадниковъ, сидѣвшихъ на горячихъ коняхъ, какъ разомъ нѣсколько ртовъ открылось для привѣтствія и нѣсколько паръ рукъ, потянулось съ сѣделъ ко мнѣ для рукопожатія. Въ знакъ особеннаго почета и уваженія, среднеазіатцы здороваются не одною рукою, а двумя. Иногда, схвативъ вашу руку, они прижимаютъ ее къ сердцу, а если дѣло идетъ о привѣтствіи лица владѣтельной фамиліи, то и ко лбу.

Я ѣхалъ окруженный съ одной стороны Шаади-бекомъ «Удайчи», а съ другой—Абдуль-Халиль-біемъ. Первый въ настоящее время представляетъ своею особой въ бухарскомъ ханствѣ тоже, что въ на-

---

[1]) Ефремовъ Филиппъ, «Странствованіе въ Киргизской степи, Бухаріи, Хивѣ, Персіи, Тибетѣ и Индіи». Изд. 3-е Казань 1811 г.

шемъ, до-петровскомъ, государствѣ было извѣстно подъ именемъ «очей и ушей государевыхъ». Здѣсь же ѣхали Дур-бин-бій, Яхши-бекъ и др. Все это лица наиболѣе приближенные къ эмиру.

У цитадели Китаба [1]) былъ выстроенъ гарнизонъ, съ оружіемъ въ рукахъ, съ развѣвающимися знаменами. Когда я подъѣхалъ къ ея воротамъ, то знамена склонились, барабаны забили дробь, и музыка заиграла. Въ отвѣтъ на такую честь, оказанную мнѣ бухарскими властями, я сошелъ съ коня и прошелъ воротами крѣпости пѣшкомъ. У самыхъ воротъ меня встрѣтилъ бекъ г. Китаба, Абдулъ-Гафаръ, инакъ. Это былъ худенькій старичекъ, лѣтъ подъ 60, съ дряхлымъ тѣломъ, но очень живыми, полными огня, глазами. Послѣ обычныхъ привѣтствій онъ повелъ меня въ свой пріемный покой.

Внутри крѣпости—которая, впрочемъ, напрасно носитъ такое громкое названіе, ибо стѣны ея обвалились и осыпались, а на уцѣлѣвшихъ мѣстахъ вала не видно ни одного орудія—среди гладко вымощеннаго двора, рядомъ съ большимъ водоемомъ, возвышалось довольно обширное зданіе. Въ немъ была всего одна комната, полъ которой покрытъ былъ только однимъ ковромъ во всю длину и ширину ея. Мебели—никакой; стѣны голы, но зато потолокъ, украшенный двумя миніатюрными куполами, блестѣлъ живописью въ среднеазіатскомъ вкусѣ.

За достарханомъ словоохотливый бекъ болѣе часу болталъ со мной о разныхъ вещахъ. Между прочимъ онъ разсказалъ, что эмиръ бухарскій уже довольно долго живетъ въ Шаарѣ, откуда, вѣроятно, не скоро выѣдетъ въ Бухару.

Это сообщеніе меня удивило. Обыкновенно эмиръ живетъ зимою въ г. Бухарѣ и только лѣтомъ наѣзжаетъ въ Шахрисябзъ. Что же побудило эмира измѣнить свои привычки такъ радикально? Можно было, конечно, предположить, что завязавшіяся частыя сношенія русскихъ властей съ авганскимъ правительствомъ заставили эмира такъ долго прожить въ «зеленомъ городѣ», гдѣ онъ могъ быть au courant событій и получать своевременно такъ интересовавшія его политическія новости. Къ этому нужно прибавить и то сообщеніе почтеннаго старика, что когда въ Шаарѣ было получено письмо отъ самарканд-

[1]) Высота Китаба надъ уровн. моря 1,800 ф., по Шварцу.

скихъ властей о моемъ проѣздѣ по бухарскимъ владѣніямъ, то эмиръ находился въ сосѣднемъ городѣ, Чиракчи. Получивши это извѣстіе, эмиръ переѣхалъ обратно въ Шааръ, и тотчасъ же распорядился относительно той пышной встрѣчи, которой я былъ удостоенъ и которой совсѣмъ не ожидалъ. Отправляясь изъ Самарканда, я намѣренъ былъ какъ можно быстрѣе и скромнѣе проѣхать по бухарскимъ владѣніямъ. Но теперь, очевидно, надо было оставить въ сторонѣ излишнюю скромность и простоту. Необходимо было сдѣлать визитъ повелителю Бухары.

Тщедушный китабскій бекъ усердно уговаривалъ меня остаться ночевать подъ его гостепріимнымъ кровомъ. Но до Шаара было всего 8 верстъ и я, послѣ небольшаго отдыха, снова отправился въ путь.

Дорога отъ Китаба до Шаара пролегаетъ сплошными садами, прерывающимися иногда только для того, чтобы дать мѣсто табачнымъ и хлопчатнымъ полямъ. Но этотъ садъ былъ теперь ужь не таковъ, какимъ я его видѣлъ въ августѣ этого же года, возвращаясь съ ген. Столѣтовымъ изъ Кабула. Тогда онъ зеленѣлъ подобно темному дремучему лѣсу; теперь же, лишенный своего лиственнаго, кружевнаго убора, онъ выглядѣлъ мрачнымъ, угрюмымъ. Легкій, пріятный шелестъ вѣтвей его смѣнился теперь непріятнымъ, глухимъ шумомъ, а при болѣе сильномъ дуновеніи вѣтра шумъ этотъ переходилъ въ рѣзкій скрипъ и свистъ, точно этотъ садъ-лѣсъ стоналъ, оплакивая прошедшее лѣто. Поля также оголились. Только одно солнце было неизмѣнно то же—ясное, улыбающееся, точно заботливая мать, привѣтливо смотрящее и нѣжно согрѣвающее какъ будто чѣмъ-то опечаленную землю. Розовые и золотистые тоны солнечнаго свѣта и теперь, какъ и въ августѣ, также ярко переливались на вершинахъ горныхъ громадъ и отражались отъ ихъ бѣлоснѣжной одежды...

Моя поѣздка имѣла видъ тріумфальнаго шествія. Въ хвостѣ моей кавалькады находилась масса всадниковъ, спорившихъ другъ съ другомъ красотой коней и пестротой одежды. По дорогѣ тамъ и сямъ стояли толпы туземцевъ, наслаждавшихся даровымъ зрѣлищемъ. Кучка казаковъ въ папахахъ, съ «берданками» черезъ плечо, особенно интересовала ихъ. Вѣдь это тѣ страшные «урусъ-казаки», которые еще такъ недавно были ихъ храбрыми, но въ то же время и великодушными врагами.

Во время пути опять пришлось намъ нѣсколько разъ переѣхать вбродъ черезъ развѣтвленія Кашка-Дарьи.

Но вотъ завидѣлась и крѣпость г. Шаара [1])—колыбель міроваго завоевателя, Тамерлана.

Я въѣзжаю въ ворота, миную нѣсколько кварталовъ; направо остается мечеть, нѣкогда вѣроятно блиставшая своимъ великолѣпіемъ, а теперь напоминающая о своемъ прежнемъ величіи лишь обваливающимися изразцами, да облѣзлымъ, большимъ, смѣло поднимающимся на значительную высоту куполомъ. На притолкахъ дверей, а также и вокругъ купола, на карнизѣ, уцѣлѣли обрывки арабской надписи.

Пришлось пройти крытымъ базаромъ—и вотъ я, наконецъ, въ своемъ помѣщеніи. Это тоже самое помѣщеніе, въ которомъ я останавливался съ ген. Столѣтовымъ въ августѣ мѣсяцѣ: таже веранда, тотъ же оросительный каналъ, тѣ же службы. Но и не все здѣсь было также и тоже. Тогда вездѣ были цвѣты, теперь ихъ нигдѣ не было. Бухарцы—плохіе цвѣтоводы; они разводятъ только однолѣтнія растенія, которыя въ данную пору года всѣ уже засохли.

30-го ноября, въ 10 часовъ дня, «удайчи» съ придворнымъ штатомъ уже ожидалъ меня у воротъ моего помѣщенія. Надо было отправиться на аудіэнцію къ властителю Бухары. Шествіе по городу до цитадели, въ которой помѣщался эмиръ, сопровождалось обычнымъ церемоніаломъ. Удайчи впереди показывалъ дорогу, а еще далѣе впереди ѣхали три всадника съ золочеными тростями въ рукахъ. На «ригистанѣ» (площади передъ воротами въ цитадель) находился большой почетный караулъ, отдавшій честь во время моего проѣзда.

Когда я проѣхалъ воротами цитадели, то первое, что мнѣ бросилось въ глаза—это остатки отъ знаменитаго нѣкогда дворца Тимура, «Акъ-сарая». О его былой грандіозной красотѣ можно было, до нѣкоторой степени, судить по двумъ полуразрушеннымъ башнямъ, высоко вздымающимъ еще и теперь свои обваливающіяся вершины.

Блестящая изразцовая облицовка этихъ башенъ во многихъ мѣстахъ обсыпалась; граціозныя колонны, которыми украшены боковые

---

[1]) Высота Шаара надъ уровн. моря 1,800 ф. Астрономич. опредѣл: сѣверная широта—39°3′9″, восточн. долг. 36°29′19″ (по Шварцу).

ихъ фасы, облѣзли, а изящная орнаментовка, исполненная въ строгомъ арабскомъ стилѣ, находится теперь въ очень жалкомъ состояніи. Отъ гигантскаго купола, вѣнчавшаго когда то портикъ, ничего не осталось [1]). Между обѣими башнями не сохранилось даже и признаковъ портала.

Теперь глиняная стѣнка соединяетъ два разрушающіеся колосса, а въ этой стѣнкѣ пробиты незатѣйливыя ворота.

У этихъ воротъ осталась вся свита и мой казачій конвой. За ворота, во дворъ зданія, вошелъ только я съ джигитомъ-переводчикомъ, да «удайчи». Дворъ былъ обширный, гладко вымощенный жженымъ кирпичемъ и, видимо, чисто содержался; онъ замыкался обширнымъ, но совершенно простымъ по архитектурѣ, зданіемъ. Къ этому-то зданію мы и направили свой путь.

Удайчи шелъ впереди и какъ-то неувѣренно, боязливо, оглядывался по сторонамъ, точно высматривая какую либо скрытую засаду. По мѣрѣ приближенія къ крыльцу зданія онъ все болѣе и болѣе робѣлъ, поминутно зачѣмъ то кланялся впередъ, а у самыхъ дверей онъ положительно трепеталъ. Вотъ онъ подалъ мнѣ знакъ остановиться, заглянулъ въ дверь и моментально, всѣмъ тѣломъ, откинулся назадъ. Тихимъ шепотомъ онъ пригласилъ меня пройти впередъ, въ дверь. Я вмѣстѣ съ переводчикомъ вошелъ въ комнату, а «удайчи» остался за дверью.

Посреди обширной комнаты, въ простомъ креслѣ сидѣлъ эмиръ бухарскій. При моемъ приближеніи онъ всталъ, но не сдѣлалъ ни шагу на встрѣчу. Подавъ руку, онъ жестомъ пригласилъ меня занять мое мѣсто на простенькомъ табуретѣ, поставленномъ не далеко отъ кресла эмира. Мой переводчикъ молча опустился на коверъ.

Оживленная бѣсѣда продолжалась между мною и эмиромъ почти въ продолженіи получаса времени. На этотъ разъ эмиръ удивилъ меня своею словоохотливостью. На мои вопросы о состояніи дорогъ въ бухарскихъ владѣніяхъ онъ далъ обстоятельный отвѣтъ. Онъ при-

---

[1]) Вотъ что говоритъ объ этомъ куполѣ Баберъ-Мирза въ своихъ мемуарахъ. «Говорятъ, что во всемъ мірѣ нѣтъ ни одного купола такой высоты. Предполагаютъ, что онъ превосходитъ высотой даже куполъ мечети Хозроя (находящейся къ югу отъ Багдада)» Baber l. cit. vol. I p. 106.

бавилъ также, что и въ Авганистанѣ, въ горахъ Гинду-Куша, дороги еще очень хороши и снѣгъ еще не выпалъ. Эти свѣдѣнія онъ, между прочимъ, получилъ отъ только что пришедшаго изъ Авганистана торговаго каравана. Я выразилъ опасеніе за дальнѣйшее продолженіе такой прекрасной погоды, какая тянулась уже мѣсяца два, но эмиръ успокоилъ мои опасенія, сказавъ, что по примѣтамъ ихъ старожиловъ погода обѣщаетъ быть еще въ теченіи долгаго времени такою же хорошею. Въ концѣ аудіенціи эмиръ пожаловался мнѣ на свою болѣзнь и просилъ у меня врачебнаго совѣта и помощи. Я, конечно, весьма охотно предложилъ ему свои услуги. Болѣзнь эмира оказалась гастрической лихорадкой и я, черезъ нѣсколько времени послѣ аудіенціи, послалъ ему нужныя врачебныя средства.

Послѣ аудіенціи я сдѣлалъ визитъ беку Шаарскому, Алимъ-Бегу, перваначи [1]). Это ловкій, плотный человѣкъ, среднихъ лѣтъ. Что меня удивило у него—такъ это угощеніе (достарханъ). Конечно, численностью и разнообразіемъ блюдъ и закусокъ теперь меня уже нельзя было удивить; я достаточно былъ знакомъ съ бухарскимъ гостепріимствомъ. Нѣтъ, меня удивило нѣчто другое, нѣчто такое, что пріятно пощекотало національное самолюбіе. Угощеніе было сервировано по русски. На столѣ, покрытомъ русскою скатертью, были разставлены столовые приборы—также почти исключительно русскаго издѣлія. Ножи и вилки чуть ли не «павловской» работы; фаянсъ и фарфоръ—русскихъ фабрикъ. Но еще болѣе было удивительно то, что присутствующіе на завтракѣ бухарскіе сановники весьма хорошо управлялись съ вилкой и ложкой. Интересно было смотрѣть на этихъ чистокровныхъ узбековъ, усердно работавшихъ ложками и вилками, между тѣмъ какъ, можетъ быть, полгода тому назадъ они не имѣли и понятія о другомъ способѣ ѣды, какъ цѣлой пятернею. Если я не ошибаюсь, то въ религіозномъ мусульманскомъ «Домостроѣ»—Шаріатѣ—правовѣрнымъ заповѣдано питаться не иначе, какъ рукою, т. е. 5-тью перстами.—И вотъ тѣ самые столпы благочестія, кото-

---

[1]) Перваначи—3-я степень чиновъ при дворѣ эмира бухарскаго. 1-й чинъ, канцлеръ, Кушъ-беги; второй—Диванъ-беги; 4-й Инакъ и т. д. Всѣхъ степеней чиновъ никакъ не меньше, чѣмъ у насъ. Независимо отъ чиновъ существуютъ штаты придворныхъ должностей.

рые и доставили Бухарѣ прозваніе «священной» и «благородной» въ смыслѣ чистоты соблюденія мусульманскихъ обрядовъ, эти столпы... страшно вымолвить!—насыщали себя по способу «каффировъ» (невѣрныхъ). Чѣмъ же можно объяснить такое необычайное явленіе? Да конечно только тѣмъ, что европейская цивилизація начинаетъ забираться и въ такіе укромные уголки Средней Азіи, какъ Шахрисябзъ. Лѣтнее пребываніе генералъ-губернатора Туркестанскаго края въ Самаркандѣ и помѣщеніе здѣсь главной квартиры туркестанской арміи тоже не могло не повліять въ данномъ направленіи на нашихъ добродушныхъ (теперь) сосѣдей. Извѣстно, что лѣтомъ 1878 г., въ Самаркандѣ прожило довольно долго большое бухарское посольство съ тюря-джаномъ, Акрэмъ-ханомъ, бекомъ гузарскимъ, во главѣ. Они нѣсколько разъ бывали на оффиціальныхъ обѣдахъ генералъ-губернатора и слѣдовательно могли кое-чему поучиться въ «столовой», такъ сказать, практикѣ. Наконецъ, въ этотъ годъ, бухарскія владѣнія были наводнены разными русскими экспедиціями, развѣдочными экскурсіями, посольствами и т. п.

Когда я вышелъ отъ перваначи, то у крыльца стоялъ красавецъ-конь, весь черный, какъ вороново крыло. Онъ былъ въ бирюзовой уздечкѣ, подъ парчевой попоною. Это былъ подарокъ эмира «хакиму-турѣ» (т. е. доктору).

Вечеромъ ко мнѣ пришло нѣсколько человѣкъ туземцевъ съ разными болѣзнями. Моя походная аптека, имѣвшая теперь значительно большіе размѣры, чѣмъ въ первую поѣздку, могла вполнѣ ихъ удовлетворить. Туземцы настолько уже привыкли ко мнѣ, что обращались даже съ венерическими болѣзнями.

На слѣдующій день, т. е. 1-го декабря, я отправился въ дальнѣйшій путь, несмотря на просьбы шаарскаго бека—погостить у нихъ нѣсколько дней. Но мнѣ надо было торопиться, надо было пользоваться прекрасной погодой. Было такъ тепло, что совсѣмъ не вѣрилось, чтобы на дворѣ былъ декабрь. Въ 1 часъ дня, въ тѣни, температура достигала + 15° С, въ 7 часовъ утра она ни разу еще не опустилась ниже + 4° С.

Я направилъ свой путь на Яръ-Тюбе, Кальта-Минаръ, Кара-Ховалъ и у «Желѣзныхъ воротъ» долженъ былъ выйти на ширабадскую дорогу. Но прежде чѣмъ я поведу читателя въ дальнѣйшій, и теперь

уже извѣстный, путь за собой, я скажу нѣсколько словъ о долинѣ «Зеленаго города», т. е. о Шахрисябзѣ.

Шахрисябзъ, въ древности Кешь, даетъ свое имя не только одному городу, но и всей долинѣ по верховьямъ рѣки Кашка-Дарьи. Съ сѣвера эта долина ограничивается не очень высокимъ, но весьма круто поставленнымъ, мощнымъ Самаркандскимъ хребтомъ. Юго-восточную окраину этой территоріи составляютъ послѣдніе, по направленію къ западу, отпрыски массивнаго Гиссарскаго хребта. Такимъ образомъ вслѣдствіе перекрещиванія осей поименованныхъ горныхъ хребтовъ образуется уголъ, приблизительно въ 40°, вершина котораго замыкается вѣчно снѣжнымъ пикомъ горной группы Хазретъ-Султана. Къ западу и отчасти юго-западу разсматриваемая нами территорія ничѣмъ не ограничена и переходитъ въ арало-каспійскую низменность. Но въ административномъ отношеніи Шахрисябзкій округъ ограничивается съ этихъ сторонъ Чиракчинскимъ бекствомъ на западѣ и Гузаркимъ—на юго-западѣ. Такимъ образомъ получается площадь приблизительно въ 1.400 квадр. верстъ. Почти посреди этой площади протекаетъ довольно многоводная рѣка Кашка-Дарья, имѣющая свои главные истоки въ горной группѣ Хазретъ-Султана.

На этой площади расположены три города: Китабъ, Шааръ и Якка-багъ. Кромѣ того, множество деревень разбросано по долинѣ тамъ и сямъ. Населеніе округа простирается до 30—35 тысячъ семействъ. Такимъ образомъ видно, что мѣстность заселена довольно густо.

Преобладающей, по числу, народностью являются здѣсь узбеки, преимущественно рода Кеннегесъ. Извѣстно, что прежде, и притомъ еще въ не очень давнее время, родъ этотъ представлялъ подъ-отдѣленіе царствующаго теперь въ Бухарѣ рода Мангитъ. Политическія обстоятельства конца прошлаго столѣтія и первой половины настоящаго—сложились такимъ образомъ, что родъ Кеннегесъ совсѣмъ отдѣлился отъ рода Мангитъ и теперь находится съ нимъ въ непримиримой враждѣ.—Родъ Кеннегесъ раздѣляется на 5 колѣнъ: Кайрасалы, Тараклы, Ачамайлы, Чехутъ и Абахлы. Всѣ пять колѣнъ живутъ смѣшанно, въ городахъ и деревняхъ, и отчасти ведутъ еще ко-

чевой образъ жизни. Тѣмъ не менѣе можно сказать, что въ южной части живутъ главнымъ образомъ абахлынцы; въ западной части преобладаютъ чехуты, а въ сѣверной—тараклы. Главное ихъ занятіе—земледѣліе, не исключая даже и кочующихъ (число которыхъ простирается не свыше 3.000 семействъ). Эти, послѣдніе, запахиваютъ небольшіе клочки земли, причемъ искусственнаго орошенія полей они не производятъ. Такое земледѣліе развито до нѣкоторой степени въ южныхъ частяхъ бекства.

Предметами земледѣльческой обработки здѣсь служатъ пшеница—очень высокаго качества; рисъ, славящійся во всемъ Туркестанѣ; ячмень, просо, джугара (сорго), кунжутъ, конопля, табакъ, хлопчатникъ и клеверъ (люцерна). Хлопокъ здѣсь не такъ хорошъ, какъ въ Бухарѣ, но табакъ считается лучшимъ въ Туркестанѣ и если какой можно сравнить съ нимъ, то развѣ только каршинскій.

Узбеки охотно занимаются также огородничествомъ и садоводствомъ. Въ огородахъ сѣются арбузы, дыни, тыквы, морковь, лукъ и проч. Дыни здѣшнія очень вкусны; но того же нельзя сказать объ арбузахъ. Въ садахъ разводятся какъ плодовыя, такъ и строевыя деревья; изъ плодовыхъ слѣдующія: персики, абрикосы, груши, гранаты, миндаль, грецкіе орѣхи, виноградъ, вишни, сливы и мн. другія. Здѣшній виноградъ особенно хорошъ. Здѣсь насчитываютъ до 15 сортовъ винограда. Я видѣлъ одинъ замѣчательно крупный сортъ. Какъ строевой лѣсъ въ садахъ разводятся: карагачъ, тополь, ива, джида. Въ окрестныхъ горахъ растетъ арча (древовидный кипарисъ), фисташки и др.

Урожай, какъ хлѣбовъ, такъ и плодовъ, здѣсь очень значителенъ. Пшеница родится сама 15, рисъ самъ 25—30, джугара самъ 50—100, просо самъ 200. Здѣсь собирается большое количество винограда, но онъ употребляется только per se, по причинѣ отсутствія винодѣлія. Но зато свѣжій виноградъ можно достать здѣсь въ продолженіи круглаго года. Шелководство здѣсь хотя и существуетъ, но въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Вообще, это бекство представляетъ собою по преимуществу земледѣльческую мѣстность.

Кромѣ узбековъ въ области живутъ и другія народности. Прежде всего нужно сказать, конечно, о коренныхъ жителяхъ страны, таджикахъ. Число ихъ гораздо менѣе числа узбековъ. Таджики сосредото-

чены почти исключительно въ городахъ и наиболѣе значительныхъ селеніяхъ. Земледѣліе имъ также чуждо, какъ узбекамъ торговля. Таджикъ всегда торгуетъ, покупаетъ, продаетъ—вообще маклачитъ. Даже садоводство—и то находится въ пренебреженіи у таджика.

Евреевъ въ бекствѣ очень мало. Они соперничаютъ съ таджиками не только въ торговлѣ, но и въ ремеслахъ.—Здѣсь же находится небольшое число иранцевъ — печальное напоминаніе еще такъ недавно бывшаго здѣсь во всей своей силѣ рабства. Они или земледѣльцы, или ремесленники. Очень рѣдко встрѣчающіеся арабы служатъ уцѣлѣвшими представителями великой мусульманской рати, двинувшейся въ Туркестанъ въ 8 столѣтіи нашей эры. На базарахъ гор. Шаара изрѣдка можно встрѣтить типическія лица индѣйцевъ, съ краснымъ значкомъ на лбу; они всѣ непремѣнно мѣняла. Затѣмъ нужно еще упомянуть о киргизахъ, жалкихъ остаткахъ когда-то великой «Урта-юзъ» (Средней орды). Они кочуютъ въ южныхъ частяхъ округа.

Торговля Шахрисябза, какъ я уже замѣтилъ, находится главнымъ образомъ въ рукахъ таджиковъ и евреевъ. Она, какъ и слѣдовало ожидать, не очень развита. Вывозъ естественныхъ произведеній изъ области состоитъ главнымъ образомъ изъ хлѣба разныхъ сортовъ: риса, пшеницы, фруктовъ. Скотъ также составляетъ предметъ вывоза. Сюда ввозятся: чай, сахаръ, сукна, бухарскія и русскія матеріи, шелкъ, краски, мѣдь, сѣра. Торговля ведется съ Бухарой и Самаркандомъ; съ долиной Аму торговыя сношенія мало развиты.

Благородные металлы также доставляются изъ Бухары; но монета еще не такъ давно чеканилась въ Шахрисябзѣ своя. Теперь она все еще обращается въ торговлѣ подъ именемъ кокановъ и тиллей шаарскихъ, но, конечно, уже вновь здѣсь не выбивается.

Животное царство имѣетъ здѣсь тѣхъ же представителей, какъ и во всемъ остальномъ Туркестанѣ. Въ горахъ водятся медвѣди, волки, лисицы, куницы, кабаны и тигры.

Климатъ долины очень мягкій. Несмотря на то, что отъ Зеравшанской долины Шахрисябзъ отдѣляется всего разстояніемъ въ нѣсколько часовъ пути, тѣмъ не менѣе разница въ климатахъ обѣихъ долинъ довольно значительна. Безъ сомнѣнія это явленіе обусловливается тѣмъ, что съ сѣвера Шахрисябзъ закрытъ Самаркандскимъ хребтомъ, вслѣдствіе чего сѣверные, холодные вѣтры сюда совсѣмъ

не достигаютъ. Кромѣ того, долина эта нѣсколько ниже опущена, чѣмъ долина Зерабшана. Возьмемъ для сравненія нѣкоторые общіе пункты. Наприм. Самаркандъ находится на высотѣ 2.150 ф., между тѣмъ какъ Шааръ всего на высотѣ 1.800 ф., Катта-Курганъ—1.370ф., между тѣмъ какъ Карши—820 ф. Конечно разница въ высотахъ небольшая, но въ связи съ защищающимъ горнымъ барьеромъ, она играетъ немаловажную роль въ общемъ характерѣ климата. Въ Шахрислбзѣ зимы почти совсѣмъ не бываетъ. Періодъ дождей—январь и февраль. Въ февралѣ уже цвѣтутъ плодовыя деревья. Въ это время сады Шахризябся покрываются такой великолѣпной листвой, а крыши домовъ—такими разнообразными цвѣтами, что это-то обстоятельство и дало поводъ назвать городъ Шехри-себзъ, т. е. зеленѣющій, цвѣтущій городъ [1]). Въ продолженіи лѣта здѣсь собирается двѣ жатвы; клеверъ косится 5—6 разъ.

Несмотря на свой небольшой объемъ, шахрисябскій оазисъ имѣетъ свою собственную исторію и притомъ—исторію иногда блестящую, имѣвшую очень большое вліяніе едва-ли не на весь мусульманскій міръ.

Преданіе приписываетъ основаніе гор. Шахрисябзя персидскому царю Дарію Гистаспу [2]). Есть данныя, что Александръ Македонскій проходилъ Шахрисябземъ.

Первыя по времени, извѣстныя въ настоящее время, наиболѣе точныя географическія свѣдѣнія объ этой странѣ сообщаетъ намъ все тотъ же китаецъ Сюань-Цань, къ которому мы и прежде уже неоднократно обращались за историческими показаніями. Онъ проходилъ этою мѣстностью, направляясь изъ Самарканда къ «Желѣзнымъ воротамъ». «Kie-choang-na», (Кешь), какъ онъ называетъ Шахрисябзъ, походилъ во всемъ па сосѣднее съ нимъ государство Sa-mo-kien (Самаркандъ) [3]).

---

[1]) Вотъ что мы читаемъ о Шахрисябзѣ у Бабера: «...Au printemps la campagne, la ville, tous les toits se parent de couleurs verdoyants, ce qui a fait donner à Kesh le surnom de Chehr-i-Sebz (la ville verte). Mémoires de Baber vol I. p. 106.

[2]) Mirkhond, «History of the early kings of Percia», transl. by Shea, стр. 333.

[3]) Mémoires sur ler contrées occidentales, vol. I, p. 22.

Въ концѣ 7-го столѣтія нашей эры Шахрисябзъ былъ завоеванъ арабами. Онъ сдѣлался вскорѣ надежнымъ оплотомъ мусульманства. Но черезъ 100, приблизительно, лѣтъ онъ далъ убѣжище въ своихъ стѣнахъ знаменитому среднеазіатскому лжепророку Моканнѣ. Гашимъ бинъ Гекимъ, какъ онъ назывался до того времени, пока не сдѣлался пророкомъ, объявилъ мусульманству войну не на животъ—на смерть. Въ короткое время число его прозелитовъ значительно возрасло. Вездѣ читалось разосланное имъ окружное посланіе о его высшемъ призваніи. «Во имя милосерднаго и всемилостиваго Бога», писалъ новообъявленный пророкъ, «я, Гашимъ, сынъ Гекима, владыка всѣхъ владыкъ. Да прославится Богъ единый, который открывалъ себя прежде въ Адамѣ, Ноѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, Христѣ, Магомедѣ, Эбу Муслимѣ. Теперь я, Моканна—владыка власти, блеска и истины. Собирайтесь вокругъ меня и знайте, что всемірное господство, слава и всемогущество—мои. Кромѣ меня, нѣтъ другаго Бога. Кто идетъ со мной, тотъ придетъ въ рай; кто бѣжитъ меня, тотъ падетъ въ адъ» [1]).

Бухара, Самаркандъ, Нахшебъ (Карши) вскорѣ насчитывали въ себѣ десятки тысячъ приверженцевъ новообъявленнаго бога, сидѣвшаго въ крѣпкой крѣпости на горѣ Самъ, въ Шахрисябзѣ. Багдадскіе калифы увидали, что распространеніе новой секты грозитъ совсѣмъ вытѣснить изъ Средней Азіи только что насажденное огнемъ и мечемъ мусульманство. Поэтому хорасанскій намѣстникъ калифа, дѣятельный Му'ацъ-бинъ Муслимъ, принялъ рѣшительныя мѣры для подавленія религіознаго мятежа. Разбивъ въ открытыхъ сраженіяхъ сефидджамегіановъ (такъ назывались послѣдователи Моканны по причинѣ ношенія бѣлой одежды), вскорѣ онъ осадилъ и крѣпость Самъ. Въ то время когда послѣдователи новаго пророка проливали за него кровь, самъ онъ, затворившись въ своемъ дворцѣ, велъ болѣе чѣмъ соблазнительную жизнь. Въ его гаремѣ было до трехсотъ самыхъ красивыхъ женщинъ, несмотря на то что онъ былъ такъ безобразенъ, что принужденъ былъ постоянно носить на своемъ лицѣ покрывало (отчего и получилъ имя Моканна — скрытый подъ покрываломъ). Въ его дворцѣ не было совсѣмъ мужской прислуги. День и

---

[1]) Вамбери. Трансоксанія. Т. I стр. 47, русск. пер. 1873 г.

ночь онъ проводилъ въ чудовищныхъ оргіяхъ. Понятно, что такой образъ жизни новоявленнаго пророка не могъ не сдѣлаться общеизвѣстнымъ и не повліять на уменьшеніе его приверженцевъ. Въ одинъ изъ приступовъ Му'ацъ бинъ Муслимъ овладѣлъ наружной стѣной крѣпости Самъ. Тогда Моканна вѣроятно усумнился въ своихъ божескихъ свойствахъ и покончилъ жизнь двойнымъ злодѣяніемъ. Передъ своимъ самоубійствомъ—самосожженіемъ [1])—онъ отравилъ всѣхъ своихъ женъ. Преданіе, впрочемъ, говоритъ, что одна жена избавилась отъ смерти, не выпивъ ядовитый напитокъ; она потомъ будто-бы и разсказала о послѣднихъ дняхъ жизни пророка.—Новая секта со смертью Моканны была такимъ образомъ искоренена.

Потомъ Кешь игралъ незначительную роль въ политической жизни Средней Азіи, вплоть до того времени, когда въ немъ родился Тамерланъ. Около этого времени въ Кешѣ обосновался джагатайскій родъ Берласъ. Изъ колѣна этого рода—именно Керекенъ—и произошелъ Тимуръ-Бегъ. Онъ явился на свѣтъ въ 1333 г. 5-го ша'бана, во вторникъ вечеромъ въ одномъ изъ предмѣстій Кеша [2]). Въ первое время славы и власти Тимура, Кешъ былъ его резиденціею. Въ это время этотъ городъ сдѣлался центромъ образованности мусульманскаго востока и получилъ названіе «кувветъ-уль-ильмъ в'эль эдебъ»—куполъ науки и морали. Объ архитектурныхъ памятникахъ этой эпохи я отчасти говорилъ уже выше. Потомъ, однако, когда Тимуръ завладѣлъ болѣе чѣмъ половиной Азіи—Кешъ уступилъ первенство Самарканду.

Затѣмъ слѣдуетъ перерывъ въ исторіи «Зеленаго города». До первой половины прошлаго столѣтія онъ не игралъ почти никакой роли. Споры его съ Бухарой обыкновенно рѣшались почти ничѣмъ. Только Рахимъ бій, Аталыкъ [3]), далъ почувствовать шахрисябцамъ свою власть болѣе или менѣе сильно. Шахрисябзъ, пользовавшійся до этого времени нѣкоторою самостоятельностью, былъ обращенъ теперь въ провинцію Бухарскаго ханства. Ссоры, дошедшія потомъ до междоусобныхъ войнъ, возникли между Бухарой и Кешемъ изъ за воды. Карпинскій оазисъ снабжается водой изъ той же рѣки Кашка-

---

[1]) Признакъ характеристичный для извѣстнаго рода умопомѣшательства.

[2]) Вамбери; 1. 182.

[3]) Аминовъ. Краткія историческія свѣдѣнія о Шахрисябзѣ, въ Ежегодн. Туркестанск. края, в. II.

Дарьи, которая орошаетъ и Шахрисябскую долину. Шахрисябцы могли, еслибы захотѣли, даже совсѣмъ лишить каршинскій оазисъ воды, пустивъ ее на свои поля; этимъ маневромъ они потомъ и пользовались для овладѣнія гор. Карши.

Послѣ смерти Рахимъ-бія, Шахрисябзъ снова поднялъ знамя возстанія. Однако онъ недолго пользовался самостоятельностію. Шахъ Мурадъ-бій, первый эмиръ бухарскаго ханства, опять подчинилъ своей власти непокорный городъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ правленіе Миръ-Гайдеръ-хана, правителемъ Шахрисябзя былъ назначенъ Даніаръ-Аталыкъ (собств. владѣтель). За услуги, оказанныя имъ бухарскому эмиру, онъ получилъ Шахрисябзъ какъ бы въ ленное владѣніе. Онъ даже принялъ титулъ «валлами», т. е. государя. Подати, которыя онъ долженъ былъ платить въ казну эмира бухарскаго, ограничивались только «милькомъ» [1]).

Въ правленіе Даніара-валлами Шахрисябзъ снова едва не сдѣлался выдающимся театромъ среднеазіатской мусульманской исторіи.

Одинъ дервишъ, покрытый лохмотьями, поселился въ томъ самомъ предмѣстьѣ, гдѣ родился великій Тимуръ Гуреганъ [2]). Подвиги благочестія и святой жизни, которую велъ этотъ дервишъ, вскорѣ собрали около него большую толпу учениковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ слава о немъ распространилась по всему Туркестану; къ нему приходили за благословеніемъ изъ Самарканда и даже изъ «священной» Бухары; ученики его считались тысячами. Миръ Гайдеръ, эмиръ бухарскій, скоро понялъ опасность, какая угрожала его государству въ лицѣ этого нищаго святоши, уже открыто провозглашавшаго въ то время, что онъ имѣетъ даръ божественнаго откровенія. Послѣ довольно нерѣшительнаго сраженія, которое произошло между толпою его приверженцевъ и отрядомъ бухарскихъ войскъ, высланныхъ противъ новообъявленнаго святаго,—этотъ послѣдній объявилъ, что онъ назначенъ божественнымъ промысломъ сдѣлаться всемірнымъ властелиномъ. Онъ осыпалъ щедрыми обѣщаніями своихъ приверженцевъ. Къ нему начали отовсюду стекаться вооруженные люди, нищіе, бродяги

---

[1]) Владѣтели на правахъ «милька» платятъ въ ханскую казну только подати за проведенную воду.

[2]) Это предмѣстье называется Мевлудъ-ханэ. Mir-Abdoul-Kerim, «Histroie de Al'sie Centrale» стр. 246.

и т. п. Онъ сдѣлался настоящимъ королемъ нищихъ. Но недолго продолжалось его нищенское царствованіе. Сильное войско, высланное противъ него эмиромъ Гайдеромъ, на голову разбило хотя и и многочисленную, но совершенно безпорядочную толпу его приверженцевъ. Самъ новообъявленный пророкъ бѣжалъ съ поля сраженія и, переодѣтый, долго блуждалъ съ одного мѣста на другое, пока не былъ проданъ однимъ изъ своихъ учениковъ бухарскому эмиру за сто тиллей (тилля—4 р. 80 к.). Неудавшійся пророкъ былъ повѣшенъ [1]).

Послѣ этого—до восшествія Насруллахъ-хана на тронъ эмировъ Трансоксаніи Шахрисябзъ пользовался спокойствіемъ и благоденствовалъ. Насруллахъ, вскорѣ по восшестіи, началъ войну противъ Шахрисябзя. Такъ какъ онъ не могъ овладѣть городомъ, защищаемымъ двумя рядами стѣнъ и 10 тыс. отличныхъ солдатъ, то принялъ другую тактику веденія войны.

Каждый годъ, лѣтомъ онъ высылалъ на поля Шахрисябзя свою конницу для истребленія хлѣбныхъ посѣвовъ. Эти опустошенія довели Шахрисябзъ до такой степени нужды и оскудѣнія и вызвали въ немъ такую доровизну жизненныхъ припасовъ, что за батманъ [2]) пшеницы платили 140 тенегъ (теньга—20 к.), а за 1 пудъ соли, платили 100 тенегъ. Отчаяніе и уныніе овладѣли жителями Шахрисябза. Сельское населеніе передалось эмиру, который въ 1856 г. и взялъ приступомъ крѣпость Китабъ. Вслѣдъ за нимъ сдался добровольно и Шааръ. Беками были назначены въ оба города Мангиты.

Со смертью Насруллаха (1860 г.) Шахрисябзъ снова отложился отъ Бухары. Это произошло вотъ по какому поводу. Новый эмиръ бухарскій Сеидъ-Мазафаръ-эд-Динъ-ханъ по вступленіи своемъ на престолъ назначилъ беками Шахрисябзя Закиръ-бека и Ашуръ-бека. Эти люди были величайшіе лихоимцы; они обложили народъ непосильными, и при томъ незаконными податями и налогами. Кратковременное управленіе этихъ бековъ было весьма тяжело для мѣстныхъ жителей. Своеволіе въ странѣ, истощенной предъидущими войнами, не знало границъ. Жители, просившіе бековъ о смягченіи по-

---

1) Mir-Abdoul-Kerim. Histoire de l'Asie Centrale p. 246—8.

2) Шахрисябскій батманъ вдвое больше бухарскаго; онъ равняется 16 пудамъ.

датей, были объявлены бунтовщиками. Вслѣдствіе этого въ странѣ началось волненіе. Вскорѣ беки были изгнаны, а новыми назначены были наиболѣе вліятельные народные старшины: въ Китабѣ—Джура-бекъ, серкеръ, глава колѣна Тараклы, а въ Шаарѣ—Хакимъ-бій, глава колѣна Ачамайлы. Эмиръ бухарскій не замедлилъ пойти на нихъ войной, но ничего не могъ сдѣлать и заключилъ миръ, предоставивъ Шахрисябзю полную свободу.

Въ 1866 году опять возникла война между Бухарой и Шахрисябземъ. Поводомъ къ войнѣ послужило на этотъ разъ принятіе беками мятежнаго племянника эмира, Сеидъ-Абдулла-Ахитъ-хана. Война окончилась опять ничѣмъ, такъ какъ эмиру нужно было бороться еще и съ возмутившимися ктай-кипчаками.

Когда русскіе заняли Самаркандъ, въ 1868 г., то шахрисябцы, какъ извѣстно, посредствомъ нечаяннаго нападенія хотѣли обратно взять этотъ городъ. Однако горсть нашихъ войскъ, занимавшихъ цитадель Самарканда, отразила всѣ приступы войнолюбивыхъ горцевъ.

Осенью этого же года въ Шахрисябзъ удалился возмутившійся старшій сынъ эмира, Катты-туря, Абдулъ-Меликъ-ханъ. Война между Бухарой и Шахрисябземъ снова возгорѣлась. Но она была очень несчастна для Бухары. Эмиръ очутился въ такомъ критическомъ положеніи, что рѣшился просить помощи у недавняго своего врага, Россіи. Русскіе никогда не чувствовали въ себѣ недостатка великодушія. Такъ и на этотъ разъ они пошли проливать свою кровь за совершенно чуждые намъ, бухарскіе, интересы. Шахрисябцы, овладѣвшіе подъ предводительствомъ Катты-тюря Якка-багомъ, Чиракчи, Джамомъ и даже Каршами,—съ наступленіемъ русскихъ должны были удалиться въ свой неприступный городъ.

Послѣ этого Шахрисябзъ переживалъ послѣдніе дни своей мятежной свободы. Онъ былъ въ долгу передъ Россіей за 1868 г., за осаду Самарканда. Надо было возвратить ему долгъ и обезпечить южную границу Туркестанскаго округа отъ постоянныхъ волненій, питательный центръ которыхъ постоянно находится въ Шахрисябзѣ.

Въ 1870 г. подъ начальствомъ генерала Абрамова сформированъ былъ отрядъ, назначенный для занятія «зеленаго города». Отрядъ едва достигалъ цифры 2 тысячъ человѣкъ; часть его пошла на об-

ходъ Самаркандскаго хребта, на Джамъ, а другая часть пошла черезъ Кара-тюбинскій перевалъ. Войска выступили изъ Самарканда 7-го августа, а 14-го весь Шахрисябскій оазисъ былъ уже занятъ нами. Китабъ былъ взятъ ночнымъ штурмомъ съ 13-го на 14-е августа. Дѣло было очень жаркое, что доказывается цифрою нашихъ потерь: убитыхъ было 34, раненыхъ 116. Только при взятіи крѣпости Ура-Тюбе цифра потерь въ нашихъ войскахъ была больше, чѣмъ здѣсь, именно: убитыхъ и раненыхъ было 227 [1]). Но цифра убитыхъ нашихъ солдатъ во время штурма Китаба—самая большая изъ всѣхъ сраженій, веденныхъ нами въ Средней Азіи.

15-го августа прибылъ изъ Чиракчи Тахтамышъ-бій съ 1,500 бухарской кавалеріи для принятія отъ насъ Шахрисябзя. «Зеленый городъ», омытый кровью великодушныхъ «урусовъ», возвращенъ былъ законному его владѣтелю, эмиру бухарскому.

1-го декабря я завтракалъ уже въ кишлакѣ Чимъ-Курганъ, въ 16 верстахъ отъ Шаара, а ночевалъ въ Яръ-Тюбе.

Дорога отъ г. Шаара до селенія Чимъ-Курганъ идетъ по сплошнымъ полямъ, конечно, въ данное время бывшимъ уже совершенно голыми. Въ этой мѣстности много засѣвается рису. Орошеніе такъ устроено, что вся мѣстность можетъ быть совершенно затоплена водой и сдѣлаться, вслѣдствіе этого, непроходимой. Вообще, Шааръ съ этой стороны, при такихъ условіяхъ, положительно не имѣетъ подступовъ ни для артиллеріи, ни для кавалеріи. По сторонамъ, среди черныхъ, оголенныхъ полей, виднѣлись селенія и небольшіе хутора. Они представлялись на видъ очень зажиточными. На крышахъ домовъ и хозяйственныхъ пристроекъ, возвышались кучи сложенныхъ сноповъ клевера и ячменя.

За селеніемъ Чимъ-Курганъ мѣстность становится болѣе открытою. Слегка волнистая степь, изрѣдка прорѣзываемая неглубокими балками, завладѣваетъ всѣмъ пространствомъ. Теперь стали встрѣчаться группы юртъ и юламеекъ. Кочевой элементъ населенія началъ заявлять о своемъ пребываніи здѣсь все болѣе и болѣе.

---

[1]) Костенко, «Туркестанскій Край», т. III, стр. 289, изд. 1880 г. Спб.

Я ѣхалъ въ сопровожденіи прикомандированнаго ко мнѣ шаарскимъ бекомъ караулъ-беги, съ неизмѣннымъ «мирза-баши» (туземный писецъ). Должно быть мой спутникъ былъ новичекъ въ этихъ мѣстахъ, потому что повелъ меня не по той дорогѣ, по которой нужно было ѣхать. Вскорѣ мы совсѣмъ сбились съ пути. Гладкая, ровная степь, покрытая здѣсь только волчцами (колючкой), была изборождена въ разныхъ направленіяхъ случайными тропами. Послѣ долгихъ поисковъ за дорогой, намъ наконецъ удалось найти одного киргиза, который добродушно вызвался указать ее и проводить насъ до ближайшаго селенія.

Между тѣмъ казаки отъ нечего дѣлать затянули одну изъ молодецкихъ пѣсень, сложенныхъ нашими туркестанскими богатырями по случаю разныхъ побѣдъ и походовъ.

Подъ вліяніемъ впечатлѣній послѣднихъ дней, а можетъ быть и вслѣдствіе того, что мѣстность напомнила казакамъ былые дни боевой ихъ славы—они запѣли пѣсню о послѣднемъ походѣ генер. Абрамова противъ Шахрисябзя. Пѣсня эта настолько характерна, что я считаю возможнымъ привести ее здѣсь дословно. Вотъ ея текстъ:

Въ Шахрисябзъ какъ мы ходили,
Перевалъ перевалили
Очень каменистъ;
А потомъ сошли въ долину
И съ другою половиной
Отряда сошлись.
День мы лагеремъ стояли,
А начальство разъѣзжало,
Крѣпость чтобъ смотрѣть.
Шахрисябцы обозлились
И стрѣлять по немъ пустились...
Надо вѣдь умѣть!
Въ ночь велѣли собираться,
Чтобы тихо отправляться—
Подъ стѣною встать.
Мы туры съ собой забрали,
Инструменту много взяли—
Батарею рыть.

Подошли хоть мы тихонько,
Да зазвякали легонько—
Стали въ насъ палить.
Мы же имъ не отвѣчали,
Свое дѣло продолжали,—
Ядра сверхъ летятъ.
А на утро батарея,
Также цѣлая траншея,
Ужь у насъ стоятъ.
Какъ орудья подъѣзжали,
Много ядеръ въ нихъ пускали,
Только безъ вреда.
Лишь орудія вкатили,
Да гранаты къ нимъ пустили,
Ужь у нихъ бѣда.
Началася перестрѣлка
Вышла гадкая продѣлка—
Много пуль летитъ.
Только вылѣзъ изъ траншеи,
Такъ тебѣ сейчасъ иль въ шею,
Иль въ плечо влетитъ;
Въ батарею такъ и сыпятъ,
Только номера увидятъ,
Глядь—ужь и упалъ.
Только видимъ подъѣзжаетъ,
На рысяхъ къ намъ подлетаетъ,
Самъ нашъ генералъ.
Крѣпость точно загорѣлась
Дымомъ, полымемъ одѣлась—
Стрѣлять задались.
Генералъ шелъ вдоль траншеи,
Поздоровался со всѣми,
Мы всѣ поднялись...
Вотъ пришло распоряженье,
Чтобы сдѣлали движенье
Къ крѣпости въ оврагъ;

Въ насъ картечью сталъ пускать,
Пули, ядра посылать
Шахрисябецъ—врагъ.
Началася тутъ потѣха;
Много горя было, смѣху,
Какъ всегда въ бою...
Шахрисябцы не сдержали,
Шибко, шибко побѣжали
Къ лѣвой сторонѣ.
А тамъ лѣвая колонна
Взобралась тогда по склону,
Стоитъ на стѣнѣ.
Въ три часа всего, не болѣ,
Непріятель былъ весь въ полѣ,
Погонялъ коней.
Мы-жь пришли до цитадели
Отдохнуть мы тамъ присѣли
У своихъ огней.
Такъ съ Китабомъ мы кончали,
И потомъ его сдавали
Во власть Бухары.
Сами жь тотчасъ снаряжались,
Въ Самаркандъ мы возвращались,
На свои дворы.
Жалко только—среди боя
Тамъ погибли два героя:
Козловскій—одинъ,
А другой былъ всѣми чтимый,
То полковничекъ любимый,
Самъ нашъ Соковнинъ [1]).

Уже совсѣмъ стемнѣло, а окрестная степь покрылась мглистою

[1]) Редакція пѣсни какъ въ статьѣ Д. Иванова.—Сборникъ «Русскій Туркестанъ», вып. 3, 1872 г.

одеждой вечерняго тумана—когда мы прибыли въ селеніе Яръ-Тюбе. Здѣсь ужъ все было готово для принятія дорогихъ гостей, «урусовъ». Пловъ дымился среди безчисленнаго количества подносовъ со всякими снѣдями—и добродушные хозяева усердно подчивали своихъ нежданныхъ гостей, недавнихъ враговъ. Sic tempora mutantur!

Яръ-Тюбе [1])—большое селеніе, въ которомъ живетъ смѣшанное населеніе. Прежде это былъ южный опорный пунктъ бухарскихъ эмировъ противъ Шахрисябзя. «Тепе», т. е. укрѣпленіе, въ настоящее время находится въ полуразрушенномъ видѣ. Когда-то высокія стѣны, теперь во многихъ мѣстахъ обвалившіяся, обнимаютъ пространство въ 400—500 кв. саж. Глубокій ровъ, окружавшій эти стѣны, теперь лишенъ воды и служитъ пріютомъ для разныхъ гадовъ и насѣкомыхъ: фалангъ, скорпіоновъ и проч. Прежде здѣсь былъ бекъ, теперь же, со времени покоренія Шахрисябзя, бекство упразднено. Селеніе, а также и окружающія его поля снабжаются водой изъ горной рѣчки Лангеръ-булакъ.

На слѣдующее утро (2-го декабря) я продолжалъ свой путь. Верстахъ въ 6—8 отъ селенія дорога входитъ въ широкое ущелье, скаты котораго по обѣимъ сторонамъ заняты пашнями. Въ началѣ Яръ-тюбинскаго ущелья отдѣляется тропинка на сѣверо-востокъ, въ гор. Якка-багъ.—Затѣмъ нашъ путь шелъ во все время перехода то по скалистымъ ущельямъ, то по вершинамъ невысокихъ горныхъ хребтовъ до самаго селенія Кальта-Минаръ [2]). Селеніе это расположено въ неглубокой и довольно широкой лощинѣ, на берегу рѣчки Катта-уру-Дарья. Здѣсь я сдѣлалъ привалъ и далъ небольшой отдыхъ верховымъ и вьючнымъ животнымъ. Ночевалъ я въ селеніи Кара-Ховалѣ [3]), сдѣлавъ такимъ образомъ дневной переходъ въ 60-тъ верстъ.

Едва я успѣлъ присѣсть къ небольшому костру, разведенному въ той комнатѣ, гдѣ я долженъ былъ ночевать, едва мои озябшіе члены начали ощущать пріятное сосѣдство веселаго пламени—какъ я долженъ былъ приняться за свои походныя письменныя принадлежности.

---

[1]) Высота Яръ-Тюбе надъ уровнемъ моря—1,510 ф., по Шварцу.

[2]) Высота селенія Кальта-Минаръ надъ уровнемъ моря—2,230 фут., по Шварцу.

[3]) Высота селенія Кара-Ховаль надъ уровнемъ моря—3,080 фут., по Шварцу.

Мѣстный сельскій старшина—«акъ-сакалъ»—сообщилъ мнѣ важное извѣстіе: «наканунѣ утромъ по гузарской дорогѣ проѣзжало нѣсколько человѣкъ русскихъ. Ночевали они въ Чешма-и-Хафизанѣ, деревенькѣ, отстоящей отъ Кара-Ховаля верстъ на 15 къ юго-западу. Затѣмъ они направились на Кушъ-Лупъ и намѣревались ночевать въ Гузарѣ».—Старшина прибавилъ къ этому, что, по слухамъ, это проѣзжалъ изъ Кабула русскій «эльчи», т. е. посолъ.

Понятно, что это извѣстіе меня очень заинтересовало. Кто бы могли быть эти русскіе? этотъ эльчи? Старшина сообщалъ мнѣ также, что въ числѣ русскихъ было четверо «турей», т. е. господъ, два переводчика, 10 человѣкъ казаковъ и много туземной прислуги. Скорѣе всего можно было предположить, что это было возвращавшееся изъ Кабула наше посольство. «Но, разсуждалъ я,—въ посольствѣ 5 «турей», а кромѣ того, оно не имѣло позволенія выѣхать изъ Кабула. Очевидно, это не посольство». Вотъ только слово «эльчи» меня очень смущало. Не будь сказано это слово, я съ большей увѣренностью могъ бы предположить, что это былъ никто иной, какъ полковн. Матвѣевъ, возвращавшійся изъ своей ученой экспедиціи въ Кулябъ и Бадахшанъ. Но и тутъ опять возникалъ вопросъ: какіе же это 4 «тури»? Вѣдь съ полковн. Матвѣевымъ было всего трое господъ: самъ полковникъ, астрономъ Шварцъ и прапорщ. Троцкій. Можно было бы конечно помириться съ числомъ, предположивъ, что полковн. Гродековъ, присоединился къ экспедиціи Матвѣева въ Мазари-Шерифѣ; но допустить это предположеніе я не могъ, такъ какъ еще 25 октября Гродековъ былъ уже въ Меймане, что я зналъ изъ послѣдняго его письма, еще будучи въ Ташкентѣ.—Наконецъ—полковн. Матвѣеву, по моему расчету, еще рано было возвращаться въ Ташкентъ. Выѣхавъ изъ Ташкента 21 сентября, онъ имѣлъ твердое намѣреніе проникнуть, во что бы то ни стало, въ Кафиристанъ, пройти черезъ Гинду-Кушъ и въ Кабулѣ соединиться съ нашей миссіей. А для исполненія такой программы требовалось гораздо большее время, чѣмъ то, которое прошло до сихъ поръ со времени отправленія его въ путь.

Очевидно было, что довольствоваться одними подобными размышленіями и соображеніями на моемъ мѣстѣ нельзя было. Поэтому я сдѣлалъ вызовъ джигитамъ селенія Кара-Ховаля—не пожелаетъ ли кто изъ нихъ отвезти мое письмо въ Гузаръ къ остановившимся тамъ

русскимъ людямъ и привезти отъ нихъ отвѣтъ. Одинъ киргизъ взялся доставить мнѣ отвѣтъ къ 11-ти часамъ слѣдующаго дня; между тѣмъ въ данное время было уже 8 час. вечера, а до Гузара отъ Кара-Ховаля, вѣроятно, не менѣе 60 верстъ пути [1]).

На слѣдующій день, лишь только я проснулся, какъ въ мое холодное помѣщеніе [2]) вошелъ мѣстный акъ-сакалъ; онъ держалъ въ рукахъ какую-то бумагу. Бумага оказалась письмомъ старшины селенія Чешма-и-Хафизанъ къ мѣстному старшинѣ. Это письмо было ничто иное, какъ отвѣтъ на запросъ моего старшины, посланный имъ въ с. Чешма-и-Хафизанъ еще вчера, съ нарочнымъ, безъ моего вѣдома. Въ этомъ поступкѣ нельзя было не узнать обычной, любезной предупредительности и услужливости бухарскихъ властей по отношенію къ русскимъ путешественникамъ.

Въ письмѣ старшины Чешма-и-Хафизанъ были поименованы всѣ русскіе люди, которые проходили этимъ селеніемъ наканунѣ и о которыхъ я справлялся. Оказалось, что это дѣйствительно была возвращавшаяся экспедиція полковника Матвѣева. Астрономъ Шварцъ былъ названъ въ письмѣ «докторомъ». Весь обозъ (вьючный) экспедиціи состоялъ изъ 32 лошадей.

Было уже 12 часовъ дня, когда я, не дождавшись возвращенія джигита, выступилъ изъ селенія въ дальнѣйшій путь. Перешедши небольшую рѣчку Кчи-уру-Дарья, берега которой были обрамлены широкой полосой льда—несмотря на то, что t° воздуха въ тѣни была 9°C—я поднялся по узкой и крутой тропѣ на невысокій горный хребетъ Азисъ. Вода рѣчки селенія содержитъ такое большое число хлоридовъ, что я никакъ не могъ приготовить растворъ азотнокислаго серебра. Лишь только серебро растворялось, какъ вода получала сильно мутный цвѣтъ, даже съ появленіемъ хлопчатаго осадка. А между

---

[1]) Туземцы считаютъ 4 таша, а ташъ, какъ извѣстно уже читателю, равняется приблизительно 8 верстамъ.

[2]) Туземные дома отапливаются обыкновенно не посредствомъ печей, а просто при помощи костра, разложеннаго среди комнаты, въ особенномъ углубленіи; или же въ комнатѣ держатъ жаровню съ горячими угольями, «мангалъ». Понятно, что ночью и это отопленіе прекращается, вслѣдствіе чего t° помѣщенія сильно понижается; къ утру она обыкновенно сравнивается съ t° наружнаго воздуха.

тѣмъ растворъ былъ мнѣ очень нуженъ; у двухъ казаковъ развилась острая ангина; поэтому растворъ нуженъ былъ для смазыванія. Часовъ въ 6 вечера я прибылъ на стоянку Шур-абъ. По дорогѣ, пролегающей по очень пустынной мѣстности, изрѣдка попадались стада барановъ и рѣдкія группы верблюдовъ.

Рано утромъ слѣдующаго дня пріѣхалъ на станцію Шур-абъ мой посланецъ и привезъ столь желанный мною отвѣтъ. Полковникъ Матвѣевъ былъ такъ любезенъ, что написалъ мнѣ цѣлое посланіе. Онъ сообщалъ, что въ Кабулѣ не былъ, а проѣхалъ только Авганскимъ Туркестаномъ, да и то очень быстро. Поэтому на мои вопросы о состояніи дорогъ въ горахъ Гинду-Куша, а также и о новѣйшихъ политическихъ событіяхъ въ Авганистанѣ, онъ мнѣ не могъ сказать ничего опредѣленнаго. Но онъ увѣдомлялъ меня, что авганская администрація не измѣнила своихъ дружескихъ отношеній къ русскимъ, хотя по обыкновенію и окружаетъ тройнымъ конвоемъ всякаго русскаго, подъ условіемъ его безопасности, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы изолировать его отъ туземнаго населенія, ненависть котораго къ авганскому режиму не составляетъ ни для кого тайны, тѣмъ болѣе для самой авганской администраціи. Затѣмъ полковникъ сообщалъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно дороги по бухарскимъ владѣніямъ, хотя дорога эта мнѣ была уже извѣстна изъ первой моей поѣздки въ Авганистанъ. Такъ, между прочимъ, полковникъ особенно указывалъ на трудный путь по ущелью Шур-абъ; но онъ не зналъ, вѣроятно, что это ущелье можно обойти съ сѣвера, черезъ невысокій перевалъ. Знаніе этого обхода особенно важно для зимняго времени, когда ручей, текущій по ущелью, покрываетъ его дно скользкимъ слоемъ льда, вслѣдствіе чего путь для вьючныхъ животныхъ дѣлается чрезвычайно неудобнымъ. Въ заключеніе полковникъ желалъ мнѣ счастливаго пути.

Я вознаградилъ джигита за его услугу халатомъ,—особенно почетнымъ подаркомъ въ глазахъ туземца-средneазіатца. Кромѣ того, я ему далъ достаточное количество бухарскихъ тенегъ. Въ этотъ день морозъ доходилъ до—8°С.

Въ Миръ-абадъ я прибылъ 5-го декабря. Полковникъ Матвѣевъ совѣтовалъ мнѣ въ своемъ письмѣ—послать изъ этого города письмо Лойнабу Авганскаго Туркестана для того чтобы извѣстить его о своемъ

проѣздѣ. Это извѣстіе нужно было для того, чтобъ не ждать на берегу Аму прибытія авганскаго конвоя. Я послѣдовалъ его мудрому совѣту, но еслибы читатель зналъ, какихъ трудовъ мнѣ стоило написаніе этого письма! Выше я уже сказалъ, что на тѣ скудныя средства, которыя были мнѣ ассигнованы, я не могъ нанять порядочнаго переводчика. Джигитъ, который у меня исполнялъ роль переводчика, не умѣлъ писать. Для того чтобы написать письмо, надо было употребить такой пріемъ: сначала содержаніе письма было мною разсказано моему переводчику, а этотъ послѣдній долженъ былъ передать его мирзѣ, который сопровождалъ меня отъ г. Шаара. Мирза же долженъ былъ со словъ джигита записать содержаніе письма. Съ самаго же начала всей этой процедуры стало для меня ясно, что едва ли мнѣ удастся послать письмо. Надъ писаніемъ фразы: «изъ Самарканда обо мнѣ писали Лойнабъ-саибу»...—оба мои «секретаря» пробились чуть ли не полчаса времени. Переводчикъ обыкновенно начиналъ фразу: «эсъ Самаркандъ невиште шуд...», но въ это время его перебивалъ мирза и тогда между обоими составителями письма возникалъ горячій споръ, причемъ каждый изъ нихъ только начиналъ первыя слова фразы: «эсъ Самаркандъ...»—и ни съ мѣста дальше. Я ужь не знаю, какъ было письмо написано, но все же оно было отослано по назначенію въ тотъ же день, вечеромъ. Его повезъ мой караванъ-баши, Нассиръ-ханъ.

Здѣсь, въ Ширъ-абадѣ, совсѣмъ было не замѣтно, что на дворѣ была уже зима. Температура воздуха въ 1 часъ дня, въ тѣни, дала 20°C, а въ 5 часовъ утра 4°C. Листья на деревьяхъ хотя и пожелтѣли, но еще не опали. Я сдѣлалъ визитъ беку города, который онъ въ тотъ же день мнѣ и отдалъ. Бекомъ здѣсь теперь былъ не Абдур-рахманъ, мой бывшій паціэнтъ, а вновь назначенный, Абдулъ-Жалиль-бій. Во время визита онъ не преминулъ похвастаться своимъ знаніемъ русскихъ обычаевъ.

На слѣдующій день ночевка была назначена мною въ небольшомъ селеніи А н г о р ъ. Отсюда до берега Аму,—переправы Патты-Киссаръ или Патта-Гюзаръ [1]),—ровно такое же разстояніе, какъ и до

[1]) Можетъ быть и то и другое названіе одинаково вѣрно. Первое значитъ—срубленная патта (родъ тополя, который ростетъ на берегу Аму); второе—переправа по билетамъ.

Ширъ-абада, т. е. верстъ 25. Дорога до берега Аму все время идетъ по степной, песчаной мѣстности. Настоящіе пески, впрочемъ, начинаются верстахъ въ 15-ти отъ берега рѣки. Тѣмъ не менѣе, они здѣсь не глубоки. Песчаные холмы очень низки и покрыты рѣдкимъ саксаульникомъ. Не доѣзжая до переправы Патта-Гюзаръ верстъ 5—6 находятся обширныя развалины. На огромномъ пространствѣ земля покрыта обломками жженаго кирпича. Въ одномъ мѣстѣ уцѣлѣла башня, вышиною около 5—7 саж., построенная также изъ жженнаго кирпича. Кругомъ башни, этажами, въ нѣсколько рядовъ, идутъ надписи. Надписи составлены изъ куфическихъ буквъ, причемъ каждая буква составлена изъ одного или изъ нѣсколькихъ кирпичей. Верхъ башни разрушенъ. Невдалекѣ отъ нея находятся развалины очень обширныхъ зданій, построенныхъ изъ битой глины. Множество кирпичныхъ обломковъ, имѣютъ изразцовую облицовку. Эти развалины носятъ названіе Хайбаръ. Нужно замѣтить, что невдалекѣ отъ селенія Ангоръ также находятся развалины съ нѣсколькими полуразрушенными, довольно высокими башнями.

Достигнувъ селенія Патта-Киссаръ, я узналъ, что мнѣ не нужно будетъ ожидать здѣсь авганскаго конвоя ни одного дня: онъ уже ждалъ меня на авганскомъ берегу рѣки.

8-го декабря, рано утромъ, я переправился на двухъ паромахъ на противоположный берегъ Аму. Несмотря на то, что берега рѣки были покрыты ледяной корой, а t° воздуха была—8° С., лодочники бродили около лодокъ по колѣно въ водѣ, босыми ногами. На томъ берегу меня встрѣтилъ авганскій офицеръ, во главѣ небольшаго конвоя. Онъ ожидалъ меня здѣсь уже въ продолженіи 5 дней. Это былъ тотъ же конвой, который сопровождалъ и полковника Матвѣева въ его путешествіи по Бадахшану и Авганскому Туркестану.

9-го декабря я прибылъ опять въ городъ «священной гробницы Алія» (буквальный переводъ словъ: Мазари-Шерифъ).

ГЛАВА III.

Въ Мазари-Шерифѣ.

Прибытіе въ этотъ городъ.—Первыя извѣстія съ театра англо-авганской войны, полученныя мною.—Признаки броженія умовъ въ Авганистанѣ.—Слухи о намѣреніи эмира Ширъ-Али-хана переѣхать изъ Кабула въ Авганскій Туркестанъ.—Визитъ Лойнабу.—Пріѣздъ семейства эмира въ Мазари-Шерифъ.—Переписка съ Ташкентомъ.—Метеорологическія наблюденія.—Письмо отъ эмира.—Его пріѣздъ въ Ташъ-Курганъ.—Я ѣду на встрѣчу нашей миссіи.

Въ разстояніи не болѣе одной версты отъ города я былъ встрѣченъ еще однимъ небольшимъ конвоемъ изъ авганскихъ всадниковъ. Сопровождавшій меня авганскій офицеръ, Сары-Джанъ, поболталъ нѣсколько минутъ на грубомъ и терпкомъ, если можно такъ выразиться, языкѣ Пушту съ начальникомъ новаго конвоя и своротилъ съ прямой дороги въ сторону. Я тотчасъ же спросилъ моего вожатаго о причинѣ перемѣны направленія.

— Инъ джа рахъ хубъ эстъ (здѣсь ѣхать удобнѣе), уклончиво отвѣчалъ онъ на мой вопросъ.

На это я замѣтилъ своему горбоносому спутнику, что мѣстныя дороги я знаю отлично, и что еслибы мы поѣхали по прямому направленію, то выиграли бы и во времени и въ разстояніи.

— Но, вѣдь вы должны въ такомъ случаѣ знать, возразилъ мнѣ Сары-Джанъ, что прямая дорога ведетъ отсюда къ вашему помѣще-

нію только черезъ базаръ. Вотъ въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается большое неудобство прямаго пути.

Такъ какъ я выразилъ удивленіе по поводу такого объясненія неудобства пути, то онъ продолжалъ развивать свою мысль далѣе.

— Вы не знаете какъ много дурныхъ людей въ Авганистанѣ. На базарѣ постоянно толчется разный людъ. Тамъ скорѣе всего можно встрѣтиться съ дурными людьми, которые не задумаются надъ тѣмъ, чтобы нанести вамъ какое-либо оскорбленіе.

— Да, вѣдь, я—русскій, возразилъ я. Вѣдь всѣ авганцы знаютъ, что русскіе — ихъ друзья, а вы говорите о какомъ то оскорбленіи, которое будто-бы мнѣ угрожаетъ?

— Слушайте, докторъ-саибъ,—я отвѣчаю передъ эміръ-саибомъ за вашу безопасность и неприкосновенность своею головою. Если съ вами случится что либо дурное въ то время, когда я васъ сопровождаю и охраняю, то я—погибшій человѣкъ. Вы не знаете Авганистана! Повѣрьте мнѣ,—лишь только вы покажетесь на многолюдныхъ мѣстахъ города, какъ сейчасъ же глупые люди—вѣдь они ничего не видали и ничего не знаютъ—закричатъ: «вотъ каффиры!» А другіе, зная, что это «урусы», закричатъ: «урусъ-каффиръ! урусъ-каффиръ!» Народъ глупъ; кто знаетъ, что можетъ тогда случиться? А я рискую своей головой!

Очевидно было, что мой спутникъ очень берегъ свою голову и не могъ быть причисленъ къ разряду очень храбрыхъ людей; поэтому я рѣшилъ не тревожить его болѣе. Тѣмъ не менѣе я замѣтилъ ему, что базаромъ этого города я уже проѣзжалъ разъ, но никакихъ враждебныхъ намъ, русскимъ, возгласовъ не слыхалъ, не замѣтилъ также и угрожающихъ взглядовъ. Однако я долженъ былъ поѣхать кружной дорогой.

Черезъ полчаса ѣзды по оголеннымъ полямъ мы добрались до западной окраины города и поѣхали по знакомой уже мнѣ балхской дорогѣ. Вскорѣ съ той и другой стороны потянулись однообразные глиняные заборы, обрамляющіе какъ будто совсѣмъ опустѣвшія, въ данное время, улицы. На нихъ не видно было ни одной души. Даже у глинянаго полуразрушеннаго «мазара» (гробницы) какого то неважнаго мусульманскаго праведника не было обычнаго завсегдатая—дервиша. Шестъ, съ грязной тряпкой на вершинѣ, одиноко торчалъ, на-

поминая «правовѣрнымъ», чтобы они не забыли, проѣзжая этимъ мѣстомъ, сотворить обычную молитву. Городъ казался вымершимъ. Тѣмъ не менѣе, мой авганскій офицеръ скомандовалъ: «шапки вонъ!»—и мои охранители, съ обнаженными клинками, образовали около меня кругъ. Уже въ самомъ центрѣ города, недалеко отъ помѣщенія Лойнаба, намъ встрѣтились 2 или 3 узбека, скромно возсѣдавшихъ на выгнутыхъ хребтахъ вислоухихъословъ. Но едва эти забитые люди замѣтили грозную внушительность моей обстановки, какъ тотчасъ же поспѣшили убраться въ сосѣдній, глухой переулокъ.

Обогнувъ съ запада домъ Лойнаба и примыкавшія къ нему казармы гератскихъ кавалеристовъ, я подъѣхалъ къ столь знакомому уже мнѣ лѣтнему помѣщенію миссіи. Мы вошли. Здѣсь все было по старому: тѣ же глиняные флигеля, расположенные по обѣимъ сторонамъ внутренняго двора, таже невысокая эстрада посреди него, которая была нѣкогда сборнымъ пунктомъ всѣхъ членовъ миссіи, тотъ же рядъ гигантскихъ развѣсистыхъ чинаровъ, тѣ же высокія, глиняныя стѣны кругомъ... мнѣ кажется, что даже и тѣ двѣ сороки, которыя безпечно стрекотали на вершинѣ одного древеснаго великана, были старыя знакомыя, лѣтнія гости.

Знакомая обстановка напомнила мнѣ о былыхъ дняхъ и разбудила прежнія, давно пережитыя, впечатлѣнія. Тогда здѣсь было такъ людно, иногда — весело, несмотря на добровольное заключеніе въ 4-хъ стѣнахъ; по временамъ слышались пѣсни... Теперь же—домъ казался какою-то пустыней. Угрюмая молчаливость моего спутника; обнаженность чинаровъ, посылавшихъ свои оголенныя вѣтви прямо въ самыя окна комнатъ; рѣзкій свистъ вѣтра среди повиснувшихъ, какъ-бы въ изнеможеніи, вѣтвей ихъ; наконецъ, сгущающійся вечерній мракъ—все это произвело на меня очень грустное впечатлѣніе. Все помѣщеніе казалось какимъ-то печальнымъ, мрачнымъ, точно тяжелая туча повисла надъ нимъ.

Да, надъ Авганистаномъ въ это время уже собиралась грозовая туча. Я еще не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о новѣйшихъ политическихъ обстоятельствахъ этого государства, но я могъ, до нѣкоторой степени, предполагать о нихъ. Война Авганистана съ Англіей была неизбѣжна. Нетрудно было предвидѣть, на чьей сторонѣ будетъ побѣда. Авганцы не имѣютъ ни достаточнаго числа войска, ни порядочнаго

оружія. Правда, эмиръ Ширъ-Али-ханъ расчитывалъ на помощь Россіи. Вѣдь генер. Столѣтовъ, уѣзжая изъ Кабула, обѣщалъ ему привести тридцатитысячное войско. А Ширъ-Али-ханъ, я полагаю, не имѣлъ поводовъ не вѣрить словамъ генерала Столѣтова; вѣдь это былъ уполномоченный посолъ великой державы,—посолъ, про котораго ген. Кауфманъ въ своемъ рекомендательномъ письмѣ къ Ширъ-Али-хану говорилъ, чтобы эмиръ вѣрилъ ген. Столѣтову какъ ему самому, ген. Кауфманну. Какъ же было не вѣрить словамъ ген. Столѣтова? Эмиръ повѣрилъ и, посовѣту ген. Столѣтова, послалъ рѣзкій отказъ англійскому посольству. Не будь нашей миссіи въ Кабулѣ, не будь этихъ обѣщаній и совѣтовъ—очень можетъ быть, что эмиръ не поставилъ бы вопросъ о своихъ сношеніяхъ съ англо-индѣйской имперіей такъ круто.

Когда я думалъ такія невеселыя думы, ко мнѣ пришелъ мой караванъ-баши, Нассиръ-ханъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что пріѣхалъ въ Мазари-Шерифъ уже два дня тому назадъ, доставилъ Лойнабу пресловутое мое письмо изъ Ширъ-абада, проживалъ здѣсь, въ ожиданіи меня, у серхенга Маметъ-хана, «авшарца», посѣтилъ своихъ знакомыхъ, шлялся на базарахъ... и узналъ слѣдующее:

«Въ Кабулѣ стало жить плохо. Недавно между англичанами и авганцами произошло сраженіе, далеко за Джелалабадомъ; въ этомъ сраженіи убито болѣе 700 авганцевъ. Эмиръ Ширъ-Али-ханъ пересылаетъ изъ Кабула въ Мазари-Шерифъ своихъ женъ и дѣтей».

Это извѣстіе явилось неожиданнымъ подтвержденіемъ моихъ думъ. Значитъ—авгло-авганская распря дошла до кровавой развязки; значитъ—генер. Кауфманнъ правъ былъ, говоря мнѣ во время прощальной аудіенціи, что «когда вы пріѣдете въ Кабулъ, то война авганцевъ съ англичанами будетъ, по всей вѣроятности, въ полномъ разгарѣ». Я еще былъ далеко отъ Кабула, а кровь уже пролилась съ обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Нельзя было не задуматься надъ положеніемъ нашей миссіи. Въ случаѣ рѣшительнаго отказа со стороны Россіи въ военной помощи эмиру Ширъ-Али-хану, и въ случаѣ—болѣе чѣмъ вѣроятномъ—рѣшительнаго пораженія авганской арміи,—наша миссія могла разыграть роль «жертвы вечерней» за грѣхи генер. Столѣтова. Эти грѣхи были тѣмъ болѣе не извинительны, что онъ не имѣлъ никакого основанія

давать эмиру положительныя обѣщанія военной помощи. Напротивъ. Извѣстіе объ окончаніи Берлинскаго конгреса и соотвѣтствующая инструкція генер. Кауфманна получены были посольствомъ какъ нельзя болѣе кстати, именно за день до въѣзда въ Кабулъ, т. е. 28 іюля.— Генерала Столѣтова теперь не было въ Кабулѣ, но отвѣтственность за его слова и обѣщанія падала на оставшихся въ Кабулѣ членовъ посольства. Вотъ эта-то отвѣтственность за чужіе грѣхи и дѣлала положеніе нашей миссіи рискованнымъ.

Полученныхъ извѣстій для меня, на первый разъ, было совершенно достаточно. Я хотѣлъ ихъ, до нѣкоторой степени, провѣрить и поэтому за ужиномъ началъ бесѣду на эту тему съ моимъ спутникомъ, Сары-Джаномъ. Но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Маметъ-ханъ отговорился полнымъ незнаніемъ новѣйшихъ политическихъ событій. Очевидно было, что онъ не хотѣлъ говорить о тѣхъ неудачахъ, которыя постигли его братьевъ на полѣ чести. За то онъ подробно разсказалъ мнѣ о путешествіи полк. Матвѣева, о томъ, какъ они, по колѣни въ снѣгу, странствовали по горамъ Файзабада, розыскивая каффировъ и какъ, неуспѣвъ въ этомъ намѣреніи, должны были возвратиться вспять, причемъ ученый полковникъ по необходимости долженъ былъ удовлетворить свое научное любопытство каффирами плѣнниками, за нѣсколько недѣль прибѣжавшими изъ своихъ снѣжныхъ горъ въ Файзабадъ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о политическихъ новостяхъ я надѣялся получить отъ Лойнаба Хошь-Диль-хана, которому я намѣревался сдѣлать визитъ на слѣдующій день, т. е. 10 декабря.

На слѣдующій день мнѣ, однако, не удалось увидать Лойнаба, такъ какъ еще ночью онъ экстренно выѣхалъ въ Ташъ-Курганъ. Мой дежурный офицеръ, Маметъ-шахъ, объяснилъ мнѣ внезапный отъѣздъ Лойнаба тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Хулумскомъ округѣ вспыхнули будто бы мѣстные безпорядки, появились шайки разбойниковъ, которыя стали угрожать сообщеніямъ авганскаго Туркестана съ Кабуломъ. Мнѣ сообщили также, что Лойнабъ пробудетъ въ Ташъ-Курганѣ нѣсколько дней.

Такое извѣстіе меня очень опечалило. Вѣдь это изъ рукъ вонъ! Я дорожу каждой минутой дорогого времени; спѣшу воспользоваться прекрасной погодой, а тутъ приходится терять нѣсколько дней совер-

шенно непроизводительно, сидя на одномъ мѣстѣ. Ранѣе возвращенія Лойнаба нельзя было и думать выѣхать изъ Мазара-Шерифа въ Кабулъ, т. е. думать то можно было, но привести свои думы въ исполненіе совсѣмъ нельзя было. *Лойнабъ, передъ своимъ отъѣздомъ, приказалъ не выпускать меня изъ города ранѣе его возвращенія.* Вотъ это-то безсмысленное приказаніе меня порядочно таки разозлило. Когда же я высказалъ намѣреніе—выѣхать изъ города безъ согласія Лойнаба, то мой дежурный офицеръ рѣшительно сказалъ, что не выпуститъ меня изъ моего помѣщенія ни на шагъ. Объявивъ это, онъ извинился и сказалъ, что подобное поведеніе его въ отношеніи меня можетъ быть и невѣжливо, но оно вызывается обязанностями службы. На это, конечно, мнѣ ничего нельзя было возразить; резонъ былъ вполнѣ основательный. Нѣтъ сомнѣнія, что и всякій русскій чиновникъ поступилъ бы на его мѣстѣ подобнымъ же образомъ.—Тѣмъ не менѣе, этотъ «почетный арестъ» былъ мнѣ совсѣмъ не по губѣ.

Въ этотъ же день меня посѣтилъ старый мой знакомецъ, дитэнъ Мосинъ-ханъ. Ему очень хотѣлось узнать, скоро-ли возвратится ген. Столѣтовъ въ Кабулъ; онъ разспрашивалъ также о томъ, какъ поживаютъ въ Ташкентѣ члены авганскаго посольства и закончилъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, «докторъ-саибъ сталъ большимъ человѣкомъ».

— Когда вы были здѣсь въ первый разъ, съ генер. Столѣтовымъ, то въ вашемъ распоряженіи былъ лишь одинъ человѣкъ (деньщикъ). Теперь же у васъ 10 казаковъ, фельдшеръ и много туземной прислуги. Вы вѣроятно получили большой чинъ, или же высокій орденъ?

Когда я отвѣтилъ на вопросъ Мосинъ-хана отрицательно и не могъ удержаться отъ смѣха при такомъ наивномъ вопросѣ, то онъ посмотрѣлъ на меня съ видимымъ недоумѣніемъ, даже какъ будто съ недовѣріемъ. Уже уходя изъ моего помѣщенія онъ какъ бы мимоходомъ обронилъ фразу, что Лойнабъ выѣхалъ въ Ташъ-Курганъ для встрѣчи семейства эмира Ширъ-Али-хана.

Мой «нанъ-даръ» или, буквально, «хлѣбодаръ», Яръ-Маметъ-ханъ, цвѣтущій здоровьемъ и молодостью авганецъ, командированный Лойнабомъ въ мое распоряженіе, почему-то возъимѣлъ ко мнѣ

особенную симпатію. Онъ подъ великимъ секретомъ сообщилъ мнѣ, что дѣла Авганистана плохи, что Англичане сильно побили авганцевъ въ послѣднемъ сраженіи, что эмиръ Ширъ-Али-ханъ, кажется, намѣренъ выѣхать изъ Кабула въ Мазари-Шерифъ, что Кохистанъ возмутился и дорога на Бамьянъ стала небезопасна.

— Впрочемъ, прибавлялъ онъ потомъ,—вы все это узнаете гораздо подробнѣе отъ самаго Лойнабъ-саиба.

Я ждалъ, поэтому, возвращенія Лойнаба съ понятнымъ для читателя нетерпѣніемъ.

Между тѣмъ вѣсти съ театра войны, которыя мнѣ аккуратно передавалъ мой хлѣбодаръ, и которыя подтверждалъ и дополнялъ всезнающій Нассиръ-ханъ, становились все хуже и хуже, все грознѣе и грознѣе. Сдѣлалось извѣстнымъ, что Англичане, взявши укрѣпленіе Али-Мечеть, форсировали весь Хайберскій проходъ, овладѣли Даккой, Лальпуромъ и чуть ли не подошли къ Джелалабаду. Съ другой стороны—южный корпусъ англійской арміи подвинулся почти до самаго Кандахара. Были даже слухи, что Кандахаръ уже взятъ англичанами.

Все это были извѣстія такого свойства, что заставляли меня сильно задуматься о дальнѣйшей судьбѣ горсти русскихъ людей, засѣвшихъ въ злополучномъ Кабулѣ. Я предположилъ даже, что въ Кабулѣ произошелъ взрывъ революціи (что потомъ и подтвердилось). А это обстоятельство могло только еще болѣе ухудшить положеніе миссіи. Мнѣ становилось смѣшно, что я именно теперь ѣду въ Кабулъ къ русскому посольству, когда Кабулъ, можетъ быть, уже занятъ англичанами или же близокъ къ этому, а авганское государство находится на краю гибели. Я какъ бы розыгрывалъ роль рыцаря, розыскивающаго русское посольство.

Что меня особенно здѣсь удивляло—это роль, которую играетъ средне-азіатскій базаръ въ политической жизни страны. На базарѣ получаются всѣ новѣйшія извѣстія; тамъ обсуждаются съ удивительной, для Средней Азіи, свободой всѣ эти извѣстія, а равно и мѣропріятія властей. Отсюда, какъ отъ питательнаго центра, всѣ новости съ непонятной для европейца быстротой разносятся въ ближайшія селенія, города и т. д. Среднеазіатскій базаръ играетъ въ странѣ роль нашей ежедневной прессы. И, что всего замѣчательнѣе, —

извѣстія, распространяющіяся такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ оказываются очень вѣрными; въ нихъ мало не только искаженій, но даже и простыхъ преувеличеній.

Я имѣлъ возможность нѣсколько разъ провѣрить базарные слухи и извѣстія и всегда убѣждался въ ихъ достовѣрности. Въ данномъ случаѣ эта точность и эта быстрота полученія свѣдѣній о новѣйшихъ политическихъ событіяхъ были еще болѣе удивительны, такъ какъ авганская администрація тщательно скрывала состояніе дѣлъ отъ мѣстнаго, покореннаго, узбекско-таджикскаго населенія.

Лойнабъ возвратился въ Мазари-Шерифъ только 12 декабря. Я ожидалъ, что онъ пригласитъ меня къ себѣ въ этотъ же день, но ошибся въ разсчетѣ. Даже и слѣдующій день прошелъ безъ всякаго для меня результата. Лойнабъ не могъ меня принять будто бы по нездоровью.

Между тѣмъ его чиновники мнѣ сообщили, что я долженъ буду прожить въ городѣ еще нѣсколько дней.

— Дѣло въ томъ, говорили они, что Лойнабъ-саибъ послалъ въ Кабулъ донесеніе о вашемъ пріѣздѣ. Пока не будетъ полученъ на это донесеніе надлежащій отвѣтъ, т. е., дозволеніе эмира на дальнѣйшее продолженіе пути—вамъ нельзя выѣхать изъ города.

Конечно я не замедлилъ выразить свой протестъ противъ подобныхъ мотивовъ моего задержанія въ Мазари-Шерифѣ, выставляя на видъ всю ихъ несостоятельность. Но на всѣ мои представленія чиновники отвѣчали, что они не могутъ входить со мной въ разсужденія объ этомъ, что мнѣ на всѣ мои запросы имѣетъ отвѣтить самъ Лойнабъ-саибъ. Очевидно было, что мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ только ожидать разъясненій отъ самаго Лойнаба. Но вотъ прошло 12-е декабря, прошло и 13, а Лойнабъ ни самъ ко мнѣ не являлся, ни къ себѣ меня не звалъ. Тогда я извѣстилъ его черезъ дежурнаго офицера, что о своемъ задержаніи въ Мазари-Шерифѣ считаю необходимымъ увѣдомить Туркестанскаго генералъ-губернатора. Вмѣстѣ съ тѣмъ я на отрѣзъ отказался отъ содержанія, доставлявшагося мнѣ Лойнабомъ.

Это былъ очень сильный ходъ съ моей стороны. Отказъ отъ гостепріимства—у среднеазіатца-мусульманина означаетъ полный разрывъ дружбы. Какъ и слѣдовало ожидать, Лойнабъ сейчасъ же почувство-

валъ всю вѣскость этой мѣры. 14-го числа онъ пригласилъ меня къ себѣ.

Аудіэнція произошла при обычной, довольно торжественной и уже знакомой читателю, обстановкѣ. Лойнабъ принялъ меня во главѣ своихъ помощниковъ. Онъ одѣтъ былъ въ мѣховую, крытую парчей, шубу, имѣвшую покрой халата. Золотые цвѣты парчи были вытканы по голубому полю. На головѣ онъ имѣлъ національный «кюлахъ» (коническая, изъ мерлушекъ, шапка). Онъ сидѣлъ въ бархатномъ креслѣ. Позади стояли два-три его помощника. Передъ террасой, на которой происходила аудіенція, стояло полроты авганскихъ гвардейцевъ. Мои 10 казаковъ, въ папахахъ и синихъ мундирахъ, стояли шеренгой подъ прямымъ угломъ къ шеренгѣ гвардейцевъ Лойнаба. Они составляли рѣзкій контрастъ съ авганскими собратьями по ремеслу.

Моя бесѣда съ Лойнабомъ началась, конечно, чисто оффиціальными фразами и вопросами о здоровьѣ эмира Ширъ-Али-хана, самого Лойнаба, благополучіи государства и т. п. Но я не тратилъ на это много времени и быстро перешелъ къ цѣли своего посѣщенія. Я выразилъ Лойнабу мое непремѣнное желаніе—какъ можно скорѣе отправиться въ Кабулъ.

— Я совершенно съ вами, докторъ-саибъ, согласенъ,—отвѣчалъ Лойнабъ; вамъ дѣйствительно нужно торопиться отъѣздомъ въ Кабулъ. Время года такое, что сообщеніе съ Кабуломъ можетъ скоро прерваться вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ. Теперь же по дорогѣ снѣга почти совсѣмъ еще нѣтъ. Только вамъ все-таки нужно будетъ прожить здѣсь, въ Мазари-Шерифѣ, нѣсколько дней; это нужно для того, чтобы дождаться отвѣта эмира-саиба на мое донесеніе. Лишь только отвѣтъ получится въ утвердительномъ смыслѣ, я васъ не буду задерживать ни одной минуты.

Слова Лойнаба показались мнѣ старой пѣсней и потому я энергически протестовалъ противъ моей задержки.

— Вамъ вѣроятно не безъизвѣстно, Лойнабъ-саибъ, возражалъ я,—что я ѣду вслѣдствіе личнаго приглашенія эмира-саиба. Онъ меня звалъ—и я ѣду. Ясно, что никакого другого разрѣшенія для моего слѣдованія въ Кабулъ не надо; понятно, что въ томъ приглашеніи, которое прислалъ мнѣ эмиръ въ Ташкентъ, дано и позволеніе на проѣздъ мой по авганскимъ владѣніямъ. Наконецъ, Лойнабъ-саибъ

знаетъ, что я—членъ русскаго посольства, находящагося въ данное время въ Кабулѣ. Уже этого одного достаточно, чтобы я могъ безпрепятственно ѣхать въ Кабулъ.

Послѣ этого я предъявилъ Лойнабу мой «дорожный видъ».

Онъ внимательно прочиталъ документъ, медленно возвратилъ его мнѣ и съ задумчивымъ выраженіемъ на лицѣ началъ опять уговаривать меня—подождать отъѣздомъ.

— Вы правы, продолжалъ онъ. Но слушайте, что я вамъ скажу. О каждомъ иностранцѣ, вступившемъ на авганскую землю въ моемъ округѣ, я, прежде всего, доношу эмиру, и потомъ ожидаю отъ него соотвѣтственныхъ распоряженій. Личною властію я не могу разрѣшить проѣздъ по странѣ. Положимъ, вы—членъ русскаго посольства, вы ѣдете по приглашенію эмира-саиба, я васъ, наконецъ, лично знаю,—но, тѣмъ не менѣе, не могу безъ разрѣшенія эмира-саиба отпустить васъ въ Кабулъ. Иначе я рискую своей головой.

Онъ пріостановился, подумалъ и задумчиво продолжалъ далѣе.

— Да и времена теперь стали не тѣ, что прежде, когда вамъ писалъ эмиръ-саибъ. Дорога стала не безопасна. Появились разбойники. Возникли разные безпорядки.—Нѣтъ, вамъ нужно подождать; я васъ прошу подождать въ Мазари-Шерифѣ эти 5—6 дней.

Когда Лойнабъ упомянулъ о разбойникахъ, я съ апломбомъ показалъ ему на своихъ казаковъ-молодцевъ, подобранныхъ одинъ къ одному, рослыхъ, крѣпкихъ, и замѣтилъ ему, что съ 10 моими богатырями я надѣюсь управиться съ какой угодно шайкой сорванцовъ.

— Дѣло только въ томъ, продолжалъ я, что вѣдь безпорядки—я знаю это очень хорошо—вспыхнули далеко въ сторонѣ отъ моей дороги. Эти безпорядки произошли главнымъ образомъ по ту сторону Гинду-Куша, за Кабуломъ, а здѣсь все спокойно.

— Я не лгунъ! съ жаромъ и не безъ достоинства воскликнулъ Лойнабъ. Вы вполнѣ можете положиться на мои слова.

— Я вамъ, конечно, вѣрю, но согласитесь сами,—каково мнѣ сидѣть здѣсь еще 5—6 дней. Наконецъ, я васъ предупреждаю, что о задержкѣ моей въ Мазари-Шерифѣ я обязанъ донести Туркестанскому генералъ-губернатору.

— Не пишите этого, прошу васъ,—не пишите объ этомъ въ Ташкентъ до полученія отвѣта отъ эмира-саиба. Кто знаетъ,—мо-

жетъ быть онъ напишетъ вамъ нѣчто такое, что заставитъ васъ и совсѣмъ отказаться отъ поѣздки въ Кабулъ. Повѣрьте мнѣ, —я вѣдь вашъ старый и хорошій знакомый; я вамъ могу посовѣтовать только одно хорошее. Не сердитесь на меня; я былъ бы очень радъ сдѣлать для васъ все, что хотите, но, къ сожалѣнію, не могу отпустить васъ въ Кабулъ.

— Не могу я не сердиться, отвѣчалъ я; я солгалъ бы вамъ, изобразивъ на своемъ лицѣ удовольствіе, а вѣдь русскіе — также не лгуны.

Затѣмъ я всталъ съ намѣреніемъ откланяться Лойнабу и возвратиться домой.

Лойнабъ также всталъ и, протягивая мнѣ руку, такъ задушевно улыбался, что и я не могъ не расправить морщинъ на своемъ лбу, и только тутъ вспомнилъ о поклонахъ членовъ авганской миссіи, которые они просили меня передать Лойнабу.

— Вотъ примѣръ на лицо, сказалъ Лойнабъ. Вы не хотите подождать здѣсь 5—6 дней, а наше посольство ждетъ въ Ташкентѣ вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ.

— Но, Лойнабъ-саибъ, вы забываете, что вѣдь и наша миссія также нѣсколько мѣсяцевъ живетъ въ Кабулѣ, —возразилъ я. Такъ и надо: ваша миссія живетъ у насъ, въ Ташкентѣ, а наша—у васъ, въ Кабулѣ. Мое же дѣло—совсѣмъ другое.

— И генералъ Столѣтовъ и полковникъ Гродековъ — всѣ они ждали разрѣшенія эмира, настаивалъ Лойнабъ.

— Вы знаете, что и эти случаи особенные, не имѣющіе ко мнѣ никакого отношенія, возражалъ я. Генералъ Столѣтовъ ѣхалъ въ Кабулъ въ первый разъ: дозволеніе эмира на проѣздъ его по странѣ было необходимо. Что касается полковника Гродекова, то, по моему мнѣнію, онъ напрасно ждалъ здѣсь такъ долго.

Лойнабъ хотѣлъ и еще что-то возразить, но я счелъ излишнимъ продолжать безплодные дебаты и сухо и холодно раскланялся съ нимъ.

Съ слѣдующаго дня я снова сталъ принимать довольствіе Лойнаба. Мои авганскіе прислужники повеселѣли.

— Лишь бы я былъ назначенъ сопровождать доктора-саиба въ Кабулъ! восклицалъ Сары-Джанъ. Ужь я буду стараться, чтобы док-

тору саибу было удобно ѣхать. А вы мнѣ тогда подарите ту мѣховую лисью шубку, которую носите утромъ...

Вообще я долженъ здѣсь сказать, что этотъ авганецъ съ каждымъ днемъ становился мнѣ все болѣе и болѣе непріятнымъ. Это былъ первый авганецъ съ весьма непривлекательными чертами характера, котораго я встрѣтилъ. Съ низкопоклонствомъ и грубою лестью онъ соединялъ жадность, попрошайничество, и я вскорѣ узналъ, что онъ аккуратно обворовывалъ моихъ лошадей, утаивая у себя часть отпускаемаго Лойнабомъ фуража. Онъ мнѣ страшно надоѣлъ своей обычною фразою: «менъ нукери шума, менъ адами шума» — я вашъ слуга... покорнѣйшій слуга. Его крючковатый, какъ у хищной птицы, носъ очень непріятно гармонировалъ съ зеленоватыми глазами. Выраженіе лица дышало ядомъ. Онъ перерылъ нѣсколько разъ мои персидскія книги и похвалилъ ихъ, хотя повидимому мало понималъ въ нихъ толку. По цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ у порога моей комнаты, чѣмъ страшно мнѣ надоѣдалъ, такъ что потомъ я безъ церемоніи сталъ высылать его вонъ. Во время обѣда, ужина, утренняго и вечерняго чая—онъ непремѣнно являлся ко мнѣ, и, сидя на корточкахъ у порога, смиренно ожидалъ отъ меня подачки. Иногда онъ, думая услужить мнѣ, топилъ въ моей комнатѣ каминъ; приводилъ мнѣ лошадей, спрашивая—не желаю ли я ихъ купить, присылалъ торговцевъ коврами и т. п. Но за то онъ никогда не упускалъ случая съ достоинствомъ заявить, что онъ командуетъ четырьмя стами всадниковъ.

Въ первые дни своего сидѣнья въ Мазари-Шерифѣ я не имѣлъ причинъ скучать. У меня были книги; я велъ корреспонденцію; устроилъ амбулаторію для туземныхъ больныхъ; производилъ метеорологическія наблюденія, обыкновенно на той самой терассѣ, на которой происходили лѣтнія «ассамблеи» миссіи; не одинъ десятокъ разъ прочиталъ двѣ русскія надписи, избороздившія кору двухъ чинаровъ... Кстати объ этихъ надписяхъ. Одна изъ нихъ гласила: «Н. Гродековъ, съ 7-го по 19-е октября 1878 г.» — На матово-зеленой, бархатной корѣ сосѣдняго, молодаго чинара значилась другая, очень коротенькая надпись: «П. М. 18$\frac{23}{XI}$78». Послѣдняя надпись вѣроятно принадлежитъ полковнику Матвѣеву. Обѣ надписи были слегка замазаны глиной. Я едва не прельстился примѣромъ моихъ

предшественниковъ и не начерталъ своего имени рядомъ съ предъидущими; но мнѣ жаль было оцарапать нѣжную кору великолѣпныхъ чинаровъ. Да и къ чему эта реклама? думалъ я. Подобная выходка мнѣ казалась ребяческой забавой

18-го декабря я имѣлъ небольшое развлеченіе. Въ этотъ день пріѣхало въ Мазари-Шерифъ семейство эмира Ширъ-Али-хана. За нимъ слѣдовалъ огромный обозъ, не менѣе 3000 вьючныхъ животныхъ, при 10-ти слонахъ. Весь этотъ громадный транспортъ двигался подъ прикрытіемъ многочисленнаго отряда войскъ. Движеніемъ и охраной транспорта завѣдывалъ министръ двора Ширъ-Али хана, Сердарь-Абдулла-ханъ,—тотъ самый Сердарь, который встрѣтилъ русскую миссію въ Коти-Ашру, въ іюлѣ мѣсяцѣ. Странная судьба выпала на долю этого, прекраснаго душою и тѣломъ, человѣка. 40 лѣтъ тому назадъ онъ скитался съ отцомъ настоящаго эмира въ дикихъ горахъ Кохистана, укрываясь отъ погони многочисленныхъ англійскихъ отрядовъ, наводнившихъ тогда весь Кабулистанъ. Эмиръ Достъ-Магометъ-ханъ долженъ былъ покинуть каменныя твердыни Кохистана и вмѣстѣ съ Абдулла-ханомъ спуститься въ долину Аму.—Теперь та же долина послужила Сердарю, а также и семьѣ сына Достъ-Магометъ-хана, убѣжищемъ отъ огня и меча старыхъ враговъ страны, все тѣхъ же англичанъ. При мысли о судьбѣ этого человѣка, я не могъ не вспомнить и другого сопоставленія: тогда Сердарь встрѣчалъ поруч. Виткевича; теперь же, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ встрѣчалъ генерала Столѣтова...

Семья эмира въѣхала въ городъ съ помпой. Съ дряхлыхъ стѣнъ глинянаго форта, защищающаго городъ съ сѣверо-востока, былъ произведенъ салютъ изъ 71 пушечн. выстрѣла. Слоны и значительная часть вьючнаго обоза помѣстились на той лужайкѣ, которая отдѣляла мое помѣщеніе отъ дома Лойнаба.

Въ этотъ же день я получилъ свѣжія политическія новости. Эмиръ выѣхалъ изъ Кабула и въ данное время находился на пути въ Мазари-Шерифъ, всего въ нѣсколькихъ дневныхъ переходахъ отъ него. Въ Кабулѣ правителемъ, вмѣсто эмира, остался Якубъ-ханъ, незадолго передъ этимъ освобожденный отцомъ изъ заточенія. Англичане овладѣли всѣмъ Хайберскимъ проходомъ и теперь находились недалеко отъ Джелалабада.

Сомнѣваться въ вѣрности этихъ извѣстій я не имѣлъ никакого повода. Значитъ, мнѣ приходилось отказаться отъ зимняго перехода черезъ Гинду-Кушъ. Эмиръ здѣсь—и мнѣ не зачѣмъ ѣхать въ Кабулъ. Лойнабъ былъ правъ, говоря, что «по полученіи отвѣта отъ эмира, докторъ-саибъ, можетъ быть, самъ откажется отъ поѣздки въ Кабулъ». Очевидно было, что отвѣтомъ на донесеніе Лойнаба будетъ пріѣздъ самого эмира въ Мазари-Шерифъ.

Меня удивляло и немало сердило то обстоятельство, что наша миссія не прислала мнѣ до сихъ поръ ни одной строчки. По моему разсчету выходило, что съ нарочнымъ посланцемъ (летучей авганской почтой) мнѣ можно было бы уже получить отвѣтъ на мое письмо. Но я сдѣлалъ ошибку въ разсчетѣ на два дня: 20-го декабря я сразу получилъ нѣсколько писемъ отъ членовъ миссіи.

Генералъ Разгоновъ между прочимъ сообщалъ мнѣ, что письмо мое было получено имъ 16-го декабря, въ Руи. Свое же письмо онъ помѣтилъ станціею Саядъ, гдѣ въ данное время находился эмиръ.

Описавъ въ первой половинѣ письма военныя дѣйствія на англо-авганскомъ театрѣ войны, г. Разгоновъ увѣдомлялъ меня, что миссія выѣхала изъ Кабула 1-го декабря вмѣстѣ съ эмиромъ. Правителемъ государства эмиръ назначилъ своего сына Магометъ-Якубъ-хана. Самъ же эмиръ выѣхалъ въ Авганскій Туркестанъ; но онъ имѣлъ намѣреніе проѣхать въ Ташкентъ и, можетъ быть, даже въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько часовъ по полученіи мною писемъ, пришелъ мирза (секретарь) Лойнаба и вручилъ мнѣ письмо, писанное на персидскомъ языкѣ. Письмо это содержало отвѣтъ эмира Ширъ-Али-хана. Вотъ его содержаніе:

«Станція Дуабъ. Мѣс. Могарремъ, 1-е число 1296 года.

«Въ настоящее время англичане, начавъ непріязненныя дѣйствія, заставили меня удалиться изъ Кабула. Теперь я отправляюсь въ Ташкентъ Взявъ тамъ достаточное количество войскъ, я намѣренъ возвратиться въ Кабулъ и выгнать изъ Авганистана моихъ враговъ, англичанъ. Такъ какъ путь мой идетъ черезъ Мазари-Шерифъ, то я и прошу доктора-саиба дождаться моего прибытія въ этомъ городѣ».

Понятно, что со времени полученія этого письма я болѣе не на-

стаивалъ о моемъ немедленномъ отъѣздѣ изъ Мазари-Шерифа. Теперь дѣйствительно не было для этого никакой надобности.

Весь слѣдующій день я былъ занятъ писаніемъ писемъ и вообще разнаго рода корреспонденцій. Тутъ я въ первый еще разъ замѣтилъ, какъ мѣняются слогъ и тонъ письма сообразно съ адресатомъ.

Для передачи этой разницы я воспользовался бы сравненіями чисто музыкальнаго свойства. Такъ, напр., письмо къ г. Кауфманну по солидности и оффиціальности тона я сравнилъ бы съ полными, но осторожными ударами смычка по контра-басу. Въ письмѣ къ медицинскому инспектору уже замѣчались болѣе мягкіе звуки віолончеля, хотя все еще преобладали тоны средней высоты и силы. Письмо къ Н. звучало также игриво и мягко, какъ флейта; письмо же къ В. отдавало речитативомъ, сигналами тревоги и даже барабанной дробью. Письмо къ Е. походило на равнодушно исполненную увертюру изъ оперы дидактическаго характера...

Кстати о музыкѣ.

Прогуливаясь по верхнимъ террасамъ зданій моего помѣщенія я неоднократно заглядывался на игру мѣстнаго виртуоза и заслушивался авганскихъ пѣсень. Нужно замѣтить, что кругомъ моего помѣщенія разставлено было нѣсколько пикетовъ изъ авганскихъ солдатъ. Суровые сыны Марса,—въ Средней Азіи одинаково грознаго, какъ и въ Средней Европѣ, и которому кровавыя, языческія жертвоприношенія не прекращаются и до сихъ поръ, несмотря на то, что среднеазіатцы-мусульмане такъ много кичатся чистотой своей «истинной» вѣры въ «нерожденнаго и неродившаго» Бога, а среднеевропейцы-христіане (т. е. германцы) не менѣе кичатся своей культуръ-трегерскою религіей,—такъ сыны Марса оказались также и поклонниками Аполлона, съ его длинной свитой изъ Музъ. Подъ меланхолическіе звуки «дутары» или—рѣже—«чааръ-тары» часто неслась къ этому вѣчно-голубому, южному небу пѣснь любви изъ устъ какого-нибудь рослаго, плечистаго авганца. Вокругъ пѣвца обыкновенно собирался кружокъ изъ солдатъ, его же соратниковъ, которые и награждали пѣвца шумными знаками одобренія. Въ первое время мое, выглядывающее изъ за барьера терассы, лицо очень смущало пѣвцовъ. Но потомъ они привыкли ко мнѣ. Мнѣ особенно понравился напѣвъ «герати».

Потомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней я наслаждался игрою на флейтѣ. Мягкіе, тягучіе звуки ея то какъ бы замирали вдали, то усиливались, какъ бы постепенно приближаясь. Иногда слышалась атихая трель. Я спросилъ, кто это играетъ и просилъ пригласить артиста къ себѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ ввели пожилаго авганца, солдата вершковъ 14-ти, состоявшаго въ числѣ моей стражи. Глядя на представшаго передо мной гиганта, широкоплечаго, мускулистаго, съ суровыми чертами смуглаго, какъ бы закопченнаго пороховымъ дымомъ лица,—трудно было предположить въ немъ избранника прелестной Музы, той Музы, которая дала Орфею могучую силу—укрощать дикихъ звѣрей и сдвигать съ мѣста скалы. За то глубокіе, темные глаза этого человѣка свѣтились мягкимъ, кроткимъ свѣтомъ,—что достаточно говорило въ пользу мягкости его душевной натуры.

Этотъ человѣкъ держалъ въ своихъ рукахъ небольшую, около 1 фута длины, металлическую флейту. Она обладала объемомъ около двухъ октавъ. Звуки нижняго регистра были очень нѣжны, мелодичны. Звуки верхней октавы нѣсколько походили на звуки окарины. Флейта представляла дешевое англійское издѣліе и стоила здѣсь 2 рупіи. Доморощенный артистъ съигралъ мнѣ какую-то мелодію, которая здѣсь, въ комнатѣ, далеко не была такъ эффектна, какъ на открытомъ воздухѣ, на извѣстномъ разстояніи. Я просилъ артиста принести мнѣ образцы музыкальныхъ инструментовъ, какіе употребляются въ этой странѣ, обѣщая купить ихъ. Авганецъ обѣщалъ мнѣ это, но на мое предложеніе продать свою флейту—на отрѣзъ отказался. Послѣ этого я далъ ему небольшой подарокъ и отпустилъ его.

Мирза Лойнаба, принесшій мнѣ письмо Ширъ-Али-хана, былъ награжденъ мною халатомъ. Это возбудило жадность Сары-Джана. Онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, передалъ мнѣ сначала привѣтствіе Лойнаба и затѣмъ, не говоря лишнихъ словъ, прямо попросилъ у меня себѣ въ подарокъ лисью шубку. Не отвѣчая на его просьбу я предложилъ ему садиться. На это предложеніе мой «покорнѣйшій слуга» отвѣтилъ, что не сядетъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ подарокъ.

— Меня Лойнабъ-саибъ спрашивалъ, продолжалъ мой охранитель,—получилъ-ли я отъ доктора-саиба халатъ? Я сказалъ, что

нѣтъ. А онъ мнѣ замѣтилъ на это, что его мирза получилъ отъ васъ подарокъ; дайте и мнѣ.

Такое нахальство меня очень разсердило. Поэтому я строго замѣтилъ Сары-Джану, что онъ можетъ и не садиться, если это ему нравится, но что онъ выбралъ совсѣмъ неудобную форму для полученія отъ меня награды, что я никогда не даю подарковъ тому человѣку, который самъ напрашивается на нихъ.

Тогда мой «чааръ-сатъ» (т. е. начальникъ четырехсотъ) быстро перемѣнилъ тонъ, сѣлъ на коверъ у самаго порога и сказалъ, что это онъ пошутилъ, что ему ничего не нужно и что онъ готовъ даромъ исполнить всякую службу при мнѣ. Послышались опять фразы: «нукѐри-шумѝ, адѝми-шумѝ» и т. п.

Между тѣмъ погода стояла въ полномъ смыслѣ слова великолѣпная. Въ 5 ч. утра t° никогда не была ниже — 2,5° C. Въ 1 ч. дня, въ тѣни, t° иногда достигала + 18,5° C. Облачныхъ дней за все время моего пребыванія было 2—3. Малѣйшая облачность неба отражалась на состояніи погоды еще большимъ повышеніемъ t°. 20-го декабря, напр., утро было довольно облачно и t° воздуха имѣла + 7,5° C. Только одинъ разъ пахнулъ довольно холодный сѣверо-западный вѣтеръ, который нагналъ тяжелыя, сѣро-свинцовыя облака, вслѣдствіе чего въ 1 ч. дня t° была только + 8,5° C. Но такое состояніе погоды продолжалось только одинъ день. Вѣтровъ было вообще очень мало; въ ихъ появленіи и направленіи теченія замѣчалась слѣдующая періодичность. Обыкновенно вѣтеръ поднимался утромъ, часовъ въ 10, и продолжался до 3—4 ч. дня, а затѣмъ стихалъ. Одинъ разъ былъ теплый, западный вѣтеръ, поднявшій t° до + 18,5° C. Но такой же теплый вѣтеръ былъ и юго-восточнаго направленія. Однако, потокъ воздуха такого направленія замѣчался только въ нижнихъ слояхъ атмосферы, между тѣмъ какъ въ верхнихъ онъ былъ обратнаго направленія; перистыя облака двигались по направленію съ запада на востокъ. До сихъ поръ здѣсь не выпало ни одной снѣжинки, ни капли дождя; былъ одинъ туманъ.

24-го декабря я снова получилъ нѣсколько писемъ отъ членовъ миссіи. Генералъ Разгоновъ извѣщалъ меня, что эмиръ рѣшился прожить въ Ташъ-Курганѣ нѣсколько дней; поэтому онъ приглашалъ меня переѣхать туда же. Я быстро собрался и въ тотъ же день вы-

ступилъ въ путь. Въ дорогѣ меня сопровождалъ братъ Лойнаба, Маметъ-Шахъ-ханъ. Это очень красивый брюнетъ, лѣтъ 25. По типу лица онъ скорѣе таджикъ, чѣмъ авганецъ. Для сопровожденія меня онъ нарочно былъ присланъ эмиромъ изъ Ташъ-Кургана.

Когда мы пріѣхали въ Гури-Маръ, то мой спутникъ предложилъ мнѣ переночевать въ этомъ мѣстѣ. День уже склонялся къ вечеру, а до ближайшаго селенія, Наибъ-абада, было не менѣе 25 верстъ. Но во мнѣ такъ сильно было желаніе скорѣе соединиться съ миссіей, что я съ живостью отвергнулъ предложеніе моего провожатаго. А между тѣмъ пламя костра ярко пылало у входа въ казарму Гури-Мара; запахъ этилена, разносившійся по степи, обнаруживалъ процессъ приготовленія «кябаба»—и мой спутникъ сладко потягивался въ ожиданіи отдыха и не менѣе сладко уговаривалъ меня ночевать здѣсь.

— Дорога трудная, рахъ-котель-даредъ (на дорогѣ перевалъ)—убѣждалъ онъ меня. Кромѣ того, ночью можно опасаться нападенія разбойниковъ. Да и что скажетъ эмиръ-саибъ, когда узнаетъ, что я подвергнулъ доктора-саиба такимъ трудностямъ въ пути? Онъ меня за это не похвалитъ.

Тѣмъ не менѣе я настойчиво разбилъ всѣ его доводы въ пользу ночевки въ Гури-Марѣ и рѣшилъ безостановочно продолжать путь.

Послѣ этого Маметъ-Шахъ-ханъ разостлалъ на землѣ свой молитвенный коврикъ, обратился на встрѣчу послѣднимъ, погасавшимъ лучамъ солнца, опустился на колѣни и сотворилъ «намазъ-дигеръ».

Часовъ въ 10 вечера мы были уже въ Наибъ-абадѣ. Дописывая послѣднія строки въ дневникѣ, сидя на корточкахъ на разостланномъ коврѣ у самаго края пылавшаго костра, весело потрескивавшаго и посылавшаго свой синеватый дымъ въ узкое отверстіе куполообразной кровли дома,—я поминутно «клевалъ носомъ». Послѣдними словами, занесенными въ дневникъ, были: «завтра Рождество».

ГЛАВА IV.

Съ Авганскимъ эмиромъ.

Встрѣча моя съ нашей миссіей въ г. Ташъ-Курганѣ.—Разсказы членовъ миссіи о житьѣ ихъ въ Кабулѣ.—Подробности англо-авганскаго столкновенія.—Русско-авганская дипломатическая переписка.—Причины военныхъ неудачъ авганцевъ.—Кабульская революція; причины, вызвавшія ее.—Критическое положеніе нашей миссіи.—Отъѣздъ эмира изъ Кабула.—Зимній путь миссіи черезъ Гинду-Кушъ.—Моя аудіэнція у эмира Ширъ-Али-хана.—Описаніе лагеря и окружающей мѣстности.—Я дѣлаюсь личнымъ врачемъ эмира.

Зеленѣющія озимыя поля, которыми я теперь ѣхалъ, составляли рѣзкій контрастъ съ голою, только что смоченною дождемъ степью, которая вслѣдствіе этого представлялась черною, какъ бы опаленною степнымъ пожаромъ. Поля тянулись по лѣвую сторону дороги, по правую же сторону, ближе къ горамъ, степь представлялась совершенно безжизненною. Эта степь подходитъ вплотную къ отвѣсно вздымающимся горнымъ исполинамъ, такъ сказать,—передовымъ стражамъ Паропамиза. Вершины каменныхъ великановъ были въ данное время покрыты бѣлыми, снѣжными шапками. Тамъ, въ горахъ, высоко-высоко, на одномъ уровнѣ съ тяжелыми кучевыми облаками, закрывшими цѣлую половину неба, былъ вездѣ снѣгъ и ледъ; здѣсь же, внизу, по лицу гладкой степи пролились немногія капли дождя. Дождь въ концѣ декабря!..

Еще за нѣсколько верстъ до Ташъ-Кургана можно было видѣть

бѣловатую линію, полукружно опоясывавшую городъ съ юга и запада. По мѣрѣ моего приближенія къ этой бѣловатой линіи изъ нея постепенно стали вырисовываться очертанія походнаго лагеря. Скоро можно было уже различить и отдѣльныя палатки. Почти въ центрѣ цѣлаго города палатокъ особенно замѣтна была одна, высоко вздымавшая свой коническій шатеръ надъ окружающею мѣстностью. Это была ставка эмира авганскаго.

Наша кавалькада доѣхала до западной окраины лагеря, повернула къ югу, прошла сквозь глиняныя ворота—послѣдній остатокъ стѣны, опоясывавшей въ былые времена городъ, немного поколесила по кривымъ и узкимъ улицамъ предмѣстья, перебралась по животрепещущему мостику, переброшенному черезъ глубокій и довольно широкій арыкъ—и я очутился среди членовъ нашего посольства. Но, Боже милосердный! неужели тѣ люди, одѣтые въ мохнатыя кабульскія шубы и валеные сапоги, что стоятъ кругомъ меня,—члены нашего посольства? Но эти люди раскрываютъ мнѣ братскія объятія; эти люди шлютъ мнѣ русское привѣтствіе!—Да, это они, это члены нашей злосчастной миссіи въ Авганистанѣ.

Послѣ первыхъ привѣтствій на меня полился цѣлый дождь перекрестныхъ вопросовъ; каждый поскорѣе хотѣлъ получить отъ меня свѣдѣнія о своихъ близкихъ и знакомыхъ, оставшихся въ Ташкентѣ; каждый хотѣлъ первый узнать разныя новости; но и я не оставался у нихъ въ долгу по части вопросовъ о житьѣ-бытьѣ ихъ въ Кабулѣ, о политическихъ новостяхъ, о положеніи эмира, наконецъ о томъ, зачѣмъ они нарядились въ авганскія шубы?

— Да, вѣдь, здѣсь настоящая благодать въ сравненіи съ Кабуломъ. Здѣсь вонъ t^{o} утромъ не бываетъ ниже $+3^{o}$, а въ Кабулѣ было такъ холодно, что въ кителяхъ да въ лѣтнихъ пальто совсѣмъ нельзя было щеголять-то—говорили мнѣ члены миссіи.

— Вы вѣдь, сами знаете, продолжали они, что уѣзжая изъ Ташкента въ маѣ мѣсяцѣ, мы были увѣдомлены генер. Столѣтовымъ, что наше путешествіе продлится не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Понятно, зачѣмъ же было брать съ собой теплую одежду? Да и какъ ее брать-то было: подъемныя средства даны были совсѣмъ нищенскія. А между тѣмъ намъ пришлось пробыть въ Кабулѣ цѣлыхъ 4 мѣсяца; хо-

лодъ да снѣгъ—не свой братъ. Завернешься и не въ шубу; шуба-то еще куда не шла.

Впрочемъ, шубы эти были очень хороши; онѣ съ честью выдержали бы какую угодно европейскую критику. Читатель уже знакомъ съ ними по описанію ихъ въ 9-й главѣ 1-го тома этого труда. Всѣ казаки миссіи были одѣты въ кабульскіе полушубки. На Малевинскомъ я увидѣлъ цѣлый авганскій костюмъ.

— Однако, что же мы стоимъ здѣсь, на дворѣ? войдемъ въ наше помѣщеніе, предложилъ генер. Разгоновъ.

Помѣщеніе это состояло изъ обширной палатки съ двойными стѣнками изъ холстины. Вся она поддерживалась двумя стойками.

На земляномъ полу были постланы кошмы и ковры. У стѣнъ палатки стояли двѣ-три походныя складныя кровати. «Натуралистъ» и «Инглизъ» (т. е. Бендерскій и Малевинскій), не имѣвшіе складныхъ кроватей, имѣли свои холодныя ложа прямо на полу. Вскорѣ былъ развьюченъ мой обозъ, и моя походная постель также пріютилась у одной изъ полотняныхъ стѣнокъ палатки.

Кромѣ ташкентскихъ новостей, довольно выдохшихся, впрочемъ, во время моего двухнедѣльнаго сидѣнья въ Мазари-Шерифѣ, я привезъ для миссіи разныя вещи, посылки, теплое платье, книги, чай, сахаръ, табакъ и проч. Здѣсь я долженъ сказать, что всѣ вещи, высланныя изъ Ташкента членамъ миссіи ихъ родственниками или знакомыми, я привезъ на свои собственныя средства. Не смотря на мое представленіе, ташкентская администрація отказала ассигновать средства на наемъ хотя бы одного казеннаго вьючнаго животнаго для перевозки различныхъ вещей для членовъ посольства.

Вотъ что мнѣ повѣдали мои соотечественники и товарищи о своемъ житьѣ въ Кабулѣ, а также и о происшедшихъ въ то время въ Авганистанѣ военныхъ и политическихъ событіяхъ.

— Вы, вѣдь, знаете,—началъ разсказъ генер. Разгоновъ,—что генер. Столѣтовъ мотивировалъ свой внезапный отъѣздъ изъ Кабула необходимостью экстреннаго, личнаго доклада генер. Кауфманну о событіяхъ, только что происшедшихъ тогда на англо-авганской границѣ. Поѣхалъ онъ одинъ, а не вмѣстѣ съ миссіей, по его словамъ, для выигрыша во времени. Онъ сообщилъ тогда намъ всѣмъ еще и

то, что остальная часть миссіи не замедлитъ своимъ выѣздомъ изъ Кабула.

«Эмиръ саибъ, говорилъ генер. Столѣтовъ, хочетъ послать въ Ташкентъ большое посольство, съ членомъ царствующаго дома во главѣ. Но такъ какъ нельзя быстро снарядить такое большое посольство, то остальные члены посольства и пробудутъ въ Кабулѣ столько времени, сколько это будетъ нужно для снаряженія—можетъ быть недѣли двѣ-три, не болѣе».

— Я не имѣлъ повода не вѣрить этимъ заявленіемъ, продолжалъ г. Разгоновъ. Но такъ какъ генер. Столѣтовъ бралъ васъ, докторъ, съ собой, то я и заявилъ ему, что было-бы неудобно для миссіи остаться на болѣе или менѣе долгое время безъ врача, такъ какъ въ то время были у насъ больные казаки. На это генер. Столѣтовъ отвѣтилъ, что онъ вѣроятно выѣдетъ на встрѣчу посольству, или «ужь во всякомъ случаѣ вышлетъ васъ къ миссіи обратно». Мы и остались съ подобными увѣреніями. Прошли назначенныя имъ двѣ-три недѣли, а объ отъѣздѣ авганскаго посольства въ Ташкентъ эмиръ не заводилъ и рѣчи; да и извѣстій о его снаряженіи небыло никакихъ. Военный министръ, Довча-ханъ, который провожалъ генер. Столѣтова изъ Кабула,—со времени отъѣзда послѣдняго къ намъ не приходилъ болѣе ни разу. Везиръ тоже бывалъ у насъ довольно рѣдко. Видя, что никакихъ приготовленій къ отъѣзду не дѣлается, я рѣшился спросить эмира: Когда же поѣдетъ въ Ташкентъ авганское посольство? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ совсѣмъ для меня неожиданный.

«О какомъ посольствѣ говоритъ кернель-саибъ, спросилъ меня эмиръ»?

Я выразилъ свое удивленіе по поводу такого вопросительнаго отвѣта, и сказалъ, что эмиръ-саибъ знаетъ объ этомъ посольствѣ такъ же хорошо, или даже лучше, чѣмъ я.—Но теперь настала очередь эмира—выразить на своемъ лицѣ удивленіе и безмолвный вопросъ. Произошло совсѣмъ неинтересное, тяжелое qui pro quo. Я разсказалъ эмиру то, что мнѣ сообщилъ генер. Столѣтовъ объ имѣющемъ отправиться въ Ташкентъ, большомъ авганскомъ посольствѣ. Эмиръ съ удивленіемъ замѣтилъ мнѣ на это, что ни о какомъ другомъ посольствѣ онъ и не думалъ, кромѣ тѣхъ «провожатыхъ», которыхъ онъ послалъ съ генер. Столѣтовымъ въ Ташкентъ,—провожа-

тыхъ, назначенныхъ имъ для сопутствія начальнику миссіи единственно съ цѣлію оказать ему почетъ [1]). Изъ этого объясненія сдѣлалось извѣстно только то, что миссія оставлена въ Кабулѣ на неопредѣленное время, но зачѣмъ?—вопросъ, на который я совсѣмъ не могъ отвѣтить, ибо генер. Столѣтовъ, уѣзжая изъ Кабула, кромѣ разсказа объ имѣющемъ отправиться авганскомъ посольствѣ, ни какихъ инструкцій мнѣ неоставилъ.

Это первое qui pro quo было далеко не послѣднимъ, но объ этомъ потомъ...

Долго лилась наша дружеская бѣсѣда. Мнѣ было бы очень трудно воспроизвести ее такъ, какъ говорилъ каждый членъ миссіи, и потому я постараюсь разсказать все нижеслѣдующее своими словами.

Оставшаяся въ Кабулѣ часть миссіи не получала никакихъ извѣстій изъ Ташкента, и вообще изъ Россіи, до конца сентября мѣсяца. Я не знаю, какъ случилось, что мои письма, написанныя мною въ Самаркандѣ, тотчасъ же по пріѣздѣ изъ Авганистана и отданныя мною генер. Столѣтову для пересылки въ Кабулъ, вмѣстѣ съ другимъ письмами,—не были получены миссіей. Я могу только предполагать, конечно, что они не были отосланы по адресу, ибо самъ генер. Столѣтовъ не послалъ тогда миссіи ни одной строчки.—Только въ концѣ сентября мѣсяца генер. Столѣтовъ прислалъ миссіи коротенькое письмо, заключавшее въ себѣ извѣстіе что «по Высочайшему повелѣнію миссія остается въ Кабулѣ впредь до особаго объ этомъ распоряженія» [2]). Объ этомъ же сообщалъ миссіи и генер. Кауфманнъ, въ

---

[1]) Вотъ что между прочимъ писалъ по поводу проводъ генер. Столѣтова эмиръ Шаръ-Али-ханъ генер. Кауфманну отъ 9 августа 1878 г. «Съ нашего разрѣшенія генер. (Столѣтовъ) выѣхалъ изъ столицы и скоро прибудетъ къ Вамъ, любезнѣйшій нашъ другъ, и передастъ Вамъ о положеніи всѣхъ дѣлъ. Почитая и уважая генерала мы назначили и посылаемъ вмѣстѣ съ нимъ въ Ташкентъ лично состоящихъ при насъ высокопоставленныхъ при насъ Кемнаба-Мирза-Могаммедъ Гассана и Алиджа Уляма Айдаръ-хана съ двумя при нихъ офицерами».—Здѣсь, какъ видитъ читатель, нѣтъ ни одного слова о предстоящей поѣздкѣ большаго авганскаго посольства, о которомъ говорилъ генер. Столѣтовъ.

[2]) Между тѣмъ передъ выѣздомъ изъ Ташкента генер. Столѣтовъ послалъ въ Кабулъ письмо Везиру, Шахъ-Магометъ-хану. «Благодаря Бога, «писалъ генер. Столѣтовъ, «я достигнулъ Ташкента благополучно и въ благопріятнюу

письмѣ своемъ отъ 21-го сентября. Въ этомъ письмѣ генер. губернаторъ сообщалъ, между прочимъ, что миссія въ своихъ сношеніяхъ съ эмиромъ должна быть крайне осторожна, что военная помощь эмиру верховнымъ правительствомъ не рѣшена, да, притомъ, если и будетъ этотъ вопросъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, то войска не могутъ быть въ Кабулѣ ранѣе февраля мѣсяца. Сообщивъ приказаніе о томъ, чтобы миссія оставалась въ Кабулѣ, генер. Кауфманнъ признавалъ, однако, возможнымъ для нея—выѣхать изъ Кабула въ томъ случаѣ, если начнутся военныя дѣйствія со стороны англичанъ. Далѣе—въ письмѣ онъ изложилъ предполагаемый имъ планъ будущихъ военныхъ дѣйствій англичанъ въ Авганистанѣ, причемъ высказывалъ мысль, что главное вниманіе англичанъ будетъ обращено на Курумскую долину и Боландскій проходъ, считая Хайберскій путь не проходимымъ. Затѣмъ онъ передавалъ генер. Разгонову совѣтъ—подать мысль авганцамъ, чтобы они вели войну преимущественно партизанскую, дѣйствуя на тылъ и сообщенія непріятеля. Ген. Кауфманнъ писалъ также, что отъ генер. Столѣтова, уѣхавшаго изъ Ташкента въ Ливадію 10-го сентября, онъ не получалъ еще никакихъ извѣстій.

Покуда миссія сидѣла въ Кабулѣ въ полномъ невѣдѣніи того, зачѣмъ она здѣсь сидитъ, ни того, что дѣлается въ Россіи или, вѣрнѣе, что Россія намѣрена дѣлать съ авганскимъ вопросомъ—англичане дѣятельно подготовлялись къ войнѣ съ эмиромъ. Наши газеты были переполнены тогда увѣреніями, что Англія не можетъ начать войны съ Авганистаномъ ранѣе весны слѣдующаго 1879 г., а между тѣмъ всѣ три корпуса англо-индѣйской арміи въ концѣ сентября уже

минуту представился Ярымъ-Падишаху. День и ночь я стараюсь выиграть наше дѣло и надѣюсь преуспѣть въ этомъ. Сегодня я уѣзжаю (изъ Ташкента) для свиданія съ Императоромъ, чтобы лично извѣстить Его Величество о нашихъ дѣлахъ. Если Богу будетъ угодно—все необходимое будетъ сдѣлано и утверждено. Я надѣюсь, что тѣ, которые захотятъ войти въ Кабулъ съ востока, увидятъ, что дверь заперта; тогда, дастъ Богъ (инш-аллахъ), они вострепещутъ; я надѣюсь, что Вы передадите мое почтеніе Его Высокостепенству, эмиру. Да дастъ Богъ ему долгую жизнь и да улучшитъ его здоровье. Будьте здоровы и знайте, что при покровительствѣ Божіемъ наше дѣло устроится».—Письмо это взято изъ Correpondence respecting affairs in Central Asia, presented to both houses of Parliement by commend of Her Majesty, № 1, 1881 г.

готовы были начать немедленное наступленіе по всѣмъ тремъ линіямъ. Объ этомъ можно было заключить уже изъ того тона, дышащаго силой и увѣренностью въ успѣхѣ, который звучалъ въ письменныхъ сношеніяхъ англо-индѣйскаго правительства съ эмиромъ Авганистана. Эмиръ Ширъ-Али-ханъ нисколько не ошибался на счетъ намѣреній своихъ противниковъ и въ ихъ готовности къ немедленному наступленію [1]). Это между прочимъ можно видѣть изъ письма его къ Туркестанскому генералъ-губернатору, отъ 25-го сентября 1878 г.

«Послѣ искренняго выраженія чувствъ дружбы, да будетъ извѣстно Вашему Высокопревосходительству», писалъ эмиръ, «что положеніе здѣшней страны послѣ отъѣзда изъ столицы Кабула посланника Россійскаго правительства, генерала Столѣтова въ Ташкентъ, приняло такой оборотъ, что люди безстыдныхъ англичанъ стали въ открытую вражду съ государствомъ мнѣ свыше дарованнымъ и крѣпко завязали на себѣ пояса вражды. Впрочемъ все это вѣроятно извѣстно Вамъ изъ писемъ полковника [1]).

«Они въ настоящее время прибыли на границу мнѣ даровавшаго государства, Хайбэръ, и приготовились начать войну; дѣло стоитъ лишь за началомъ; словомъ, приличія и хорошія отношенія миновали и за ними осталось начало войны (они начнутъ вѣроятно войну). Люди мнѣ дарованнаго государства должны, по мѣрѣ силъ, защищать границу, защищать себя и свои имущества; по силѣ возможности они будутъ это дѣлать.

«Пламя этой подлости (несогласія), этой вражды (злобы) никогда не можетъ быть потушено и Вы часто будете получать извѣстія о столкновеніяхъ Британскаго государства съ Авганскимъ.

«Прошу Васъ по дружбѣ не оставлять меня по Вашему соображенію, Вашимъ вниманіемъ, Вашимъ расположеніемъ».

Естественно, что съ требованіями о помощи эмиръ обратился прежде всего къ нашей миссіи, находившейся въ Кабулѣ. И вотъ

---

[1]) Въ томъ, что англичане были совсѣмъ готовы къ войнѣ съ Авганистаномъ, нѣтъ ничего удивительнаго. Вѣдь они начали готовиться къ ней еще съ весны 1877 г., когда послѣ пешаверской конференціи пословъ эмира и Англіи выяснилось, что эмиръ Ширъ-Али-ханъ тяготится положеніемъ вассала англо-индѣйской имперіи.

[1]) Т. е. Н. О. Разгонова.

тутъ-то и сказалась вся невыносимость, а если хотите, то и—комичность положенія нашей миссіи. Миссія ничего не могла отвѣчать на запросы эмира и его министровъ. Но не могла она сказать имъ ни одного слова совсѣмъ не потому, чтобы ей было такъ приказано верховною властью,—это было бы въ порядкѣ вещей. Нѣтъ, она должна была молчать потому, что совершенно не знала что сказать. Генералъ Столѣтовъ изъ своихъ интимныхъ разговоровъ съ эмиромъ ничего почти не сообщилъ миссіи. Миссіи не было извѣстно, что обѣщалъ и чего не обѣщалъ генералъ Столѣтовъ эмиру. А между тѣмъ эмиръ утверждалъ, что генер. Столѣтовъ обѣщалъ вернуться въ Кабулъ во главѣ тридцатитысячнаго войска.

Эмиръ постоянно спрашивалъ: скоро-ли пріѣдетъ въ Кабулъ генералъ Столѣтовъ съ войсками? скоро-ли прійдетъ военная помощь?

Какъ и что могъ отвѣчать генер. Разгоновъ на эти вопросы, когда отъ генер. Столѣтова не получалось въ Кабулѣ никакихъ извѣстій, а первыя извѣстія отъ генер. Кауфманна получились только въ началѣ октября мѣсяца?—Да, трудное время приходилось переживать миссіи, но впереди ее ожидали еще большія невзгоды.

Въ концѣ сентября же мѣсяца, по совѣту генер. Разгонова,—которому, впрочемъ, ничего другаго не оставалось дѣлать, какъ только подать этотъ совѣтъ,—эмиръ написалъ письмо Государю Императору Россіи. Вотъ это письмо [1]).

«Такъ какъ согласно потребностямъ дружбы и расположенія необходимо увѣдомить Ваше Императорское Величество о стеченіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ и происшествій, то и прошу Васъ позволить написать Вамъ, что съ тѣхъ поръ, какъ двери дружескихъ сношеній открылись между Могущественнымъ Правительствомъ Вашего Величества и здѣшнимъ покровительствуемымъ Богомъ Правительствомъ, и произошли дружескія сообщенія—сердца чиновниковъ Британскаго Правительства почувствовали себя оскорбленными. Давно уже они надоѣдали и безпокоили служащихъ здѣшняго богоданнаго Правительства и проявили много непріятныхъ поступковъ, которые не согласуются съ условіями сосѣдства. Огонь ихъ зложелательства и лукавства еще не погасъ, когда миссія Вашего Величества прибыла въ мою

---

[1]) Central Asia, Correspondence, inclosure № 36.

столицу, Кабулъ, и стала нанизывать перлы дружескихъ чувствъ на нить государства. Это событіе увеличило ихъ (англичанъ) оппозицію и вражду. По прибытіи миссіи Вашего Величества, они выказали враждебное настроеніе публично и частнымъ образомъ, поступали безчестно и заявляли свою вражду множествомъ разныхъ способовъ. Прежде всего они пришли къ Джамруду, мѣстности на моей границѣ, со множествомъ спутниковъ, которыхъ они называли своими провожатыми,—повидимому съ какимъ-то порученіемъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы причинить зло богоданному Правительству, и хотѣли безъ позволенія пройти въ столицу и удовлетворить своему желанію—оскорбить миссію Вашего Величества. Когда же начальники переднихъ постовъ и чиновники покровительствуемаго Богомъ Правительства поразили сердца ихъ желаній рукою отказа, говоря, что завязывать дружескія сношенія силой и посылать миссію съ такой толпой и бунтомъ противно обычаямъ каждой націи—они возвратились въ Пешаверъ и теперь заняты организаціей похода въ Авганистанъ, разослали прокламаціи о войнѣ по всѣмъ угламъ и закоулкамъ и прилагаютъ всѣ ихъ старанія къ тому, чтобы подрыть основанія Авганскаго государства. Несмотря на все это, чиновники нашего богоданнаго Правительства ничего еще не сдѣлали имъ недружелюбнаго или враждебнаго и смотрятъ на первый ихъ враждебный актъ, какъ на неосмотрительный и неблагоразумный. Но это фактъ, что чѣмъ болѣе мы уступаемъ, тѣмъ враждебнѣе они дѣлаются. Британское Правительство въ настоящее время стоитъ въ такомъ же положеніи къ Авганскому Правительству, какъ 40 лѣтъ тому назадъ, когда посланникъ славнаго Русскаго Правительства и агентъ Британскаго Правительства пріѣзжали въ Авганистанъ. Покойный эмиръ, руководимый здравымъ смысломъ предпочелъ дружбу Вашего Императорскаго Величества дружбѣ Британскаго Правительства, вслѣдствіе чего Авганистанъ и выстрадалъ то, что выстрадалъ. Короче, англичане рѣшились на войну и подданные богоданнаго Правительства будутъ защищать свои границы, жизнь и имущество—какъ только позволятъ имъ ихъ силы. Посмотримъ, чѣмъ закончитъ Провидѣніе эту войну, и что Оно дастъ, чтобы ее избѣгнуть.

«Вышеприведенное есть откровенное изложеніе положенія вещей, отъ начала до конца, что я и пишу для извѣщенія Вашего Импера-

торскаго Величества. Я надѣюсь, что Ваше Величество будете столь любезны, пошлете мнѣ дружескую помощь, соотвѣтственно величію Вашего Императорскаго Величества, для поддержанія спокойствія въ Авганистанѣ».

Въ тоже время, долго не получая отъ генер. Столѣтова никакихъ извѣстій, эмиръ Ширъ-Али-ханъ рѣшился написать и ему письмо, извѣщая о положеніи дѣлъ въ Авганистанѣ. Вотъ это письмо.

«Въ то время какъ Вы находились въ столицѣ (въ Кабулѣ) и вели дружескіе переговоры, Вы узнали о злыхъ намѣреніяхъ англичанъ въ отношеніи авганцевъ; съ тѣхъ поръ какъ Вы уѣхали въ Ташкентъ, ихъ враждебныя отношенія дѣлались изо-дня въ день все хуже и хуже и выразились недавно явно и открыто. Вы уже были извѣщены о состояніи дѣлъ письмами полковника (Разгонова). Достаточно времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я не получалъ отъ Васъ никакихъ извѣстій. Обстоятельства болѣе не позволяютъ надѣяться на мирное рѣшеніе дѣла; война неминуема. Они зачинщики. Если бы было во власти начальниковъ покровительствуемаго Богомъ Правительства, они бы избѣжали разрыва уступками, но теперь остается только наблюдать то, что появится изъ-за занавѣса.

«Я не терялъ времени, чтобы сообщить о вышеприведенныхъ обстоятельствахъ Его Императорскому Величеству Царю, а также и генер. Кауфманну; теперь же я извѣщаю Васъ объ этомъ, чтобы Вы оказали дружескую помощь, какая покажется Вамъ подходящей и какая соотвѣтствуетъ величію Его Величества Императора» [1]).

Но прежде чѣмъ это письмо дошло до генер. Столѣтова, этотъ послѣдній послалъ еще письмо въ Авганистанъ, въ которомъ онъ извѣщалъ о своемъ прибытіи въ Ливадію и объ усиліяхъ своихъ, направленныхъ на пользу Авганистана и т. п. Письмо было написано по персидски. Такъ какъ письмо это сильно страдало по части орфографіи, да притомъ же часто одно слово было употреблено вмѣсто другаго, то чтеніе его было очень затруднительно. Оно читалось и у эмира, и въ миссіи, чуть-ли не цѣлую недѣлю; все добирались смысла письма. Особенно не давалась понятію авганцевъ фраза: «наше

¹) Central Asi., inclos. № 37.

Правительство невинно, какъ голубь и мудро, какъ змѣя». Я привожу здѣсь и это письмо, въ переводѣ.

«Отъ генер. Столѣтова Визирю Шахъ-Магометъ-хану.

«Прежде всего я надѣюсь, что вы будете столь любезны, передадите мое почтеніе эмиру. Да дастъ ему Богъ долгую жизнь и да улучшитъ его здоровье! Я всегда буду помнить его царское гостепріимство. Я занятъ день и ночь его дѣлами и, благодаря Бога, мои труды не остались безъ успѣха. Великій Императоръ—вѣрный другъ эмира и Авганистана и Его Величество сдѣлаетъ все, что сочтетъ необходимымъ. Безъ сомнѣнія Вы не забыли, какъ я говорилъ вамъ, о томъ, что дѣла Государства похожи на страну, которая покрыта множествомъ горъ, долинъ и рѣкъ. Кто сидитъ на высокой горѣ, можетъ все это видѣть. По повелѣнію и власти Бога нѣтъ другой Имперіи, подобной Имперіи нашего великаго Императора. Да продлитъ Богъ его жизнь! Поэтому все, что наше правительство посовѣтуетъ Вамъ, Вы должны исполнить. Истинно говорю Вамъ, что наше Правительство мудро, какъ змѣя, и невинно, какъ голубь. Много есть вещей, которыхъ Вы не можете понять, но наше Правительство понимаетъ ихъ хорошо. Часто случается такъ, что то, что намъ не нравится сначала, благословляется нами потомъ. Теперь, мой добрый другъ, знайте, что врагъ вашей славной религіи желаетъ заключить съ Вами миръ черезъ посредство Турецкаго Кесаря. Поэтому Вы должны слѣдить за Вашими братьями, которые живутъ по другую сторону рѣки. Если Богъ укрѣпитъ ихъ и дастъ имъ въ руки мечъ войны, тогда, призвавъ Имя Божіе, выступайте; другими словами, Вы должны быть подобны змѣѣ: наружно показывайте миръ, а тайно приготовляйтесь къ войнѣ, и когда Богъ Вамъ дастъ свое знаменіе, тогда и обнаружьте себя. Было бы хорошо, когда бы посланникъ вашего врага захотѣлъ войти въ вашу страну и еслибъ Вы въ свою очередь, послали въ страну врага способнаго посла, владѣющаго змѣинымъ языкомъ, полнымъ лукавства, такъ чтобы онъ сладкими рѣчами опуталъ умъ врага и довелъ его до того, чтобы онъ отказался сразиться съ Вами. Мой добрый другъ! довѣряю Васъ Провидѣнію Божьему. Да будетъ Богъ покровителемъ государства эмира и да содрогнутся члены вашихъ враговъ. Аминь».

Получивъ такое письмо, эмиръ, понятно, требовалъ отъ миссіи

объясненія какъ относительно содержанія его, такъ и вообще относительно намѣреній русскаго правительства.

— Отчего же генер. Столѣтовъ ничего не пишетъ о военной помощи, которую онъ мнѣ обѣщалъ?—допрашивалъ эмиръ Разгонова.

Но что же могъ отвѣтить на этотъ вопросъ генер. Разгоновъ?— Не знаю? Но этотъ отвѣтъ пришлось давать уже такъ часто, что эмиръ выходилъ изъ себя при новомъ «не знаю».

— Кто же будетъ знать? возражалъ онъ. Вѣдь Вы—посолъ Россіи; Вамъ именно и нужно это знать.

Послу Россіи приходилось теперь отвѣчать только «ожиданіемъ» новыхъ сообщеній изъ Россіи, отъ ген. Кауфманна.

Но и генер. Кауфманнъ писалъ генер. Разгонову очень рѣдко, и притомъ сообщалъ въ письмахъ мало утѣшительнаго. Такъ въ письмѣ своемъ отъ 22-го октября онъ, предполагая, что война началась или скоро начнется, совѣтовалъ генер. Разгонову подать эмиру мысль—заключить миръ съ Англіей или, какъ онъ выражался,— «подать англичанамъ вѣтвь мира». Въ этомъ письмѣ генер. Кауфманнъ рѣшительно говорилъ о томъ, что помочь эмиру войсками онъ не можетъ «такъ какъ не получилъ отъ Государя Императора на то повелѣнія». Далѣе онъ просилъ передать эмиру совѣтъ—освободить изъ заключенія своего сына, Якубъ-хана, и примириться съ его приверженцами. Генер. Кауфманнъ думалъ было послать авганцамъ 10—15 тысячъ игольчатыхъ ружей или же 6-ти линейныхъ винтовокъ, но и этого не могъ сдѣлать, такъ какъ и на это не получилъ отъ верховнаго правительства разрѣшенія.

Что касается генер. Столѣтова, то генер. Кауфманнъ сообщалъ миссіи, что получилъ отъ него только одну телеграмму о прибытіи въ Ливадію, и больше ничего.

Въ то же время генер. Кауфманнъ прислалъ письмо и эмиру.

«Послѣ искренняго пожеланія Вамъ здоровья и счастья, писалъ онъ,—да будетъ извѣстно слѣдующее:

«Любезное письмо Ваше, отъ 12 Шевваля, я получилъ въ Ташкентѣ 16-го октября (3-го Зулкаада) и содержаніе его усвоилъ.

«Краткое содержаніе письма Вашего къ Великому Государю Императору я сообщилъ Его Величеству телеграммой, а самое письмо, а

также и письмо къ генер. Столѣтову, отправилъ съ курьеромъ въ Ливадію, мѣсто пребыванія теперь Государя.

«Считаю нужнымъ затѣмъ увѣдомить Ваше Высокостепенство, что англичане, какъ мнѣ точно извѣстно, намѣрены сдѣлать новую попытку примириться съ Вами. Съ своей стороны я, какъ другъ Вашъ, думая о будущемъ, совѣтую Вашему Высокостепенству, если англичане, какъ я увѣренъ, сдѣлаютъ шагъ къ примиренію, дать имъ вѣтвь мира.

«Да сохранитъ Васъ Всевышній Богъ на благо Вашихъ подданныхъ».

Эти оба письма были получены въ Кабулѣ только 7-го ноября, по старому стилю, т. е. за одинъ день до истеченія ультиматума, который англичане объявили эмиру. Несмотря на это, а также и на то, что военныя приготовленія со стороны эмира были вполнѣ закончены, онъ, по совѣту генер. Разгонова, все же послалъ англичанамъ «вѣтвь мира».

Тотчасъ по полученіи письма, эмиръ написалъ отвѣтъ генер. Кауфманну на его письмо отъ 21-го октября. Письмо это, датированное 8-го ноября, въ тотъ же день и было отослано въ Ташкентъ. Вотъ что писалъ эмиръ генер. Кауфманну.

«Послѣ засвидѣтельствованія дружескихъ привѣтствій, да будетъ извѣстно Вашему дружескому благосклонному вниманію, что любезное письмо Ваше отъ 22 октября, 8 Зулькаада, 1295 г. Хеджри, мы получили и содержаніе его поняли.

«До полученія Вашего письма мы получили отъ Британскаго Правительства враждебное, высокомѣрнаго и строгаго содержанія письмо [1]), которое было нами прочитано и подлинное, на англійскомъ языкѣ, передано Посланнику Государства всему свѣту извѣстнаго, генер. Разгонову, который перевелъ на русскій языкъ и отправилъ его къ Вашему Высокопревосходительству.

«Въ то время, когда мы собирались написать отвѣтъ, согласно ихъ требованія, мы получили Ваше письмо. Вы написали намъ, чтобы мы дали имъ вѣтвь мира. Хотя мы знаемъ англичанъ, что они ни

[1]) Рѣчь идетъ объ ультиматумѣ, который англичане послали въ это время эмиру Ширъ-Али-хану.

за что (не сложатъ рукъ) не откажутся питать къ Государству, намъ свыше дарованному, вражду и высокомѣріе, такъ какъ дѣло въ настоящее время остается лишь за начатіемъ выстрѣловъ, и, установивъ дружбу, бросить вражду они не думаютъ, но мы всетаки, согласно Вашего совѣта и указанія Его Величества Императора, дали имъ въ руки вѣтвь мира, написавъ дружеское письмо, съ ласковыми словами. Копію съ письма, отправленнаго къ нимъ, при этомъ посылаю. Вы, благосклонный другъ нашъ, прочитайте и узнайте сущность дѣла и взгляда Британіи къ Авганистану.

«Желаю Вамъ, любезный другъ, быть всегда въ расположеніи духа».

Но эта «вѣтвь» прибыла въ Али-Месджидъ 10-го ноября,—тогда, когда сраженіе было уже въ полномъ разгарѣ. Поэтому посланецъ, не вступая ни въ какіе переговоры, сейчасъ же вернулся назадъ. Тѣмъ не менѣе генер. Разгоновъ снова посовѣтовалъ эмиру предложить англичанамъ миръ, и этотъ совѣтъ опять былъ принятъ эмиромъ, но письмо эмира къ англійскимъ военнымъ начальникамъ опять почему-то опоздало. Оно достигло своей цѣли только 17-го ноября, когда англичане, сначала побитые у Пейвара, разбили потомъ авганцевъ и заняли Шутуръ-Гэрденскій перевалъ.

Вслѣдствіе всего этого—обстоятельства сложились такъ, что неизбѣжно обусловили кровавое англо-авганское столкновеніе.

Во все время, которое протекло съ 11-го августа до Али-Меджидскаго столкновенія, наша миссія сидѣла въ 4-хъ стѣнахъ Бала-Хиссара, не сдѣлавъ шагу вонъ изъ своего помѣщенія. Переговоры, которые велись между миссіей и эмиромъ, происходили главнымъ образомъ только при посредствѣ генер. Разгонова съ переводчикомъ (Назировымъ). Остальные члены почти не удостоивались чести быть посвященными въ переговоры г. Разгонова съ авганскимъ правительствомъ. Таинственность, съ какою велъ переговоры генер. Разгоновъ, простиралась до того, что если въ общую залу, гдѣ собирались всѣ члены миссіи, приходилъ Везиръ и начиналъ политическій разговоръ, то генер. Разгоновъ довольно безцеремонно приглашалъ всѣхъ остальныхъ членовъ миссіи, исключая переводчика Назирова, оставить залу. Странное распоряженіе! Вѣдь и секретничать-то генер. Разгонову совсѣмъ не о чемъ было. Да, накопецъ, разсказалъ же по-

томъ онъ самъ миссіи о всѣхъ своихъ переговорахъ и сношеніяхъ. Къ чему же было нужно играть въ тайну? А эта игра еще болѣе усиливала и безъ того безотрадное впечатлѣніе миссіи отъ постояннаго сидѣнья въ четырехъ стѣнахъ. Не весело было то сидѣнье, на какое была она обречена; но оно становилось положительно невыносимымъ при мысли, что миссія была причиною, хотя бы и косвенной, войны Авганистана съ Англіей.

Къ этому же нужно прибавить, что миссія теперь далеко не пользовалась здѣсь тѣмъ почетомъ, какъ прежде. Начиная съ сердарей и кончая простымъ народомъ, всѣ авганцы считали ее единственной причиной возникшихъ политическихъ усложненій и неминуемой войны съ Англіей. Эмиръ, а равно и его министры, часто попрекалъ миссію тѣмъ, что она, какъ 40 лѣтъ тому назадъ, навлекла на Авганистанъ грозную тучу. Конечно, эти попреки были несовсѣмъ основательны, ихъ можно было оспаривать; но положеніе миссіи отъ этого нисколько не дѣлалось лучшимъ. Къ довершенію всего этого среди членовъ миссіи и ея конвоя развилась сильная болѣзненность. Кабульскія лихорадки порядочно таки дали себя почувствовать нашимъ добровольнымъ узникамъ. Это бы еще ничего; лихорадки—не Богъ знаетъ какая вещь! Но вотъ появились и тифозные больные. Одинъ казакъ едва избѣжалъ смерти. Самъ начальникъ миссіи, генер. Разгоновъ, заболѣлъ воспаленіемъ горла, которое, благодаря мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, упорно продолжалось въ теченіи 3-хъ недѣль. Уже въ октябрѣ мѣсяцѣ выпалъ въ Кабулѣ снѣгъ, стало очень холодно, а между тѣмъ согрѣться озябшимъ членамъ нашей миссіи было негдѣ. Въ ея помѣщеніи всѣ комнаты были безъ печей. Даже каминовъ не было. До нѣкоторой степени можно было нагрѣвать комнаты только съ помощію «мангаловъ». Но и къ такому, совсѣмъ первобытному, способу отопленія комнатъ не всегда можно было прибѣгнуть: часто не было ни щепки дровъ, ни куска угля.

Нужно замѣтить, что и этимъ способомъ позволяютъ себѣ отопливать комнаты только богатые кабульцы. Значительное же большинство жителей обходится и совсѣмъ безъ отопленія, вслѣдствіе недостатка здѣсь топлива и дороговизны его. Они, поэтому, тщательно закупориваютъ свои глиняныя мазанки, одѣваются въ свои овчинныя шубы—и такъ проводятъ цѣлыя сутки почти неподвижно. А между

тѣмъ прежде здѣсь, вѣроятно, не было недостатка въ топливѣ. Султанъ Баберъ въ своихъ мемуарахъ сообщаетъ намъ, что хотя въ Кабулѣ зимою довольно холодно, но такъ какъ здѣсь дрова находятся въ изобиліи, то это неудобство дѣлается совершенно неощутительнымъ [1]).

Вотъ тогда-то наша миссія и облеклась въ авганскія шубы.

Иногда, впрочемъ, выпадали и на ея долю веселые дни. Это случалось по странному капризу судьбы тогда, когда можно было бы ожидать этого всего менѣе.

Извѣстно, что западно-европейская пресса раздула тогда, такъ называемый, авганскій вопросъ до невѣроятной степени. Естественно, что на Авганистанъ обратили вниманіе даже и тѣ люди, которые до сихъ поръ, можетъ быть, не имѣли ни малѣйшаго понятія объ этой странѣ. Естественно также, что нѣкоторые изъ нихъ возъимѣли желаніе пособить эмиру авганскому своимъ совѣтомъ или даже дѣломъ (а можетъ быть тоже только на словахъ). И вотъ посыпались изъ Европы къ эмиру и къ нашей миссіи совѣты о томъ, какъ имъ лучше поступить при данныхъ обстоятельствахъ. Предлагались разные планы веденія войны съ Англіей. Присылались даже шифрованныя депеши, съ такимъ шифромъ, что ихъ никто въ Кабулѣ не могъ разобрать. Одну такую депешу, написанную съ помощію изображеній деревьевъ, звѣрей, озеръ, рѣкъ, горъ и морей, разбирали всѣмъ авгано-русскимъ хоромъ въ продолженіи двухъ недѣль, да такъ и не разобрали. Казій пешаверскій, Абдуль-Кадеръ, пользовавшійся въ то время полнѣйшимъ довѣріемъ эмира, желая «изловить смыслъ депеши», кажется забылъ выпивать по ночамъ свои нѣсколько бутылокъ вина, до котораго онъ былъ большой охотникъ,—но также ничего не могъ придумать.—Одинъ гарибальдійскій капитанъ въ отставкѣ предлагалъ эмиру самый вѣрный способъ разбить англичанъ на всѣхъ ихъ позиціяхъ; для этого нужно было пригласить его, капитана, въ армію эмира, въ качествѣ руководящаго офицера. Но для того нужно было, чтобы эмиръ предварительно выслалъ этому гарибальдійцу «ничтожную» сумму на проѣздъ, всего 1500 франковъ.

«Гамбургскій почтовый союзъ» пожелалъ узнать организована-

---

[1]) Mémoires de Baber. т. I, стр. 283.

ли почта въ Авганистанѣ, и если да, то просилъ выслать ему авганскія почтовыя марки, для образца. Желаніе почтеннаго «союза» было вполнѣ удовлетворено: ему выслано было нѣсколько образцовъ почтовыхъ марокъ въ 1/4, 1/2 и 1 теньгу.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на эти случайныя развлеченія, миссіи жилось плохо; она чрезвычайно скучала.— Представьте себѣ людей запертыхъ въ четырехъ стѣнахъ зданія, которымъ не позволено сдѣлать ни одного шага за порогъ этого зданія, людей лишенныхъ не только тѣхъ удобствъ, къ которымъ они привыкли прежде, людей, видѣвшихъ теперь только до крайности надоѣвшія физіономіи Везира, Казія и еще двухъ-трехъ авганцевъ, людей, наконецъ, лишенныхъ возможности знать хотя что либо о томъ, что въ данное время дѣлалось на Божьемъ свѣтѣ, такъ какъ русскихъ газетъ они не получали въ Кабулѣ, а англійскія эмиру болѣе не высылались—и вы поймете всю невыносимость того положенія, въ которомъ находилась миссія въ продолженіи 4-хъ мѣсячнаго пребыванія въ Кабулѣ.

Только г. Малевинскій не унывалъ ни при какихъ обстоятельтвахъ. Онъ съумѣлъ найти себѣ занятіе по вкусу. Онъ скупалъ, при посредствѣ одного джигита, на кабульскихъ базарахъ старыя монеты. По цѣлымъ днямъ онъ варилъ и чистилъ грязныя, ржавыя монеты— и въ результатѣ получилась очень цѣнная коллекція древнихъ монетъ [1]).

Между тѣмъ 10-го ноября англичанами былъ занятъ съ боя Али-Месджидъ. Авганцы говорили, что гарнизонъ этого укрѣпленія защищался очень храбро. Обѣ стороны понесли большія потери. По словамъ авганцевъ, укрѣпленіе защищалось 5 баталіонами пѣхоты; между тѣмъ какъ англичане нападали въ количествѣ 20-ти баталіоновъ. Бой начался 9-го ноября; начало его было для авганъ довольно удачно. Но такъ какъ на слѣдующій день въ авганскомъ лагерѣ получились свѣдѣнія, что англичане обошли укрѣпленіе и угрожали авганскому гарнизону съ тыла, и что обходъ этотъ былъ совершенъ при помощи измѣнниковъ момундцевъ, то гарнизонъ и рѣшилъ отступить, такъ какъ въ укрѣпленіи нельзя было долѣе держаться. Отступленіе прои-

---

[1]) Этой коллекціей въ настоящее время владѣетъ, кажется, графъ Строгоновъ (?).

зошло при концентрическомъ наступленіи англичанъ. Артиллерія гарнизона была вся брошена и досталась въ руки англичанъ. Два баталіона авганъ были совсѣмъ уничтожены, два отступили къ Шутуръ-Гэрденскому перевалу, а остальные два—къ Джелалабаду.

15-го ноября эмиръ объявилъ «газатъ» т. е. священную войну съ невѣрными. Отъ этого политическаго хода онъ ожидалъ большихъ послѣдствій въ свою пользу.

И дѣйствительно, нѣкоторые результаты этого провозглашенія вскорѣ получились, хотя и далеко не такіе, какихъ ожидалъ эмиръ. Такъ, съ этого времени начинаются нападенія горныхъ племенъ на тылъ и пути сообщенія англійскихъ войскъ. Даже момундцы ci devant союзники англичанъ—не замедлили разграбить одинъ англійскій транспортъ съ оружіемъ. Тѣмъ не менѣе 18-го ноября Пейварскій перевалъ былъ занятъ англичанами съ боя, хотя они и потерпѣли довольно большія потери; а 19-го занятъ былъ и Шутур-Гэрденскій перевалъ. Авганцы сначала оказали и здѣсь сильное сопротивленіе, но англичане повторили здѣсь тотъ же маневръ, что и при штурмѣ укрѣпленія Али-Месджида. Тогда авганскія войска, видя себя обойденными съ лѣваго фланга и съ тыла,—отступили, бросивъ всю артиллерію (до 18 орудій).

Такимъ образомъ Кабулъ оказался совершенно открытымъ. Курумскій отрядъ англійскихъ войскъ могъ въ 2—3 дня подойти къ самымъ стѣнамъ столицы эмира. Но могло случиться нѣчто и еще болѣе худшее. Курумскій отрядъ могъ обойти Кабулъ съ юга, пройдя на Хуши, Логаръ и, выйдя на газнійскую дорогу, обойти Кабулъ съ запада. Если бы англичане исполнили этотъ маневръ, то Кабулъ былъ бы отрѣзанъ ими отъ Туркестана, который оставался теперь единственнымъ оплотомъ эмира. Дѣло въ томъ, что въ это время года только одинъ Бамьянскій путь въ Туркестанъ былъ свободенъ отъ снѣга; путь же на Кушанскій перевалъ былъ уже недоступенъ. Если бы обходный маневръ былъ англичанами исполненъ, то эмиръ былъ бы захваченъ ими точно мышь въ ловушкѣ, и война, конечно, сейчасъ же была бы окончена. Но эмиръ во время замѣтилъ грозящую ему опасность и рѣшился предупредить своихъ враговъ выѣздомъ изъ Кабула въ Туркестанъ.

Прежде всего онъ отослалъ въ Туркестанъ свое семейство и во-

обще свое хозяйство, имущество. Семейство выѣхало изъ Кабула 19-го ноября. Послѣ этого эмиръ нѣкоторое время еще раздумывалъ о томъ: уѣхать-ли и ему въ Мазари-Шерифъ, или, собравъ всѣ наличныя военныя силы, какія у него оставались въ Кабулѣ (до 14-ти баталіоновъ пѣхоты), дать врагамъ генеральное сраженіе подъ стѣнами своей столицы. Генер. Разгоновъ убѣдилъ, однако, эмира не дѣлать этого шага, не рисковать понапрасну своими, все же имѣвшими не малое значеніе, военными силами; онъ совѣтовалъ эмиру отступить лучше въ Туркестанъ, вмѣстѣ съ войсками. Поступивъ такимъ образомъ, эмиръ могъ довольно серьезно грозить англичанамъ, такъ какъ придавъ къ этимъ 14 батальонамъ 10 батальоновъ, находившихся въ Чааръ-вилайетѣ, онъ могъ составить порядочный корпусъ свободныхъ войскъ, которые могли бы во всякое данное время дѣйствовать противъ англичанъ.

Между тѣмъ дальнѣйшее пребываніе эмира въ Кабулѣ было неудобно и по другимъ причинамъ. Здѣсь происходило въ это время сильное броженіе умовъ, какъ среди войскъ, такъ и среди населенія. Это броженіе умовъ было вызвано слѣдующими обстоятельствами.

Населеніе тѣхъ мѣстностей, гдѣ произошли военныя дѣйствія, въ значительномъ количествѣ выселилось въ Кабулъ. Здѣсь оно искало спасенія отъ огня и меча «красныхъ мундировъ», но оно нашло здѣсь ту же смерть, только едва ли еще не болѣе ужасную, чѣмъ тамъ, оставаясь у домашняго очага. Наплывъ пришлаго населенія въ Кабулъ сейчасъ же обусловилъ повышеніе цѣнъ на всѣ жизненные продукты. Къ концу ноября дороговизна дошла до крайности. Иногда нельзя было достать жизненныхъ припасовъ ни за какія деньги. Вскорѣ насталъ голодъ. Сейчасъ же, конечно, явились и обычные спутники голодовки—эпидеміи, повальныя болѣзни. Въ городѣ страшно развился тифъ. На улицахъ и базарахъ валялись неприбранные трупы, которые не хоронились по цѣлымъ недѣлямъ. Базары наводнились невольниками и рабами, продаваемыми, по причинѣ голода, баснословно дешево. Такъ, напримѣръ, мальчикъ каффиръ продавался за нѣсколько десятковъ рупій, дѣвочка за 5—10 рупій [1]). Это былъ теперь един-

[1]) Я думаю, что наша миссія напрасно упустила удобный случай пріобрѣсти нѣсколько индивидуумовъ этой загадочной еще до сихъ поръ расы. Если

ственный товаръ, предлагавшійся на рынкахъ, такъ какъ вообще всякія другія торговыя операціи прекратились. Но вмѣстѣ съ прекращеніемъ торговли прекратились и доходы эмира. А между тѣмъ расходы на содержаніе войскъ теперь значительно увеличились. Нуждаясь въ деньгахъ для уплаты жалованья войскамъ, эмиръ прибѣгнулъ къ принудительнымъ займамъ. Тѣ купцы, которые не соглашались дать эмиру денегъ въ займы, наказывались конфискованіемъ всего имущества въ казну. Такимъ образомъ многочисленный классъ кабульскихъ купцовъ былъ возстановленъ противъ эмира. Вездѣ раздавались громкія жалобы на настоящія бѣдственныя обстоятельства, которыя постигли городъ и вообще государство—и тихія проклятія сыпались на голову эмира. Тихія—потому, что громко выражать свое неудовольствіе на эмира было опасно. Обвиненныхъ въ оскорбленіи его высокостепенства подвергали разнаго рода наказаніямъ. Одинъ родъ наказанія, между прочимъ, очень оригиналенъ и пахнетъ обычаями нашей до-петровской старины или даже вообще средневѣковой Европы. Виновнаго схватывали, ставили между двумя врытыми въ землю стойками, поставленными на площади, къ которымъ и прибивали его гвоздями за уши. Наказанный такимъ образомъ испытывалъ сильную боль, не могъ пошевельнуться, и стоялъ неподвижно въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, послѣ чего его отпускали.

Пользуясь наступившими тѣсными обстоятельствами, громче заговорила партія Якубъ-хана. Во всѣхъ несчастіяхъ, которыя постигли государство, она обвиняла эмира и русскую миссію. Многіе изъ преданныхъ прежде приверженцевъ эмира перешли теперь на сторону этой партіи. Переворотъ готовился основательно и могъ осуществиться во всякое время. Онъ могъ произойти тѣмъ легче, что эмиръ въ порывѣ гнѣва имѣлъ неосторожность оскорбить генерала, командовавшаго войсками въ Али-Месджидѣ. Этотъ начальникъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ среди горцевъ Кохистана, тотчасъ же удалился отъ двора эмира и перешелъ на сторону Якубъ-хана.

отъ этого акта,—акта покупки—миссію удерживало нравственное чувство, то это было совершенно ложно понятое чувство, такъ какъ въ данномъ случаѣ каффиры *не покупались*, а *выкупались изъ рабства*. Разъ они были куплены миссіей—они тѣмъ самымъ уже дѣлались людьми свободными.

Вслѣдствіе этого большая часть войскъ также перешла на сторону Якубъ-хана. Тогда эмиръ ясно увидѣлъ, что онъ не можетъ долѣе оставаться въ Кабулѣ—какъ по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, такъ равно и потому, что не могъ держаться противъ наступающихъ англійскихъ войскъ. Вотъ теперь-то онъ и прибѣгнулъ къ той мѣрѣ, которую рекомендовалъ ему генер. Кауфманнъ. Якубъ-ханъ былъ освобожденъ изъ заточенія, приведенъ къ присягѣ въ вѣрности эмиру и послѣ этого объявленъ правителемъ Кабула. Теперь эмиръ могъ свободно и съ спокойнымъ сердцемъ выѣхать изъ Кабула.

Послѣдніе дни, которые переживала наша миссія въ Кабулѣ, были для нея очень тяжелы. Она была предоставлена почти исключительно самой себѣ. Эмиръ звалъ къ себѣ нашихъ представителей очень рѣдко. Даже Везиръ—и тотъ навѣщалъ теперь миссію очень рѣдко,—черезъ нѣсколько дней, черезъ недѣлю и даже болѣе.

Она сидѣла буквально взаперти, не смѣла ни шагу сдѣлать за свои двойныя ворота. Въ послѣднее время даже казаки не выходили со двора и должны были отказаться отъ личнаго ухода за своими лошадьми. Я долженъ сказать, что лошади ихъ были расположены на отдѣльномъ дворѣ, который отдѣлялся отъ помѣщенія миссіи довольно узкимъ переулкомъ. Когда казаки отправлялись для ухода за своими лошадьми и проходили этимъ переулкомъ, то стали подвергаться оскорбленіямъ со стороны авганцевъ. Джигиты и лаучи (туземная прислуга миссіи) не могли теперь показаться на городскихъ улицахъ и базарахъ; они нѣсколько разъ подвергались побоямъ и разнаго рода насиліямъ со стороны авганцевъ. Авганскіе всадники оберегавшіе конный дворъ миссіи, распоряжались съ кормомъ, отпускавшимся лошадямъ изъ казны эмира, по своему произволу; они отнимали его у лаучей, продавали на сторону, или скармливали его своимъ лошадямъ. Но этого было мало. Въ свою очередь и они начали исправно колотить лаучей, несмотря на полную «правовѣрность» послѣднихъ. Всѣ лошади миссіи были заранѣе подѣлены конвойными солдатами между собой; они дожидались только благопріятнаго времени, чтобы окончательно завладѣть ими.

Въ своемъ дворцѣ наша миссія хотя и не подвергалась пока открытымъ оскорбленіямъ со стороны туземцевъ, но за то терпѣла почти такую же нужду въ продовольствіи, какъ и лаучи, какъ и

вьючныя и верховыя животныя миссіи. Купить провіанта было не гдѣ, да и способовъ не было. Кого же можно было послать на базаръ за провизіей? Да и что можно было найти теперь на базарахъ? Не до торгу теперь было купцамъ. Лавки были закрыты. По улицамъ шлялись голодныя толпы народа, усиленно занимавшагося политикой.— Миссіи по необходимости приходилось довольствоваться тѣмъ скуднымъ содержаніемъ, которое отпускалось эмиромъ. Впрочемъ, надо полагать, что эмиръ отпускалъ довольствіе и теперь не скуднѣе, чѣмъ прежде, но должно быть разные «казначи», «чай-ханы» и «ханъ-саманы» далеко не все доставляли миссіи. Иногда миссія съ своими лихорадочными больными, съ тифознымъ казакомъ на рукахъ, буквально голодала.

Единственнымъ развлеченіемъ для членовъ миссіи служила прогулка по террасамъ и плоской кровлѣ южнаго флигеля. Но вскорѣ они должны были отказаться и отъ него. Одинъ разъ топографъ Бендерскій вышелъ по обыкновенію на кровлю и едва не былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья. Этотъ выстрѣлъ былъ сдѣланъ по немъ однимъ изъ часовыхъ авганцевъ, оберегавшихъ помѣщеніе миссіи.

Объ отъѣздѣ эмира изъ Кабула стали говорить въ городѣ еще задолго до знаменательнаго 1-го декабря. Никто не зналъ навѣрное, что эта поѣздка была рѣшена эмиромъ; увѣренности не было, но слухъ этотъ распространился быстро по городу. Наша миссія о предстоящемъ отъѣздѣ эмира такъ же ничего не знала, да и о слухѣ этомъ узнала отъ своихъ джигитовъ уже послѣ всѣхъ. Везиръ молчалъ, точно могила. Въ то время англичане уже разбили авганцевъ въ Хайберскомъ проходѣ. Тогда генер. Разгоновъ рѣшилъ довести до свѣдѣнія эмира желаніе миссіи—выѣхать изъ Кабула въ Ташкентъ. Сдѣлавъ выписку изъ писемъ генер. Кауфманна отъ 21-го сентября и 22-го октября, генер. Разгоновъ секретно вручилъ ее Везиру для передачи эмиру. Какъ передача этой выписки, такъ и переговоры генер. Разгонова съ Везиромъ объ отъѣздѣ миссіи изъ Кабула были ведены очень секретно. Въ этомъ интимномъ совѣщаніи присутствовалъ, кромѣ генер. Разгонова и Везира, только одинъ переводчикъ Назировъ. Выписка была составлена въ формѣ письма г. Кауфманна къ Разгонову. Вотъ ея содержаніе.

«Эмиръ очень хорошо знаетъ, что мнѣ невозможно помочь ему вой-

сками зимой, поэтому нужно, чтобы война не началась въ это неудобное время. Если англичане, вопреки усиліямъ эмира избѣгать войны, начнутъ ее, то Вы должны, испросивъ позволеніе эмира, выѣхать въ Ташкентъ, потому что Ваше присутствіе зимой въ Авганистанѣ безполезно. Кромѣ того при такой крайности, какъ начало военныхъ дѣйствій въ Авганистанѣ, Вы должны пріѣхать сюда и объяснить все дѣло мнѣ, чтобы я могъ передать это Императору. Это будетъ очень полезно для Авганистана и Россіи».

Передача этой «ноты» произошла 18 ноября. Генер. Разгоновъ просилъ Везира оставить все дѣло въ тайнѣ, такъ чтобы объ этомъ знали только 4 лица: Везиръ, эмиръ, Разгоновъ и Назировъ.

Я, какъ лицо совершенно постороннее, передающее только то, что мнѣ сообщили,—я удивляюсь, зачѣмъ понадобилась такая тайна въ дѣлѣ сообщенія очень запоздалыхъ писемъ и инструкцій генер. Кауфманна? Эта таинственность повела только къ тому, что Везиръ усумнился въ существованіи подлиннаго письма г. Кауфманна къ Разгонову съ подобнымъ содержаніемъ. Онъ потребовалъ отъ генер. Разгонова подлинное письмо генер. Кауфманна, чтобы сообщить его содержаніе эмиру. Но понятно, что это требованіе совсѣмъ нельзя было удовлетворить. Въ самомъ дѣлѣ: какъ же предъявить письмо, написанное еще два мѣсяца тому назадъ? А разъ оно будетъ предъявлено, нужно будетъ его прочитать все, отъ начала до конца; между тѣмъ все содержаніе письма, какъ я знаю, сообщить эмиру никакъ нельзя было. Да и потомъ какъ отвѣчать на такой щекотливый вопросъ: отчего вы, генер. Разгоновъ, не сообщили даннаго вамъ, предписанія Кауфманна въ то время, когда только что получили его? А вѣдь такой вопросъ могъ сорваться съ языка эмира и Везира.—Но почему же, въ самомъ дѣлѣ, это предписаніе не было сообщено эмиру своевременно? Я не знаю и мнѣ объ этомъ генер. Разгоновъ ничего не сообщилъ.

Выписка, переданная Разгоновымъ эмиру, имѣла своимъ послѣдствіемъ слѣдующее.

На другой день, въ помѣщеніе миссіи пришли всѣ, наиболѣе близкія къ эмиру, лица: Везиръ, Казій-Абдуль-кадеръ-ханъ, братъ эмира, Сердарь Ширъ-али-ханъ и другіе. Они, одинъ за другимъ, начали увѣрять генер. Разгонова, что миссія находится въ безопасности,

что бояться ей нечего, что пока эмиръ живъ—ему, генералу, нечего безпокоиться о своей безопасности и проч. и проч. Такъ какъ остальные члены миссіи не знали о происшедшей исторіи съ выпиской, то они, понятно, ничего не понимали изъ всего того, что происходило передъ ихъ глазами; въ продолженіи цѣлаго часа они ломали голову, чтобы осмыслить происходящую сцену. Только потомъ они получили надлежащее объясненіе ея.

Послѣ этого эмиръ Ширъ-Али-ханъ написалъ генер. Кауфманну слѣдующее письмо.

«По выраженіи чувствъ дружбы и расположенія, сообщаю Вамъ, милостивѣйшій, о слѣдующемъ:

«Вражда Англійскаго правительства и отношенія этого государства къ государству, мнѣ свыше дарованному, все время были извѣстны Вамъ, какъ изъ писемъ моихъ, такъ и изъ писемъ пребывающаго теперь въ Кабулѣ посланника Россійскаго государства, всему свѣту извѣстнаго.

«Вражда и упорство (упрямство) Англійскаго Правительства дошли до крайнихъ предѣловъ. Хотя согласно Вашего дружескаго совѣта, даннаго по милостивому указанію Великаго Хазрета, Его Императорскаго Величества, и переданнаго мнѣ въ послѣднемъ [1]) письмѣ, я вручилъ имъ вѣтвь мира, но несмотря на это, примѣрно 20 англійскихъ фауджовъ [2]) имѣли жаркое дѣло съ моими 5 фауджами, охранявшими Али-Мечеть; много потери съ обѣихъ сторонъ было убитыми и ранеными.

«По прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ Али-мечетскаго дѣла, пришедшіе въ Курумскую долину дрались тамъ съ тѣми войсками, которыя охраняли Чахау; дѣла эти продолжались два дня: въ первый день они [3]) разбиты нами, а на второй день они разбили наши войска. Въ этихъ дѣлахъ убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ было больше, чѣмъ при Али-Мечетѣ.

«Я, Вашъ другъ, находясь въ такомъ положеніи, по совѣту поч-

---

[1]) Въ письмѣ генер. Кауфманна къ эмиру отъ 21 октября.

[2]) Должно быть надо понимать: баталіоновъ.

[3]) Т. е. англичане.

тенныхъ старшихъ людей Авганистана, отправилъ семьи извѣстныхъ знатныхъ людей въ Туркестанскую сторону, и приказалъ также другимъ Авганистанцамъ, чтобы они семьи свои отправили въ горы, а сами приготовлялись къ сраженію.

«Не обращая вниманія на мое письмо, находящееся въ рукахъ людей Англійскаго Правительства, они не удерживаются отъ открытой вражды, и войска ихъ идутъ однѣ за другими, съ цѣлью лишить меня власти надъ Авганистаномъ. Они думаютъ въ скоромъ времени взять въ руки дѣла Авганистана и занять столицу Кабулъ.

«Поэтому откровенно, чистосердечно заявляю Вамъ, милостивѣйшій другъ, слѣдующее:

«Основываясь на давнишней дружбѣ, существующей между знаменитымъ государствомъ Высокаго Хазрета, Его Императорскаго Величества, и вслѣдствіе вновь написаннаго письма, врученнаго мнѣ генераломъ Столѣтовымъ, лицомъ довѣреннымъ Высокаго Хазрета, Его Императорскаго Величества и Вашего Высокопревосходительства,— единодушіе съ Государствомъ моимъ словесно и душевно утвердилось.

«Дай Богъ, чтобы не случилось никакого несчастія съ государствомъ моимъ; если же случится, то не безъ того, чтобы пыль этого несчастія не сѣла на полы Государства Его Императорскаго Величества.

«Вслѣдствіе взаимнаго единомыслія я, другъ Вашъ, уповаю, что въ виду необходимости, Вы окажете мнѣ помощь войсками и отправите изъ Ташкента изъ имѣющихся въ Вашемъ распоряженіи войскъ столько, сколько у Васъ есть готоваго, которое и благоволите доставить въ подвластный мнѣ Туркестанъ.

«Болѣе писать, кромѣ дружбы и расположенія, ничего не имѣю.

«Къ этому добавляю, что посланникъ знаменитаго Государства, генералъ Разгоновъ, заявилъ мнѣ о полученномъ имъ приказаніи, что если война Англичанъ съ Авганцами будетъ сильная, то, испросивъ себѣ разрѣшеніе отъ Эмира-Саиба, онъ долженъ отправиться въ Туркестанскую сторону; и дѣйствительно, онъ просилъ у меня разрѣшеніе на возвращеніе.

«Я, Вашъ другъ, обсудивъ выгоды обѣихъ государствъ, и по нѣкоторымъ яснымъ обстоятельствамъ не призналъ возможнымъ дать ему разрѣшеніе».

Это письмо было получено въ Ташкентѣ 16-го декабря. Нельзя не обратить вниманія на то, что эмиръ, говоря о выселеніи изъ Кабула въ Туркестанъ знатныхъ авганскимъ семействъ, о своемъ собственномъ отъѣздѣ не говоритъ ни слова; на существованіе этого намѣренія въ письмѣ нѣтъ даже ни малѣйшаго намека.

Одновременно съ этимъ письмомъ эмиръ послалъ письмо и своему уполномоченному въ Ташкентѣ, Мирзѣ Магометъ-Хассанъ-хану. Повторивъ въ началѣ письма все то, что было писано въ письмѣ къ генер. Кауфманну о военныхъ дѣйствіяхъ на англо-авганской границѣ, эмиръ затѣмъ говоритъ слѣдующее:

«Теперь, когда настало время для Его Императорскаго Величества оказать мнѣ дружескую помощь, я послалъ письмо моему любезному другу, губернатору Туркестана, прося его не откладывать долѣе помощь войсками въ такое нужное время, согласно требованіямъ дружбы обѣихъ Правительствъ, и не откладывать помощь до другого времени, но послать въ Авганскій Туркестанъ 32,000 войскъ изъ Ташкента, которыя, какъ говорилъ генер. Столѣтовъ въ Вашемъ присутствіи, готовы и могутъ быть высланы во всякое время, когда бы я не потребовалъ ихъ. Я позволяю Вамъ день и ночь напоминать Русскому правительству Туркестана о помощи; не откладывайте этого дѣла».

Какъ бы тамъ ни было, но генералъ Разгоновъ продолжалъ приготовленія къ отъѣзду. Эти приготовленія производились въ тайнѣ отъ авганцевъ. Такъ, напримѣръ, чтобы подковать лошадей, сначала приводили ихъ въ помѣщеніе миссіи и здѣсь подковывали ночью, наблюдая крайнюю осторожность.

Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ ноября, Везиръ увѣдомилъ миссію, что эмиръ намѣренъ выѣхать изъ Кабула 1-го декабря; поэтому и миссія должна была готовиться къ отъѣзду. Время отъѣзда назначено было ночное.

Всю ночь на 1-е декабря миссія провела безъ сна; съ часу на часъ она ожидала прихода Везира съ извѣстіемъ о выступленіи. Только въ 3 часа утра онъ явился и торопливо передалъ приказаніе эмира о выступленіи изъ города. Самъ эмиръ къ этому времени уже выѣхалъ изъ Бала-Хиссара.

Долго плутала миссія по пустыннымъ улицамъ, пробираясь окольными путями, въ ночной темнотѣ, пока она не присоединилась, уже

за городомъ, къ кортежу эмира. Въ Каля-и-Казы они отдыхали нѣсколько часовъ и затѣмъ, въ тотъ же день отправились далѣе въ путь.

Выступленіе миссіи изъ Кабула имѣло видъ настоящаго бѣгства; невольно при этомъ вспоминалось торжественное вступленіе въ Кабулъ той же миссіи, въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года. Sic transit gloria mundi, или вѣрнѣе, sic tempora mutantur!..

Теперь миссіи пришлось путешествовать далеко не такъ удобно, какъ лѣтомъ. Везиръ совсѣмъ не былъ такъ заботливъ и распорядителенъ, какъ Кемнабъ. Тогда дневные переходы представлялись пріятной прогулкой; на станціяхъ въ моментъ пріѣзда миссіи все было готово для принятія дорогихъ гостей. Теперь же миссіи приходилось иногда по цѣлымъ часамъ зябнуть подъ открытымъ, зимнимъ небомъ, въ ожиданіи, что вотъ—вотъ поставятъ палатку. И теперь, во время пути, кабульскія голодовки продолжались: иногда не было обѣда, часто нельзя было достать горячей воды для чая. Впрочемъ, кажется, и эмиръ одинаково съ миссіей терпѣлъ недостатки и неудобства зимняго пути. Хорошо было, по крайнѣй мѣрѣ, то обстоятельство, что погода благопріятствовала нашимъ бѣглецамъ. Въ эту зиму совсѣмъ не было такъ холодно, какъ въ прежнія зимы. Даже такіе перевалы, какъ Калуйскій, Уннай и Акъ-Раббатъ—были едва покрыты снѣгомъ. Однако горные рѣчки и ручьи замерзли, что дѣлало дорогу очень скользкою. Впрочемъ, дорога въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она шла по замерзшему руслу рѣчекъ и ручьевъ, а такъ же на подъемахъ и спускахъ съ переваловъ, была усыпана пескомъ.

О своемъ отъѣздѣ изъ Кабула эмиръ Ширъ-Али-ханъ извѣстилъ англійскихъ генераловъ, командовавшихъ операціонными отрядами противъ Авганистана, слѣдующимъ письмомъ.

«Сердцамъ дальновидныхъ сановниковъ Британскаго Правительства да будетъ извѣстно, что я никогда не желалъ и не былъ намѣренъ въ томъ, чтобы связь дружбы и обхожденія, существующая нѣсколько лѣтъ между двумя сосѣдними Государствами, была бы прервана. Но такъ какъ съ Вашей стороны послѣдовала война и вторженіе въ Авганистанскую землю, поэтому я теперь по совѣтованію всѣхъ сановниковъ [1]), высокопоставленныхъ лицъ и войскъ Авган-

[1]) Переводъ письма съ персидскаго языка на русскій языкъ сдѣланъ,

скихъ, оставивъ все свое войско и государство, съ нѣсколькими сановниками отправился въ Петербургъ, въ столицу Русскаго Императора, дабы тамъ, въ Петербургѣ, составить конгрессъ для того, чтобы сущность нашего отношенія сдѣлать извѣстною всѣмъ другимъ Правительствамъ.

«Если Вы, относительно дѣлъ Авганистана, со мною (рабомъ Божіимъ) имѣете слово (претензію), то въ Петербургѣ можете его высказать и, кромѣ того, обнаружить всѣ свои намѣренія, чтобы эти слова (претензіи, требованія) были бы извѣстны и ясны всѣмъ представителямъ всѣхъ государствъ.

«Если кромѣ этого Ваше намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы имѣть съ жителями Авганистана вражду, то защитникъ и истинный хранитель народа (человѣка) есть Господь Богъ.

«Но сіе мое намѣреніе и рѣшеніе неизмѣнно. Пятница, 18-го Зиль-хиджи 1295 г. (1-го декабря 1878 г.).

Въ то же время эмиръ просилъ генер. Разгонова сообщить также и генер. Кауфманну о его намѣреніи проѣхать въ Петербургъ.

Изъ Бамьяна эмиръ послалъ генер. Кауфманну еще письмо, въ которомъ онъ сообщалъ о своемъ намѣреніи проѣхать въ Россію для того, чтобы лично просить защиты Русскаго Императора противъ англичанъ. Письмо это было помѣчено 10 декабря; вотъ его содержаніе:

«Послѣ изложенія словъ дружбы и расположенія да будетъ извѣстно Вашему открытому дружескому сердцу слѣдующее:

«Раньше этого я сообщилъ Вамъ, милостивый другъ, о вступленіи англичанъ на землю Авганистана, о сраженіяхъ, происшедшихъ между двумя странами, также и о томъ, что я, согласно дружескому совѣту, данному мнѣ по указанію Высокаго Хазрета, Его Императорскаго Величества, далъ имъ въ руки вѣтвь мира, и, наконецъ, о томъ, что они не обратили на это вниманія. Все это, вѣроятно, Вами понято.

«Послѣ отправленія Вашему Высокопревосходительству (моему другу) письма [1]), собрались въ присутствіи раба Всевышняго Бога

очевидно, дов. безграмотно. По этому поводу я могу только сказать то, что онъ былъ сдѣланъ переводчикомъ миссіи, подпоручикомъ Назировымъ.

[1]) Послѣдняго письма своего изъ Кабула, отъ 26 ноября.

всѣ авганскіе почетные люди и всѣ (Серкерды) военные начальники; они заявили, что у Англійскаго Правительства нѣтъ и не должно быть ни другой мысли, ни другаго желанія кромѣ того, чтобы мы не имѣли дружескаго единодушія и союза съ всему свѣту извѣстнымъ Россійскимъ Государствомъ и не держали бы въ нашемъ Государствѣ ихъ (Россійскаго) посланника. Они сказали мнѣ, что такое желаніе нелѣпо; всему свѣту извѣстное Государство протянуло намъ дружескую руку, мы возобновили старую дружбу и стоимъ теперь крѣпко и твердо на большой дружеской дорогѣ съ нимъ; прежде, когда мы были въ дружбѣ (съ Россіею) намъ пришлось, 40 лѣтъ тому назадъ, испытать несчастія; если теперь придется всѣмъ намъ уничтожиться, то и тогда никакого вреда зданію дружбы не нанесется; по нашему крайнему мнѣнію и мысли Вы должны сами, отправившись въ Петербургъ, въ столицу Великаго Хазрета, Его Императорскаго Величества, отдаться на обсужденіе конгресса въ славномъ Государствѣ и высказать въ присутствіи Его Императорскаго Величества всѣ Ваши слова, относящіяся до Англійскаго Правительства, заявивъ такъ же о томъ: на какомъ основаніи Англійское Правительство вторглось во владѣнія Авганистана, какое имѣетъ оно дѣло и чѣмъ Авганское Правительство заслужило это; Ваше движеніе на сторону славнаго Государства, Богъ дастъ, принесетъ много выгодъ; правая сторона, конечно, въ центрѣ верховной власти возметъ верхъ.

«На основаніи такого мнѣнія моихъ доброжелателей я, рабъ Всевышняго Бога, рѣшился отправиться въ Петербургъ, оставивъ счастливаго моего сына, Сердаря Магометъ-Якубъ-хана начальникомъ войскъ и всѣхъ большихъ людей на своихъ мѣстахъ. Сыну я вручилъ власть и приказалъ править Государствомъ и войсками; самъ же съ нѣсколькими правителями выѣхалъ на ту сторону, на которую рѣшился отправиться.

«Обо всемъ этомъ извѣщаю Васъ, какъ сочувствующаго нашему горю милостиваго друга и виновника правильнаго устройства Государства, мнѣ свыше дарованнаго».

Письмо это было получено въ Ташкентѣ только 23 декабря.— Вообще нужно замѣтить, что такое большое разстояніе, которое раздѣляетъ Кабулъ отъ Ташкента (около 1,300 верстъ) очень неудобно отзывалось на письменныхъ сношеніяхъ авганскаго правитель-

ства съ русскою администраціею въ Ташкентѣ. Такъ 15-го декабря, уже въ Дуабѣ, эмиръ получилъ отъ генер. Кауфманна только письмо отъ 14-го ноября! Вотъ содержаніе этого письма:

«Ваше Высокостепенство!

«Послѣ пожеланія Вамъ полнаго успѣха во всѣхъ Вашихъ предпріятіяхъ слова мои слѣдующія:

«Генералъ Разгоновъ, пребывающій нынѣ со свитою въ Богомъ дарованномъ Вамъ Государствѣ, сообщилъ мнѣ о Вашемъ желаніи лечиться отъ кашля. Такъ какъ заочно доктору лечить трудно, то ради дружбы, я посылаю въ Кабулъ доктора Яворскаго, съ приказаніемъ остаться тамъ при Русскомъ Посольствѣ. Причемъ пріятнымъ долгомъ считаю увѣдомить Васъ, Ваше Высокостепенство, что посланникъ Вашъ Кемнабъ-Магометъ-Гассанъ со свитою проживаютъ въ Ташкентѣ и всѣ члены посольства находятся въ добромъ здоровьѣ.

«Любезное письмо Вашего Высокостепенства, отъ 8 Зуль-каада [1]) я получилъ, за что приношу Вамъ искреннюю благодарность».

И только. И ни одного слова о жгучемъ вопросѣ англо-авганскаго столкновенія, ни одного намека на помощь.

Спустя нѣсколько времени получилъ письмо и генер. Разгоновъ. Въ письмѣ къ Разгонову генералъ-губернаторъ прежде всего высказалъ ему порицаніе за рѣшеніе его самовольно выѣхать изъ Кабула, не получивъ на то разрѣшенія отъ высшаго начальства. Точно также онъ не одобрилъ и той выписки, которую сдѣлалъ г. Разгоновъ изъ писемъ г. Кауфманна, и которую онъ вручилъ эмиру. «Нельзя изъ интимныхъ сообщеній дѣлать дипломатическихъ нотъ», пояснялъ генералъ Кауфманнъ. При этомъ письмѣ была приложена телеграмма, отъ 4 декабря, которая извѣщала генер. Кауфманна, что англійскіе министры дали нашему послу въ Лондонѣ положительныя завѣренія въ томъ, что независимость Авганистана будетъ ими сохранена.

Въ этомъ же письмѣ генер. Кауфманнъ сообщалъ распоряженіе Верховнаго правительства о вызовѣ миссіи въ Ташкентъ. Въ заключеніе, въ припискѣ къ письму, генер. Кауфманнъ прилагалъ только-что полученную имъ телеграмму «Голоса», въ которой говорилось, что

---

[1]) Отъ 22 октября 1878 г.

эмиръ выѣхалъ изъ Кабула въ Туркестанъ, а Якубъ-ханъ, только что объявленный правителемъ Кабула, выѣхалъ въ Джелалабадъ для переговоровъ съ англичанами. Сомнѣваясь въ послѣднемъ, генер. Кауфманнъ писалъ, что «мысль эмира-саиба отступить съ войсками въ Туркестанъ—очень хороша, но не дай Богъ, если онъ вздумаетъ пожаловать въ Россію. Это обстоятельство весьма усложнитъ дѣло Авганистана». Поэтому генер. Кауфманнъ совѣтовалъ эмиру выждать въ Мазари-Шерифѣ лучшихъ обстоятельствъ и, если возможно будетъ, заключить съ англичанами миръ.

Въ Руи генер. Разгоновъ получилъ мое письмо изъ Мазари-Шерифа и впервые узналъ о томъ, что моя командировка къ миссіи состоялась.

20-го декабря эмиръ и миссія прибыли въ Ташъ-Курганъ. Здѣсь Ширъ-Али-ханъ рѣшилъ пробыть нѣсколько дней, вслѣдствіе чего, какъ уже знаетъ читатель, я и получилъ приглашеніе пріѣхать въ Ташъ-Курганъ.

— Вы видите, докторъ, что положеніе нашей миссіи въ Кабулѣ было не очень удобно,—закончилъ свой разсказъ генер. Разгоновъ.— Хуже всего было то, что я положительно не имѣлъ никакихъ данныхъ,—чего мнѣ нужно было держаться въ своихъ сношеніяхъ съ эмиромъ. Генералъ Столѣтовъ велъ всѣ свои переговоры съ эмиромъ въ полнѣйшемъ секретѣ отъ меня. Что онъ говорилъ эмиру—одинъ Богъ знаетъ. Вы счастливы, сто кратъ счастливы, что не были съ нами въ томъ 4-хъ мѣсячномъ заключеніи, въ какое обратилось пребываніе русской миссіи въ Кабулѣ. Вы не испытали той безъисходной тоски и той смертельной муки неизвѣстности, которыя испытали мы.

Но я былъ несогласенъ съ генер. Разгоновымъ. Мнѣ было жалко и, отчасти, досадно, что не пришлось испытать тѣхъ сильныхъ ощущеній, какія пережила миссія въ Кабулѣ, особенно въ послѣднія дни своего пребыванія въ немъ.

Въ тотъ же день, въ который я пріѣхалъ въ Ташъ-Курганъ, т. е. 25-го декабря, вечеромъ, въ помѣщеніе миссіи пришли Везиръ и Казій. Они были присланы сюда эмиромъ для привѣтствія меня, а также и для того, чтобы узнать—благополучно-ли я пріѣхалъ въ Ташъ-Курганъ, хорошо-ли меня принялъ Лойнабъ Хошь-Диль-ханъ и т. под.

На слѣдующій день, 26-го декабря, я имѣлъ аудіенцію у эмира Ширъ-Али-хана. На этой аудіенціи присутствовала и вся наша миссія.

Послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій, приправленныхъ обычными на востокѣ метафорами, сравненіями, комплиментами и т. п., эмиръ очень обстоятельно говорилъ о своемъ настоящемъ положеніи, о своей распрѣ съ англичанами и о своей рѣшенной уже поѣздкѣ въ Россію «чтобы просить великаго Русскаго Царя о защитѣ его, эмира, противъ англичанъ».

— Передъ войной англичане всѣми средствами старались задобрить меня, — говорилъ эмиръ, — съ цѣлью привлечь меня на свою сторону. Они давали мнѣ денегъ и оружіе, обѣщали увеличить мои владѣнія, но я отъ всѣхъ обѣщаній ихъ отказался, предпочтя ихъ обѣщаніямъ дружбу съ Россіей. Я знаю, что означаютъ англійскія обѣщанія и ихъ подарки; исторія съ индѣйскими владѣтелями слишкомъ поучительна и слишкомъ очевидна, чтобы закрывать на нее глаза. Пусть теперь они знаютъ, что я передаю ключи отъ воротъ въ Индію въ руки дружественной мнѣ Россіи.

Затѣмъ эмиръ завелъ рѣчь о новѣйшихъ политическихъ событіяхъ Европы, при чемъ спрашивалъ меня, не начала ли Россія новую войну съ Турціей и проч.

Онъ много говорилъ также о выдающихся историческихъ лицахъ, напримѣръ, о Петрѣ Великомъ, передъ которымъ эмиръ положительно благоговѣетъ, объ императорахъ: Александрѣ I и Николаѣ I, Наполеонѣ I, а также и о современныхъ политическихъ дѣятеляхъ: князѣ Бисмаркѣ, князѣ Горчаковѣ и проч. Нельзя было не замѣтить, что эмиръ сильно желалъ дать понять миссіи, что ни исторія, ни современное политическое состояніе Европы ему не безъизвѣстны. И нужно сознаться, что онъ высказалъ при этомъ очень здравыя, положительно рѣдкія, для азіатскаго государя, сужденія о современномъ политико-экономическомъ положеніи не только Европы, но и всего свѣта.

Въ концѣ аудіенціи, которая длилась цѣлыхъ 3½ часа, я произвелъ медицинское освидѣтельствованіе эмира; я констатировалъ у него хроническій катарръ глотки и гортани. Условившись съ нимъ относительно системы леченія, я возвратился въ свое помѣщеніе.

27-го декабря я давалъ эмиру первый сеансъ пульверизаціи. Этотъ

способъ леченія очень заинтересовалъ его. Повидимому онъ до сихъ поръ ничего подобнаго не видалъ. Долго распрашивалъ онъ меня объ устройствѣ пульверизатора и, кажется, все-таки не понялъ почему поднимается вода въ вертикальной трубкѣ. Онъ кончилъ разспросы комплиментомъ, сказавъ, что «хотя доктору-саибу только 25 лѣтъ, но по познаніямъ ему можно дать 60».—Не скажу, чтобы этотъ комплиментъ мнѣ былъ очень пріятенъ, такъ какъ онъ былъ ужь очень сладокъ.

Въ этотъ же день была получена почта изъ Кабула. Якубъ-ханъ доносилъ своему отцу, что англичане заняли Джелалабадъ. Такъ какъ нѣсколько дней тому назадъ эмиръ получилъ завѣреніе отъ генер. Кауфманна, что независимость Авганистана англичанами будетъ соблюдена, то онъ прислалъ въ этотъ день къ миссіи Везира съ запросомъ: что означаетъ это разнорѣчіе?

28-го декабря утромъ я опять ходилъ къ эмиру для производства пульверизаціи. Въ этотъ день я засталъ у него большое собраніе Сердарей. Среди нихъ много было неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, но были также и нѣкоторые изъ тѣхъ, которыхъ я видѣлъ прежде, во время первой еще моей поѣздки въ Кабулъ. Тутъ были между прочимъ, слѣдующіе: Хабибулла-ханъ, племянникъ эмира—тотъ самый, который встрѣчалъ миссію при въѣздѣ ея въ Кабулъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ; Лаль-Магометъ-ханъ, бамьянскій губернаторъ; Ахунъ-саибъ—тотъ врачъ придворный, котораго я видѣлъ у постели умершаго принца Абдулла-Джана. Само собой разумѣется, что Казій и Везиръ были здѣсь же, какъ обычные завсегдатаи, составляя правую и лѣвую руку эмира.

Когда я вынулъ пульверизаторъ изъ футляра и сталъ его приводить въ дѣйствіе, то эмиръ съ видимымъ удовольствіемъ сталъ объяснять присутствующимъ способъ употребленія аппарата; онъ непремѣнно хотѣлъ имъ выяснить мой способъ леченія и въ заключеніе сказалъ, что «нельзя удивляться тому, если будетъ польза отъ такого тонкаго способа леченія, а также и тому, что иностранные врачи вообще лучше нашихъ—вѣдь они и знаютъ гораздо болѣе, чѣмъ наши, которые во всѣхъ болѣзняхъ пичкаютъ своихъ паціэнтовъ только одною микстурою».

Казій, какъ тонкій дипломатъ, сейчасъ же попросилъ у меня лекарства, жалуясь на нездоровье, хотя онъ былъ совершенно здо-

ровъ. Везиръ еще наканунѣ очень желалъ отвѣдать теплой паровой струи изъ моего пульверизатора. Онъ сейчасъ же сталъ жаловаться на боль горла, сказавъ, что подавился костью. Я осмотрѣлъ горло и, не найдя никакого пораженія слизистой оболочки, посовѣтовалъ ему, для успокоенія совѣсти, пить небольшими глотками холодную воду. Получивъ этотъ совѣтъ, Везиръ состроилъ на своемъ недовольномъ лицѣ кислую мину, искоса посмотрѣвъ на коробку съ пульверизаторомъ и не сказалъ болѣе ни слова. На слѣдующій день, на мой вопросъ— какъ его горло? онъ отвѣтилъ, что «ничего, все уже прошло».

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ наше помѣщеніе пришли Везиръ и Казій. Послѣ обычнаго привѣтствія—«эмиръ-саибъ всѣмъ господамъ, большимъ и малымъ, высокимъ и низкимъ, казакамъ и прислугѣ салямъ-гуфтъ» (посылаетъ привѣтствіе)—привѣтствія, которое Везиръ пунктуально сообщалъ миссіи утромъ и вечеромъ каждаго дня,—они приступили къ дѣлу. Въ рукахъ Везира было два письма; одно было отъ Кемнаба, авганскаго посланника въ Ташкентѣ. Письмо это было адресовано къ нему, Везиру, а не къ эмиру. Вотъ, приблизительно, его содержаніе:

«12-го декабря Туркестанскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманнъ, позвалъ насъ къ себѣ, гдѣ онъ намъ и объявилъ, что въ настоящее время онъ насъ не удерживаетъ болѣе въ Ташкентѣ и что мы можемъ возвратиться въ Авганистанъ. Онъ передалъ намъ нѣкоторые подарки для эмира-саиба (да продлитъ Аллахъ дни его жизни!), сказавъ, что самъ въ скоромъ времени выѣзжаетъ изъ Ташкента въ Петербургъ. Тогда мы отправились домой. Но вскорѣ онъ насъ призвалъ снова и показалъ намъ телеграмму, присланную изъ Петербурга, въ которой говорилось, что эмиръ-саибъ (да продлится его царствованіе!) выѣхалъ изъ Кабула въ Туркестанъ, а Якубъ-ханъ отправился въ Джелалабадъ. Прощаясь съ нами генералъ-губернаторъ выразилъ мысль, что авганскія затрудненія, дастъ Богъ, уладятся мирнымъ путемъ. — Послѣ этого мы выѣхали изъ Ташкента въ Самаркандъ. Здѣсь мы получили письмо эмира-саиба [1]). Было также и письмо генералъ-губернатору Ташкента, о которомъ сообщено было ему изъ Самарканда по телеграфу.

---

[1]) Вѣроятно—письмо отъ 26-то ноября.

«Тогда и я послалъ письмо генер. Кауфманну, прося его о болѣе подробномъ и опредѣленномъ отвѣтѣ на вопросъ о вооруженной помощи Авганистану. Въ Самаркандѣ я остаюсь до полученія отвѣта отъ генералъ-губернатора».

Другое письмо было адресовано эмиру отъ генер. Кауфманна; оно было помѣчено 12-го декабря. Вотъ его содержаніе:

«Эмиръ-Саибъ

«Да процвѣтаетъ наша дружба!

«Послѣ пожеланія Вамъ здоровья и успѣха во всѣхъ Вашихъ предпріяхъ слова мои слѣдующія:

«Любезное Ваше письмо отъ 24 Зуль-каада [1]) съ радостію я получилъ и узнавъ о вашемъ здоровьи очень обрадовался, также получилъ и копію съ письма отправленнаго Вамъ Генералъ-Губернаторомъ Индіи. Благодарю Васъ за это.

«Англійскіе министры дали нашему послу въ Лондонѣ положительное завѣреніе, что независимость Авганистана будетъ ими сохранена. Поэтому Государь Императоръ повелѣть соизволилъ во первыхъ сообщить объ этомъ Вашему Высокостепенству, а во вторыхъ выразить Его Величества искреннее желаніе сохранить дружескія съ Вашимъ Высокостепенствомъ отношенія и на будущее время.

«Предполагая скоро выѣхать по дѣламъ ввѣреннаго мнѣ края въ Столицу Государства, и не желая задерживать здѣсь близкихъ Вамъ людей, которые въ настоящее время нужны Вамъ, я отпускаю достойныхъ Кемнаба, Мирза-Магомедъ-Хассанъ-хана и Алиджа-Уламъ-Айдаръ-хана, съ двумя при нихъ офицерами.

«Прошу Ваше Высокостепенство сообщить мнѣ, какъ искреннему Вашему доброжелателю и хорошему другу, о всѣхъ Вашихъ дѣлахъ. Письма отъ Васъ, полученныя послѣ отъѣзда моего, я отдалъ приказаніе немедленно отправлять мнѣ съ чапаромъ [1]) въ Петербургъ до моего возвращенія.

«Буду радоваться Вашему счастію, буду скорбѣть, если Богу

---

[1]) Т. е. письмо отъ 8-го ноября, отвѣтное на письмо генер. Кауфманна отъ 21-го октября, въ которомъ онъ совѣтовалъ эмиру подать англичанамъ «вѣтвь мира».

[1]) Т. е. съ курьеромъ, переводя это слово на русскій языкъ.

угодно послать Вамъ новыя испытанія. Прошу принять на память отъ меня ничтожные подарки, посылаемые чрезъ Кемнаба Мирзу-Магомедъ-Хассанъ-хана.

«Да сохранитъ Васъ Всевышній въ добромъ здоровьи на многія лѣта, на счастіе и радость Вашимъ народамъ».

Когда письмо было прочитано, Везиръ предъявилъ миссіи прокламацію, разосланную англичанами по всему Авганистану. Прокламація была печатная, на персидскомъ языкѣ. Вотъ ея содержаніе:

«Отъ его превосходительства вицекороля и генералъ губернатора Индіи къ эмиру Ширъ-Али-хану, правителю Кабула, его Сердарямъ, подданнымъ и всему Авганскому народу.

«Почти уже десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ эмиръ Ширъ-Али-ханъ послѣ многихъ стараній и войнъ въ концѣ концовъ достигъ своей цѣли, утвердившись на престолѣ Кабульскомъ. Въ то время его власть не была прочна, Государство не имѣло еще опредѣленныхъ границъ; въ такомъ положеніи находился эмиръ, когда онъ, получивши отъ Британскаго правительства еще ранѣе этого, денежную субсидію и оружіе,—пожелалъ имѣть свиданіе съ его превосходительствомъ, вице-королемъ. Желаніе это было исполнено самымъ сердечнымъ образомъ. Свиданіе состоялось въ Амбаллѣ. Эмиръ былъ принятъ съ должными почестями, помощь и покровительство, составлявшія цѣль его пріѣзда, были ему категорически обѣщаны и ему были сдѣланы подарки, даже сверхъ условленнаго, деньгами и оружіемъ. Эти доказательства доброжелательности Британскаго правительства, вполнѣ признанныя и оцѣненныя самимъ эмиромъ при возвращеніи въ Авганистанъ, въ послѣдствіи весьма существенно упрочили его положеніе и расширили его владѣнія. Въ доказательство той же доброжелательности Британскаго правительства эмиру и послѣ того было подарено разное оружіе. Благодаря могущественному вліянію Англіи, Русскій Императоръ призналъ, какъ слѣдуетъ, опредѣленныя границы между Авганистаномъ и Бухарой, а такъ же и Коканомъ. Благодаря тому же вліянію, власть эмира окончательно утвердилась надъ Ваханомъ и Бадахшаномъ, составлявшимъ до тѣхъ поръ спорный пунктъ между нимъ и Русскимъ правительствомъ. Подданные эмира свободно вели торговлю съ Индіей, гдѣ пользовались покровительствомъ существующихъ для англійскихъ подданныхъ зако-

новъ, ни разу не подвергаясь на британской территоріи притѣсненіямъ и дурному обхожденію.

«За всѣ эти любезности эмиръ Ширъ-Али-ханъ ни чѣмъ не отблагодарилъ, а напротивъ того, обнаружилъ сильную вражду и явную невѣжливость сановитому офицеру Британіи, возвращавшемуся во главѣ посольства изъ сосѣдняго ханства, не далъ ему пропуска черезъ Бадахшанъ, пріобрѣтеніемъ котораго онъ обязанъ вліянію и силѣ Британскаго правительства; англійскимъ подданнымъ закрылъ дороги изъ Индіи въ Авганистанъ и прекратилъ торговлю; британскіе подданные, подвергшіеся въ его владѣніяхъ притѣсненіямъ и грабежу, не нашли у него защиты и правосудія; нѣкоторыхъ своихъ подданныхъ по одному только подозрѣнію въ томъ, что будто они завели сношенія съ Британскимъ правительствомъ, подвергъ смертный казни; явно и энергически старался возбудить словомъ и дѣломъ ненависть народа противъ Англичанъ и вызвать войну съ Индійскимъ правительствомъ. Выславъ изъ Авганистана британскихъ офицеровъ, отказавшись отъ принятія англійскаго посольства, не давъ никакого отвѣта на дружественныя письма его превосходительства вице-короля и отвергнувши наши желанія и старанія возстановить добрыя отношенія между нимъ и Индійскимъ правительствомъ—эмиръ принялъ въ Кабулѣ съ надлежащими почестями Русское посольство, которому оказалъ полное гостепріимство.

«Этотъ поступокъ эмира получилъ особенное значеніе вслѣдствіе тѣхъ событій, которыя въ то время происходили въ Европѣ и взаимнаго положенія занятаго въ этихъ событіяхъ Россіей и Англіей. Сверхъ того, рѣшаясь на этотъ поступокъ, эмиръ хорошо зналъ, что Русское правительство обязалось передъ Англіей считать Авганистанъ внѣ сферы своего вліянія и дѣйствія. Наконецъ, въ то самое время, когда въ его столицѣ находилось Русское посольство, эмиръ прогналъ отъ своей границы полномочнаго британскаго посла, несмотря на то, что о предстоявшемъ пріѣздѣ этого сановника онъ своевременно, и по принятому обычаю, былъ оповѣщенъ письмомъ его превосходительства вице-короля, въ коемъ онъ доказывалъ важное значеніе этой миссіи. Британское правительство все еще желая предотвратить бѣдствія войны, откладывало открытіе враждебныхъ дѣй-

ствій, чтобы представить эмиру послѣдній случай избавить себя отъ заслуженной имъ кары, которымъ онъ однако не воспользовался.

«Желаніе Британскаго правительства заключалось постоянно въ томъ, чтобы пріобрѣсть для границы Индіи надежный оплотъ установленіемъ дружественныхъ отношеній какъ съ самой страною, о гарантированіи независимости которой оно столько заботится, такъ и съ ея правителемъ, прочности трона котораго оно такъ много содѣйствовало. Въ силу этого же желанія Британское правительство, для упроченія близкихъ искренних сношеній, такъ необходимыхъ для интересовъ обѣихъ сосѣднихъ странъ, употребило не мало усилій, которыя, будучи постоянно отвергаемы эмиромъ, привели нынѣ къ разрыву и открытой враждѣ. Эмиръ Ширъ-Али-ханъ, ложно принявъ долготерпѣніе Британіи за ея слабость, самъ подвергъ себя заслуженному ея гнѣву.

«Англійское правительство ничего не имѣетъ противъ Сердарей и народовъ Авганистана и не предъявляетъ къ нимъ никакихъ требованій; они не отвѣтственны за позднѣйшія дѣйствія эмира. Такъ какъ ничего худого еще не произошло съ ихъ стороны, то свобода ихъ будетъ соблюдена Британскими властями, которыя добровольно не причинятъ имъ никакого вреда и не станутъ ихъ преслѣдовать. Британское правительство не допуститъ такъ же, чтобы какое либо иностранное государство вмѣшивалось во внутреннія дѣла Авганистана. Отвѣтственность за выборъ вражды съ императрицею Индіи, вмѣсто дружбы съ ея величествомъ, всецѣло падаетъ на одного только эмира Ширъ-Али-хана. 20 ноября (нов. стиля) 1878 года».

Въ тоже время Казій и Везиръ подтвердили извѣстіе о занятіи гор. Джелалабада пешаверскою колонною англійской арміи, которая постепенно подвигалась къ Кабулу съ одной стороны и къ Кандагару съ другой. Сопоставляя эти факты, Везиръ и Казій спрашивали: что же все это значитъ?

— Генералъ Кауфманнъ сообщаетъ намъ о завѣреніяхъ Англіи уважать неприкосновенность Авганистана, говорили они, а между тѣмъ англійская армія занимаетъ городъ за городомъ, одну мѣстность за другою. Тутъ чувствуется какая-то фальшь. Одно изъ двухъ: или Англія обманываетъ Россію, а вмѣстѣ съ нею и Авганистанъ, или же Россія отдаетъ Авганистанъ на произволъ Англіи, прикры-

ваясь маской дружелюбія и фальшивыми завѣреніями англійскихъ министровъ.

Генералъ Разгоновъ старался разбить ихъ неудобную дилемму, но они стояли на своемъ.

— Объ этомъ можно предположить тѣмъ болѣе, продолжали они, что генер. Кауфманнъ отпустилъ наше посольство ни съ чѣмъ, не далъ нашему посланнику никакого опредѣленнаго отвѣта. Весь свѣтъ знаетъ, что эмиръ-саибъ принялъ русское посольство съ подобающею ему честью; тогда какъ англійское посольство онъ отвергнулъ. Было бы нечестно и въ высшей степени безтактно со стороны Россіи отказать въ настоящее время Авганистану въ своей помощи, или не принять у себя эмира-саиба.—Мы до сихъ поръ думали, что Россія—могущественная держава, своихъ друзей не даетъ въ обиду; теперь же, отказавъ въ помощи Авганистану, она совершенно погубитъ свое дѣло въ Индіи, да и въ Туркестанѣ на нее будутъ смотрѣть совсѣмъ не тѣми уже глазами, какъ прежде. Поэтому эмиръ-саибъ поручилъ намъ сказать вамъ, генер., что если русское правительство не приметъ его въ Петербургѣ и не заступится за него передъ Англіей, то онъ сожалѣетъ заранѣе, если произойдутъ не совсѣмъ пріятныя для Россіи происшествія.

Этотъ неясный намекъ на какія-то будущія событія такъ и остался невыясненнымъ. Какія такія могли возникнуть непріятныя для насъ происшествія? Что задумалъ эмиръ? Но генер. Разгоновъ или не слыхалъ послѣдней фразы, или притворился не разслышавшимъ. Онъ сосредоточенно молчалъ, посматривая, во время разговора, на свои сѣрые, валяные сапоги.

Везиръ и Казій помолчали нѣкоторое время, перекинулись между собой двумя-тремя фразами и потомъ попросили его дать имъ рѣшительный отвѣтъ: будетъ-ли эмиръ принятъ русскимъ правительствомъ въ Петербургѣ или нѣтъ?

— Я не могу вамъ дать рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ,— отвѣчалъ имъ ген. Разгоновъ. Вѣдь дѣло не отъ меня зависитъ.

— Но каково ваше личное мнѣніе?—настаивалъ Везиръ.

На это ген. Разгоновъ отвѣтилъ, что по его личному мнѣнію Россія поступитъ дурно, если не приметъ эмира.

Тогда Везиръ и Казій попросивъ его написать ген. Кауфманну

обо всемъ, что было говорено между ними, откланялись и ушли къ себѣ.

Въ это время намъ дали знать, что прибыли посланцы отъ ширабадскаго бека. Они пріѣхали сюда по порученію бека съ цѣлію узнать: отчего русская миссія такъ долго не ѣдетъ, между тѣмъ какъ въ недавнемъ письмѣ своемъ генер. Разгоновъ извѣщалъ бека о скоромъ проѣздѣ миссіи черезъ Бухарскія владѣнія?

— У насъ все уже приготовлено на нашемъ берегу Аму, чтобы принять, какъ слѣдуетъ, высокое посольство, говорили посланцы.— Мы долго ожидали васъ на берегу и, наконецъ, рѣшились узнать о причинѣ такого промедленія.

Въ числѣ разныхъ новостей они намъ сообщили, что эмиръ Бухарскій выѣхалъ изъ Шахрисябзя въ Карши и тамъ ожидаетъ проѣзда миссіи.

Посланцы, конечно, были одарены,снабжены отъ миссіи письмами къ беку и отпущены съ миромъ назадъ. Замѣчательно было то обстоятельство, что они пріѣхали въ Ташъ-Курганъ не по обычной дорогѣ— Патта-Гюзаръ-Мазари-Шерифъ, а на прямикъ, черезъ песчаную пустыню.

— Такъ мы поступили, говорили они, изъ боязни встрѣтиться съ авганцами.

Въ этотъ же день было получено извѣстіе, что момундцы, перешедшіе на сторону Ширъ-Али-хана со времени освобожденія имъ Якубъ-хана, продолжали давать себя чувствовать англичанамъ; такъ, незадолго передъ тѣмъ они разграбили англійскій военный транспортъ въ нѣсколько сотъ верблюдовъ.

29-го декабря, когда я отправился къ эмиру, съ обычнымъ уже теперь утреннимъ визитомъ,—Везиръ, всегда приходившій за мной отъ эмира, пригласилъ вмѣстѣ со мной и г. Малевинскаго; прочихъ же членовъ эмиръ не приглашалъ. Когда генер. Разгоновъ узналъ, что г. Малевинскій идетъ вмѣстѣ со мною къ эмиру, то объявилъ, что и онъ также пойдетъ вмѣстѣ со всѣми членами миссіи. Отправились такимъ образомъ всѣ.

По прибытіи въ палатку эмира нельзя было не замѣтить удивленія, которое невольно выразилось на лицѣ эмира, при видѣ всей миссіи, пришедшей безъ его приглашенія. Въ этотъ день эмиръ неохот-

но и вообще очень мало разговаривалъ съ нами. Вскорѣ мы возвратились назадъ.

Когда мы пришли домой, то г. Малѣвинскій подъ великимъ секретомъ сообщилъ мнѣ, что генер. Разгоновъ получилъ письмо отъ генер. Кауфманна. Въ этомъ письмѣ сообщалось генер. Разгонову распоряженіе о вызовѣ миссіи изъ Авганистана, или вѣрнѣе подтверждался этотъ вызовъ, такъ впервые онъ былъ сообщенъ еще раньше этого времени. Но въ немъ было и кое-что новое, по крайнѣй мѣрѣ для меня. Такъ, генер. Кауфманнъ сообщалъ въ этомъ письмѣ приказаніе объ оставленіи меня въ Мазари-Шерифѣ, послѣ того какъ миссія выѣдетъ изъ Авганистана, еслибы эмиръ пожелалъ оставить меня при себѣ.

«Въ случаѣ же, писалъ генер. Кауфманнъ, если докторъ Яворскій не понадобится эмиру-саибу, то онъ долженъ отправиться въ гор. Бухару, къ Бухарскому эмиру Мозафаръ-хану, для поданія ему врачебной помощи. Его будутъ сопровождать въ этой поѣздкѣ эсаулъ Булацель и надворный совѣтникъ Чанышевъ,—лица сопровождающіе теперь авганское посольство».

Далѣе въ письмѣ выражалось опасеніе,—какъ бы не вздумалъ эмиръ пріѣхать въ Россію, «чего не дай Богъ», хотя мысль эмира отступить изъ Кабула въ Мазари-Шерифъ съ войсками и одобрялась генер. Кауфманномъ.

Сообщеніе этихъ «секретовъ» подѣйствовало на меня какъ то странно. Не то, чтобы я былъ очень недоволенъ генер. Разгоновымъ за его неумѣстную скрытность, но мнѣ казалось страннымъ его желаніе изъ всего, даже изъ вещей, повидимому совершенно индифферентныхъ, дѣлать тайну. Письмо было получено уже нѣсколько дней тому назадъ, а я въ продолженіи всего этого времени не зналъ о распоряженіяхъ генер. Кауфманна, касавшихся меня лично, и при томъ для меня очень важныхъ.

«Очевидно, думалъ я, что эмиру откажутъ въ поѣздкѣ его въ Россію. Воображаю себѣ, послѣ всего что произойдетъ, мое положеніе съ отвергнутымъ эмиромъ, брошеннымъ на произволъ судьбы. Какъ бы мнѣ не пришлось изобразить собою единственную «жертву вечернюю» за грѣхи всѣхъ и вся».

Но мои мрачныя мысли должны были уступить мѣсто болѣе свѣтлымъ,

даже игривымъ—когда я подумалъ, что я долженъ разыгрывать роль лейбъ-медика чуть не всѣхъ средне-азіатскихъ потентатовъ, выражаясь приличнымъ случаю, т. е. болѣе или менѣе высокопарнымъ слогомъ. Дурное впечатлѣніе, навѣянное на меня сообщеніями Малевинскаго, совсѣмъ изгладилось послѣ прогулки по городу и окрестностямъ. Дѣло въ томъ, что съ перваго же дня своего прибытія въ Ташъ-Курганъ я выговорилъ себѣ у эмира полную свободу дѣйствій и въ этотъ день не замедлилъ воспользоваться ею. Я не безъ гордости скажу, что это я одинъ изъ всѣхъ членовъ нашей миссіи дерзнулъ нарушить безъисходное сидѣнье миссіи въ 4-хъ стѣнахъ дома или палатки. Потомъ я уже каждый день ѣздилъ по окрестностямъ города для обычныхъ прогулокъ.

Городъ Ташъ-Курганъ въ данное время совершенно измѣнилъ свою физіономію. Обыкновенно скучный, тихій—даже на своихъ грязныхъ и мрачныхъ базарахъ—онъ теперь принарядился, взволновался и жилъ шумною жизнью случайной столицы. Цѣлый другой городъ—городъ палатокъ—придвинулся къ нему съ запада и юга. Палатки были правильно разбиты улицами и кварталами. Въ нихъ помѣщались пришедшія съ эмиромъ войска. Кое-гдѣ, среди палатокъ, возвышались баталіонные и эскадронные значки. Почти въ самомъ центрѣ лагеря, ближе къ его западной окраинѣ, возвышалась коническая бѣлая палатка, производившая впечатлѣніе своими гигантскими размѣрами. Это ставка эмира. Она была, какъ и наша, двойная, т. е. имѣла двойныя полотняныя стѣнки, отстоящія одна отъ другой на $1^1/_2$ аршина. Конусъ крыши такъ же былъ двойной. Во всѣхъ четырехъ стѣнахъ ея продѣланы были закрывающіяся двойными портьерами окна и двери. Каждая сторона палатки имѣла въ длину до 8—9 саж.; высота ея достигала 3-хъ саж. Вся она поддерживалась только одною стойкою, поставленною въ центрѣ конуса. Крылья палатки укрѣплены были, посредствомъ туго натянутыхъ веревокъ на вбитые въ землю желѣзные колья, а по всѣмъ 4-мъ угламъ въ полотно палатки были зашиты тонкія, но прочныя деревянныя подпорки. Такое устройство палатки, не смотря на ея обширныя размѣры, дѣлало ее очень удобопереносною. Обыкновенно ее везли два-три сильныхъ мула на вьючныхъ сѣдлахъ. Внутренность палатки отдѣлана была довольно скромно: полъ ея устланъ былъ туркменскими

и хоросанскими коврами. Мѣсто, на которомъ сидѣлъ эмиръ, было нѣсколько возвышенное, покрытое шелковымъ «кашгарскимъ» ковромъ, а сверхъ него—еще тигровою шкурой. Руками эмиръ опирался о двѣ цилиндрическія подушки; онъ сидѣлъ конечно по азіатски, т. е. ноги подъ себя. Въ палаткѣ замѣчалось полное отсутствіе мебели.

Въ ней эмиръ находился во время аудіэнціи, даваемой имъ нашей миссіи, или собранію Сердарей (Дарбару), а такъ же и во время суда и расправы.

Судебныя учрежденія и судебные порядки здѣсь, въ Авганистанѣ, очень напоминаютъ еще патріархальныя времена. Почти всякое судное дѣло доходитъ до очей и ушей эмира, и всякій приговоръ произносится его устами. Однажды, когда я посовѣтовалъ эмиру, въ видахъ чисто терапевтическихъ, говорить на открытомъ воздухѣ, а такъ же и въ палаткѣ, какъ можно меньше—онъ, съ горечью въ голосѣ, отвѣтилъ мнѣ:

— Вы не знаете, что за народъ—мои подданные. Они готовы лѣзть ко мнѣ со всякимъ вздоромъ. Всякій, даже незначительный, судный процессъ доходитъ до меня. Постоянно въ моихъ ушахъ раздается: эмиръ-саибъ! эмиръ-саибъ! Претензію каждаго я долженъ удовлетворить; съ каждымъ я долженъ говорить о томъ, что ему нужно, хотя бы это были сущіе пустяки. Откажи я хотя одному изъ нихъ въ его просьбѣ—и тогда будутъ говорить, что я никого и ничего знать не хочу, что я не занимаюсь дѣлами, что я тиранъ и т. п. И теперь я знаю, что многіе обо мнѣ отзываются дурно. Если я долженъ вести себя такъ съ простымъ народомъ, то о Сердаряхъ и говорить нечего. Нѣтъ, докторъ-саибъ, вы не знаете, что это за народъ!

Обыкновенно же эмиръ теперь жилъ, т. е. отдыхалъ, обѣдалъ, ночевалъ... въ обыкновенной киргизской юртѣ, очень бѣдно меблированной и декорированной. Рядомъ съ этой юртой стояло еще нѣсколько другихъ юртъ, гдѣ помѣщалась часть его гарема и проч. Въ юртѣ я обыкновенно давалъ эмиру сеансъ вечерней пульверизаціи.

Кругомъ помѣщенія эмира были установлены караульные пикеты и 4 атлетическія фигуры въ синихъ мундирахъ, въ мохнатыхъ шапкахъ съ бѣлыми полулунными нашивками на нихъ, съ ружьями «на караулъ»,—мѣрно шагали впередъ и назадъ.

Городъ и лагерь жили теперь настоящей военной жизнью. Въ 7

часовъ утра войска будились пушечнымъ выстрѣломъ, раздававшимся съ дряхлыхъ стѣнъ городской цитадели, и на гласисѣ ея появлялись музыканты и играли персидскій маршъ,—играли, скажу по совѣсти, очень порядочно. Въ полдень—опять пушечный выстрѣлъ и опять маршъ; вечеромъ, въ 6 часовъ—то же.

Иногда выстрѣлы и звуки марша раздавались и въ неурочное время. Это бывало обыкновенно тогда, когда эмиръ выѣзжалъ на прогулку, въ поле на охоту съ соколами и туземными борзыми (тазъ) и проч.

Ташъ-Курганъ довольно большой городъ. Онъ занимаетъ площадь въ 7—8 квадратныхъ верстъ, полулунно обхватывая тотъ горный мысъ, на оконечности котораго и расположена городская цитадель. Городскіе дома построены довольно тѣсно, другъ возлѣ друга. Только на окраинахъ города въ сферу глиняныхъ домовъ и глиняныхъ заборовъ врываются чуть не круглый годъ зеленѣющіе сады. Большая часть домовъ имѣетъ куполообразныя кровли. Всѣ зданія, за весьма рѣдкими исключеніями, выстроены въ одинъ этажъ. Нѣкоторыя улицы вымощены булыжникомъ и гравіемъ. Понятно, что о достоинствѣ мостовой нельзя сказать ничего хорошаго. Городскіе базары, расположенные въ центрѣ города, на берегахъ прорѣзывающей его Хулумской рѣчки, довольно обширны и имѣютъ обычную среднеазіатскую физіономію. Здѣсь тѣ же многочисленные, узкіе проходы вмѣсто улицъ, со множествомъ переулковъ и поворотовъ; тѣ же ветхія рогожныя крыши, покрывающія улицы, переброшенныя съ одного ряда домовъ и лавокъ на другой; тѣ же тѣсныя и неопрятныя лавченки, въ которыхъ важно возсѣдаютъ политиканствующіе торгаши; тотъ же мракъ, та же грязь и та же духота вѣчно царятъ подъ дырявыми базарными сводами; та же разношерстная, разнорѣчивая толпа слоняется около лавокъ, «точитъ балясы»-на всѣхъ углахъ и переулкахъ, лакомится тутъ же, у всѣхъ на виду приготовляемымъ на походной жаровнѣ «кябабомъ», какъ будто продаетъ, какъ будто покупаетъ, прицѣнивается ко всему, все пробуетъ, мнетъ, нюхаетъ, кусаетъ... и потомъ совершенно равнодушно возвращаетъ вещь продавцу—какъ и на всякомъ другомъ среднеазіатскомъ рынкѣ. И продавецъ нисколько не бываетъ въ претензіи на покупателя, если тотъ поторговавшись съ полчаса времени, такъ и уйдетъ ничего не купивши. Онъ тысячу разъ покажетъ одну и ту же

вещь, тысячу разъ разскажетъ о ней мнимому покупателю и все это продѣлываетъ спокойно, съ нѣкоторымъ достоинствомъ, даже не безъ удовольствія, которое такъ и искрится въ его глазахъ, такъ и чувствуется во всей его «манерѣ».

— Да чѣмъ же тутъ быть довольнымъ, спроситъ меня читатель,—если покупаютъ плохо? Изъ чего тутъ хлопотать? стоитъ ли послѣ всего этого торговать?

И я въ первое время моего знакомства со Средней Азіей задавалъ себѣ подобные вопросы; и я также удивлялся, какъ вѣроятно удивляется и читатель, да удивляюсь еще и теперь, но нѣкоторое объясненіе этого, повидимому, страннаго факта я нашелъ. Объ этомъ я поговорю, впрочемъ, послѣ.

Жителей въ Ташъ-Курганѣ вѣроятно не менѣе 30 тысячъ. Я говорю только «вѣроятно» потому, что и сама авганская администрація не знаетъ точнаго числа жителей. Въ городѣ живутъ рядомъ съ коренными жителями страны, таджиками, и пришлый людъ. Болѣе крупная цифра населенія принадлежитъ именно этому пришлому люду. Узбеки, колѣна Мингъ, составляютъ большинство населенія Ташъ-Кургана. Но здѣсь же живутъ узбеки и колѣна Каттаганъ. Затѣмъ, сравнительно въ небольшомъ количествѣ живутъ здѣсь авганцы, индусы и евреи. «Ирани» т. е. персіяне, туркмены, равно какъ и гезарейцы, приходятъ сюда только временно; рѣдко они поселяются здѣсь совсѣмъ.

Значительная часть городскаго населенія занимается земледѣліемъ. Поэтому городъ со всѣхъ почти сторонъ окруженъ широкимъ поясомъ полей. Я уже выше сказалъ, здѣсь не довольствуются одними яровыми посѣвами хлѣбовъ, но производятъ также и большія озимыя запашки.

Верстахъ въ 10 отъ города, къ сѣверу, находятся развалины древняго, повидимому, обширнаго поселенія. Что это за развалины— я не могъ узнать; онѣ носятъ названіе Читръ-абафъ.

Вечеромъ 30 декабря, во время обычнаго моего визита, эмиръ долго разговаривалъ со мной и съ своими приближенными. Темой для разговора, конечно, служили тѣ политическія событія, какія произошли въ средней Азіи.

— Что думаетъ докторъ-саибъ, между прочимъ спросилъ меня эмиръ,—о чувствахъ, какія должны питать ко мнѣ англичане?

Я отвѣчалъ, что едва ли они сдѣлались теперь болѣе доброжелательными по отношенію къ эмиру, чѣмъ прежде.

— Почему? опять спросилъ эмиръ.

— Я такъ думаю, отвѣчалъ я, что своимъ отступленіемъ изъ Кабула въ Туркестанъ эмиръ-саибъ ясно далъ понять англичанамъ, что онъ не желаетъ имѣть съ ними никакихъ сношеній, между тѣмъ какъ съ Россіей стремится сблизиться еще болѣе.

— Правду вы сказали, оживленно перебилъ меня эмиръ,—англичане злы на меня за то, что я передалъ «ключи отъ воротъ въ Индію» въ руки Россіи. Они мнѣ предлагали деньги, оружіе, уступали Пешаверъ и Когатъ [1]), лишь бы я вступилъ въ союзъ съ ними, но я предпочелъ отказаться отъ всего этого. Для меня дороже всего «лицевая вода» [2]). Какъ отецъ мой держалъ сторону Россіи, такъ и я ѣду теперь къ государю Русскому. Да, честь («лицевая вода») для меня всего дороже. Еслибы меня обидѣлъ и Русскій государь, то, хотя бы онъ потомъ давалъ мнѣ 100 милліоновъ, я бы отъ всего отказался и дружбы между нами, конечно, болѣе не могло бы существовать.

«Бѣдный эмиръ! думалъ я во время его монолога. Ты не знаешь, что въ письмѣ генер. Кауфманна къ генер. Разгонову находится нѣсколько строчекъ, которыя могутъ совершенно разбить твои надежды на Россію: «хорошо, что эмиръ отступилъ въ Мазари-Шерифъ, но не дай Богъ, чтобы онъ пожаловалъ къ намъ»,—писалъ ген. Кауфманнъ.

Эмиръ, конечно, не зналъ объ этихъ строчкахъ, ибо генер. Разгоновъ не сообщилъ ихъ ему. Но и можно ли было сообщить ему такія слова?—Вотъ вопросъ, который пусть рѣшитъ читатель самъ.

До сихъ поръ, т. е. 31 декабря, генер. Разгоновъ еще не писалъ генер. Кауфманну о томъ разговорѣ, который произошелъ между

---

[1]) Я думаю, что эмиръ въ данномъ случаѣ нарочно преувеличивалъ предложенія англичанъ—просто по привычкѣ записного дипломата, хотя хитрить со мной и не было никакого резона.

[2]) Т. е, честь,—образное и, мнѣ кажется, весьма характерное и мѣткое выраженіе.

нимъ и Везиромъ 28-го декабря. Везиръ спрашивалъ Разгонова объ этомъ каждый день по нѣскольку разъ: скоро ли напишетъ онъ письмо къ генералу губернатору?—и получалъ отвѣтъ: «черезъ полчаса донесеніе будетъ готово». Но эти ½ часа растягивались на цѣлый день. Сегодня, на обычный вопросъ Везира: готово-ли письмо—генер. Разгоновъ отвѣчалъ, что письмо не готово потому, что онъ не имѣетъ свѣдѣній о численности авганскихъ войскъ въ авганскомъ Туркестанѣ. Везиръ сейчасъ же отправился къ эмиру и вскорѣ принесъ отвѣтъ: во всемъ авганскомъ Туркестанѣ находится около 20 баталіоновъ пѣхоты и почти столько же въ Гератѣ.—Потомъ письмо не было написано потому, что «авганцы, говорилъ Разгоновъ, не сообщаютъ ему точныхъ свѣдѣній о военныхъ дѣйствіяхъ и о своихъ потеряхъ въ сраженіямъ съ англичанами».—И вотъ все такимъ образомъ отсылка письма откладывалась со дня на день, а интересныя новости, какъ напримѣръ, занятіе англичанами Джелалабада—такъ и не сообщались Туркестанскому генералъ-губернатору.

Сегодня, 31-го декабря, на мой вопросъ: когда эмиръ-саибъ думаетъ отправиться въ путь,—онъ отвѣчалъ, что завтра.

Сегодня же генер. Разгоновъ, наконецъ, рѣшился прочитать Везиру выдержки изъ письма генерала Кауфманна, въ которомъ сообщался вызовъ миссіи изъ Авганистана. Такъ была прочитана та часть письма, въ которой находился совѣтъ для эмира—заключить миръ съ Англіей. Слѣдующія слова письма: «хорошо было бы, если бы эмиръ-саибъ не исполнилъ моихъ оффиціальныхъ совѣтовъ заключить миръ съ Англіей»—были вѣроятно не поняты Везиромъ, такъ какъ произвели на него какое то неопредѣленное впечатлѣніе. Фраза—«не дай Богъ, чтобъ эмиръ-саибъ пожаловалъ въ Россію» была передана генер. Разгоновымъ Везиру совсѣмъ иначе, просто какъ совѣтъ эмиру остаться въ Мазари-Шерифѣ какъ можно долѣе—и, повидимому, тоже не произвела на него никакого впечатлѣнія. Когда же генер. Разгоновъ прочиталъ то мѣсто письма, гдѣ генер. Кауфманнъ говоритъ о своемъ желаніи, чтобъ эмиръ сообщалъ ему «только одну святую правду»,—Везиръ съ жаромъ отвѣтилъ, что «до сихъ поръ такъ и дѣлалось со стороны эмира; передъ выѣздомъ изъ Кабула онъ писалъ [1]) генер. Кауфманну, что разбитъ и, поэтому, проситъ

[1]) Письмо Ширъ-Али-хана къ генералу Кауфманну отъ 26 ноября 1878 г.

военной помощи».—Затѣмъ, совѣтъ генер. Кауфманна эмиру—поддерживать прямыя сношенія, по выѣздѣ изъ Кабула, съ Якубъ-ханомъ и съ нимъ, генер. Кауфманномъ, вызвалъ со стороны Везира возраженіе, что «съ первымъ, т. е. съ Якубъ-ханомъ каждый день ведется переписка, а что касается до послѣдняго т. е. до сношеній съ генер. Кауфманномъ то, вѣдь, это вполнѣ зависитъ отъ генерала-саиба» (т. е. генер. Разгонова). При этомъ Везиръ опять спросилъ: готово ли письмо къ генер. Кауфманну?—Когда выдержки изъ письма были прочитаны, Везиръ объявилъ, что всего прочитаннаго ему генер. Разгоновымъ, онъ не можетъ передать эмиру.

— Я пойду и доложу объ этомъ эмиру-саибу; если ему угодно будетъ выслушать генерала-саиба, то онъ попроситъ васъ къ себѣ, продолжалъ Везиръ. Впрочемъ, вѣдь теперь какъ разъ время идти доктору къ эмиръ-саибу. Если нужно что сообщить эмиру-саибу, то пусть генералъ-саибъ дастъ письмо доктору, а онъ и прочтетъ его эмиру-саибу.

Но генералъ письма мнѣ не далъ, а взамѣнъ этого предложилъ свои услуги, сказавъ, что онъ пойдетъ и прочтетъ письмо эмиру самъ. На это Везиръ отвѣтилъ, что онъ пойдетъ и сейчасъ же доложитъ эмиру о желаніи генерала «и если ему угодно будетъ выслушать васъ, то я пріѣду за вами», закончилъ Везиръ.

Черезъ нѣсколько времени эмиръ прислалъ за мной посланца, но генерала къ себѣ не позвалъ. Такъ и остались несообщенными эмиру ни вызовъ миссіи въ Ташкентъ, ни отказъ генер. Кауфманна въ желаніи эмира проѣхать въ Россію.

Я не могу воздержаться отъ того, чтобы не выразить моего удивленія по поводу способа сообщенія Везиру вышеприведенныхъ выдержекъ изъ письма генер. Кауфманна. Дѣло въ томъ, что эти выдержки читались Везиру послѣ продолжительнаго обсужденія—какъ удобнѣе передать ту или другую мысль, въ какую форму облечь ее и т. п.,—обсужденія, которое производилось тутъ же, на глазахъ Везира, и которое иногда переходило въ горячій споръ между генераломъ и переводчикомъ Назировымъ. Фразы письма сначала читались по русски, потомъ онѣ передѣлывались, также по русски, затѣмъ редакція ихъ нѣсколько разъ еще измѣнялась, и потомъ уже они переводились по персидски и передавались Везиру. Я уже выше сказалъ, что чтеніе

письма произвело на Везира какое-то неопредѣленное впечатлѣніе. И я имѣю основанія думать, что онъ не повѣрилъ въ подлинность сообщаемыхъ ему выдержекъ...

Въ тотъ же день я получилъ письмо отъ ширабадскаго бека. Послѣ цѣлой кучи комплиментовъ, которыми бекъ началъ письмо (напримѣръ, онъ называлъ меня «христіанскимъ мудрецомъ» и т. п.), онъ спрашивалъ меня: встрѣтился ли я съ миссіею? въ какомъ она находится положеніи? скоро ли думаетъ выѣхать изъ Авганистана въ Ташкентъ? и проч. проч. Онъ просилъ увѣдомить его заблаговременно о проѣздѣ миссіи черезъ Ширъ-абадъ. Я, конечно, не преминулъ отвѣтить на письмо бека. Въ тотъ же день посланецъ бека выѣхалъ изъ Ташъ-Кургана обратно. Съ нимъ я долженъ былъ отправить свою частную корреспонденцію, а такъ же и донесенія по начальству, такъ какъ генер. Разгоновъ еще не написалъ письма къ генералу Кауфманну, и, поэтому, я не сталъ дожидаться обычнаго курьера миссіи, чтобы не упустить понапрасну время.

ГЛАВА V.

Съ Авганскимъ эмиромъ.

Переѣздъ эмира изъ Ташъ-Кургана въ Мазари-Шерифъ.—Авганскія войска.—Извѣстія о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ англичанъ въ Авганистанѣ.—Прибытіе авганскаго посольства изъ Ташкента.—Эмиръ получаетъ оффиціальный отказъ въ принятіи его въ Петербургѣ.—Бурныя пренія на аудіэнціи у эмира по поводу этого письма.—Новый курьеръ и новое письмо.—Приглашеніе эмира въ Ташкентъ.—Приготовленія къ этой поѣздкѣ.—Везиръ и Казій.—День эмира; его занятія, развлеченія, гаремъ.—Мой визитъ казію.

Сегодня у насъ 1-й день Новаго, 1879 года.

Въ этотъ день человѣчество обыкновенно подводитъ итогъ своей жизни за минувшій годъ. Гдѣ бы ни былъ человѣкъ, на крайнемъ ли сѣверѣ, или подъ знойнымъ тропическимъ небомъ, тамъ ли, гдѣ встаетъ съ своего пурпурнаго ложа ясное солнце, или гдѣ гаснетъ его послѣдній лучъ, въ шумномъ ли и веселомъ кругу столичнаго общества, или заброшенный въ среду дикарей невѣдомыхъ странъ, будетъ ли онъ геній или самый обыкновенный, совсѣмъ заурядный дюжинникъ—человѣкъ непремѣнно думаетъ одну и ту же думу. Могутъ быть различны варіаціи думъ, но тема ихъ одна и та же. Впрочемъ, болѣе думаютъ о будущемъ, чѣмъ о прошедшемъ,—о наступающемъ годѣ, чѣмъ о минувшемъ: «что то принесетъ намъ этотъ годъ? Счастье или бѣду? Радость или горе»?

И вотъ замелькали въ моемъ воображеніи образы и картины изъ

жизни минувшаго года, зароились въ головѣ мысли... Панорама, представившаяся моему духовному взору, обширна, пестра, но такъ же и пустынна. Назойливые вопросы: «какъ ты прожилъ этотъ годъ? что ты сдѣлалъ хорошаго? чѣмъ ты заявилъ себя, какъ членъ цивилизованнаго человѣчества? оправдалъ ли ты надежды almae matris, гдѣ ты услыхалъ такъ много хорошаго, такія святыя заповѣди, какъ—любовь къ человѣчеству вообще, работа до самозабвенія на пользу ближняго, братство, равенство? провелъ ли ты ихъ въ жизнь хотя до нѣкоторой степени?—всѣ эти вопросы безчисленной вереницей проходили передъ моими духовными очами...

Утромъ этого дня, часовъ въ 8, началось наше выступленіе изъ Ташъ-Кургана. Весь лагерь взволновался; все кругомъ зашумѣло, загудѣло. Здѣсь вьючили лошадей и верблюдовъ, тамъ снимали и свертывали палатки; еще далѣе—строились въ порядокъ авганскія войска. Только одна ставка эмира еще долго возвышала свой бѣлый конусъ среди общаго хаоса и ломки. Наконецъ и она была завьючена на 3-хъ сильныхъ муловъ. Вотъ загудѣли разнотонные барабаны, послышались меланхолическіе звуки марша, а со стѣнъ цитадели раздалось нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ. Это означало, что эмиръ тронулся въ путь.

Онъ ѣхалъ верхомъ. Для него была осѣдлана небольшая, коренастая, съ широкой грудью, лошадь, породы «кадагани». Это былъ рѣзвый «тропотунъ» [1]). Англійское сѣдло, которымъ засѣдлана была лошадь, покрыто было бархатнымъ чепракомъ съ украшеніями, затканными золотомъ. Вальтрапъ былъ сдѣланъ изъ мѣха чернаго медвѣдя, водящагося, какъ мнѣ говорили авганцы, въ горахъ Бадахшана. Уздечка была такъ же англійская, съ золотой насѣчкой, стремена же были украшены серебряной, съ эмалью, насѣчкой.

Одежда, въ которой ѣхалъ эмиръ, состояла изъ національнаго опашня (вродѣ нашихъ военныхъ мундировъ новаго образца, но съ воротникомъ «шалью» и съ болѣе полной, сборчатой юбкой), поверхъ котораго надѣта была легкая мѣховая шуба; изъ панталонъ со штрипками (для верховой ѣзды) и щиблетъ. На головѣ—коническій «кюлахъ» изъ черныхъ мерлушекъ. Къ поясу, обложенному золотымъ

[1]) Смотр. I т. этого труда гл. VI. стр. 214.

позументомъ, съ лѣвой стороны прицѣплена была изящная кабульская шашка; револьвера эмиръ не носилъ.

Когда былъ подведенъ къ эмиру конь, то множество рукъ подхватили его и посадили на сѣдло. Онъ ѣхалъ неровнымъ аллюромъ, то ускорялъ бѣгъ коня, то замедлялъ. За нимъ и около него слѣдовала большая свита изъ приближенныхъ къ нему людей, независимо отъ тѣлохранителей, которые охватывали всю группу широкимъ кольцомъ.

Посольство ѣхало отдѣльно отъ эмира, нѣсколько сзади. Насъ сопровождалъ Везиръ и небольшой отрядъ авганскихъ всадниковъ.

Во время пути эмиръ нѣсколько разъ останавливался, какъ будто поджидая миссiю. Но всякiй разъ какъ происходила подобная остановка, генер. Разгоновъ, въ свою очередь, такъ же останавливался и выжидалъ пока эмиръ снова не отправится въ путь. Ясно было, что Разгоновъ избѣгалъ встрѣчи съ эмиромъ. Почему? Чтобы это значило?—Члены миссiи разсказывали мнѣ, что и во время предыдущаго пути черезъ Гинду-Кушъ генер. Разгоновъ такъ же старался избѣгать совмѣстной поѣздки съ эмиромъ. Они разно объясняли это, повидимому, загадочное поведенiе генерала. Я не могъ удовлетвориться ихъ объясненiями и потому прямо обратился къ генералу съ вопросомъ: почему миссiя не ѣдетъ вмѣстѣ съ эмиромъ?

— Да видите ли въ чемъ дѣло, докторъ, отвѣчалъ мнѣ Разгоновъ,—когда мы ѣдемъ вмѣстѣ съ эмиромъ, то онъ часто обращается ко мнѣ съ разными вопросами политическаго свойства. Это бы конечно ничего особеннаго не составляло, если бы онъ не ставилъ ихъ такимъ образомъ, что я долженъ давать на нихъ свое личное мнѣнiе. А я что же буду говорить ему отъ себя?

А между тѣмъ мнѣ очень хотѣлось ѣхать вмѣстѣ съ эмиромъ. Я не понималъ боязни Разгонова передъ вопросами эмира, хотя бы на нихъ и нужно было давать «личныя мнѣнiя». Вѣдь это—лучшiй путь узнать эмира, да и не только его одного, но и мало ли еще кого и что...

Въ этотъ день эмиръ вѣроятно рѣшился во что бы то ни стало поговорить съ Разгоновымъ, ибо онъ остановился на дорогѣ и въ продолженiи долгаго времени не съѣзжалъ съ мѣста. Тогда генер. Разгоновъ повернулъ въ сторону и такимъ образомъ, избѣгнувъ встрѣчи,

такъ повидимому для него опасной, прибылъ на мѣсто стоянки. Эмиръ конечно не пустился за нами въ погоню, но за то онъ сейчасъ же отправился съ борзыми въ чистое поле, на охоту.

Теперь я намѣренъ повиниться передъ читателемъ въ одномъ крупномъ грѣхѣ людскомъ, который не чуждъ и мнѣ. Во мнѣ существуетъ очень дерзкая увѣренность, что я знаю иногда про людей нѣсколько больше, чѣмъ они этого хотѣли бы. Такъ и теперь я полагалъ, что зналъ настоящую причину страха генер. Разгонова относительно встрѣчи съ эмиромъ. Дѣло въ томъ, что онъ до сихъ поръ еще не отослалъ генер. Кауфманну своихъ донесеній о послѣднихъ событіяхъ въ Авганистанѣ, да не только не отослалъ, но еще и не писалъ. При встрѣчѣ съ эмиромъ разговоръ неминуемо долженъ былъ вертѣться на политической почвѣ. Эмиръ при этомъ не замедлилъ бы спросить: отослано ли генер. Разгоновымъ донесеніе Туркестанскому генералъ губернатору о занятіи англичанами Джелалабада. А онъ что же могъ бы отвѣчать на этотъ вопросъ?—скажу я словами самого Разгонова.

Въ этотъ день мы сдѣлали очень маленькій дневной переходъ,— не болѣе 10 верстъ. Стоянка назначена была въ открытой степи; здѣсь нѣтъ никакого селенія; урочище же называется Гильджатуй. Для насъ, миссіи, было довольно странно, что на этотъ день назначенъ былъ такой маленькій переходъ. Но не надо было забывать, что эмиру Средней Азіи большая скорость въ путешествіи воспрещается правилами туземнаго этикета. Не только въ Бухарѣ, но даже и въ Авганистанѣ, съ понятіемъ о достоинствѣ связывается представленіе о медленности движеній.

Въ этотъ день нами были получены свѣжія новости изъ Кабула. Якубъ-ханъ доносилъ отцу, что хотя Англичане и заняли Джелалабадъ, но далѣе въ направленіи къ Кабулу не подвигались. Между тѣмъ со стороны Кветты они продолжали наступленіе на Кандагаръ и въ данное время находились, какъ извѣщалъ объ этомъ Якубъ-хана Магометъ Юсуфъ-ханъ, уже не далеко отъ него [1]). Затѣмъ Якубъ-

---

[1]) Письмо отъ Магометъ-Юсуфъ-хана, правителя Кандагара, было писано приблизительно 15-го декабря, т. е. еще за нѣсколько дней до занятія англичанами этого города,

ханъ писалъ такъ же, что онъ не ѣздилъ въ Джелалабадъ [1]), но что, напротивъ, англичане прислали ему приглашеніе—вступить съ ними въ мирные переговоры, причемъ приглашеніе было адресовано ему подъ титуломъ: «Наибу Кабула».—Якубъ-ханъ на это будто бы отвѣчалъ, что онъ не уполномоченъ своимъ отцомъ вступать съ англичанами въ какіе бы то ни было переговоры. Поэтому онъ совѣтовалъ англійскимъ властямъ обратиться съ этою цѣлью къ самому эмиру Ширъ-Али-хану. «А такъ какъ отецъ мой въ настоящее время отправился въ Петербургъ, писалъ Якубъ-ханъ англичанамъ, то и вы обратитесь съ вашими предложеніями туда же».

Вечеромъ, когда я былъ у эмира, онъ по обыкновенію завелъ рѣчь о современной «злобѣ дня» и, сказавъ извѣстную уже фразу, что англичане предлагали ему деньги и оружіе, даже обѣщали увеличить его владѣнія, прибавилъ, что онъ отъ всѣхъ предложеній и обѣщаній отказался и больше не хочетъ съ ними имѣть никакого дѣла.

— Я заключилъ съ Россіей союзъ и слова своего держусь крѣпко. Посмотримъ, что сдѣлаетъ Россія для насъ. А я ей передалъ ключи отъ воротъ въ Индію, я завязалъ съ нею сношенія, которыя гораздо тѣснѣе обыкновенной дружбы. Изъ-за этой дружбы я раззорилъ свое государство. А почему?—Именно потому, что 40 лѣтъ тому назадъ съ Россіей друженъ былъ мой отецъ, и я слѣдую его завѣщанію.

Говоря это, эмиръ постоянно справлялся о моемъ личномъ мнѣніи. Я, понятно, на всѣ подобные вопросы старался отвѣчать общими фразами. Да иначе я и не могъ поступить. Я не имѣлъ относительно этого обстоятельства никакихъ инструкцій; никакой программы мнѣ не было дано ни генер. Кауфманномъ, ни генер. Разгоновымъ. Признаюсь, это обстоятельство, т. е. неснабженіе меня надлежащей инструкціей,—довольно странно. Мое положеніе, какъ личнаго врача эмира, было таково, что я по необходимости, независимо даже отъ своего желанія, долженъ былъ играть политическую роль. Я вынужденъ былъ, въ силу своего положенія, давать отвѣты на различные вопросы чисто политическаго свойства,

[1]) Запросъ о поѣздкѣ его въ Джелалабадъ былъ посланъ ему эмиромъ изъ Ташъ-Кургана, лишь только здѣсь была получена приведенная въ предыдущей главѣ телеграмма „Голоса“.

съ которыми обращался ко мнѣ эмиръ. Понятно, что въ своихъ отвѣтахъ я не долженъ былъ идти въ разрѣзъ съ тѣмъ, что могъ говорить ему Разгоновъ [1]); понятно также, что для того, чтобы не могло произойти разнорѣчія между моими словами и словами ген. Разгонова—нужно было посвятить меня, хотя бы до нѣкоторой степени, въ политическіе взгляды русскаго правительства на данный вопросъ и виды его на Авганистанъ и эмира. Этого, однако, не было сдѣлано, и я поставленъ былъ въ щекотливое положеніе—лавировать между Сциллой и Харибдой. Получить названіе лжеца—хотя бы и изъ устъ средне-азіатскаго эмира, совсѣмъ не было лестно; но нельзя же было и ограничиваться постояннымъ «не могу знать».

Однако эмиру авганскому вѣроятно неизвѣстно было мое «нейтральное» положеніе, а потому онъ продолжалъ разговоръ въ томъ же духѣ далѣе.

— Я постоянно слышалъ и читалъ—продолжалъ онъ,—что Россія—могущественное и правдивое государство, что она въ своей дѣятельности преслѣдуетъ только высокія и честныя цѣли и, разъ давши слово,—держитъ его. И вотъ именно вслѣдствіе этого слуха и общаго народнаго говора, я, небольшой владѣтель, прибѣгъ подъ ея высокое покровительство. Теперь я и русское правительство, Авганистанъ и Россія—составляемъ одно цѣлое. Я считаю себя не болѣе, какъ вассаломъ великаго Бѣлаго Царя...

Нѣсколько минутъ спустя разговоръ нашъ перемѣнилъ очень неудобную для меня политическую тему. Теперь мы путешествовали въ областяхъ этнографіи. Заговорили о происхожденіи авганъ.—Тономъ, недопускавшимъ никакого сомнѣнія или возраженія, эмиръ объявилъ мнѣ, что предки авганъ—древніе евреи.

Я выразилъ, по этому поводу, недоумѣніе и спросилъ: почему же теперь авганцы такъ ненавидятъ и угнетаютъ евреевъ?

— Вѣдь они братья авганъ, судя по заявленію эмира саиба,—возразилъ я.

[1]) Иначе могли бы повториться такіе же смѣшные, а чаще непріятные qui pro quo, какіе случились съ генер. Разгоновымъ, когда онъ, не зная объ отвѣтахъ и совѣтахъ генер. Столѣтова, на тѣ же вопросы эмира давалъ совсѣмъ другіе отвѣты; иначе и я, какъ генер. Разгоновъ, могъ бы услышать изъ устъ эмира такой обидный вопросъ: «кто же изъ васъ двоихъ говоритъ правду?»

— Нѣтъ, отвѣчалъ эмиръ,—настоящіе евреи не братья наши; это—паріи, отверженная часть человѣчества. Я говорю о древнихъ евреяхъ,—что они были родоначальниками авганъ. Вы, конечно, очень хорошо знаете изъ вашей священной книги (библіи)—какой народъ были древніе евреи. Они были извѣстны своей гордой, непреклонной и вмѣстѣ съ тѣмъ честной волей. Нынѣшній же еврей кромѣ денегъ ничего не знаетъ на свѣтѣ. Деньги—вотъ кто теперь Іегова еврея.

Затѣмъ эмиръ опять свернулъ на почву политики и притомъ свернулъ, мнѣ кажется, очень ловко.

— Какъ древніе евреи твердо держали свое слово, такъ и я, ихъ потомокъ, твердо сдержалъ передъ Россіей свое обѣщаніе. Я разорилъ свое государство... а что сдѣлаетъ для меня Россія—это мы въ скоромъ времени увидимъ,—заключилъ эмиръ нашу продолжительную бѣсѣду.

Къ вечеру этого дня сдѣлалось очень вѣтренно. Небо покрылось тяжелыми, свинцоваго цвѣта, облаками. Они стремительно неслись съ запада на востокъ и совершенно закрыли своимъ непроницаемымъ покровомъ сѣверные отроги Гинду-Куша. Очевидно было, что въ непродолжительномъ времени надо было ожидать перемѣны погоды.

На слѣдующій день наша дневная стоянка назначена была въ Наибъ-абадѣ. Цѣлый день продолжалъ дуть сильный западный вѣтеръ; но только нѣсколько капель дождя упало на изсохшую почву.

Отъ Ташъ-Кургана за мной двигался цѣлый лагерь больныхъ туземцевъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ наблюдались довольно типичные случаи болѣзней. Вотъ чахоточный больной, въ послѣднемъ періодѣ развитія болѣзни. Вотъ хроническій маляриkъ; у него селезенка своимъ нижнимъ концомъ опустилась далеко ниже пупка. Вотъ свищъ брюшной полости, пупочная грыжа и наконецъ—злѣйшая «венера».

Эмиръ продолжалъ зондировать меня и сегодня. Такъ, во время обычнаго моего визита, онъ заговорилъ о вѣроломствѣ друзей.

— Странные это люди!—заговорилъ эмиръ. Неужели они не понимаютъ, что, нанося вредъ своимъ друзьямъ, они въ сущности вредятъ себѣ? Да, нѣкоторые люди поступаютъ очень дурно, обходясь подобнымъ образомъ со своими друзьями.

На словѣ «нѣкоторые люди» эмиръ сдѣлалъ особенное удареніе. «Кто бы могли быть эти люди»? подумалъ я. Поэтому я ждалъ отъ

эмира разъясненія. Но онъ заговорилъ о Франціи, сказавъ: «вотъ и Наполеонъ III потому пострадалъ, что ему измѣнили его «друзья».

Почти въ срединѣ разговора эмиръ вдругъ удалилъ изъ своего помѣщенія Ахуна-саиба, своего придворнаго врача-туземца, къ величайшему недоумѣнію этого послѣдняго, ясно выразившемуся на его широкомъ лицѣ и въ его большихъ, холодныхъ глазахъ. Я такъ и не узналъ причины этого поступка эмира. Тѣмъ не менѣе я спросилъ, чѣмъ заслужилъ этотъ человѣкъ гнѣвъ эмира?

— Не обращайте вашего вниманія на этого глупца, отвѣтилъ эмиръ; онъ не стоитъ этого.

Вечеромъ этого дня я возвращался отъ эмира очень поздно. Въ нашей палаткѣ почти всѣ уже спали. Генер. Разгоновъ тоже спалъ сномъ праведныхъ, но письмо къ генералъ-губернатору все еще не было написано.

3-го января мы прибыли въ Гури-Маръ. Погода въ этотъ день была ужасна. Съ двухъ часовъ ночи лилъ сильный дождь. Въ 7 часовъ утра онъ смѣнился снѣжной пургой. Сильный западный вѣтеръ несъ цѣлыя тучи рыхлаго снѣга, залѣпляя глаза путникамъ. Онъ проникалъ всюду, отъ него не было никакого спасенія. Но за то сегодня я одѣлся такъ солидно, что вызвалъ у всѣхъ улыбку удовольствія. Прежде всего, поверхъ бѣлья, я надѣлъ сѣрый китель, а на ноги «чембары» (штаны изъ бараньей кожи) съ высокими сапогами. Затѣмъ я надѣлъ длинную, мягкую и очень теплую лисью шубку—подарокъ бухарскаго эмира, а поверхъ чембаръ—двойнаго толстаго сукна брюки. Поверхъ шубки (заправленной въ брюки) былъ надѣтъ мѣховой сюртукъ, съ юбкой почти до пятъ. А сверхъ этого сюртука былъ надѣтъ еще плащъ изъ толстаго, сѣраго, солдатскаго сукна. На головѣ, поверхъ фуражки,—башлыкъ, а на рукахъ—мѣховыя перчатки съ верхомъ изъ лосиной кожи. Этотъ костюмъ я приготовилъ было въ чаяніи зимняго перехода черезъ Гинду-Кушъ. Въ резервѣ оставались еще длиннѣйшіе валяные сапоги и мѣховая папаха. Одѣтый такимъ образомъ, я пробовалъ было безъ посторонней помощи взобраться на сѣдло, но не могъ. Моему восхожденію помогали деньщикъ и джигитъ. Но за то въ этомъ одѣяніи меня, пожалуй, «и пушка не прошибла бы».

Въ этотъ день эмиръ отправился въ путь въ крытомъ паланкинѣ.

Паланкинъ имѣлъ видъ довольно большой бесѣдки, съ двумя дверцами по сторонамъ, со стеклянными окнами. Высота его около 6 футовъ. На конической кровлѣ его находился вызолоченный шаръ. Длина и ширина паланкина имѣли такіе размѣры, что эмиръ могъ въ немъ свободно лежать. Съ боковъ къ паланкину прикрѣплены двѣ длинныя, толстыя дроги. Когда эмиръ помѣщался въ паланкинѣ носильщики, спеціально назначенные для ношенія паланкина и составлявшіе особенную «дружину скороходовъ», брались за концы дрогъ и несли паланкинъ. Заразъ брались за дроги до 40 человѣкъ-носильщиковъ; каждую четверть часа они смѣнялись. Эмиръ, когда ѣхалъ въ паланкинѣ, любилъ быстрый ходъ, поэтому носильщики шли бѣгомъ. Несмотря на довольно значительную быстроту хода, паланкинъ подвигался впередъ очень покойно, безъ сотрясеній. Перемѣнялись носильщики не сразу всѣ, а по одному, по очередно, на полномъ ходу. Стеклянныя окна паланкина были снабжены занавѣсками, а внутренность его была богато отдѣлана атласомъ и золотомъ; наружныя же стороны его были просто выкрашены въ разные цвѣта.

Эмиръ имѣлъ такъ же и экипажи. Здѣсь, въ Туркестанѣ, онъ имѣлъ, впрочемъ, очень простые экипажи, очевидно домашняго издѣлія. Это были отдѣланныя краснымъ бархатомъ одноколки, поставленныя на высокихъ колесахъ. Въ Кабулѣ же у него были кареты англійской фабрикаціи.

Когда мы поднялись на перевалъ Абъ-Дугъ, то встрѣтили слона, съ бесѣдкой на спинѣ. Слонъ былъ высланъ Лойнабомъ Хошь-Дильханомъ для эмира, который остановился на нѣкоторое время на вершинѣ перевала въ одной башнѣ, кажется для завтрака. Везиръ передалъ генер. Разгонову приглашеніе эмира—пожаловать къ нему на чай, но получилъ въ отвѣтъ отказъ, потому что «станція близко и останавливаться здѣсь не стоитъ»,—пояснилъ свой отказъ ген. Разгоновъ.

Подъѣзжая къ Гури-Мару, мы увидали разставленныя въ порядкѣ войска и пушки. Вскорѣ пріѣхалъ эмиръ. Ему былъ сдѣланъ салютъ изъ 21 пушечнаго выстрѣла.

Сегодня (3-го января) эмиръ прислалъ ко мнѣ Везира съ извѣстіемъ, что обычнаго сеанса онъ брать не будетъ, «такъ какъ, говорилъ Везиръ, погода очень дурная, а ставка эмира-саиба расположена

довольно далеко отъ помѣщенія миссіи; поэтому эмиръ-саибъ просилъ доктора-саиба не безпокоить себя визитомъ къ нему».

Съ Везиромъ дѣло у насъ дошло, наконецъ, до небольшой ссоры. Ссора эта была обусловлена его жадностью. Сегодня утромъ къ чаю у насъ не оказалось сахара. Мулла Якубъ, разходчикъ чая и сахара, тотчасъ же отправился за нимъ къ Везиру. Принесеннаго сахара было такъ мало, что едва хватило для членовъ миссіи, казаки же остались безъ сахара. Объ этомъ сейчасъ же зашелъ разговоръ и генералъ прибавилъ, что и прежде неоднократно замѣчалось, что казакамъ не доставало то того, то другаго. Случилось при этомъ, что Мулла-Якубъ спустилъ съ кончика своего болтливаго языка неосторожную фразу, будто Везиръ ему сказалъ, что если казаки знаютъ, что такое сахаръ, то только благодаря ему, Везиру, а что раньше этого они не имѣли о немъ и понятія». Этой фразы, въ связи съ подстрекательствомъ нѣкоторыхъ членовъ (особенно Малевинскаго), имѣвшихъ какія то свои счеты съ Везиромъ, совершенно было достаточно, чтобы генералъ Разгоновъ, вообще очень сдержанный, воспылалъ гнѣвомъ противъ авганскаго «канцлера».

— Надо, наконецъ, дать ему себя почувствовать! воскликнулъ онъ. Этотъ человѣкъ надоѣлъ мнѣ выше головы.

Тотчасъ же за разъясненіемъ посланъ былъ къ Везиру Замаанбекъ. Ему, видимо, очень не нравилась подобная миссія, но дѣлать было нечего,—онъ долженъ былъ повиноваться.

Везиръ отъ произнесенія обидной для казачьяго самолюбія фразы наотрѣзъ отказался, объяснивъ недостачу посланнаго для миссіи сахара тѣмъ, что въ лагерѣ сахаръ совсѣмъ вышелъ, и что онъ послалъ за нимъ нарочнаго въ Мазари-Шерифъ. Тѣмъ дѣло повидимому и кончилось бы.

Но Малевинскій хотѣлъ, въ свою очередь, то же дать себя почувствовать Везиру. Тогда произошло слѣдующее.

Въ Ташъ-Курганѣ М. собиравшій коллекцію древнихъ монетъ, облюбовалъ у однаго индѣйца до 8 штукъ древнихъ монетъ; всѣ онѣ были серебрянныя, съ надписью и изображеніемъ Антіоха; нѣкоторыя изъ нихъ были величиною въ рубль; чеканка ихъ—верхъ совершенства. Индѣецъ запросилъ сначала за монеты 60 рупій. Но потомъ, вслѣдствіе какихъ то причинъ,—можетъ быть онъ увидалъ, что М.

очень желалъ пріобрѣсти эти деньги—индѣецъ возвысилъ цѣну до огромной суммы въ 600 рупій. М. не могъ дать этой суммы и о своемъ горѣ разсказалъ Везиру и Казію. Тѣ обѣщали помочь его горю тѣмъ, что хотѣли сообщить объ этомъ эмиру, который, по ихъ предположенію, могъ купить монеты за свой счетъ и подарить ихъ Малевинскому. Съ тѣхъ поръ М. каждый день усердно справлялся у Везира: скоро ли эмиръ купитъ монеты? Между тѣмъ эти монеты находились уже у М. Такъ дѣло тянулось день за днемъ. Сегодня, послѣ утренней размолвки съ Везиромъ, М. пошелъ къ нему, и возвратилъ ему монеты.—Везиръ потомъ приходилъ къ намъ и шутя спрашивалъ насъ, за что на него разсердился такъ сильно М.?

Я не могъ удержаться при этомъ отъ того, чтобы не высказать своего порицанія поступку М. Въ самомъ дѣлѣ,—онъ выбралъ для подобныхъ исторій очень не подходящее время. Къ тому же все это сильно отзывалось попрошайничествомъ. Время наступило такое, что эмиръ и его приближенные, кажется, стали терять вѣру въ Россію, а тутъ поднялись такія мелкія дрязги!..

Послѣ этого эпизода между Везиромъ и генер. Разгоновымъ произошелъ слѣдующій разговоръ. Везиръ снова напомнилъ нач. посольства о томъ опасномъ положеніи, въ какомъ находился въ данное время Авганистанъ.

— Россія, говорилъ Везиръ,—обѣщала Авганистану военную помощь. Еще до выѣзда изъ Кабула эмиръ писалъ генер. Кауфманну о томъ, чтобы выслана была изъ Ташкента эта помощь. А между тѣмъ и до сихъ поръ мы не получили никакого опредѣленнаго отвѣта.

— Ну, надо подождать и еще нѣкоторое время, замѣтилъ ему генер. Разгоновъ.

— Да, вѣдь, ждать-то долгое время нельзя, возражалъ Везиръ. Если англичане займутъ Кабулъ, то наше дѣло будетъ совсѣмъ плохо. Разъ разстроивъ государство, трудно его опять поправить—если только будетъ даже возможность поправить.

На это генер. Разгоновъ отвѣчалъ, что «всетаки необходимо подождать, такъ какъ это—самое лучшее, что можно сдѣлать въ настоящее время».

— Россія непремѣнно исполнитъ свое обѣщаніе, продолжалъ ген. Разгоновъ,—хотя о времени его исполненія въ настоящій моментъ

и нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Мы здѣсь, въ степи, почти ничего не видимъ, что дѣлается въ политическомъ мірѣ; поэтому я и не могу сказать вамъ ничего рѣшительнаго. Правительство же наше стоитъ очень высоко и съ этого высока̀ все видитъ, и если даетъ вамъ совѣтъ, то, конечно, только самый лучшій и удобный для даннаго времени. Поэтому, во что бы то ни стало—нужно выждать благопріятное время для дѣйствія.

Когда Везиръ ушелъ изъ нашего помѣщенія, генер. Разгоновъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Такъ какъ эмиръ-саибъ во время вашихъ визитацій часто обращается къ вамъ съ различными вопросами относительно настоящихъ политическихъ обстоятельствъ Авганистана и его отношеній къ Россіи, то я считаю не лишнимъ дать вамъ, такъ сказать, фундаментъ, на которомъ вы должны основывать ваши отвѣты и мнѣнія.

И онъ повторилъ мнѣ почти дословно то же самое, что и Везиру.

Въ этотъ день мы узнали, что черезъ два дня въ Мазари-Шерифъ пріѣдетъ авганская миссія, сопровождаемая эсауломъ Булацелемъ.

Между тѣмъ ген. Разгоновъ письма къ ген. Кауфманну все еще не написалъ, да повидимому и не думалъ писать. За то теперь онъ постоянно твердилъ о томъ, что «надо, наконецъ, употребить рѣшительныя мѣры, чтобы поскорѣе уѣхать въ Ташкентъ».

5-го января мы пріѣхали въ Мазари-Шерифъ. Миссія по обыкновенію ѣхала сзади, на довольно значительномъ разстояніи отъ эмира.—Когда мы выступили со станціи и проѣхали версты двѣ-три, генералу показалось, что мы ѣдемъ очень скоро и, чего добраго, догонимъ эмира. Тогда онъ перемѣнилъ своего рѣзваго коня на какую-то клячу, которая едва переставляла ноги. Такимъ образомъ мы отстали отъ эмира версты на три.

А между тѣмъ шествіе эмира было очень интересно и, если хотите, то и—эффектно. Онъ ѣхалъ на слонѣ. Кругомъ ѣхала и шла масса всякаго люда, коннаго и пѣшаго, войскъ и обыкновенныхъ мирныхъ обывателей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, возвышались оригинальныя тріумфальныя (?) ворота. Онѣ имѣли слѣдующее устройство. По обѣ стороны дороги возвышались двѣ высокія жерди. Верхушки этихъ жердей бы-

ли соединены длинной и широкой, зеленаго цвѣта, чалмой. На срединѣ разстоянія между вершинами обѣихъ жердей въ чалмѣ былъ завязанъ коранъ. У этихъ воротъ сидѣлъ дервишъ, мулла, а можетъ быть и просто—нищій и гнусавымъ голосомъ, нараспѣвъ, съ извѣстными характерными модуляціями арабскаго напѣва, читалъ суры и стихи изъ корана. Всякій, проходящій этими воротами, обыкновенно давалъ пѣвцу сколько нибудь денегъ.

Мнѣ очень нравятся эти напѣвы. Помимо ихъ оригинальности, они для меня имѣютъ еще и другое значеніе. Обыкновенно очень высокое, часто даже крикливое, начало мелодіи постепенно переходитъ на средній регистръ, пользуясь для этого обыкновенно большой терціей, а затѣмъ, дѣлаясь все тише и тише, мелодія достигаетъ нижняго регистра и оканчивается, какъ бы замирая, малой терціей. Начало мелодіи, поэтому, имѣетъ характеръ какъ бы протеста, рѣзкаго упрека Богу, но этотъ протестъ вскорѣ, впрочемъ, смягчается и оканчивается уже полною покорностію, выражаемою жалобными нотами конца мелодіи.

Везиръ, несмотря на то, что самъ былъ мулла, не особенно-то былъ щедръ на подаянія пѣвцамъ; нѣкоторымъ изъ нихъ онъ ничего не далъ.

Но вотъ загрохотали пушечные выстрѣлы; они были очень часты. Это салютовала эмиру полевая авганская артиллерія, выстроенная фронтомъ по правой сторонѣ дороги. Густой бѣловатый дымъ застлалъ всю дорогу и прилегающую къ ней мѣстность, потопивъ въ своихъ неправильныхъ, расплывчатыхъ облакахъ и эмира, и его огромный кортежъ, и выстроенныя по обѣимъ сторонамъ дороги войска... Всѣхъ выстрѣловъ было сдѣлано 101.

Когда мы подъѣхали къ тому мѣсту, гдѣ были расположены войска, то увидали передъ собой весьма живописную картину. Нѣкоторыя части войскъ стояли еще во фронтѣ, другія же то по колонно, то вразсыпную, расходились по направленію къ городу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ солдаты составляли группы и веселились. У разведеннаго костра, желтоватое пламя котораго особенно рѣзко выяснялось на блестящей скатерти только что выпавшаго, рыхлаго снѣга, два авганца, съ обнаженными саблями въ рукахъ, исполняли національный танецъ. Движенія танцующихъ были очень быстры, рѣзки и

ловки. Танцорамъ аккомпанировалъ оригинальный оркестръ, состоявшій изъ бубна, двухъ меланхолическихъ флейтъ и одной «каманчи» [1]). Всѣхъ войскъ было собрано здѣсь, по словамъ Везира, до 10-ти баталіоновъ пѣхоты, 6 полковъ кавалеріи и 4 батареи артиллеріи, по 6 орудій въ каждой. Кавалерія въ данное время уже разъѣхалась, но артиллерія снималась съ своей позиціи при насъ. Вотъ проѣхали батареи полевой артиллеріи. Блестящія тѣла орудій (мѣдныхъ) имѣли калибръ, приблизительно, нашихъ 9-ти фунтовокъ. Въ каждое орудіе впряжено было 12 лошадей, попарно; въ каждой парѣ на лошади, съ лѣвой стороны, находился одинъ сѣдокъ-артиллеристъ. При насъ же навьючилась конно-горная батарея. Каждое орудіе, со всѣми принадлежностями, подымается 8-ю вьючными лошадьми, при чемъ тѣло орудія везетъ одна очень сильная лошадь. Она сѣдлается особо приспособленнымъ для даннаго случая сѣдломъ. Передняя и задняя лука сѣдла имѣютъ соотвѣтствующія выемки для принятія концовъ тѣла орудія.

Обмундировка войскъ, находившихся здѣсь,—трехъ образцовъ: 1) куртки [2]) и штаны чернаго сукна и бѣлая чалма; 2) синяя куртка, бѣлые штаны и черная мерлушковая шапка; 3) красная куртка, синіе штаны и красная шапка съ мѣховымъ околышемъ. Пѣхота была обута въ туфли изъ жесткой нечерненной кожи. Она была вооружена винтовками, заряжающимися съ дула, съ пистоннымъ замкомъ. Штыки, прикрѣпленные къ ружьямъ—нашего стараго образца, т. е. отъ основанія къ острію истончающіеся пирамидально. Кромѣ того у нѣкоторыхъ висѣли на поясѣ длинные ножи или шашки.

У въѣзда въ городъ, а особенно передъ самыми воротами, происходила сильная давка. Артиллерія совершенно загородила дорогу, по обѣимъ сторонамъ которой кишѣли массы разнаго люда. Глиняные заборы и крыши ближайшихъ городскихъ домовъ были усѣяны зрителями. Кровли домовъ были заняты, главнымъ образомъ, неподвижными статуями женщинъ, облеченныхъ въ свои печальныя бѣлыя покрывала. Эти фигуры производили впечатлѣніе заживо похороненныхъ су-

---

[1]) Что это за инструментъ—будетъ объяснено ниже.

[2]) Покрой куртокъ—покрой обыкновенныхъ нашихъ солдатскихъ армейскихъ мундировъ (прежняго образца).

ществъ. Среди нихъ, еще болѣе оттѣняя суровое впечатлѣніе, производимое этими фигурами, замѣчалась масса дѣтскихъ головокъ; были и дѣвочки подростки, еще не заключенныя въ пожизненный саванъ. Но мало можно было выбрать изъ нихъ хотя бы до нѣкоторой степени привлекательныхъ.

На базарѣ, черезъ который миссія должна была проѣхать, чтобы достигнуть своего помѣщенія,—толпилось очень много всякаго народа, а особенно солдатъ. Вездѣ слышались звуки марша; нѣтъ-нѣтъ да и покажется изъ за сосѣдняго угла сомкнутая колонна пѣхоты. Обычное движеніе экипажей (т. е. въ данномъ случаѣ арбъ) совсѣмъ прекратилось. Военный мундиръ широкимъ потокомъ разлился по всему городу. Съ дряхлыхъ стѣнъ глиняной цитадели города опять загремѣли пушечные выстрѣлы. Грохотъ ихъ былъ такъ силенъ и рѣзокъ, что казалось, будто стрѣляютъ съ крышъ тѣхъ домовъ, мимо которыхъ мы проѣзжали. Я насчиталъ 31 выстрѣлъ.

Послѣ долгаго плутанья по запруженнымъ народнымъ потокомъ улицамъ, послѣ многочисленныхъ остановокъ и пережиданій прохода войскъ, мы, наконецъ, достигли своего помѣщенія—стараго, знакомаго, глинянаго квадрата. Нужно замѣтить, что во время сегодняшняго перехода, а особенно проѣзда городомъ, Везиръ блестяще выказалъ свою нераспорядительность. Онъ совсѣмъ растерялся при видѣ всего, совершавшагося передъ его носомъ, только «хлопалъ глазами», поминутно нюхалъ табакъ и еле двигался съ мѣста. Казалось, будто онъ чувствовалъ себя не «въ своей тарелкѣ».

Во время сегодняшняго переѣзда нашъ вьючный обозъ едва было весь не растерялся. Дѣло въ томъ, что когда онъ поровнялся съ артиллеріей, и она начала салютъ, то лошади страшно перепугались и нѣкоторыя даже сбили съ себя вьюки. Между тѣмъ сегодня вьючный обозъ шелъ отдѣльно отъ насъ, далеко впереди, и находился подъ наблюденіемъ лишь однихъ погонщиковъ и караванъ-баши. Лошади разсѣялись въ морѣ разнороднаго народа по одиночкѣ и этимъ живымъ потокомъ тысячъ головъ были увлечены въ разныя мѣста. Когда мы пріѣхали въ свое помѣщеніе, то должны были долго дожидаться вьюковъ. Везиръ даже сдѣлалъ предположеніе—не разграблены ли они войсками. Но, хотя по увѣреніямъ англичанъ авганцы и великіе воры, всѣ, отъ малаго до большаго, но у насъ не только не пропало ни

одного вьюка, но и ни единой малѣйшей вещи. Напротивъ, нѣкоторые вьюки были препровождены въ наше помѣщеніе солдатами, или ими была показана заблудившимся въ лабиринтѣ улицъ нашимъ лаучамъ прямѣйшая дорога.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ нашего пріѣзда, мы имѣли удовольствіе принять въ своемъ помѣщеніи и еще нѣсколькихъ нашихъ соотечественниковъ. Это были: адъютантъ генерала Кауфманна, эсаулъ Булацель, съ переводчикомъ, чиновникомъ Чанушевымъ. При нихъ находился казачій конвой изъ 10 человѣкъ и нѣсколько лицъ изъ туземцевъ. Понятна радость, съ которой миссія встрѣтила новыхъ соотечественниковъ!

Булацель, между прочимъ, извѣстилъ насъ, что генер. Кауфманнъ въ данное время еще не уѣхалъ въ Петербургъ, но, получивъ послѣднее письмо генер. Разгонова (посланное изъ Руи?), отправилъ въ Петербургъ курьера (полк. Колесникова). Затѣмъ онъ сообщилъ, что привезъ мнѣ отъ генерала-губернатора бумагу, въ силу которой я, на обратномъ пути изъ Авганистана, долженъ былъ проѣхать въ гор. Бухару, для поданія врачебной помощи эмиру Бухарскому. Вотъ содержаніе этой бумаги:

«М. Г. Иванъ Лавровичъ.

«Бухарскій эмиръ Сеидъ-Музафаръ-ханъ обратился черезъ своего посланника Рахметуллу Мирахура, пребывающаго въ настоящее время въ Ташкентѣ, къ Туркестанскому генералъ-губернатору съ просьбою о присылкѣ ему того самаго лѣкарства, которымъ Вы снабдили его во время проѣзда Вашего черезъ Шахрисябзъ.

«Вслѣдствіе этого его Высокопревосходительство, Главный начальникъ края, желая исполнить просьбу Его Высокостепенста, эмира Бухарскаго, изволилъ поручить мнѣ сообщить Вамъ, Милостивый Государь, чтобы Вы въ обратный путь изъ Кабула поѣхали въ Бухару и исполнили бы просьбу эмира Бухарскаго, снабдивъ его совѣтами и врачебными средствами.

«Съ истиннымъ почтеніемъ и т. д.». Бумага была подписана и. д. Дипломатическаго чиновника при Туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ, И. Ибрагимовымъ.

Булацель сообщилъ также, что, по распоряженію генералъ-губер-

натора, въ Бухару меня долженъ сопровождать онъ, Булацель, вмѣстѣ съ Чанушевымъ.

За обѣдомъ разговоръ объ этомъ опять возобновился. Булацель прибавилъ, что я долженъ былъ, по мысли генер. губернатора, поѣхать въ Бухару въ томъ лишь случаѣ, если бы меня не пожелалъ оставить при себѣ эмиръ Ширъ-Али-ханъ. Въ противномъ случаѣ я долженъ былъ остаться въ Мазари-Шерифѣ съ эмиромъ; остальная же миссія должна была отправиться въ Ташкентъ. Генер. Разгоновъ, видимо смутившійся при словахъ Булацеля, подтвердилъ его мысль.

— Это же и мнѣ пишетъ генер. Кауфманнъ, прибавилъ ген. Разгоновъ. Но если я до сихъ поръ вамъ не сообщилъ этого распоряженія, то единственно потому, что не было подходящаго случая.

— Однако я никакъ не предполагалъ, чтобы вы были такъ скрытны въ отношеніи меня, и притомъ въ дѣлѣ, лично касающемся меня, замѣтилъ я ген. Разгонову.

На это возраженіе генер. Разгоновъ отвѣтилъ, что не сообщалъ мнѣ этого распоряженія также и потому, что думалъ—авось генер. Кауфманнъ измѣнитъ свое рѣшеніе.

Затѣмъ онъ далъ мнѣ прочесть выдержки изъ письма ген. Кауфманна. Въ одномъ мѣстѣ письма я прочелъ, что «въ случаѣ, если д-ръ Яворскій будетъ нуженъ для эмира-саиба, то пусть онъ, съ переводчикомъ и нѣсколькими конвойными казаками, останется въ Мазари-Шерифѣ.—Яворскій, продолжалъ генер. Кауфманнъ,—человѣкъ развитой и поэтому будетъ очень полезенъ въ нашемъ дѣлѣ, оставаясь въ Мазари-Шерифѣ. Онъ не будетъ оффиціальнымъ политическимъ агентомъ, но онъ можетъ сообщать намъ всѣ необходимыя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Авганистанѣ».—Затѣмъ, въ другомъ мѣстѣ письма я прочелъ слѣдующее: «если же Яворскій не нуженъ будетъ Авганскому эмиру, то онъ имѣетъ отправиться, вмѣстѣ съ Булацелемъ и Чанушевымъ, въ Бухару, къ эмиру Бухарскому, для оказанія ему врачебной помощи, а остальная миссія должна поспѣшить въ Ташкентъ».

Такимъ образомъ «въ случаѣ, если эмиръ Ширъ-Али-ханъ пожелаетъ», я долженъ былъ изобразить изъ себя аріергардъ «отступающей» нашей миссіи. Порученіе—безспорно почетное, но также безспорно и опасное, убійственное. Когда я замѣтилъ генер. Разгонову,

что мое положеніе въ данномъ случаѣ будетъ черезъ чуръ трудное, можетъ быть, даже—невыносимое, то онъ выразилъ мнѣніе, что вѣроятно мнѣ не долго придется пробыть здѣсь, и что во всякомъ случаѣ мое пребываніе въ Мазари-Шерифѣ будетъ очень важно какъ для Россіи, такъ и лично для меня. Относительно послѣдняго я несовсѣмъ былъ согласенъ съ генераломъ, но не возражалъ. Разговоръ вскорѣ сдѣлался общимъ—и шуткамъ и забористымъ каламбурамъ Булацеля не было конца. Оживленная бесѣда продолжалась до поздней ночи.

Кемнабъ Магометъ-Хассанъ-ханъ привезъ эмиру отъ генер. Кауфманна письмо и нѣсколько подарковъ.

На слѣдующій день, 6-го января, въ 9 часовъ утра къ намъ пришелъ Везиръ и, передавъ, по обыкновенію, «большой салямъ» отъ эмира, объявилъ, что эмиръ-саибъ желаетъ видѣть миссію и ожидаетъ ея прихода. Въ 10 часовъ вся миссія въ полномъ составѣ—Булацель съ Чанушевымъ также были съ нами—отправилась къ эмиру.

Эмиръ помѣстился въ данное время во дворцѣ Лойнаба, въ самыхъ внутреннихъ его покояхъ. Поэтому намъ пришлось пройти нѣсколькими корридорами, миновать нѣсколько внутреннихъ двориковъ, пока мы достигли до эмировой аудіенцъ-залы. Въ корридорахъ и на миніатюрныхъ дворикахъ были разставлены многочисленные патрули. Послѣдній дворикъ, на который мы вошли по длинному, темному корридору, имѣвшему видъ туннеля,—представлялъ собою площадь параллелограмма, въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ саж. Онъ былъ чисто вымощенъ кирпичными плитами; по нему протекалъ «арыкъ», но не было ни фонтана, ни простаго водоема. Со всѣхъ четырехъ сторонъ дворикъ окруженъ зданіями въ одинъ этажъ, построенными изъ дерева. На дворикъ выходили окнами террасовидныя комнаты. Въ одной изъ такихъ комнатъ, съ окнами обращенными на югъ, и въ которыя врывались цѣлые потоки золотистаго солнечнаго свѣта,—находился эмиръ Ширъ-Али-ханъ. Мы сбросили наши пальто въ передней и вошли въ комнаты эмира.

Аудіэнцъ-зала состояла изъ двухъ комнатъ, расположенныхъ параллельно, но такъ, что только окна одной, именно террасообразной, выходили на дворикъ; окна же другой комнаты выходили въ предыдущую комнату. Задняя стѣна комнатъ была капитальная, а по

срединѣ ея былъ устроенъ простенькій каминъ. Надъ каминомъ красовались бронзовые, довольно затѣйливые часы, съ свѣтящимся въ темнотѣ циферблатомъ. Это, какъ я потомъ узналъ, былъ одинъ изъ подарковъ генер. Кауфмана, привезенныхъ эмиру Кемнабомъ. Возлѣ камина находился «мангалъ» съ горячими угольями. Каминъ не топился. Обстановка комнатъ была такая же простая, какъ и въ нашемъ помѣщеніи: тѣ же голыя, довольно чисто выштукатуренныя, стѣны, тѣ же окна безъ стеколъ, закрывающіяся деревянными, рѣшетчатыми ставнями. Впрочемъ, въ этихъ ставняхъ врѣзано было нѣсколько небольшихъ стеклянныхъ квадратовъ.

Зимою, когда холодъ не позволяетъ оставлять окна открытыми, въ комнатѣ съ закрытыми ставнями царитъ мракъ. Отъ этого, конечно, комнаты проигрываютъ въ освѣщеніи, но въ то же время ничего почти не выигрываютъ и въ теплотѣ. Въ комнатахъ господствуетъ постоянный сквозной вѣтеръ: ставни придѣланы такъ неплотно, что между ними и косяками образуются огромныя щели. То же нужно сказать и о дверяхъ. Въ комнатахъ t° воздуха только на 3—4° выше, чѣмъ на дворѣ. Правда, затопивши каминъ, или зажегши мангалъ, можно быстро повысить t° комнаты до 15—20°C когда на дворѣ 0°, но лишь только погаснетъ огонь въ каминѣ, или угаснетъ пламя въ мангалѣ, какъ t° комнаты быстро понижается. Поэтому туземцы въ зимнее время и въ комнатахъ обыкновенно одѣты въ шубы.

При входѣ миссіи въ аудіэнцъ-залу, эмиръ всталъ въ своего кресла и привѣтствовалъ всѣхъ насъ пожатіемъ руки, а затѣмъ просилъ садиться. Въ комнатѣ полукругомъ разставлены были кресла; въ нихъ мы и усѣлись.

Послѣ обычныхъ привѣтствій разговоръ не скоро завязался, какъ слѣдуетъ. Видно было, что эмиръ не въ духѣ. Произошло какое-то неловкое молчаніе. Наконецъ, эмиръ прервалъ его, прямо задавши ген. Разгонову вопросъ о томъ, знаетъ ли онъ содержаніе послѣдняго письма генер. Кауфманна къ нему, эмиру, или нѣтъ? Когда генер. Разгоновъ отвѣчалъ отрицательно, то эмиръ приказалъ своему секретарю принести письма. Секретарь, типичный мусульманинъ съ арабской физіономіей, украшенной острымъ, горбатымъ носомъ, лукавыми живыми глазами, и увѣнчанный огромныхъ размѣровъ чалмою—неслышно вышелъ за дверь комнаты и черезъ нѣсколько минутъ такъ же

тихо возвратился. Я замѣтилъ, что онъ былъ безъ сапогъ и даже безъ туфель, въ однихъ чулкахъ. Здѣсь же въ комнатѣ, позади эмира, находились Казій и Кемнабъ, оба тоже въ однихъ чулкахъ. Кемнабъ прислонился къ стѣнѣ у самой двери и какъ-то безучастно смотрѣлъ на все происходящее. Онъ точно погруженъ былъ въ полузабытье или дремоту.

Вотъ секретарь началъ чтеніе письма.Назировъ переводилъ его по русски, фразу за фразой.

«Письмо Ваше, помѣченное 27 зельгидше [1]), дошло до меня. Извѣстія о Вашемъ добромъ здоровьѣ доставили мнѣ большую радость. Императоръ получилъ отъ Британскаго правительства завѣреніе о сохраненіи независимости Авганистана. Англійскіе министры обѣщали это. Я искренно совѣтую Вамъ не оставлять Вашего государства. Насколько будетъ возможно заботьтесь о Вашемъ благѣ, оберегайте Вашу независимость. Если можно, то теперь же заключите миръ съ Британскимъ правительствомъ. Если не находите возможнымъ лично отправиться въ Кабулъ, то разрѣшите Вашему сыну, Якубъ-хану, заключить миръ съ Англіей. Не оставляйте въ настоящее время почвы Авганистана, такъ какъ это для Васъ будетъ полезнѣе. Вѣрьте мнѣ, что пріѣздъ Вашъ въ Россію только ухудшитъ положеніе дѣлъ» [2]).

Письмо это было помѣчено 23 декабря. Содержаніе его было для миссіи совершенно неожиданное, такъ какъ никто (конечно, за исключеніемъ генер. Разгонова), и не предполагалъ, что бы желаніе эмира—проѣхать въ Россію—встрѣтило veto со стороны русскаго правительства.

Вслѣдъ за тѣмъ было прочитано и другое письмо генер. Кауфманна къ эмиру, именно отъ 20 декабря. Оно было вручено генер. Кауфманномъ Кемнабу, при его отъѣздѣ изъ Самарканда, а Кемнабомъ было доставлено эмиру. Вотъ его содержаніе:

«Послѣ засвидѣтельствованія объ искренно-дружескихъ чувствахъ

---

[1]) Это письмо было послано изъ Бамьяна 10 декабря.

[2]) Этого письма почему-то не находится въ «Дипломатической перепискѣ», высланной генер. Кауфманномъ въ М. И. Д., которой я пользовался въ этомъ трудѣ. Но оно приведено въ «Correspondence, respecting affairs in Central Asia, presented to both Houses of Parliement by command of Her Majesty. 1881 г. inclos. 48. in № I.

увѣдомляю, что любезное Ваше письмо отъ 13 Зильхиджи [1]) я получилъ.

«Въ письмѣ этомъ Ваше Высокостепенство просите выслать войскъ, сколько есть у меня готовыхъ.

«Вы вѣроятно, когда писали мнѣ это письмо, еще не получили извѣщенія моего о томъ, что Великій Хазретъ, Государь Императоръ, желая помочь Вашему Высокостепенсву въ трудныхъ обстоятельствахъ Вашихъ относительно Англичанъ, достигъ, путемъ переговоровъ, что Англійскіе Министры дали положительное завѣреніе нашему послу въ Лондонѣ сохранить независимость Авганистана.

«Нынѣ я узналъ, что Ваше Высокостепенство выступили съ частію Вашихъ войскъ изъ Кабула, предоставивъ сыну Вашему, Мухамедъ-Якубъ-хану, временно править государствомъ.

«Имѣя положительное повелѣніе Великаго Хазрета, Государя Императора, я не могу выслать Вашему Высокостепенству войска наши.

«Будемъ надѣяться на лучшія времена въ будущемъ. Это въ рукахъ Божіихъ.

«Мнѣ остается увѣрить Ваше Высокостепенство въ чувствахъ дружбы, кои я сохраню къ Вамъ навсегда, и пожелать Вамъ здоровья.

«Что касается генер. Разгонова и лицъ при немъ находящихся, то ихъ необходимо теперь же отпустить. Если же Ваше Высокостепенство желаете имѣть при себѣ нашего доктора Яворскаго, то я ничего не имѣю противъ этого; онъ можетъ быть полезенъ Вамъ и всѣмъ Вашимъ.

«Надѣюсь, что дружескія сношенія наши будутъ продолжаться по прежнему».

Послѣ того какъ письма эти были прочитаны, эмиръ обратился къ генер. Разгонову съ вопросомъ: какъ понимать все, что здѣсь писано? Значитъ ли это рѣшительный и окончательный отказъ, или нужно еще ожидать чего либо?

На это генер. Разгоновъ отвѣтилъ слѣдующее:

— Письма эти означаютъ, по моему мнѣнію, только то, что въ

---

[1]) Т. е. отъ 26 ноября, письмо отправленное еще до выѣзда эмира изъ Кабула.

настоящее время поѣздка эмира-саиба въ Россію неудобна. Окончательный же отвѣтъ эмиръ-саибъ имѣетъ получить впослѣдствіи. Вѣдь по поводу послѣдняго письма эмира-саиба генер. Кауфманнъ послалъ въ Петербургъ курьера.

— Судя по содержанію обоихъ писемъ, продолжалъ эмиръ,— нужно думать, что сношенія Россіи съ Авганистаномъ прекращаются, такъ какъ мнѣ отказано не только въ военной помощи, но даже и въ проѣздѣ черезъ Россію въ Петербургъ для того, чтобы лично доложить Русскому Императору о состояніи дѣлъ въ Авганистанѣ. И вотъ теперь, какъ бы въ подтвержденіе всего этого, генер. Кауфманнъ отпустилъ мое посольство ни съ чѣмъ, а васъ тоже отзываетъ. Что-же все это можетъ означать, какъ не полный отказъ?

— Если генер. Кауфманнъ отзываетъ русскую миссію изъ Авганистана, то единственно потому—возразилъ генер. Разгоновъ,—что желаетъ получить отъ нея наиболѣе обстоятельный докладъ о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Авганистанѣ. Хотя я и писалъ генералу Кауфманну, но всего написать, вѣдь, нельзя.

Но эмиръ почти не слушалъ возраженій генерала и продолжалъ развивать свою мысль далѣе.

— Видимое дѣло, продолжалъ онъ,—что Россія въ настоящее время не можетъ вести войны съ Англіей, потому и оставляетъ Авганистанъ на полнѣйшій произволъ ея. Впрочемъ, можетъ быть Россія руководится въ этомъ дѣлѣ и другими какими либо соображеніями? Но для русскаго правительства мало было отказать мнѣ въ военной помощи, которую я просилъ, оно еще совѣтуетъ мнѣ возобновить сношенія съ Англіей, заключить миръ съ моимъ кровнымъ врагомъ! Вѣдь все это ясно показываетъ, что Россія рѣшительно отказываетъ мнѣ въ своей поддержкѣ. Далѣе.—Генер. Кауфманнъ совѣтуетъ мнѣ заключить съ Англіей миръ. Да, вѣдь, если бы я хотѣлъ заключить съ нею миръ, то сдѣлалъ бы это и безъ чьего-либо совѣта во всякое данное время. Но вы вспомните что говорилъ мнѣ генер. Столѣтовъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ не принимать англійскаго посла и, въ случаѣ войны, обѣщалъ мнѣ военную помощь. Въ томъ же духѣ онъ писалъ мнѣ и изъ Ливадіи [1]). Теперь же, когда настало время исполнить

[1]) Здѣсь умѣстно привести то воззваніе, съ которымъ эмиръ обратился къ народу, войскамъ и Сердарямъ послѣ полученія имъ послѣдняго письма отъ

свои обѣщанія, вы мнѣ говорите совершенно противное. Гдѣ же правда? Кому же вѣрить?!

На это генер. Разгоновъ отвѣчалъ, что въ письмахъ генер. Кауфманна къ эмиру окончательнаго отказа не имѣется, такъ какъ въ Петербургъ посланъ курьеръ.

— Отказъ же въ военной помощи, продолжалъ онъ, — легко понятенъ: она теперь и не нужна, такъ какъ англійское правительство дало Россіи завѣреніе относительно сохраненія независимости Авганистана. Миссія же отзывается въ интересахъ самого же эмира-саиба. Наконецъ, въ письмѣ ко мнѣ генер. Кауфманнъ говоритъ, что «желательно было бы, чтобы эмиръ-саибъ не очень довѣрялъ моимъ оффиціальнымъ совѣтамъ заключить миръ съ Англіей».

Высказавъ это, генер. Разгоновъ сразу вступилъ на шаткую почву. Эмиръ сейчасъ же выразилъ свое крайнее удивленіе по поводу такого заявленія генерала и спросилъ: чего же онъ, эмиръ, долженъ держаться и какимъ совѣтамъ слѣдовать, — тѣмъ ли, которые Кауфманнъ лично сообщаетъ ему, эмиру, или же тѣмъ, которые находятся въ письмахъ къ генер. Разгонову, до которыхъ ему, эмиру, впрочемъ, нѣтъ никакого дѣла?

генер. Столѣтова. Въ этомъ воззваніи письмо ген. Столѣтова изложено такъ, какъ оно было понято эмиромъ и его министрами. Интересно сравнить его съ переводомъ, помѣщеннымъ въ 4-й главѣ II тома «Путешествія», стр. 86.

«Мы получили письмо», объявлялъ эмиръ, «отъ генералъ-губернатора, генер. Столѣтова, на станціи Сэръ-Чешме; Столѣтовъ, который былъ съ Императоромъ въ Ливадіи, писалъ Намъ слѣдующее:

««Императоръ смотритъ на Васъ, какъ на брата, и вы также, находящіеся на другомъ берегу рѣки, должны выказать такую же дружбу и братство. Англійское правительство желаетъ придти къ соглашенію съ вами черезъ посредничество Султана и желаетъ, чтобы вы приняли его совѣты, но Императоръ не желаетъ, чтобы вы приняли въ свою сторону Англичанъ, но, какъ и въ прошлый годъ, обращайтесь съ ними посредствомъ хитрости и обмана, покуда не минуетъ холодное время года; тогда воля Всемогущаго будетъ объявлена вамъ, т. е. правительство произнесетъ бисмилляхъ (съ Богомъ!); Богъ вамъ поможетъ. Короче, вы должны быть увѣрены, что дѣло кончится хорошо. Съ соизволенія Божія мы созовемъ правительственное собраніе въ Петербургѣ, т. е. конгрессъ, что означаетъ собраніе властей. Тогда мы поведемъ оффиціальные переговоры съ Англійскимъ правительствомъ и—или силой слова и дипломатическими дѣйствіями мы совершенно устранимъ сношенія съ вами Англичанъ, и вмѣшательство ихъ въ дѣла Авганистана—или событія окон-

— Вѣдь дѣло въ томъ, продолжалъ онъ, что я долженъ сообщить народнымъ старшинамъ и Сердарямъ оффиціальное письмо генер. Кауфманна, адресованное на мое имя, а не то, которое онъ прислалъ Вамъ.

При этихъ словахъ эмиръ велѣлъ принести какую-то бумагу.

Мирза неслышно опять вышелъ изъ комнаты и также неслышно появился у кресла эмира. Вслѣдъ затѣмъ онъ прочиталъ бумагу, передалъ ее начальнику посольства—и она пошла по рукамъ членовъ миссіи. Это былъ адресъ отъ авганскаго народа эмиру Ширъ-Али-хану. Адресъ былъ подписанъ разными Сердарями, представителями разныхъ племенъ и колѣнъ авганскаго народа, выборными и депутатами отъ разныхъ обществъ и различными военными начальниками. Къ адресу было приложено множество печатей, а также и печать Магомедъ-Якубъ-хана.

Подписавшіе адресъ просили эмира отправиться въ Россію, чтобы лично ходатайствовать передъ Великимъ Бѣлымъ Царемъ о защитѣ Авганской земли противъ притѣсненій Англіи [1]).

чатся великой и очень важной войной. Съ помощію Бога—весною не останется ни единаго знака или слѣда смуты и неудовольствія въ Авганистанѣ»».

«Вслѣдствіе этого я рекомендую нашимъ доброжелательнымъ слугамъ вести дѣла, возложенныя на нихъ, достойнымъ и рѣшительнымъ образомъ,—лучше, чѣмъ прежде, и, возложивъ надежду на Бога, вѣрить, что благополучіе и дѣла славнаго Правительства будутъ продолжаться на такомъ же прочномъ основаніи, какъ и прежде; бѣдствіе и неудовольствіе, которыя, повидимому, возникли въ странѣ—изчезнутъ.

«Да будетъ извѣстно высокопоставленнымъ Талмширъ Багадуру и Хафизуллѣ-хану, секретарю Сипехъ-Саларъ-Азиму, что, благодаря Бога, труды, которые Мы употребили въ теченіи столькихъ лѣтъ на обученіе Нашихъ побѣдоносныхъ войскъ, не пропали даромъ; сражаясь съ англійскими войсками, они выказали храбрость и стойкость, достойныя цивилизованной націи. Ни одинъ солдатъ изъ славныхъ войскъ не ушелъ на небо прежде, чѣмъ самъ не умертвилъ троихъ непріятелей. Короче - они такъ сражались и такъ себя заявили, что всѣ ихъ хвалили. Мы вполнѣ увѣрены, что Наше побѣдоносное войско, гдѣ бы оно ни сражалось, побѣдитъ непріятеля.

«Гератская армія также извѣстна своею храбростью и дисциплиной, которыя составляютъ результатъ вашей преданной службы. Вы сообщите Наше Царское спасибо всѣмъ войскамъ и жителямъ Герата, высоко и низко поставленнымъ и выразите имъ, что Наше желаніе таково, чтобы Богъ и его Пророкъ были ими довольны также, какъ и Мы».

[1]) Этотъ адресъ находится въ письмѣ эмира къ генер. Кауфманну отъ

— Вотъ видите, сказалъ эмиръ,—я по желанію народа поѣхалъ въ Мазари-Шерифъ съ тѣмъ, чтобы проѣхать отсюда въ Петербургъ. И вдругъ я получилъ отказъ! Вѣдь мнѣ незачѣмъ было бы ѣхать сюда, а равно и пересылать свое семейство, если бы я не рѣшился ѣхать въ Россію. Что же теперь я долженъ сказать моему народу, давшему свое согласіе и полномочіе на эту поѣздку?

Генералъ Разгоновъ не нашелся, что отвѣтить на этотъ вопросъ. Произошло минутное молчаніе. Затѣмъ эмиръ снова заговорилъ.

— Когда генер. Столѣтовъ пріѣхалъ въ Кабулъ, то я подалъ ему правую руку и сказалъ: не принесъ ли онъ опять въ Авганистанъ огня, какъ нѣкогда Виткевичъ?—На это мнѣ генер. Столѣтовъ отвѣтилъ, что «онъ пришелъ затѣмъ, чтобы защитить Авганистанъ отъ обидъ Англіи». И что же вышло? Вышло то, что вотъ во второй уже разъ Авганистанъ подвергается разоренію изъ за обѣщаній русскихъ пословъ.—Я имѣлъ 20 милліоновъ дохода, государство имѣло для своей защиты 60-ти тысячное войско—и мы жили мирно, не желая ничего больше. Но вотъ пришелъ русскій посолъ, надавалъ кучу обѣщаній... Я съ своей стороны отдалъ ключи отъ воротъ Индіи въ руки Россіи и подвергъ, вслѣдствіе этого, свое государство разоренію. А вы... вы сами отказываетесь теперь отъ обладанія этими ключами!..

Тогда начальникъ миссіи снова повторилъ, что Россія окончательно эмиру не отказываетъ, что въ обиду англичанамъ она не дастъ ни эмира-саиба, ни его государство, но что все дѣло—вопросъ времени: «чего нельзя сдѣлать въ настоящее время, то возможно позднѣе».

— Пусть эмиръ-саибъ, заключилъ генер. Разгоновъ, не торопится дѣлать окончательнаго вывода.

Между тѣмъ эмиръ заговорилъ о томъ, что онъ обезчещенъ и что ему будетъ стыдно глядѣть какъ въ глаза своихъ друзей, своего народа, такъ и въ глаза своихъ враговъ-англичанъ.

— «Что»? скажутъ они, мнѣ.—«Что, помогли тебѣ русскіе?—продолжалъ эмиръ.—А вѣдь ты на нихъ такъ надѣялся; ты стремился къ нимъ всѣмъ сердцемъ!.. И ты все это дѣлалъ несмотря на то, что мы

27-го зильхиджя (10-го декабря 1878 г.) смотр. 4 главу 2-го тома настоящаго труда, стр. 104.

тебя предупреждали, мы тебѣ говорили, что Россія—безсильна, что никакой помощи тебѣ дать не можетъ, а напротивъ, узнаетъ все наше могущество, если только войска ея осмѣлятся переступить Аму!» —Вотъ теперь я и убѣдился на самомъ дѣлѣ, что англичане правы были; вы передъ ними—просто *школьники*! Я же теперь не знаю, кто изъ васъ троихъ говоритъ ложь: вы ли, генер. ли Кауфманнъ, или генер. Столѣтовъ?

Очевидно было, что пренія начинали принимать довольно колкій характеръ, хотя надо отдать справедливость эмиру: онъ былъ очень сдержанъ и въ тонѣ и въ выраженіяхъ. Въ его положеніи, я полагаю, ангелъ—и тотъ разгорячился бы.

Тогда генер. Разгоновъ, желая какъ нибудь поправить дурное впечатлѣніе, произведенное на эмира сказанною выше фразою, замѣтилъ, что «если эмиръ-саибъ очень огорченъ вызовомъ миссіи изъ Авганистана, то это дѣло можно поправить. Настоящая миссія, какъ временная, должна же была когда нибудь выѣхать изъ Авганистана, но если эмиръ-саибъ желаетъ имѣть при себѣ постояннаго резидента, то онъ сейчасъ же будетъ назначенъ, лишь только ген. Кауфманнъ будетъ увѣдомленъ о желаніи эмира-саиба».

— Наконецъ—закончилъ свою рѣчь генер. Разгоновъ,—эмиръ-саибъ можетъ послать вмѣстѣ съ отъѣзжающимъ русскимъ посольствомъ кого-нибудь изъ своихъ первыхъ совѣтниковъ; тогда онъ убѣдится, что въ Ташкентѣ, равно какъ и въ Петербургѣ, настоящимъ состояніемъ Авганистана очень интересуются и дѣлаютъ все возможное для приведенія дѣлъ эмира-саиба въ наилучшій видъ.

Послѣ нѣкотораго совѣщанія съ Везиромъ, Казіемъ и нѣкоторыми другими сановниками (совѣщаніе происходило на непонятномъ для насъ авганскомъ языкѣ), эмиръ, повидимому, довольно благосклонно принялъ это предложеніе.

— Хорошо, что хотя докторъ-саибъ остается при мнѣ, прибавилъ онъ.

Послѣ этого тема разговора перемѣнилась. Принесли чай и въ продолженіи нѣкотораго времени велась дружеская болтовня—точно ничего особеннаго до этого времени не случилось. Эмиръ закурилъ папиросу и пригласилъ миссію послѣдовать его примѣру. Когда онъ увидалъ, что я не курю, то предложилъ мнѣ своихъ папиросъ. Я от-

казался, сказавъ, что совсѣмъ не курю. Это заявленіе привело эмира въ немалое удивленіе, хотя онъ сейчасъ же и выразилъ мнѣніе, что такъ и должно быть: докторъ долженъ не только давать предписанія, но и самъ исполнять ихъ первый, а вѣдь доктора считаютъ куреніе табаку вреднымъ.

Затѣмъ разговоръ коснулся современныхъ политическихъ обстоятельствъ Европы.

— Вотъ, наприм. Франція—заговорилъ эмиръ. Какъ могущественна она была прежде! Съ нею никто не могъ бороться; всѣ ея боялись. А теперь—вотъ она, разбитая Германіей, совсѣмъ безсильна... А отчего? Да единственно отъ того, что у Наполеона III-го были дурные совѣтники.

Онъ сдѣлалъ особенное удареніе на словѣ дурные совѣтники, какъ будто намекая этимъ на свои собственныя обстоятельства.

Генералъ Разгоновъ, не провидя въ этихъ словахъ никакого скрытаго смысла, подтвердилъ мысль эмира.

Тогда эмиръ еще болѣе оттѣнилъ свою предыдущую фразу, сказавъ, что «всѣ бѣды обрушились на Францію благодаря дурнымъ совѣтамъ вѣроломныхъ друзей Наполеона». Но генер. Разгоновъ и теперь не понялъ, повидимому, мысли эмира, такъ что эмиръ и его министры громко засмѣялись, когда генер. Разгоновъ снова согласился съ ними. Тогда Булацель, сидѣвшій рядомъ съ генераломъ, обратилъ вниманіе его на другой, скрытый въ этихъ словахъ, смыслъ. Послѣ этого генер. Разгоновъ сказалъ, что «всѣ бѣдствія постигли Францію отъ того, что Наполеонъ III слишкомъ поторопился, что Франція къ войнѣ не была готова, хотя народъ ея и желалъ,—очевидно намекая этимъ на нетерпѣливость эмира.

Мнѣ начиналъ нравиться этотъ турниръ и я ожидалъ—что-то будетъ дальше.

— Замаанъ-бекъ!—обратился эмиръ къ сидѣвшему рядомъ со мною З.—вы всегда мнѣ говорили, что отвѣтъ русскаго правительства будетъ для меня благопріятенъ. Что вы думаете теперь? будетъ-ли отвѣтъ на эстафету генер. Кауфманна благопріятенъ для меня, или нѣтъ?

Замаанъ-бекъ поспѣшилъ выразить свою увѣренность въ этомъ.

— Напрасно такъ думаете, замѣтилъ эмиръ.

Затѣмъ разговоръ опять перешелъ къ прежней темѣ: что теперь

дѣлать эмиру,—считать-ли отказъ окончательнымъ или нѣтъ? Наконецъ эмиръ спросилъ генер. Разгонова: какъ онъ думаетъ—показать письмо генер. Кауфманна народу или не показывать?

Генералъ Разгоновъ съ различными оговорками совѣтовалъ не показывать народу этого письма.

Эмиръ на такой совѣтъ замѣтилъ что пусть генер. Разгоновъ посовѣтуется объ этомъ хорошенько со всѣми членами миссіи, и тогда уже дастъ ему окончательный отвѣтъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ отпустилъ миссію домой.

Дома по поводу послѣднихъ событій было много толковъ. Что я остаюсь въ Мазари-Шерифѣ, а остальная часть миссіи ѣдетъ въ Ташкентъ—считалось дѣломъ рѣшеннымъ. На вопросъ генер. Разгонова, кого я оставляю при себѣ переводчикомъ?—я отвѣчалъ, что Замаанъ-бека.

Въ 1 часъ ночи этого дня, когда я кончилъ записывать дневникъ и готовился лечь въ постель, ко мнѣ пришелъ генер. Разгоновъ. Онъ подошелъ къ моей постели, вынулъ изъ кармана своего сюртука нѣсколько писемъ и, не говоря ни слова, началъ ихъ перебирать. Я не безъ удивленія смотрѣлъ на всѣ его движенія. Затѣмъ, бросивъ бѣглый вопросъ: кажется всѣ спятъ?—Разгоновъ нерѣшительнымъ голосомъ началъ мнѣ говорить слѣдующее.

— Видите ли, докторъ, чтò я считаю нужнымъ сказать вамъ. Такъ какъ вы остаетесь здѣсь, въ Авганистанѣ, а мы всѣ, остальные члены посольства, уѣзжаемъ въ Ташкентъ, то я и счелъ нелишнимъ познакомить васъ, хотя отчасти, съ прошлымъ и настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Авганистанѣ. Насколько это для васъ нужно—я знаю по себѣ. Генералъ Столѣтовъ, уѣзжая изъ Кабула, не оставилъ мнѣ никакой инструкціи. Я не зналъ—ни что мнѣ дѣлать, ни что говорить. Единственно что онъ мнѣ совѣтовалъ—это постоянно только говорить эмиру, что нужно ждать надлежащихъ распоряженій изъ Ташкента. Что потомъ изъ этого вышло—знаетъ только одинъ Богъ да я. Я не хочу, чтобы вы были поставлены въ такое же неловкое и непріятное положеніе, въ которомъ я находился въ продолженіи цѣлыхъ 4-хъ мѣсяцевъ...

Указавъ на одно письмо, генер. Разгоновъ прибавилъ, что только

недавно онъ получилъ отъ генер. Кауфманна нѣчто въ родѣ инструкціи.

— Я долгое время, продолжалъ онъ,—не зналъ и не могъ понять, чего хочетъ Россія: оставить-ли Авганистанъ на произволъ судьбы, или поддержать его? И только въ послѣднемъ письмѣ генер. Кауфманна я нашелъ нѣчто опредѣленное...

Когда мы кончили чтеніе писемъ и нашу бесѣду, было уже 5 часовъ утра; лишь только я легъ въ постель—заснулъ, какъ убитый.

На слѣдующій день, часовъ въ 10 утра въ помѣщеніе миссіи былъ доставленъ пакетъ, адресованный на имя эмира. Онъ тотчасъ же былъ переданъ Везиру для отсылки по назначенію.

Часовъ въ 12 дня въ наше помѣщеніе пришли Везиръ, Казій и первый секретарь эмира, мирза Ноби. Они поздоровались съ миссіей, присѣли, помолчали... и только черезъ нѣсколько минутъ передали пакетъ генер. Разгонову. Пакетъ былъ уже вскрытъ. По выраженію лицъ пришедшихъ сановниковъ можно было предположить, что письмо содержало хорошія извѣстія. Когда генер. Разгоновъ прочиталъ письмо, то лицо его радостно засвѣтилось: оно содержало въ себѣ приглашеніе эмира генераломъ Кауфманномъ въ Ташкентъ. Я привожу текстъ письма дословно [1]).

«Послѣ искренняго пожеланія Вашему Высокостепенству здоровья и счастья, да будетъ извѣстно слѣдующее:

«Министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Горчаковъ, сообщилъ мнѣ по телеграфу, что Великому Хазрету, Государю Императору угодно было повелѣть мнѣ пригласить Ваше Высокостепенство временно въ Ташкентъ.

«Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщая объ этомъ Вашему Высокостепенству, считаю нужнымъ предупредить Васъ, что о поѣздкѣ Вашей изъ Ташкента въ Петербургъ я не получалъ еще никакого повелѣнія.

«Радуюсь, что буду имѣть возможность лично познакомиться съ Вашимъ Высокостепенствомъ.

---

[1]) Письмо это, какъ и предыдущее, помѣчено 23-го декабря. Но въ этой помѣткѣ, очевидно, вкралась ошибка. Чѣмъ она вызвана—читатель увидитъ изъ дальнѣйшаго изложенія этого разсказа.

«Прошу Васъ вѣрить неизмѣнной, вѣрной моей дружбѣ и чистосердечному расположенію».

— Я вѣдь вамъ говорилъ, обратился генер. Разгоновъ къ пришедшимъ авганскимъ сановникамъ, что Россія не оставитъ дѣла Авганистана безъ своего участія. Вы видите, что я былъ правъ.

Авганскіе сановники видимо были обрадованы такимъ поворотомъ дѣла, но они какъ будто никакъ не могли осмыслить того, что произошло. «Какъ же это такъ? Вчера—отказъ, а сегодня—приглашеніе? Чтобы это значило? Какъ могло такъ быстро перемѣниться рѣшеніе такого важнаго вопроса?»

Вотъ что можно было прочитать на ихъ лицахъ.

Недоумѣніе ихъ—хотя и радостное недоумѣніе—было настолько сильно, что въ ихъ головахъ даже промелькнула тѣнь сомнѣнія въ подлинности письма. Мирза Ноби даже спросилъ у Везира: нѣтъ-ли у миссіи печати генер. Кауфманна?—Но не смотря на то, что этотъ вопросъ былъ сдѣланъ на авганскомъ языкѣ, онъ былъ понятъ однимъ изъ нашихъ переводчиковъ. А, несчастная миссія! Вотъ ты до чего дожила! Тобою такъ играли имѣющіе власть, и заставляли тебя такъ долго противорѣчить себѣ, что теперь тебя подозрѣваютъ даже въ способности совершить чудовищное преступленіе. И вѣдь они, эти дикари, которые сами вѣроятно не стѣсняются прибѣгать къ подобному фокусу, имѣютъ основаніе дѣлать такія предположенія! Вѣдь миссія часто по необходимости должна была противорѣчить себѣ. Генералъ Столѣтовъ говорилъ эмиру одно, не побезпокоивъ себя сообщить ген. Разгонову то, что онъ говорилъ, а миссія, не зная сказаннаго генераломъ Столѣтовымъ говорила тому же эмиру другое. Въ результатѣ получился обидный вопросъ эмира: «кому же изъ васъ вѣрить? кто правъ: вы ли или генер. Столѣтовъ?..»

Но что же означала такая игра съ письмами? Какъ могло случиться то обстоятельство, что сегодня эмиру отказываютъ, а завтра его приглашаютъ?—Сущности этой игры я не знаю. Но я разскажу, какъ она была разыграна.

Когда Булацель, возвращаясь съ авганскимъ посольствомъ изъ Ташкента, достигъ Ширъ-абада,—его нагналъ гонецъ. Этотъ гонецъ везъ письмо отъ генер. Кауфманна къ эмиру Ширъ-Али-хану. Это письмо эсаулъ Булацель распорядился отобрать отъ гонца и вру-

чить его авганской миссіи. Вскорѣ ихъ нагналъ другой гонецъ, съ запиской начальника Самаркандскаго отдѣла, и потребовалъ, чтобы возвратили ему письмо. Требованіе это показалось Булацелю оскорбительнымъ для его самолюбія. Поэтому онъ прогналъ гонца. Письмо осталось въ рукахъ авганской миссіи. Такимъ образомъ письмо было доставлено въ Мазари-Шерифъ и вручено эмиру. Но вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ въ Мазари-Шерифъ другой гонецъ со вторымъ письмомъ. Первое письмо содержало отказъ, а второе—приглашеніе эмира въ Ташкентъ.

— Отчего же вы не отдали письмо нагнавшему васъ гонцу, съ запиской?—спрашивалъ Булацеля генер. Разгоновъ.

— Да съ какой стати я долженъ былъ выдать письмо какому-то джигиту, да еще неимѣющему никакого вида,—оправдывался Булацель.—Еслибы онъ привезъ мнѣ отъ надлежащаго начальства записку о выдачѣ письма, то я конечно не замедлилъ бы отдать его. А то пріѣзжаетъ какой-то халатникъ и требуетъ письмо!...

Я понимаю, что эсаулу Булацелю нельзя было уступить требованію простаго гонца-туземца. Но, вѣдь, этотъ гонецъ былъ посланъ съ требованіемъ къ такому же гонцу, какъ и онъ самъ. Самаркандское начальство никакъ не предполагало, что Булацель отберетъ письмо отъ гонца и самовольно вручитъ его авганской миссіи, такъ какъ Булацель не имѣлъ никакого основанія отбирать письмо отъ посланнаго. Если бы этого не случилось—гонецъ съ требовательной запиской обратился бы къ такому же гонцу, какъ и онъ—и, конечно, получилъ бы письмо обратно. Такимъ образомъ непріятное письмо было бы задержано, а наша миссія была бы избавлена отъ возможности лишній разъ встать въ неловкое положеніе. Но дѣло случилось иначе, а кто виноватъ въ этомъ—не мое дѣло разбирать.

Авганскіе сановники ушли отъ насъ въ хорошемъ настроеніи духа. Мы же, миссія, находились въ еще лучшемъ настроеніи духа. «Значитъ поѣдемъ всѣ», думалъ я, «и мнѣ не предстоитъ необходимости застрять въ этой священной гробницѣ». Съ одной стороны я былъ радъ такой развязкѣ, а съ другой—не совсѣмъ: мысль, что мнѣ прійдется играть роль политическаго дѣятеля,—успѣла было уже вскружить мнѣ голову. Но... все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ!—закончилъ я.

Въ послѣдующіе дни миссія жила ожиданіями скораго отъѣзда изъ Авганистана.

11-го января уѣхали Булацель и Чанушевъ. Съ ними же отправился и топографъ миссіи г. Бендерскій. Несмотря на то, что я не ѣхалъ съ ними, все таки было рѣшено, что они поѣдутъ на Карши для свиданія съ эмиромъ Бухарскимъ. Но въ то же время мы узнали, что эмиръ Бухарскій переѣхалъ изъ Каршей въ Бухару. Такимъ образомъ мнѣ представлялся удобный случай побывать въ знаменитой среднеазіатской столицѣ мусульманства, если бы я, согласно полученному приказанію, поѣхалъ съ ними. Между тѣмъ, теперь мнѣ пришлось засѣсть въ этомъ, очень ужь наскучившемъ всѣмъ намъ, Мазари-Шерифѣ, хотя и онъ изображаетъ собою тоже не малый «столпъ» мусульманства. Вся миссія не могла выѣхать вмѣстѣ съ ними потому, что эмиръ еще не закончилъ своихъ путевыхъ сборовъ.

Тѣмъ не менѣе, при отъѣздѣ вышеупомянутыхъ членовъ миссіи, было рѣшено, что и мы, всѣ остальные члены, вмѣстѣ съ эмиромъ Ширъ-Али-ханомъ выѣдемъ изъ Мазари-Шерифа не позже, какъ черезъ недѣлю, а то и раньше. Эмиръ сообщилъ намъ, что онъ беретъ съ собой 4-хъ высшихъ сановниковъ, въ числѣ которыхъ значились: двоюродный братъ эмира Сердарь Ширъ-Али-ханъ, Везиръ Шахъ-Магометъ-ханъ, Казій-Абдуль-Кадеръ и какой-то Местофи-ханъ.

Несмотря на то, что генер. Разгоновъ ежедневно просилъ Везира поспѣшить приготовленіями къ отъѣзду изъ Мазари-Шерифа—близкаго отъѣзда не предвидѣлось. Эмиръ настаивалъ на томъ, чтобы генер. Разгоновъ предварительно сообщилъ объ его отъѣздѣ Туркестанскому генералъ-губернатору. Это извѣщеніе, по мнѣнію эмира, нужно было для того, чтобы въ Ташкентѣ приготовились, какъ слѣдуетъ, къ его встрѣчѣ и пріему. Вмѣстѣ съ тѣмъ Везиръ настаивалъ также на томъ, чтобы генер. Кауфманнъ извѣстилъ эмира Бухарскаго о предстоящемъ проѣздѣ Ширъ-Али-хана по его владѣніямъ. Когда генер. Разгоновъ спросилъ, зачѣмъ нужно подобное извѣщеніе?—то Везиръ отвѣтилъ, что, вѣдь, съ эмиръ-саибомъ отправится всего до 400 человѣкъ свиты при 500 лошадяхъ, 3 слона и много разной прислуги. Поэтому нужно де заранѣе приготовиться для встрѣчи и содержанія такой огромной кавалькады.—Въ отвѣтъ на это требованіе генер. Разгоновъ старался объяснить Везиру, что Бухара—го-

сударство независимое, и что никакихъ распоряженій въ ней генер.-губернатора быть не можетъ, что члены русской миссіи на бухарской почвѣ—не болѣе какъ гости, что если бухарцы содержатъ миссію, во время ея пребыванія на ихъ территоріи на свой счетъ, не дозволяя ей что либо расходовать на содержаніе себя,—то это свидѣтельствуетъ только объ одной любезности нашихъ добрыхъ сосѣдей и проч.

Везиръ внимательно слушалъ генерала, отчасти соглашался съ нимъ, но черезъ нѣсколько минутъ опять поднималъ вопросъ объ извѣщеніи Бухарскаго эмира черезъ русское начальство. Долго тянулся на эту тему въ высшей степени монотонный и совершенно безполезный разговоръ. Наконецъ, Везиръ кончилъ тѣмъ, что «въ такомъ случаѣ, если не генералъ Кауфманнъ, то пусть онъ, генералъ Разгоновъ, отъ себя извѣститъ эмира Бухарскаго о проѣздѣ Ширъ-Али-хана».

— Если бы я такъ поступилъ, сказалъ наконецъ генер. Разгоновъ, то было бы похоже на то, какъ будто эмиръ-саибъ не самъ лично ѣдетъ въ Ташкентъ, а будто миссія взяла его съ собой, присоединивши къ себѣ какъ бы ради компаніи.

Этотъ отвѣтъ поколебалъ упорство Везира и онъ вскорѣ ушелъ отъ насъ, не сказавъ, впрочемъ, окончательно—ни да, ни нѣтъ.

На слѣдующій день послѣ этого разговора, во время прощальной аудіэнціи, которую давалъ эмиръ Булацелю, Везиръ опять поднялъ вопросъ объ извѣщеніи эмира Бухарскаго черезъ генер. Кауфманна. Когда г. Малевинскій замѣтилъ на это, что подобный способъ сношеній неудобенъ какъ для генералъ-губернатора, такъ и для эмира Бухарскаго, который только добрый сосѣдъ Россіи и вполнѣ самостоятеленъ,—то эмиръ Ширъ-Али-ханъ съ ироніей замѣтилъ: «знаемъ мы, какова самостоятельность Бухары!»

По всему видно было, что эмиръ туго, какъ бы съ большой неохотой, собирался въ отъѣздъ. Большую часть времени онъ проводилъ, на нашъ взглядъ, по меньшей мѣрѣ странно: смотрѣлъ бои разныхъ животныхъ, ѣздилъ на охоту, заботился о новыхъ пріобрѣтеніяхъ гарема и проч. Все это не мало сердило генер. Разгонова, торопившагося какъ можно скорѣе выѣхать изъ Авганистана.

— Отчего-бы эмиру не отпустить насъ впередъ? спрашивалъ

генер. Разгонова Малевинскій.—Мы бы поѣхали себѣ потихоньку, а затѣмъ и онъ бы слѣдомъ за нами... Надо ему предложить это.

Но Разгоновъ думалъ объ этомъ иначе. Онъ говорилъ, что хотя и очень непріятно проживаться въ Мазари-Шерифѣ совершенно попустому, но что, если миссія прожила такъ 8 мѣсяцевъ, то прожить лишніе 8 дней—куда ни шло.

Но и онъ, несмотря на всю выдержанность своего характера, когда, по прошествіи нѣсколькихъ дней, Везиръ снова обратился къ нему съ совершенно, повидимому, поконченнымъ вопросомъ объ извѣщеніи эмира бухарскаго,—даже и онъ не могъ удержаться отъ восклицанія:

— Какіе невозможные кунктаторы, эти люди! На очереди стоитъ спѣшное государственное дѣло, нетерпящее отлагательства... надо торопиться... а они смотрятъ верблюжьи бои и препираются изъ за пустяшной переписки!

Такимъ образомъ время потянулось опять крайне однообразно и скучно. Одинъ день походилъ на слѣдующій, какъ двѣ капли воды—одна на другую. Поутру обыкновенно приходилъ къ намъ Везиръ—справиться о здоровьи миссіи, а также и затѣмъ, чтобы узнать: нѣтъ-ли чего передать отъ миссіи эмиру-саибу. Кромѣ обычнаго привѣтствія, передать эмиру обыкновенно ничего не находилось. Оно, пожалуй, и нашлось бы, да генер. Разгоновъ, выражаясь его же собственными словами, былъ въ свою очередь, также порядочный «кунктаторъ». Чтобы онъ надумалъ передать эмиру что-либо, кромѣ оффиціальнаго саляма,—требовалось не мало времени.

Затѣмъ Везиръ исчезалъ изъ нашего помѣщенія на цѣлый день. Все это время онъ проводилъ въ присутствіи эмира-саиба. Вечеромъ онъ снова появлялся на дворѣ нашего глинянаго дворца, точно неясная тѣнь кометы на сумрачномъ вечернемъ небѣ и, передавъ «салямъ» отъ эмира, удалялся во свояси [1]).

Раза два или три навѣщалъ насъ Казій—и тогда наши комнаты въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ оглашались скорой, трескучей

[1]) Обычными привѣтствіями Везира были слѣдующія: «Сабахъ шума ба хайръ» (добраго утра); «хубъ ба арамъ истрахатъ кердитъ» (хорошо-ли почивали); «эмиръ-саибъ салямъ гуфтъ-ахвалъ хамара-пурсанъ кердитъ») (эмиръ кланяется и спрашиваетъ о здоровьѣ всѣхъ) и проч.

рѣчью этого индійца. Онъ не скупился приправлять свою оживленную рѣчь еще болѣе оживленными тѣлодвиженіями и жестами. Онъ одинъ могъ говорить за десятерыхъ. Но вы съ спокойною совѣстью могли бы слушать его только въ полслуха, и изъ 10 словъ выкинуть 9. Его говорливость діаметрально противоположна молчаливости Везира. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы даже и тѣ немногія слова, сорвавшіяся съ языка авганскаго канцлера, можно было бы выслушать внимательно. Въ нихъ дѣла будетъ не болѣе, чѣмъ и въ словахъ Казія. Не могу представить себѣ безъ смѣха длинную и тощую фигуру Везира въ шинелькѣ какого-то невозможнаго фасона, подбитой красной фланелью, въ узкихъ штанахъ-штиблетахъ, въ туфляхъ съ оголенными пятками,—когда онъ поперемѣнно то нюхая табакъ, чихая и поплевывая въ платокъ, то ударяя указательнымъ пальцемъ правой руки по лѣвой ладони, опровергалъ вѣрность составленной г. Бендерскимъ карты Авганистана. Дѣло происходило такъ. Везиръ стоялъ лицомъ въ югу; между тѣмъ онъ держалъ въ рукахъ карту какъ обыкновенно, т. е. сѣверная часть ея была дальше отъ его тѣла, а южная ближе. Вслѣдствіе этого—города и мѣстности находились не на одной и той же сторонѣ на картѣ и на самомъ дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, Пешаверъ находился слѣва отъ Везира, между тѣмъ какъ на картѣ этотъ городъ приходился справа; Кветта по той же причинѣ очутилась сѣвернѣе Кабула и т. д. Везиръ до тѣхъ поръ не могъ сообразить положенія странъ, когда его не повернули лицомъ къ сѣверу. Но и тогда онъ долго еще спорилъ, манипулируя съ платкомъ, табакеркой и указательнымъ пальцемъ... Скупой, жадный до матеріальныхъ пріобрѣтеній, онъ былъ на столько не щепетиленъ, что изъ двухъ барановъ, присылавшихся эмиромъ для продовольствія миссіи, одного самовольно оставлялъ у себя, а изъ корма для нашихъ лошадей бралъ себѣ сколько хотѣлъ. Рядомъ съ этой скаредностію и алчностью сильно давала себя знать его нераспорядительность. Во время переѣзда миссіи черезъ Кинду-Кушъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, ей иногда приходилось по цѣлымъ часамъ мерзнуть на открытомъ воздухѣ, пока Везиръ могъ распорядиться разставить палатки, и затѣмъ—голодать почти до поздней ночи, когда онъ, наконецъ, дѣлалъ распоряженіе о присылкѣ провизіи. Случай завтрака однимъ сухимъ виноградомъ, на 11—12 тыс. высотѣ, когда вблизи былъ приготовленъ

сытный обѣдъ,—мною уже былъ, кажется, разсказанъ выше. Изъ многихъ другихъ случаевъ нераспорядительности Везира я приведу только еще одинъ. Въ Дуабѣ для одного больного казака понадобилось молоко. Объ этомъ было сообщено Везиру, который вообще завѣдывалъ продовольствіемъ миссіи. На требованіе молока онъ отвѣтилъ, что «молока совсѣмъ здѣсь нѣтъ, и хотя бы его за это приказано было казнить на мѣстѣ, то и тогда невозможно достать ни капли молока». Тогда г. Малевинскій пошелъ въ деревню самъ и несмотря на то что зналъ на туземномъ языкѣ только одно слово ширъ—молоко—черезъ нѣсколько минутъ досталъ достаточное количество нужнаго напитка. Объ этомъ сейчасъ же былъ увѣдомленъ Везиръ; но у этого человѣка кожа слишкомъ толста, чтобы онъ могъ покраснѣть.

Небрежность его въ отношеніи миссіи, можетъ быть, до нѣкоторой степени можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не принадлежалъ къ сторонникамъ союза съ Россіею. Когда эмиръ, по полученіи извѣстія о движеніи въ Кабулъ Русской миссіи, созвалъ большой Дарбаръ изъ Сердарей и народныхъ представителей и спрашивалъ ихъ мнѣнія о томъ,—принять или нѣтъ посла Русскаго Царя, то голоса подѣлились на двѣ неровныя половины: одни стояли за пріемъ Русской миссіи въ Кабулѣ, другіе—противъ этого. Противная партія была нѣсколько болѣе той, которая держала сторону Россіи. Къ противной партіи сначала принадлежалъ и Везиръ. Если, несмотря на это, русская миссія прибыла въ Кабулъ, то это случилось благодаря, главнымъ образомъ, личному желанію эмира. Везиръ не переставалъ быть противникомъ Россіи и въ послѣдующее время, хотя онъ и былъ однимъ изъ авторовъ «проэкта русско-авганскаго соглашенія». Во время отступленія эмира изъ Кабула, Везиръ неоднократно совѣтовалъ эмиру прекратить сношенія съ Россіей. И если онъ не подвергся за это опалѣ, то благодаря, вѣроятно, тому обстоятельству, что эмиръ не желалъ удаленія отъ своего двора такого вліятельнаго человѣка, какимъ былъ Везиръ. Кромѣ того, Везиръ отличался по отношенію къ эмиру чисто собачьей преданностью. Однако въ послѣднее время онъ уже не пользовался тѣмъ вліяніемъ и довѣріемъ эмира, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Онъ и Казій были тайные, непримиримые враги между собой.

Послѣдній настолько былъ ловокъ, что уже въ мое время успѣлъ набросить на Везира тѣнь неблагонадежности въ глазахъ эмира.

Такъ вотъ этотъ-то человѣкъ, который, по моему мнѣнію, въ должности министра иностранныхъ дѣлъ былъ также на мѣстѣ, какъ и извѣстный, непризнанный музыкантъ—на Парнассѣ, дважды въ день, утромъ и вечеромъ, регулярно являлся къ намъ съ оффиціальнымъ «салямомъ»

Нѣсколько разъ заходилъ къ намъ и старый нашъ знакомецъ, Кемнабъ-Магометъ-Хассанъ-ханъ. Въ противоположность Везиру онъ заслужилъ общее расположеніе миссіи. Всякій разъ, когда говорили о глупости или недобросовѣстности Везира, ему противоставляли Кемнаба, какъ человѣка и честнаго, и распорядительнаго. Кемнабъ—человѣкъ тонкаго и яснаго ума. Онъ обладаетъ—конечно, въ азіатскомъ смыслѣ—блестящимъ образованіемъ. Персидскую литературу онъ знаетъ прекрасно. Онъ много путешествовалъ и, между прочимъ, былъ нѣсколько разъ въ Индіи. Онъ выглядѣлъ скорѣе европейцемъ чѣмъ азіатомъ. У него нѣтъ ни той заносчивости и надменности, которая характеризуетъ мусульманскихъ сановниковъ Средней Азіи, ни той льстивости и слащавости, какими отличаются по преимуществу бухарскіе сановники. Онъ простъ въ обращеніи, сдержанъ въ выраженіяхъ; весьма рѣдко можно услышать отъ него рѣзкій возгласъ. Рѣчь его льется спокойною и ровною струею. Только одинъ недостатокъ былъ въ немъ настолько чувствителенъ, что бросалъ тѣнь на его вообще довольно свѣтлую фигуру: онъ любилъ сильно выпить. Въ противоположность скаредности Везира онъ готовъ былъ во всякое время предложить къ вашимъ услугамъ все, что имѣлъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ занималъ высокій постъ въ государствѣ, но потомъ впалъ въ немилость и былъ назначенъ помощникомъ Лойнаба Чааръ-вилайета. Теперь, по возвращеніи изъ Ташкента, онъ повидимому еще болѣе утратилъ расположеніе эмира, такъ какъ его миссія кончилась ничѣмъ и онъ не только не привелъ съ собой войска, но и вообще не добился отъ Русскаго правительства никакихъ положительныхъ обѣщаній. Конечно, не онъ былъ виноватъ въ такомъ оборотѣ дѣла.

Всякій разъ, какъ приходилъ къ намъ Кемнабъ, онъ приносилъ съ собой атмосферу радушія и веселья. Его разумная и изящная рѣчь

дѣйствовала на насъ положительно освѣжающимъ образомъ послѣ неуклюжихъ, какъ бы топоромъ отрубленныхъ, фразъ Везира.

16-го января эмиръ снова позвалъ къ себѣ миссію, причемъ посланный объявилъ намъ, что у эмира заболѣла нога. Мы сейчасъ же одѣлись въ полную парадную форму и отправились во дворецъ. На этотъ разъ эмиръ находился въ комнатѣ, смежной съ ванной и довольно наивно объяснилъ намъ причину своего пребыванія здѣсь... Курьезную картину представляло собою посольство, сидя въ полной парадной формѣ въ передбанникѣ, у ногъ эмира, одѣтаго въ дезабилье...

Сейчасъ по прибытіи миссіи эмиръ началъ разсказывать про свою болѣзнь и просилъ меня дать ему совѣтъ. Онъ меня предупредилъ, что полтора года тому назадъ у него болѣла другая нога и что настоящая болѣзнь началась тѣми же симптомами, какъ и прежде.

Осмотрѣвъ ногу, я долженъ былъ заключить, что въ данномъ случаѣ дѣло шло о мышечномъ ревматизмѣ икры лѣвой ноги, причемъ никакихъ объективныхъ признаковъ страданія не замѣчалось. Осмотрѣвъ болѣвшую прежде правую ногу, я увидалъ сильно утолщенныя связки колѣннаго сустава и нѣсколько рубцовъ около него—признаки бывшаго воспалительнаго процесса въ суставѣ. Теперь колѣно относительно было здорово, т. е. воспалительный процессъ уже окончился, хотя въ результатѣ и получилась нѣсколько ограниченная подвижность сустава. Очевидно было, что не было никакой связи между этою болѣзнью и настоящимъ страданіемъ.

Подавъ совѣтъ, я спросилъ эмира въ какомъ состояніи находилось въ данное время его горло?—и почему эмиръ-саибъ не лечился въ продолженіи послѣднихъ 6—7 дней?

На это эмиръ мнѣ отвѣтилъ, что кашель его продолжается по прежнему, т. е. то лучше, то хуже, а не лечился онъ потому де, что я не посѣщалъ его.

— Докторъ-саибъ совсѣмъ забылъ меня и не хочетъ давать мнѣ болѣе совѣтовъ, добавилъ онъ.

На это я отвѣтилъ, что безъ зова эмира-саиба я не могу придти, что я часто выражалъ Везиру свое желаніе—пойти къ эмиру-саибу для поданія совѣта, и недоумѣвалъ, почему меня не зоветъ эмиръ-саибъ, но Везиръ всякій разъ говорилъ мнѣ, что эмиру-саибу те-

перь лечиться некогда, такъ какъ онъ очень занятъ приготовленіями къ предстоящей поѣздкѣ въ Ташкентъ.

— Глупъ очень у меня Везиръ-то! замѣтилъ эмиръ.

При этихъ словахъ Казій не могъ удержаться отъ иронической улыбки.

Затѣмъ Ширъ-Али-ханъ велѣлъ прочитать только что полученное донесеніе Якубъ-хана о положеніи дѣлъ въ Кандахарѣ.

Правитель этого города, Сердарь Маметъ-Юсуфъ-ханъ доносилъ эмиру [1]), что Англичане подошли къ городу на разстояніе 10—12 верстъ и стали здѣсь лагеремъ, что онъ, Сердарь, и кандахарскій гарнизонъ рѣшили, въ виду несоотвѣтствія своихъ силъ съ силами непріятеля, не вступать въ открытое сраженіе, а дѣйствовать на пути сообщенія непріятеля

По прочтеніи письма, эмиръ обратился къ генер. Разгонову съ обычнымъ уже вопросомъ: какъ же согласить дѣйствія англичанъ съ ихъ обѣщаніями, данными Русскому правительству, что независимость Авганистана будетъ ими соблюдена?

Вмѣсто какого-либо другаго отвѣта на этотъ вопросъ, генер. Разгоновъ сталъ убѣждать эмира—какъ можно скорѣе ѣхать въ Ташкентъ.

— Тамъ все гораздо виднѣе,—убѣждалъ онъ эмира.—Генералъ Кауфманнъ дастъ наиболѣе обстоятельный отвѣтъ на всѣ Ваши вопросы, между тѣмъ какъ я ничего не могу Вамъ сказать на это.

— Въ Ташкентъ поѣхать нетрудно, возражалъ эмиръ. Но вотъ въ чемъ дѣло: можно ли ожидать отъ этой поѣздки какой-либо пользы? Я для Россіи все сдѣлалъ, а она для меня пока—ровно ничего. Россія вѣритъ обѣщаніямъ Англіи!.. Да развѣ она не достаточно убѣдилась въ лживости словъ англичанъ? Для меня теперь нужно одно, это—вооруженная помощь, что бы силой я могъ остановить англичанъ. Ясно, что слова на нихъ не дѣйствуютъ. Поэтому я хочу знать вотъ что: если я поѣду въ Ташкентъ, то могу ли расчитывать на полное содѣйствіе Россіи? Что будетъ со мной, если я пріѣду въ Таш-

[1]) Во время написанія письма Маметъ-Юсуфъ-ханъ вѣроятно еще не зналъ о выѣздѣ эмира въ Чааръ-вилайетъ; поэтому письмо было послано въ Кабулъ, а отсюда Якубъ-ханъ отправилъ его при своемъ письмѣ въ Мазари-Шерифъ, къ своему отцу.

кентъ и получу отказъ? Тогда моя честь (лицевая вода), уже пострадавшая вслѣдствіе дѣйствія англичанъ, пострадаетъ еще болѣе.

Генералъ Разгоновъ старался увѣрить эмира въ заступничествѣ Россіи. Но эмира не легко было сбить съ разъ занятой имъ позиціи. Онъ приказалъ прочитать письмо генер. Кауфманна отъ 23-го декабря, въ которомъ тотъ совѣтовалъ эмиру не ѣздить въ Россію, а выжидать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ въ Мазари-Шерифѣ.

— Вотъ видите, продолжалъ эмиръ, генер. Кауфманнъ прямо совѣтуетъ мнѣ остаться здѣсь для приведенія дѣлъ въ порядокъ. И дѣйствительно,—присутствіе мое здѣсь необходимо. Государство мое находится въ опасности; двѣ трети его заняты непріятелемъ. Вслѣдствіе этого доходы мои, простиравшіеся передъ войной до 20-ти милліоновъ рупій, въ настоящее время не превышаютъ 2-хъ милліоновъ, такъ какъ въ моемъ распоряженіи остались только городъ Кабулъ, Гератъ и Чааръ-вилайетъ. Но Кабулъ теперь не приноситъ мнѣ ни одной рупіи дохода, потому что главный его источникъ, торговля,—совершенно изсякъ. Я имѣю наличныхъ средствъ для содержанія арміи только въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. По истеченіи этого срока я—нищій; положеніе мое станетъ критическимъ. Далѣе.—Если англичане займутъ Кандахаръ—въ чемъ нельзя и сомнѣваться—то сосѣдство ихъ съ Гератомъ можетъ неблагопріятно отозваться и на этомъ округѣ; очень возможно, что въ немъ произойдутъ безпорядки. Тогда только одного будетъ недоставать для довершенія всѣхъ моихъ бѣдъ, это—возмущенія въ единственной области, оставшейся независимою, въ Туркестанѣ. Вы видите теперь, какія соображенія заставляютъ меня очень и очень задуматься надъ поѣздкой въ Ташкентъ. Скажу болѣе: эти соображенія заставляютъ меня совсѣмъ отказаться отъ когда-то очень желанной мною поѣздки въ Россію...

Тщетно старался генер. Разгоновъ убѣдить эмира въ необходимости его поѣздки въ Ташкентъ. Тщетно старался онъ доказать всю пользу этой поѣздки, напоминая, что, вѣдь, эмиръ-саибъ имѣетъ позднѣйшее письмо отъ генер. Кауфманна, въ которомъ онъ, по повелѣнію Министра И. Д. приглашаетъ эмира въ Ташкентъ—все было напрасно. Эмиръ скептично относился къ убѣжденіямъ Разгонова и стоялъ на своемъ.

— Видимое дѣло, продолжалъ убѣждать эмира генер. Разгоновъ,

что въ настоящее время для эмира-саиба гораздо лучше поѣхать въ Ташкентъ, чѣмъ оставаться въ Мазари-Шерифѣ. Иначе не послѣдовало-бы и самаго приглашенія генер. Кауфманна. Въ прежнемъ письмѣ [1]) генералъ Кауфманнъ, какъ добрый и искренній другъ эмира, высказывая свое личное мнѣніе, совѣтовалъ эмиру-саибу остаться въ Мазари-Шерифѣ. Но теперь онъ приглашаетъ Васъ по повелѣнію верховнаго правительства. Ясно, что поѣздка Ваша въ Ташкентъ признана болѣе полезною, чѣмъ пребываніе въ Мазари-Шерифѣ. Ясно, что для дѣла эмира-саиба лучше поѣхать.

Но эмиръ, не давши никакого опредѣленнаго отвѣта на доводы генер. Разгонова, отпустилъ миссію.

Прійдя домой миссія долго и оживленно разсуждала о томъ: что означаетъ такой поворотъ въ политикѣ эмира? Былъ-ли это простой капризъ или за этимъ что либо скрывалось иное? Ужь не послалъ-ли эмиръ, тайно отъ миссіи, письмо англичанамъ и теперь ждалъ на него отвѣта? Можетъ быть заставляетъ эмира отказаться отъ поѣздки болѣзнь ноги? Но, вѣдь, это—простой мышечный ревматизмъ, о силѣ котораго, впрочемъ, ничего нельзя сказать опредѣленнаго, основываясь на тѣхъ объективныхъ данныхъ, какія доступны были наблюденію. Можетъ быть и болѣзни-то никакой нѣтъ; вѣдь доказать существованіе ея чисто физическими способами, объективно, нельзя.— Предположеній и догадокъ было много, но наконецъ почти единогласно нами было рѣшено, что эмиръ почему-то медлитъ отъѣздомъ, «а и медлитъ-то потому, говорилъ генер. Разгоновъ, что всѣ они— невозможные «медлители».

Часовъ въ 5 того же дня пришелъ въ наше помѣщеніе Гулямъ-Гайдеръ-ханъ и объявилъ, что эмиръ Ширъ-Али-ханъ желаетъ видѣть меня и воспользоваться моимъ врачебнымъ совѣтомъ. Взявъ съ собой фельдшера и необходимые медикаменты, я сейчасъ же отправился въ путь. Вмѣсто обычнаго моего спутника, Замаанбека, переводчикомъ при мнѣ отправился г. Малевинскій. Я обратилъ вниманіе генерала на неудобство такой замѣны, въ случаѣ если бы при эмирѣ не

[1]) Также отъ 23 декабря. Второе письмо, ген. Кауфманна также датированное 23 декабря, и которымъ эмиръ приглашался въ Ташкентъ, должно быть помѣчено, по моему соображенію, 25 декабря.

было Казія, который англійскую рѣчь Малевинскаго могъ бы передавать эмиру по персидски и такимъ образомъ передавать мои слова эмиру и обратно.—Но на это замѣчаніе я получилъ, какъ со стороны Малевинскаго, такъ и со стороны Разгонова—«авось, что Казій будетъ при эмирѣ». Я болѣе не настаивалъ на своемъ мнѣніи, такъ какъ замѣтилъ, что Разгоновъ почему-то очень желалъ, чтобы Малевинскій непремѣнно пошелъ со мною къ эмиру.

Нужно замѣтить, что Разгоновъ съ нѣкотораго времени болѣе пользовался услугами Малевинскаго, въ качествѣ переводчика, чѣмъ—Назирова, хотя такая замѣна и была очень неудобна. Малевинскій долженъ былъ сначала передать рѣчь Разгонова по англійски Казію, а этотъ послѣдній передавалъ ее по персидски уже эмиру. Такимъ образомъ рѣчь эмира, обращенная къ Разгонову, проходила черезъ два рта, что, кромѣ замедленія обмѣна мыслей, было неудобно еще и потому, что смыслъ сказаннаго могъ, при такой передачѣ рѣчи, пострадать незамѣтно для переводчиковъ, и при томъ совершенно независимо отъ нихъ,—какъ это и случалось не одинъ разъ. Тѣмъ не менѣе генералъ Разгоновъ видимо предпочиталъ теперь этотъ способъ сношеній съ эмиромъ другому, т. е. черезъ Назирова.

Когда я пришелъ къ эмиру, то въ продолженіе нѣкотораго времени дѣйствительно былъ поставленъ въ неловкое положеніе, такъ какъ Казія не было при эмирѣ; самъ же я хотя и понималъ уже порядочно по персидски, но говорилъ еще довольно плохо. Нужно замѣтить, что если бы я обладалъ и большими познаніями въ персидскомъ языкѣ, то и тогда не иначе сталъ бы объясняться съ эмиромъ, какъ черезъ переводчика. Нѣкоторыя соображенія заставляли меня не высказывать передъ эмиромъ своего знакомства съ персидскимъ языкомъ. Соображенія эти потомъ оказались совершенно вѣрными.

На этотъ разъ эмиръ находился на террасѣ, выходившей рѣзной, деревянной балюстрадой на чистый, мощеный кирпичными плитами дворъ. Около эмира находились Везиръ и мой старый знакомый Ахунъ-саибъ—мой сотоварищъ, или вѣрнѣе—предмѣстникъ по неудачному лѣченію наслѣдняго принца, Абдулла-Джана. Большая, котлообразная голова Ахуна, съ отвислыми, большими же ушами, была почти вплотную приставлена къ толстому, жирному туловищу, поставленному на маленькихъ, обутыхъ въ одни чулки, ножкахъ. Большіе хитрые глаза

и крючковатый носъ придавали его широкому и довольно плоскому лицу печать понятливости и знанія людей. Онъ былъ не рѣчистъ, но зато постоянно и пытливо глядѣлъ прямо въ глаза своему собесѣднику, точно хотѣлъ прочитать самыя сокровенныя его мысли. На меня онъ посмотрѣлъ не то холодно, не то недоброжелательно—не разберешь. Онъ, по обыкновенію, вперилъ свой взглядъ на меня, но я самъ ждалъ этого момента и въ свою очередь захотѣлъ позондировать тайникъ его души, а потому пристально посмотрѣлъ на него. Нѣкоторое время онъ спокойно выдерживалъ мой взглядъ, но наконецъ выраженіе его глазъ стало безпокойнымъ—и онъ отвернулся. Было бы совершенно въ порядкѣ вещей, если бы оказалось, что почтенный Ахунъ не особенно проникнутъ симпатіею ко мнѣ: я вотъ уже во второй разъ становился на его дорогѣ, являясь его соперникомъ передъ лицомъ эмира.

Черезъ нѣсколько времени явился Казій и наше молчаливое tête-à-tête прекратилось. Осмотрѣвъ больную ногу, я опять не замѣтилъ никакихъ объективныхъ признаковъ болѣзни. Я однако намазалъ икру іодной настойкой и затѣмъ забинтовалъ фланелью. Противъ боли, на которую жаловался эмиръ, я назначилъ на ночь препаратъ морфія. Но эмиръ при этомъ озабоченно спросилъ: не вызоветъ-ли сна это лекарство? Къ этому онъ прибавилъ, что эту ночь онъ не долженъ спать. Когда онъ произносилъ эти слова, то по лицу его расплылась многоговорящая усмѣшка.

— Почему же нельзя спать эмиру-саибу въ продолженіи всей ночи? спросилъ я.

— Такъ нужно, отвѣтилъ онъ, а усмѣшка еще болѣе заиграла на его лицѣ; носъ при этомъ еще болѣе выгнулся горбомъ; глаза его глядѣли сладострастно. Онъ подмигивалъ то Везиру, то Казію. Даже постоянно мрачный Везиръ—и тотъ изобразилъ на своемъ, какъ бы разъ навсегда застывшемъ лицѣ, что-то въ родѣ улыбки. Казій же только что не подпрыгивалъ на своемъ мѣстѣ,

— Въ эту ночь эмиру-саибу никакъ нельзя спать, тараторилъ онъ, потому что... и онъ доканчивалъ фразу жестами и подмигиваніемъ...

Послѣ этого я привелъ въ дѣйствіе пульверизаторъ, и эмиръ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ глоталъ теплые пары изъ различныхъ лекарственныхъ веществъ.

По окончаніи сеанса мы занялись болтовней. Теперь къ эмиру были приведены два мальчика, одинъ лѣтъ 8, другой—12-ти. Оба они были дѣти эмира. Но одного взгляда на нихъ было достаточно, чтобы замѣтить рѣзкую разницу въ ихъ типахъ. Мальчикъ постарше представлялъ собою типъ кровнаго авганскаго ребенка; онъ былъ настоящій брюнетъ, съ большими черными глазами, слегка горбатымъ носомъ, смуглымъ цвѣтомъ лица. Онъ уже теперь представлялъ вѣрную копію отца. Другой мальчикъ обладалъ русыми волосами, сѣрыми глазами и бѣлымъ цвѣтомъ лица; онъ былъ слегка курносъ. Черты лица его не были такъ пластично-правильны, какъ у его старшаго брата, но зато очень привлекательны, милы. Первый былъ красавецъ-мальчикъ [1]), типическая красота котораго такъ и бросалась въ глаза; второй былъ хорошенькій мальчикъ, такой, какихъ мы привыкли видѣть у себя дома, въ Россіи,—съ розовыми щечками и губками, кругленькимъ подбородочкомъ, съ ямочками на щекахъ—какихъ у насъ счастливыя матери называютъ «настоящими херувимчиками».

Когда я узналъ происхожденіе того и другаго ребенка, то столь рѣзкая разница въ ихъ типахъ легко объяснилась. Первый имѣлъ матерью кровную авганку; второй—кафирку (невольницу изъ Кафиристана). Оба мальчика были одѣты одинаково хорошо. Головы ихъ были увѣнчаны національными коническими шапками изъ черныхъ мерлушекъ. На плечахъ были надѣты лисьи шубки, крытыя шелковой матеріей. Ноги были обуты въ толстые шелковые чулки; ни сапогъ ни туфель на ногахъ ихъ не было.

Вообще я долженъ сказать, что авганскіе сановники и даже члены царской фамиліи, въ присутствіи эмира были безъ сапогъ и туфель, въ однихъ чулкахъ, но на головахъ имѣли какой угодно уборъ: чалму-ли, кюлахъ-ли или англійскую каску.

Отношенія обоихъ мальчиковъ между собою были совершенно непринужденныя; только въ меньшомъ ребенкѣ не было замѣтно той

[1]) Потомъ я узналъ, что это былъ не мальчикъ, а дѣвочка,—дочь эмира отъ его любимой жены. Такъ какъ эмиръ очень любилъ этого ребенка и хотѣлъ, чтобы онъ былъ всегда при немъ, то и одѣвалъ его какъ мальчика, съ цѣлью обойти, такимъ образомъ, строгія правила гарема, недопускающія присутствія женщинъ въ мужскомъ обществѣ, особенно съ открытымъ лицомъ.

черты гордости, которая уже успѣла сложиться на лицѣ его старшаго брата (сестры).

Везиръ, объясняя мнѣ происхожденіе того и другаго ребенка, обратился къ младшему изъ нихъ съ словами, имѣвшими тотъ смыслъ, что «хотя ты, дескать, и царскій сынъ, но все же рабъ своего старшаго брата, такъ какъ онъ—царской крови съ обѣихъ сторонъ, а ты де рожденъ невольницей, кафиркой». Вѣроятно подобную рѣчь изъ устъ Везира мальчикъ слышалъ не въ первый разъ, такъ какъ она не произвела на него никакого впечатлѣнія.

Между тѣмъ на дворѣ, передъ открытыми окнами террасы стали сходиться многія изъ приближенныхъ къ эмиру лицъ. Такъ у самаго окна стоялъ молодой человѣкъ лѣтъ 17-ти, высокій, стройный—точно пирамидальный тополь; черты его лица были прекрасны, а глаза свѣтились умомъ.—Это былъ внукъ эмира, сынъ его старшаго и наиболѣе имъ любимаго сына, Магометъ-Али-хана. Внукъ этотъ называется Ахмедъ-Али-ханъ. Въ это время минуло болѣе 14 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ онъ потерялъ своего отца, погибшаго, какъ извѣстно, трагическою смертью. Вотъ что разсказалъ объ этомъ мнѣ самъ эмиръ.

— 14 лѣтъ тому назадъ, когда я долженъ былъ вести многія войны съ моими мятежными братьями, разъ должно было произойти сраженіе между моими войсками и войсками Маметъ-Шерифъ-хана, правителя Гиришка, и Маметъ-Эминъ-хана, правителя Кандагара. Сраженіе это произошло при К е л а т и-Г и л ь з а й. Мой покойный сынъ, герой и душой и тѣломъ—это былъ могучій силачъ—не хотѣлъ, чтобы въ сраженіи пролилось такъ много крови народа, совершенно неповиннаго въ нашей семейной распрѣ. Поэтому мой сынъ-богатырь думалъ, что было бы болѣе справедливо, если бы сами вожди рѣшили свой споръ единоборствомъ. Съ моей стороны вызвался на поединокъ Маметъ - Али - ханъ. Маметъ - Шерифъ - ханъ, извѣстный трусъ, не хотѣлъ объ этомъ и слушать. Но мой другой братъ Маметъ-Эминъ-ханъ обладалъ душой иного сорта. Онъ принялъ вызовъ. Рѣшено было драться только на палашахъ, причемъ совершенно запрещено было противникамъ имѣть при себѣ огнестрѣльное оружіе. Наконецъ мѣсто выбрано—и бой начался. Эминъ-ханъ сначала легко ранилъ моего сына, но потомъ этотъ послѣдній страшнымъ ударомъ палаша смертельно ранилъ своего дядю. Въ тоже время Эминъ-ханъ выхва-

тилъ изъ пазухи револьверъ и въ упоръ выстрѣлилъ въ моего сына. Оба упали на землю и уже болѣе не вставали [1])... Мой сынъ! Мой сынъ! Еще никогда не было на землѣ такого героя, да и послѣ не будетъ!.. Горе и сердечная тоска вслѣдствіе потери любимаго сына, вмѣстилища всѣхъ моихъ надеждъ, такъ меня сокрушили, что я потерялъ влеченіе къ жизни. Въ продолженіи 6 мѣсяцевъ я какъ тѣнь скитался изъ одного мѣста въ другое. Я принималъ пищи ровно столько, сколько нужно было для того только, чтобы поддержать жизнь въ тѣлѣ. Вмѣсто сына я теперь также люблю вотъ этого своего внука...

Меня очень заинтересовалъ этотъ статный, но видимо еще не окрѣпшій, юноша и я пытался заговорить съ нимъ. Эмиръ сообщилъ также, что его внукъ, мѣсяцъ тому назадъ, былъ сильно болѣнъ лихорадкой, что еще и теперь не совсѣмъ оправился отъ этой болѣзни и, между прочимъ, страдаетъ отсутствіемъ аппетита. Хитрый Казій при этомъ не преминулъ похвалить тѣ порошки, которые я, нѣсколько времени тому назадъ, далъ ему противъ желудочнаго катарра; онъ рекомендовалъ эти порошки и юному внуку эмира.

Затѣмъ, среди стоявшихъ на дворѣ людей появились Лойнабъ Хошь-Диль-ханъ и командовавшій всѣми войсками Чааръ-вилайета, Феизъ-Магометъ-ханъ. Лойнабъ былъ одѣтъ въ ту самую, крытую голубымъ глазетомъ, шубу, въ которой онъ принималъ меня въ декабрѣ мѣсяцѣ. Молодой внукъ былъ одѣтъ, для зимы, очень легко. Весь костюмъ его состоялъ изъ кюлаха, суконнаго опашня, подтянутаго поясомъ съ серебряннымъ позументомъ, длинныхъ штановъ изъ того же матеріала что и опашень, и ботинокъ. Между тѣмъ, хотя вечеръ былъ тихій и ясный, но t° воздуха была всего $+5^{\circ}$ C. На мое замѣчаніе, что юному внуку нужно одѣваться теплѣе, эмиръ отвѣтилъ, что не слѣдуетъ нѣжить тѣло, а нужно закалять его съ раннихъ лѣтъ.

— Воинъ, какимъ несомнѣнно будетъ мой внукъ, долженъ съ презрѣніемъ относиться къ удобствамъ жизни. Воинъ долженъ имѣть крѣпкое тѣло.

---

[1]) Какъ видитъ читатель, древній обычай иранскій—единоборствомъ рѣшать участь сраженія, такъ геніально воспѣтый знаменитѣйшимъ персидскимъ поэтомъ Фирдоуси въ «Единоборствѣ Рустема и Зораба» (Шахъ-Наме),—существуетъ на классической древне-иранской почвѣ, нынѣшнемъ Авганистанѣ, еще и теперь.

Среди толпы собравшагося передъ окнами люда мое вниманіе привлекъ одинъ высокій, красивый человѣкъ, съ умными чертами лица. Ему было лѣтъ подъ 30. Когда я спросилъ, кто этотъ человѣкъ, то Казій отрекомендовалъ мнѣ его «актеромъ». Но потомъ я увидалъ, что этотъ «актеръ» исполняетъ при дворѣ эмира роль нашего до-петровскаго придворнаго шута. Онъ въ совершенствѣ воспроизводилъ всѣ жесты и манеры Казія. Лишь только Казій раскрывалъ ротъ для произнесенія какого либо слова, какъ и «актеръ» дѣлалъ тоже; Казій протягивалъ руку, чтобы взять что либо—и рука «актера» съ возможною точностію воспроизводила тоже движеніе. Всѣ эти продѣлки доставили много удовольствія какъ эмиру, такъ и окружающей его публикѣ. Мнѣ не удалось узнать, декламируетъ-ли что «придворный актеръ» Ширъ-Али-хана, или нѣтъ.

Наконецъ мой визитъ кончился и я, откланявшись эмиру, возвратился домой.

Въ одинъ, нельзя сказать чтобы прекрасный, но все же очень хорошій для зимы, день въ помѣщеніе миссіи пришли Казій съ Везиромъ. Они привели съ собой больнаго родственника Казія. Видъ больнаго былъ таковъ, что сразу заставлялъ предположить, что онъ сильно страдаетъ. Желтоватаго цвѣта лицо съ лихорадочно блестящими глазами было искажено болевыми линіями. t^o тѣла была 39° C; пульсъ—малый и твердый. Больной часто кашлялъ и во время кашля его лицо еще болѣе искажалось отъ боли. Я тщательно изслѣдовалъ больнаго и нашелъ у него правостороннюю крупозную пневмонію (воспаленіе легкаго). Назначивъ лекарства, я отпустилъ его домой. Но такъ какъ больной, очевидно, не могъ посѣщать мою амбулаторію, то я и предложилъ Казію посѣщать больнаго на дому. Везиръ на это предложеніе замѣтилъ, что «объ этомъ надо доложить эмиру и подождать его разрѣшенія». Меня сначала удивила подобная постановка вопроса. Какъ? для того, чтобы подать помощь больному я долженъ сначала испросить позволеніе эмира? Что за дикость?!

Но потомъ, ставъ на туземную точку зрѣнія, я нашелъ это въ порядкѣ вещей. Вѣдь я былъ въ данномъ случаѣ не только врачъ миссіи, но и врачъ эмира—въ нѣкоторомъ смыслѣ лейбъ-медикъ. Понятно—для того, чтобы простой смертный, подданный эмира, могъ вос-

пользоваться моими услугами у себя на дому, нужно было прежде всего испросить разрѣшеніе моего царственнаго паціэнта.

Рѣшивъ такимъ образомъ этотъ вопросъ, я съ спокойнымъ сердцемъ, но съ смутнымъ предположеніемъ о томъ пріемѣ, который меня ожидалъ въ домѣ больнаго,—отправился въ путь. Мой проводникъ, на мой вопросъ: далеко ли находится домъ больнаго?—отвѣчалъ: нездикъ-эстъ, т. е. близко. Но это слово и въ теоріи очень растяжимо, а на практикѣ, т. е. въ данномъ случаѣ, оно растянулось чуть ли не на двѣ версты отъ нашего «скудельнаго» дворца до таковаго же дворца Казія. Пришлось проѣхать мимо помѣщенія эмира, у воротъ котораго на многолюдной базарной улицѣ разставлено было нѣсколько паръ верблюдовъ-самцовъ. Они были одѣты, если можно такъ выразиться, въ парадныя одежды, именно—были покрыты хорошими коврами. Головы верблюдовъ были украшены разноцвѣтными колпаками, въ родѣ коронокъ. Это были приготовленные для назначеннаго въ этотъ день боя сильные самцы. Теперь было время течки у верблюдовъ, въ которое они становятся очень злыми, и вотъ въ это-то время туземцы и пользуются ими для потѣшныхъ боевъ. Животныя эти, обыкновенно такія кроткія, покорныя, симпатичныя—теперь были неузнаваемы; они глухо и сердито ревѣли, обдавая столпившійся около нихъ разнородный людъ пѣной, густымъ слоемъ покрывавшей ихъ морды. Глаза животныхъ, обыкновенно такіе прекрасные, кроткіе—были теперь мутны и выражали какое-то изступленное состояніе. Заднія ноги были широко раставлены... Животное въ такомъ видѣ было невыносимо безобразно!..

По пути намъ пришлось проѣхать мимо Хазрета, т. е. самозванной гробницы Алія, высоко вздымавшей изъ за глиняной ограды свои два изумрудно-зеленые купола. Долго еще пришлось намъ ѣхать по кривымъ, грязнымъ и очень перепутаннымъ улицамъ города, пока нашъ чичероне не привелъ насъ въ мертвый рукавъ улицы. Дальше ѣхать было нельзя, да, впрочемъ, и не зачѣмъ было дальше ѣхать, такъ какъ мы прибыли къ цѣли нашей поѣздки.

Я не тотчасъ вошелъ въ заколдованный кругъ авганской семьи. Сначала за калиткой исчезъ мой проводникъ, пропросивъ меня подождать нѣсколько времени. Черезъ нѣсколько минутъ послышались голоса, постепенно приближавшіеся къ калиткѣ. Вслѣдъ за тѣмъ въ

нее просунулась голова, потомъ подалось туловище—и хозяинъ дома радушно протянулъ мнѣ руки для привѣтствія и чтобы помочь сойти съ коня.

Красивые, большіе и быстрые глаза и орлиный носъ—сейчасъ же изобличили въ немъ близкаго родственника Казія, а живость движеній дополняла сходство, терявшее нѣсколько отъ того, что мой новый знакомый не былъ такъ толстъ, какъ глава семейства. Я не ошибся въ своемъ предположеніи: встрѣтившій меня оказался роднымъ братомъ Казія.

За калиткой и глиняной стѣной прежде всего мы вошли на черный дворъ со стойлами, въ которыхъ находилось болѣе десяти лошадей; нѣкоторыя изъ нихъ были осѣдланы. Бросивъ коня на попеченіе джигита, я черезъ узенькую калиточку прошелъ въ слѣдующій обширный и чистый дворъ, съ бассейномъ по срединѣ. Нѣсколько деревьевъ пріятно оттѣняли суровую неприглядность глиняныхъ стѣнъ. Зданія здѣсь были того же типа, и порядокъ ихъ размѣщенія тотъ же, что и въ нашемъ помѣщеніи. На двухъ противоположныхъ сторонахъ квадратнаго двора, именно на южной и сѣверной, возведены были два обширные флигеля, построенные, какъ обыкновенно, изъ дерева и глины. Въ зданіяхъ—тѣ же громадныя, запирающіяся подъемными ставнями окна-двери, тѣ же холодныя, съ мангалами вмѣсто печей, комнаты; тотъ же полъ изъ битой глины—однимъ словомъ вся обстановка была такая же, какъ и въ нашемъ глиняномъ дворцѣ.—Средняя Азія есть царство глины: глина, глина и пески... Пески, глина и глина...

Казія не было дома. Незадолго до моего пріѣзда онъ позванъ былъ къ эмиру; поэтому-то меня и принялъ его братъ.—Мы вошли въ домъ. Посрединѣ комнаты передъ мангаломъ, закутанный въ мохнатую кабульскую шубу, сидѣлъ мой больной. Пока я занимался осмотромъ больнаго, въ комнату набралось довольно много здѣшнихъ домочадцевъ. Были и старые и малые: все типичныя лица, съ весьма замѣтною примѣсью индѣйскихъ чертъ. Между нѣсколькими мальчуганами затерялась одна дѣвочка, лѣтъ 12, уже теперь обѣщавшая сдѣлаться со временемъ первостепенной красавицей. Въ открытыя двери нисколько, повидимому, не стѣсняясь, въ оба глаза смотрѣла на насъ красивая, молодая женщина. Она была безъ покрывала, въ

шелковомъ полосатомъ бешметѣ, съ ожерельемъ изъ золотыхъ монетъ на груди. Въ волосахъ также висѣли нѣсколько монетъ. Она такъ занята была разсматриваніемъ невиданнаго ею дотолѣ «кяфира-уруса», что и не слыхала, какъ сзади нея подошла старуха и что-то ей шепнула на ухо. Красавица только тогда оборотилась къ старухѣ, когда та дотронулась своей костлявой рукой до ея плеча. Вслѣдъ за тѣмъ молодая женщина повернулась и отошла отъ двери, а та же старческая рука вслѣдъ за нею притворила дверь. Въ открытое окно виднѣлась разбитая у самаго порога входной двери юрта. Изъ нея часто сновали взадъ и впередъ, изъ юрты въ домъ и обратно, молодыя женщины. Я узналъ, что Казій имѣетъ семь женъ и до пятнадцати человѣкъ дѣтей.

Между тѣмъ подано былъ чай и обычное угощеніе—разныя сласти, конфекты и печенія. Вскорѣ я уѣхалъ обратно.

ГЛАВА VI.

Съ эмиромъ Авганскимъ.

Отъѣздъ нашей миссіи изъ Авганистана.—Я остаюсь въ Мазари-Шерифѣ одинъ. Послѣдняя аудіэнція миссіи у эмира.—Отказъ эмира.—Болѣзнь эмира Ширъ-Али хана.—Авганскіе врачи и туземная медицина. Моя амбулаторія.—Поѣздка въ Тахтапуль.—Извѣстія съ театра англо-авганской войны и изъ внутренняго Авганистана. — Безнадежное состояніе болѣзни эмира. Послѣдніе дни жизни эмира Ширъ-Али-хана.

18-го января эмиръ снова позвалъ миссію къ себѣ. Послѣ обычныхъ привѣтствій онъ завелъ опять рѣчь о томъ: ѣхать ему въ Ташкентъ или нѣтъ? Онъ склонялся болѣе къ той мысли, что лучше остаться къ Мазари-Щерифѣ.

Въ числѣ причинъ, препятствовавшихъ этой поѣздкѣ, выставлялась и болѣзнь ноги. Я опять освидѣтельствовалъ ногу и опять не нашелъ никакихъ объективныхъ признаковъ болѣзни. Нога имѣла нормальную t°, нормальный цвѣтъ, объемъ; чувствительность ея была, повидимому, также неизмѣнена. Поэтому я высказалъ мысль, что въ паланкинѣ эмиръ могъ бы ѣхать довольно удобно и, что больная нога не можетъ совершенно воспрепятствовать его поѣздкѣ. «Между тѣмъ, говорилъ я, въ Ташкентѣ можно будетъ употребить для излеченія ноги такіе пріемы и средства, какихъ я здѣсь, въ Мазари-Шерифѣ, не имѣю въ своемъ распоряженіи».

Эмиръ на это отвѣтилъ, что дѣйствительно не болѣзнь ноги, главнымъ образомъ, препятствуетъ его поѣздкѣ въ Ташкентъ, но

обстоятельства совершенно иного свойства. Вслѣдъ за тѣмъ онъ приказалъ своему первому секретарю принести и прочитать письмо, только что полученное отъ Маметъ-Юсуфъ-хана, изъ Кандагара.

Письмо было принесено и прочитано. Содержаніе его было очень важно. Англичане заняли Кандагаръ. Вотъ какъ описывалось въ письмѣ это событіе.

Какъ намъ извѣстно уже изъ предыдущаго письма Сердаря Маметъ-Юсуфъ-хана, онъ сначала рѣшилъ уклониться отъ открытаго боя съ непріятелемъ. Но 10-го Магаррема его конная дружина, состоявшая всего изъ 1,500 всадниковъ, не выдержала дальнѣйшаго бездѣйствія и ринулась въ атаку цѣлаго корпуса англійской арміи. Силы англичанъ состояли, какъ значилось въ письмѣ, изъ 8-ми баталіоновъ пѣхоты и 2-хъ полковъ кавалеріи, при 20 орудіяхъ. Конечно исходъ боя былъ весьма плачевенъ для авганцевъ. Разбитыя части авганской кавалеріи отступили по двумъ направленіямъ: на Кабулъ и Гератъ.

— Вы видите, обратился эмиръ къ Разгонову,—какъ англичане исполняютъ свои обѣщанія. Нечего сказать,—хорошо соблюденіе независимости, когда одинъ городъ за другимъ переходитъ въ ихъ руки. Если я отправлюсь въ Россію, англичане, пользуясь моимъ отсутствіемъ, шагъ за шагомъ овладѣютъ всѣми землями Авганистана, такъ что потомъ мнѣ не къ чему будетъ уже и возвращаться.— Нѣтъ, состояніе государства такъ плохо, что я не могу его оставить. Поэтому я рѣшительно отказываюсь отъ поѣздки въ Россію въ данное время.

Генералъ Разгоновъ пробовалъ увѣрить эмира, что эта поѣздка будетъ для него спасеніемъ, такъ какъ онъ будетъ имѣть возможность переговорить обо всемъ подробно съ генер. Кауфманномъ; что генер. губернаторъ можетъ дать эмиру окончательный отвѣтъ, на что онъ имѣетъ соотвѣтствующія полномочія, которыхъ генер. Разгоновъ не имѣетъ и т. п.

— Что же касается до опасенія эмира-саиба, будто англичане въ его отсутствіе овладѣютъ не только Гератомъ но и Туркестаномъ, возражалъ Разгоновъ,—то, вѣдь, это не такъ легко сдѣлать, какъ— сказать. Отъ Кандагара до Герата 1,000 верстъ, и занятіе этого го-

рода въ скоромъ времени состояться не можетъ. Что же касается до Туркестана, то англичане могутъ дойти до него только въ два года.

Но эмиръ остался при своемъ мнѣніи. Онъ опасался, что въ Туркестанѣ непремѣнно вспыхнетъ волненіе, лишь только англичане придутъ въ Гератъ, что его семейству можетъ тогда угрожать опасность, и что, поэтому, неудобно было бы покидать свою семью на произволъ судьбы.

— Можно ли, продолжалъ эмиръ,—въ случаѣ опасности переслать мое семейство въ какой-нибудь русскій городъ?

На это Разгоновъ отвѣтилъ, что эмиръ можетъ хоть сейчасъ же отправить свою семью въ Россію и, что она найдетъ тамъ самое радушное гостепріимство.

Затѣмъ эмиръ высказалъ мысль, что поѣздка его въ Ташкентъ возможна и въ данное время, но лишь въ томъ случаѣ, если г. Кауфманнъ выставитъ въ Ширъ-абадѣ наблюдательный отрядъ изъ 4-хъ баталіоновъ.

— Тогда, сказалъ онъ, я могу быть спокойнымъ относительно безопасности своего семейства. Я увѣренъ, что тогда спокойствіе въ краѣ не будетъ нарушено.

Въ то время, когда эмиръ назначалъ цифру баталіоновъ наблюдательнаго отряда, Везиръ по авгански подсказалъ ему, чтобы онъ назначилъ бо́льшую цифру, примѣрно—10 баталіоновъ.

Понятно, г. Разгоновъ не могъ обѣщать, что г. Кауфманнъ выставитъ наблюдательный отрядъ. Тогда эмиръ рѣшительно и окончательно отказался отъ своей поѣздки въ Ташкентъ.

— Дѣло это нужно считать рѣшеннымъ, сказалъ онъ. Кромѣ того—мнѣ не слѣдуетъ забывать и письма генерала Кауфманна отъ 23-го декабря. Въ этомъ письмѣ онъ прямо совѣтуетъ мнѣ оставаться здѣсь. Какъ же я могу поѣхать въ Ташкентъ? А что, если по прибытіи въ Ташкентъ г. Кауфманнъ скажетъ мнѣ: «зачѣмъ пріѣхалъ? Вѣдь я писалъ тебѣ, чтобы ты выждалъ болѣе удобное время для поѣздки?»—Что я тогда могу сказать ему въ отвѣтъ? Какими глазами я буду смотрѣть на Божій свѣтъ, если, по пріѣздѣ въ Ташкентъ, вы мнѣ скажете: «устроивайте свои дѣла сами; мы не можемъ вамъ ничѣмъ помочь!..» Вѣдь мнѣ тогда останется одно: по-

кончить съ собой!.. Вы видите ясно, что мнѣ необходимо остаться здѣсь.

Г. Разгоновъ пробовалъ было разъяснить эмиру всю неосновательность его мнѣнія—напрасно. Напрасно также онъ ссылался на позднѣйшее письмо генерала Кауфманна, которымъ онъ приглашалъ эмира въ Ташкентъ.—Ширъ-Али-ханъ объявилъ, что объ этомъ теперь нечего и говорить. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сказалъ, что посылаетъ въ Ташкентъ новое свое посольство, которое будетъ состоять изъ 4-хъ высшихъ авганскихъ сановниковъ. При этомъ онъ сказалъ также, что миссію болѣе не задерживаетъ: она можетъ ѣхать вмѣстѣ съ его посольствомъ.

— Но доктора-саиба я оставляю при себѣ, закончилъ онъ.

Однако я долженъ сознаться, что такая честь, оказанная мнѣ эмиромъ, совсѣмъ меня не прельщала. Въ самомъ дѣлѣ: оставаясь въ Мазари-Шерифѣ, я долженъ былъ обречь себя на безотрадное одиночество, которое могло продолжаться неопредѣленное время. «Зачѣмъ мнѣ теперь здѣсь оставаться», думалъ я? «Для леченія болѣзни эмира? Но кто мнѣ поручится въ томъ, что туземные врачи не возстановятъ эмира противъ меня? Это тѣмъ болѣе можетъ случиться, что отношенія эмира Ширъ-Али-хана къ русскому правительству въ настоящее время вступили на очень шаткую почву и ежеминутно грозятъ сдѣлаться натянутыми. Разъ эмиръ послушался бы своихъ врачей, отказался бы отъ моего содѣйствія,—я очутился бы въ смѣшномъ положеніи, если не болѣе».

Поэтому я спросилъ ген. Разгонова тутъ же, въ присутствіи эмира,—оставляетъ ли онъ меня въ Авганистанѣ, или нѣтъ?

Разгоновъ подтвердилъ рѣшеніе эмира, сказавъ, что я долженъ остаться 1) въ силу прямаго приказанія ген. Кауфманна, выраженнаго въ письмѣ къ нему, Разгонову, а также и въ письмѣ къ эмиру отъ 20-го декабря; 2) что я остаюсь не одинъ, а съ Заманъ-бекомъ; поэтому мнѣ особенно де скучать не придется.

На это мнѣ возражать конечно не приходилось, но я все же не терялъ надежды убѣдить г. Разгонова не оставлять меня въ Мазари-Шерифѣ.

Между тѣмъ пренія между эмиромъ и Разгоновымъ возобновились. Аудіэнція, начавшись очень плавною бесѣдой, перешла потомъ въ

перекрестную рѣчь, а подъ конецъ изъ нея вышелъ настоящій базаръ. Всѣ говорили разомъ. Каждый старался перекричать своего собѣсѣдника и заставить его слушать именно себя. Говорилъ эмиръ, говорилъ Казій съ Везиромъ, такъ что переводчики не знали, кого имъ слушать и ужь конечно не успѣвали передавать все, что было сказано Разгонову каждымъ изъ нихъ. О передачѣ отвѣта Разгонова эмиру и его сановникамъ и думать нельзя было, потому что пока онъ собирался раскрыть ротъ, какъ съ противной стороны уже лились цѣлые потоки словъ—и переводчики должны были ловить ихъ, что называется, налету. Такъ и просидѣлъ большую часть времени Разгоновъ молча, слушая своихъ собесѣдниковъ и отвѣчая имъ только нѣмыми улыбками кстати и некстати.—Я не долженъ обойти молчаніемъ присутствовавшаго на аудіэнціяхъ Сердаря Ширъ-Али-хана, брата эмира. Никогда я не замѣчалъ, чтобы онъ возвысилъ голосъ, или разгорячился во время спора. Въ то время когда Казій визжалъ, какъ повѣшенный за языкъ, когда даже некраснорѣчивый Везиръ захлебывался потокомъ своихъ рѣчей.—Сердарь Ширъ-Али-ханъ очень рѣдко вставлялъ свое слово; но за то его сужденія были всегда здравы. Его сановитая простота обращенія и искренность рѣчи производили пріятный контрастъ съ сладкоглаголивой фигурой Казія и низкопоклоннымъ Везиромъ.

Наконецъ аудіэнція была прекращена. Отъѣздъ миссіи былъ назначенъ эмиромъ на слѣдующій день, т. е. 19-го января.

Спустя нѣсколько времени послѣ аудіэнціи, въ нашу квартиру пришелъ Везиръ. Онъ привезъ подарки, которые жаловалъ эмиръ отъѣзжающимъ членамъ миссіи. Подарки состояли изъ кашемировыхъ шалей. Каждый членъ миссіи получилъ по двѣ шали, за исключеніемъ генер. Разгонова, получившаго 4 шали. Кромѣ того эмиръ подарилъ Малевинскому и тѣ древнія монеты, изъ за которыхъ онъ поссорился было съ Везиромъ. Но я не получилъ подарковъ, «такъ какъ», говорилъ Везиръ, «эмиръ-сайбъ оставляетъ доктора-саиба при себѣ и потомъ, при отъѣздѣ его изъ Авганистана, будетъ благодарить его за труды особо».

Отъѣзжающіе члены миссіи въ тотъ же день стали готовиться въ путь, а я былъ снова позванъ къ эмиру. Я нашелъ его сидящимъ на полу, на которомъ поверхъ ковровъ былъ постланъ тюфякъ, а

а на тюфякѣ—медвѣжій мѣхъ. Эмиръ сильно жаловался на боль въ лѣвой подколѣнной впадинѣ и въ лодыжкѣ. Лодыжка казалась нѣсколько опухшею, t^o ея была слегка повышена. Во время осмотра и изслѣдованія больной ноги эмиръ громко стоналъ. Теперь я имѣлъ достаточныя данныя, чтобы рѣшить, что эмиръ боленъ суставнымъ ревматизмомъ. Я намазалъ лодыжку хлороформною мазью и снова забинтовалъ ногу фланелью съ ватой. Внутрь я назначилъ было хининъ съ опіемъ, но эмиръ лишь только узналъ, что это «кунейнъ» (хининъ)—какъ на отрѣзъ отказался отъ принятія этого средства. Салициловокислыхъ солей я не могъ предложить больному, такъ какъ не имѣлъ ихъ въ своемъ распоряженіи. Вскорѣ, однако, боль стихла, эмиръ успокоился и я былъ отпущенъ домой.

Среди общей суеты и сборовъ въ дорогу отъѣзжавшихъ членовъ миссіи я ходилъ точно самъ не свой. На мнѣ ужасно тяжело отозвалось рѣшеніе Разгонова—оставить меня въ Мазари-Шерифѣ. Но теперь было очевидно, что я долженъ былъ остаться. Эмиръ дѣйствительно былъ боленъ. Нельзя же было оставить его безъ медицинской помощи, хотя онъ и имѣлъ цѣлую толпу своихъ врачей.

Къ довершенію моего горя меня покидалъ мой деньщикъ, человѣкъ весьма надежный, честный, услужливый. Онъ сослужилъ мнѣ добрую службу, когда оставался въ Кабулѣ. Всѣ мои вещи, вьючный скарбъ и лошадей я оставилъ тамъ подъ его присмотромъ; и я долженъ сказать, что все сохранилось въ наилучшемъ видѣ. Всѣ члены миссіи очень лестно отзывались о заботливости и радѣніи моего деньщика о добрѣ своего отсутствовавшаго господина. Разгоновъ въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ написалъ про него даже цѣлый хвалебный дифирамбъ. И вотъ этого-то человѣка я долженъ былъ отпустить въ Ташкентъ, и въ такое время, когда его услуги могли сдѣлаться для меня наиболѣе нужными и цѣнными. Но я долженъ былъ отпустить его, такъ какъ еще въ августѣ мѣсяцѣ 1878 г. срокъ его службы кончился и всѣ его сослуживцы были уже распущены по домамъ въ безсрочный отпускъ. Онъ также кончилъ свою службу и могъ воспользоваться отпускомъ. Эта причина была, впрочемъ, легко устранима, такъ какъ настоящая экспедиція считалась за военный походъ, слѣдовательно, сроки службы не имѣли никакого значенія. Но удерживать его долѣе въ Авганистанѣ было бы жесто-

костью съ моей стороны. Съ покорностью своей долѣ, характеризующею нашего славнаго и честнаго солдата, мой деньщикъ только робко просилъ меня, нельзя ли отпустить его съ отъѣзжающей миссіей, «такъ какъ здѣсь», по его выраженію, «онъ совсѣмъ изнылъ, сердце изболѣлось по родинѣ». Конечно, я не могъ насильно удерживать этого великолѣпнаго человѣка при себѣ. Я снарядилъ его, далъ ему коня съ полнымъ приборомъ, немного денегъ и отпустилъ, повторяю, съ искреннимъ сожалѣніемъ.

Утромъ 19-го января всѣ отъѣзжающіе члены миссіи были уже совсѣмъ готовы къ выступленію и ожидали только приглашенія отъ эмира. Вскорѣ пришли Везиръ и Гуламъ-Гайдаръ-ханъ (адъютантъ эмира) съ извѣщеніемъ, что эмиръ-саибъ ожидаетъ миссію. Всѣ мы, уѣзжающіе и остающіеся, отправились къ эмиру въ дорожномъ платьѣ.

На дворѣ было пасмурно. Ночью выпалъ небольшой дождь, смѣнившійся утромъ рѣдкимъ рыхлымъ снѣгомъ. Воздухъ былъ сырой и холодный. При выходѣ изъ комнаты на дворъ чувствовался непріятный ознобъ, сопровождаемый нервной дрожью. Тяжелыя свинцово-сѣрыя облака заволокли все небо и скрыли отъ глазъ возвышавшіяся на югѣ снѣжныя вершины Паропамиза. Свѣжій, западный вѣтеръ уныло шумѣлъ и свистѣлъ среди оголенныхъ, узловатыхъ вѣтвей великановъ-чинаровъ. Изрѣдка тоскливо крикнетъ ворона, да пролетитъ стрекоча сорока-щепетуха; вотъ заоралъ ишакъ какъ то уныло, протяжно... Зима! Наконецъ-то. А то я ужь думалъ, что мнѣ въ этомъ году совсѣмъ не удастся увидать лица зимы, этой дорогой старушки родины...

Эмиръ полулежалъ на тюфякѣ въ той комнатѣ, гдѣ онъ обыкновенно давалъ миссіи аудіэнціи. Возлѣ него находились два туземныхъ врача. Одинъ изъ нихъ былъ знакомый мнѣ Ахунъ-саибъ, другой же былъ мнѣ неизвѣстенъ. Этотъ послѣдній поддерживалъ надъ мѣднымъ тазомъ ногу эмира, обернутую въ кисею, а Ахунъ постоянно обливалъ ее ледяной водой. На мой вопросъ, зачѣмъ эмиръ обливаетъ ногу, онъ объявилъ, что эту операцію онъ продѣлываетъ по совѣту Ахуна, такъ какъ боль въ ногѣ утромъ этого дня возобновилась, что обливаніе ледяной водой продолжалось уже нѣсколько часовъ и, что теперь онъ не чувствуетъ въ ногѣ никакой боли.

Я посовѣтовалъ эмиру обращаться съ ледяной водой какъ можно осторожнѣе, предупреждая, что отъ неумѣреннаго примѣненія этого способа болѣзнь можетъ усилиться, несмотря на временное, кажущееся улучшеніе и уменьшеніе боли. Тѣмъ болѣе я настаивалъ на осторожномъ обращеніи съ ледяными обливаніями, что устройство мѣстныхъ домовъ, какъ видѣлъ уже читатель, представляетъ полнѣйшую свободу для образованія въ комнатѣ сквознаго вѣтра. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что простудныя заболѣванія здѣсь, въ Средней Азіи, при извѣстной мягкости климата (зимою), обусловливаются именно дурнымъ устройствомъ домовъ, главнымъ образомъ—господствующимъ въ нихъ сквознякомъ. Этимъ заболѣваніямъ способствуетъ въ значительной степени и способъ отапливанія комнатъ посредствомъ «мангаловъ»: лучистая теплота мангаловъ нагрѣваетъ одну поверхность тѣла, а на другую сторону тѣла въ то же время дѣйствуетъ холодный сквозной вѣтеръ. На одной изъ аудіэнцій я возобновилъ себѣ, такимъ образомъ, мышечный ревматизмъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній я положительно совѣтовалъ эмиру оставить обливаніе ледяной водою, замѣнивъ его растираніемъ льдомъ и послѣдующимъ завертываніемъ въ шерсть.

— Я охотно бы отказался отъ обливанія водой, отвѣчалъ мнѣ эмиръ, если бы его можно было замѣнить другими средствами, столь же хорошо успокоивающими боль.

Я предложилъ нѣкоторыя средства, но эмиръ нетерпѣливо отвергъ мои предложенія, сказавъ, что онъ чувствуетъ теперь себя хорошо.

Прощаясь съ миссіей, эмиръ выразилъ надежду, что она благополучно пріѣдетъ въ Ташкентъ. Затѣмъ онъ назвалъ имена членовъ авганскаго посольства, отправлявшагося вмѣстѣ съ нашей миссіей. Посольство состояло изъ 3-хъ лицъ: 1) Сердаря-Ширъ-Али-хана, двоюроднаго брата эмира; 2) Везира-Шахъ-Магометъ-хана (Министра иностранныхъ дѣлъ) и 3) Казія Абдулъ-Кадера. Къ нимъ прикомандированъ былъ и прежній посолъ, Мирза-Магометъ-Хассанъ-ханъ.

— Моимъ посламъ прошу вѣрить, какъ самому мнѣ, говорилъ эмиръ. Чтобы они ни говорили,—знайте, что это все равно, какъ если бы я самъ, лично, говорилъ вамъ.

На вопросъ генерала Разгонова, кого эмиръ дѣлаетъ старшимъ членомъ посольства, получился слѣдующій отвѣтъ:

— Всѣ они равны, но вести переговоры съ генераломъ Кауфманномъ будетъ Казій, черезъ г. Малевинскаго.

Такимъ образомъ Казій de facto дѣлался первенствующимъ лицомъ посольства, что, какъ я замѣтилъ, было несовсѣмъ пріятно для остальныхъ членовъ посольства, особенно для Везира и Ширъ-Али-хана.

Затѣмъ, обратясь къ генералу Разгонову, эмиръ сказалъ:

— Передайте генералу Кауфманну мои симпатіи къ Россіи; только отъ нея одной я и жду помощи. Вы знаете настоящее состояніе Авганистана такъ же хорошо, какъ и я самъ: я отъ васъ ничего не скрывалъ. Изъ за дружбы съ Россіею я разорилъ свое государство. Я передаю въ ея руки ключи отъ воротъ въ Индію; отъ нея зависитъ взять ихъ или нѣтъ. Пусть Русскій Царь смотритъ на мое государство, какъ на часть своей имперіи. Только Великаго Русскаго Императора я считаю своимъ покровителемъ. Хорошо будетъ Авганистану—хорошо и Россіи. Разореніе же Авганистана есть бѣдствіе для самой Россіи. Теперь, если мнѣ откажетъ Россія въ своей помощи, честь моя (лицевая вода) пострадаетъ...

Генералъ Разгоновъ обратился къ эмиру, между прочимъ, съ вопросомъ: можно ли будетъ послать въ Петербургъ хотя одного изъ его пословъ, если бы ген. Кауфманнъ призналъ это необходимымъ?

— Если нужно будетъ послать въ Петербургъ, то пошлите всѣхъ, а не одного, отвѣчалъ эмиръ. Впрочемъ, было бы лучше, если бы прежде поѣздки ихъ въ Петербургъ, высланъ былъ въ Ширъ-абадъ наблюдательный отрядъ.

Разгоновъ не могъ дать на это мнѣніе никакого опредѣленнаго отвѣта, а потому вопросъ о поѣздкѣ въ Петербургъ одного изъ авганскихъ пословъ остался невыясненнымъ.

Узнавъ, что Замаанъ-бекъ остается въ Мазари-Шерифѣ и видя, что онъ очень опечаленъ этимъ обстоятельствомъ,—эмиръ сталъ его утѣшать, просилъ не скучать, говоря, что онъ насколько возможно постарается доставить остающимся членамъ миссіи всевозможныя развлеченія.

Наконецъ аудіэнція кончилась. Авганскіе послы были снабже-

ны отъ эмира Ширъ-Али-хана вѣрящимъ письмомъ къ ген. Кауфману. Вотъ содержаніе письма:

«Вскорѣ послѣ моего прибытія въ Мазари-Шерифъ я получилъ три Ваши дружескія письма, помѣченныя соотвѣтственно 8, 13 и 17 числа мѣс. могаррема (20, 23 и 25 декабря 1878 г.) [1]). Я прочелъ ихъ и понялъ ихъ содержаніе. Пріятныя выраженія, содержащіяся въ Вашемъ письмѣ отъ 17 могаррема усладили небо моего желанія, а благоуханія царскихъ милостей Его Величества Императора, а также и желаніе имѣть радостное свиданіе съ Вами—укрѣпили мое намѣреніе посѣтить Россію. Я рѣшилъ было вскорѣ отправиться по своему назначенію, такъ какъ послѣ совѣщанія съ посломъ Славнаго правительства, я далъ знать о моемъ намѣреніи Его Величеству эмиру Бухарскому, но по волѣ Божіей я внезапно заболѣлъ катарромъ и припадкомъ падагры, и теперь пользуюсь совѣтами русскаго доктора и моихъ врачей. Это обстоятельство воспрепятствовало мнѣ продолжать путешествіе.

«Такъ какъ время уходитъ, то я далъ разрѣшеніе послу возвратиться и послалъ, со всею поспѣшностью, въ Ташкентъ представителей и министровъ богоданнаго правительства: моего брата Сердаря Ширъ-Али-хана, Шахъ-Магометъ-хана и Кази-Абдулъ-Кадеръ-хана, которые должны безъ замедленія представиться Вамъ, словесно представить Вамъ состояніе здѣшнихъ дѣлъ и напомнить Вамъ то мѣсто Вашего письма, которое доставило мнѣ увѣреніе въ томъ, что Его Императорское Величество Государь потребовалъ согласія Британскаго правительства признать независимость Авганистана и что британскіе министры дали послу вашему въ Лондонѣ завѣреніе въ томъ, что они не будутъ вмѣшиваться въ то, что касается независимости Авганистана. Но англичане, несмотря на это согласіе и увѣреніе, подвинулись отъ Ширъ-абада до Джелалабада и отъ Пишина до Кандахара, отчетъ о каковыхъ событіяхъ министры богоданнаго правительства дадутъ Вамъ въ подробностяхъ. Я надѣюсь, что Вы примите за вѣрное все то, что мои министры изложатъ Вамъ касательно

---

[1]) Этого письма въ «дипломатической перепискѣ» между ген. Кауфманомъ и эмиромъ Ширъ-Али-ханомъ не имѣется. Поэтому я привожу его въ переводѣ съ англійскаго. Correspondence, inclosure 50 in № 1.

дѣлъ нашего богоданнаго правительства, и милостиво отпустите ихъ, безъ дальнѣйшаго промедленія, удовлетворивъ ихъ ходатайство.

«Да будетъ Вамъ извѣстно, что я очень доволенъ благородными качествами и хорошимъ поведеніемъ генерала Разгонова и его спутниковъ. Дѣйствительно, генералъ—добросовѣстный и способный офицеръ Славнаго правительства и доброжелатель нашего богоданнаго правительства».

Когда мы вышли отъ эмира, непогода разыгралась какъ слѣдуетъ, по зимнему. Густой снѣгъ валилъ хлопьями и покрывалъ землю уже толстымъ слоемъ. Авганскіе послы нисколько не были смущены дурной погодой; напротивъ, по ихъ понятіямъ выпавшій снѣгъ передъ отправленіемъ въ путь означаетъ хорошее предзнаменованіе. Не страшила эта непогода и нашу миссію; напротивъ, она казалась миссіи прекрасною—такъ сильно было желаніе ея поскорѣе уѣхать изъ Авганистана, который надоѣлъ всѣмъ членамъ ея, по выраженію Разгонова, выше горла. Только для меня и для Замаанъ-бека этотъ день казался ужаснымъ, но не потому, чтобы намъ грозила возможность подвергнуться въ пути непріятному дѣйствію снѣга и дождя, а напротивъ потому, что мы имѣли возможность укрыться отъ непогоды, оставаясь здѣсь, въ этомъ тепломъ, насиженномъ гнѣздѣ. Я довольно хорошо переношу всякія невзгоды въ жизни, но, признаюсь, въ эти минуты, я чувствовалъ себя очень несчастнымъ...

— Не горюйте, Замаанъ-бекъ—говорилъ ему Разгоновъ, когда тотъ понуря голову сидѣлъ у камина и чисто механически, даже не мигая, смотрѣлъ на красные языки трескучаго пламени,—вѣдь вамъ недолго придется пробыть здѣсь. Я даю вамъ мое слово, что лишь только я пріѣду въ Ташкентъ, первымъ моимъ словомъ ген. Кауфманну будетъ просьба объ отозваніи васъ отсюда.

Но Замаанъ-бекъ не внималъ словамъ генерала и безучастно смотрѣлъ въ самый центръ пылавшаго очага. Онъ ни наканунѣ, ни въ этотъ день, почти ничего не ѣлъ. Я, несмотря на то что самъ чувствовалъ себя далеко не благодушно, старался развлечь его шутками, увѣряя, что если онъ не будетъ ѣсть сегодня обѣдъ, то завтра принужденъ будетъ съѣсть нѣсколько порцій хинина, такъ какъ ему непремѣнно сдѣлаетъ визитъ лихорадка.

Наконецъ возня сборовъ въ дорогу, вьючка животныхъ и всевоз-

можные хлопоты по снаряженію стали подходить къ концу. Лошади были осѣдланы и, нетерпѣливо ударяя копытами, ждали своихъ сѣдоковъ. Вотъ Разгоновъ и прочіе, ѣхавшіе съ нимъ члены миссіи, въ послѣдній разъ пожали намъ руки, пожелали намъ всего хорошаго, сѣли на лошадей и медленно потянулись длинной вереницей вонъ изъ нашего жилища. Я и Замаанъ-бекъ остались одни...

Сначала разговоръ между нами какъ то не клеился; у того и другаго въ головѣ роились невеселыя мысли. Въ теченіи двухъ-трехъ часовъ рѣдко-рѣдко слышалась отрывистая фраза, переброшенная отъ одного къ другому. Но потомъ наступила реакція и рѣчь сдѣлалась болѣе непринужденною. Появились надежды и предположенія о томъ, какъ скрасить нашу предстоящую, невеселую жизнь. Принято было рѣшеніе—отнюдь не сидѣть въ 4-хъ стѣнахъ помѣщенія, какъ это было при Разгоновѣ, а отъ времени до времени дѣлать прогулки и поѣздки по окрестностямъ города. Система Столѣтова, преемственно удержанная Разгоновымъ—бояться сдѣлать лишній шагъ за стѣны нашего глинянаго квадрата,—была нами осуждена безповоротно. На первый разъ мы рѣшили съѣздить въ Тахтапуль или Балхъ.

Во весь этотъ день, а также и въ слѣдующій, эмиръ меня къ себѣ не звалъ. Такимъ образомъ предположеніе, что мнѣ придется, чего добраго, розыгрывать смѣшную роль придворнаго врача безъ паціента—повидимому начинало сбываться.

За то вольноприходящіе больные туземцы съ каждымъ днемъ приходили ко мнѣ все въ большемъ и большемъ количествѣ. Все утро каждаго дня я посвящалъ на пріемъ этихъ больныхъ. Все число перебывавшихъ у меня больныхъ такъ велико, что можетъ дать порядочный матеріалъ для мѣстной медицинской географіи. Какъ врачебный совѣтъ, такъ и лекарства давались мною больнымъ безвозмездно. У меня устроилась настоящая амбулаторія. Если читатель желаетъ познакомиться съ нею, то я попрошу его отправиться вмѣстѣ со мной на одинъ изъ утреннихъ пріемовъ.

Смотрите—вотъ изнуренный лихорадкою больной, съ лицомъ лимонно-желтаго цвѣта, съ землистымъ оттѣнкомъ; у него селезенка и печень огромныхъ размѣровъ; ступни ногъ слегка отечны; глаза, обезцвѣченные и потускнѣвшіе отъ долгаго страданія, умоляютъ васъ о

помощи. Двѣ-три драхмы хорошаго хинина положительно воскрешаютъ больнаго. А вотъ, рядомъ съ нимъ, стоитъ чахоточный, которому уже ничто не можетъ помочь въ этомъ мірѣ. Немного подальше стоитъ поклонникъ Венеры; у него на тѣлѣ сифилитическія эктимы; въ зѣвѣ нѣтъ язычка; тоже угрожаетъ и небнымъ дужкамъ. Вотъ такой же субъектъ съ пораженіемъ костей и волосъ.

Проходя далѣе по импровизированной амбулаторіи мы встрѣчаемся съ разными, и притомъ очень многочисленными, воспалительными болѣзнями глазъ, начиная отъ гнойной, переходя затѣмъ къ катарральнымъ и трахоматознымъ конъюнктивитамъ, различнымъ кератитамъ, иритамъ и кончая панофталміей. Но вотъ и субъектъ съ чистыми прозрачными глазами, не ощущающими однако ни одного луча свѣта. Изслѣдуя его, вы находите «главкому», имѣющую хроническое теченіе и подивившись, что здѣсь можно встрѣтить такую интересную, но рѣдкую болѣзнь, отходите прочь, такъ какъ за невозможностью сдѣлать операцію иридектоміи, вы ничего не можете сдѣлать для больнаго. Я кончаю свою визитацію наблюденіемъ болѣзней костей, мышцъ, сочлененій и катарровъ различныхъ слизистыхъ оболочекъ.

Въ одинъ изъ пріемныхъ дней ко мнѣ пришелъ больной, заслуживающій особеннаго вниманія. Это былъ мальчикъ, лѣтъ 10, лицо котораго до того было обезображено волчанкой (lupus), что смотрѣть на него было жутко. Замаанъ-бекъ, всегда сопутствовавшій мнѣ при осмотрахъ больныхъ, такъ и не смотрѣлъ на больнаго, а разспрашивалъ его, повернувшись къ нему бокомъ. Да, лицо мальчика дѣйствительно было ужасно. Отъ носа остались двѣ дыры, обрамленныя свѣжеобразовавшимся рубцомъ. Этотъ свѣжеобразовавшійся рубецъ, мѣстами изъязвленный, покрывалъ и часть лба между бровями и корнемъ носа. Ротъ—невѣроятныхъ размѣровъ, вслѣдствіе того что язва захватила весь правый его уголъ и съѣла десны, такъ что зубы можно было выбрать изъ челюсти рукой; налѣво язва доходила до нижняго вѣка, задавалась далѣе и обусловила язвенное воспаленіе роговой оболочки глаза; этотъ глазъ былъ уже потерянъ для больнаго. Печально и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно смотрѣлъ одинокій правый глазъ. Впрочемъ слово страшно—не совсѣмъ вѣрно; скорѣе—со страхомъ за свою участь: язва подходила и къ нему и уже начала выворачивать нижнее вѣко. Изо рта несчастнаго постоянно текла слюна,

незадерживаемая разрушенными губами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поверхность язвы была покрыта тонкимъ слоемъ жидкаго, серознаго гноя; края язвы крайне атоничны, безжизненны.—Я сдѣлалъ для этого страдальца все, что могъ.

Меня стали посѣщать и больныя женщины.

Зная какъ ревниво туземцы оберегаютъ свой гаремъ и своихъ женщинъ отъ взглядовъ постороннихъ лицъ, а особенно европейцевъ, зная ихъ крайнюю подозрительность въ этомъ отношеніи и фанатизмъ, а съ другой стороны—имѣя въ виду послѣдствія донжуанства первыхъ англичанъ въ Авганистанѣ, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный Бёрнсъ, послѣдствія, вызвавшія первую англійскую катастрофу въ Кабулѣ—я озаботился обставить мой пріемъ больныхъ женщинъ такими условіями, чтобы въ туземцахъ не могло зародиться и тѣни подозрѣнія и обвиненія какъ своихъ женъ, такъ и меня въ чемъ либо совершенно постороннемъ медицинѣ и леченію болѣзней. Поэтому я осматривалъ женщинъ обыкновенно въ присутствіи дежурнаго авганскаго часоваго. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было изслѣдовать грудь, животъ, голыя части тѣла, я приглашалъ больную въ разбитую среди двора палатку. Вмѣстѣ съ больной въ палатку я *непремѣнно* бралъ родственника больной—ея мужа, отца и т. п., дежурнаго часоваго и завѣдующаго нашей резиденціей Маметъ-Динъ-хана. Такими мѣрами я достигъ того, что больныя туземки почти нисколько меня не стѣснялись, а мужья ихъ, братья и отцы кромѣ благодарности не чувствовали ко мнѣ ничего. Со временемъ число приходящихъ женщинъ значительно возросло. Большая часть изъ нихъ имѣла наружныя болѣзни,—разныя сыпи, не мало было между ними и съ воспаленіемъ глазъ [1]).—Нѣкоторыя изъ женщинъ были очень красивы. Разъ ко мнѣ обратились за совѣтомъ для одной трудно рожавшей женщины. Роды требовали оперативнаго пособія и я предложилъ

---

[1]) Съ тѣхъ поръ какъ я узналъ, что дома туземцевъ отапливаются „по черному“,—я болѣе ужь не удивлялся, что встрѣчалъ здѣсь такъ много больныхъ воспаленіемъ глазъ. Въ глазной клиникѣ Казанскаго Университета наибольшее число больныхъ съ воспалительными болѣзнями глаза, собственно вѣкъ и слизистой оболочки, доставляло населеніе инородческихъ мѣстностей Поволжья, у которыхъ болѣе чѣмъ гдѣ либо сохранился „черный“ способъ отапливанія домовъ.

свои услуги, но онѣ были категорически отвергнуты родственниками родильницы.

Я долженъ замѣтить, что не встрѣтилъ здѣсь, въ авганскомъ Туркестанѣ, ни одного больнаго съ зобомъ или ршитой (filaria medinensis), такъ распространенныхъ въ Ферганѣ (первая форма) и въ бассейнѣ Туркестанскаго и Самаркандскаго горныхъ хребтовъ (вторая форма). О «махао» (родъ проказы—elephanthiasis arabum?) я даже не слыхалъ, но съ такъ называемой «сартовской язвой» (родъ лишая) я имѣлъ больныхъ довольно много [1]).

21-го января посланный отъ эмира пришелъ ко мнѣ очень рано. Было только еще 6 час. утра. Онъ объявилъ, что эмиръ-саибъ зоветъ меня къ себѣ.

Я тотчасъ же одѣлся и, сопровождаемый обычнымъ конвоемъ изъ авганскихъ пѣхотинцевъ и Замаанъ-бекомъ, отправился къ эмиру.

Я нашелъ Ширъ-Али-хана въ той же комнатѣ, въ которой онъ давалъ миссіи аудіэнціи. Онъ полулежалъ на постланомъ на полу матрацѣ (матрацъ былъ покрытъ мѣховымъ одѣяломъ, на которомъ лежало нѣсколько круглыхъ подушекъ); онъ былъ полуодѣтъ; больная нога была не забинтована, обнажена; на ней замѣчались корки какой-то черной засохшей мази, которая была предложена туземными врачами и состояла, по ихъ словамъ, изъ яичныхъ бѣлковъ и цвѣтовъ розы.—Эмиръ жаловался на боль въ подколѣнной ямкѣ; боль, по его словамъ, какъ бы опускалась отсюда внизъ, по направленію главныхъ сосудовъ и нервовъ и доходила до самыхъ оконечностей пальцевъ. Онъ жаловался также на сильный холодъ въ больной ногѣ, говоря, что она какъ бы онѣмѣла. Вслѣдствіе сильной боли холодный потъ струился по лицу и шеѣ эмира.

Когда нога была очищена отъ корокъ мази, я осмотрѣлъ ее. Она имѣла слѣдующій видъ: цвѣтъ кожи былъ нѣсколько бѣловатъ, точно нога совсѣмъ лишена была крови; икра нѣсколько опухла. На ощупь нога была холодна какъ ледъ, но только до колѣна; выше колѣна да и самое колѣно были нормальной температуры. Я пробовалъ было нащупать пульсъ въ тыльной артеріи стопы (arteria dorsalis

---

[1]) Поименованныя 4 болѣзненныя формы составляютъ принадлежность вообще мѣстностей по Сыръ-Дарьѣ и Аму-Дарьѣ (къ сѣверу отъ послѣдней).

pedis) или въ задней большеберцовой (arteria tibialis postica) въ томъ мѣстѣ, гдѣ она проходитъ подъ внутренней лодыжкой, но напрасно. Точно также и въ артеріи подколѣнной (arteria poplitaea) я не могъ прощупать пульса. Взявши для сравненія здоровую (правую) ногу эмира, я могъ совершенно свободно прощупать пульсъ въ вышепоименованныхъ кровеносныхъ сосудахъ.

Итакъ осмотръ больной ноги заставлялъ меня предположить мѣстную остановку кровообращенія. Теперь вопросъ состоялъ въ томъ: какая была причина этой остановки?—Я тщательно разспрашивалъ эмира о томъ, не имѣлъ ли онъ случая нанести больной ногѣ какое либо механическое насиліе, но получилъ на это отрицательный отвѣтъ. Поэтому выбирая, какъ причину остановки кровообращенія, между ущемленіемъ и тромбозомъ подколѣнной артеріи, скорѣе всего можно было предположить послѣднее. Но каковъ характеръ тромбоза?—На этотъ вопросъ въ данное время я отвѣтить не могъ. Но я очень хорошо помнилъ одинъ случай изъ госпитальной практики въ клиникѣ Казанскаго Университета (покойн. проф. Никольскаго), гдѣ у больнаго въ продолженіи нѣсколькихъ дней отсутствовалъ пульсъ и въ лучевой, и въ плечевой артеріи лѣвой руки, и, тѣмъ не менѣе, кровообращеніе потомъ вполнѣ возстановилось. Въ этомъ случаѣ причина остановки кровообращенія была механическая, именно сильный ушибъ плеча. Проф. Никольскій объяснялъ тогда подобное явленіе слѣдующимъ образомъ. Механическое насиліе, подѣйствовавшее на плечо, обусловило разрывъ внутренней оболочки артеріи, вслѣдствіе чего она и закупорилась. Но при этомъ существовало окольное (коллатеральное) кровообращеніе, что доказывалось тѣмъ, что рука, хотя и была гораздо холоднѣе здоровой (правой), но все же температура ея была выше окружающей среды.

Между тѣмъ въ данномъ случаѣ нога эмира была, повидимому, лишена и окольнаго кровообращенія, такъ какъ была очень холодна. Эмиръ очень жаловался на сильную боль въ подколѣнной ямкѣ. Я тщательно ощупалъ ее, но ничего не могъ нащупать. Затѣмъ, повторяю, эмиръ категорически отрицалъ какое либо механическое насиліе. Значитъ, трудно было мнѣ предположить здѣсь какъ причину остановки кровообращенія ущемленіе и разрывъ внутренней оболочки подколѣнной артеріи. Болѣе вѣроятія было въ томъ предположеніи, что

я имѣлъ передъ собой тромбозъ артеріи вслѣдствіи свертыванія крови, какъ въ главномъ стволѣ, такъ и въ развѣтвленіяхъ его. Предположеніе — крайне неутѣшительное; скажу болѣе—безотрадное, безнадежное!

Теперь мнѣ необходимо было рѣшить другой вопросъ: когда произошла закупорка артеріи?—Въ послѣдній разъ я видѣлъ больнаго 18-го января; тогда нога не представляла и признаковъ тромбоза; напротивъ, она имѣла нѣкоторые признаки ревматическаго страданія. Значитъ, закупорка произошла въ промежутокъ времени отъ 18 до 21 января.

Какая же ближайшая причина тромбоза? Что обусловило это страшное осложненіе болѣзни?—на всѣ эти вопросы, я могъ дать отвѣтъ опять таки только въ формѣ предположенія.

Я думаю, что сосудистая система эмира представляла болѣе или менѣе значительныя измѣненія атероматознаго свойства, хотя объективныхъ признаковъ и не существовало; состояніе сосудистой системы и сердца не давало въ этомъ отношеніи никакихъ указаній. Видимыхъ простымъ глазомъ, атероматозныхъ измѣненій кровеносныхъ сосудовъ въ наружныхъ и легко доступныхъ частяхъ тѣла, какъ напр. въ рукѣ, на головѣ—я не замѣтилъ. Но, съ другой стороны, я не могъ совершенно отрицать возможности такого измѣненія сосудовъ. За это говорили слѣдующія данныя: 1) извѣстный возрастъ— эмиру было 57 лѣтъ; 2) эмиръ сильно и долго злоупотреблялъ спиртными напитками. А разъ допускалась возможность атероматознаго измѣненія сосудовъ, слѣдующее обстоятельство получало громадное значеніе. Это—продолжительное и очень сильное искусственное охлажденіе ноги. Обливаніе ноги ледяной водой въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ сряду, можетъ быть повторенное и въ послѣдующіе дни (я не знаю, меня къ эмиру не звали и не спрашивали моего мнѣнія; напротивъ, когда я посовѣтовалъ эмиру остановить обливаніе ноги, то мой совѣтъ не былъ принятъ во вниманіе),—это обливаніе и могло въ данномъ случаѣ вызвать остановку кровообращенія путемъ ли спазма сосудовъ, или вслѣдствіе полнаго паралича ихъ—что одинаково вредно могло отозваться на состояніи крови въ конечности.

Понятно, мнѣ хотѣлось болѣе вѣрить, что я имѣю передъ собою временную остановку кровообращенія. Только въ этомъ случаѣ я и

могъ что либо сдѣлать, такъ какъ въ случаѣ остановки кровообращенія отъ свертыванія крови, ничего нельзя сдѣлать и вся терапія сводится къ нулю. Поэтому все, что я въ данномъ случаѣ сдѣлалъ съ больнымъ членомъ, сводилось къ усиленію кожнаго кровообращенія. Я слегка растеръ кожу ноги вератриннымъ спиртомъ и затѣмъ завернулъ въ шерстяное. Послѣ этой манипуляціи эмиръ сказалъ, что нога какъ будто стала согрѣваться. Однако сильная боль въ подколѣнкѣ все продолжалась. Пришлось прибѣгнуть къ наркотическимъ средствамъ. Но тутъ произошло недоразумѣніе между эмиромъ и мною. Когда я предложилъ ему порошки изъ морфія, то онъ, узнавъ, что это морфій,—на отрѣзъ отказался отъ нихъ. Окружавшіе эмира люди и туземные врачи всѣмъ хоромъ одобрили этотъ отказъ.

— Морфій, сказалъ эмиръ,—«сухое горячее» средство; а мой темпераментъ также «сухой—горячій»; поэтому мнѣ вредно принимать морфій.

Здѣсь, мнѣ кажется, умѣстно познакомить читателя съ современнымъ состояніемъ туземной врачебной науки въ Средней Азіи.

Нужно замѣтить, что авганцы, какъ и всѣ средне-азіатцы, въ своемъ міровоззрѣніи придерживаются метафизическихъ доктринъ. Они думаютъ, что въ мірѣ дѣйствуютъ 4 силы: тепло, холодъ, сухость и влажность. Сочетанія этихъ силъ въ разныхъ пропорціяхъ обусловливаютъ тѣ или другія міровыя явленія, будетъ ли это въ области чисто физическихъ явленій или же здѣсь заинтересована и человѣческая психика.

Совершенно естественно, что та же метафизичность господствуетъ и въ туземной медицинѣ. Различныя сочетанія 4-хъ названныхъ силъ или элементовъ обусловливаютъ ихъ пользу или вредъ для человѣка. Мало того, даже и самый темпераментъ человѣка есть ничто иное какъ пропорціональная сумма этихъ силъ, поскольку онѣ входятъ въ образованіе его души и тѣла, словомъ организма. Они говорятъ, что если человѣкъ нервенъ, горячъ, то въ образованіи его участвуютъ силы: теплота и сухость—въ большей пропорціи, чѣмъ холодъ и влажность. Въ человѣкѣ флегматичномъ, неповоротливомъ преобладаютъ силы противоположныя первымъ.

Сообразно съ этимъ опредѣленіемъ темпераментовъ туземные врачи раздѣляютъ весь родъ человѣческій на 4 категоріи:—сухихъ, горя-

чихъ, холодныхъ и мокрыхъ людей. Но всегда, или въ значительномъ большинствѣ случаевъ, въ человѣкѣ преобладаютъ, по ихъ ученію, какія либо двѣ силы или два элемента, которые и сообщаютъ его натурѣ тотъ или другой физическій и моральный обликъ. Чаще всего въ человѣкѣ элементы распредѣляются такимъ образомъ: сухость болѣе уживчива съ тепломъ; наоборотъ, влажность—обыкновенная спутница холода. Ставъ на почву такой классификаціи, авганцы себя опредѣляютъ какъ народъ сухой-горячій. Европейцевъ же, «фиринджисовъ», они называютъ холодными-мокрыми.

При всей метафизичности этой классификаціи нельзя не усмотрѣть въ ней нѣкоторой реальной подкладки. Вѣдь, конечно, тепло обусловливаетъ сухость, а холодъ—влажность. Стоитъ только взглянуть на карту, чтобы понять происхожденіе этихъ, такъ сказать, космическихъ положеній философскаго міросозерцанія туземцевъ. Съ трехъ сторонъ Авганистанъ окруженъ безбрежными, безводными, раскаленными пустынями. Тутъ вездѣ очень сухо и чрезвычайно тепло. Наоборотъ, среди снѣжныхъ вершинъ Гинду-Куша очень холодно, но за то тамъ и влаги много. Затѣмъ—дикая, легко воспламеняющаяся натура авганца, въ связи съ легкостью и худощавостью его тѣлосложенія, даетъ ему право причислить себя къ категоріи людей «сухихъ-горячихъ». Европейцы же, съ которыми ему приходилось главнымъ образомъ имѣть сношенія, были Англичане, обладающіе, какъ извѣстно, флегматической, довольно неповоротливой натурой. Я не знаю, сдѣлали ли бы туземцы такое опредѣленіе для европейца, если бы увидѣли пламеннаго испанца, легкаго итальянца и подвижнаго француза.

Какъ я уже сказалъ выше, въ медицинѣ авганцы придерживаются тѣхъ же основныхъ понятій, что и въ своемъ философскомъ міровоззрѣніи на вселенную. Холодъ, тепло, влага и сухость [1]) своимъ дѣйствіемъ на человѣческій или вообще животный организмъ мо-

---

[1]) Достойно замѣчанія, что физіологія талмудистовъ также трактуетъ о 4-хъ силахъ, заправляющихъ жизнью природы; это: холодъ, теплота, сухость и влажность. Все существующее, по ученію талмудистской физіологіи, есть ничто иное, какъ варіаціи сочетаній четырехъ элементовъ: огня, воздуха, воды и земли. См. Исторія медицины д-ра Ковнера, въ «Кіевскихъ Университ. Извѣстіяхъ» за 1878 г., № 2.

гутъ обусловить для него пользу или вредъ. Если, напримѣръ, въ человѣческомъ организмѣ находится избытокъ холоднаго и влажнаго элементовъ, то нельзя назвать этотъ организмъ совершенно здоровымъ. Тоже должно сказать и объ организмѣ съ преобладаніемъ въ немъ сухаго и горячаго элементовъ. Отъ такого распредѣленія элементовъ въ организмѣ находится въ зависимости предрасположеніе его къ заболѣванію различными болѣзнями. Такъ, напримѣръ, «сухой-горячій» человѣкъ скорѣе можетъ заболѣть отъ дѣйствія соименныхъ силъ, т. е. отъ тепла и сухости, чѣмъ отъ противоположныхъ силъ; между тѣмъ какъ силы: холодъ и влажность—могутъ дѣйствовать на этотъ организмъ только благопріятнымъ образомъ.

Отъ такого міровоззрѣнія въ туземной патологіи и этіологіи до установленія теоріи терапіи больныхъ организмовъ—одинъ лишь шагъ. Въ самомъ дѣлѣ: если здоровье зависитъ отъ взаимнаго равновѣсія всѣхъ четырехъ силъ и если нездоровье есть слѣдствіе неравновѣсія этихъ силъ въ организмѣ, то принципъ терапіи является самъ собою. «Этотъ больной страдаетъ отъ избытка въ немъ жара и сухости—будетъ ли этотъ избытокъ результатомъ временнаго вліянія двухъ означенныхъ силъ, или же этотъ избытокъ находится въ основѣ организаціи даннаго человѣка—очевидно, что для излеченія его болѣзни нужно ввести въ него достаточное количество холоднаго и мокраго элементовъ». — Такъ разсуждаютъ авганскіе, да и вообще средне-азіатскіе, врачи. Сообразно съ этимъ они подраздѣляютъ всѣ лекарственныя средства на 4 категоріи: горячія, сухія, холодныя и влажныя. Морфій они относятъ къ числу средствъ «сухихъ» и, въ то же время, «горячихъ». Въ такомъ опредѣленіи мѣста для морфія въ туземной фармацевтической классификаціи нельзя не замѣтить реальной подкладки. Извѣстно — какъ дѣйствуетъ морфій на желудочно - кишечный каналъ. Но причисленіе къ той же категоріи и хинина является дѣломъ уже чисто произвольнымъ. И вотъ вслѣдствіе апріористическаго признанія горячительныхъ свойствъ за названными веществами авганскіе врачи не даютъ какъ морфія такъ и хинина ни въ горячкахъ, ни въ случаяхъ воспаленія различныхъ органовъ. Въ перемежающихся лихорадкахъ они, однако, даютъ хининъ. «Кунэйнъ» (хининъ) здѣсь очень извѣстенъ; иногда больной лихорадкою вмѣсто объясненія своей болѣзни прямо попро-

ситъ «кунэйна» [1]). Мускусъ («мюшкъ») считается также «горячимъ». И это до нѣкоторой степени понятно. Слабительныя называются «холоднымъ-мокрымъ» средствомъ, — тоже до нѣкоторой степени понятно почему они такъ названы. Но вотъ что уже совсѣмъ непонятно: вода—«холодное-мокрое» средство, но ледъ—«горячее-сухое!» Русскій чай, т. е. черный чай,—«сухое-горячее» вещество; зеленый же чай, идущій сюда изъ Индіи—«холодный-мокрый» [2]). Въ туземной классификаціи веществъ приходится очень часто встрѣчаться съ подобными диковинками.

Итакъ—вотъ почему эмиръ отказался отъ пріема морфія. Эта же причина отчасти заставила его отказаться и отъ растиранія ноги льдомъ въ замѣнъ обливанія ея ледяной водой.

Какъ можно! Ледъ—«сухое-горячее» вещество, а эмиръ самъ представляетъ «сухой-горячій» организмъ. Ergo—растираніе льдомъ вредно.

Въ этотъ день я былъ приглашаемъ къ эмиру 4 раза; послѣдній разъ я ходилъ къ нему въ 12 ч. ночи. На этотъ разъ я опять тщательно изслѣдовалъ больную ногу; при этомъ я постоянно сравнивалъ ее со здоровою.

Въ то время, когда я разсматривалъ здоровую ногу, туземные врачи съ иронической усмѣшкой увѣряли меня, что нога эта здорова, что ее нечего разсматривать и изслѣдовать. Я, конечно, не преминулъ имъ объяснить цѣль изслѣдованія здоровой ноги, но они продолжали подсмѣиваться надо мною. Имъ усердно вторили и окружающіе эмира люди, какъ напр., Лойнабъ, племянники эмира и др. Я далъ понять имъ, что болѣзнь очень серьезна, что шутки теперь совсѣмъ неумѣстны, но все было напрасно. Очевидно было, что мѣстные врачи, поощряемые приближенными эмира, рѣшились оттѣснить меня отъ него.

Почти ни одно средство, рекомендованное мною въ этотъ разъ

---

[1]) Хининъ привозится въ Авганистанъ изъ Индіи; его продается здѣсь довольно много, но, къ сожалѣнію, онъ очень дорогъ и—главное—очень плохъ, нечистъ, содержитъ въ себѣ множество подмѣсей.

[2]) Вѣроятно этотъ чай потому причисленъ къ группѣ «холодныхъ-мокрыхъ» веществъ, что дѣйствуетъ на желудочно-кишечный каналъ послабляющимъ образомъ.

эмиру, не было принято имъ. Я былъ отпущенъ, что называется, ни съ чѣмъ.

На слѣдующій день я напрасно ожидалъ приглашенія эмира. Но и въ слѣдующіе два дня я не видѣлъ больного. Между тѣмъ «гофмейстеръ» Махметъ-Динъ-ханъ, завѣдывавшій помѣщеніемъ, въ которомъ я жилъ, и которому было поручено эмиромъ все домостроительство нашего «глинянаго дворца», — ежедневно утромъ и вечеромъ отправлялся ко двору эмира для докладовъ и привѣтствованія. Послѣ одного изъ своихъ посѣщеній Махметъ-Динъ-ханъ объявилъ мнѣ, будто авганскіе врачи достигли нѣкотораго улучшенія въ теченіи болѣзни эмира. Я не зналъ—вѣрить мнѣ ему, или нѣтъ? Болѣе точныхъ сообщеній я не имѣлъ.

Наскучивъ безцѣльнымъ сидѣньемъ въ четырехъ стѣнахъ и напраснымъ ожиданіемъ приглашенія эмира, я рѣшился сдѣлать небольшую прогулку по городу или его окрестностямъ. Поэтому 24 января я послалъ къ эмиру Махметъ-Динъ-хана для того, чтобы онъ спросилъ эмира, могу ли я сдѣлать небольшую поѣздку по окрестностямъ города? Въ отвѣтъ на этотъ запросъ эмиръ прислалъ ко мнѣ своего адъютанта для сопровожденія меня въ прогулкѣ.

Между тѣмъ погода уже въ теченіи двухъ дней стояла великолѣпная; снѣга и грязи не осталось и слѣда. Солнце ярко сіяло въ лазурно-голубомъ небѣ, обливая своими горячими лучами мать сыру-землю, которая мѣстами зазеленѣла преждевременно-ранней травкой. Въ воздухѣ чувствовалось сильное вѣяніе ранней весны. Дышалось такъ легко и свободно. Грачи громкимъ карканьемъ выражали свое удовольствіе по случаю наступившей теплой солнечной погоды. Зимы какъ не бывало... Только стѣной возвышавшіяся на югѣ горы, всѣ осыпанныя снѣгами, заявляли, что зима еще не совсѣмъ утратила свои права, и впредь, въ непродолжительномъ времени, можетъ заявить себя такими снѣжными завирухами, что хоть-бы въ декабрѣ мѣсяцѣ такъ и то въ пору: вѣдь на дворѣ еще только 24 января... Со мной поѣхалъ и Замаанъ-бекъ. При насъ находился конвой изъ 6 казаковъ; конвойныхъ же авганцевъ не было ни одного.

Выѣхавъ со двора, я взялъ направленіе на западъ, сказавъ сопровождавшему меня адъютанту, что намѣренъ поѣхать къ Тахта пулю.

Въ продолженіи четверти часа намъ пришлось ѣхать по городу, который, какъ и вообще всякій среднеазіатскій городъ, имѣлъ вездѣ свою обычную, монотонную физіономію. Обсыпавшіеся глиняные заборы, тѣснящіе улицу съ обѣихъ сторонъ, глиняныя мазанки обывателей, масса садовъ, въ которыхъ изъ всѣхъ деревьевъ рѣзко выдѣлялась уродливо подрѣзанная шелковица, два-три пустынныхъ каравань-сарая, встрѣтившихся на пути, безмолвіе и пустота улицъ— вотъ картина города, которымъ мы проѣзжали. Оживленіе, пестрая толпа народа замѣчается только на базарѣ, представляющемъ собою жизненный центръ, такъ сказать—«пульсъ» города.

По выѣздѣ изъ города, нашъ путь пролегалъ пахатными полями, изрѣзанными во всѣхъ направленіяхъ оросительными каналами различной ширины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поля были засѣяны озимой пшеницей, уже зазеленѣвшей подъ вліяніемъ теплыхъ, животворныхъ лучей солнца. Но оросительныя канавы были еще сухи; въ нихъ не было ни капли воды: пускать въ нихъ воду было еще слишкомъ рано.

На западѣ, прямо передъ нами, на самой линіи горизонта, темнѣли массы садовъ и бѣлѣлись стѣны, повидимому, обширныхъ зданій. Скоро можно было уже различить, что впереди насъ находятся два обширныхъ селенія; одно изъ нихъ, растянувшееся длинной темной полосой почти у самыхъ горъ, называется Ширъ-абадомъ. Въ этомъ мѣстѣ горы растунаются, образуя широкую прогалину, имѣющую почти меридіальное направленіе. Правѣе расположенное селеніе, отстоящее отъ Ширъ-абада версты на 4, есть Тахтапуль — сильнѣйшая, какъ говорили авганцы, крѣпость во всемъ авганскомъ Туркестанѣ и составляющая опорный пунктъ ихъ владычества надъ туземцами. Оба селенія отстоятъ отъ Мазари-Шерифа, приблизительно, на 8 верстъ. Въ одной верстѣ отъ Ширъ-абада, по направленію къ Тахтапулю, возвышается отдѣльный холмъ, опоясанный двойнымъ рядомъ стѣнъ, съ за́мкомъ на его вершинѣ. Это — бывшая цитадель Ширъ-абада, теперь брошенная и полуразрушенная.

Мы постепенно приближались къ Тахтапулю, стѣны и бастіоны котораго теперь ясно виднѣлись; можно было уже сосчитать число башень. Вскорѣ мы совсѣмъ подъѣхали къ нему. Крѣпость представляетъ правильный четырехугольникъ, причемъ стѣны ея расположены

по странамъ свѣта: западная, южная, восточная и сѣверная. Длина южной стѣны, къ которой мы подъѣхали, равняется, приблизительно, 200 саж.; высота стѣны около 3—4 саж. Всѣхъ башень въ южной стѣнѣ, считая и угловые бастіоны, 11. Башни возвышаются надъ стѣною сажени на полторы; стѣны зубчаты. Какъ стѣны, такъ и башни снабжены бойницами. Угловые бастіоны сильно выдаются впередъ, такъ что изъ нихъ легко можно обстрѣливать окружающій стѣну ровъ. Изъ амбразуры торчало темное дуло орудія.

Подъѣхавъ къ крѣпости, я хотѣлъ поворотить коня въ сторону, но адъютантъ любезно предложилъ мнѣ проѣхать крѣпостью и черезъ восточныя ворота возвратиться въ Мазари-Шерифъ. Тогда мы поѣхали по направленію къ воротамъ, находящимся какъ разъ посреди стѣны. Ворота прикрываются меньшей высоты валомъ и рвомъ. Рвы были теперь сухи. Ворота были отворены настежь и при нихъ не было никакой стражи; воротами проходилъ всякій, кто хотѣлъ. Толщина стѣнъ въ этомъ мѣстѣ достигаетъ 2—3 саженей. Стѣна глинобитная.

Внутренность крѣпости была непривлекательна. Почти все пространство внутри стѣнъ было застроено юртообразными глиняными мазанками. Это—мѣстныя казармы, у входа въ которыя толпилось много солдатъ, въ одиночку и группами. Они съ любопытствомъ, разиня рты, смотрѣли на насъ. Я внимательно всматривался въ ихъ лица, думая встрѣтить на нихъ выраженіе непріязни, но вездѣ читалъ только любопытство, смѣшенное съ изумленіемъ. Даже грязный оборвышъ-дервишъ—и тотъ изумленно выпучилъ бѣлки своихъ большихъ глазъ, оскалилъ, при попыткѣ улыбнуться, свои блестящіе бѣлые зубы—и затѣмъ потянулся ко мнѣ за поданіемъ.

Въ срединѣ крѣпости, отдѣльно отъ этихъ казармъ, возвышается довольно обширная, построенная безъ всякихъ претензій на щеголеватость, даже безъ традиціонныхъ изразцовъ, мечеть. Здѣсь же находится небольшой рынокъ, гдѣ продаются главнымъ образомъ съѣстные припасы.

И здѣсь толпилось много солдатъ. Нѣкоторые изъ нихъ были мои знакомцы, изъ числа моихъ бывшихъ паціентовъ. Они громко выкрикивали привѣтствія «докторъ-саибу», улыбаясь во всю физіономію. Въ крѣпости находится до 30-ти орудій, какъ сообщилъ мнѣ слово-

охотливый адъютантъ; въ ней квартировало въ данное время 8 батальоновъ пѣхоты. Вода проведена сюда канавами изъ Балхской рѣки; но есть и колодцы. Кромѣ того есть небольшой прудъ.

Выѣхавъ изъ восточныхъ воротъ крѣпости, мы очутились на ровной, широкой дорогѣ, ведущей въ Мазари-Шерифъ. Это и есть почтовая дорога изъ Балха; между тѣмъ какъ изъ Мазари-Шерифа, часъ тому назадъ, мы ѣхали въ Тахтапуль по проселочной дорогѣ. Теперь Мазари-Шерифъ, опущенный въ неглубокую лощину, былъ видѣнъ какъ на ладони. Скатъ отъ Тахтапуля къ Мазари-Шерифу, хотя и невеликъ, но все же ощутителенъ. Два стройныхъ минарета, съ изумрудно-зелеными куполами, красиво возвышались надъ темной массой дремлющихъ садовъ. Отъ Тахтапуля до города мы ѣхали ровно часъ времени.

25 января въ 10 час. утра ко мнѣ пришелъ Ахунъ. Онъ просилъ моего совѣта относительно того, что ему дѣлать съ больной ногой эмира.

— Эмиръ-саибъ, говорилъ онъ, цѣлыхъ три дня не смыкалъ глазъ отъ боли въ ногѣ—боли, не унимающейся ни на минуту, несмотря на то, что мы употребили всѣ средства для успокоенія ея. Я давалъ, между прочимъ, «афіунъ» (опіумъ) и сокъ маковыхъ сѣмянъ, но безъ желаемаго дѣйствія. Потому не посовѣтуетъ ли докторъ-саибъ что-либо противъ боли въ ногѣ, а также и для сна эмира-саиба?

Я отвѣтилъ Ахуну, что отъ посильной помощи никогда не отказывался, и теперь чѣмъ могу—я готовъ помочь, но что заочно я не могу ничего посовѣтовать—тѣмъ болѣе, что я не видалъ больнаго 4 дня сряду.

Тогда Ахунъ всталъ и сказавъ, что объ нашемъ разговорѣ онъ доложитъ эмиру, вышелъ отъ меня.

Черезъ нѣсколько минутъ за мной пришелъ посланный эмира, Гуламъ-Гайдаръ-ханъ. Взявъ необходимые медикаменты, я тотчасъ же отправился къ эмиру.

При входѣ въ его помѣщеніе, въ первой комнатѣ налѣво я увидалъ Лойнаба съ нѣкоторыми изъ приближенныхъ эмира. Въ собственныхъ комнатахъ эмира было очень темно, такъ что когда я, откинувъ портьеру, переступилъ порогъ, то въ первое время вслѣдствіе темноты не могъ совсѣмъ оріентироваться и, поэтому, остановился.

Эмиръ, видя мое затрудненіе, подалъ голосъ; я пошелъ на этотъ голосъ и вскорѣ отыскалъ его. Онъ полулежалъ на такомъ же ложѣ, какъ и 21 января, опершись о подушки и руки приближенныхъ. Лицо его выражало сильное страданіе; глаза были окоймлены темными кругами и тускло свѣтились изъ подъ нависшихъ бровей. Лицо было покрыто потомъ. Эмиръ хрипло стоналъ.

Пригласивъ садиться, эмиръ разсказалъ мнѣ, что во всѣ предыдущіе дни онъ чувствовалъ себя дурно. Ужасная боль, происходящая какъ будто «отъ перепиливанія кости холодной пилой», въ эту ночь сдѣлалась особенно невыносимою. Во все время отъ 21 числа до 25 онъ не могъ сомкнуть глазъ, или хотя сколько нибудь забыться. Поэтому первая просьба его, обращенная ко мнѣ, состояла въ томъ, чтобы я далъ ему возможность уснуть.

Я попросилъ позволенія эмира осмотрѣть его ногу. Она была въ это время намазана какою то желтоватою мазью. Когда я снялъ повязку, то нога, повидимому, представлялась въ томъ же состояніи, какъ и 21-го января. Но освѣщеніе комнаты было до такой степени слабо, что легкихъ оттѣнковъ окрашиванія кожи совершенно невозможно было замѣтить. Нога на ощупь была такъ же холодна, какъ и прежде. Пульса нельзя было нащупать ни въ тыльной артеріи стопы, ни въ обѣихъ берцовыхъ. На мой вопросъ: можетъ ли эмиръ согнуть и выпрямить ногу въ колѣнномъ сочлененіи—онъ отвѣчалъ утвердительно. Точно также онъ отвѣчалъ утвердительно и на другой вопросъ: чувствуетъ ли онъ прикосновеніе руки къ больной стопѣ. Эмиръ особенно жаловался на невыносимую боль въ подколѣнной ямкѣ. Онъ взялъ мои пальцы въ свою руку и старался нащупать ими то мѣсто, которое, по его словамъ, особенно болѣло. Но я ничего особеннаго не могъ нащупать; натянутыя, какъ струны, сухожилія мышцъ окаймляли обѣ стороны ямки. Въ самой ямкѣ я напрасно старался нащупать пульсъ подколѣнной артеріи.

Очевидно было, что нога находилась въ состояніи агоніи, между жизнью и смертью. Исходъ въ дурную сторону былъ несомнѣненъ. Чтобы ослабить боль, я впрыснулъ вблизи болящаго мѣста $^1/_6$ gr. морфія. Въ то же время я далъ эмиру внутрь хорошій пріемъ хлоралъ-гидрата. Черезъ нѣсколько времени пріемъ былъ повторенъ и

вслѣдъ затѣмъ нога, послѣ растиранія ея камфорнымъ спиртомъ, была завернута во фланель. Вскорѣ послѣ этого эмиръ заснулъ.

Часа въ 3 этого же дня я былъ опять позванъ къ эмиру. Когда я пришелъ къ нему, то онъ сообщилъ мнѣ, что сейчасъ же по моемъ уходѣ проснулся, и боль опять возобновилась. Онъ очень жаловался на эту боль и громко стоналъ. Повязка по его желанію была мною снята съ ноги. Тогда я замѣтилъ въ окраскѣ кожи ноги нѣкоторыя измѣненія. Въ верхней части голени слабо обозначилась поперечная зигзагообразная полоска темно-багроваго цвѣта. Ниже этой полосы кожа была холодна какъ ледъ; выше ея, напротивъ, t° была нѣсколько выше, чѣмъ на соотвѣтствующемъ мѣстѣ здоровой ноги. Очевидно было, что начинала обозначаться демаркаціонная линія; гангрена получала границы. Очевидно было также, что дѣло становилось плохо. Но теперь являлась, по крайней мѣрѣ, надежда, что болѣзненный процессъ будетъ локализированъ. Во всякомъ случаѣ—это было плохое для меня утѣшеніе.

— Докторъ-саибъ, — позвалъ меня эмиръ,—Ахунъ, да и прочіе мои врачи, совѣтуютъ мнѣ поставить піявки; что вы скажете на это?

Я отвѣчалъ, что по моему мнѣнію время для употребленія піявокъ упущено, и что теперь я считаю эту мѣру безполезною.

— Но вѣдь вы же совѣтовали мнѣ пьявки до 21 числа? — прервалъ меня эмиръ.

— Тогда эта маленькая операція имѣла смыслъ, а теперь я сомнѣваюсь въ ея пользѣ, отвѣчалъ я.

— Что же, могутъ онѣ мнѣ повредить? ухудшить болѣзнь?— опять спросилъ эмиръ.

— Нѣтъ.

— Такъ пусть поставятъ пьявки, рѣшилъ онъ.

Тогда въ нашу комнату ввели женщину, черты лица которой выявляли въ ней татарскій типъ. Она была безъ обычнаго покрывала. На видъ ей можно было дать лѣтъ 40 слишкомъ. Босыя ноги ея беззвучно ступали по ковру. Подойдя къ эмиру, она низко поклонилась. Вслѣдъ за тѣмъ она вынула изъ кармана своей «бешмети» платочекъ. Въ узелкѣ этого платочка туго-на-туго были завязаны пьявки. Не торопясь она ихъ развязала, спросила—гдѣ ихъ поставить, затѣмъ зачѣмъ-то смазала кожу ноги сметаной, обмыла ее и потомъ уже,

бормоча какія-то заклинанія, стала приставлять къ ногѣ пьявки, одну за другою. Но пьявки долго капризничали и не хотѣли приниматься. Прошло съ полчаса времени, а ни одна изъ нихъ не взяла ни капли крови. Тогда женщина обратила вниманіе присутствующихъ на амулетъ (кожанная ладонка), висѣвшій на больной ногѣ эмира и объявила, что «амулетъ не пускаетъ пьявокъ къ ногѣ». Амулетъ былъ сейчасъ же срѣзанъ, но пьявки долго еще не принимались и потомъ, только черезъ долгій промежутокъ времени, нѣтъ-то нѣтъ начали приставать. Все же—изъ нихъ только половина принялась. Нѣкоторыя пьявки были помѣщены ниже демаркаціонной линіи, но ни одна изъ нихъ не принялась.

Занятый созерцаніемъ этой процедуры, я просидѣлъ на одномъ мѣстѣ часа два неподвижно. Наконецъ я почувствовалъ непріятный холодъ и боль въ правой половинѣ тѣла. Несмотря на то, что окна и двери комнатъ были завѣшены одѣялами, здѣсь чувствовался довольно сильный сквозной вѣтеръ; нажить ревматизмъ не представлялось особенно труднымъ. Я попросилъ позволенія эмира встать и пройтись. Но долго прохаживаться по комнатѣ, понятно, было неудобно и я опять занялъ свое мѣсто. Я, конечно, не преминулъ посовѣтовать эмиру перемѣнить помѣщеніе на болѣе удобное, но получилъ въ отвѣтъ, что «всѣ зданія здѣсь построены одинаково и лучше этихъ комнатъ нѣтъ».

Уходя домой, я счелъ нужнымъ пригласить къ себѣ Ахуна и нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ эмира. Пора было подумать и о своемъ положеніи. Неблагопріятный исходъ болѣзни эмира былъ весьма вѣроятенъ. Надо было оградить себя отъ возможныхъ, хотя и напрасныхъ, нареканій. Въ случаѣ неблагопріятнаго исхода болѣзни, народъ могъ обвинить въ этомъ меня: народъ—фанатикъ, да и туземные врачи не отказались бы отъ того, чтобы сложить съ своихъ плечъ отвѣтственность за дурной исходъ болѣзни. Поэтому въ видахъ огражденія своей безопасности я задумалъ устроить въ своемъ помѣщеніи нѣчто въ родѣ консиліума, въ которомъ приняли бы участіе какъ туземные врачи, такъ и близкіе родственники эмира.

Вечеромъ этого дня у меня собрались: Ахунъ, Гулямъ-Гайдеръ-ханъ, братъ Лойнаба, Маметъ-шахъ-ханъ, и нѣкоторые другіе приближенные эмира. Я прямо спросилъ Ахуна: что онъ думаетъ о болѣзни эмира? и про-

силъ его высказаться по этому поводу вполнѣ искренно. Въ отвѣтъ на мой вопросъ онъ потребовалъ у меня свою медицинскую книгу, бывшую тогда у меня, и хотѣлъ вѣроятно прочитать мнѣ цѣлую главу изъ туземной патологіи. Но я потребовалъ его личнаго мнѣнія. Тогда онъ отвѣчалъ, что по его мнѣнію болѣзнь заключается въ томъ, что у эмира-саиба слишкомъ горячая кровь и эта-то кровь будто бы и послужила причиною болѣзни. «Она, въ силу своей горячности, спустилась въ ногу и такимъ образомъ обусловила охлажденіе ноги» (?!)...

Ясно было, что почтенный лейбъ-медикъ его высокостепенства не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о характерѣ данной болѣзни. Поэтому я постарался объяснить ему суть болѣзненнаго процесса, а потомъ предложилъ ему слѣдующіе два вопроса: 1) излечима, по его мнѣнію, болѣзнь или нѣтъ? 2) если излечима, то легко или трудно?

На эти вопросы Ахунъ отвѣчалъ, что болѣзнь онъ считаетъ легко излечимою.

— Я надѣюсь (иншъ-аллахъ) дня въ три-четыре совершенно вылечить эмира-саиба, заключилъ онъ.

Послѣ этого я высказалъ свое мнѣніе о болѣзни. Я объяснилъ всѣмъ присутствовавшимъ, что больную ногу нужно считать потерянною для эмира, но, что даже и самой жизни эмира угрожаетъ серьезная опасность.

— Предоставьте дѣло мнѣ, прервалъ меня Ахунъ,—и вы увидите эмира-саиба здоровымъ.

Противъ такого нахальнаго самомнѣнія идти было трудно. Попросивъ присутствовавшихъ оставить наше совѣщаніе въ тайнѣ отъ эмира, а особенно мое мнѣніе, я распустилъ собраніе.

Теперь я болѣе не сомнѣвался, что мнѣ придется справлять «въ чужомъ пиру похмѣлье». «Посмотримъ, думалъ я, чѣмъ все это кончится».

На другой день я имѣлъ сильный пароксизмъ лихорадки и потому не могъ быть у эмира. Въ послѣдующіе же дни до 30 января хотя я и былъ здоровъ, но также не былъ у эмира, такъ какъ меня къ нему не звали. Тѣмъ не менѣе Ахунъ заходилъ ко мнѣ нѣсколько разъ, причемъ сообщалъ съ видимымъ удовольствіемъ, что эмиру лучше. Между прочимъ онъ мнѣ сообщилъ, что больную ногу

онъ намазалъ кровью только что убитаго козла, и затѣмъ она была обложена внутренностями убитаго животнаго.

Между тѣмъ до меня дошли слѣдующіе слухи [1]). Нѣсколько дней тому назадъ Якубъ - ханъ прислалъ письмо на имя командующаго войсками Чааръ-вилайета, Сердаря Феизъ-Магометъ-хана. Въ этомъ письмѣ онъ приказывалъ мѣстнымъ войскамъ не пускать своего отца, эмира Ширъ-Али-хана, въ Россію. Если же они дозволили бы эмиру выѣхать изъ Авганистана, то Якубъ-ханъ грозилъ выместить ихъ ослушаніе на ихъ семействахъ, остававшихся въ Кабулѣ. По полученіи этого письма Сердарь Феизъ-Магометъ-ханъ прочиталъ его въ собраніи офицеровъ, спрашивая у нихъ: что ему дѣлать?

— Вы—нашъ начальникъ, отвѣчали они; какъ вы рѣшите, такъ мы и поступимъ.

На это Сердарь возразилъ, что сегодня онъ ихъ начальникъ, а завтра, очень можетъ быть, что они не захотятъ его слушаться и откажутся повиноваться его приказаніямъ; поэтому онъ можетъ очутиться въ неловкомъ положеніи, а этого онъ совсѣмъ не желаетъ.

Тогда всѣ присутствующіе рѣшили: не торопиться отвѣтомъ и обдумать дѣло основательно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Феизъ-Магометъ-ханъ велѣлъ прочитать это письмо войскамъ, расположеннымъ по городамъ Туркестана, и послалъ копію съ письма всѣмъ Сердарямъ. Въ письмѣ Якубъ-хана задержаніе Ширъ-Али-хана въ Авганистанѣ мотивировано было тѣми соображеніями, что «теперь де еще нѣтъ настоятельной нужды въ иноземной помощи, такъ какъ въ распоряженіи эмира находится довольно много войскъ [2]). Онъ де, Якубъ-ханъ, не хочетъ, чтобы про отца его сказали, будто онъ испугался приближенія англичанъ, струсилъ и убѣжалъ».

Всѣ эти слухи казались мнѣ очень странными. Зачѣмъ бы Якубъ-ханъ сталъ противиться поѣздкѣ отца въ Россію, если онъ самъ же далъ

---

[1]) Слухи эти пошли еще до отъѣзда нашей миссіи изъ Авганистана, но тогда на нихъ никто не обратилъ вниманія. Теперь же они подтвердились новыми и очень настойчивыми толками.

[2]) Всего въ Кабулѣ, Чааръ-вилайетѣ и Гератѣ въ это время насчитывалось до 45 батальоновъ пѣхоты при нѣсколькихъ полкахъ кавалеріи и 100 орудіяхъ.

на это свое согласіе. А что онъ согласился—видно было изъ того адреса, который получилъ эмиръ отъ разныхъ обществъ и народныхъ старшинъ, за подписью многихъ Сердарей и офицеровъ арміи, а также и за подписью Якубъ-хана,—адреса, который уполномочивалъ эмира ѣхать въ Россію и отъ лица всего народа просить заступничества «Бѣлаго Царя» противъ Англіи. Между тѣмъ теперь тотъ же Якубъ-ханъ всѣми мѣрами препятствовалъ этой поѣздкѣ. Что бы это значило? Необходимо возникалъ слѣдующій вопросъ: или адресъ и самыя подписи были поддѣльныя, или Якубъ-ханъ въ отсутствіе отца успѣлъ перевѣдаться съ англичанами и началъ теперь дѣйствовать по ихъ наущенію? Повидимому онъ дѣйствовалъ въ интересахъ отца, а между тѣмъ кто знаетъ, что скрывается подъ маской этого благожеланія? Вѣдь Якубъ-ханъ не можетъ забыть того, что освобожденъ отцомъ благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ. Но поживемъ—увидимъ, закончилъ я свои размышленія.

Съ театра войны получены слѣдующія извѣстія. Спустя нѣсколько дней послѣ отъѣзда эмира и нашей миссіи изъ Кабула, англійская кавалерія подошла къ Кабулу на разстояніи 15 верстъ. Здѣсь былъ расположенъ авганскій сторожевой постъ изъ 50 пѣхотинцевъ. Англичане обезоружили авганъ, забрали ихъ всѣхъ въ плѣнъ и вмѣстѣ съ плѣнниками возвратились благополучно на свои мѣста.

Теперь стало достовѣрно извѣстно, что момундцы не переставали держать сторону англичанъ даже и тогда, когда Якубъ-ханъ былъ освобожденъ. Но вообще въ военныхъ дѣйствіяхъ произошелъ перерывъ.

За то въ самомъ Авганистанѣ, и именно въ самомъ сердцѣ его, Кохистанѣ,—произошли безпорядки. Еще во время пребыванія эмира въ Ташъ-Курганѣ получилось извѣстіе о возмущеніи горныхъ племенъ въ раіонѣ, ограниченномъ съ запада Гейбекомъ и Кагмардомъ, а съ востока—Индерабадомъ. Здѣсь находится долина Хостъ, а въ ней авганская крѣпость, которая была занята 300 авганцевъ. Хостынцы и индерабадцы—къ нимъ пристали и пенджширцы—сговорились между собой, окружили крѣпость и грозили заморить гарнизонъ голодомъ, если онъ не сдастся. Авганцы видя, что сопротивленіе безполезно, рѣшили сдаться, вышли изъ крѣпости и были ограблены

до чиста. Оставленная крѣпость была занята повстанцами, которые объявили, что не признаютъ Ширъ-Али-хана своимъ государемъ.

Получивъ извѣстіе объ этомъ происшествіи, эмиръ еще изъ Ташъ-Кургана отправилъ на мѣсто бунта двѣ роты солдатъ. По прибытіи въ Мазари-Шерифъ, онъ послалъ туда еще одну роту и въ то же время приказалъ бадахшанскому губернатору послать двѣ роты изъ своихъ войскъ. Кромѣ того правителю Кундуза было поручено слѣдить за ходомъ дѣла. Въ данное время еще ничего не было извѣстно о дальнѣйшихъ событіяхъ.

Нѣсколько дней тому назадъ торговый караванъ, шедшій изъ Кабула въ Чааръ-вилайетъ, на Каракотельскомъ перевалѣ подвергся нападенію шайки разбойниковъ. Силы каравана были, однако, такъ значительны, что разбойники были съ урономъ отражены. Но и караванъ потерялъ двухъ человѣкъ убитыми. Раненыхъ было довольно много съ обѣихъ сторонъ; раненъ былъ даже самъ караванъ-баши. Дня два или три тому назадъ караванъ благополучно достигъ Мазари-Шерифа. Разбойники же послѣ этой неудачи спустились въ долину р. Гори и ограбили селеніе Бальдуръ. За ними сейчасъ же была послана погоня изъ авганскихъ кавалеристовъ, которые и захватили 11 человѣкъ. Девять изъ нихъ были признаны непринадлежащими къ шайкѣ грабителей, а двое вчера были разстрѣляны изъ пушекъ здѣсь, въ Мазари-Шерифѣ. Такимъ образомъ времена Бёрнса возвратились.

Дня три тому назадъ авганскія войска, расположенныя въ Мазари-Шерифѣ, едва не произвели междоусобнаго кровопролитія. Дѣло произошло по слѣдующему поводу. Лойнабъ узнавъ, что у гератскихъ кавалеристовъ идетъ азартная карточная игра, послалъ къ нимъ взводъ пѣхотинцевъ съ приказаніемъ прекратить игру. Когда пѣхотинцы пришли и передали приказаніе, кавалеристы ихъ не послушались, а такъ какъ тѣ настаивали, то кавалеристы обезоружили пѣхотинцевъ и сильно побили ихъ. Побитые возвратились домой, разсказали объ обидѣ своимъ сотоварищамъ, которые тотчасъ же взялись за оружіе и хотѣли идти отомстить кавалеристамъ. Все это дошло до свѣдѣнія Лойнаба, которому удалось уладить дѣло миромъ.

30-го января опять пришелъ ко мнѣ Ахунъ. На мой вопросъ о состояніи болѣзни эмира — онъ отвѣчалъ, что «ничего, слава Богу,

эмиръ-саибъ теперь не чувствуетъ такой сильной боли, какъ прежде; нога не болитъ, но она даетъ отъ себя дурной запахъ».

— Эмиръ-саибъ, продолжалъ онъ, —проситъ доктора-саиба пожаловать къ нему сейчасъ же.

Когда я пришелъ въ помѣщеніе эмира, то обоняніе мое было поражено особеннымъ, проницательнымъ запахомъ, какъ бы гніющаго мяса. Эмиръ лежалъ теперь на кровати, сдѣланной по моимъ указаніямъ, которыя я далъ еще 25-го января. Онъ сильно стоналъ, хрипло, шумно и порывисто дышалъ. Число дыханій доходило до 36 въ 1'. Въ груди слышались крупно-пузырчатые хрипы. Пульсъ былъ довольно твердъ, скачущаго характера, до 100 ударовъ въ 1 минуту. Температура тѣла была едва повышена. По лицу его струился обильный потъ. Онъ жаловался на сильную усталость, разбитость, отсутствіе сна и аппетита.

Затѣмъ я осмотрѣлъ ногу. Она была просто ужасна! Начиная отъ колѣна и до подошвы стопы она была окрашена въ темно-зеленый цвѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кожа облѣзла и тѣло начало разлагаться, развивая тотъ острый запахъ гніющаго мяса, которымъ я былъ пораженъ при входѣ въ покои эмира. Давленіе рукой на уцѣлѣвшіе куски кожи сопровождалось крепитаціею, обусловленною, весьма вѣроятно, разложеніемъ крови въ сосудахъ и гніеніемъ самыхъ тканей голени. Такимъ образомъ нога представляла собою уже совершенный трупъ. Поясъ омертвѣнія ограничивался демаркаціонной линіей багрово-краснаго цвѣта. Эта линія проходила тотчасъ подъ колѣннымъ сочлененіемъ. Само сочлененіе, по всѣмъ имѣвшимся на лицо признакамъ, еще не было вовлечено въ болѣзненный процессъ. Но нельзя было надѣяться, что оно такъ и останется неприкосновеннымъ; демаркаціонная линія была выражена очень плохо.

Когда я произвелъ осмотръ, эмиръ задалъ мнѣ вопросъ: излечима его болѣзнь или нѣтъ? На этотъ вопросъ онъ требовалъ категорическаго отвѣта. Очевидно было, что ногу нужно было считать безвозвратно потерянною для эмира. Этого мало; теперь даже самая жизнь эмира находилась въ большой опасности. Легко могло произойти гнилостное отравленіе крови; а разъ это случилось — дни жизни эмира были сочтены. Понятно, что я не могъ дать эмиру категорическаго отвѣта, просто въ силу гуманности. Какъ бы ни былъ

твердъ духомъ человѣкъ, какъ бы ни былъ приготовленъ онъ къ печальной развязкѣ долгимъ страданіемъ—все же моя вѣсть о близкой смерти для эмира была-бы очень тяжела. Я сказалъ, поэтому, что болѣзнь за послѣднее время очень развилась и, что я не могу дать рѣшительнаго отвѣта ни за, ни противъ.

— Что думаютъ объ этомъ ваши врачи? спросилъ я эмира.

— Не будемъ говорить о нихъ, съ огорченіемъ отвѣтилъ эмиръ.—Они оказались невѣждами. Я уже достаточно наказанъ за то, что до сихъ поръ исполнялъ ихъ совѣты. Теперь я только васъ одного слушаю и повинуюсь безпрекословно всѣмъ вашимъ совѣтамъ и распоряженіямъ. Мой домъ—вашъ домъ. Распоряжайтесь всѣмъ моимъ имуществомъ по вашему усмотрѣнію. Всѣхъ моихъ приближенныхъ и моихъ врачей вы можете употреблять въ качествѣ своихъ помощниковъ и фельдшеровъ.

Бѣдный эмиръ! Немножко поздно ты пришелъ къ такому рѣшенію. Человѣчество еще не знаетъ искусства дѣлать живымъ то, что разъ уже умерло... Но каково становилось мое положеніе?.. Я не желалъ бы подобнаго положенія никому изъ смертныхъ.

Теперь ближайшею моею задачею было—воспрепятствовать дальнѣйшему теченію процесса разложенія съ одной стороны, и укрѣпить организмъ эмира—съ другой. Сдѣлавъ противогнилостную повязку и давъ эмиру для внутренняго употребленія нѣкоторыя укрѣпляющія средства, я отправился къ себѣ. Я опять пригласилъ съ собой Ахуна и нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ эмира. Дома я опять объяснилъ имъ состояніе болѣзни эмира и сообщилъ, что у насъ, европейскихъ врачей, въ подобныхъ случаяхъ иногда прибѣгаютъ къ отнятію больнаго члена.

— Что вы скажете на это? спросилъ я.

— Нѣтъ, этого способа въ данномъ случаѣ примѣнить нельзя,—былъ единодушный отвѣтъ присутствовавшихъ сановниковъ.

— У насъ, продолжалъ Ахунъ, иногда также прибѣгаютъ къ отнятію больнаго члена, но въ данномъ случаѣ этой операціи дѣлать нельзя; вѣдь нашъ больной—государь, а не простой смертный. Государя нельзя подвергать подобной операціи. Да будетъ воля Аллаха! Если онъ захочетъ исцѣлить эмира-саиба, то онъ выздоровѣетъ и безъ операціи; но если Аллахъ

рѣшитъ въ своемъ умѣ, чтобы эмиръ-саибъ померъ—пусть свершится Его воля».

Почти весь этотъ день я провелъ у постели больнаго эмира. Я посовѣтовалъ ему пить по немногу вино. Тогда эмиръ велѣлъ принести изъ своего погреба нѣсколько бутылокъ «портвейна», какъ онъ назвалъ вино.

— Этотъ портвейнъ семилѣтній, хубъ эстъ! (очень хорошъ)— хвалилъ онъ вино.

Я попробовалъ вино на вкусъ — ничего, какъ будто доброе вино. Послѣ этого, пришедши домой, я почувствовалъ себя очень дурно. Подозрѣвая, что я могъ быть отравленъ туземными врачами— вѣдь это могло очень легко случиться [1]) — принялъ рвотное. Меня вырвало... тѣмъ и кончились мои опасенія. Эмиръ, часъ времени спустя, прислалъ мнѣ большую бутыль этого вина, но оно такъ и осталось не тронутымъ до самаго выѣзда моего изъ Мазари-Шерифа.

Въ этотъ день мой послѣдній визитъ къ эмиру былъ сдѣланъ въ 12 час. ночи. Я нашелъ, на этотъ разъ, эмира мечущимся въ постели и испускающимъ стоны. Онъ постоянно хватался за желудокъ, говоря, что его животъ «точно ножами рѣжутъ». Такое состояніе произошло, по его увѣренію, отъ того самаго вина, которое я пробовалъ и котораго онъ выпилъ 2 стакана. Я далъ ему сильную дозу рвотнаго, а послѣ обычнаго эффекта,—опійной настойки: тогда эмиръ успокоился.—Замѣчательно было то обстоятельство, что я не могъ достать въ то время во дворцѣ эмира ни капли молока.

Сегодня Замаанъ-бекъ сопутствовалъ мнѣ во время послѣдней визитаціи къ эмиру вооруженный револьверомъ; я, съ своей стороны, былъ также вооруженъ... шприцомъ Правацa.

Остальную половину этой ночи я провелъ за письменнымъ столомъ; я писалъ донесенія въ Ташкентъ. Когда я легъ спать, то было уже 6 часовъ утра—и бѣлый день стучался во всѣ наши створчатыя «окна-двери».

---

[1]) Еще когда я только что началъ лечить эмира въ Ташъ-Курганѣ, онъ меня предупреждалъ, чтобы я какъ можно осторожнѣе обращался съ пищею и питьемъ, которыя мнѣ могли бы быть предложены кѣмъ либо со стороны. Въ данномъ случаѣ мнѣ предлагалъ вино самъ эмиръ, но вѣдь онъ былъ боленъ и не могъ поручиться, что въ вино не было подсыпано чего-либо.

По извѣстіямъ, полученнымъ въ этотъ день, войска дали такой отвѣтъ Якубъ-хану: «такъ какъ въ настоящее время эмиръ-саибъ такъ сильно болѣнъ, что если-бы и хотѣлъ ѣхать въ Россію, не можетъ—то рѣчь о задержаніи его въ Мазари-Шерифѣ не умѣстна».

1-го февраля прибылъ къ намъ посланецъ Ширабадскаго бека, который привезъ мнѣ отъ бека пространное письмо. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланный привезъ отъ бека двѣ коробки конфектъ изъ различныхъ орѣховыхъ тѣстъ. Конфекты были настолько вкусны, что сдѣлали бы честь кондитеру и не такого незначительнаго городка, какъ Ширъ-абадъ. Спустя нѣсколько часовъ, въ этотъ же день мнѣ было доставлено письмо бухарскаго посла, аккредитованнаго при дворѣ Лойнаба.

Ишанъ-Ходжа — имя этого посла — въ письмѣ ко мнѣ говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: «непрерывная цѣпь дружбы связываетъ сердца обоихъ сосѣднихъ народовъ, русскаго и бухарскаго». Далѣе онъ писалъ, что вообще бухарцу очень пріятно встрѣтить и видѣть русскаго человѣка гдѣ бы то ни было. Онъ сообщалъ также, что бывалъ въ Ташкентѣ, знаетъ многихъ русскихъ начальниковъ и имѣетъ въ этомъ городѣ много знакомыхъ. «Я былъ-бы весьма радъ, продолжалъ онъ далѣе, еслибы могъ увидѣть васъ и лично высказать вамъ тѣ благожеланія, которыя ношу въ своемъ сердцѣ».

Разумѣется, я далъ посланному Ишана-Ходжи отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что не прочь видѣть у себя бухарскаго посла. Замаанъ-бекъ написалъ ему, отъ моего имени, коротенькую записку.

Въ этотъ день эмиръ чувствовалъ себя настолько хорошо, что могъ заняться продолжительнымъ разговоромъ какъ со мной, такъ и съ окружающими его сановниками.

— Не понимаю я, говорилъ онъ, какъ это могутъ два государства, Швеція и Норвегія, жить такъ мирно подъ властью одного человѣка, одного общаго государя?

Затѣмъ онъ пожелалъ узнать: сколько въ Турціи народонаселенія, сколько войска и какой способъ практикуется тамъ для укомплектованія его. — Разговоръ коснулся также послѣдней русско-турецкой войны; потомъ онъ перешелъ на Сибирь, причемъ эмиръ много разспрашивалъ объ этой странѣ моего фельдшера, Озерныхъ, какъ сибирскаго уроженца. Послѣ этого, обратившись къ своему малень-

кому сыну (собственно говоря,—дочери) онъ сказалъ, указывая на меня:

— Вотъ это—твой братъ; отнынѣ ты долженъ считать доктора-саиба своимъ братомъ. Но между тобой и докторомъ существуетъ та разница, что докторъ-саибъ—твой братъ, приходящій и дѣлающій для меня добро, а ты, его братъ,—тоже приходящій и ничего недѣлающій, да еще часто мнѣ надоѣдающій.

Я, конечно, былъ очень доволенъ установленіемъ такого родства...

Эмиръ сообщилъ мнѣ, между прочимъ, и разныя новости, напримѣръ о послѣдней почтѣ, полученной имъ отъ своихъ пословъ. Послы извѣщали, что они находились въ данное время на станціи Кальта-Минаръ и намѣревались быть въ Самаркандѣ 3-го или 4-го февраля. При этомъ эмиръ далъ мнѣ знать, что въ бухарскихъ владѣніяхъ, на всемъ протяженіи отъ Аму-Дарьи до Самарканда, устроена летучая авганская почта.

Я былъ въ высшей степени радъ, что эмиръ хотя нѣсколько просвѣтлѣлъ духомъ и получилъ небольшое облегченіе отъ своего ужаснаго недуга. Но это облегченіе составляло только мимолетное явленіе. Уже на слѣдующій день не осталось и слѣда отъ этого улучшенія. Эмиръ опять стоналъ и метался въ постели. Гангрена медленно ползла все впередъ и впередъ, выше и выше...

3-го февраля уже и колѣно представляло всѣ признаки начавшагося омертвѣнія. Даже и тотъ небольшой лоскутъ кожи ниже колѣна, который былъ живъ въ предъидущіе дни, сталъ омертвѣвать. Кожа сдѣлалась холодною и давленіе на ея поверхностьсопровождалось крепитаціею. Колѣнное сочленіе опухло, сдѣлалось багрово-краснаго цвѣта, очень болѣзненно при дотрогиваніи до него. «Если дѣло пойдетъ такимъ образомъ и далѣе, думалъ я,—то дня черезъ два-три оно должно будетъ совсѣмъ омертвѣть». Эмиръ жаловался на боль въ бедренно-подколѣнномъ каналѣ (canalis femoro—poplitaeus). Вѣроятно тромбозъ артеріи распространился до этого мѣста.

Вечеромъ 4-го февраля пришелъ ко мнѣ Ахунъ. Онъ долго и довольно искренно бесѣдовалъ со мной. Предметомъ бесѣды былъ, конечно, эмиръ и его болѣзнь.

— Да, докторъ-саибъ, говорилъ мнѣ Ахунъ,—теперь и я вижу,

что эмиръ-саибъ долго не проживетъ; я дѣйствительно ошибался, а вы—были правы. Скажите, какъ по латыни называется эта болѣзнь?

— Sphacelus, отвѣчалъ я.

Ахунъ повторилъ это слово нѣсколько разъ и потомъ сообщилъ мнѣ, что у нихъ эта болѣзнь называется «шокаклюсъ».—Затѣмъ онъ заговорилъ о привычкахъ и вообще о характерѣ эмира.

— Вы не повѣрите, говорилъ онъ, что это за своенравный человѣкъ! Онъ всегда хотѣлъ поставить на своемъ. Мнѣ, въ качествѣ его постояннаго врача, приходилось часто давать ему различные совѣты. Но когда онъ здоровъ—не слушаетъ никакихъ совѣтовъ. Если же онъ заболѣетъ, то требуетъ отъ врача чуть не чуда. Врачъ, по его понятіямъ, всемогущій человѣкъ, чуть не богъ, а на медицину онъ смотритъ такъ, что она должна гарантировать выздоровленіе отъ всѣхъ болѣзней. Я вамъ скажу—и я это говорю только вамъ, такъ какъ это—тайна всей моей жизни,—что эмиръ-саибъ давно уже сильно злоупотребляетъ спиртными напитками. Прежде онъ пилъ обыкновенно вино, когда же я, умоляя его, просилъ оставить этотъ запрещенный кораномъ напитокъ, онъ перестал пить вино, но началъ пить водку.

«Значитъ, подумалъ я, народная молва и на этотъ разъ была также вѣрна, какъ и всегда. До меня уже давно дошелъ слухъ о злоупотребленіи эмира спиртными напитками».

— Вы помните, продолжалъ Ахунъ, когда васъ позвали къ эмиру 30-го числа, въ 12 часовъ ночи и когда эмиръ такъ жаловался на боль въ желудкѣ?—Это онъ оттого заболѣлъ, что выпилъ въ тотъ вечеръ двѣ бутылки водки. А помните также тотъ вечеръ, кажется, 31-го января, когда эмиръ былъ очень вспотѣвши и жаловался на усталость? Онъ былъ и тогда сильно пьянъ... Когда вы лечили его горло, то въ «намазъ-дигеръ» (мусульманская молитва, совершаемая около 5-ти часовъ пополудни) онъ вдыхалъ пары вашихъ лекарствъ, а въ «намазъ-шамъ» онъ, вдвоемъ съ Казіемъ, вдыхалъ пары совершенно другаго свойства [1]). Цѣлую ночь они пили, я часто говорилъ

---

[1]) Выраженіе это представляетъ непереводимую игру словъ; она основывается на англійскомъ словѣ spirit, которое означаетъ: спиртъ, водку и паръ.

Казію: Бога ты не боишься, самъ пьянствуя и потакая дурнымъ наклонностямъ эмира. Но это—человѣкъ безъ совѣсти...

Для меня теперь стало ясно, почему Казій получилъ столь большое вліяніе на эмира, что даже братъ эмира, Сердарь Ширъ-Али-ханъ, даже его Везиръ—эта преданная собака эмира,—стушевались передъ Казіемъ.

— Только я васъ покорнѣйше прошу никому не говорить объ этомъ, продолжалъ Ахунъ. За разоблаченіе этой тайны я рискую расплатиться своей головой. Я вамъ сказалъ это потому, что считалъ себя обязаннымъ сказать это, имѣя въ виду пользы эмира. Я не знаю—вы, конечно, гораздо свѣдущѣе меня—можетъ быть подобное злоупотребленіе спиртными напитками очень вредно для теченія болѣзни эмира-саиба...

Я поблагодарилъ Ахуна за его сообщенія и обѣщалъ скрывать его тайну.

Въ этотъ же день меня посѣтилъ Ишанъ-Ходжа. Часа два мы разговаривали о разныхъ предметахъ. Большая часть времени потрачена была посломъ его бухарскаго Высокостепенства на комплименты вообще русскимъ и генералъ-губернатору Туркестанскаго края въ особенности.

— Генералъ Кауфманнъ — настоящій миротворецъ, говорилъ Ишанъ. Прежде чѣмъ идти покорять Хиву онъ неоднократно совѣтовалъ хану хивинскому перестать разбойничать и обижать русскихъ купцовъ. Онъ обращался и къ Джонаби-Али (титулъ эмира бухарскаго), чтобы онъ посовѣтовалъ хивинскому хану смириться. И только выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія непослушаніемъ и невниманіемъ коварнаго хана, генер. Кауфманнъ пошелъ на Хиву войною и взялъ ее.

Затѣмъ Ишанъ-ходжа желалъ знать: пошлетъ ли русское правительство свои войска на помощь авганцамъ? зачѣмъ англичане остановились и не подвигаются къ Кабулу? заѣхалъ ли бы Ширъ-Али-ханъ въ Бухару къ эмиру бухарскому, въ случаѣ если бы онъ поѣхалъ въ Россію? и т. п.

Я, въ свою очередь, спросилъ его знаетъ ли онъ о существованіи въ Кабулѣ мусульманской типографіи?—Ишанъ отвѣчалъ категорически, что въ Кабулѣ такой типографіи нѣтъ и не было, а что всѣ

жители Средней Азіи получаютъ печатныя мусульманскія книги изъ Индіи, главнымъ образомъ изъ Бомбея, или же изъ «Рума» (Константинополя). Въ заключеніе онъ освѣдомился о томъ, не соблаговолимъ ли и мы съ Замаанъ-бекомъ заглянуть въ его жилище. На это я отвѣтилъ, что я не прочь посѣтить нашего добраго сосѣда, но что не могу назначить опредѣленнаго времени, такъ какъ большую часть дня и ночи провожу у постели эмира, и что, кромѣ того, во всякое время меня могутъ позвать къ нему, если я нахожусь дома, у себя. Послѣ этого Ишанъ-Ходжа откланялся и удалился во свояси.

Въ нашемъ глиняномъ квадратѣ начали происходить совсѣмъ нехорошія вещи: казаки опять стали болѣть. А 4 февраля заболѣлъ фельдшеръ Озерныхъ, моя правая рука.

Въ послѣдующіе затѣмъ дни эмиру становилось все хуже и хуже. У него началась сильная лихорадка. Впрочемъ я не могъ воспроизвести цѣльную кривую t^{0}, такъ какъ иногда эмиръ отказывался отъ температурныхъ измѣреній. Онъ сдѣлался очень нервенъ, капризенъ и легко раздражителенъ. Разъ онъ потребовалъ отъ меня категорическаго отвѣта на вопросъ: выздоровѣетъ ли онъ, или нѣтъ? Понятно, что я не могъ дать категорическаго отвѣта, такъ какъ этотъ отвѣтъ могъ быть только въ высшей степени неблагопріятнымъ, въ смыслѣ предсказанія quo ad vitam. Тогда эмиръ рѣшилъ, что я уклоняюсь отъ опредѣленнаго отвѣта потому, что хотя и могу излечить его отъ болѣзни, но не хочу. Поэтому онъ грозилъ написать объ этомъ туркестанскому начальству, даже самому Императору. Съ другой стороны онъ обѣщалъ мнѣ дать «лакъ» награды, если я его вылечу, и что жены его и родственники будутъ благодарить меня особо и т. п. Еще нѣсколько времени спустя, у эмира начался бредъ, и онъ впалъ въ состояніе полузабытья. Онъ походилъ на человѣка въ состояніи оглушенія. Для того, чтобы добиться отъ него отвѣта на предлагаемые вопросы, ему необходимо было очень громко кричать. Но даже и при такомъ способѣ разговора эмиръ долгое время не отвѣчалъ, какъ будто дѣлая усилія припомнить что-то, прежде чѣмъ отвѣтить. Пульсъ сталъ малъ, твердъ и частъ. Очевидно было, что началось гнилостное зараженіе крови, чего я такъ сильно опасался. Теперь не только дни, но и часы жизни эмира были сочтены. Въ послѣдніе два-три дня своей жизни онъ находился въ состояніи не-

прерывной агоніи; большую часть этого времени онъ провелъ въ безсознательномъ состояніи. За день до смерти эмиръ потерялъ способность производить глотательныя движенія. Когда ему вливали въ ротъ питье, то оно съ клокотаніемъ проходило внизъ, по парализованному пищеводу, и вливалось въ желудокъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ потерялъ и способность рѣчи. Несмотря на большія дозы мускуса, который я давалъ ему [1]), онъ только на нѣсколько минутъ приходилъ въ состояніе неполнаго сознанія. При попыткахъ его говорить—слышалось лишь глухое мычаніе. Между тѣмъ гангрена зашла за колѣнное сочлененіе дюймовъ на 5. Пульса нельзя было прощупать даже въ бедренной артеріи. Эмиръ Ширъ-Али-ханъ медленно угасалъ...

А природа въ это время была такъ прекрасна! Она справляла первые праздничные, залитые солнечнымъ сіянемъ и наполненные разнороднымъ пѣніемъ пернатыхъ пѣвцовъ, дни весны... Когда утромъ 8-го февр. я вышелъ, по обыкновенію, на терасовидную крышу дома, то глазамъ моимъ представилась восхитительная панорама. У самыхъ ногъ моихъ разстилался громадный садъ-лѣсъ. Сквозь чащу деревьевъ виднѣлись тамъ и сямъ разбросанные, безъ всякаго порядка, оригинальные дома жителей. Куполообразныя кровли ихъ напоминали мнѣ классическій улей, а вся масса садовъ имѣла видъ огромной пасеки. На пространствѣ всего громаднаго лѣса садовъ виднѣлись вездѣ какъ отдѣльныя деревья, такъ и цѣлыя купы ихъ, облитыя бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ. Рядомъ съ цвѣтущими абрикосовыми деревьями, покрытыми словно пушистымъ, блестящимъ снѣгомъ, особенно рельефно выдавались окрашенныя въ фіолетовые и пурпурные тоны миндальныя деревья. Воздухъ благоухалъ тонкимъ ароматомъ. Тихо солнце посылало изъ за горъ свой привѣтъ пробуждающейся землѣ. Золотыя нити солнечнаго свѣта, процѣживаемые сквозь зубцы горъ, падали на холодную землю и пробуждали сокрытые въ ней зачатки жизни... А кругомъ царила почти мертвая тишина,—только сорока, пробужденная и согрѣтая первыми лучами восходящаго солнца, неистово стрекотала на одномъ изъ могучихъ чинаровъ, широкими объятіями охватившихъ нашъ дворъ. Черезъ барьеръ стѣны, отдѣлявшей наше помѣщеніе отъ конскаго двора, можно было видѣть

[1]) Посредствомъ подкожныхъ впрыскиваній.

какъ начиналась на немъ жизнь и движеніе. Вотъ неповоротливый, угрюмый казакъ Фроловъ лѣниво похаживаетъ около своего коня, какъ-то флегматично лаская его и стараясь поправить на немъ что-то дырявое, похожее на попону. Два-три джигита босикомъ выскочили изъ войлочной палатки и тоже тянутся къ конямъ, почесываясь на ходу и позѣвывая во весь ротъ—инда челюсти трещали. Три авганскихъ стражника, растянувшіеся у входныхъ воротъ на своихъ неизмѣнныхъ овчинахъ, приподняли свои косматыя головы, да такъ и замерли въ этомъ положеніи, точно соображая: пора ли вставать или еще рано. По пыльной дорогѣ, кусокъ которой виднѣлся изъ за наружной стѣны нашего укрѣпленнаго четырех-угольника, медленно тянулись три ишака (осла), навьюченные дровами и клеверомъ. За ними, ковыляя и заплетая ногами, плелся убогій узбекъ. Вотъ ослы поравнялись съ воротами и вошли на нашъ дворъ. Въ сторонѣ дворца эмира послышалась музыка; оркестръ проигралъ обычный утренній маршъ—и опять снова все погрузилось въ прежнее безмолвіе...

Эмиръ Ширъ-Али-ханъ померъ 8 февраля, вечеромъ. Это былъ такой человѣкъ, который заслуживаетъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ.

ГЛАВА VII.

Краткая біографія эмира Ширъ-Али-хана. — Очеркъ времени его правленія.—Его пятилѣтняя борьба съ своими братьями.—Время англійскаго вліянія на него.—Реформы Ширъ-Али-хана.—Упадокъ англійскаго вліянія и усиленіе русскаго. — Физическій и моральный обликъ покойнаго эмира.

Этнографія Авганскаго Туркестана.—Статистика: приблизительная численность населенія; хлѣбопашество, скотоводство и другія занятія жителей.—Метеорологическія наблюденія.

Извѣстно, что эмиръ Ширъ-Али-ханъ былъ однимъ изъ самыхъ младшихъ сыновей Достъ-Магометъ-хана.

Путь къ трону для него открылся только благодаря тому обстоятельству, что въ 1858 г. умеръ его старшій братъ Гуламъ-Хайдеръ-ханъ, назначенный Достъ-Магомметъ-ханомъ себѣ въ преемники. Послѣ Акберъ-хана и умершаго наслѣднаго принца Ширъ-Али-ханъ безспорно былъ первымъ кандидатомъ на занятіе отцовскаго трона. Его старшіе братья были или совершенныя бездарности, какъ напр., Афзаль-ханъ и Маметъ-Хассанъ-ханъ, или, если и не были такъ глупы, то не обладали никакимъ вліяніемъ среди авганскаго народа. Хотя Маметъ-Азимъ-ханъ и Маметъ-Эминъ-ханъ и пользовались нѣкоторымъ вліяніемъ и не были лишены извѣстныхъ способностей, но и они не могли идти въ рядъ съ Ширъ-Али-ханомъ.

9-го іюня 1863 г. 80 лѣтній эмиръ Достъ - Магомметъ - ханъ померъ. На престолъ авганскій сейчасъ же вступилъ Ширъ-Али-ханъ.

Ему въ то время было около 40 лѣтъ. Братья повидимому признали его эмиромъ безпрекословно. Но это было только повидимому.

Уже осенью этого года Азимъ-ханъ поднялъ знамя бунта въ округѣ Курумъ. Ширъ-Али-ханъ, оставивъ 16-ти-лѣтняго Якубъ-хана правителемъ Герата, самъ быстро двинулся на мятежнаго брата, разбилъ его и заставилъ искать убѣжища на англійской територіи.

Въ декабрѣ мѣс. этого же года Ширъ-Али-ханъ получилъ письмо отъ англо-индѣйскаго вице-короля, въ которомъ онъ признавался эмиромъ Авганистана.

Весною слѣдующаго года Азимъ-ханъ снова поднялъ знамя бунта. Къ нему примкнулъ и правитель Балха, Афзаль-ханъ.

Но и на этотъ разъ мятежные братья были быстро усмирены. Магометъ-Рафикъ-ханъ, генер. эмира, разбилъ Азимъ-хана въ знаменитомъ ущельѣ Баджгахъ. Афзаль-ханъ просилъ прощенія и мира. Ширъ-Али-ханъ, вслѣдствіе свойственной ему душевной мягкости, простилъ Афзаль-хана и заключилъ съ нимъ «вѣчный миръ». Прощеніе было полное, такъ что Афзаль-ханъ остался по прежнему правителемъ Авганскаго Туркестана. Но въ то время, когда примирившіеся братья весело и пріятно проводили время въ Ташъ-Курганѣ,— Абдуррахманъ-ханъ, племянникъ эмира и сынъ Афзаль-хана, затѣялъ интригу. Эмиръ потребовалъ, чтобы онъ пріѣхалъ изъ Тахтапуля въ Ташъ-Курганъ. Но Абдуррахманъ-ханъ поспѣшно переправился черезъ Аму и явно началъ готовиться къ войнѣ съ эмиромъ. Тогда Ширъ-Али-ханъ, сильно раздраженный такими поступками своего племянника, схватилъ его отца, Афзаль-хана, и заключилъ въ тюрьму.

Весною слѣдующаго года (1865) Ширъ-Али-ханъ опять долженъ былъ взяться за оружіе. Азимъ-ханъ опять взбунтовался. Къ нему пристали теперь и другіе братья: Эминъ-ханъ, правитель Кандахара, Маметъ Шерифъ-ханъ, правитель Гиришка и Фарра и племянникъ эмира Джелалъ-уддинъ. Азимъ-ханъ опять былъ быстро разбитъ. Тогда войска эмира обратились противъ Маметъ-Эминъ-хана. Сраженіе произошло при Келати-Гильзай. Эмиръ одержалъ здѣсь полную побѣду, но эта побѣда ему обошлась очень дорого. Въ сраженіи палъ его любимый сынъ, его наслѣдникъ, Маметъ-Али-ханъ.

Я уже разсказалъ выше (см. 5 гл. II тома) какимъ образомъ,

это случилось. Вслѣдствіе смерти Маметъ-Али-хана результатъ полной побѣды эмира надъ своими противниками сводился къ нулю. Но и на этотъ разъ мятежные братья были великодушно прощены эмиромъ.

Побѣдитель-эмиръ отступилъ къ Кандахару. Здѣсь онъ предался полному одиночеству, не желая никого видѣть, ничего слышать. Эмиру докладывали о томъ, что Балхъ занятъ Абдуррахманъ-ханомъ, что непріятель идетъ на Кабулъ, а онъ ничего не хотѣлъ знать. По цѣлымъ днямъ онъ сидѣлъ въ задумчивости и молчаніи, и если нарушалъ свое безмолвіе, то только горестнымъ возгласомъ: мой сынъ! моя надежда!—тебя нѣтъ болѣе на свѣтѣ!..» Горе и печаль по сынѣ, наконецъ, повергли эмира въ состояніе, близкое къ сумасшествію. Разъ онъ приказалъ казнить нѣсколькихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, разъ онъ самъ покушался на самоубійство, бросившись въ глубокій прудъ. По цѣлымъ днямъ онъ ничего не ѣлъ...

Когда эмиръ получилъ извѣстіе о томъ, что Абдуррахманъ-ханъ идетъ на Кабулъ, то для защиты столицы послалъ своего старшаго (послѣ Маметъ-Али-хана) сына, Маметъ-Ибрагимъ-хана, и Сердаря Рафикъ-хана. Но Ибрагимъ-ханъ оказался совершенною бездарностью. Онъ поссорился съ Рафикъ-ханомъ, вслѣдствіе чего даровитый генер. эмира перешелъ на сторону Абдуррахманъ-хана. Дѣло кончилось тѣмъ, что 24 февраля 1866 г. Кабулъ былъ занятъ войсками противниковъ эмира. Ибрагимъ-ханъ бѣжалъ въ Кандахаръ и привезъ своему отцу печальное извѣстіе о занятіи его столицы врагами.

Это событіе возбудило обычную энергію Ширъ-Али-хана. Онъ быстро собралъ 15-ти тысячное войско и пошелъ на встрѣчу Абдуррахманъ-хану. 27 апрѣля войска противниковъ сошлись у Сеидъ-абада. Въ этомъ дѣлѣ Ширъ-Али-ханъ выказалъ много храбрости и энергіи, какъ и всегда, но—мало искусства полководца. Передъ сраженіемъ Абдуррахманъ-ханъ занялъ сильную позицію на холмѣ, укрѣпился рвами и валами. Между тѣмъ Ширъ-Али-ханъ послѣ усиленнаго марша, спѣшнаго пути по мѣстности, покрытой глубокимъ снѣгомъ (зима въ этомъ году была очень снѣжная), не давши своимъ войскамъ надлежащаго отдыха, прямо повелъ ихъ на штурмъ лагеря Абдуррахманъ-хана. Атака возобновлялась эмиромъ три раза, но безуспѣшно. Во время третьей атаки эмиру измѣнилъ кандахар-

скій контингентъ войскъ. Тогда онъ былъ рѣшительно разбитъ и съ немногими всадниками ускакалъ въ Газну. Но въ этотъ городъ его не впустили. Послѣ этого онъ отступилъ въ Кандахаръ.

Вскорѣ Афзаль-ханъ, освободившійся изъ плѣна послѣ пораженія Ширъ-Али, объявилъ себя эмиромъ и поселился въ Кабулѣ.

Ширъ-Али-ханъ не падалъ однако духомъ. Хотя онъ терпѣлъ большую нужду и въ деньгахъ, и въ оружіи, и въ людяхъ, но, тѣмъ не менѣе, дѣятельно готовился къ продолженію борьбы. Онъ вступилъ въ сношенія съ индо-британскимъ правительствомъ, прося у него субсидіи и оружія, особенно ружей, въ которыхъ эмиръ сильно нуждался. Въ то же время онъ велъ переговоры съ правителемъ Балха, Феизъ-Магометъ-ханомъ, котораго и успѣлъ привлечь на свою сторону. Въ январѣ 1867 г. онъ располагалъ уже 8 тысячнымъ войскомъ. Но при Келати-Гизальѣ эмиръ былъ опять разбитъ Абдуррахманъ-ханомъ. 26 января Абдуррахманъ занялъ и Кандахаръ.

Ширъ-Али-ханъ черезъ Гератъ прибылъ въ Тахтапуль, къ своему союзнику Феизъ-Магометъ-хану. Здѣсь они собрали армію въ 16 тыс. человѣкъ и пошли на Кабулъ. Но тутъ Ширъ-Али-ханъ опять высказалъ полное незнаніе военнаго искусства. Онъ безъ нужды раздробилъ свою армію на нѣсколько отрядовъ, чѣмъ сильно ослабилъ ее. Абдуррахманъ-ханъ отлично этимъ воспользовался и по частямъ разбилъ войско эмира. Ширъ-Али-ханъ съ нѣсколькими всадниками удалился въ Тахтапуль, а черезъ нѣсколько дней—въ Гератъ, единственный округъ, оставшійся ему вѣрнымъ.

Положеніе эмира казалось теперь безвыходнымъ. Его союзники и лучшіе генералы (напр. Рафикъ-ханъ, Феизъ-Магометъ-ханъ) или передались на сторону его враговъ или умерли. У него не было ничего: ни денегъ, ни войска, ни оружія, ни даже надежды на успѣхъ. Англо-индѣйское правительство отвѣтило полнымъ отказомъ на всѣ его просьбы. Оно признало эмиромъ Авганистана Афзаль-хана, а когда онъ померъ (25 сентября 1867 г.), то—его брата, Азимъ-хана.

Между тѣмъ Ширъ-Али-ханъ не унывалъ, понемногу готовился къ дальнѣйшей борьбѣ и выжидалъ лучшаго времени.

— Я похожъ на деревянную чашку, говорилъ эмиръ. Сколько она ни падаетъ—не разбивается. Но Абдуррахманъ-ханъ—китайская, фарфоровая чашка: разъ упадетъ и разобьется въ дребезги...

И эмиръ былъ правъ. Одна неудача—и Абдуррахманъ-ханъ потерялъ и г. Кабулъ, и весь Авганистанъ. Весною 1868 г. Якубъ-ханъ, унаслѣдовавшій отъ старшаго своего брата и смѣлость и храбрость,—нечаяннымъ нападеніемъ, всего съ 50 всадниками, занялъ Кандахаръ. Эмиръ не терялъ времени напрасно. Онъ сейчасъ же двинулся съ нѣсколькими стами всадниковъ по направленію къ Кабулу. По дорогѣ его вездѣ принимали какъ избавителя отъ тираніи Азимъ - хана. Вскорѣ онъ, послѣ трехкратнаго штурма, овладѣлъ столицею Авганистана. Абдуррахманъ-ханъ, находившійся тогда въ Авганскомъ Туркестанѣ, поспѣшилъ на помощь Азимъ-хану, но при укрѣпл. Занахана былъ совершенно разбитъ Ширъ-Али-ханомъ. Въ концѣ 1868 года эмиръ Ширъ-Али снова объединилъ подъ своею властью весь Авганистанъ, доставшійся ему отъ отца.

Азимъ-ханъ и Абдуррахманъ долгое время скитались по разнымъ странамъ; были они и въ Персіи, и въ Бухарскихъ владѣніяхъ, и въ Туркменской степи, пока Азимъ-ханъ не умеръ. Въ 1870 году Абдуррахманъ-ханъ прибылъ въ Русскій Туркестанъ и поселился на житье въ Самаркандѣ [1]).

Теперь Ширъ-Али-ханъ могъ спокойно сидѣть на отеческомъ тронѣ. Если бы онъ былъ заурядным дюжинникомъ, то конечно и удовольствовался бы этимъ. Но онъ былъ человѣкъ иныхъ качествъ. Онъ не могъ долго сидѣть, сложа руки. Онъ хотѣлъ, онъ искалъ дѣла. И вотъ онъ задумалъ тогда рядъ реформъ, которыхъ, къ сожалѣнію, ему почти не удалось провести въ жизнь управляемой имъ страны.

Прежде всего онъ обратилъ свое вниманіе на войска.—До сихъ поръ въ Авганистанѣ не было регулярныхъ войскъ, а было ополченіе, ратники, которые созывались въ нужное время подъ знамена. Эмиръ увидалъ, что «газіи» (т. е. ратники, воители за вѣру) никуда негодятся въ сравненіи съ регулярными солдатами. Поэтому онъ поставилъ себѣ первою задачею—создать для Авганистана регулярную армію, по европейскому образцу. Но у него не было ни денегъ, ни надлежащаго оружія, ни опытныхъ инструкторовъ. Собственными средствами эмиръ едва-ли могъ что либо сдѣлать. Волей-неволей прихо-

---

[1]) Онъ получалъ отъ русскаго правительства ежегодную субсидію въ 25,000 рублей.

дилось обратиться за помощью къ старому врагу Авганистана, Англіи.

Между тѣмъ англичане увидавъ, что Ширъ-Али-ханъ восторжествовалъ надъ своими соперниками, не хотѣли оставить его внѣ своего вліянія. Поэтому они сейчасъ же прислали ему поздравленіе съ воцареніемъ въ Кабулѣ и предложили свой союзъ. Вмѣстѣ съ этимъ они выслали эмиру нѣсколько сотъ тысячъ рупій и много оружія. Обѣщанія же ихъ были еще завлекательнѣе.

Можетъ быть Ширъ-Али-ханъ еще въ то время повернулся бы спиною къ англичанамъ и предложилъ бы свою дружбу Россіи, если бы мы сдѣлали хотя намекъ на то, что примемъ его дружбу. Но вмѣсто этого мы приняли Абдуррахманъ-хана, кровнаго врага Ширъ-Али-хана.

Такимъ образомъ Ширъ-Али-ханъ долженъ былъ принять союзъ и помощь англичанъ. Амбальское свиданіе эмира съ вице-королемъ Индіи повидимому внесло въ этотъ союзъ характеръ интимности и сердечности. Но это было только повидимому. Ширъ-Али-ханъ никогда не забывалъ, что англичане—кровный и единственный врагъ Авганистана. Своимъ присутствіемъ въ Амбаллѣ эмиръ хотѣлъ только возвысить сумму того гонорара, который англичане обязывались выплачивать ему за его дружбу. И онъ успѣлъ въ этомъ. Онъ получилъ и деньги, и оружіе, и инструкторовъ.

Возвратясь изъ Индіи, Ширъ-Али-ханъ приступилъ къ организаціи регулярной арміи. Для этого англійскій уставъ былъ переведенъ на авганскій языкъ и принятъ въ войскахъ эмира. Обмундировка войскъ также получила нѣкоторое подобіе обмундировки англо-индѣйскихъ войскъ. Вообще всѣ военные порядки были взяты съ готоваго образца—съ индѣйскихъ войскъ. Только одного недостатка, и притомъ капитальнаго, свойственнаго индѣйскимъ войскамъ, избѣжала авганская армія, это—малоподвижности, излишняго обремененія строевыхъ частей нестроевыми толпами разныхъ прислужниковъ, обозныхъ, маркитантовъ и т. п. Войска Ширъ-Али-хана постоянно находились въ готовности къ походу, они не знали слова: мобилизація. Сегодня они находились въ лагерѣ, а завтра могли выступить въ походъ.

Убѣдившись на опытѣ какъ неудобна система рекрутированія войскъ посредствомъ вербовки, Ширъ-Али-ханъ задумалъ организо-

вать въ своемъ государствѣ всеобщую воинскую повинность. Каждый авганецъ, и вообще туземецъ мусульманинъ, долженъ былъ, по достиженіи имъ извѣстнаго возраста, поступить въ войска эмира и прослужить въ нихъ извѣстное время. Эта мѣра, въ связи съ обезоруженіемъ нѣкоторыхъ округовъ Авганистана, вызвала сильную оппозицію со стороны многочисленныхъ Сердарей, вообще пользующихся въ Авганистанѣ почти независимымъ положеніемъ. Они не давали въ войска эмира не только своихъ дѣтей и родственниковъ, но и простыхъ солдатъ.

Чтобы привлечь въ свои войска солдатъ Сердарей, а дѣтей послѣднихъ въ свою гвардію, эмиръ употребилъ слѣдующій способъ. Своего роднаго брата, Нейкъ-Магометъ-хана, онъ зачислилъ простымъ рядовымъ. Этотъ Сердарь прослужилъ въ войскахъ этимъ званіемъ цѣлыхъ два года. Затѣмъ, когда подросъ его внукъ, Ахмедъ-Али-ханъ, сынъ его старшаго сына, убитаго при Келати-Гильзай, Маметъ-Али-хана, эмиръ поступилъ и съ нимъ также какъ съ Нейкъ-Магометъ-ханомъ. Вслѣдствіе этого оппозиція хотя и не прекратилась, но значительно ослабѣла. Къ концу своего царствованія Ширъ-Али-ханъ имѣлъ до 60 пѣхотныхъ баталіоновъ, хорошо сформированныхъ и спабженнымъ порядочнымъ вооруженіемъ. Нѣсколько баталіоновъ кабульскихъ войскъ были вооружены скорострѣльными ружьями. Въ полевой артиллеріи эмиръ не нуждался, но крѣпостной у него не было почти вовсе [1]).

Пути сообщенія также обратили на себя вниманіе эмира. Онъ устроилъ почтовое сообщеніе Кабула съ главными городами государства. Почта исполняла не только порученія администраціи, но и частныя лица одинаково пользовались ею. Для этой цѣли были установлены извѣстные знаки, марки, въ 1, $^1/_2$, $^1/_4$ и $^1/_{10}$ чч. рупіи. Почта была какъ верховая, такъ и пѣшая. Зимою черезъ Гинду-Кушъ ходила обыкновенно пѣшая почта. Марки почтовыя печатались на кабульской типографіи (литографіи?).

---

[1]) Нельзя не обратить вниманія на то, что эмиръ бралъ въ солдаты только очень крѣпкихъ и совершенно здоровыхъ молодыхъ людей. Малѣйшее физическое уродство также служило препятствіемъ къ поступленію въ войска эмира. Всѣ безволосые (плѣшивые и лысые) люди безпощадно браковались эмиромъ.

Вѣроятно дѣятельность эмира этимъ не ограничилась бы, еслибы ему выпало на долю побольше спокойствія—какъ внутренняго, у себя дома, такъ и внѣшняго. Между тѣмъ въ странѣ нѣсколько разъ вспыхивали то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, волненія и возмущенія, которыя нужно было усмирять вооруженною силою. Въ то же время эмиръ пробовалъ свои войска въ небольшихъ экспедиціяхъ, имѣвшихъ цѣлію расширить его владѣнія. Такъ въ 1872 г. былъ покоренъ Бадахшанъ, въ 1875 г.—ханство Мейменe.

Больше всего горя и непріятностей доставило эмиру возмущеніе Якубъ-хана. Храбрый сынъ эмира былъ очень обиженъ тѣмъ, что Ширъ-Али-ханъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ не его, Якубъ-хана, а его младшаго брата Абдулла-Джана. Поэтому Якубъ-ханъ не скрывалъ своего негодованія по поводу образа дѣйствій своего отца. Онъ открыто объявилъ, что не признаетъ своего младшаго брата наслѣдникомъ авганскаго престола. Дѣло чуть было не дошло до войны между отцемъ и сыномъ. Но эмиръ пустилъ въ ходъ обычную азіатскую уловку, вѣроломно захватилъ своего сына и посадилъ его въ тюрьму. Этимъ поступкомъ эмиръ возстановилъ противъ себя многочисленную партію приверженцевъ Якубъ-хана. — Узнавъ объ арестѣ Якубъ-хана, другой сынъ Ширъ-Али-хана, Эюбъ-ханъ, также не желая признать наслѣдникомъ авганскаго престола Абдулла-Джана и страшась участи Якубъ-хана, эмигрировалъ въ Персію и поселился въ Хоросанѣ. И онъ съ своею партіею также примкнулъ къ числу недовольныхъ эмиромъ лицъ.

Между тѣмъ внѣшніе враги эмира и авганскаго государства, англичане, также давали себя знать. Черезъ 2—3 года послѣ амбальскаго свиданія они стали требовать отъ эмира погашенія капитала, выданнаго ему въ видѣ пособія, оружія и т. п. Это погашеніе должно было состоять въ томъ, что эмиръ долженъ былъ помочь англичанамъ наложить руку на независимость Авганистана. На первое время эта рука должна была имѣть видъ англійскаго резидента, посаженнаго эмиромъ въ Кабулѣ. Кромѣ того эмиръ долженъ былъ дозволить англійскимъ офицерамъ объѣхать сѣверныя и западныя границы Авганистана, для осмотра будто бы мѣстности. Затѣмъ эмиру было предъявлено требованіе—поставить англійскіе гарнизоны въ Гератѣ и Балхѣ. Потомъ эмиръ долженъ былъ явиться въ Симлу для привѣтствія

новаго индійскаго вице-короля и для поднесенія адреса новой императрицѣ Индіи.

Тогда Ширъ-Али-ханъ ясно увидалъ куда можетъ завлечь его дальнѣйшая дружба съ англичанами. Они не отказывали ему ни въ деньгахъ, ни въ оружіи, но за то требовали отъ него поступленія своею независимостью и независимостью Авганистана.

— Передъ войной—говорилъ однажды мнѣ эмиръ,—англичане всячески старались задобрить меня; они давали мнѣ денегъ и оружія, обѣщали даже увеличить мои владѣнія, но я отъ всего этого отказался. Я знаю, что значатъ эти обѣщанія и подарки! Исторія съ индійскими владѣтелями слишкомъ поучительна, чтобы закрывать на нее глаза [1])...

Съ другой стороны эмиръ не могъ не замѣтить, что сѣверный его сосѣдъ, еще болѣе могущественный, чѣмъ Англія, Россія,—дѣйствуетъ совсѣмъ иначе. Эмиръ не могъ не замѣтить, что она не ставитъ своимъ сосѣдямъ тѣхъ ловушекъ, на которыя такъ искусна Англія; онъ не могъ не замѣтить, что Россія наказывала сосѣднія средне-азіатскія ханства только тогда, когда всѣ мирныя средства для улаженія пограничныхъ споровъ, предложенныя Россіею, были отвергнуты ими. Но тогда Россія честно и откровенно говорила имъ: я иду наказать васъ—и наказывала. Не могъ не знать эмиръ, что Россія дважды великодушно помогла бухарскому эмиру сохранить за собою тронъ, завоевала и возвратила ему два округа...

Эмиръ Ширъ-Али-ханъ не могъ, наконецъ, не знать, что если Россія и заняла значительную часть Средней Азіи, то совсѣмъ не такъ поступаетъ въ отношеніи мѣстнаго мусульманскаго населенія, какъ Англія. Населеніе Индіи, до покоренія его англичанами, было богато или, во всякомъ случаѣ, не бѣдствовало. Англичане пришли—и отъ Индіи остался одинъ остовъ; всѣ соки ея 250 милліоннаго на-

---

[1]) Здѣсь умѣстно сдѣлать выписку изъ книги извѣстн. англ. путешественника Муркрофта о томъ, что думали туземцы объ англичанахъ еще въ его время (1823 г.). «Англичане—говорили Муркрофту туземцы—никогда еще не вступали ни въ какой уголокъ Азіи, не имѣя въ виду своекорыстныхъ цѣлей; напослѣдокъ же дѣло кончалось полнымъ порабощеніемъ мѣстныхъ жителей». Moorkroft, Journey to Kabul, vol. II, p. 408—9.

селенія энергично высасываются англійской администраціею.—Роль Россіи въ Азіи совсѣмъ другая. Среднеазіатцы только выиграли отъ перемѣны власти. При ханахъ они платили значительно большія подати, чѣмъ теперь, да кромѣ того—никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ: во всякое данное время ханъ могъ туземца зарѣзать, а его состояніе конфисковать.

Эмиръ Ширъ-Али-ханъ все это зналъ. И вотъ мало по малу его страхъ передъ русскими смѣнился великимъ уваженіемъ къ нимъ.

Этому чувству эмира не вредили и оффиціальныя сношенія его съ русскимъ правительствомъ. Тонъ писемъ генер. Кауфманна къ эмиру былъ всегда весьма деликатенъ, хотя эта деликатность нисколько не уменьшала ихъ убѣдительности. О всякомъ выдающемся событіи въ жизни Русскаго Туркестана генер. Кауфманнъ считалъ своимъ обязательнымъ долгомъ извѣщать эмира Авганистана, и онъ не могъ не цѣнить такого вниманія къ себѣ со стороны полномочнаго представителя могущественной Россіи. Понятно, что и онъ платилъ намъ тѣмъ же. Такъ онъ извѣстилъ туркестанскаго генералъ-губернатора о признаніи своимъ наслѣдникомъ Абдулла-Джана и проч.

Во время пешаверской конференціи британскаго и авганскаго уполномоченныхъ эмиръ находился уже вполнѣ подъ вліяніемъ Россіи. Если бы мы не снарядили къ нему посольства, то въ критическую минуту онъ самъ, вѣроятно, первый протянулъ бы намъ руку.

Мнѣ остается теперь набросать картину физическаго и моральнаго облика эмира.

Въ молодости онъ былъ, нужно полагать, очень красивымъ мужчиной. Роста онъ былъ немного выше средняго, коренастъ, съ широкой и высокой грудью. Черты лица сильно напоминали семита. Горбатый носъ и большіе черные глаза придавали физіономіи характеръ рѣшимости и настойчивости. Густыя, черныя съ просѣдью, дугой очерченныя, брови прекрасно гармонировали съ густой волнистою бородой, тоже чернаго цвѣта, въ которой изъ общаго фона выяснялись немногіе золотистые, окрашенные волоски. Волосъ на головѣ онъ не брилъ [1]), онъ носилъ нѣчто въ родѣ польской прически. Волосы—

[1]) Вообще авганцы не только не брѣютъ волосъ на головѣ, но даже и не обстригаютъ ихъ коротко.

густые, слегка волнистые, чорные и довольно крупные. Ногти на пальцахъ рукъ были выкрашены ярко-краснобурой краской.

Прежде онъ вѣроятно обладалъ очень крѣпкимъ здоровьемъ; но въ мое время оно замѣтно пошатнулось. Нѣтъ сомнѣнія, что это произошло вслѣдствіе тѣхъ бѣдъ и превратностей судьбы, которыя обильно сыпались на голову эмира. Но въ дѣлѣ разстройства здоровья безъ сомнѣнія не малую роль игралъ едва ли не единственный недостатокъ эмира, это—злоупотребленіе спиртными напитками.

О такомъ результатѣ его попоекъ можно было до извѣстной степени судить по той нервной дрожи въ рукахъ, которая сопровождала всѣ произвольныя движенія ихъ (tremor potatorum).

По своимъ душевнымъ качествамъ это былъ выдающійся человѣкъ для Средней Азіи. Это былъ рыцарь безъ страха и упрека. Его миролюбіе и кротость души достаточно извѣстны изъ предъидущаго историческаго очерка борьбы его съ братьями. Но когда нужно было быть строгимъ—онъ былъ такимъ.

За доказательствами его великодушія не нужно ходить далеко. Достаточно сказать, что онъ до послѣдней минуты своей жизни весьма любезно относился къ русской миссіи. Справедливость требуетъ опять заявить, что миссія, или вѣрнѣе, генер. Столѣтовъ, не оправдали ожиданій эмира. Бывшій начальникъ миссіи надавалъ ему кучу широковѣщательныхъ обѣщаній, которыхъ Россія не могла выполнить. Такимъ образомъ миссія была виновата въ крутомъ оборотѣ англо-авганской распри.

Затѣмъ послѣдующій начальникъ миссіи (генер. Разгоновъ) посовѣтовалъ эмиру ѣхать въ Россію, съ цѣлью личнаго ходатайства передъ русскимъ государемъ о защитѣ противъ притѣсненій Англіи. Эмиръ послушался совѣта, обратился съ просьбою объ этомъ въ Петербургъ и получилъ отказъ.

Вообще нельзя достаточно удивляться, что начальники миссіи на свой страхъ, противно инструкціи, давали эмиру разные совѣты и дѣлали обѣщанія, которыхъ потомъ невозможно было выполнить. А онъ безусловно вѣрилъ нашимъ посламъ и всецѣло отдался во власть Россіи. И онъ былъ за свою вѣру жестоко наказанъ. Всякій другой азіатскій государь (да еще азіатскій ли только?) на его мѣстѣ непре-

мѣнно подвергнулъ бы нашу миссію разнымъ репрессаліямъ. Стоддартъ и Конолли далеко не были такъ виноваты передъ эмиромъ бухарскимъ, какъ наша миссія передъ Ширъ-Али-ханомъ, и тѣмъ не менѣе сложили свои головы на плахѣ. Между тѣмъ наша миссія не видала отъ Ширъ-Али-хана ничего другаго, кромѣ неизмѣнной любезности и предупредительности. Правда, бывали и у него вспышки негодованія, какъ видѣлъ читатель изъ предъидущаго разсказа, но я полагаю, что на его мѣстѣ даже и величайшій изъ стоиковъ вышелъ бы изъ себя.

Эмиръ былъ совершенно чуждъ той заносчивости и нетерпимости, какими отличаются не только среднеазіатскіе государи, напр. эмиръ бухарскій,—но и болѣе или менѣе высокопоставленные ихъ сановники. Онъ былъ простъ въ образѣ жизни и привычкахъ. Всегда онъ былъ одинаковъ. Онъ умѣлъ со всѣми обойтись и говорить сообразно съ умственнымъ уровнемъ его случайныхъ собесѣдниковъ. Разъ онъ въ шутливомъ, но тѣмъ не менѣе весьма характерномъ, способѣ изложенія передалъ свою способность входить въ положеніе своихъ собесѣдниковъ, на какой бы лѣстницѣ общественнаго строя они ни стояли. Это было въ Ташъ-Курганѣ. Эмиръ въ теченіи нѣсколькихъ дней не звалъ къ себѣ нашу миссію.

— Не сердитесь на меня—говорилъ онъ потомъ намъ,—что я такъ долго не звалъ васъ къ себѣ; вы не знаете, сколько я за это время видѣлъ свиней, ословъ, барановъ, медвѣдей и друг. звѣрей. Съ каждымъ изъ нихъ я долженъ былъ говорить на его языкѣ: съ медвѣдемъ я и самъ былъ медвѣдь, съ бараномъ—баранъ и т. д. Всѣхъ ихъ нужно было мнѣ видѣть и выслушать, со всѣми я долженъ былъ говорить. Я не могъ поступить иначе; они вѣдь обидѣлись бы...

Разъ давши слово, обѣщаніе, эмиръ непремѣнно исполнялъ его. «Лицевая вода», т. е. честь, была для него выше всего. Какъ на примѣръ подобнаго отношенія его къ дѣлу можно указать опять таки на его отношенія къ Россіи. Разъ онъ рѣшилъ держаться русской стороны—и держался ея до самой смерти. Изъ за дружбы съ Россіею онъ почти лишился трона.

— Пусть—говорилъ по этому поводу эмиръ — англичане заняли много городовъ. Пусть они употребляютъ всѣ свои усилія, чтобы склонить меня къ миру. Этого не будетъ. Я не хочу болѣе

слышать объ англичанахъ и ихъ мирныхъ предложеніяхъ. Но я отдамъ имъ еще большее число городовъ, даже половину государства, если мнѣ посовѣтуетъ это великій Русскій Императоръ. Я—вассалъ Его Величества, а мое царство—его царство. Все, чтобы онъ мнѣ ни приказалъ,—все я исполню; иначе я бы не заключилъ союза и дружбы.

О благородствѣ духа эмира, его доступности и деликатности по отношенію ко всѣмъ, даетъ понятіе слѣдующій случай.

Въ бытность свою въ Кабулѣ миссія, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ, въ которыя былъ поставленъ городъ, а также и вслѣдствіе злоупотребленій Везира,—часто голодала. Эмиръ наконецъ узналъ объ этомъ. Однажды послѣ аудіэнціи онъ обратился къ Замаанъ-беку съ слѣдующими словами:

— Знаете что, Замаанъ-бекъ... я прошу васъ передать посольству, чтобы оно не сердилось на меня, если у него былъ въ чемъ либо недостатокъ. Вѣдь я не зналъ, что вы нуждаетесь; мнѣ всего не говорятъ. Если прочіе члены посольства молчали объ этомъ, изъ деликатности не говорили мнѣ о своихъ нуждахъ, то съ ихъ стороны это понятно; вѣдь они—гости мои. Но зачѣмъ же вы мнѣ не сказали объ этомъ? Вѣдь вы—болѣе чѣмъ гость для меня: я смотрю на васъ какъ на брата...

Эмиръ обладалъ очень живымъ умомъ. Онъ быстро обнималъ какой либо фактъ, событіе, обстоятельство. Его любознательность иногда просто поражала посторонняго человѣка; онъ хотѣлъ все знать. Онъ порядочно зналъ всемірную исторію; особенно любилъ онъ говорить о Петрѣ Великомъ. Ему совсѣмъ чужда была мусульманская неподвижность мысли, фатализмъ. Я никогда не слыхалъ, чтобы онъ говорилъ неизмѣнное, при случаѣ и безъ всякаго случая употребляемое мусульманами Средней Азіи, «иншъ-аллахъ»—авось, дастъ Богъ. Онъ все хотѣлъ дѣлать по своему.

Въ заключеніе я привожу здѣсь генеалогическую таблицу дома Серефразъ-хана, царствующаго въ Авганистанѣ съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

1) Отъ Серефразъ-хана и старшей его жены, Руи-Бактъ, изъ рода Мохаммедзай, родились:

Фетхъ-ханъ. | Маг.-Азимъ-ханъ. | Тимуръ-Кули-ханъ.

Султанъ-Ахмедъ-ханъ. | Маг.-Седикъ-ханъ. | Маг.-Уммеръ-ханъ.

Шехнавазъ-ханъ | Сикендеръ-Ахмедъ-ханъ. | Абдулла-ханъ. | Фатима.

2) Отъ Серефразъ-хана и отъ жены изъ племени Гильзай:

Ата-Маг.-ханъ. | Яръ-Маг.-ханъ. | Султанъ-Маг.-ханъ. | Сеидъ-Маг.-ханъ. | Пиръ-Маг.-ханъ.

3) Отъ Серефразъ хана и отъ старшей жены его изъ племени Дураніевъ:

Ширъ-Диль-ханъ. | Фурдиль-ханъ. | Когендиль-ханъ. | Мигиръ-Диль-ханъ. | Рахимъ-Диль-ханъ.

Хошь-Диль-ханъ. | Маг.-Шахъ-ханъ.

4) Отъ Серефразъ-хана и разныхъ его женъ изъ племени Дураніевъ;

Самадъ-ханъ. | Асадъ-ханъ. | Джаббаръ-ханъ.

Набабъ-Маг.-Земанъ-ханъ.

Шуджа-Девлетъ-ханъ.

5) Отъ Серефразъ-хана и разныхъ его женъ изъ незначительныхъ родовъ:

Турабазъ-ханъ. | Исламъ-ханъ. | Джума-ханъ. | Абдуррахманъ-ханъ.

6) Отъ Серефразъ-хана и его наложницы персіянки:

Эмиръ-Маг.-ханъ. | Достъ-Магометъ-ханъ.

Маг.-Афзаль-ханъ. | Маг.-Агзимъ-ханъ. | Маг.-Ширъ-Али-ханъ. | Маг.-Шерифъ-ханъ.

Абдуррахманъ-ханъ.

Маг.-Гашимъ-ханъ. | Маг.-Таиръ-ханъ.

Исхакъ-ханъ. | Серверъ ханъ.

Маг-Али-ханъ. | Маг.-Ибрагимъ-ханъ. | М.-Якубъ-ханъ. | М.-Эюбъ-ханъ. | Абдулла-Джанъ.

Ахмедъ-Али-ханъ. | М.-Иеса-ханъ. | Биби-Джанъ.

Остальные сыновья Достъ-Магометъ-хана были:

Маг. Экремъ-ханъ.
Маг. Аслемъ-ханъ.
Маг. Хассанъ-ханъ.
Маг. Хуссейнъ-ханъ.
Маг. Вали-ханъ.
Маг. Экберъ-ханъ.
Гуламъ-Гайдеръ-ханъ.
Нейкъ-Магометъ-ханъ.
Султанъ-Джанъ (пасынокъ).

Въ Авганскомъ Туркестанѣ, какъ и вообще въ Средней Азіи, живетъ весьма смѣшанное населеніе. Главную же массу его составляютъ узбеки разныхъ родовъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ и бывшихъ полунезависимыхъ ханствахъ узбеки представляютъ сплошное населеніе. Къ числу этихъ округовъ принадлежатъ: Кундузъ, Андхой и Шиберханъ.

И здѣсь узбеки представляютъ остатки великой «Урта-Юзъ». Въ Кундузѣ и Ташъ-Курганѣ живутъ главнымъ образомъ узбеки рода Каттаганъ, въ Мазари-Шерифѣ и Балхѣ—роды Сарай и Мингъ, но вообще здѣсь роды перемѣшаны. Всѣхъ узбековъ, живущихъ въ Чааръ-вилайетѣ, можно считать до 400,000 душъ обоего пола.

Слѣдующая народность, обитающая въ этомъ округѣ, представляетъ остатокъ древнихъ Бактріанцевъ, аборигеновъ страны; это—таджики. Но ихъ теперь осталось очень мало, они положительно потонули въ узбекско-монгольскомъ потокѣ, наводнившемъ Чааръ-вилайетъ. Таджики живутъ исключительно въ городахъ, между тѣмъ какъ узбеки разсѣлились и по городамъ, и по селамъ. Таджиковъ едва ли наберется болѣе 100,000. Они лучше сохранились въ южныхъ, гористыхъ частяхъ округа, особенно въ Бадахшанѣ.—Затѣмъ слѣдуютъ еще болѣе мелкія народности, обитающія въ Чааръ-вилайетѣ. Это—киргизы, туркмены, иранцы (т. е. персіяне), авшарцы, индусы, евреи, гезарейцы, арабы и проч. Всѣ эти народности въ общей сложности даютъ не болѣе 50,000 душъ. Такимъ образомъ вся сумма населенія Чааръ-вилайета достигаетъ 500 или 600 тысячъ душъ обоего пола.

Главныя занятія жителей составляютъ земледѣліе и скотоводство. Тѣмъ и другимъ почти исключительно занимаются узбеки. Здѣсь воз-

дѣлываются тѣ же виды хлѣбовъ и злаковъ, что и въ русскомъ Туркестанѣ: пшеница (яровая и озимая), сорго (джугара), ячмень, просо, рисъ, клеверъ, кунжутъ и друг. Урожаи жатвъ весьма обильны; такъ пшеница меньше самъ 25 не дастъ. Понятно, что такіе урожаи обусловливаются съ одной стороны свойствами почвы (здѣсь способная къ воздѣлыванію земля состоитъ, главнымъ образомъ, изъ лёса), а съ другой—искусственнымъ орошеніемъ.

Садоводство и здѣсь, какъ и вездѣ въ Средней Азіи, находится на низкой степени развитія. Хотя садовъ и много—безъ садовъ нѣтъ ни одного селенія—но всѣ разводимыя въ нихъ породы плодовыхъ деревьевъ—дики, ростутъ безъ всякаго почти ухода со стороны человѣка. О скрещиваніи разныхъ породъ деревьевъ здѣшніе жители не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Между тѣмъ еслибы садоводство было поставлено какъ слѣдуетъ, то могли бы получиться блестящіе результаты.

Какъ ни первобытно поставлено здѣсь сельское хозяйство, т. е. хлѣбопашество и садоводство, но получаемаго хлѣба и плодовъ не только совершенно достаточно для мѣстнаго потребленія, но ежегодно еще и остается значительный излишекъ этихъ земледѣльческихъ произведеній. Эти остатки выводятся отсюда въ пограничныя страны и области, напр., въ Бухару, Бадахшанъ и проч.

Почти такую же роль въ хозяйствѣ страны играетъ и скотоводство. Узбеки и здѣсь являются главными производителями страны. Несмотря на деспотическій режимъ авганскаго владычества, несмотря на произвольныя реквизиціи авганской администраціи,—узбеки обладаютъ большими богатствами въ видѣ стадъ разныхъ животныхъ. Они разводятъ главн. образомъ лошадей и барановъ. Затѣмъ идутъ верблюды, двугорбые (такъ называемые бактріанскіе) и одногорбые («наръ»); потомъ уже идетъ рогатый удойный скотъ.

Изъ прибылей отъ хлѣбопашества и скотоводства туземцы главнымъ образомъ и уплачиваютъ государственные налоги. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ все количество податей и налоговъ, уплачиваемыхъ мѣстнымъ населеніемъ въ казну кабульскаго эмира и на содержаніе авганской администраціи Чааръ-вилайета, достигаетъ весьма почтенной цифры въ 3 милліона рупій, т. е. около 2-хъ милліоновъ рублей. Разложивши эту сумму на число податныхъ единицъ области, мы увидимъ, что каждый туземецъ-работникъ платитъ въ казну эмира не менѣе

10 рупій. А это—огромная сумма, если принять во вниманіе почти полное отсутствіе другихъ, кромѣ поименованныхъ, источниковъ доходовъ населенія. Вотъ почему узбеки такъ ненавидятъ авганъ. Авганцы смотрятъ на Чааръ-вилайетъ какъ на свою житницу, изъ которой они берутъ столько, сколько хотятъ. Подати уплачиваются населеніемъ главн. образомъ натурою, т. е. хлѣбомъ и скотомъ.

Торговля въ странѣ развита весьма слабо. Это и понятно. Промысловъ здѣсь почти никакихъ не существуетъ, мѣстныхъ производствъ—тоже. Лишь слабо замѣтны здѣсь зародыши шелководства. Большое количество шерсти, доставляемое огромными стадами скота, почти совсѣмъ не находитъ сбыта. Самый цѣнный мѣстный продуктъ изъ шерсти—это ковры, затѣмъ—кошмы и проч. мелочь. А между тѣмъ при другихъ условіяхъ одна эта статья торговли дала бы населенію не одинъ милліонъ рублей. Между тѣмъ сбыта для шерсти нѣтъ. Мѣстные рынки переполнены ею, а отправлять ее въ болѣе отдаленные торговые центры нѣтъ возможности вслѣдствіе дурныхъ путей сообщенія.

Тѣмъ не менѣе проѣзжая страною, путешественникъ довольно часто встрѣчается съ длинными вереницами верблюжьихъ каравановъ. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ это—транзитные караваны, везущіе индійскіе (т. е. англійскіе) товары въ Бухару—главный торговый рынокъ Средней Азіи. Впрочемъ, особеннаго заполоненія здѣшнихъ рынковъ англійскими товарами не видно. На ряду съ англійскими товарами вы увидите здѣсь и русскіе. Даже такія статьи торговли, какъ напр. свѣчи (екатеринб. завода Губбардъ) и сѣрныя спички (напр. Ворожцовой)—не составляютъ здѣсь рѣдкости.

Рудное дѣло, несмотря на то что здѣшніе горы изобилуютъ разными ископаемыми, поставлено плохо. Даже знаменитыя когда-то рубиновыя копи Бадахшана и залежи лаписъ-лазуря находятся въ запустѣніи. На здѣшнихъ базарахъ предлагается много нишабурской бирюзы и притомъ очень дешево.

Въ окрестностяхъ Мазари-Шерифа, верстахъ въ 20—30 къ югу отъ него, въ горахъ существуютъ какіе-то минеральные источники, пользующіеся среди мѣстнаго населенія большою цѣлебною славой въ различныхъ случаяхъ болѣзней. Мнѣ не удалось побывать на этихъ источникахъ, а потому я и не могу сказать о нихъ ничего опредѣленнаго.

Въ заключеніе этой главы я приведу нѣкоторыя данныя изъ мѣстной метеорологіи.

Мое пребываніе въ Чааръ-вилайетѣ обнимаетъ собою два совершенно противоположныя времени года; именно я былъ здѣсь лѣтомъ (іюнь, іюль и августъ) и зимою (декабрь, январь и февраль). Поэтому метеорологическія наблюденія должны по необходимости имѣть характеръ крайнихъ цифръ. Но я этому горю помочь, конечно, не въ силахъ, а потому даю читателю только то, что имѣю. Вотъ среднія данныя t° (въ тѣни) за время моего пребыванія здѣсь.

Изъ 23 наблюденій въ концѣ іюня и въ началѣ іюля среднія цифры t° были слѣдующія:

8 час. утра.	Въ 1 ч. дня.	Въ 8 ч. веч.
26,6° C.	35,1° C.	30° C.

Maximum t° въ 1 ч. дня=43, 6° C (въ Наибъ-абадѣ, 8 іюля); minimum t° въ 1 ч. дня былъ 32,2° C (въ Мазари-Шерифѣ, 2 іюля).

Изъ 40 наблюденій зимою (въ декабрѣ, январѣ и февралѣ мѣс.) 1878—79 гг. я получилъ слѣдующія среднія цифры:

8 час. утра.	Въ 1 ч. дня.	Въ 8 ч. веч.
1,7° C.	12,3° C.	4,5° C.

Maximum t° наблюдался въ +21° C.; minimum—8° C.

Самый холодный мѣс. январь.

Почти тѣже данныя сообщаютъ намъ немногіе англійскіе путешественники, которые посѣтили, 40 лѣтъ тому назадъ, долину Аму-Дарьи. Вотъ что говоритъ объ этомъ въ своихъ письмахъ д-ръ Джерардъ: t° воздуха въ Мазари-Шерифѣ достигала 100° (по Фаренгейту; по Цельсію это составитъ 40°) [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «температура воздуха въ тѣни колебалась между 74° и 103°»(отъ 26° до 40,5° C) [2]).

Несовсѣмъ то сообщаетъ намъ Бёрнсъ, спутникъ Джерарда. «Климатъ въ Балкѣ чрезвычайно вреденъ»—читаемъ мы у него—«но несмотря на это весьма пріятенъ. Въ іюнѣ термометръ не поднимается выше 80° (т. е. 26,5° C), но самая жаркая погода стоитъ въ

---

1) Journal of the Asiatic Society of Bengal vol. II, стр. 13 d-r Derard's letter. Это наблюденіе было сдѣлано лѣтомъ.

2) Тамъ же стр. 22.

іюлѣ»[1]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ, что «термометръ утромъ стоялъ ниже 52° (т. е. 11° C), несмотря на то, что болѣе двухъ третей этого края (долины Аму) представляютъ совершенную пустыню»[2]). Но и онъ приводитъ одинъ разъ цифру t° въ 103° (т. е. 40,5° C.).

Если теперь вывести изъ полученныхъ цифръ среднюю годовую t° воздуха для даннаго края, то получимъ 14,4° C. Конечно эта цифра имѣетъ очень небольшое значеніе, такъ какъ она выведена изъ очень ограниченнаго числа наблюденій. Но возмемъ для сравненія нѣсколько пунктовъ земнаго шара почти подъ одною широтой съ описываемою мною мѣстностью и посмотримъ, не подтвердятъ ли они, хотя бы до нѣкоторой степени, сдѣланный мною выводъ.

	Сѣвер. шир.	Средн. годов. t° по C.
Алжиръ . . .	36°47′	+17,8°
Гибралтаръ . .	36°0′6″	+20°
Малага . . .	36°42′	+20°
Палермо . . .	38°07′	+17,2°
Ленкорань . .	38°46′14″	+14,3°
Ашуръ-Аде . .	36°54′	+17,5°
Баку	40°22′	+14,2°
Самаркандъ . .	39°39′	+15,4°
Пекинъ . . .	40°0′	+12,6°

Такимъ образомъ мы видимъ изъ приведенныхъ цифръ, что выведенная мною средняя t° для Чааръ-вилайета очень близка къ истинѣ. Конечно, при этомъ сравненіи необходимо принять во вниманіе разницу къ долготѣ и въ абсолютной высотѣ взятыхъ для сравненія мѣстностей. Но послѣдняя данная здѣсь имѣетъ мало значенія вслѣдствіе небольшой разницы въ высотѣ поименованыхъ пунктовъ и Мазари-Шерифа.

Читатель конечно не можетъ не обратить вниманія на рѣзкія, суточныя колебанія t°. Лѣтомъ это колебаніе значительно больше, чѣмъ зимою. Нужно однако замѣтить, что зима въ данномъ году была, по увѣренію туземцевъ, очень мягкая; обыкновенно она бываетъ суровѣе. Аму-Дарья на меридіанѣ Мазари-Шерифа, по показаніямъ тузем-

[1]) Борнсъ, путешествіе въ Бухару, т. 2, стр. 345.
[2]) Тамъ же, стр. 352.

цевъ, никогда не замерзаетъ [1]). Когда я переправлялся черезъ Аму 9 декабря при—8° C, то у береговъ рѣки были ледяныя закраины, шириною аршина въ два. Ледохода на рѣкѣ не было.

Облачность здѣсь очень незначительна, особенно лѣтомъ. Такъ изъ 23 лѣтнихъ дней было всего 3 облачныхъ; зимою, конечно, число облачныхъ дней возростаетъ. Такъ изъ 43 зимнихъ дней, проведенныхъ мною въ долинѣ Аму, пасмурныхъ было 26, изъ нихъ дождливыхъ и снѣжныхъ было 8. Три дня дали столько дождя, что земля была хорошо смочена. Изъ 3 снѣжныхъ дней два дали довольно большое количество снѣга; каждый далъ не менѣе 3 дюймовъ осадка.

Что касается направленія господствующихъ здѣсь вѣтровъ, то—система ихъ очень сложная. Иногда приходилось наблюдать двойныя теченія: нижній слой облаковъ направлялся къ западу, а верхній—къ востоку. Но лѣтомъ едва-ли не чаще всего наблюдались вѣтры южнаго направленія [2]). Когда я жилъ въ Мазари-Шерифѣ, то лѣтомъ почти всегда наблюдалъ слѣдующую періодичность вѣтра. Обыкновенно съ 9 ч. утра до 7—8 ч. вечера наблюдалось полное безвѣтріе. Развѣ только рѣдко-рѣдко проносился слабый порывъ вѣтра. Съ 7 ч. веч. начиналъ дуть довольно слабый, теплый, южный вѣтеръ; онъ достигалъ наибольшей силы въ 3—4 ч. пополуночи и въ это время дѣлался прохладнымъ. Затѣмъ сила вѣтра постепенно уменьшалась и къ 9 ч. утра опять наступало полное безвѣтріе. Зимою же вѣтры восточнаго и южнаго направленія здѣсь преобладаютъ надъ остальными. О «гярмъ-сирѣ» я уже писалъ въ первомъ томѣ. Барометрическихъ и психрометрическихъ наблюденій мною не было произведено, потому что вслѣдствіе хроническаго оскудѣнія средствъ ташкентскаго военно-топографическаго отдѣла, я не получилъ соотвѣтствующихъ инструментовъ.

---

[1]) Бёрнсъ однако утверждаетъ, что Аму въ областяхъ Кобадіана и Кундуза замерзаетъ и что это не есть явленіе очень рѣдкое. Путешествіе въ Бухару, т. III (русск. пер.) стр. 279.

[2]) А не сѣвернаго, какъ утверждаетъ въ своихъ мемуарахъ лейтен. Irwing: Journal of the Asiatic Society of Bengal vol. VIII.

ГЛАВА VIII.

Время смутъ.

Разные слухи и предположенія.—Три кандидата на опустѣвшій тронъ эмира Авганистана.—О Якубъ-ханѣ.—Происки любимой жены Ширъ-Али-хана.—Маметъ Гашимъ-ханъ, сильнѣйшій кандидатъ въ эмиры.—Мое положеніе среди готовящихся къ борьбѣ партій.—Начало безпорядковъ.—Тахтапульская рѣзня.—Анонимное письмо.—Распоряженія на случай моего внезапнаго выѣзда изъ Мазари-Шерифа.—Ночное нападеніе на мой домъ.—Выкупъ.—Разные зловѣщіе слухи.—Сердарь Пейкъ Магометъ-ханъ.—Нѣтъ корму.—Маметъ-Якубъ-ханъ—эмиръ Авганистана.—Опять рѣзня и пушечные выстрѣлы.—Визитъ Сердаря Маметъ-Таиръ-хана.

Еще за нѣсколько дней до смерти эмира гор. Мазари-Шерифъ сталъ волноваться по поводу разныхъ слуховъ и предположеній.—Такъ, между прочимъ, говорили, что эмиръ уже померъ, но что смерть его скрывается придворными до болѣе удобнаго времени. О причинѣ сокрытія смерти эмира говорили разно. Одни говорили, что необъявляютъ о ней потому, что еще не сдѣланы надлежащія распоряженія относительно будущаго престолонаслѣдія, другіе—что ничего еще не приготовлено для похоронъ эмира. Болѣе наивные люди говорили, что смерть эмира скрывается потому, будто тѣло его еще не зашито въ кожу яка, или бѣлаго верблюда. Меньшинство городскаго населенія, знающее, какъ и всегда, обстоятельства дѣла болѣе или менѣе вѣрно, утверждало, что эмиръ еще живъ и продолжаетъ лечиться. Между тѣмъ слухъ о смерти эмира былъ такъ распространенъ, что даже Ишанъ-ходжа, бухарскій посолъ, кажется повѣрилъ ему и при-

слалъ ко мнѣ своего мирза-баши (нѣчто вродѣ личнаго секретаря) справиться: дѣйствительно эмиръ померъ, или нѣтъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ появились неясные слухи о томъ, что со смертью эмира неминуемо произойдутъ безпорядки; говорили о грядущихъ убійствахъ, грабежахъ... Городъ, еще такъ недавно сталъ шумный,—теперь совсѣмъ притихъ и казался опустѣвшимъ; не столь замѣтно обычнаго движенія на его оживленныхъ базарахъ: уже нѣсколько дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ всѣ лавки были закрыты.

Затѣмъ о предстоящемъ престолонаслѣдіи говорили слѣдующее.

За два дня до смерти эмиръ назначилъ будто бы своимъ преемникомъ роднаго своего племянника, Сердаря Маметъ Гашимъ-хана.— Этотъ Сердарь—сынъ Маметъ Шерифъ-хана, который, какъ мы видѣли выше, игралъ такую двусмысленную роль въ спорѣ эмира Ширъ-Али-хана съ своими старшими братьями за обладаніе трономъ Авганистана. Когда эмиръ одержалъ верхъ надъ своими противниками, то изгналъ своего коварнаго брата, Маметъ Шерифъ-хана, въ Индію, оставивъ у себя его сыновей: Маметъ Гашимъ-хана и Маметъ Таиръ-хана. Впослѣдствіи эмиръ выдалъ за Маметъ Гашимъ-хана свою дочь отъ любимой своей жены (которую обыкновенно звали «валиде»).— Такъ вотъ этого-то племянника будто бы и объявилъ своимъ преемникомъ эмиръ.

Здѣсь кстати слѣдуетъ сказать, что послѣ смерти Абдулла-Джана, признаннаго Россію и Англіею наслѣдника авганскаго престола, эмиръ не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи никакихъ распоряженій. Такъ дѣло затянулось до послѣдняго времени. Хотя Якубъ-ханъ и былъ освобожденъ своимъ отцемъ изъ заточенія, хотя онъ и былъ поставленъ во главѣ власти, сдѣланъ правителемъ гор. Кабула, а вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ войскъ, расположенныхъ на восточной границѣ государства, но все же не былъ провозглашонъ наслѣдникомъ престола. Такое поведеніе эмира было повидимому очень странно. Что препятствовало ему санкціонировать власть Якубъ-хана всенароднымъ признаніемъ его своимъ преемникомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ лишь тогда, когда заглянемъ въ гаремъ эмира.

Почти со времени окончательнаго своего воцаренія эмиръ подпалъ подъ вліяніе своей жены изъ племени Гильзай. Привязанность и уваженіе Ширъ-Али-хана къ этой женѣ, женщинѣ, какъ говорили

придворные, весьма энергичнаго характера, были такъ сильны, что она получила наиболѣе рѣшающій голосъ на семейномъ совѣтѣ. Эмиръ отъ нея почти ничего не скрывалъ. Она пользовалась большимъ вліяніемъ на ходъ внутренней политики эмира, который почти ничего не предпринималъ безъ ея совѣта. Отъ этой жены эмиръ имѣлъ нѣсколькихъ дочерей и единственнаго сына Абдулла-Джана.

Послѣ смерти старшаго сына эмира, Маметъ Али-хана, наслѣдникомъ авганскаго престола считался отважный Якубъ-ханъ. Такими правами онъ пользовался до декабря 1873 г. Но въ это время эмиръ подъ вліяніемъ своей любимой жены, объявилъ своимъ наслѣдникомъ малолѣтняго Абдулла-Джана. Извѣстно уже изъ предъидущей главы, что повлекло за собою это провозглашеніе. Якубъ-ханъ возмутился противъ отца, не желая уступать своихъ правъ младшему брату. Вызванный своимъ отцомъ въ Кабулъ Якубъ-ханъ былъ обвиненъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ англичанами, въ намѣреніи при ихъ помощи отложиться отъ эмира, образовавъ независимое владѣніе изъ западныхъ и югозападныхъ округовъ Авганистана. Несомнѣнно, что Якубъ-ханъ не входилъ въ сношенія съ англичанами, не болѣе вѣроятности находится и въ обвиненіи его въ сепаратизмѣ, но такіе предлоги были нужны для любимой жены эмира. Она хотѣла устранить Якубъ-хана съ дороги своего сына къ трону и не стѣснялась никакими средствами для достиженія этой цѣли. Якубъ-ханъ былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ и брошенъ въ тюрьму. Но честолюбивая и энергичная женщина не могла успокоиться на этомъ. Она твердо знала авганскую пословицу: «мертвая голова молчитъ», и потому не задумалась надъ тѣмъ, чтобы окончательно отдѣлаться отъ соперника своего сына. Якубъ-ханъ нѣсколько разъ былъ отравляемъ, но во время получалъ надлежащую помощь; нѣсколько разъ ему угрожала смерть отъ руки наемнаго убійцы... Всѣ эти покушенія довели Якубъ-хана, отъ природы, говорятъ, надѣленнаго весьма симпатичными свойствами души, до крайняго ожесточенія. Чтобы избѣгнуть насильственной смерти онъ настоялъ на томъ, чтобы отецъ помѣстилъ его въ своемъ домѣ. Онъ питался только тѣми кушаньями, которыя предварительно ѣлъ его отецъ. Днемъ—его заточеніе постоянно раздѣляли нѣсколько его приверженцевъ, а ночью по обѣимъ сторонамъ его кровати располагались на стражѣ двое его вѣрныхъ слугъ; къ дверямъ спальни

назначался особый конвой. При такой обстановкѣ несчастному принцу, развѣнчанному герою, пришлось прожить нѣсколько лѣтъ.

Между тѣмъ партія его приверженцевъ не дремала. Они сильно агитировали противъ эмира. Они не упускали также изъ виду и принца Абдулла-Джана, пока, наконецъ, въ Августѣ 1878 г. не успѣли сдѣлать свое дѣло. Я имѣю нѣкоторыя данныя утверждать, что смерть Абдулла-Джана была результомъ отравленія его какимъ либо корровивнымъ ядомъ.

Чрезвычайныя обстоятельства, случившіяся въ Кабулѣ въ концѣ 1878 г., помогли Якубъ-хану освободиться изъ заключенія. Теперь онъ сталъ свободенъ и силенъ. Понятно, что партія жены эмира отъ такого оборота дѣла впала въ уныніе; она была потрясена, но далеко не сломлена и не отказывалась отъ дальнѣйшей борьбы. Она теперь употребляла всѣ свои усилія, чтобы испортить дѣло Якубъ-хана. И вотъ прежде всего, что она постаралась сдѣлать, это—затормозить вопросъ о престолонаслѣдіи. Вотъ такимъ то образомъ Авганистанъ до самой смерти Ширъ-Али-хана и оставался безъ объявленнаго наслѣдника престола.

Очевидно было, что партіи жены эмира необходимо было во что бы то ни стало выдвинуть своего кандидата для занятія опустѣвающаго трона. Это и послужило причиной разнесшагося вдругъ слуха о признаніи эмира своимъ наслѣдникомъ Маметъ-Гашимъ-хана. Въ данное время партія не располагала лучшими кандидатами, чѣмъ онъ.

Между тѣмъ отзывы народа объ избраніи были далеко не въ пользу Маметъ-Гашимъ-хана. «Зачѣмъ намъ дѣлать эмировъ Маметъ-Гашимъ-ханъ —говорилось въ разныхъ кружкахъ авганскаго населенія? Вѣдь его отецъ—врагъ эмира Ширъ-Али-хана; онъ такъ много сдѣлалъ вреда для нашей земли, да и теперь идетъ къ намъ во главѣ ненавистныхъ англичанъ. Развѣ нѣтъ людей болѣе достойныхъ занять тронъ, чѣмъ Маметъ-Гашимъ-ханъ? А Якубъ-ханъ? А Меметъ-Ибрагимъ-ханъ? Наконецъ даже внукъ эмира, Ахмедъ-Али-ханъ—и тотъ имѣетъ болѣе права на занятіе трона послѣ своего дѣда».

О всѣхъ этихъ претендентахъ можно было слышать слѣдующіе отзывы.—Маметъ-Ибрагимъ-ханъ, старшій изъ оставшихся въ живыхъ сыновей эмира, считался простымъ, добрымъ человѣкомъ. Простой народъ любилъ его, но придворныя сферы считали его неспособнымъ

къ управленію государствомъ. Дѣйствительно, онъ не обладалъ ни особеннымъ умомъ, ни особенными качествами души. Это былъ тихій, молчаливый, коренастый, съ простоватымъ выраженіемъ лица, человѣкъ, которому было около 40 лѣтъ. Во время аудіенцій, которыя давалъ эмиръ миссіи, а также и во время частныхъ моихъ визитовъ къ нему, я всегда видѣлъ Маметъ-Ибрагимъ-хана возлѣ своего отца. Онъ обыкновенно весьма тщательно слушалъ рѣчь эмира, но самъ почти никогда не произносилъ ни одного слова. Эмиръ считалъ его слабоумнымъ.

Что касается до внука эмира, Ахмедъ-Али-хана, то о немъ можно было слышать только одни лестные отзывы. О немъ очень хорошо отзывался и его дѣдъ. Онъ имѣлъ на своей сторонѣ довольно большую партію приверженцевъ. Народъ, помня доблестный характеръ его отца, относился и къ нему съ уваженіемъ.

— Если бы Ахмедъ-Али-ханъ сдѣлался эмиромъ, говорилъ мнѣ нашъ почтенный «домостроитель» Маметъ-Динъ-ханъ,—то всѣ были бы довольны.

Несмотря на все это преобладающій говоръ былъ тотъ, что эмиръ назначилъ своимъ преемникомъ Маметъ Гашимъ-хана.

7-го февраля, когда слухи объ этомъ избраніи сдѣлались особенно настойчивыми,—я встрѣтилъ, въ одинъ изъ своихъ визитовъ къ эмиру, во дворцѣ крытый паланкинъ его любимой жены [1]). Въ тотъ же день я видѣлъ во дворцѣ эмира Сердаря Феизъ-Магометъ-хана. Онъ былъ одѣтъ въ полную парадную форму, въ каскѣ съ перьями, съ лентой черезъ плечо. На этотъ разъ я замѣтилъ на немъ нѣчто вродѣ юбки, спускающейся съ чреселъ до колѣнъ; она была шелковая и сіяла всѣми цвѣтами радуги. Сердарь съ серьезнымъ лицемъ переходилъ изъ одного зданія въ другое, какъ будто повѣряя разставленные вокругъ дворца часовые посты.

Потомъ я узналъ, что въ тотъ же день во дворцѣ Лойнаба собирался военный совѣтъ. Онъ состоялъ изъ Сердарей и различныхъ начальниковъ мѣстныхъ войскъ. Цѣль собранія совѣта состояла въ томъ, чтобы обсудить данное положеніе дѣлъ. На этомъ же совѣтѣ

---

1) Какъ эта жена, такъ и прочій гаремъ эмира, помѣщались въ другомъ зданіи, чѣмъ эмиръ.

было объявлено и распоряженіе эмира относительно престолонаслѣдія. Когда было объявлено о назначеніи преемникомъ эмира Маметъ-Гашимъ-хана, и спрашивалось по этому поводу мнѣніе сердарей, то большинство изъ нихъ дало уклончивый отвѣтъ.

— Я не могу претендовать на верховную власть въ Авганистанѣ, говорилъ Лойнабъ. Ни отецъ мой, ни дѣдъ мой—не были эмирами. Поэтому я ничего не имѣю противъ избранія эмиромъ Маметъ Гашимъ-хана. Вообще же я долженъ сказать, что стану держать сторону того, кто одержитъ верхъ.

Сердарь Феизъ-Магометъ-ханъ высказался въ томъ же смыслѣ. Однако извѣстно было, что оба они держали сторону Гашимъ-хана.

На томъ же совѣтѣ было принято слѣдующее рѣшеніе: Лойнабу и Сердарю Феизъ-Магометъ-хану оставаться на своихъ постахъ впредь до особаго распоряженія новаго эмира.—Замѣчательно было то, что о Якубъ-ханѣ въ это время точно всѣ забыли.

Назначеніе Маметъ-Гашимъ-хана преемникомъ эмиру, понятно, не могло нравиться Маметъ-Ибрагиму. Раздраженный такимъ оборотомъ дѣла сынъ эмира далъ клятву—непремѣнно убить Лойнаба, какъ главнаго дѣятеля подготовлявшагося переворота. Лойнабъ, извѣщенный объ этомъ, принялъ мѣры предосторожности противъ внезапнаго нападенія на него со стороны приверженцевъ Ибрагимъ-хана.

— Я ничего не имѣю противъ того, чтобы кто либо изъ моихъ дядей занялъ тронъ моего дѣда—будетъ ли то Ибрагимъ-ханъ или Якубъ-ханъ—говорилъ внукъ эмира, Ахмедъ-Али-ханъ, —но я несогласенъ, чтобы эмиромъ сдѣлался Маметъ-Гашимъ-ханъ.

Такимъ образомъ и онъ примкнулъ къ партіи Ибрагимъ-хана.

Въ послѣдніе два дня жизни эмира я не видалъ у его постели ни сына, ни внука, ни Лойнаба. Всѣ они сидѣли по своимъ домамъ, окруженные вооруженными людьми. Они боялись выходить изъ своихъ домовъ, такъ какъ постоянно ожидали взаимнаго нападенія.

Такимъ образомъ уже тогда было ясно, что лишь только эмиръ умретъ, какъ непремѣнно начнется междоусобіе. Главные дѣятели междоусобія были уже намѣчены. Очевидно было также, что главной ареной междоусобной борьбы долженъ былъ послужить Авганскій Туркестанъ, въ частности—Мазари-Шерифъ.

Моя увѣренность въ такомъ исходѣ положенія вещей была такъ

сильна, что, когда вечеромъ 7-го февраля я услыхалъ ружейные залпы и отдѣльные выстрѣлы, раздававшіеся въ разныхъ мѣстахъ города, то подумалъ, что начало кровавой драмѣ положено. Но на этотъ разъ я ошибся. Эти выстрѣлы были плодомъ суевѣрія, а не мести. Дѣло въ томъ, что среднеазіатскіе мусульмане считаютъ мѣсяцъ Сафаръ несчастливымъ и когда онъ кончается, то выражаютъ свою радость различными шумными проявленіями: стрѣляютъ изъ ружей, бьютъ въ барабаны, въ тазы, кричатъ, свистятъ и т. п. Вотъ и теперь населеніе Мазари-Шерифа, завидя впервые тоненькій, серебристый серпикъ новой луны, привѣтствовало наступленіе новаго мѣсяца, Реби-эль-Эвveля, обычными радостными выходками. «Для кого минувшій мѣсяцъ былъ дѣйствительно несчастливымъ, думалъ я,— такъ это для эмира-саиба: это былъ послѣдній мѣсяцъ его жизни».

Имѣя свѣдѣнія о готовящихся въ Мазари-Шерифѣ смутахъ и междоусобіяхъ, естественно, я долженъ былъ подумать и о своемъ положеніи. Конечно, лишь только будетъ положено начало кровавой драмѣ, я могъ разсчитывать на все лишь самое худшее. Ужь если туземные вліятельные люди не были гарантированы отъ разныхъ непріятныхъ случайностей, то я, иностранецъ, «каффиръ», да еще членъ русскаго посольства, которое было такъ много виновато передъ авганцами—я еще менѣе могъ разсчитывать на спокойствіе и безопасность среди борющихся партій. Кромѣ того я могъ опасаться обвиненія въ смерти эмира или, по крайней мѣрѣ, въ неумѣломъ леченіи его болѣзни. Это могло случиться тѣмъ вѣроятнѣе, что туземные придворные врачи охотно сложили бы съ своихъ плечъ на мою голову бремя обвиненія въ печальномъ исходѣ болѣзни эмира. Разъ пущенъ былъ бы въ массу народа подобный слухъ—и положеніе мое сдѣлалось бы крайне критическимъ: толпа не разсуждаетъ [1]). Поэтому 8 февраля, въ день смерти эмира, я хотѣлъ увѣдомить Лойнаба о томъ, что намѣренъ выѣхать немедленно въ Ташкентъ. Но слѣдующія соображенія заста-

---

[1]) Справедливость требуетъ сказать, что авганцы, «среднеазіатскіе дикари», какъ ихъ называютъ англичане, оказались, въ данномъ случаѣ, много благороднѣе своихъ восточныхъ, «просвѣщенныхъ» сосѣдей. Ни одинъ авганецъ не обвинилъ меня въ смерти эмира, между тѣмъ какъ англо-индійская пресса дов. долго и энергично распускала про меня гнусную клевету.

вили меня отложить это намѣреніе. Я оставался въ Авганистанѣ при эмирѣ не только въ качествѣ врача его, но и въ качествѣ неофиціальнаго политическаго агента Русскаго правительства. Хотя я и не имѣлъ формальнаго предписанія въ этомъ смыслѣ, но думалъ, что и словесныя приказанія въ этомъ родѣ одинаково обязательны, какъ и предписанія за подлежащимъ №. Когда ген. Разгоновъ оставлялъ меня въ Мазари-Шерифѣ, то кромѣ той цѣли, чтобы изъ меня образовать арьергардъ для «отступающей» миссіи, онъ имѣлъ въ виду еще и другую, именно—онъ поручалъ мнѣ постъ политическаго агента. Конечно, такъ онъ поступилъ не на свой страхъ, а руководясь прямымъ приказаніемъ ген. Кауфмана. «Д-ръ Яворскій—писалъ ген. Кауфманъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Разгонову—оставаясь въ Авганистанѣ послѣ отъѣзда миссіи, будетъ очень полезенъ для русскаго дѣла; онъ не будетъ оффиціальнымъ политическимъ агентомъ, но можетъ доставлять намъ очень нужныя свѣдѣнія».—Такимъ образомъ волей-неволей мнѣ приходилось оставаться въ Мазари-Шерифѣ и быть свидѣтелемъ всего, что могло произойти при вспыхнувшихъ смутахъ.

Между тѣмъ одинъ изъ адъютантовъ эмира, Гуламъ-Гайдеръханъ, родомъ авшарецъ [1]), извѣщая меня о готовящемся междоусобіи, дружески совѣтовалъ мнѣ какъ можно скорѣе выѣхать изъ Авганистана.

— Хорошо было бы, говорилъ онъ мнѣ,—если бы вы въ эту же ночь (8 февраля) выѣхали изъ Мазари-Шерифа и постарались бы утромъ слѣдующаго дня быть уже за Дарьею. Нужно ждать большихъ безпорядковъ въ Мазари-Шерифѣ.

— Да я то тутъ причемъ, спросилъ я его?—Вѣдь въ имѣющемъ быть спорѣ большихъ и малыхъ людей за наслѣдство эмира я не приму никакого участія. Я только буду зрителемъ всего того, что совершится.

— Э! Вы совсѣмъ не знаете авганцевъ, отвѣтилъ мой бывшій паціентъ. Повѣрьте мнѣ, что лишь только покажется хотя капля

[1]) Авшарцы—тюркское племя, значительная часть котораго во время Надиръ-Шаха была выселена изъ Персіи въ Авганистанъ.

крови, авганцы перестаютъ быть людьми; они дѣлаются настоящими звѣрями и въ это время не разбираютъ ни праваго ни виноватаго, не щадятъ ни себя, ни другихъ. Въ моментъ разгара страстей они могутъ вамъ надѣлать большихъ непріятностей, не обращая вниманія ни на право, ни на страхъ послѣдующаго возмездія со стороны русскаго правительства.

Отчасти я былъ согласенъ съ нимъ, но все же долженъ былъ до поры до времени остаться въ Мазари-Шерифѣ.

Когда Гуламъ Гайдеръ-ханъ ушелъ, то ко мнѣ пришелъ Нассиръ-ханъ и заявилъ, что въ этотъ день лошади остались безъ корму. Дѣло въ томъ, что когда прислуга Лойнаба пришла въ общіе склады фуража, помѣщавшіеся рядомъ съ казармами гератскихъ кавалеристовъ, и хотѣла взять обычную порцію корму для моихъ лошадей, то солдаты прогнали ее, говоря что Лойнаба теперь нѣтъ и они никого не послушаютъ, что теперь они, солдаты, сами стали себѣ начальниками и проч. Послѣ этого Лойнабъ послалъ за кормомъ для нашихъ лошадей въ сосѣдній городокъ Ширъ-абадъ. Въ 7 ч. вечера пришелъ отъ Лойнаба обычный «феррашъ» (нѣчто вродѣ ключника или коммиссара Лойнаба) и принесъ барана, курицъ и свѣчъ. Но корму для лошадей такъ и не достали. Такъ прошла эта ночь. У меня въ этотъ день повторился пароксизмъ перемѣжающейся лихорадки.

На слѣдующій день, лишь только мы встали съ постелей, какъ услыхали массу новостей, одна другой интереснѣе и важнѣе. Во первыхъ, о событіяхъ прошедшей ночи говорили слѣдующее.

Вечеромъ 8 февраля, Маметъ Ибрагимъ-ханъ и Ахмедъ-Али-ханъ выѣхали изъ Мазари-Шерифа въ Тахтапуль. Здѣсь они сдѣлали попытку склонить войска на свою сторону, но безуспѣшно. Очевидно было, что Феизъ Магометъ-ханъ достаточно подготовилъ войска въ пользу Гашимъ-хана. Тогда прибывшіе претенденты прибѣгли къ подкупу. Они пообѣщали солдатамъ выдать впередъ жалованье за 6 мѣс., если они перейдутъ на сторону сына и внука эмира. Солдаты были повидимому согласны отдаться въ распоряженіе Маметъ-Ибрагимъ-хана. Но когда онъ распаковалъ ящики съ золотомъ и сталъ дѣлать разсчетъ, кому и сколько слѣдовало получить, то кто-то изъ толпы солдатъ закричалъ: грабь! Сейчасъ же солдаты набросились на деньги и пошла свалка между ними и приближенными Маметъ-Ибрагимъ-

хана. Здѣсь дѣло до убійства, говорятъ, еще не дошло, но раненыхъ было нѣсколько человѣкъ.—Послѣ этого Маметъ-Ибрагимъ-ханъ и Ахмедъ-Али-ханъ съ немногими приверженцами и остальными 6 ящиками золота удалились изъ Тахтапуля и по ущелью Юсуфъ-дере[1]) направились въ Кабулъ.

Лойнабъ былъ сейчасъ же извѣщенъ о томъ, что произошло въ Тахтапулѣ. Онъ незамедлилъ послать 120 всадниковъ въ погоню за бѣглецами, желая отнять у нихъ уцѣлѣвшіе 6 ящиковъ съ золотомъ. Погоня настигла бѣглецовъ этою же ночью, въ нѣсколькихъ «курухахъ» за городкомъ Ширъ-абадомъ, но результатъ ея былъ для Лойнаба совсѣмъ неожиданный. Половина всадниковъ перешла на сторону бѣглецовъ, такъ что прочимъ ничего не оставалось дѣлать какъ вернуться назадъ и разсказать о своей неудачѣ.

Въ то время, какъ намъ сообщали подробности этого событія, мы отчетливо слышали пушечные выстрѣлы. Они слышались со стороны Тахтапуля. Въ это время, т. е. часовъ въ 8 утра (9 февр.), пришелъ ко мнѣ знакомый уже читателю «дитенъ» Мосинъ-ханъ. Онъ тотчасъ же объявилъ намъ, что присланъ сюда Лойнабомъ, который поручилъ ему быть при насъ неотлучно, оберегать насъ отъ обидъ, смотрѣть за туземнымъ карауломъ, исполнять наши порученія и проч. Авганскій караулъ, охранявшій нашъ домъ, былъ усиленъ; съ солдатъ была взята клятва—защищать «урусовъ» отъ всякихъ обидъ. Нашъ глиняный дворецъ превратился въ настоящую крѣпость, хотя ни обложенія ея непріятелемъ, ни, тѣмъ болѣе, бомбардированія ея не было и слѣдовъ. Зато у всѣхъ входовъ и выходовъ нашего глинянаго квадрата, а также и по всѣмъ угламъ его, были разставлены часовые. Мосинъ-ханъ сейчасъ же вошелъ въ роль настоящаго коменданта и его пронзительный голосъ довольно назойливо давалъ намъ себя знать. Постоянно слышались его возгласы: о, паредаръ! нездикъ дервазе бибашидъ! о, Сары-джанъ! чи шума мигундъ? Инджа-біандъ! и проч. [2]).

---

[1]) Это ущелье идетъ прямо на югъ отъ Тахтапуля. По нему идетъ кратчайшая дорога изъ Мазари-Шерифа въ Кагмардъ. Эта дорога минуетъ (оставляя влѣво) всѣ три первые перевалы: Чембаракъ, Кизилъ Котель и Кара Котель. Этою дорогою обыкновенно слѣдуетъ изъ Кабула «летучая» почта.

[2]) Часовой! оставайся у дверей! Сары-джанъ, что вы говорите? да идите же сюда! и проч.

Въ 9 часовъ утра Нассиръ-ханъ принесъ мнѣ анонимное письмо; оно было написано по персидски. Неизвѣстный авторъ этого письма извѣщалъ меня, что въ Тахтапулѣ идетъ рѣзня, что войска отказались повиноваться Лойнабу и, что Сердарь Феизъ-Магометъ-ханъ тоже смѣщенъ съ должности главнокомандующаго тахтапульскими войсками. Далѣе—въ своемъ письмѣ неизвѣстный авторъ подтверждалъ эпизодъ съ Маметъ-Ибрагимъ-ханомъ и закончивалъ его увѣреніемъ, что русскимъ людямъ бояться нечего, что если какая либо опасность будетъ намъ угрожать, то онъ, авторъ, придетъ на помощь къ «докторъ-саибу» со своими 300 родственниками, которые находятся въ Мазари-Шерифѣ и его окресностяхъ.

Мнѣ, конечно, очень хотѣлось знать автора этого письма, но всѣ мои розыски покуда не имѣли успѣха.

Между тѣмъ Мосинъ-ханъ, окончивъ свои распоряженія по приведенію на военное положеніе нашего «глинянаго квадрата», пришелъ въ комнаты, занимаемые мною, и повидимому спокойно бесѣдовалъ съ Замаанъ-бекомъ—точно ничего особеннаго не случилось. Когда я задалъ ему вопросъ о событіяхъ, происшедшихъ въ Тахтапулѣ, то онъ отговорился незнаніемъ. Дѣйствительно ли онъ не зналъ, или не хотѣлъ только тревожить насъ—я такъ и не могъ добиться отъ него толку.

— Съ приходомъ Русскихъ въ Авганистанъ—говорилъ Мосинъ-ханъ—на нашу бѣдную страну пролился цѣлый дождь несчастій и бѣдствій. Пришли вы въ Мазари-Шерифъ—померъ Лойнабъ, Ширъ-Диль-ханъ; пришли въ Кабулъ—померъ наслѣдный принцъ Абдулла-Джанъ. Вотъ теперь померъ и самъ эмиръ-саибъ. Кромѣ того, государство подверглось нашествію англичанъ и доведено до разоренія...

На это Замаанъ-бекъ отвѣчалъ Мосинъ-хану, что дѣйствительно нельзя не замѣтить въ этихъ событіяхъ нѣкотораго совпаденія, но что, еслибы Русскіе и не пришли въ Авганистанъ, то могло случиться тоже самое.

— Вѣдь все зависитъ отъ Бога и все дѣлается по Его волѣ—закончилъ онъ свою мысль.

Мосинъ ханъ вполнѣ согласился съ такимъ заключеніемъ Замаанъ-бека. Потомъ онъ хотѣлъ знать: поможетъ ли Россія авганцамъ въ борьбѣ ихъ съ Англіей, особенно теперь, когда эмиръ-саибъ померъ? Вернется ли въ Авганистанъ генер. Столѣтовъ? и проч.

Вскорѣ затѣмъ пришелъ къ намъ Мирза Маметъ-Ташъ. Оказалось, что авторомъ анонимнаго письма былъ онъ. Утромъ этого дня, будучи у Лойнаба, онъ слышалъ о происшествіяхъ ночи и сейчасъ же извѣстилъ меня письмомъ [1]). Въ дополненіе къ своему письму онъ сообщилъ, что тахтапульскія войска признали эмиромъ Маметъ-Якубъ хана, что сейчасъ посадили на слона его малолѣтняго сына, Маметъ Иса-хана, и повезли изъ Мазари-Шерифа въ Тахтапуль. Будто бы и Лойнабъ поѣхалъ туда же.

Черезъ нѣсколько времени событія дня хорошо выяснились, факты установились и тахтапульская рѣзня получила строго опредѣленный характеръ.

Дѣло состояло въ томъ, что когда Маметъ Ибрагимъ-ханъ и Ахметъ-Али-ханъ убѣжали изъ Тахтапуля, то часть его приверженцевъ бросилась въ Балхъ, отстоящій отъ Тахтапуля всего на 15 верстъ. Тамъ они разсказали мѣстнымъ войскамъ о случившемся въ Тахтапулѣ. Вѣроятно тѣ три баталіона пѣхоты, которые стояли въ Балхѣ, были расположены къ сыну эмира, а можетъ быть тутъ сослужило свою службу оставшееся у Маметъ Ибрагимъ-хана золото—вѣрно лишь то, что рано утромъ 9-го февр. эти три баталіона подступили къ Тахтапулю и начали его бомбардировать. Тахтапульскій гарнизонъ, не ожидая ничего подобнаго, совсѣмъ переполошился. Вскорѣ и между солдатами гарнизона вспыхнуло междоусобіе. Въ тоже время въ крѣпость ворвались балхцы... и тутъ произошла дикая междоусобная рѣзня. Сторонники Маметъ-Гашимъ-хана рѣзали приверженцевъ Маметъ Ибрагимъ-хана; войска, стоявшіе за Маметъ Якубъ-хана, били тѣхъ и другихъ. Всеобщему хаосу, казалось, и конца не будетъ. Тогда выступилъ впередъ маститый Сердарь Абдулла-ханъ, остановилъ кровопролитіе, и ясно доказалъ, что Маметъ Гашимъ-ханъ не имѣетъ ни какихъ правъ на занятіе престола. Его разумная рѣчь по-

---

1) Мирза Маметъ-Гашъ былъ ничто иное какъ „ханъ-саманъ", т. е. нѣчто вродѣ завѣдующаго хозяйствомъ у Лойнаба. Онъ завѣдывалъ также и продовольствіемъ миссіи. Мирза родомъ изъ Исталифа, имѣетъ большое число сородичей какъ на мѣстѣ родины, такъ и въ Мазари-Шерифѣ. Онъ очень полюбилъ Русскихъ и, какъ въ данное время, такъ и потомъ, оказалъ намъ много услугъ.

дѣйствовала на многихъ приверженцевъ Гашимъ-хана, и они оставили его.

Но тогда энергичная вдова эмира, не желая выпустить власть изъ своихъ рукъ, поспѣшно послала изъ Мазари-Шерифа въ Тахтапуль свою дочь Биби-джанъ. Ее предложили какъ бы въ регентши на время возникшаго междуцарствія въ странѣ. Конечно, вслѣдствіе малолѣтства Биби-джанъ регентшею-то сдѣлалась бы ея мать. Но войска со смѣхомъ проводили ее назадъ, приговаривая: «управленіе государствомъ не бабьяго ума дѣло».

Затѣмъ выступилъ на сцену совсѣмъ неизвѣстный до сихъ поръ кандидатъ на тронъ: сынъ какого то Сердаря Зекерія-хана. Дѣло опять чуть было не дошло до всеобщей свалки. Но въ это время Нейкъ Магометъ-ханъ, родной братъ покойнаго эмира, вызвалъ въ Тахтапуль сына Якубъ-хана, Маметъ-Иса-хана, и предложилъ его въ правители Чааръ-вилайета, а Якубъ-хана—избрать эмиромъ Авганистана.

— Если вы такъ не поступите, говорилъ Нейкъ Магометъ-ханъ, то Якубъ-ханъ можетъ вамъ отомстить: вѣдь у многихъ изъ васъ остались семьи въ Кабулѣ. Тогда онъ можетъ убить вашихъ родственниковъ.

Вслѣдствіе ли этой угрозы, или войска вообще были расположены къ Якубъ-хану—какъ бы тамъ ни было, но избраніе его эмиромъ состоялось. Хотя междоусобная рѣзня и прекратилась (въ которой былъ убитъ одинъ бригадный генералъ, нѣсколько офицеровъ и много солдатъ), но волненіе далеко еще не улеглось. Всѣ боялись другъ друга и только ожидали удобнаго случая, чтобы начать новое междоусобіе. Говорили потомъ, что Сердарь Феизъ-Магометъ-ханъ, послѣ рѣзни былъ арестованъ и смѣщенъ съ должности.

Въ тоже время до меня дошелъ слухъ, сильно распространенный среди солдатъ и населенія. Говорили, что будто бы эмиръ передъ своею смертью передалъ мнѣ свою казну, что будто когда я стану уѣзжать изъ Авганистана, то поѣду не одинъ, а съ семействомъ любимой жены эмира. Я очень удивился, услыхавъ подобный слухъ и недоумѣвалъ: чтобы это могло значить? Положимъ, эмиръ, въ случаѣ выздоровленія обѣщалъ дать мнѣ «лакъ» рупій, но онъ померъ и я не получилъ ни одной рупіи. Я порѣшилъ на той мысли, что этотъ слухъ былъ распространенъ моими недругами, туземными врачами. Но къ

чему тутъ приплели семейство жены эмира—я положительно немогъ понять. Во всякомъ случаѣ я теперь ясно увидалъ, что мнѣ нельзя было оставаться въ Мазари Шерифѣ долѣе. Очевидно было, что я дѣйствительно могъ подвергнуться серьезнымъ непріятностямъ, если не болѣе. Поэтому я командировалъ Мосинъ-хана къ Лойнабу, извѣщая его о своемъ намѣреніи выѣхать изъ Авганистана въ Ташкентъ, такъ какъ послѣ смерти эмира мнѣ не зачѣмъ было оставаться въ Мазари-Шерифѣ. Поэтому я просилъ Лойнаба дать мнѣ конвой и проводить меня изъ Авганистана съ честію, какъ это и подобаетъ члену посольства, «ихъ гостю».

Пока Мосинъ-ханъ ходилъ къ Лойнабу, я сдѣлалъ надлежащія распоряженія, чтобы казаки и джигиты по немногу, неторопясь, готовились къ выступленію. Вьючныя лошади были сейчасъ же засѣдланы, у верховыхъ лошадей были перемѣнены подковы, началась укладка вещей во вьючные сундуки... Мосинъ-ханъ пришелъ отъ Лойнаба поздно вечеромъ и объявилъ, что тотъ съ честью проводитъ насъ, лишь только отойдетъ трауръ по эмирѣ. Этотъ трауръ долженъ былъ продолжаться 3 дня.

— Да вы не безпокойтесь, докторъ-саибъ,—продолжалъ Мосинъ-ханъ. Вамъ не грозитъ ни малѣйшая опасность. Лойнабъ-саибъ сдѣлаетъ для васъ все, что нужно. Вѣдь власть еще въ его рукахъ.

Хотя я и долженъ былъ вѣрить Мосинъ-хану, но нисколько не былъ успокоенъ его завѣреніями. Вьючныхъ лошадей я такъ и оставилъ на ночь осѣдланными. На внѣшнемъ дворѣ, гдѣ помѣщались наши лошади, независимо отъ авганскаго караула, былъ наряженъ еще караулъ изъ джигитовъ. На внутреннемъ дворѣ, т. е. въ занимаемомъ мною помѣщеніи, былъ учрежденъ казачій караулъ. Но я сдѣлалъ большой промахъ, оставивъ лошадей на внѣшнемъ дворѣ. Этотъ промахъ потомъ стоилъ намъ большихъ непріятностей. Между тѣмъ на внутреннемъ дворѣ можно было бы довольно удобно размѣстить всѣхъ лошадей. Но я этого не сдѣлалъ и былъ потомъ наказанъ за свою непредусмотрительность.

Мосинъ-ханъ остался ночевать въ нашихъ комнатахъ. Какъ человѣкъ совершенно не избалованный благами цивилизаціи, онъ постлалъ прямо на полу свой медвѣжій коврикъ, а вслѣдъ затѣмъ улегся на немъ съ видомъ человѣка, у котораго совѣсть вполнѣ спокойна и

который намѣренъ хорошенько выспаться. Но онъ, тѣмъ не менѣе, долго не засыпалъ, утруждая насъ своею болтовнею о томъ и о семъ. Я не дослушалъ до конца его разсказы и заснулъ тревожнымъ сномъ.

Цѣлую ночь съ 10-го на 11-е февраля, въ Мазари-Шерифѣ и Тахтапулѣ происходилъ грабежъ и междоусобная рѣзня различныхъ частей войскъ между собою. Несмотря на то, что избраніе новаго эмира состоялось, несмотря на то, что выбранъ былъ новый Лойнабъ и назначенъ новый командующій войсками авганскаго Туркестана—въ сущности, въ городѣ царило полное безначаліе. Солдаты дѣлали что хотѣли, они грабили своихъ нелюбимыхъ начальниковъ. Нѣкоторые полковые командиры были даже убиты своими мятежными подчиненными. Иногда солдаты облекали свои убійства и насилія въ законную форму. Такъ, задумавъ ограбить или убить кого либо, солдаты давали знать о своемъ намѣреніи главѣ партіи Якубъ-хана, т. е. Нейкъ Магометъ-хану, спрашивая его разрѣшенія. Смотря потому, къ какой партіи принадлежала намѣченная жертва ее грабили или нѣтъ. Если это лицо принадлежало къ партіи Гашимъ-хана, то насиліе надъ нимъ разрѣшалось.

Такимъ образомъ въ эту ночь многіе начальники частей войскъ были или ограблены или убиты. Но при этомъ расходившаяся солдатчина не ограничивалась насиліемъ надъ своими начальниками или противниками; и мирные жители, не мѣшающіеся въ политику узбеки и таджики, не избѣжали грабежа со стороны расходившихся авганскихъ солдатъ. Въ городѣ постоянно раздавались ружейные выстрѣлы и крики неистовствующихъ шаекъ. Въ воздухѣ пахло порохомъ и кровью...

Въ эту ночь и я чуть не сдѣлался жертвой наступившаго солдатскаго террора и безначалія. На меня было сдѣлано нападеніе съ цѣлью грабежа. Вотъ какъ случилось это непріятное происшествіе.

Около 2-хъ часовъ по полуночи къ сѣвернымъ воротамъ моего дома подошла довольно многочисленная шайка солдатъ (потомъ начальникъ авганскаго караула, охранявшаго мой домъ, говорилъ, что приходилъ цѣлый «палтанъ» т. е. батальонъ) и хотѣла пройти черезъ ворота на внѣшній дворъ помѣщенія. Но находившійся при воротахъ авганскій сторожевой постъ не допустилъ ихъ войти на дворъ, угрожая стрѣлять, если они будутъ настаивать на своемъ же-

ланіи. Тогда партія пришедшихъ грабителей стала бранить и укорять моихъ защитниковъ.

— Развѣ вамъ не стыдно, говорили они охранять «каффира» (т. е. невѣрнаго)? Да вы и сами упускаете случай заработать себѣ нѣсколько лишнихъ рупій «на черный день». А вѣдь говорятъ, что покойный эмиръ отдалъ русскому доктору всѣ свои сокровища. Ограбимъ его сообща съ вами...

Но мои защитники не поддались такому заманчивому приглашенію, ссылаясь на данную ими клятву: защищать «русскихъ гостей».

Переговоры въ этомъ духѣ длились между обѣими сторонами довольно долгое время и кончились тѣмъ, что пришедшіе грабители должны были уйти ни съ чѣмъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого къ южнымъ воротамъ подошла новая шайка грабителей. Они также хотѣли войти во дворъ, но также были не допущены находившимся тутъ караульнымъ постомъ изъ авганскихъ часовыхъ. И въ этотъ разъ грабители потерпѣли фіаско, но уходя они пригрозили моимъ караульнымъ—при удобномъ случаѣ «разсчитаться съ ними какъ слѣдуетъ».

Примѣръ грабителей былъ для моего конвоя очень соблазнителенъ. «Въ самомъ дѣлѣ, разсуждали они,—въ эту ночь всякій солдатъ для себя заработаетъ что либо, а мы—ни чеки [1]). Конечно съ нашей стороны глупо защищать «каффира», да еще такого, у котораго много денегъ»... Сначала такія заявленія были одиночны, но съ теченіемъ времени число сторонниковъ грабежа увеличивалось. «Идемъ, ограбимъ его одни»! уже кричали почти со всѣхъ сторонъ. Но начальникъ конвоя, одинъ изъ моихъ многочисленныхъ туземныхъ паціентовъ, былъ противъ грабежа.

— Безчестное дѣло затѣяли вы—говорилъ онъ своимъ подчиненнымъ солдатамъ.—Вѣдь вы поклялись защищать «докторъ-саиба» отъ всѣхъ бѣдъ и должны исполнить вашу клятву. Припомните, что многихъ изъ васъ докторъ лечилъ даромъ и хорошо помогъ вамъ. Вы поступите неблагодарно, нанеся ему оскорбленіе.

Къ несчастію въ это время получилось извѣстіе, что ушедшая банда грабителей напала на дома нѣкоторыхъ изъ конвойныхъ сол-

1) «Чека» или «чохъ»—туземная мѣдная монета, стоимостью отъ $^1/_3$ до $^1/_4$ коп.

датъ, ограбила ихъ и вообще нанесла оскорбленіе родственникамъ ихъ. Это извѣстіе рѣшило вопросъ о нападеніи на меня безповоротно.

Но не успѣли они броситься къ двери, ведущей со внѣшняго двора на средній (а со средняго двора вела еще дверь во внутренній дворъ), какъ мой караванъ-баши, Нассиръ-ханъ, пробрался къ намъ потайнымъ ходомъ. Онъ тотчасъ же поднялъ всѣхъ насъ на ноги и объявилъ о готовящемся нападеніи на наше помѣщеніе. Первое распоряженіе мое было собрать всѣхъ казаковъ въ сѣни, передъ воротами, ведущими съ нашего двора на средній. Ружья у всѣхъ были всегда заряжены, такъ что казаки дожидались только команды, чтобы открыть огонь.

Въ моментъ прихода Нассиръ-хана Мосинъ-ханъ быстро поднялся съ постели, моментально набросилъ на себя свою бѣличью походную шубку, быстро осмотрѣлъ свои револьверы и стремглавъ бросился вонъ изъ комнаты. Пока Нассиръ-ханъ разсказывалъ Замаанъ-беку подробности задуманнаго на насъ нападенія, я призвалъ въ свою комнату вахтмистра съ нѣсколькими казаками и при нихъ вскрылъ кожанный мѣшокъ съ казенными деньгами, раздѣлилъ ихъ на 10 частей и роздалъ каждому казаку по части. Денегъ было ровно 1000 р. серебрянными бухарскими деньгами. Кромѣ того у меня еще было 400 авганскихъ рупій.

Покуда я производилъ эту операцію, вошелъ въ комнату Мосинъ-ханъ и попросилъ у меня денегъ.

— Зачѣмъ понадобились вамъ деньги? спросилъ я Мосинъ-хана.

— Нужно дать ихъ возмутившимся часовымъ, нервно отвѣчалъ онъ: они хотятъ напасть на васъ... Лучше дать имъ денегъ.

— Какъ же вы вчера увѣряли меня въ безопасности? приставалъ я къ Мосинъ-хану.

— Эхъ, докторъ-саибъ! Вѣдь теперь совсѣмъ особенное время: что было невозможно вчера, то вполнѣ возможно сегодня. Не забывайте, что вы находитесь въ Авганистанѣ.

Но прежде чѣмъ Мосинъ-ханъ попросилъ у меня денегъ, мнѣ самому пришла въ голову мысль предложить бунтовщикамъ извѣстную сумму. Поэтому я болѣе не противорѣчилъ Мосинъ-хану, да и некогда было.

— Сколько вамъ нужно?

— Дайте рупій 300.

Я далъ ему 400, но наказалъ не давать сразу всѣ деньги возмутившимся солдатамъ, а предложить имъ сначала меньшую сумму, напр. 200 р. Вообще я совѣтовалъ ему торговаться съ бунтовщиками какъ можно крѣпче.

Не успѣлъ я отсчитать 400 рупій, какъ въ комнату вбѣжалъ Нассиръ-ханъ и объявилъ, что авганцы сломили сторожевой постъ, защищавшій ворота, ведущія со внѣшняго двора въ средній и подошли къ воротамъ, отдѣлявшимъ средній дворъ отъ корридора, который велъ къ воротамъ собственно уже нашего двора. Эти ворота, равно какъ и предыдущія, охранялись людьми Мосинъ-хана. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось извѣстно, что авганцы овладѣли нашими лошадьми, какъ верховыми такъ и вьючными. Положеніе наше становилось критическимъ. Положимъ, возмутившихся часовыхъ было всего 60 человѣкъ и нашихъ 12 берданокъ было совершенно достаточно, чтобы съ ними справиться [1]), но мнѣ не хотѣлось прибѣгать къ этой, черезъ чуръ ужь крайней мѣрѣ. Эта мѣра казалась мнѣ въ данное время тѣмъ болѣе неудобной, что весь городъ былъ наводненъ солдатами, грабившими всѣхъ, кого только могли. Ружейные залпы тотчасъ-же привлекли бы къ нашему дому толпы бродягъ. Само собою понятно, что они не замедлили бы присоединиться къ моимъ грабителямъ; число ихъ могло возрости до неопредѣленной цифры—и тогда заварилась бы такая каша, которую едвали были бы мы въ состояніи расхлебать.— Вотъ въ силу этихъ то соображеній я и рѣшилъ уладить дѣло съ грабителями посредствомъ выкупа.

Получивши отъ меня деньги, Мосинъ-ханъ въ сопровожденіи Нассиръ-хана, управляющаго нашимъ домомъ Маметъ-Динъ-хана и нѣсколькихъ человѣкъ своей прислуги, вышелъ съ внутренняго двора. Они что то долго не возвращались оттуда. Наскучивъ ожиданіемъ ихъ прихода, я вышелъ изъ комнатъ на внутренній дворъ. Костеръ, зажженный здѣсь съ вечера, теперь уже погасъ; весь дворъ былъ погруженъ во мракъ, но надъ внѣшнимъ дворомъ стояло красно-багровое

---

[1]) Въ Кабулѣ было нѣсколько авганскихъ полковъ, вооруженныхъ скорострѣльными ружьями, но въ Чааръ-вилайетѣ войска были вооружены ружьями, заряжающимися съ дула.

зарево; вѣроятно на немъ были зажжены многочисленные костры. За наружной стѣной слышался шумъ и безпорядочные крики. Изрѣдка до моего уха доносилась неясная рѣчь Мосинъ-хана, но голосъ его почти совсѣмъ заглушался возгласами толпы. Вдругъ ночной воздухъ прорѣзали два выстрѣла и пули просвистали въ узловатыхъ вѣтвяхъ чинаровъ. Въ это время, что то непонятное и повидимому очень опасное совершилось за стѣной. Однако мало по малу шумъ сталъ стихать, тонъ голосовъ — смягчаться, и вскорѣ послѣ этого ко мнѣ пришелъ Мосинъ-ханъ и объявилъ, что бунтовщики согласились покончить дѣло миромъ за 400 рупій.

Между тѣмъ на среднемъ дворѣ въ моментъ прихода туда Мосинъ-хана происходило слѣдующее.

— Лишь только мы вышли на средній дворъ—разсказывалъ мнѣ Нассиръ-ханъ,—какъ двое часовыхъ прицѣлились въ Мосинъ-хана и спустили курки у своихъ ружей. Но въ моментъ выстрѣла начальникъ караула ударилъ по прикладамъ ружей и они выстрѣлили вверхъ, не попавъ въ Мосинъ-хана. Въ тоже время онъ началъ убѣждать солдатъ не дѣлать безчестнаго дѣла, не убивать русскихъ «Что за совѣтъ?! Долой его! Идемъ на приступъ!»—послышались возгласы изъ толпы—и начальникъ караула получилъ отъ своихъ подчиненныхъ нѣсколько оплеухъ. Но онъ не обратилъ на нихъ вниманія и продолжалъ уговаривать ихъ отказаться отъ своего безумнаго намѣренія [1]). «Возьмите лучше съ русскихъ деньги, но оставьте ихъ въ покоѣ» говорилъ онъ. «Что вамъ пользы въ томъ, что вы убьете ихъ: вѣдь они хотя и «каффиры», но все же наши гости». Въ это время и предложилъ имъ Мосинъ-ханъ выкупъ. Но солдаты запросили сумму въ 2000 рупій. Мы стали торговаться. Мосинъ-ханъ предложилъ имъ 200 рупій, но они и слушать не хотѣли объ этомъ. Тогда Мосинъ-ханъ увеличилъ сумму послѣдовательно до 300 рупій и больше не прибавлялъ ни «чеки». Послѣ этого поднялся опять шумъ. Солдаты не соглашались взять такой ничтожный выкупъ и отъ угрозъ

---

[1]) Нассиръ-ханъ потомъ говорилъ, что это хладнокровіе начальника караула и выиграло все дѣло. Не тотъ результатъ получился бы, если бы онъ на брань отвѣчалъ тѣмъ же, а на удары—оружіемъ. Тогда кровь неминуемо пролилась бы...

хотѣли перейти къ дѣлу. Въ это время Мосинъ-ханъ задумалъ слѣдующую хитрость, которая ему вполнѣ удалась. Сказавъ, что у русскихъ болѣе 300 рупій денегъ нѣтъ, онъ прибавилъ, что къ этой суммѣ присчитываетъ свои 30 рупій, которыя жертвуетъ въ пользу солдатъ. Затѣмъ онъ попросилъ взаймы денегъ у Маметъ-Динъ-хана и у меня. Такимъ образомъ составилась сумма въ 400 р., хотя мы знали, что вы дали ровно такую сумму. Но солдаты все еще не соглашались на такой выкупъ и хотѣли ломиться въ двери. Тогда начальникъ караула опять сталъ ихъ уговаривать. «Что вамъ пользы въ грабежѣ?— говорилъ онъ. Вѣдь вамъ и такъ даютъ деньги. Ну, и берите! А если вы непремѣнно хотите убить русскихъ, то вѣдь это еще едвали удастся: тамъ, внутри стѣнъ, находится 12 вооруженныхъ людей, а ружья у нихъ дѣлаютъ двадцать выстрѣловъ въ то время какъ наше ружье— только одинъ. Подумайте объ этомъ... Лучше взять чистыя деньги...

Тогда и Мосинъ-ханъ сталъ убѣждать толпу—пощадить русскихъ. «Убейте лучше меня, говорилъ онъ,—но не трогайте нашихъ гостей». При этомъ онъ даже плакалъ. Маметъ-Динъ-ханъ также говорилъ въ нашу пользу; онъ кромѣ того грозилъ бунтарямъ наказаніемъ со стороны новаго авганскаго эмира, который уже былъ избранъ.—Простодушные солдаты были такимъ образомъ уговорены и согласились взять предложенную имъ сумму денегъ; они чистосердечно повѣрили, что у насъ нѣтъ больше денегъ, а къ тому же непріятная перспектива знакомства съ нашими берданками значительно охладила ихъ воинственный задоръ.

Когда деньги были вручены солдатамъ и они раздѣлили выручку между собою, я потребовалъ, чтобы всѣ лошади были введены на внутренній дворъ. Нассиръ-ханъ пошелъ привести это приказаніе въ исполненіе, но тотчасъ же возвратился оттуда съ пустыми руками и объявилъ, что авганцы не позволяютъ переводить лошадей съ внѣшняго двора на внутренній. Они мотивировали свой отказъ тѣмъ, что теперь де нѣтъ нужды переводить ихъ на внутренній дворъ, такъ какъ ни намъ, ни нашему имуществу не угрожаетъ болѣе никакой опасности. Но я ужь плохо довѣрялъ туземной охранѣ и потому настаивалъ на своемъ.

— Оставьте лошадей на томъ дворѣ, докторъ-саибъ,—говорилъ мнѣ Мосинъ-ханъ. Если солдаты дали слово возвратить ихъ вамъ, то исполнятъ свое обѣщаніе. Все равно, если они захотятъ сдѣлать

вамъ что либо дурное, то, если лошади будутъ и здѣсь, вы ничего не подѣлаете противъ такой толпы. Наконецъ, они могутъ заморить васъ голодомъ...

Однако я думалъ иначе. Я думалъ, что въ крайнемъ случаѣ можно будетъ разобрать часть стѣны, сѣсть на лошадей и спасаться бѣгствомъ. Поэтому я опять приказалъ: во что бы то ни стало перевести лошадей на внутренній дворъ. Но мои приказанія оставались пустымъ звукомъ. Нассиръ-ханъ исчезалъ, пропадалъ минутъ 15—20 на внѣшнемъ дворѣ, потомъ снова появлялся, не достигнувъ однако какого либо опредѣленнаго результата. Я просто выходилъ изъ себя отъ гнѣва и въ это время наговорилъ много непріятныхъ вещей и Мосинъ-хану, и Нассиръ-хану, укоряя ихъ въ легкомысліи и излишней поспѣшности при выдачѣ денегъ авганцамъ.

— Вы бы не давали денегъ раньше, чѣмъ они не отдали лошадей обратно—шумѣлъ я.

Конечно, въ это время я забылъ, что въ такомъ оборотѣ дѣла именно я и былъ единственнымъ виноватымъ лицемъ. Это я по легкомыслію своему оставилъ лошадей на внѣшнемъ дворѣ. Не будь этого, лошади были бы на внутреннемъ дворѣ и мы не были бы вѣроятно въ такомъ затруднительномъ положеніи. Однако мало по малу дѣло уладилось: лошадей ввели и я вздохнулъ посвободнѣе.

Одного баталіона нашихъ туркестанскихъ стрѣлковъ было бы совершенно достаточно, чтобы въ пухъ и прахъ разгромить весь городъ съ придачею и «грозной» крѣпости Тахтапуля!.. Но 10 человѣкъ казаковъ?.. Что же я могъ сдѣлать съ такими ничтожными силами? Поневолѣ приходилось платить.... Но можно было опасаться, что произведеннымъ платежемъ дѣло и не ограничится. Могла подойти другая шайка грабителей и тоже потребовать выкупа. И конца непредвидѣлось такимъ платежамъ! А у насъ было всего 1000 р. казенныхъ денегъ, да рублей 400 моихъ и Замаанъ-бека. Могло случиться, наконецъ, что намъ нечѣмъ было бы потомъ уже и откупиться.—Такимъ образомъ все болѣе и болѣе становилось очевидно, что намъ нужно было немедленно выѣхать изъ Авганистана. Я такъ и рѣшилъ.

Въ силу этого рѣшенія въ 6 часовъ утра я послалъ Лойпабу

письмо, написанное Замаанъ-бекомъ,—въ которомъ требовалъ отъ него приличнаго конвоя для сопровожденія насъ до Аму-Дарьи.

«Если же Вы этого требованія не исполните—говорилось въ письмѣ—и не дадите отвѣта къ 10 часамъ утра настоящаго дня, то я выѣду изъ города и безъ конвоя. Но если съ нами въ пути случится что либо дурное, то авганское правительство и въ частности Вы, Лойнабъ-Хошь-Диль-ханъ, отвѣтите за это передъ Россіей. Русское правительство не замедлитъ принять надлежащія мѣры для обезпеченія безопасности своихъ подданныхъ и пословъ въ предѣлахъ Авганистана».

Письмо это вызвался доставить по назначенію Мирза-Маметъ-динъ. «Ханъ-саманъ», Мирза-Маметъ-Ташъ, съ своей стороны также обѣщалъ дать знать Лойнабу о всемъ, случившимся въ эту ночь съ нами. Мосинъ-ханъ также объявилъ мнѣ, что онъ отправляется къ Лойнабу. Такимъ образомъ почти всѣ наши авганскіе защитники разошлись и мы остались одни.

Между тѣмъ, часамъ къ 8 утра, слухи о разныхъ безпорядкахъ, произведенныхъ войсками въ прошедшую ночь, достигли невѣроятныхъ размѣровъ. Такъ говорили, что 200 солдатъ изъ числа стражи Лойнаба напали на его домъ, ограбили его до чиста и ушли съ добычею въ Тахтапуль. Послѣ этого Лойнабъ будто бы скрылся и гдѣ находился въ данное время—не было извѣстно. Говорили также, что Сердарь Феизъ-Магометъ-ханъ тоже ограбленъ, а иные прибавляли къ этому, что онъ даже убитъ.

Къ этому времени еще не возвратились въ мой домъ ни Маметъ-Динъ-ханъ, ни Мосинъ-ханъ, ни Маметъ-Ташъ, и я сомнѣвался, чтобы письмо мое было передано по адресу. На всякій случай лошади постоянно держались подъ сѣдлами, а казаки подъ ружьемъ. Теперь дежурило уже четыре казака.

Въ 8 часовъ утра возвратился Мосинъ-ханъ. На мои вопросы онъ отвѣчалъ уклончиво. О Лойнабѣ онъ не сказалъ ни слова, несмотря на мои разспросы. Было замѣтно, что онъ не видалъ Лойнаба. Но будто бы отъ имени Лойнаба онъ объявилъ, что нашъ отъѣздъ назначенъ въ этотъ день вечеромъ; онъ даже назначилъ 10 ч. ночи. Я протестовалъ противъ такого поздняго времени отъѣзда. Мнѣ казалось удобнѣе выѣхать изъ города днемъ. Днемъ, думалъ я, виднѣе всякая опасность,

какая намъ могла угрожать, между тѣмъ какъ ночью и ничтожная тревога могла быть принята за серіозную опасность. Но Мосинъ-ханъ стоялъ на своемъ.

— Днемъ опасно ѣхать, повторялъ онъ,—между тѣмъ какъ ночью можно незамѣтно выѣхать изъ города. Теперь наступило такое время, что даже я, авганецъ, и то съ большимъ опасеніемъ появляюсь на городскихъ улицахъ.

Конечно противъ такого резона мнѣ нечего было возражать; нужно было согласиться съ Мосинъ-ханомъ и на этотъ разъ.

— Да вы не безпокойтесь, докторъ-саибъ,—продолжалъ онъ. Мы васъ проводимъ изъ города безопасно. Положитесь на меня. Пока я живъ—вамъ неугрожаетъ ни малѣйшей опасности. Если же меня убьютъ, то, конечно, я незнаю что можетъ случиться съ вами.

Но къ подобнымъ увѣреніямъ Мосинъ-хана я относился довольно скептично. Я думалъ, что ему угрожаетъ опасность ни какъ не меньшая, чѣмъ намъ, русскимъ. Насъ могли только ограбить до-чиста—и это было бы въ самомъ худшемъ случаѣ; его же скорѣе всего могли убить. Мнѣ говорили, что часть солдатъ нашего авганскаго караула была очень обозлена на Мосинъ-хана за жестокое обращеніе его съ ними. Эти слухи, конечно, не были лишены основанія: стоитъ лишь припомнить для этого случай подобнаго рода, разсказанный мною въ 5-й главѣ I-го тома. Но здѣсь я долженъ замѣтить, что не только Мосинъ-ханъ, но и вообще всѣ авганскіе военные (да и гражданскіе) начальники, очень жестоко обращаются со своими подчиненными. Я былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ, какъ Кемнабъ Мирза-Магометъ-Гассанъ-ханъ, едвали не самый мягкій и гуманный изъ авганскихъ военныхъ начальниковъ, собственноручно билъ своихъ подчиненныхъ. Понятно, поэтому, что солдаты авганскіе не могли питать нѣжнаго чувства къ своимъ начальникамъ и при случаѣ расправлялись съ ними посвоему: ножъ въ бокъ—и дѣлу конецъ...

Вслѣдъ за приходомъ Мосинъ-хана мнѣ доложили о пріѣздѣ Сердаря-Абдулла-хана. Я ждалъ его къ себѣ, но онъ ограничился только тѣмъ, что побылъ нѣсколько минутъ на внѣшнемъ дворѣ, поговорилъ съ авганскимъ карауломъ, поблагодарилъ солдатъ за вѣрную службу (?) и самоотверженіе (!), съ какими они защищали «доктора саиба», пообѣщалъ имъ денежную награду и вслѣдъ за этимъ поѣхалъ въ Тах-

тапуль. Онъ поѣхалъ туда будто бы затѣмъ, чтобы привезти въ Мазари-Шерифъ вновь объявленнаго правителя Чааръ-вилайета, Маметъ-Иса-хана.

Въ 9 часовъ утра ко мнѣ пріѣхалъ Сердарь Нейкъ-Магометъ-ханъ, родной братъ умершаго эмира. Это—небольшой, довольно худощавый человѣкъ, съ очень выразительными чертами лица. Видно было, что онъ уже нѣсколько ночей подъ рядъ не спалъ. Вокругъ глазъ замѣчались темные круги, вѣки опухли, а глаза свѣтились какимъ-то стекляннымъ блескомъ. Ему можно было дать лѣтъ 28.—Теперь онъ представлялъ собою начальника всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ Чааръ-вилайетѣ, а до смерти эмира былъ начальникомъ его конвойцевъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій этотъ Сердарь объявилъ мнѣ, что мое письмо, адресованное Лойнабу, было получено имъ, Нейкъ-Магометъ-ханомъ, и, что содержаніе его всѣхъ ихъ очень поразило.

— Мы никакъ не ожидали, чтобы могло случиться съ вами что либо подобное. Да въ это время мы какъ то забыли и о самомъ существованіи нашихъ «дорогихъ гостей». Смерть эмира, похороны его [1]), потомъ избраніе новаго эмира—положительно овладѣли нашимъ умомъ. Я и не оправдываюсь: мы виноваты въ томъ, что вы испытали такую непріятность. Но за то теперь васъ не тронетъ никто и пальцемъ. Всѣ войска дали обѣщаніе—не трогать васъ.

Въ то же время онъ объявилъ мнѣ, что эмиромъ Авганистана избранъ Маметъ-Якубъ-ханъ, а его сынъ, Маметъ-Иса-ханъ, — правителемъ авганскаго Туркестана.

Въ концѣ нашей, довольно краткой, бесѣды онъ объявилъ, что употребитъ съ своей стороны всѣ усилія, чтобы благополучно, съ «честью», проводить насъ изъ города. Когда я спросилъ о времени отъѣзда, то онъ назначилъ эту ночь—«часа два или три спустя послѣ захожденія солнца». На мой вопросъ: зачѣмъ назначается отъѣздъ изъ города ночью—онъ отвѣчалъ, что такъ удобнѣе. Когда я выразилъ сомнѣніе въ этомъ, то онъ замѣтилъ, что, «хотя теперь и есть власть, но поря-

[1]) Эмиръ Ширъ-Али-ханъ погребенъ былъ очень скромно, какъ бы тайкомъ. Онъ похороненъ вблизи «Мазара»; на могилѣ находится мраморная плита съ надписью: здѣсь лежитъ прахъ Ширъ-Али хана, эмира Авганистана.

докъ далеко еще не возстановленъ, что можно еще разсчитывать на какую либо непріятность, если мы повстрѣчаемся съ войсками». — Очевидно было, что Сердарь противорѣчилъ себѣ: только что передъ этимъ онъ сказалъ, что войска дали обѣщаніе не тронуть насъ, а теперь онъ опасался, что эти же войска могутъ сдѣлать намъ какую либо непріятность. Но такое противорѣчіе Сердаря лучше всего свидѣтельствовало о томъ, до какой степени расходились страсти толпы; это противорѣчіе ясно говорило, что и надъ нимъ, начальствомъ, точно Дамокловъ мечъ, висѣло своеволіе разнузданной солдатчины.

Конечно я долженъ былъ согласиться съ Нейкъ-Магометъ-ханомъ относительно времени выступленія изъ города. Послѣ этого онъ уѣхалъ, обѣщавъ снова пріѣхать вечеромъ, передъ выѣздомъ моимъ изъ города.

Вскорѣ послѣ этого возвратился Мирза-Маметъ-Динъ-ханъ и разсказалъ о томъ, какъ онъ розыскивалъ Лойнаба Хошь-Диль-хана. Лойнабъ находился въ это время въ домѣ Нейкъ-Магометъ-хана. Здѣсь же былъ и Маметъ-Гашимъ-ханъ. Получивъ отъ Маметъ-Динъ-хана мое письмо, Лойнабъ хотѣлъ было отвѣчать на него, но Нейкъ-Магометъ-ханъ рѣшилъ лично переговорить со мною обо всемъ необходимомъ, и дѣйствительно сейчасъ же отправился ко мнѣ. Лойнабъ и Маметъ-Гашимъ-ханъ находились теперь уже подъ арестомъ.

Между тѣмъ въ городѣ почти постоянно раздавались ружейные выстрѣлы; иногда слышались залпы. Жутко было намъ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ нашего дома, когда кругомъ вездѣ носился призракъ насилія и смерти!.. Каждый изъ насъ находился постоянно «на чеку», каждый ожидалъ, что вотъ-вотъ какая либо шайка головорѣзовъ забредетъ и къ намъ и тогда... Положимъ, начальникъ караула увѣрялъ меня, что теперь намъ нечего опасаться, что онъ насъ защититъ отъ всякихъ грабителей, но послѣ ночнаго происшествія я уже плохо вѣрилъ его словамъ.

Часовъ около 11 ко мнѣ приходилъ одинъ хаджи, родомъ авшарецъ, мой паціентъ. Онъ уже давно выздоровѣлъ, но все же не переставалъ отъ времени до времени навѣщать меня. Послѣ обычныхъ привѣтствій онъ началъ успокоивать меня, увѣряя, что моей безопасности ничто не угрожаетъ, что, если теперь и произошли въ городѣ

большіе безпорядки, то это—совершенно обычное явленіе въ Авганистанѣ послѣ смерти эмира, когда новый эмиръ еще не избранъ.

— Но васъ то никто и пальцемъ не тронетъ—повторилъ онъ нѣсколько разъ.

Онъ посидѣлъ у меня нѣсколько минутъ, наговорилъ цѣлую кучу никому ненужнаго вздора и затѣмъ ушелъ, захвативъ съ собою приготовленные мною для него порошки. Хотя въ данное время онъ и былъ здоровъ (у него была желтуха, icterus), но все же онъ попросилъ у меня лекарства—«на всякій случай», прибавилъ онъ,—«вѣдь докторъ-саибъ отъ насъ сегодня уѣзжаетъ».

Къ этому времени у Замаанъ-бека обнаружился пароксизмъ перемѣжающейся лихорадки. Конечно, визитъ ея былъ совсѣмъ не кстати. И у меня развилась жестокая головная боль, и я опасался такого же визита, такъ какъ этотъ день былъ третьимъ со времени послѣдняго парокизма лихорадки, но еще утромъ я принялъ 10 гранъ солянокислаго хинина и потому былъ до извѣстной степени гарантированъ отъ возобновленія пароксизма. Такъ какъ я двѣ ночи почти совсѣмъ не спалъ, то и хотѣлъ днемъ наверстать то, что упустилъ ночью; но исключительность моего положенія явилась непримиримымъ врагомъ сна. Говорятъ, что солдаты иногда спятъ подъ пушечными выстрѣлами. Конечно привычка очень много значитъ, но я вѣроятно не заснулъ бы. Ужъ такимъ глупо-щепетильнымъ сномъ я обладаю.

Въ это время пришелъ ко мнѣ Нассиръ-ханъ и объявилъ, что и сегодня лошади вѣроятно останутся голодными. Немного «саману» онъ гдѣ-то досталъ. Этотъ удивительный человѣкъ досталъ было и ячменя, но... печальная участь постигла его. Вотъ что Нассиръ-ханъ разсказалъ мнѣ о своей фуражировкѣ.—Когда онъ везъ на ослѣ мѣшокъ ячменя, то съ нимъ повстрѣчалась шайка авганскихъ солдатъ.

— Что ты везешь? грозно прикрикнулъ на него одинъ изъ солдатъ.

— Ячмень везу, саибы,—смиренно отвѣчалъ Нассиръ-ханъ.

— Кому и куда?

— Докторъ-саибу, въ его домъ.

Тогда авганецъ взялъ осла за длинныя уши и повелъ его совсѣмъ въ другую сторону, чѣмъ это было нужно.

— Саибы, вы не туда ведете осла!—замѣтилъ имъ Нассиръ-ханъ. Вѣдь мнѣ нужно вотъ въ какую сторону ѣхать...

Но онъ долженъ былъ сейчасъ же замолчать, потому что солдаты стали бить его прикладами ружей.

Купилъ онъ гдѣ-то немного хлѣба для казаковъ, но ни барана, ни куръ, ни молока, ни масла—не могъ достать. Уже часовъ въ 6 вечера неизмѣнный мирза Маметъ-Ташъ, приготовилъ намъ пловъ Если бы не онъ, то намъ пришлось бы пробыть и другой день на пищѣ св. Антонія. Невольно припоминалась намъ въ это время Россія. Тамъ теперь, вездѣ даже въ самыхъ бѣдныхъ домахъ и семьяхъ, было изобиліе всякой снѣди. Вѣдь это была суббота Сырной недѣли. Тамъ были вездѣ блины, всякихъ вкусовъ и видовъ, а у насъ... наступилъ уже Великій постъ.

Отъ нечего дѣлать я пошелъ, чуть ли не въ сотый разъ, осмотрѣть лошадей. Двухдневный постъ на нихъ повидимому не произвелъ никакого дѣйствія; за время своего пребыванія въ Мазари-Шерифѣ онѣ такъ разжирѣли и раздобрѣли, что безнаказанно могли выдержать еще и не такой постъ.

Между тѣмъ дѣлать положительно было нечего; ожиданіе отъѣзда просто измучило насъ. Въ голову лѣзла всякая дрянь; отбоя не было отъ дурныхъ предчувствій. Я никакъ не надѣялся выѣхать изъ города благополучно, несмотря на увѣренія въ безопасности со стороны тѣхъ немногихъ авганцевъ, которые сохранили ко мнѣ дружбу. Можетъ быть потому я и не вѣрилъ этимъ завѣреніямъ, что онѣ были слишкомъ голословны. А между тѣмъ до меня постоянно доносились вѣсти о новыхъ междоусобіяхъ. Такъ, говорили, что Лойнабъ подъ конвоемъ препровожденъ въ Тахтапуль и тамъ находится подъ строгимъ карауломъ, а его домъ подвергнутъ разграбленію.

Въ 2 часа и 30 минутъ по полудни опять послышались ружейные залпы.

Вскорѣ послѣ этого начали стрѣлять изъ пушекъ. Казалось, будто стрѣляли у самыхъ воротъ нашего внѣшняго двора. Въ городѣ слышенъ былъ какой-то неопредѣленный шумъ и крики.

Я въ это время только что расположился было пить чай. Заслышавъ выстрѣлы, я бросился на дворъ. Въ сѣняхъ я увидалъ каза-

ковъ; они держали ружья на готовѣ; глаза ихъ горѣли какимъ то дикимъ огнемъ...

— Ну, ужъ и народецъ—эти авганцы, сказалъ я шутливымъ тономъ, обращаясь къ казакамъ. И чаю-то не дадутъ напиться спокойно!—непремѣнно помѣшаютъ...

Эта шутка видимо ободрила казаковъ; нѣкоторые изъ нихъ нервно усмѣхнулись.

— Деръ-хана бибашидъ, деръ хана бибашидъ докторъ-саибъ[1])!— закричалъ мнѣ Мосинъ-ханъ, едва я появился на дворѣ.

Онъ стоялъ съ кучкой своихъ людей у воротъ, ведущихъ съ нашего двора на средній. Мнѣ показалось, что глаза его людей также свѣтились какимъ то фосфорическимъ блескомъ, какъ и у казаковъ.

— Да что тамъ такое дѣлается?—спросилъ я Мосинъ-хана по русски, не сообразивъ въ это время, что онъ не знаетъ ни одного русскаго слова.

Въ отвѣтъ на мое восклицаніе онъ только отчаянно замахалъ руками по направленію къ моимъ комнатамъ.

А весь дворъ нашъ былъ положительно залитъ золотистымъ, ласкающе-теплымъ, солнечнымъ свѣтомъ. Каждый солнечный лучъ пробуждалъ къ жизни скрытые въ согрѣтой землѣ милліоны зародышей. Въ воздухѣ чувствовалось то могучее вѣяніе весны, которое вселяетъ въ человѣка такое сильное, обновленное чувство жизни, здоровья. Природа всѣми своими чарами приковывала людей къ жизни, а между тѣмъ всюду вокругъ насъ леталъ ангелъ смерти... Кругомъ насъ въ городѣ совершались многочисленныя убійства...

Я не замедлилъ ретироваться въ свои комнаты. Неизвѣстно было, что дѣлалось за стѣнами нашего дома.

Нѣсколько минутъ спустя стало извѣстно, что въ то время домъ Лойнаба окончательно былъ разграбленъ; въ немъ не осталось «даже и рогожи», какъ сообщалъ Маметъ-Ташъ.

— Ничего, не безпокойтесь—кричалъ одинъ изъ часовыхъ,— это грабили дворецъ Лойнаба!..

Ружейные залпы, которые я слышалъ въ 2 съ полов. часа, принадлежали двумъ бандамъ грабителей. Гератскіе и кабульскіе кавале-

---

[1]) Не выходите изъ комнатъ, докторъ.

ристы, грабя домъ Лойнаба, перессорились между собою изъ за добычи—и началась междоусобная рѣзня. Въ то же время былъ разграбленъ и домъ сборщика податей (Местофи).

Узнавъ объ этомъ, новомъ междоусобіи Нейкъ Магометъ-ханъ приказалъ произвести царскій салютъ изъ пушекъ городскаго форта, въ знакъ того, что новый эмиръ избранъ и власть возстановлена. Самъ же онъ поѣхалъ къ кавалеристамъ, которые, по прибытіи его на мѣсто междоусобія, разсѣялись. Въ то же время онъ послалъ по городу глашатаевъ, которые должны были объѣхать всѣ улицы и базары и объявить, что верховная власть въ странѣ возстановлена и что теперь всѣ грабители и бунтовщики, застигнутые на мѣстѣ преступленія, будутъ схвачены и подвергнуты казни.

Между тѣмъ я сталъ приготовляться къ выступленію изъ города. Увидавъ мои 16 вьючныхъ сундуковъ, Мосинъ-ханъ неодобрительно покачалъ головою.

— Знаете что, докторъ-саибъ — сказалъ онъ мнѣ—оставьте «яхтаны» здѣсь, въ городѣ. Послѣ мы вамъ перешлемъ ихъ въ цѣлости и сохранности.

— Да зачѣмъ же я ихъ оставлю здѣсь?—Вѣдь въ нихъ находятся всѣ нужныя для меня вещи, возразилъ я ему.

Въ шести сундукахъ находилась аптека, въ двухъ—запасная посуда, перевязочныя средства, хирургическіе инструменты и проч. Въ остальныхъ сундукахъ находились мои вещи, а также и вещи казаковъ.

— Вещи то вы съ собой возьмите, настаивалъ Мосинъ-ханъ.—Я говорю только чтобы вы оставили вьючные сундуки.

— Зачѣмъ я оставлю сундуки? Да и куда я помѣщу вещи?—не соглашался я съ Мосинъ-ханомъ.

— Сундуки вы оставьте, такъ какъ такое большое количество ихъ во всѣхъ встрѣчныхъ людяхъ можетъ возбудить подозрѣніе, что вы везете въ нихъ золото. Вещи же вы положите въ простые мѣшки, или «хоржумы».

Маметъ-Динъ-ханъ подтвердилъ и одобрилъ мысль Мосинъ-хана.

— Это вы совѣтуете мнѣ отъ себя, или васъ просилъ передать мнѣ такой совѣтъ Сердарь Нейкъ Магометъ-ханъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, Сердарь не говорилъ объ этомъ ни слова; это мы совѣтуемъ отъ себя.

— Ну, въ такомъ случаѣ я считаю неудобнымъ оставлять здѣсь яхтаны—закончилъ я нашъ разговоръ.

Однако я все таки поручилъ Маметъ-Динъ-хану пріобрѣсти для меня нужное число мѣшковъ и хоржумовъ—«на всякій случай». Но безъ гарантіи со стороны Нейкъ Магометъ-хана я рѣшилъ не оставлять сундуковъ въ Мазари-Шерифѣ.

Потомъ ко мнѣ приходилъ начальникъ авганскаго караула и пространно разсказалъ мнѣ о ночномъ происшествіи. Конечно онъ не забылъ при этомъ—какъ это и подобаетъ кровному гератцу—прихвастнуть, восхваляя свои подвиги и свою службу на пользу «докторъ-саиба». Очевидно было, что онъ напрашивался на подарокъ съ моей стороны. Я рѣшилъ дать ему что либо на память обо мнѣ, не въ счетъ той доли, которую онъ получилъ изъ общей суммы выкупа. Мосинъ-ханъ и Мирза Маметъ-Динъ-ханъ при этомъ тоже не упустили случая сказать нѣсколько словъ и въ свою пользу. Я конечно зналъ, что они принесли мнѣ несомнѣнную пользу, но воздержался въ это время отъ вознагражденія ихъ трудовъ. Теперь я далъ только Маметъ-Динъ-хану нѣсколько унцій іодной настойки, которою я и прежде снабжалъ его для леченія мышечнаго ревматизма, а Мосинъ-хану—небольшое количество хинина.

Въ 6 часовъ вечера ко мнѣ приходилъ племянникъ эмира, младшій братъ Гашимъ-хана, Сердарь Маметъ-Таиръ-ханъ. И онъ началъ свою бесѣду успокоительными фразами.

— Сердарь Нейкъ Магометъ-ханъ употребитъ всѣ свои усилія, чтобы безопасно проводить васъ до авганской границы—говорилъ онъ.—Онъ назначитъ въ конвой, который будетъ сопровождать васъ, самыхъ вѣрныхъ и преданныхъ людей, которые васъ ни зачто не выдадутъ. Теперь общее желаніе оставшейся семьи эмира состоитъ въ томъ, чтобы съ честью и благополучно проводить васъ отсюда.

Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ отъ имени умершаго эмира подарки, или вѣрнѣе—гонораръ за мои визиты.—Подарки состояли изъ двухъ кашемировыхъ шалей и двухъ мѣшечковъ съ серебромъ. Я отказался отъ подарковъ, но Сердарь настаивалъ на своемъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что я принялъ шали, но отъ денегъ категорически отказался.

Я сообщилъ Сердарю совѣтъ, поданный мнѣ Мосинъ-ханомъ, замѣнить яхтаны хоржумами. Онъ одобрилъ этотъ совѣтъ и сказалъ, что «дѣйствительно, везти такое большое количество сундуковъ опасно».

Затѣмъ наша бесѣда продолжалась еще нѣкоторое время, послѣ чего Сердарь всталъ, пожалъ мнѣ руку, сказалъ нѣсколько теплыхъ, напутственныхъ словъ и вышелъ изъ комнаты.

Тотчасъ же послѣ этого я послалъ Мирзу Маметъ-Динъ-хана за мѣшками, а самъ сталъ окончательно снаряжаться въ путь.

ГЛАВА IX.

Отъѣздъ изъ Мазари-Шерифа.

Ожиданіе «хоржумовъ». Мирза Маметъ-Динъ-ханъ.—Мирза Маметъ-Ташъ—мой будущій корреспондентъ.—Спасеніе аптеки и потеря вьючнаго обоза.—Нежеланіе посѣять свою голову въ Авганистанѣ.—Пріѣздъ Сердаря Нейкъ-Магометъ-хана.—Нежелательный спутникъ въ дорогѣ.—Обидчивость Мосинъ-хана.—Новости съ театра англо-авганской войны.—Пропавшій «ябу».—Проѣздъ городомъ.—Прощаніе съ Сердаремъ.—Опасеніе погони грабителей.—Атмосферная борьба.—Песчаный буранъ.—Что дѣлать?—Мосинъ-ханъ и узбеки.—Въ Сіагырдѣ.—Два дня безъ корму.—Переѣздъ по пустынѣ.—Бухарскіе посланцы розыскиваютъ меня.—На берегу Аму.—Прощаніе съ Мосинъ-ханомъ.—Ретроспективный взглядъ на наше прошлое въ Авганистанѣ.—По сю сторону Аму.

Патта-Гузаръ, 12-е февраля.

Наконецъ-то я вступилъ на твердую почву. До сихъ поръ она сильно колебалась подъ моими ногами. Теперь я могу на свободѣ записать все то, что случилось передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Мазари-Шерифа, во время и послѣ этого отъѣзда, хотя писать мнѣ и неудобно: письменнымъ столомъ служитъ походная постель, а стуломъ—мать сыра-земля.

Вечеромъ того памятнаго дня, когда я пережилъ такія сильныя ощущенія, т. е. 10-го февраля, часовая стрѣлка показывала уже 8 часовъ, а ни «хоржумовъ», ни мѣшковъ мнѣ еще не было доставлено. Наконецъ пришелъ Мирза Маметъ-Динъ и объявилъ, что ни тѣхъ, ни другихъ онъ не могъ нигдѣ достать. Что тутъ было дѣлать? Тѣмъ не менѣе нельзя же было не поблагодарить его за всѣ прежнія и те-

перешнія попеченія его о насъ и за разныя услуги. Поэтому я подарилъ ему на память серебрянные карманные часы, что привело его въ восторгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, видимо, и смутило.

— Я вамъ, докторъ-саибъ, очень благодаренъ за подарокъ—проговорилъ съ волненіемъ Маметъ-Динъ-ханъ—но я долженъ сказать, что если я и оказалъ вамъ, и вообще русскимъ, какія либо услуги, то совсѣмъ не потому, что ожидалъ отъ васъ какого-либо вознагражденія. Вы—наши гости. Мой долгъ былъ заботиться о томъ, чтобы вамъ жилось у насъ какъ можно лучше.

Сознаюсь, что я былъ очень пристыженъ словами почтеннаго мирзы. Дѣло въ томъ, что мы, во все время житья въ Мазари-Шерифѣ, вообще третировали этого человѣка довольно безцеремонно; мы смотрѣли на него, какъ на слугу. Онъ слышалъ отъ насъ только обращенія въ формѣ приказаній: подай то-то, сходи туда-то, распорядись о томъ, чтобы лошади имѣли достаточно корму, а люди —пищи, распорядись, чтобы истопили баню, распорядись убрать навозъ съ коннаго двора и проч. На его душевный міръ мы мало обращали вниманія; никто не хотѣлъ заглянуть въ него попристальнѣе. И только теперь я узналъ, какъ слѣдуетъ, этого превосходнаго человѣка, дѣйствительно безкорыстно дѣлавшаго для насъ добро. Именно онъ и сдѣлалъ для насъ больше всего добра. Онъ—первый пошелъ къ Лойнабу и, указывая на опасность дальнѣйшаго нашего пребыванія въ Мазари-Шерифѣ, просилъ его отправить насъ какъ можно скорѣе изъ города. Это онъ больше всего торговался съ моими ночными грабителями; онъ же отнесъ мое письмо къ Лойнабу, и притомъ въ такое время, когда грабежъ и анархія въ городѣ достигли полнаго развитія. Онъ хлопоталъ о доставкѣ хоржумовъ, и если не доставилъ мнѣ ихъ, то, значитъ, дѣйствительно нигдѣ нельзя было достать ихъ. Я готовъ многое простить Везиру за то, что онъ оставилъ намъ такого полезнаго домоправителя, съ доброй и честной душой. Но Везиръ виноватъ въ томъ, что мы такъ дурно третировали этого человѣка. Дѣло въ томъ, что Маметъ-Динъ-ханъ—родственникъ Везира. Составивъ себѣ очень нелестное понятіе о Везирѣ, мы и объ этомъ, постоянно закутанномъ въ свой полотняный пледъ, высокомъ, сгорбленномъ старикѣ судили по его родственнику, Везиру. Теперь я очень жалѣлъ, что такъ ошибался.

Затѣмъ я одарилъ Мирзу-Ташъ-Мамета, который, въ свою очередь, постоянно дарилъ насъ прекраснымъ «пилавомъ» и превосходнымъ «кябабомъ» (шашлыкомъ). Онъ и 10-го февраля, не смотря на то, что всѣ лавки въ городѣ были заперты, съумѣлъ изготовить намъ великолѣпный пилавъ, которому въ другое время порядочно таки досталось бы отъ насъ. Но при данныхъ обстоятельствахъ пилавъ оставленъ былъ нами почти неприкосновеннымъ.

Я далъ Мирзѣ два шелковыхъ халата и серебряный бокалъ. Онъ былъ весьма доволенъ своими подарками. Въ знакъ признательностя за это, онъ предложилъ сообщать мнѣ потомъ, послѣ отъѣзда изъ Мазари-Шерифа, о всѣхъ событіяхъ, какія произойдутъ въ Чааръ-вилайетѣ. Я, конечно, съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе. Мы условились относительно нашихъ сношеній такимъ образомъ: Мирза долженъ былъ писать мнѣ письма на имя ширабадскаго бека, а въ этомъ конвертѣ долженъ былъ находиться другой конвертъ съ письмомъ на мое имя, или же на имя Замаанъ-бека. Ширабадскій бекъ долженъ былъ, такимъ образомъ, исполнять роль коммиссіонера между мною и Мирзою Маметъ-Ташемъ. Если бы такъ случилось, то вышло бы очень не дурно. Значитъ, и послѣ нашего отъѣзда изъ Мазари-Шерифа мы могли бы получать вѣрныя извѣстія о событіяхъ въ Авганскомъ Туркестанѣ и имѣли бы возможность руководствоваться въ сношеніяхъ съ авганскимъ правительствомъ не одними лишь оффиціальными сообщеніями авганскихъ властей, если бы таковыя сообщенія еще продолжали получаться въ Ташкентѣ и послѣ совершившихся событій [1]).

Тѣмъ не менѣе я остался безъ хоржумовъ. Приходилось бросить

---

[1]) Мирза Маметъ-Ташъ очень добросовѣстно исполнилъ свое обѣщаніе Онъ нѣсколько разъ писалъ мнѣ въ 1879 г. Какъ условлено было между нами, онъ пересылалъ свои письма ширабадскому беку и былъ, вѣроятно, увѣренъ, что я и справно получаю его письма. Но двуличный бекъ отсылалъ адресованныя на мое имя письма въ Бухару, къ эмиру.—Такъ случилось нѣсколько разъ. Но потомъ бекъ не удовольствовался однимъ только перехватываніемъ чужихъ писемъ. Получивъ 3 или 4 письма, онъ увѣдомилъ Мазари-шерифскаго Наибиля, Гуламъ-Гайдеръ-хана, о корреспонденціяхъ Мирзы Маметъ-Таша. Тотчасъ же по увѣдомленіи, Наибиль схватилъ Маметъ-Таша и засадилъ въ тюрьму, а имущество его конфисковалъ. Потомъ мирзѣ удалось освободиться и онъ снова имѣлъ случай доказать свою преданность русскимъ.

яхтаны, даже съ вещами. Изъ своихъ яхтановъ я приказалъ выложить вещи въ пару хоржумовъ, которые я запасъ еще прежде. Аптека, ограниченная самыми необходимыми средствами, была уложена въ одни казенные хоржумы, а большую часть остальныхъ медикаментовъ приходилось бросить. Хининъ былъ, конечно, взятъ весь; взяты были также и хирургическіе инструменты. Жаль было бросать свои вещи, книги, аптеку... но что же было дѣлать? Вѣдь высшее авганское начальство говорило же, что опасно брать съ собой яхтаны... Вдругъ точно завѣса спала съ моихъ глазъ: а палассы? а кошмы? Вѣдь изъ нихъ въ нѣсколько минутъ можно приготовить хоржумы!.. Теперь почти все было спасено. Все, что можно было уложить въ нихъ,— уложено. Аптека такъ и осталась цѣликомъ въ яхтанахъ, но все же пришлось бросить запасную посуду, перевязочныя средства и проч. громоздкую рухлядь. Пришлось бросить и палатки. Съ большимъ сожалѣніемъ я долженъ былъ оставить также и собранную было мною коллекцію туземныхъ медицинскихъ книгъ.—Въ перекладываніи и переупаковываніи вещей прошло не мало времени. Теперь пришлось взять съ собой только 3 пары яхтановъ, что далеко не было «такъ опасно», какъ 8 паръ.

Между тѣмъ ночь уже вполнѣ окутала своимъ темнымъ покровомъ грѣшную землю, на клочкѣ которой въ данное время такъ дико и такъ страшно разыгрались человѣческія страсти. Было уже болѣе 9 часовъ вечера. Съ нетерпѣніемъ, весьма понятнымъ для читателя, я ожидалъ прихода Сердаря Нейкъ-Магометъ-хана и его конвоя; онъ самъ обѣщалъ проводить меня изъ города. Онъ обѣщалъ также дать мнѣ знать, когда можно будетъ выступить; поэтому я еще не начиналъ вьючить животныхъ. «Ожиданіе смерти—хуже самой смерти», сказалъ какой-то арабскій поэтъ; а другой сказалъ, что «ожиданіе сжигаетъ человѣка пуще огня»... Каково же было ожидать намъ, надъ головой которыхъ постоянно носился призракъ насилія и этого насилія, безумнаго какъ стихія, нельзя было ничѣмъ и предотвратить? Деньгами? Да, вѣдь, и денегъ-то я не могъ много предложить: всѣ мои капиталы въ данный моментъ простирались только до суммы въ 1400 руб. Да, вѣроятно, потомъ не помогли бы и деньги... Стихіи расходились, буря достигла апогея своего развитія; люди стали звѣрями—имъ ничего уже не значило убить человѣка просто «такъ

себѣ», все равно какъ подстрѣлить вонъ ту ворону, что усѣлась на уродливомъ деревцѣ шелковицы и надрываетъ свое горло дребезжащимъ, какъ звукъ разбитаго горшка, крикомъ. Поэтому меня, вѣроятно никто не осудитъ, если я откровенно скажу, что иногда робость закрадывалась въ мое сердце. Умереть, если это для чего либо нужно—куда ни шло; пусть будетъ такъ! Но умереть здѣсь, въ этой трущобѣ, ни за что ни прочто—непріятная и совсѣмъ нежелательная перспектива... Полагаю, что она не могла вселить въ мое сердце мужество. Я совсѣмъ не герой, какихъ изображаютъ въ романахъ, и которые сражаются не только съ людьми, но и со стихіями, и благополучно ихъ побѣждаютъ, за каковую доблесть всегда и получаютъ достойную награду отъ «дамы сердца». Я не сталъ бы сражаться и съ мельницами; поэтому я заявляю: да, я робѣлъ, хотя и старался ободрить себя. «Конечно», думалъ я, «во время нашего проѣзда городомъ, на насъ можетъ напасть какая нибудь шайка сорванцовъ, но вѣдь можетъ также и пройти все благополучно. Во всякомъ случаѣ дешево себя мы не продадимъ». Господи! Да хотя скорѣе бы двинуться въ путь! Хоть бы ужъ былъ положенъ какой либо конецъ этому томленію! А ужъ тамъ будь, что будетъ...

Около 10 часовъ веч. пріѣхалъ Сердарь Нейкъ Магометъ-ханъ. Съ нимъ пріѣхалъ также братъ Кемнаба Магометъ-Гассанъ-хана, тоже Кемнабъ, но имени котораго я не упомнилъ. Ихъ сопровождалъ Мосинъ-ханъ, одѣтый въ свою походную бѣличью шубку, подтянутую обыкновеннымъ, кожаннымъ авганскимъ поясомъ. Съ права за поясомъ были заткнуты два револьвера; слѣва—съ пояса спускалась его неизмѣнная, полутора-аршинная, почти совсѣмъ прямая, шашка. Съ ними вошли въ мои комнаты также и нѣсколько другихъ, совершенно незнакомыхъ мнѣ, лицъ.

Нѣсколько времени спустя, въ комнаты вошелъ мой старый знакомецъ, Сары-джанъ Маметъ-Шахъ-ханъ. Онъ, какъ я тутъ же и узналъ, тоже былъ назначенъ сопровождать меня до Аму.

Признаюсь, мнѣ совсѣмъ было «не по губѣ» назначеніе этого человѣка въ мои провожатые. Я и прежде его не особенно любилъ, а теперь—хищное выраженіе его лица произвело на меня положительно непріятное впечатлѣніе. Кромѣ того, у меня съ нимъ были кое-какіе старые счеты. Поэтому мнѣ очень хотѣлось какимъ бы то ни было

способомъ отдѣлаться отъ его сопутничества; но во всякомъ случаѣ неловко было, и даже опасно, привести въ исполненіе это желаніе сейчасъ же.

Когда онъ вошелъ въ комнату, то жаднымъ взоромъ окинулъ стоящіе вдоль стѣнъ 16 сундуковъ. Я взглянулъ на него и, какъ старому знакомому, кивнулъ головой. Онъ улыбнулся, и эта улыбка показалась мнѣ предательской. Желая расположить этого опаснаго человѣка (какъ впослѣдствіи и подтвердилось это предположеніе) въ свою пользу, я сталъ выхвалять передъ Сердаремъ Нейкъ Магометъ-ханомъ прежнюю службу Сары-джана, когда онъ состоялъ при мнѣ.

— Мнѣ очень пріятно—сказалъ я—что Маметъ-Шахъ-ханъ назначенъ въ число моихъ провожатыхъ: онъ мой старый знакомый.

Пріятно!.. Въ тысячу разъ мнѣ было бы пріятнѣе, если бы онъ не только не былъ назначенъ въ число моихъ провожатыхъ, но если бы его въ данное время и совсѣмъ не было здѣсь, въ Чааръ-вилайетѣ.

Моя похвала Сары-джану задѣла самолюбіе Мосинъ-хана.

— Положимъ, Сары-джанъ будетъ сопровождать васъ въ дорогѣ—обидчиво заявилъ онъ. Но вѣдь и я, дитэнъ Мосинъ-ханъ, тоже буду сопровождать васъ до Аму, а вѣдь я еще болѣе старый вашъ знакомый, чѣмъ Сары-джанъ.

Добрый, прямодушный Мосинъ-ханъ! О, если бы ты зналъ настоящую цѣну той похвалы, которую я произнесъ Сары-джану! Ты, навѣрно, не позавидовалъ бы ему...

— Конечно, Мосинъ-ханъ, вы—старый и еще болѣе хорошій мой знакомый, отвѣчалъ я,—и вы знаете какъ я цѣню вашу службу и дружбу; но вѣдь нельзя же обойти молчаніемъ и службы Сары-джана.

Въ это время Сердарь спросилъ меня: готовы ли мы къ выступленію? На это я отвѣчалъ, что ожидалъ отъ него лишь увѣдомленія чтобы начать вьючку.

Тогда приступили къ вьючкѣ. На внутреннемъ дворѣ вьючить животныхъ нельзя было, такъ какъ завьюченая лошадь не могла пройти въ калитку, пробитую въ стѣнѣ, отдѣлявшей внутренній дворъ отъ средняго. Поэтому сначала вывели всѣхъ лошадей на средній дворъ, затѣмъ вынесли туда наши вещи и уже послѣ всего этого принялись вьючить животныхъ. Вьючили одни джигиты и лаучи, подъ наблюденіемъ Нассиръ-хана и людей Сердаря; казаки не были допу-

щены на тотъ дворъ. Въ тоже время Сердарь послалъ въ городъ верховыхъ людей чтобы узнать, достаточно ли безопасны дороги, и которую изъ нихъ можно выбрать. Затѣмъ онъ сообщилъ, что меня будутъ сопровождать до Аму-Дарьи главнымъ образомъ люди Мосинъ-хана и еще нѣсколько самыхъ преданныхъ Сердарю всадниковъ и пѣхотинцевъ. Въ число нашихъ конвойныхъ входили и узбеки, мѣстные жители.

Извѣстіе это меня сильно удивило. Какъ!—Поручать охрану своихъ гостей покоренному и угнетенному племени? Значитъ, узбекамъ болѣе довѣряютъ, чѣмъ регулярнымъ войскамъ, опорѣ авганскаго владычества надъ этимъ забитымъ племенемъ? Такъ дѣйствительно, значитъ, страсти разыгрались не на шутку, если главнокомандующій надъ всѣми войсками Чааръ-вилайета прибѣгаетъ къ помощи тѣхъ самыхъ узбековъ, которыхъ авганцы презираютъ и отъ которыхъ тѣже авганскія власти еще такъ недавно всячески изолировали насъ, Русскихъ?—Позднѣе оказалось, что эти-то узбеки и притомъ главнымъ образомъ они,—и оказали мнѣ неоцѣненныя услуги. Не будь ихъ—намъ, вѣроятно, пришлось бы погибнуть въ песчаной пустынѣ, когда розыгрался песчаный ураганъ. Но объ этомъ послѣ.

Долго длилась вьючка, долго не пріѣзжали и посланные Сердаря. Разговоръ у насъ не клеился: я еще плохо владѣлъ персидскою рѣчью для того чтобы самостоятельно вести бѣсѣду съ Сердаремъ, а Замаанъ-бекъ вообще былъ не разговорчивъ. Тѣмъ не менѣе я перебросился съ Сердаремъ нѣсколькими фразами, которыя, думаю, настолько заслуживаютъ вниманія, чтобы привести ихъ здѣсь. Сердарь между прочимъ спросилъ меня, не буду ли я въ Петербургѣ? Я отвѣчалъ, что, по пріѣздѣ въ Ташкентъ, вѣроятно отправлюсь въ Петербургъ. Замаанъ-бекъ объяснилъ ему мое намѣреніе усовершенствоваться въ медицинскихъ наукахъ. Тогда Сердарь обратился ко мнѣ съ просьбой засвидѣтельствовать передъ Императоромъ Русскимъ о дружбѣ, которую Авганистанъ будетъ питать къ Россіи и послѣ смерти Ширъ-Али-хана, такъ какъ Маметъ-Якубъ-ханъ ничего болѣе не желаетъ де, какъ продолжать дружественныя сношенія съ Русскимъ правительствомъ, начатыя его отцемъ. Сердарь просилъ меня передать также и Туркестанскому генералъ губернатору, что онъ, Нейкъ-Магометъ-ханъ, и нынѣшнее авганское правительство надѣются, что от-

ношенія Россіи къ Авганистану и впредь останутся дружественными. Онъ просилъ меня не придавать особеннаго значенія ночному нападенію.

— Если вы и ваши люди въ данное время и не пользуетесь полною безопасностью на авганской почвѣ, то это лишь потому, что на короткое время здѣсь произошелъ перерывъ въ управленіи страной, вслѣдствіе чего и произошли настоящіе политическіе безпорядки—говорилъ Сердарь.

Далѣе онъ просилъ меня передать его привѣтъ авганскому посольству. Никакихъ писемъ однако онъ не вручилъ мнѣ для передачи членамъ посольства. Затѣмъ я спросилъ: нѣтъ ли какихъ извѣстій отъ пословъ изъ Ташкента, или изъ Кабула?

— Изъ Ташкента нѣтъ никакихъ извѣстій, отвѣчалъ Сердарь.— Но изъ Кабула есть: сегодня получено письмо отъ Сердаря Якубъ-хана, въ которомъ онъ извѣщаетъ эмира-саиба [1]), что англичане спустились было съ Шутуръ-Герденскаго перевала и направились было къ Джаджи (?); но здѣсь они потерпѣли неудачу, такъ что оставили въ нашихъ рукахъ нѣсколько орудій. Подъ Джелалабадомъ англичанамъ также не совсѣмъ удобно; вообще они теперь вездѣ теряютъ много людей и обоза.

Я сомнѣвался въ удачѣ авганъ и въ пораженіяхъ англичанъ; но потомъ оказалось, что все то, что сообщилъ мнѣ Сердарь, было совершенно вѣрно.

Во время перерывовъ нашего разговора Сердарь часто и очень тихо о чемъ-то разговаривалъ съ Мосинъ-ханомъ. Однажды въ ихъ разговорѣ послышались слова: «тюркъ-рисаля»(тюркскій всадникъ). Мосинъ-ханъ весьма энергично отвѣчалъ по поводу этого слова въ отрицательномъ смыслѣ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ началъ очень неудобный разговоръ объ отношеніяхъ къ нему ген. Столѣтова. Такъ, между прочимъ, онъ разсказалъ, какъ генер. распекъ его въ Сіагіртѣ и грозилъ написать о его будто бы неисправностяхъ по службѣ эмиру-саибу.

— Какія же были мои неисправности, Сердарь?—говорилъ Мосинъ-ханъ. А вотъ какія: во все время пути я прислуживалъ гене-

[1]) Въ это время въ Кабулѣ еще не было получено извѣстіе о смерти Ширъ-Али-хана; поэтому Якубъ-ханъ и доносилъ своему отцу о событіяхъ на англо-авганской границѣ.

ралу—даже какъ простой слуга, а не какъ офицеръ; генералъ постоянно ѣздилъ на моихъ лошадяхъ; ночью, оберегая генерала, я ложился спать у двери его палатки—и такъ во все время пути. Но въ Сіагиртѣ я не ночевалъ, потому что остался въ Мазари-Шерифѣ для исполненія разныхъ необходимыхъ, личныхъ дѣлъ—и генералъ забылъ всю мою службу и хотѣлъ на меня жаловаться эмиру...

Мнѣ было очень непріятно, что Мосинъ-ханъ началъ свой разсказъ, и притомъ въ такое неудобное время. Но остановить его конечно, нельзя было и потому я долженъ былъ выслушать все. Хуже всего было то, что онъ во время разсказа постоянно обращался ко мнѣ съ разными вопросами и подтвержденіями и я долженъ былъ высказывать при этомъ свое мнѣніе. Я свободно вздохнулъ лишь тогда, когда его разговоръ свернулъ на болѣе нейтральную почву.

Между тѣмъ было уже полчаса 11. Ночь была темная—«хоть глазъ выколи». На дворѣ шла спѣшная возня вьючки и сборовъ въ дорогу, въ комнатахъ царила тишина, изрѣдка прерываемая почти офиціально веденнымъ мною разговоромъ съ Сердаремъ, чаще же—шепотомъ Сердаря съ Мосинъ-ханомъ. Остальные авганцы смирно сидѣли или стояли вокругъ Нейкъ-Магометъ-хана—и дремали. Узнавъ, что я оставляю въ Мазари-Шерифѣ 10 вьючныхъ сундуковъ, походную мебель, палатки и разныя другія вещи, Нейкъ Магометъ-ханъ обѣщалъ мнѣ все это выслать своевременно, «когда все утихнетъ», въ Ташкентъ.

Но вотъ вернулись, наконецъ, посланные Сердаря; вьючка къ этому временм также закончилась. Вслѣдъ затѣмъ мы всѣ вышли на дворъ. Сердарь пожелалъ намъ счастливаго пути и поѣхалъ впередъ. Я поздоровался обычнымъ порядкомъ съ казаками, сказалъ, что намъ предстоитъ не совсѣмъ безопасный путь, напомнилъ имъ, чтобы они были хладнокровны и осторожны, а главное—слушали бы внимательно команду.

— Ты, вахтмистръ, обратился я къ нему,—если дѣло дойдетъ до боя, дѣлай свое дѣло молодцомъ!

— Слушаю-съ! послѣдовалъ обычный отвѣтъ.

Всѣ мы сѣли уже на лошадей и хотѣли выѣхать со внѣшняго двора на улицу, какъ въ это время приходитъ Мирза Махметъ-Динъ и сообщаетъ, что мы забыли на внутреннемъ дворѣ одного «ябу»

(вьючная лошадь, по просту—«вьючекъ»). Я позвалъ караванъ-баши, Нассиръ-хана, и приказалъ ему привести оставшееся животное. Онъ сейчасъ же пошелъ туда и черезъ нѣсколько времени привелъ лошадь, но безъ недоуздка. Гдѣ же недоуздокъ? Вѣдь лошадь была съ недоуздкомъ?—Эти вопросы очень ничтожны—не правда ли, читатель? А между тѣмъ отвѣтъ Нассиръ-хана на нихъ былъ очень серьезный. Дѣло состояло вотъ въ чемъ.

Когда Нассиръ-ханъ возвратился на средній дворъ, то дѣйствительно увидѣлъ тамъ лошадь съ недоуздкомъ, за который держались 2—3 человѣка изъ авганскихъ (бывшихъ моихъ) часовыхъ. Онъ хотѣлъ увести лошадь, но авганцы воспротивились этому, говоря, что лошадь эта подарена имъ мною. Нассиръ-ханъ не повѣрилъ имъ и хотѣлъ увести животное. Но авганцы не давали лошадь и начали бить Нассиръ-хана. Тогда онъ ударомъ ножа перерѣзалъ недоуздокъ и вслѣдъ за тѣмъ сильно ударилъ лошадь нагайкой. Лошадь, получивъ ударъ, бросилась бѣжать вонъ со двора и выбѣжала къ намъ. Нассиръ-ханъ выбѣжалъ вслѣдъ за нею.—Вотъ какимъ образомъ лошадь очутилась безъ недоуздка.

Когда я выѣхалъ на улицу—сердце тревожно забилось у меня въ груди. «Что-то будетъ», думалъ я. У воротъ зажженъ былъ костеръ, вслѣдствіе чего вся прилегающая мѣстность была довольно хорошо освѣщена. Но вскорѣ мы своротили на право, въ переулокъ, который былъ такъ узокъ, что двѣ верховыя лошади, ставшія рядомъ, совершенно заграждали путь. Какъ нарочно въ этомъ мѣстѣ упалъ одинъ вьюкъ. Стали его поправлять. Лаучи по необходимости оставили на это время своихъ лошадей безъ присмотра: вѣдь имъ надо было поправить упавшій вьюкъ. Нужно замѣтить, что всѣ вьючныя и верховыя лошади наши состояли исключительно изъ жеребцовъ; въ Средней Азіи нѣтъ обыкновенія держать меренова (кастрированныхъ жеребцовъ). Оставшись безъ присмотра, задорные, раскормленные жеребцы не замедлили сейчасъ же начать между собой драку. Два жеребца дрались минутъ 10, сбросили свои вьюки и грозили искалѣчить другъ друга. Надо было, во что бы то ни стало, унять буяновъ. А между тѣмъ къ нимъ нельзя было и подступиться: чрезвычайная тѣснота переулка совершенно препятствовала этому. Кромѣ того, здѣсь было темно, какъ въ могилѣ. Пронзительное ржанье лошадей и крики

лаучей стономъ стояли въ ночномъ воздухѣ. И все это случилось въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ, когда нужно было соблюдать величайшую тишину и осторожность! Домъ Лойнаба былъ всего въ 1000 шагахъ отсюда; двѣ—три сотни оборванцевъ, авганскихъ солдатъ, всегда торчали около него. Поднявшійся шумъ могъ возбудить ихъ любопытство и привести сюда. А тогда кто знаетъ, что могло бы случиться? Скученные въ тѣсномъ переулкѣ, съ перепутавшимися лошадьми и упавшими вьюками, мы не могли двинуться ни назадъ, ни впередъ. Насъ всѣхъ грабители могли перестрѣлять со стѣнъ заборовъ и домовъ чуть не на выборъ. А тутъ и Сары-джанъ куда-то исчезъ! Въ виду этого я приказалъ тремъ казакамъ спѣшиться и пособить лаучамъ управиться съ вьюками и лошадьми; но они не могли добраться до мѣста драки двѣ ставшія рядомъ вьючныя лошади совершенно загородили весь проходъ улицы. Храбрые Уральцы уже рѣшились было подъ животами лошадей добраться до мѣста драки, но къ этому времени джигитамъ и лаучамъ, общими силами, удалось унять драчуновъ. Скоро вьюки были оправлены, и мы тронулись далѣе въ путь.

За поворомъ улицы разложенъ былъ на землѣ еще костеръ. Около костра сидѣла на корточкахъ и стояла, опершись на дубины, група узбековъ. Почти черезъ каждые 100—200 шаговъ разстоянія на улицахъ были разложены небольшіе костры, а вокругъ нихъ сидѣли и стояли небольшія группы узбековъ, большею частью съ дубинами въ рукахъ. Это были мои охранители... При фантастическомъ, мерцающемъ свѣтѣ костровъ безмолвно стоящія и провожающія насъ взглядомъ, мрачныя фигуры узбековъ, закутанныхъ въ халаты, казались какими-то привидѣніями...

Мы ѣхали теперь очень извилистымъ путемъ, кажется самымъ пустынннымъ; улицы были заселены исключительно узбеками. Говорили, что этотъ путь и выбранъ былъ узбеками, находившимися въ числѣ моихъ провожатыхъ. Направленіе пути постоянно измѣнялось, на сколько можно было судить объ этомъ по положенію полярной здѣзды: то оно было восточное, то сѣверное, то, даже, западное.

Черезъ полчаса ѣзды, послѣ многочисленныхъ остановокъ для поправленія падающихъ вьюковъ, мы выѣхали на шоссе, которое ведетъ къ Кабульскимъ воротамъ города. Здѣсь Мосинъ-ханъ посовѣто-

валъ мнѣ скомандовать казакамъ, чтобы они взяли ружья въ руки, такъ какъ улица эта очень оживленная, а верстахъ въ двухъ за воротами находился лагерь кабульскихъ всадниковъ. Я конечно исполнилъ его совѣтъ. Наконецъ мы выѣхали изъ города, миновали городскія ворота и сейчасъ же взяли направленіе прямо на сѣверъ. Лишь только мы отъѣхали съ полверсты отъ воротъ, какъ вдругъ опять грохнулся вьюкъ на землю. Поправляли его долго, поправили, проѣхали съ полверсты—и опять онъ упалъ. Тогда меня разобрала злость: вѣдь передъ вьючкой я особенно наказывалъ Нассиръ-хану—вьючить лошадей какъ можно крѣпче, имѣя въ виду такое опасное, ночное путешествіе. А теперь вотъ вьюки падали чуть не на каждомъ шагу и заставляли насъ почти ежеминутно останавливаться! Теперь оказалось также, что нѣкоторые вьюки были несоразмѣрно велики, отъ чего и падали, а между тѣмъ въ поводу велись двѣ совершенно свободныя лошади. Досадно! Но дѣлать было нечего; приходилось только ждать, что изъ всего этого выйдетъ. Сердарь Нейкъ Магометъ-ханъ, все время ѣхавшій городомъ впереди насъ и теперь только примкнувшій къ намъ, безмолвно смотрѣлъ на людей, копошащихся у вьючныхъ лошадей, и терпѣливо ждалъ конца перевьючки. «Сэри-узбеки»—узбекскіе старшины, вооруженные кривыми шашками, стояли вокругъ насъ, числомъ до 50. Они усердно помогали моимъ лаучамъ вьючить лошадей и поправлять вьюки.

Верстахъ въ 5 отъ города Нейкъ Магометъ-ханъ простился съ нами и, пожелавъ намъ счастливаго и благополучнаго пути, возвратился со своей свитой въ Мазари-Шерифъ.

Теперь мы, сопровождаемые всадниками Мосинъ-хана и небольшимъ конвоемъ изъ узбековъ, направились прямо на западъ. Сарыджанъ такъ и не появлялся возлѣ насъ съ самаго момента исчезновенія своего при выѣздѣ изъ нашего дома. Я не замедлилъ спросить у Мосинъ-хана—гдѣ онъ?

— Сары-джанъ—большой подлецъ, отвѣчалъ Мосинъ-ханъ.—По возвращеніи въ Мазари-Шерифъ, я расдѣлаюсь съ нимъ по своему.

Онъ былъ такъ раздраженъ поступкомъ Сары-джана, что употребилъ фразу и еще болѣе энергичную, чѣмъ ту, которую я привелъ,—такую, какую здѣсь сказать неудобно.

— Этотъ негодяй вѣроятно уѣхалъ въ Тахтапуль, — продолжалъ Мосинъ-ханъ.

Исчезновеніе Сары-джана и отвѣтъ Мосинъ-хана заставили меня сильно призадуматься. Въ Тахтапулѣ Сары-джанъ могъ подобрать шайку такихъ же сорванцовъ, какъ и самъ онъ, и пуститься за нами въ погоню съ цѣлью грабежа. Хотя теперь мы были въ открытомъ полѣ, перевѣдаться съ разбойниками было гораздо удобнѣе, чѣмъ внутри города, въ четырехъ стѣнахъ глинянаго дворца, но все же неизвѣстно было, чѣмъ могъ кончиться бой, если бы дѣло до этого дошло: у насъ было только 12 винтовокъ, а нападающихъ могло быть неопредѣленное число, можетъ быть—нѣсколько сотъ. Поэтому бравировать опасностью не приходилось, надо было уходить какъ можно скорѣе. Мосинъ-ханъ постоянно покрикивалъ на лаучей и узбековъ: ойку, ойку! гайда! гайдынъ! (пошелъ! прибавь шагу!) Даже вьючныя лошади—и тѣ шли рысью, а мой «вислоухій философъ»—полной «тропотой». Лишь только лошади начинали идти тише, какъ Мосинъ-ханъ опять уже выкрикивалъ: гайдынъ и т. д.—Такимъ образомъ мы ѣхали съ часъ времени.

Теперь мы находились въ открытой степи и ѣхали по торной Патта-гюзарской дорогѣ, прямо на сѣверъ. Отъ города насъ уже отдѣляло разстояніе, приблизительно, верстъ въ 15. Мрачныя очертанія его давно уже скрылись позади насъ въ ночной мглѣ. Только линія возвышающихся за городомъ Паропамизскихъ горъ едва-едва оттѣняла южный край горизонта довольно широкой, мглистой полосой. Теперь мы нѣсколько замедлили шагъ: надо было дать возможность отдохнуть бѣднымъ лошадямъ.

Было уже около 12 часовъ ночи; звѣздный маятникъ (малая медвѣдица) уже принялъ совершенно горизонтальное положеніе. Дорога пошла песчаной степью и солончаками. Въ воздухѣ царила необычайная тишина,—ни гдѣ ни что не шелохнетъ. Вдругъ съ запада повѣяло такимъ пронзительнымъ «сиверомъ», что даже мой мѣховой сюртукъ былъ насквозь пронизанъ этимъ вѣтромъ. Вѣтеръ постепенно усиливался; мой лѣвый бокъ, лѣвая рука и нога—заныли отъ дѣйствія леденящаго холода. Черезъ нѣсколько минутъ вѣтеръ мгновенно стихъ. Затѣмъ подулъ вѣтеръ съ востока. Странная вещь! Этотъ вѣтеръ былъ зноенъ; пламенемъ пахнулъ онъ на оцѣпенѣвшее отъ хо-

лода тѣло. Сдѣлалось душно. Но вотъ прошло нѣсколько минутъ—и снова затишье. Я ничего подобнаго въ атмосферныхъ явленіяхъ не видалъ до сихъ поръ: почти въ одно и тоже время, съ двухъ противуположныхъ сторонъ, дуютъ вѣтры съ громадной разницей въ температурѣ. Я не могъ понять, что означала такая атмосферная борьба. Послѣ этого мы еще съ полчаса времени ѣхали въ затишьѣ.

Между тѣмъ западный горизонтъ постепенно сталъ задвигаться тучей. Темная мгла быстро закрыла собою значительную часть неба. Подулъ свѣжій, западный вѣтерокъ, но далеко не такой холодный, какъ за три четверти часа до этого. Вѣтеръ постепенно усиливался; съ запада все болѣе и болѣе надвигался туманъ. Этотъ туманъ, какъ оказалось потомъ, состоялъ изъ облаковъ взметаемаго вѣтромъ тончайшаго песку.

Лишь только я замѣтилъ этотъ туманъ, какъ высказалъ Замаанбеку предположеніе: не песокъ ли это идетъ на насъ? Предположеніе это оправдалось потомъ даже слишкомъ. Между тѣмъ пыльный туманъ сгущался все болѣе и болѣе; онъ закрылъ собою уже весь горизонтъ; звѣзды, особенно горизонтальныя, совершенно скрылись; только въ зенитѣ онѣ еще слабо мерцали. Но полярной звѣзды также нельзя было уже различить.

Тѣмъ временемъ мы все далѣе и далѣе углублялись въ пески, которые съ каждымъ шагомъ впередъ становились все глубже и глубже. Вѣтеръ крѣпчалъ все болѣе и болѣе — и черезъ полчаса розыгрался настоящій песчаный буранъ. Сильный ураганъ гналъ цѣлое море песку. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что срывалъ шапки съ головъ. Въ пустынѣ стало темно какъ въ могилѣ: на пять шаговъ впередъ нельзя было ничего видѣть. Да и смотрѣть то не было возможности; лишь только открывались глаза, какъ моментально наполнялись солонцеватымъ пескомъ. Летѣли вмѣстѣ съ пескомъ и мелкіе камни...

Продолжать путь, при такой погодѣ, не было возможности; легко было сбиться съ дороги и заблудиться; кромѣ того—мы могли растеряться въ степи по одиночкѣ, потому что темь была страшная, да и смотрѣть то, повторяю, не было возможности. Все это не замедлило сейчасъ же сказаться безпорядкомъ въ ходѣ вьюковъ: одни ушли впередъ, другіе отстали назади, несмотря на то, что я строго наказалъ

лаучамъ—не отдѣляться другъ отъ друга, а идти какъ можно кучнѣе. Но въ такомъ хаосѣ и такой темнотѣ, въ которой мы теперь очутились,—не было никакой возможности хотя сколько нибудь поддерживать порядокъ шествія. Приходилось идти на голосъ, но ревъ бури, точно шумъ бушующаго моря, заглушалъ крики. Чтобы быть слышнымъ для другаго, надо было кричать чуть не надъ самымъ его ухомъ. Я ничего не видѣлъ до сихъ поръ величественнѣе и ужаснѣе этой грозной картины расходившихся стихій. Въ это время я чувствовалъ себя такимъ слабымъ существомъ! «Буря воетъ, буря плачетъ»—говоритъ нашъ поэтъ. Наша буря реветъ точно необъятное пламя, наша буря шипитъ и свиститъ точно милліонъ змѣй, наша буря безконечными раскатами грома пробѣгаетъ по пустынѣ!..

Я предложилъ Мосинъ-хану остановиться, спѣшиться, сложить вьюки, образовать изъ нихъ и изъ вьючныхъ животныхъ карре и ждать такимъ образомъ до окончанія или, покрайней мѣрѣ, до ослабленія бури.

— Что вы говорите, Господь съ вами!—отвѣчалъ Мосинъ-ханъ.—Надо пользоваться такою благодатью. Очевидно, Богъ помогаетъ намъ. Если бы и была за нами погоня, то она теперь будетъ задержана бурею, а можетъ быть и совсѣмъ вынуждена будетъ прекратить преслѣдованіе. Не стоять теперь надо, а продолжать путь, и притомъ—какъ можно быстрѣе.

— Послушайте, Мосинъ-ханъ,—возразилъ я ему,—да неужели вы серьезно говорите о преслѣдованіи насъ шайкой солдатъ-грабителей? Вѣдь это... я ужъ и не знаю, на что было бы похоже!

— Эхъ, докторъ-саибъ! Не знаете вы нашего народа. Здѣсь Авганистанъ! Я самъ—авганецъ, но долженъ сказать вамъ правду о нашемъ народѣ. Поэтому я говорю: и не думайте останавливаться среди дороги. Продолжайте путь безостановочно. Притомъ же—Сіагыртъ близко; тамъ мы и отдохнемъ.

Дѣлать было нечего; приходилось ѣхать впередъ, хотя бы и ощупью. Вьюки я оставилъ на полное попеченіе Мосинъ-хана, такъ какъ самъ положительно не могъ слѣдить за ними. Теперь моей единственной заботой было удержать всѣхъ казаковъ вмѣстѣ, чтобы намъ не разбиться и не растеряться въ пустынѣ по одиночкѣ. Я ѣхалъ непосредственно за Мосинъ-ханомъ, а за мной казаки. Я даже думалъ

протянуть веревку черезъ руки всѣхъ всадниковъ, но къ этой крайней мѣрѣ все же не прибѣгнулъ.

Въ началѣ бури новизна картины сообщила мнѣ игривое настроеніе духа; притомъ Замаанбекъ сказалъ по этому поводу не мало остротъ. Особенно досталось масляницѣ. Я не отставалъ отъ него въ этомъ словесномъ турнирѣ. Но теперь, въ моментъ разгара бури, намъ не до того было, а кромѣ того—чтобы сказать своему собесѣднику что либо, нужно было кричать надъ самымъ ухомъ, во всю мощь легкихъ и горла. Очевидно, это была неудобная форма для разговора.

Наконецъ ѣхать стало просто невыносимо. Соленая песчаная пыль проникла всюду: глаза были запорошены ею, ноздри биткомъ набиты, на зубахъ хрустѣлъ тотъ же песокъ; горло пересохло и голосъ сдѣлался хриплымъ, беззвучнымъ; губы изсохли и потрескались... появилась мучительная жажда... Если бы буря еще продолжалась часа два—три, я ужь и не знаю, чѣмъ бы все это кончилось... А теперь еще было зимнее время. Что же долженъ испытывать путникъ во время такого бурана (мѣстное названіе—«теббатъ») лѣтомъ, при 45° жарѣ въ тѣни?.. Къ довершенію нашего непріятнаго положенія казакъ Шаровъ потерялъ мою дорожную сумку. Въ этой сумкѣ было 200 рублей теньгами нѣкоторые медицинскіе инструменты, частная переписка, часть дневника и, что всего важнѣе,—мои личные документы, въ числѣ которыхъ былъ и дипломъ на званіе врача. Нечего и говорить, что потеря этой сумки меня очень огорчила. Но что же было дѣлать? Казакъ, потерявшій сумку, испуганно смотрѣлъ внизъ и безсвязно что-то лепеталъ коснѣющимъ отъ испуга языкомъ, держа въ рукахъ кусокъ ремня, на которомъ прежде висѣла сумка. Было ясно, что сумка оторвалась въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда казакъ долженъ былъ сойти съ сѣдла, чтобы поправить падающій вьюкъ, или подержать лошадь.

Узнавъ о моемъ новомъ несчастьѣ, Мосинъ-ханъ распорядился послать нѣсколько узбекскихъ всадниковъ назадъ, чтобы они поискали сумку, идя слѣдомъ, какой мы оставляли по дорогѣ. Но гдѣ же уцѣлѣть какимъ бы то ни было слѣдамъ, когда тучи песку постоянно заметали дорогу? Песокъ могъ засыпать не то что слѣды, но и самую сумку. Тѣмъ не менѣе узбеки безпрекословно поскакали назадъ, ощупывая, такъ сказать, пустыню своими проницательными глазами.

Между тѣмъ мы продолжали двигаться впередъ—медленно, съ частыми и длинными остановками. Узбеки дѣйствовали молодцами. Они въ этой непроглядной тьмѣ ни разу не сбились съ дороги (они служили проводниками). Что касается Мосинъ-хана—то я не знаю, что сказать про него!.. Въ этой непроглядной тьмѣ онъ все видѣлъ, все зналъ. Онъ вдругъ останавливался, кричалъ, чтобы мы также остановились—и исчезалъ во тьмѣ. Только иногда порывъ вѣтра доносилъ его пронзительный крикъ: о, сертибъ! о, бимбаши!—Сертибъ—узбекскій старшина; онъ имѣлъ чинъ полковника; бимбаши—тоже узбекъ, старшина въ чинѣ маіора. Или же доносилось до меня восклицаніе: Нассиръ-ханъ! Куджа рефтидъ? Инджа-біаидъ! (Нассиръ-ханъ, куда вы ушли? идите сюда!).—Потомъ онъ внезапно появлялся опять возлѣ меня, кричалъ надъ самымъ моимъ ухомъ, что тамъ-то такой-то вьюкъ упалъ, или, что такой-то лаучи затерялся, приказывалъ всѣмъ намъ ждать его и съ крикомъ: о, сэри-узбеки! (узбекскіе старшины, состоявшіе также въ числѣ моихъ проводниковъ) куджа мибашидъ?—и опять исчезалъ изъ глазъ въ тучѣ взметаемаго песку...

Впрочемъ выраженіе: исчезалъ изъ глазъ—не совсѣмъ вѣрно. Онъ не могъ исчезать изъ моихъ глазъ, такъ какъ я, желая защитить глаза отъ песку и ушибовъ камешками, завязалъ лицо платкомъ, на глухо.

По прошествіи нѣкотораго времени, опять надъ ухомъ раздавался знакомый голосъ, кричавшій, что дѣло улажено: вьюкъ поднятъ, а лаучи отысканъ—и мы снова трогались въ путь. Дѣло доходило до того, что онъ, дитэнъ Мосинъ-ханъ, членъ извѣстной авганской фамиліи, самъ поднималъ упавшій вьюкъ, вьючилъ лошадь и самъ велъ ее въ поводу, какъ простой лаучи. Да, въ эту ночь онъ вполнѣ высказалъ благородство и доблесть своей души! За эту ночь я буду вѣчно считать себя въ долгу у Мосинъ-хана. Такія услуги, какъ тѣ, которыя онъ оказалъ мнѣ въ послѣдніе 2—3 дня, оплачиваются только такимъ же самопожертвованіемъ, какое онъ намъ оказалъ...

Но, говорятъ, бываетъ всему конецъ. И наша буря мало по малу стала стихать; но она долго еще не прекращалась совсѣмъ. Однако стало яснѣе и свѣтлѣе. Тѣмъ не менѣе буря сопровождала насъ до самаго Сіагырта, куда мы и пріѣхали въ 6 часовъ утра, сдѣлавъ такимъ образомъ въ 7 часовъ всего 30 верстъ пути.—Отдыхъ

былъ необходимъ: и люди, и животныя изнемогали отъ утомленія. Едва мы отыскали нóчлегъ—какой то заброшенный, полуразвалившійся караванъ-сарай—какъ сейчасъ же развьючили животныхъ и поскорѣе легли спать, ничего не ѣвши и не выпивъ даже капли воды.

Едва я коснулся своей головой кожанной сѣдельной подушки—приготовить постель теперь совсѣмъ не было времени—какъ сейчасъ же заснулъ, точно убитый. Могу васъ, благосклонный читатель, увѣрить, что въ эту ночь мнѣ ничего не приснилось. Да и времени не было, чтобы разгуляться сонной фантазіи: я проснулся ровно въ 7 часовъ утра, т. е. спалъ всего одинъ часъ.

Когда я, прежде чѣмъ уснуть, приказалъ постлать себѣ кошму и принести сѣдельную подушку, то мой почтенный Мосинъ-ханъ не могъ воздерживаться отъ ироническаго замѣчанія на этотъ счетъ. Онъ говорилъ, что спать некогда. На это я ему отвѣтилъ, что хоть полчаса уснуть и то хорошо: вѣдь я не спалъ почти цѣлыя три ночи сряду.

— Полчаса! насмѣшливо воскликнулъ Мосинъ-ханъ,—и началъ что то еще говорить, но конца его разговора я уже не слыхалъ: я спалъ...

Ровно въ 7 часовъ утра я проснулся моментально, точно отъ дѣйствія электрическаго тока. При этомъ я увидалъ, что и мой неутомимый спутникъ, Мосинъ-ханъ, лежалъ пластомъ и выводилъ носомъ концертъ не хуже любаго о. діакона, съ присвистомъ, во всю носовую завертку, какъ говорится. Заманбекъ также спалъ сидя, опершись спиною о глиняную стѣну сакли. Передъ нимъ стояла налитая чаемъ чашка, а рядомъ—чайникъ съ неохладѣвшимъ еще настоемъ чая. Очевидно, усталость Заманбека была такъ велика, что онъ не успѣлъ выпить и чашки чаю, какъ погрузился въ глубокій сонъ. Я жадно набросился на чай и залпомъ выпилъ три чашки, одну за другой. Послѣ этого я вышелъ на дворъ. Глаза у меня опухли и слегка гноились вслѣдствіе раздраженія солонцеватымъ пескомъ. Мнѣ очень хотѣлось умыться и я пошелъ отыскать хотя сколько нибудь воды.

Проходя дверями нашей лачуги, я увидѣлъ, что два узбека—одинъ изъ нихъ былъ бимбаши, а другой сертибъ, которые вчера такъ энергично орудовали около вьюковъ во время бури,—лежали поперегъ входной двери и крѣпко спали. Но и объятые глубокимъ сномъ они крѣпко держали въ рукахъ дубины — точно и во снѣ

готовы были защищать отъ всякихъ враговъ чуждаго имъ «каффира, урусъ-доктора». Я долженъ былъ перешагнуть черезъ нихъ, чтобы выйти на дворъ.

На дворѣ, въ уютномъ углу, свернувшись въ клубокъ, закутавшись въ свои неизмѣнныя сѣрыя шинели, кучкой спали казаки. Тутъ-же, недалеко отъ нихъ, стояли и дремали наши лошади, понуривъ головы и съежившись подъ сѣдлами и попонами. Бѣдныя животныя! Имъ ничего не дали поѣсть: ничего не достали въ этихъ развалинахъ—ни соломы, ни клевера, ничего, ничего... Мы, люди, также ничего не ѣли, но, вѣдь, именно потому, что мы люди—и могли подождать, попоститься, не смотря на воскресенье Сырной недѣли; лошади же—статья совсѣмъ иная. О лошадяхъ была теперь у насъ первая и самая важная забота.

Въ это время было уже довольно свѣтло. Буря совсѣмъ стихла, но свинцово-сѣрыя облака все еще грязнили небо. Умѣренной силы вѣтеръ печально шумѣлъ оголенными вѣтвями чахлыхъ двухъ—трехъ деревьевъ, сиротливо пріютившихся среди окружающихъ его развалинъ, называющихся Сіагыртомъ.

— Казаки! Вахмистръ! Вставайте, пора!—позвалъ я ихъ.

Не скоро поднялись бѣдные линейцы; и на ихъ долю выпало достаточно тревогъ и заботъ во время событій послѣднихъ трехъ дней; они вѣдь такіе же люди, какъ и прочіе,—не изъ желѣза сдѣланы, а потому утомленіе чувствуютъ такъ же сильно, какъ и остальные смертные. Нѣкоторые изъ нихъ, проснувшись отъ моего зова, опять падали и моментально засыпали. Но мало по малу все пришло въ обычное движеніе. Я приказалъ было напоить лошадей, но не только нечѣмъ было напоить лошадей, но не могли достать ни горсти воды, чтобы омыть наши воспаленные глаза [1]).

Вошедши снова въ палатку, я разбудилъ Заманбека и Мосинъ-хана.

Передъ самымъ выѣздомъ изъ Сіагырта, къ намъ пришелъ бухарецъ, посланецъ Китабскаго-бека Абдулъ-Гафара, «первоначи». Онъ привезъ письма и табакъ, посланные намъ изъ Китаба членами

[1]) Чай, съ такимъ аппетитомъ уничтоженный мною, былъ приготовленъ изъ запасной воды, которую всегда возилъ съ собою Мосинъ-ханъ.

нашей миссіи. Вскорѣ мы сѣли на лошадей и опять отправились въ путь.

Покуда мы ѣхали развалинами Сіагырта, которыя тянутся на разстояніи почти трехъ верстъ,—пустыня насъ не особенно затрудняла. Здѣсь она не очень песчана и грунтъ почвы довольно твердый. Но едва мы удалились отъ этого чахлаго оазиса, какимъ можно назвать Сіагыртъ, на 5 верстъ—какъ безотрадная картина мертвой, песчаной пустыни представилась нашимъ глазамъ во всей своей безобразной наготѣ и убожествѣ. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ глуше становилась пустыня, а пески—глубже. Ноги лошадей вязли въ сыпучемъ пескѣ по щиколку, а мѣстами и глубже. По этой пустынѣ мы шли съ 8 часовъ утра до 4 ч., пополудни. Почти на половинѣ разстоянія отъ Сіагырта до Аму, песчаные «барханы» достигаютъ высоты нѣсколькихъ саженей. Рѣдкій, тощій саксаулъ вѣнчаетъ ихъ конусо-и овало-образныя вершины. Почва здѣсь имѣетъ характеръ бывшаго дна морскаго. Солончаки весьма часты, вѣрнѣе—вся эта пустыня есть одинъ громадный солончакъ. Иногда виднѣлись разбросанныя тамъ и сямъ бѣлыя, небольшія раковинки.

Не смотря на трудность пути, мы ѣхали довольно быстро; лошади погонялись исправно. Мосинъ-ханъ распорядился выслать впередъ небольшой авангардъ изъ узбекскихъ всадниковъ, а сзади прикрывалъ насъ такой же аріергардъ. Каждый встрѣчавшійся на пути болѣе или менѣе высокій барханъ Мосинъ-ханъ осматривалъ лично, стараясь удостовѣриться, что за нимъ, въ смежномъ оврагѣ, не притаилась хищная банда грабителей. На срединѣ пути черезъ пустыню насъ встрѣтилъ Мирза-баши ширабадскаго бека. Онъ былъ посланъ въ Мазари-Шерифъ спеціально за тѣмъ, чтобы провѣрить тѣ слухи о послѣднихъ событіяхъ въ Мазари-Шерифѣ, которые получены были въ Ширъ-абадѣ.

Но вотъ, наконецъ, и берегъ Аму. Лѣтомъ вы встрѣтите здѣсь довольно тѣнистый, естественный лѣсокъ. Въ данное время этотъ лѣсокъ стоялъ еще голый, безъ листвы. Здѣсь Аму не широка, но глубока и все также мутна—какъ лѣтомъ, такъ и зимою.

Во время переѣзда по пустынѣ, посланецъ Китабскаго бека между прочимъ сообщилъ мнѣ, что онъ уже на авганскамъ берегу Аму узналъ, что эмиръ Ширъ-Али-ханъ померъ и, что въ Мазари-Ше-

рифѣ произошли большіе безпорядки. Поэтому, пріѣхавъ въ Сіагыртъ, онъ чувствовалъ себя въ большомъ затрудненіи—какъ и гдѣ онъ могъ бы увидать меня. Ѣхать въ бухарскомъ костюмѣ онъ считалъ неудобнымъ, опасаясь насилій со стороны авганцевъ, которые, какъ извѣстно, ненавидятъ бухарцевъ. Поэтому онъ рѣшился отправиться въ Мазари-Шерифъ, переодѣвшись въ платье нищаго богомольца. Но тутъ онъ во время узналъ, что мы пріѣхали въ Сіагыртъ и, конечно, очень обрадовался тому обстоятельству, что могъ теперь не ѣхать въ Мазари-Шерифъ и избавиться отъ своего невольнаго паломничества.

Лишь только мы пріѣхали на берегъ Аму, какъ животные были сейчасъ же развьючены. У берега стоялъ только одинъ паромъ. Я хотѣлъ переправить на бухарскій берегъ рѣки прежде всего часть лошадей и всѣ вьюки, а затѣмъ на возвратившихся двухъ паромахъ (одинъ стоялъ на томъ берегу) думалъ переправиться и самъ съ козаками, прислугой и остальными лошадьми. Но Мосинъ-ханъ убѣдительно совѣтовалъ мнѣ не медля ни минуты переправиться на тотъ берегъ рѣки самому съ людьми, а затѣмъ уже прислать паромы за вьюками и лошадьми. Я заспорилъ было съ нимъ по этому поводу, но онъ продолжалъ упрашивать меня исполнить его совѣтъ.

— Здѣсь, на берегу, находится 200 авганскихъ солдатъ—прибавилъ онъ мнѣ шепотомъ. Кто знаетъ, что они думаютъ относительно васъ? Пожалуй еще сдѣлаютъ вамъ какую либо непріятность. Нужно благодарить Бога, что ночью вамъ удалось избѣгнуть большой опасности. Зачѣмъ же напрашиваться на нее?

Болѣе изъ уваженія къ Мосинъ-хану, чѣмъ благодаря его послѣднимъ доводамъ, я исполнилъ его просьбу. Прощаясь съ нимъ, я хотѣлъ подарить ему на память винтовку Бердана. Мнѣ нужно было также сообщить ему нѣкоторыя данныя относительно тѣхъ опасностей, которыя, по слухамъ, ожидали его въ Мазари-Шерифѣ. Вслѣдствіе этого я предложилъ ему поѣхать со мною на противуположный берегъ рѣки. Онъ на это согласился. Но начальникъ авганскаго береговаго поста воспротивился этому, говоря, что Мосинъ-ханъ не имѣетъ надлежащаго дозволенія отъ начальства на переправу черезъ Аму, что, поэтому, пропустить его на тотъ берегъ нельзя. Я задалъ вопросъ: почему? Но Заманбекъ, видимо желавшій замять разговоръ, замѣтилъ начальнику поста, что вѣроятно онъ пошутилъ. Между тѣмъ оказа-

лось, что начальникъ поста совсѣмъ не шутилъ. Мосинъ-ханъ сначала смѣялся надъ воспрещеніемъ постоваго начальника, говоря, что не побоится не то что «этого осла, но и десяти ему подобныхъ». Однако, вслѣдъ за тѣмъ, онъ началъ обставлять свою поѣздку на другой берегъ разными условіями и вопросами: «если это нужно для доктора саиба,—да если это ужь очень необходимо» и т. п. Я видѣлъ, что ему дѣйствительно могутъ воспрепятствовать поѣхать со мной, причемъ дѣло, пожалуй, могло дойти до столкновенія Мосинъ-хана съ постовымъ начальникомъ—поэтому и не настаивалъ на своемъ предложеніи. Но на этомъ берегу, на глазахъ жадныхъ авганскихъ солдатъ, я не хотѣлъ отдать Мосинъ-хану винтовку. «Пожалуй, думалъ я, у него еще отниметъ ее тотъ же постовой начальникъ, вѣдь сила на его сторонѣ». Кромѣ того, надо было выучить Мосинъ-хана обращаться съ оружіемъ, а для этого требовалось нѣкоторое время; на этомъ же берегу я не хотѣлъ ни минуты времени тратить даромъ—такъ ужь солона и горька мнѣ казалась почва Чааръ-вилайета!.. Уже когда я стоялъ одной ногой въ лодкѣ, Мосинъ-ханъ сказалъ мнѣ: «посмотримъ, можетъ быть я и пріѣду къ вамъ со второй переправой». Затѣмъ мы съ нимъ задушевно простились.

— Худа хафизи шума! Рахи шума эмваръ, ба хейръ [1]), говорилъ Мосинъ-ханъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ; глаза его сдѣлались влажны.—Слава Богу, что вы избѣжали неминуемой, смертной опасности... Теперь время наступило такое дурное, что жизнь каждаго виситъ на волоскѣ. Ну, прощайте, прощайте!—закончилъ онъ.

Да, если прежде, во время лѣтней поѣздки въ Авганистанъ, я иногда и обвинялъ Мосинъ-хана въ разныхъ шероховатостяхъ характера, излишней вспыльчивости, иногда—даже грубости, то теперь, послѣ этихъ трехъ памятныхъ дней, я чувствовалъ къ нему только одно безпредѣльное уваженіе, почти братскую любовь. Я теперь несомнѣнно узналъ, что это—человѣкъ въ высшей степени честный и, что очень важно, особенно для авганца,—человѣкъ совсѣмъ не корыстный [2]). Замѣчательно, что генералъ Столѣтовъ прежде всѣхъ насъ

---

[1]) Богъ да будетъ вамъ защитникомъ; счастливаго пути!

[2]) Уѣзжая изъ Авганистана, г. Столѣтовъ далъ Мосинъ-хану 150 рупій для закупки разныхъ произведеній мѣстной промышленности. Мосинъ-ханъ

понялъ и оцѣнилъ, какъ слѣдуетъ, душевныя качества этого человѣка и вполнѣ воспользовался ими.

Уже когда мы сидѣли въ лодкѣ, Мосинъ-ханъ просилъ меня передать поклонъ Сердарю Ширъ-Али-хану. Другимъ членамъ авганскаго посольства онъ не пожелалъ послать привѣтствія.

Хотѣлъ было я передъ отъѣздомъ дать нѣсколько денегъ его людямъ: вѣдь они такъ много потрудились для меня! Но въ виду стоящихъ на берегу и глазѣвшихъ на насъ постовыхъ авганскихъ солдатъ я не рѣшился этого сдѣлать, опасаясь, чтобы изъ за денегъ надъ ними не произвели насиліе эти разбойники. Вообще я очень сожалѣлъ, что Мосинъ-ханъ не поѣхалъ со мной на бухарскій берегъ рѣки, но что же было дѣлать?

Когда уже мы отъѣхали отъ берега на нѣсколько саж., Мосинъ-ханъ попросилъ меня прислать ему съ того берега чаю, такъ какъ онъ позабылъ взять своего изъ дому. Затѣмъ онъ долго еще смотрѣлъ на нашъ паромъ, выкрикивая разныя пожеланія, махая своею шляпою-каскою и обѣими руками.—Прощай, прощай, неоцѣненный спутникъ нашъ! Храни тебя Богъ!..

Нельзя сказать, чтобы я былъ очень опечаленъ тѣмъ, что мнѣ приходилось оставлять почву Авганистана. Я уносилъ съ собой только одни тяжелыя непріятныя впечатлѣнія. Свѣтлыхъ воспоминаній, радостныхъ впечатлѣній мало замѣчалось на горизонтѣ моихъ дней, проведенныхъ съ авганами. «А первоначальный пышный пріемъ миссіи въ Мазари-Шерифѣ? А торжественный въѣздъ въ столицу Авганистана?»—подсказывала мнѣ память.—Богъ съ ними, съ этими торжествами! Вѣдь все это было искуплено нами цѣною крайней изолированности въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, цѣною безцѣльнаго сидѣнья въ 4-хъ стѣнахъ собственнаго помѣщенія, этимъ невольнымъ (для членовъ миссіи) и добровольнымъ (для начальниковъ ея) арестомъ. Кромѣ то-

---

исполнилъ всѣ заказы точнѣйшимъ образомъ и переслалъ всѣ вещи по назначенію съ ген. Разгоновымъ. У г. Столѣтова во время пути заболѣла хорошая лошадь. Уѣзжая изъ Авганистана, онъ оставилъ ее на попеченіи Мосинъ-хана, имѣя намѣреніе взять ее по возвращеніи въ Авганистанъ. Генералъ однако не возвратился. Мосинъ-ханъ лечилъ и кормилъ лошадь въ теченіи 5 мѣс., и при отъѣздѣ г. Разгонова, передалъ лошадь ему для отсылки г. Столѣтову, не взявъ ничего за ея содержаніе и леченіе.

го я, лично, оставлялъ за собою цѣлую исторію моральной пытки, душевныхъ, невыносимыхъ страданій, которыя вытерпѣлъ здѣсь, особенно въ теченіи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ. Въ самомъ дѣлѣ: представьте себѣ человѣка съ обыкновенными силами, котораго обстоятельства поставили въ такое положеніе, что на него одного надѣются, отъ него одного ждутъ спасенія; онъ—богъ въ ихъ глазахъ, на него чуть не молятся!.. А онъ, этотъ «богъ», ничего не можетъ сдѣлать, т. е. не можетъ сдѣлать того чуда, котораго отъ него просятъ, требуютъ, о которомъ его заклинаютъ!.. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуя и вполнѣ сознавая свое безсиліе, этотъ человѣкъ не можетъ и объявить имъ о своемъ безсиліи, чтобы не лишить вѣрующихъ въ него людей послѣдней надежды, этого послѣдняго утѣшенія человѣка на землѣ... Что долженъ человѣкъ испытывать, находясь въ подобномъ положеніи? Несомнѣнно, что его внутренній міръ будетъ глубоко потрясенъ; онъ будетъ морально и физически страдать... Вотъ именно въ такомъ положеніи находился и я.—Пріѣхалъ я въ Кабулъ—на моихъ рукахъ, спустя 6 часовъ послѣ моего визита, померъ наслѣдникъ эмира, вѣроятно отравленный своими врагами. Я тутъ ничѣмъ не могъ помочь. А между тѣмъ на меня была устремлена послѣдняя надежда вѣнценоснаго отца умирающаго, любимаго сына. Пріѣзжаю я въ Мазари-Шерифъ, начинаю лечить эмира отъ той болѣзни, для которой онъ спеціально и вызвалъ меня; болѣзнь мало-по-малу уступаетъ моимъ усиліямъ, но... вдругъ онъ заболѣваетъ страшной болѣзнью, заболѣваетъ, несомнѣнно, вслѣдствіе опрометчиваго способа леченія туземными врачами другой, относительно, легкой болѣзни, Вслѣдствіе неумѣлаго леченія туземныхъ врачей эта болѣзнь осложняется, мѣняетъ свой характеръ, достигаетъ своего полнаго развитія; она уже неизлечима—и вотъ въ это время призываютъ меня и заклинаютъ всѣмъ живущимъ на землѣ—исцѣлить опасный недугъ. Больной отдается въ полное мое распоряженіе: отнынѣ всѣ совѣты мои будутъ свято исполняться. Я—богъ въ ихъ глазахъ. Но за то въ своихъ глазахъ я, въ этотъ моментъ,—ничтожество. Въ этомъ случаѣ я—такой же человѣкъ какъ и всѣ, несмотря на то, какой бы искусный врачъ я ни былъ, такъ какъ человѣческія средства теперь стали уже безсильны противъ болѣзни. Не желая встать въ ложное положеніе, я осторожно даю понять, что надежда на излеченіе слаба или сомни-

тельна, что болѣзнь сильно развилась... А на это мнѣ отвѣчаютъ: «нужды нѣтъ, что развилась; легкую болѣзнь всякій человѣкъ излечитъ,—даже и не врачъ; а вотъ излечить трудную болѣзнь—настоящая задача врача». Что можно было возражать противъ такой аргументаціи?.. Да, не желалъ бы я вторично переживать всѣхъ этихъ моральныхъ пытокъ! Наконецъ, и мое самолюбіе—самолюбіе врача—тоже нужно принять во вниманіе. Вѣдь толпа не разсуждаетъ въ данномъ случаѣ; не излечилъ болѣзни—значитъ виноватъ. Да и не только толпа, особенно среднеазіатская, даже и образованная европейская публика—и та въ этомъ отношеніи не много отличается отъ толпы...

Нашъ паромъ быстро спускался внизъ по теченію. Скоро бѣлесоватая воздушная дымка и легкій туманъ, нѣжной, полупрозрачной каймой отѣнявшій берега рѣки,—застлали то мѣсто, гдѣ стоялъ Мосинъ-ханъ. День былъ пасмурный. Вода въ рѣкѣ свѣтилась какимъ то зловѣще-сѣрымъ свѣтомъ—точно она состояла изъ расплавленнаго свинца. Лодочники дружно работали шестами, вмѣсто веселъ. На этотъ разъ лошадь не была спущена въ воду.

Вотъ мы и на бухарскомъ берегу Аму. Теперь насъ отдѣляетъ отъ Авганистана непреодолимая преграда для произвола, въ видѣ этой величавой рѣки—рубежа между двумя пограничными средне-азіатскими владѣніями. Хотя мы и теперь, и на этомъ берегу, находимся на почвѣ плохой законности, но для насъ, Русскихъ, здѣсь ничего нельзя было ожидать, кромѣ гостепріимства и предупредительности. Едва-ли въ какой другой нецивилизованной странѣ русскій путешественникъ находится въ такой полной безопасности, какъ въ Бухарѣ. Здѣсь онъ чувствуетъ себя какъ бы дома. Не даромъ Бухарцы говорятъ, что русскій народъ и бухарскій—два брата: «ики доулетъ—биръ доулетъ» (оба государства составляютъ одно).

Лишь только мы вышли изъ «корабля» на берегъ, какъ это обычное бухарское гостепріимство вступило въ свои права. Мирза-баши сейчасъ же отправился въ сосѣднюю деревню Патта-Гюзаръ, чтобы приготовить для насъ помѣщеніе и завтракъ. Въ ожиданія втораго транспорта съ лошадьми и людьми я и Замаанъ-бекъ расположились на самомъ берегу рѣки, на песчаной отмели, вдающейся мысомъ въ самое русло рѣки и велѣли приготовить чай. Могу искренно сказать, что чай этотъ показался мнѣ теперь гораздо вкуснѣе, чѣмъ, въ дру-

гое время, шампанское. Въ положеніи человѣка, ничего почти не ѣвшаго и не пившаго въ продолженіи двухъ сутокъ, нѣсколько стакановъ чаю и кусокъ холодной вареной баранины съ черствымъ хлѣбомъ составляютъ весьма аппетитный завтракъ.

Спустя часъ времени вдали появились темные силуэты переправлявшихся паромовъ, загроможденныхъ лошадьми, людьми и вещами. Паромы пристали къ мелкому, въ этомъ мѣстѣ, берегу рѣки, и я напрасно искалъ глазами на которомъ либо изъ нихъ Мосинъ-хана: его не было. Ну, Богъ съ тобой, неоцѣненный спутникъ. Пусть Онъ сохранитъ тебя, нашъ вѣрный другъ, отъ всѣхъ грядущихъ несчастій!..

Выгрузка паромовъ и навьючка животныхъ заняли немного времени. Деревня отстояла отъ мѣста высадки всего на $1^1/_2$—2 версты и мы въ нѣсколько минутъ хода были уже подъ гостепріимнымъ кровомъ бухарскихъ юртъ.

Лишь только мы всѣ собрались на берегу рѣки, какъ казаки всѣ сняли шапки, сотворили крестное знаменіе, и низко-низко поклонились матери-сырой землѣ.

Прощай, Авганистанъ. Впрочемъ, нѣтъ: до свиданія!—Не поминай насъ лихомъ...

Перенесемся же теперь мыслію въ оставленный нами городъ и посмотримъ, что тамъ дѣлалось послѣ нашего отъѣзда [1]).

Когда мы простились съ Сердаремъ-Нейкъ-Магометъ-ханомъ, то думали, что онъ поѣхалъ обратно въ городъ. Дѣйствительно, онъ сдѣлалъ нѣсколько сотъ шаговъ по направленію къ городу, но потомъ повернулъ вслѣдъ за нами и ѣхалъ въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ позади насъ. Такимъ образомъ, незамѣтно для насъ, онъ сопровождалъ насъ почти до селенія Сіагырдъ. Зачѣмъ поступилъ онъ такимъ образомъ? Да затѣмъ, что и онъ не на шутку опасался погони за нами со стороны расходившихся авганскихъ кавалеристовъ. Исчезновеніе Сары-джана, «Чааръ-сата», т. е. начальника 400 кавалеристовъ, было истолковано не только Мосинъ-ханомъ, но и Нейкъ-Магометъ-ханомъ, въ томъ смыслѣ, что онъ затѣялъ противъ насъ недоброе. Тахтапуль, въ которомъ квартировала его команда, находится всего въ

---

[1]) Свѣдѣнія о томъ, что происходило въ Мазари-Шерифѣ послѣ моего отъѣзда, получены отъ Нейкъ-Магометъ-хана, во время пребыванія его въ Ташкентѣ въ 1880 и 81 гг.

восьми верстахъ отъ Мазари-Шерифа. Слѣдовательно, погоня его 400 всадниковъ вслѣдъ за нами, могла осуществиться весьма легко и также легко могла насъ настигнуть въ степи, еще не доѣзжая до Сіагырда. Вотъ почему Нейкъ-Магометъ-ханъ и рѣшилъ сопровождать насъ до сел. Сіагырдъ. Утромъ онъ былъ уже въ городѣ.

На слѣдующій день послѣ нашего отъѣзда, т. е. 11-го февраля, нѣсколько «палтановъ» (баталіоновъ) окружили то помѣщеніе, въ которомъ мы жили. Они ожидали съ нашей стороны серіознаго сопротивленія, но были чрезвычайно удивлены, когда узнали, что нашъ домъ пустъ.

— Если бы вы оставались до этого дня въ Мазари-Шерифѣ, говорилъ потомъ Нейкъ-Магометъ-ханъ, то я не могу поручиться за то, что вы не подверглись бы насилію. Войска были очень возбуждены слухами, сильно распространенными въ городѣ, что всѣ свои сокровища покойный эмиръ передалъ русскимъ.

Послѣ этого войска рѣшили ограбить любимую жену эмира и ея семью. Почему-то они связывали въ одно дѣло ограбленіе меня и жены эмира. Этого мало. Они усматривали какую-то связь между нашимъ отъѣздомъ и предполагавшимся отъѣздомъ жены эмира и ея семейства.

«Значитъ, казна уже увезена, если докторъ выѣхалъ. Теперь надо ждать скораго отъѣзда и семейства эмира. Но этого нельзя допустить. Мы не выпустимъ изъ Авганистана жены эмира. Надо ее ограбить».

Вотъ былъ обычный теперь говоръ въ войскахъ. Какими данными они руководствовались, замѣшивая и меня въ проискахъ бывшей регентши—я незнаю, да и предположить не могу. Несмотря на свою близость къ покойному эмиру, я всегда старался держаться въ сторонѣ отъ политики. Съ женой же его я не имѣлъ ни одного свиданія и никакихъ переговоровъ.

Чтобы спасти семью эмира отъ ограбленія, и вообще усмирить расходившіяся войска, Нейкъ-Магометъ-ханъ придумалъ слѣдующую хитрость. Къ какому-либо полку онъ посылалъ своего человѣка съ извѣстіемъ, что на него въ эту ночь хочетъ сдѣлать нападеніе такой-то полкъ. Въ тотъ же полкъ онъ посылалъ съ извѣстіемъ такого же свойства. Гератскія войска онъ увѣрялъ въ нападеніи на нихъ кабульскихъ, а кабульскія—пугалъ нападеніемъ со стороны гератцевъ.

Такимъ образомъ всѣ войска оставались на своихъ мѣстахъ, страшась другъ друга. Въ такомъ положеніи они находились нѣсколько дней, именно до тѣхъ-поръ, когда были получены первыя приказанія новаго эмира Авганистана, Якубъ-хана. Отдѣльные случаи грабежа, конечно, были, но за то общаго кровопролитія, повидимому совершенно неизбѣжнаго при такомъ обостреніи обоюдныхъ отношеній разныхъ народностей, изъ которыхъ состояли авганскія войска, —не произошло.

Въ первую ночь по выѣздѣ моемъ изъ Мазари-Шерифа, Нейкъ-Магометъ-хану также не удалось уснуть ни одной минуты, какъ и въ предыдущую. Всѣхъ своихъ людей онъ разослалъ въ разныя мѣста съ различными порученіями. Когда онъ остался одинъ, то увидалъ, что изъ сосѣдняго дома вышла маленькая дочь эмира («мой братецъ») и подошла къ нему. Она была одѣта, а въ рукахъ имѣла игрушечную саблю.

— Что тебѣ нужно, Биби-джанъ?—спросилъ ее Нейкъ-Магометъ-ханъ. Зачѣмъ ты вышла ночью изъ дому?

— Да какже, дядя,—отвѣчала дѣвочка,—вѣдь ты остался совершенно одинъ. Если на тебя нападетъ какой-либо врагъ, то некому и защитить тебя. Вотъ я и пришла охранять тебя...

Нейкъ-Магометъ-ханъ потомъ разсказывалъ, что этотъ наивный, дѣтскій лепетъ тронулъ его до глубины души. Сейчасъ же онъ принесъ ей ручнаго, маленькаго барашка; Биби-джанъ долго играла съ нимъ и потомъ заснула.

Дня черезъ два послѣ нашего отъѣзда возвратился въ Мазари-Шерифъ Мосинъ-ханъ. Онъ благополучно избѣгнулъ опасностей, которыя ему угрожали. Чтобы читателю было ясно, почему Мосинъ-хану грозили большія опасности въ Мазари-Шерифѣ, я скажу только что онъ былъ однимъ изъ очень приближенныхъ лицъ къ Лойнабу Хошъ-Диль-хану. Лойнабъ и Феизъ-Магометъ-ханъ продолжали сидѣть въ тюрьмахъ и освобождены были только по приказанію Якубъ-хана. Послѣ этого Лойнабомъ или, вѣрнѣе, Наибилемъ былъ назначенъ Гуламъ-Гайдеръ-ханъ, изъ рода Вердекъ. Онъ и управлялъ авганскими Туркестаномъ до времени провозглашенія эмиромъ Авганистана Абдуррахманъ-хана.

Сердарь-Нейкъ-Магометъ-ханъ и дитэнъ-Мосинъ-ханъ на память за услуги, оказанны ими мнѣ 9-го, 10-го и 11-го февраля, получили

отъ туркестанскаго генералъ-губернатора, ген. Кауфманна, слѣдующіе подарки: Нейкъ-Магометъ-ханъ получилъ серебряную вазу съ вырѣзанною на ней надписью: «въ память 10-го февраля 1879 г., отъ генерала Кауфманна». Мосинъ-ханъ получилъ золотые часы, съ такою же надписью.

ГЛАВА X.

Отъ Аму-Дарьи до города Бухары.

Дневка въ Патта-Гюзарѣ.—Переписка съ ширабадскимъ бекомъ и Сердаремъ Нейкъ-Магометъ-ханомъ.—Въ Ширъ-абадѣ.—Визитъ беку.—Его находчивость.—Мои думы по поводу поѣздки въ Бухару.—Донесенія въ Ташкентъ.—Невѣжливость бека.—Я ѣду въ Бухару.—Опять у «Желѣзныхъ воротъ».—Чешма-и-Хафизанъ.—Горная лощина Теньги-Харамъ.—Урочище «Кара-Зачъ».—Опять въ гостяхъ у гюзарскаго бека.—Въ Карши.—Косанъ.—Раббатъ Какыръ.—Путь подъ дождемъ.—Неточности карты Генеральнаго Штаба. — Бузачи.—Караулъ.—Абдуллахъ-ханъ—строитель.—Комфортъ въ степи.—Характеръ степи.—Горный кряжъ Мама-Джаргаты.—«Просоленная» мѣстность.—Встрѣча съ бухарскими сановниками.—Въ предмѣстьи Бухары, Коганѣ.

Въ Патта-Гюзарѣ я рѣшилъ сдѣлать дневку. Она была положительно необходима: и люди, и животныя были крайне утомлены. Люди не спали почти 3 ночи сряду, а животныя прошли 90-верстное разстояніе по песчаной мѣстности въ 15 часовъ почти безпрерывнаго хода, безъ корму въ теченіи трехъ сутокъ.

Отсюда я хотѣлъ послать свои донесенія въ Ташкентъ о событіяхъ, происшедшихъ въ послѣднее время въ Авганскомъ Туркестанѣ, но не могъ этого сдѣлать. Утомленіе сказалось и на мнѣ: я проспалъ почти цѣлыя сутки—и день и ночь. По моему порученію Замаанъ-бекъ написалъ письмо ширабадскому беку, извѣщая его о нашемъ намѣреніи проѣхать Ширъ-абадомъ. Китабскому беку также было написано коротенькое письмо. Болѣе подробное письмо было написано Сердарю Нейкъ-Магометъ-хану. Въ этомъ письмѣ мы благодарили его за услуги и покровительство, которыя онъ оказалъ намъ въ смутное

время пребыванія нашего въ Мазари-Шерифѣ. Въ томъ же письмѣ я извѣстилъ его о потерѣ моей дорожной сумки и просилъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры къ отысканію ея, предупреждая его, чтобы съ находящимися въ сумкѣ лекарственными веществами нашедшіе люди обращались какъ можно осторожнѣе (въ сумкѣ, между прочимъ, находилась цѣлая драхма атропина). Въ этомъ же письмѣ я въ весьма лестныхъ выраженіяхъ рекомендовалъ Сердарю Мосинъ-хана. Дай Богъ, чтобы эта рекомендація послужила ему на пользу!

Въ тотъ же день, вечеромъ, Патта-Гюзаромъ проѣхали два авганскихъ всадника. Это были нарочные, посланные временнымъ правительствомъ въ Мазари-Шерифѣ къ авганскому посольству, въ Ташкентъ, съ извѣстіемъ о послѣднихъ событіяхъ, происшедшихъ въ Авганскомъ Туркестанѣ.

На слѣдующій день мы пріѣхали въ селеніе Ангоръ, гдѣ и ночевали. На третій день мы были уже въ Ширъ-абадѣ.—Лишь только мы вступили на бухарскую почву, какъ началась ненастная погода. Цѣлые три дня шелъ довольно сильный дождь, при сильномъ западномъ вѣтрѣ. Дорога отъ Ангора до Ширъ-абада превратилась въ одну сплошную огромную грязную лужу, по которой шлепали усталыя ноги нашихъ лошадей, обдавая при этомъ своихъ сѣдоковъ цѣлымъ дождемъ грязныхъ брызгъ.

Верстахъ въ 5 отъ Ширъ-абада насъ встрѣтили братъ бека и мирахуръ бека; при нихъ была свита изъ 20 человѣкъ. Передавъ мнѣ привѣтствіе бека, его братъ пожелалъ узнать, когда мы посѣтимъ бека—прямо ли съ дороги, или спустя нѣсколько времени по пріѣздѣ въ городъ? Я выразилъ желаніе заѣхать къ беку потомъ, послѣ извѣстнаго отдыха. Но братъ бека настаивалъ, чтобы мы заѣхали къ беку сейчасъ же, прямо съ дороги.

— И генералъ Разгоновъ—говорилъ онъ мнѣ,—сдѣлалъ визитъ беку прямо съ дороги. И докторъ-тюря—тоже заѣхалъ бы теперь.

Я конечно не сталъ разъяснять этому бухарцу безтактность генерала, но настоялъ на своемъ. При этомъ я не упустилъ случая замѣтить брату бека, что совсѣмъ не въ русскихъ нравахъ тащить къ себѣ гостя прямо съ дороги, въ пыли и грязи, истомленнаго длиннымъ и труднымъ путемъ, что желаніе бека кажется, поэтому, мнѣ очень страннымъ, такъ какъ онъ считаетъ себя знатокомъ русскихъ обы-

чаевъ, ради чего будто бы и назначенъ бекомъ въ Ширабадъ—городъ, которымъ въ послѣднее время стало проѣзжать много русскихъ.

При въѣздѣ въ предмѣстье города мое обоняніе было поражено рѣзкимъ ароматнымъ запахомъ. Оглянувшись по сторонамъ, я вскорѣ отыскалъ причину этого явленія: въ одномъ изъ садовъ цвѣло нѣсколько миндальныхъ деревьевъ. Абрикосовыя деревья также начинали цвѣсти. Бѣдныя! Они и не подозрѣвали, что на слѣдующее утро выпадетъ порядочный снѣгъ, а на третье утро хватитъ морозъ въ 3°...—Едва мы пріѣхали въ городъ, какъ дождь превратился въ настоящій ливень. Помѣщеніе намъ было приготовлено въ юртахъ и я очень опасался, что дождь промочитъ кошмы насквозь, но степныя издѣлія постояли за себя,—внутрь юртъ не упало ни капли дождя.

Около трехъ часовъ по полудни мы отправились къ беку, въ его «скворечницу». Болѣе подходящаго названія для его укрѣпленнаго замка, мнѣ кажется, нельзя подобрать. Читатель уже имѣетъ описаніе его въ 3 гл. I-го т. настоящаго труда, а потому на этотъ разъ я и не описываю его. Мы въѣхали верхомъ на самую вершину холма, проѣхавъ трои ворота. Передъ четвертыми, за которыми находились уже зданія, занимаемыя бекомъ,—вѣжливость и уваженіе къ хозяину дома требовали сойти съ коней и пройти ихъ пѣшкомъ. Я скорѣе былъ снятъ съ сѣдла дюжими руками домочадцевъ бека, чѣмъ самъ сошелъ съ него.

У самаго порога дома насъ встрѣтилъ самъ хозяинъ «скворечницы» и цѣлаго ширабадскаго округа, бекъ Абдулъ-Жалиль, «первоначи». Онъ былъ одѣтъ въ мѣховую шубку, крытую шелковой матеріей домашняго издѣлія. Его румяное, довольно красивое лицо, украшенное довольно густой сѣдой бородой и снабженное парой лукавыхъ, постоянно перебѣгающихъ съ одного предмета на другой, глазъ—сіяло широкой радушной улыбкой. На головѣ была обвита огромная бѣлая чалма. Брюшко, довольно замѣтно выпятившееся впередъ, нѣсколько простоватое выраженіе въ лицѣ, крѣпкое пожатіе руки—все показывало въ немъ человѣка радушнаго. Онъ почтительнымъ жестомъ пригласилъ насъ войти къ себѣ, при чемъ ни за что не хотѣлъ войти въ комнаты ранѣе меня. Таже церемонія произошла и при занятіи мѣстъ за столомъ: бекъ никакъ не хотѣлъ занять хозяйское мѣсто и сѣсть прежде меня. Наконецъ сѣли.—Обычныя, приличныя

случаю, привѣтствія, пожеланія здоровья и всевозможныхъ благъ другъ другу, радостныя восклицанія—что судьба опять привела насъ встрѣтиться здоровыми, разные комплименты и любезности... такъ и пересыпались въ трескучей рѣчи отъ одного къ другому и заняли по крайней мѣрѣ полчаса времени. Я далъ Замаапъ-беку полную свободу переломить съ бекомъ копье на полѣ любезностей и комплиментовъ, а самъ занялся созерцаніемъ присутствовавшей здѣсь публики и питьемъ чая.—Бекъ не преминулъ выразить намъ свое удовольствіе по поводу того, что намъ удалось благополучно избѣжать опасности, а можетъ быть даже насилія и обиды со стороны авганцевъ. Эти обиды и насиліе могли, по мнѣнію бека, легко случиться съ нами, такъ какъ данное состояніе дѣлъ въ Авганистанѣ весьма неудовлетворительно. Смуты и междоусобія, происшедшія въ Мазари-Шерифѣ въ послѣдніе дни, особенно могли-бы способствовать злымъ людямъ въ ихъ злыхъ умыслахъ противъ насъ: вѣдь Авганцы—воры, разбойники—и я опять услыхалъ изъ устъ бека старую пѣсню, сложенную на новый мотивъ, о взаимной непріязни бухарцевъ и авганцевъ. На всѣ подобныя заявленія бека я отвѣтилъ, что не только въ Авганистанѣ, но и въ Бухарѣ, и во всякомъ другомъ азіатскомъ государствѣ, смѣна власти—будетъ ли это вслѣдствіе смерти государя или изгнанія его—всегда сопровождается политическими безпорядками, что такого же характера безпорядки произошли и въ Мазари-Шерифѣ, но что они до насъ, русскихъ, нисколько не коснулись.

— Если съ нами и могла произойти какая либо случайная непріятность, отвѣчалъ я беку,—то развѣ подобная той, какая можетъ случиться со всякимъ путешественникомъ на большой, проѣзжей дорогѣ, гдѣ водятся разбойники. Нужно однако замѣтить, что имя Россіи настолько извѣстно въ Средней Азіи и пользуется такимъ уваженіемъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ ея, что открыто оскорбить ея представителей никто не дерзнетъ.

Понятно, что мнѣ не было никакой охоты, ни разсчета, пуститься въ откровенности съ этимъ, повидимому, довольно простоватымъ (но какимъ хитрымъ онъ потомъ оказался!) бекомъ. Тѣмъ болѣе я не имѣлъ охоты пускаться въ такія откровенности, что зналъ объ обычаѣ бухарскихъ бековъ: все, слышанное ими отъ русскихъ и о русскихъ, сообщать письменно эмиру бухарскому.

Вслѣдъ затѣмъ бекъ повелъ рѣчь о болѣзни эмира Ширъ-Али-хана. Мнѣ не было нужды распространяться объ этомъ болѣе или менѣе подробно и я коротко разсказалъ беку исторію болѣзни эмира. Притомъ я воспользовался случаемъ, чтобы ознакомиться съ его взглядомъ на мою поѣздку въ Бухару, для лѣченія бухарскаго эмира.

— Вслѣдствіе приглашенія Джонаби-Али я долженъ поѣхать въ Бухару—говорилъ я беку. Но я незнаю—какія правила или обычаи существуютъ въ этомъ отношеніи у бухарцевъ? По моему мнѣнію—не совсѣмъ удобно мнѣ ѣхать изъ мѣста скорби и печальныхъ происшествій (т. е. отъ гроба Ширъ-Али-хана; здѣсь я воспользовался обычною образностью языка средне-азіатцевъ) въ мѣсто веселія и радостей, и гдѣ о смерти и вспоминать не слѣдуетъ (т. е. въ домѣ эмира бухарскаго)?

— Этимъ смущаться, докторъ-тюря, не слѣдуетъ, — отвѣчалъ бекъ. Вы всѣ печали оставили за Дарьей (т. е. Аму).

Затѣмъ—какъ это всегда бываетъ—очень оживленный разговоръ довольно круто оборвался. Въ продолженіи 10-ти минутъ онъ еле клеился—не было особеннаго оживленія, но и молчанія было мало. Наконецъ, наступилъ моментъ, когда послѣднимъ рессурсомъ поддержать разговоръ—точно едва тлѣющій огонекъ, оставленный въ степи удалившимися путниками и грозящій ежеминутно загаснуть—оказалась все таже неизмѣнная, въ подобныхъ случаяхъ, погода. Я замѣтилъ беку, что вѣроятно въ ранговыхъ спискахъ у Бога я и мои спутники занимаемъ далеко не столь почетныя мѣста, какъ адъютантъ Булацель или генер. Разгоновъ: они во время пути пользовались прекрасной, ведренной погодой, а вотъ какъ мы двинулись въ путь—такъ наступило ненастье и мы должны мокнуть на дождѣ и вязнуть по колѣни въ грязи.

Но бекъ оказался настолько находчивымъ, что видимую невыгоду условій нашего путешествія поставилъ темою для комплимента.

— Вы знаете, отвѣчалъ бекъ,—что наше благоденствіе зависитъ отъ урожая, а урожай—отъ количества выпавшаго дождя: есть дождь—есть и хлѣбъ; нѣтъ дождя—и мы нищіе, которымъ угрожаетъ голодная смерть. До вашего прибытія въ Ширъ-абадъ дождей совсѣмъ не было; вы привезли въ полѣ вашего платья дождь—наше благо. Ясно,

что именно вы-то и занимаете у Бога болѣе почетное мѣсто, чѣмъ кто-либо.

Я былъ пораженъ его находчивостью и логикой и пристально посмотрѣлъ ему въ лицо: оно показалось мнѣ теперь далеко не такимъ глуповатымъ, какъ на первый взглядъ. Затѣмъ мы откланялись беку и возвратились въ свои юрты.

Признаюсь—я только послѣ довольно долгихъ колебаній рѣшился ѣхать въ Бухару. Обстоятельства, при которыхъ я ѣхалъ лечить эмира бухарскаго, были довольно щекотливаго свойства. Мой вѣнценосный паціентъ, эмиръ авганскій, только что померъ на моихъ рукахъ. Этого достаточно, чтобы понять всю неловкость и, пожалуй, несвоевременность моей поѣадки въ Бухару. Профаны, изъ которыхъ состоитъ большая часть нетолько среднеазіатской, но и европейской публики, не станутъ, да и не могутъ разбирать данный случай болѣзни со стороны ея излечимости и неизлечимости. Они признаютъ и видятъ только совершившійся фактъ. «Больной померъ—говорятъ они—ergo врачъ, пользовавшій его, недостаточно искусенъ»; а иные скажутъ просто: «уморилъ больнаго, да и все тутъ». При подобномъ взглядѣ публики на больныхъ и врачей—прошу покорно заниматься практикой!—Эмиръ бухарскій нисколько не возвышается надъ общимъ умственнымъ уровнемъ азіатской публики; онъ раздѣляетъ всѣ ея взгляды и предразсудки. Весьма возможно, что онъ не захочетъ принять ни одного м о е г о совѣта, не приметъ ни одного м о е г о порошка, не проглотитъ ни одной м о е й пилюли, не выпьетъ ни одной ложки м о е й микстуры... А, вѣдь, въ такомъ случаѣ мнѣ незачѣмъ и ѣздить въ Бухару, если я не хочу очутиться въ смѣшномъ положеніи. Врачъ безъ практики—что попъ безъ прихода, полковой командиръ безъ полка, государь безъ подданныхъ...

Но я не могъ не поѣхать въ Бухару. Вѣдь я имѣлъ форменное предписаніе генер. Кауфманна «на возвратномъ пути изъ Авганистана заѣхать въ Бухару для поданія врачебнаго совѣта эмиру бухарскому и для снабженія его надлежащими врачебными средствами». Предписаніе это ясно, какъ божій день, и обязательно для исполненія—какъ и всякое приказаніе начальства. Отмѣнить это предписаніе могъ только тотъ, кто далъ его, или же прямой мой начальникъ, г. Разгоновъ. Но отъ него я не имѣлъ никакихъ инструкцій по этому

поводу. Ахъ, какъ я былъ бы радъ, еслибы получилъ въ данное время новыя инструкціи, отмѣняющія прежнія! Съ какимъ бы удовольствіемъ я не поѣхалъ въ Бухару! Но ихъ нѣтъ, этихъ инструкцій—и я, скрѣпя сердце, долженъ ѣхать къ новому вѣнценосному паціенту, эмиру бухарскому. Остается только просить Бога, чтобы Онъ и здѣсь не былъ такъ немилостивъ къ «лейбъ-медику по неволѣ», какъ и въ Авганистанѣ.

Вскорѣ послѣ возвращенія нашего отъ бека пріѣхалъ въ Ширъ-абадъ изъ Мазари-Шерифа авганскій нарочный. Онъ вручилъ мнѣ нѣсколько писемъ. Письма эти были посланы мнѣ изъ Самарканда, побывали въ Мазари-Шерифѣ и, не заставъ меня тамъ, были отправлены обратно и настигли меня въ Ширъ-абадѣ. Тутъ было между прочимъ письмо г. Разгонова отъ 4 февраля, помѣченное селеніемъ Койнаръ. Въ своемъ письмѣ онъ сообщалъ мнѣ программу встрѣчи авганскаго посольства; затѣмъ увѣдомлялъ меня, что имъ выслана мнѣ электро-магнитная машинка и нѣкоторыя лекарственныя средства для эмира Ширъ-Алихана. Однако ни машинки, ни лекарствъ, авганскій посланецъ мнѣ не передалъ. На мой вопросъ: гдѣ поименованныя въ письмѣ вещи—онъ отвѣчалъ незнаніемъ, говоря что не получалъ никакихъ вещей. Я хотѣлъ было задержать посланца на нѣкоторое время, чтобы съ нимъ переслать свои донесенія въ Ташкентъ и, поэтому, приказалъ Нассиръ-хану угостить его, но онъ отказался отъ всякаго угощенія, отговариваясь экстренностью своей поѣздки, такъ какъ везъ въ Ташкентъ, къ авганскому посольству, важныя бумаги. Между прочимъ посланецъ сообщилъ, что волненія въ Мазари-Шерифѣ нѣсколько утихли, что хотя Лойнабъ и Сердарь Феизъ-Магометъ-ханъ и не убиты, но всё еще содержатся подъ стражей.

Рѣшивъ ѣхать въ Бухару, я счелъ своею обязанностію послать донесенія въ Ташкентъ. Въ письмѣ къ ген. Разгонову я подробно разсказалъ ходъ чрезвычайныхъ событій, происшедшихъ въ послѣднее время моего пребыванія въ Мазари-Шерифѣ. Я написалъ такое же донесеніе и окружному военно-медицинскому инспектору, И. П. Суворову, изложивъ болѣе или менѣе подробно и исторію болѣзни эмира. Чтобы какъ можно скорѣе извѣстить Ташкентъ о мазари-шерифскихъ смутахъ, я воспользовался нарочными посланцами шаарскаго-бека, Алимъ-бека, «диванъ-беги». Эти люди были посланы бекомъ на границу

Авганистана съ специальною цѣлью провѣрить тѣ слухи, которые уже получены были въ Шаарѣ о смутахъ, происшедшихъ въ Чааръ-вилайетѣ, и о бѣдственномъ положеніи оставшихся въ Мазари-Шерифѣ членовъ русскаго посольства. Увидавъ насъ здѣсь, въ Ширъ-абадѣ, въ добромъ здоровьи, цѣлыми и невредимыми, посланцы хотѣли сейчасъ же отправиться назадъ, къ беку; но я задержалъ ихъ до тѣхъ поръ пока приготовилъ свои донесенія въ Ташкентъ. Я такъ торопился, что не успѣлъ снять копій съ этихъ донесеній.

Нельзя было не замѣтить какого-то особеннаго участія къ намъ со стороны бухарцевъ; очень ужь они интересовались тѣмъ, что случилось съ нами, какъ мы прожили въ Мазари-Шерифѣ эти тяжелые дни и проч. Всѣ они высказывали опасенія и очень безпокоились за нашу участь «въ странѣ дрянныхъ авганцевъ». Я не могу еще дать себѣ яснаго отчета относительно причинъ такого участія къ намъ со стороны бухарцевъ; я ихъ еще мало знаю, въ среднеазіатской политикѣ я плохъ, а она, говорятъ, двулична, что твой древній богъ Янусъ. Скажу только, что и ширабадскій бекъ поспѣшилъ донести эмиру бухарскому о благополучномъ прибытіи нашемъ въ его городъ. Судя по той предупредительности и радушію, которыя мы, русскіе, постоянно встрѣчаемъ въ бухарскихъ владѣніяхъ, я смѣло принялъ бы поведеніе бухарцевъ за чистую монету. Но люди, утверждающіе, что нѣсколько понимаютъ характеръ нашихъ среднеазіатскихъ сосѣдей, относятся къ проявленіямъ ихъ добродушія довольно скептично. Они говорятъ, что бухарскій народъ похожъ въ данное время на медаль, обращенную къ намъ лицевой стороной, такъ какъ ему приказано это свыше, отъ эмира, которому, въ свою очередь, подсказали такое отношеніе къ намъ настоящія обстоятельства,—что обратная сторона медали не замедлитъ показать себя—лишь только наступитъ удобный для этого случай. Ну, что же?—Въ видахъ разъясненія истины я бы желалъ скорѣйшаго наступленія обстоятельствъ, подходящихъ подъ цвѣтъ изнанки медали...

На другой день, передъ нашимъ выступленіемъ въ путь, бекъ прислалъ обычные подарки, которыми бухарцы такъ надоѣдаютъ проѣзжающимъ по ихъ землямъ русскимъ. Въ то же время онъ, кажется, и не думалъ отдать намъ визита. Замаанъ-бекъ далъ себѣ трудъ разъяснить брату бека все неприличіе поведенія послѣдняго; онъ далъ

ему понять, что беку, всегда хвалившемуся знаніемъ русскихъ обычаевъ, должно быть извѣстно, что̀ значитъ: возвратить визитъ и т. п. Полчаса спустя послѣ этого бекъ пріѣхалъ къ намъ съ большою свитой. Мы его приняли довольно сухо, встрѣтивъ только у самой двери нашей юрты.

16 февраля мы ночевали въ Серъ-абѣ. На слѣдующій день я разсчитывалъ сдѣлать только переходъ отъ Серъ-аба до Шуръ-аба, но мѣстный аксакалъ объявилъ, что въ Шуръ-абѣ нельзя будетъ достать корму для лошадей. Такимъ образомъ мнѣ пришлось сдѣлать длинный переходъ до деревни Чешма-и-Хафизанъ. Охотно бы я повернулъ на Кара-ховаль, чтобы направиться въ Самаркандъ... но что же дѣлать? Кстати о провизіи. Мѣстный аксакалъ довольно серьезно меня спрашивалъ: заготовлять ли ему теперь фуражъ для русскихъ войскъ, или нѣтъ? Я былъ очень удивленъ этимъ вопросомъ, но потомъ узналъ, что лѣтомъ, когда наши войска находились въ Джамѣ и готовились переступить нашу границу,—бухарскія власти распорядились было черезъ мѣстныхъ сельскихъ старшинъ (аксакаловъ) заготовить для нихъ фуражъ и вообще продовольствіе на предполагаемомъ пути слѣдованія ихъ.—Я конечно ничего не могъ сказать опредѣленнаго на такой вопросъ аксакала.

17 февраля, Чешма-и-Хафизанъ.

Въ четвертый разъ пришлось мнѣ сегодня проѣзжать «Желѣзными воротами». Ущелье это и теперь имѣло, конечно, такой же мрачный видъ, какъ и всегда. Но теперь уже ничто не скрашивало того суроваго впечатлѣнія, какое производятъ на путника эти дикія, обнаженныя, растрескавшіяся громады скалъ, нагроможденныхъ другъ на друга. Кусты миндальныхъ и фасташковыхъ деревьевъ, такъ живописно оттѣнявшіе своею свѣжею зеленью мрачныхъ каменныхъ гигантовъ лѣтомъ,—теперь, окутанные сѣдымъ инеемъ, безпомощно висѣли въ воздухѣ, зацѣпившись своими цѣпкими корнями въ трещины скалъ. Нѣкоторые изъ нихъ, прельщенные довольно теплой погодой въ предыдущіе 5—10 дней, преждевременно одѣлись было въ цвѣтовой уборъ весны. Тѣмъ печальнѣе высматривали теперь они изъ подъ траурнаго одѣянія зимы, наброшеннаго на нихъ, поверхъ брачныхъ покрововъ весны, насильственною рукою непогоды. А этимъ гигантамъ-скаламъ... имъ все нипочемъ! Стоятъ онѣ цѣлыя

тысячелѣтія въ одинаковомъ ледяномъ спокойствіи, и лѣтомъ, и зимой. Онѣ съ одинаковымъ безстрастіемъ посылаютъ случайному ихъ гостю, путнику, свой равнодушно-холодный, мертвенный взглядъ. И жутко чувствуетъ себя слабое человѣческое существо въ сосѣдствѣ съ этими твердынями, подавляющими его мысль своею космическою мощью. И кажется человѣкъ рядомъ съ этими каменными гигантами едва замѣтной былинкой...Но въ этой былинкѣ скрыта искра могучаго огня, великой силы—разума, который въ состояніи помѣряться съ неразумной стихійной силой. И валятся эти могучіе каменные колоссы, какъ карточные дома, отъ дѣйствія разумной силы человѣка; колоссальное безуміе не можетъ вынести удара искры разума; колоссъ бездушный уступаетъ одушевленному пигмею...

Когда мы выѣхали изъ Серъ-аба, то было 3° мороза. Выпавшій вчера снѣгъ съ дождемъ образовалъ порядочную гололедицу. Лошади постоянно поскальзывались и спотыкались, еле держась плохо подкованными копытами на обледенѣвшихъ горныхъ тропинкахъ. Сдѣлавъ 6—7 верстъ пути, я долженъ былъ тутъ же, на дорогѣ, перековать свою лошадь, такъ какъ ѣхать далѣе безъ перековки было довольно рискованно: или лошадь могла сломать себѣ ноги, или я—себѣ шею. Все дѣло произошло отъ того, что, хотя я и приказалъ въ Ширъ-абадѣ подковать всѣхъ лошадей, имѣя впереди горный, зимній путь, но ковка была произведена джигитами довольно неисправно. Сегодня при повѣркѣ оказалось много лошадей не перекованныхъ. Виновные въ этомъ были подвергнуты мною заслуженному ими наказанію.

Едва мы отъѣхали отъ мѣста стоянки верстъ 10—какъ туманъ, густымъ вуалемъ застилавшій окрестныя возвышенности, началъ постепенно сгущаться и вскорѣ пошелъ небольшой дождь; онъ шелъ въ продолженіи полчаса времени. Затѣмъ туманъ опять нѣсколько порѣдѣлъ, а когда, уже по выходѣ изъ «Желѣзныхъ воротъ», мы стали подниматься на Акъ-раббатскій перевалъ,—туманъ опять такъ сгустился, что въ нѣсколькихъ шагахъ впереди насъ ничего нельзя было различить. Бѣлесоватая мгла покрывала непроницаемымъ для глаза туманомъ и горы и долы. Здѣсь, на горномъ плато Акъ-раббата, дулъ сильный, насквозь проницающій, вѣтеръ. Ноги почувствовали дуновеніе Борея первые, а затѣмъ... затѣмъ, впрочемъ, ничто не почув-

ствовало его смертоноснаго дуновенія. Мое длинное, до самыхъ пятъ, походное пальто изъ толстаго солдатскаго сукна, надѣтое поверхъ мѣховаго сюртука, способно было выдержать какой угодно «сивѣръ», не пропустивъ черезъ эту броню ни малѣйшей струйки холода. Вотъ ноги, обутые въ тонкіе варшавскіе сапоги и тонкіе шерстяные чулки, оказались очень чувствительными къ холоду. Желѣзо стремянъ назойливо давало себя чувствовать. Только черезъ $7^1/_2$ часовъ ѣзды мы пріѣхали на станцію. Холодная, убогая мазанка, съ разведеннымъ посреди ея земляного пола огнемъ, показалась иззябшимъ путникамъ уютнѣе бонтонной гостиной свѣтской красавицы. Тотчасъ же мы подсѣли поближе къ огню, выпили по большой чашкѣ горячаго чая—и усталость какъ рукой сняло съ насъ.

Янги-Кентъ, 21-го февраля.

Утромъ 18-го февраля отъ «Источника пѣвцовъ»,—какъ можно перевести названіе селенія Чешма-и-Хафизанъ, при—4° мы, какъ и всегда, довольно рано снялись съ мѣста и поѣхали далѣе. Изъ предосторожности, оказавшейся потомъ совершенно излишнею, я надѣлъ было на этотъ разъ поверхъ кожанныхъ сапогъ валенки. Мой «Вислоухій философъ» бодро несъ меня на своемъ крѣпкомъ хребтѣ, закутаннаго съ головы до пятъ въ мѣхъ и шерсть. На нашемъ пути часто попадались горные ручьи и канавы; они всѣ были скованы ледяными оковами. Дорога постепенно опускалась въ направленіи къ сѣверозападу, горы понижались и за ущельемъ «Акъ-Даганъ» представляли простую не особенно рѣзко выраженную холмистость. Отъ этого ущелья начинается Теньги-харамская долинка, которая имѣетъ видъ веселой лужайки, обрамленной шатрообразными холмами. Въ долинѣ снѣга не было, но вершины холмовъ были покрыты еще довольно толстымъ слоемъ рыхлаго, ослѣпительно-бѣлаго снѣга. Подъѣзжая къ селенію (собственно—зимовка) Тенги-Харамъ, мы увидали свѣже вспаханныя поля, еще, впрочемъ, не засѣянныя. Здѣсь было ужь совсѣмъ тепло.

На слѣдующій день, т. е. 19-го февраля, мы снова отправились въ путь, который до Кушъ-Лупа пролегаетъ вдоль рѣчки Кичи-урударья. Въ этомъ мѣстѣ къ этой рѣчкѣ присоединяется Катта-урударья. Отъ Кушъ-Лупа до Гузара мы ѣхали вдоль рѣки Гузаръ-дарьи. Въ Гузарѣ произведена мною дневка.

24-го февраля, Косанъ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней я не записывалъ своего дневника вслѣдствіе лѣни. Эта лѣнь, быть можетъ, потому и овладѣла мною, что я теперь ѣду по знакомымъ мѣстамъ, о которыхъ говорилъ уже въ I томѣ этого труда. Но всетаки оглянемся назадъ; быть можетъ что нибудь и найдется записать для памяти.

Какъ я уже выше сказалъ, хотя и весьма коротко,—что добрую половину горнаго пути черезъ ширабадскій горный кряжъ намъ пришлось пройти по зимнему. Только въ Теньги-харамѣ мы встрѣтили опять весну, которую оставили было за собой еще въ Ширъ-абадѣ.— Спускаясь отъ селенія «Чешма-и-Хафизанъ» къ ущелью Акъ-Даганъ, мы съ каждымъ шагомъ оставляли за собой область снѣга, покрывавшаго равномѣрнымъ слоемъ землю, По сю сторону ущелья пологіе склоны горъ были уже освобождены отъ снѣга, а въ ложбинахъ, образованныхъ весенними потоками показались первые признаки весны—зелень. Въ тепломъ, неподвижномъ воздухѣ непрерывно звенѣла пѣсня жаворонка; стаи коршуновъ и вороновъ шумно перелетали съ одного холма на другой и вели между собою воркотливую бесѣду; собаки, сторожившія овечьи стада, разбросавшіяся по отлогимъ скатамъ холмовъ, рѣзво пускались въ запуски, перескакивая попадавшіяся на ихъ пути ручьи и рѣчки большими, привычными прыжками. Кажется они и лаяли теперь болѣе весело, чѣмъ въ другое время, а можетъ быть мнѣ это такъ показалось подъ вліяніемъ свѣжаго вѣянія весны, отразившемся на моей воспріимчивости болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ.

Было ни пасмурно, ни ясно. Только къ концу перехода среди разорванныхъ на клочки облаковъ показались полосы чистаго синелазурнаго неба, окрашеннаго въ такой интензивный цвѣтъ, какой наблюдается только на югѣ; ласковое весеннее солнце не замедлило врѣзать въ эти эфирныя прогалины цѣлые снопы своихъ золотыхъ лучей—и вдругъ вся эта далеко не красивая долинка приняла совершенно другую физіономію. Поля, рѣчка, окрестные холмы, жалкія мазанки изъ глины, въ которыхъ мы пріютились на ночлегъ—все это разомъ одѣлось въ лучезарную, сотканную изъ золотыхъ нитей, солнечную одежду... Даже высокія горныя вершины, вздымающіяся тамъ далеко на сѣверо-востокѣ, всѣ укутанныя въ снѣжную пелену,

такъ сурово смотрѣвшіе до сихъ поръ на эту затерянную въ лабиринтѣ горъ долинку,—и тѣ теперь какъ-будто улыбались, всѣ объятыя розовымъ сіяніемъ, и посылали ей радушный привѣтъ...

Ѣдемъ далѣе, т. е. собственно говоря, ближе къ цѣли путешествія, Бухарѣ. Вотъ на пути намъ повстрѣчалась послѣдняя гряда горъ; круто вздымаясь надъ рѣчкой, она образуетъ отвѣсную стѣну въ нѣсколько сотъ футовъ вышиною. Эта скала положительно господствуетъ надъ окружающею мѣстностью; ея вершина заглядываетъ во всѣ изгибы долины. Это—самое выдающееся мѣсто въ окрестномъ горномъ амфитеатрѣ; оно первое попадаетъ на глаза путнику, оно такъ и просится на то, чтобы его чѣмъ нибудь отмѣтить. И дѣйствительно, съ этой скалой неразрывно связана легенда «Кара-сачъ». Эта легенда намъ повѣствуетъ, что въ давнія времена, на вершинѣ этой скалы превращенъ былъ въ камень одинъ молодой пастухъ.

Такое страшное превращеніе произошло будто бы по слѣдующему поводу. Въ рѣчкѣ, протекающей у подошвы скалы вздумала покупаться нимфа окрестныхъ горъ, красавица «Кара-сачъ» (черные волоса—въ переводѣ съ тюркскаго языка на русскій). Когда черноволосая красавица погружалась въ свѣтлыя воды прозрачной рѣчки—пастухъ былъ на вершинѣ скалы. Притаясь за зубцами ея, онъ жаднымъ взоромъ пожиралъ прелести красавицы. Кара-сачъ скоро замѣтила зоркій, любопытный взглядъ пастуха и стала просить его не смотрѣть на нее. Но пастухъ былъ глухъ къ ея мольбамъ... Красавицѣ давно уже нужно было выходить изъ рѣки, а пастухъ былъ все на своемъ мѣстѣ и не спускалъ съ нея своихъ, пылающихъ страстью, очей. Долго она сидѣла въ водѣ, думая побѣдить упорство пастуха, но—напрасно! Тогда она, почти окоченѣвъ отъ холода, обращаетъ свой взоръ къ небесамъ и умоляетъ ихъ покарать нескромнаго пастуха. Небо услышало ея молитву и пастухъ превратился въ камень. Говорятъ, будто на вершинѣ утеса дѣйствительно находится камень, имѣющій фигуру человѣка; говорятъ, многіе его видѣли; въ этомъ не сомнѣвается и мой ходжа, разсказавшій мнѣ эту легенду, но сознается, что самъ онъ не былъ на вершинѣ горы и не видалъ этого камня. Впрочемъ, кончивъ разсказъ, онъ остановился, приставилъ къ глазу руку трубочкой и съ полной увѣренностью, что видитъ окаменѣлаго пастуха—указалъ мнѣ

на одинъ выдающійся камень, повидимому ничѣмъ, впрочемъ, неотличающійся отъ другихъ.

Затѣмъ, всего нѣсколько верстъ пути берегомъ рѣчки Гузаръ-Дарьи—и мы въ Гузарѣ. Гузаръ названіе очень печальное (гютьзаръ — сама печаль), но этимъ смущаться не слѣдуетъ. Печаль эта существуетъ только въ преданіяхъ жителей. Такое названіе получилъ городъ будто бы отъ того, что въ давнія времена здѣсь былъ большой лѣсъ (?), а въ лѣсу водилось много кабановъ (гузаръ — поросенокъ), которые наносили большой вредъ полямъ мѣстныхъ жителей. Теперь нѣтъ и слѣдовъ лѣса, хотя городъ и утонулъ въ зелени садовъ, а свиньи живутъ только въ воспоминаніи жителей, хотя и они сами живутъ мало чѣмъ отличаясь отъ свиней.

Какъ бы тамъ ни было, но городъ Гузаръ насчитываетъ въ своихъ глиняныхъ сакляхъ и густыхъ зеленыхъ садахъ болѣе 10,000 жителей. Съ бекомъ города, Акремъ-ханомъ, сыномъ эмира, читатель знакомъ еще по 3-й главѣ I т. этого труда и безъ сомнѣнія еще не забылъ, какую головомойку ему задалъ генералъ Столѣтовъ. Послѣ этого, лѣтомъ того же 1878 г., бекъ былъ въ Самаркандѣ, въ качествѣ главы бухарскаго посольства, отправленнаго эмиромъ къ генералу Кауфманну. Дѣло въ томъ, что въ то время въ Самаркандѣ находилась главная квартира джамскаго отряда войскъ, совершившаго какъ извѣстно, столь блестяще «поносный» походъ [1]). Результатомъ поѣздки Тюря-Джана въ главную квартиру было его «оцивилизованіе», выразившееся въ томъ, что во время визита къ нему мнѣ не пришлось сидѣть на корточкахъ. При достарханѣ не отсутствовали ни тарелки, ни ложки, ни вилки ни tutti quanti, а чай былъ разлитъ въ хорошихъ хрустальныхъ стаканахъ. Кажется, Тюря-Джанъ былъ бы не прочь угостить своихъ гостей и виномъ, но возсѣдавшіе по обѣ его стороны, «махрамъ-баши» и «казій», своею чопорностью очень его смущали. Бекъ показался мнѣ и теперь ни умнѣе, ни глупѣе, чѣмъ лѣтомъ, т. е. такимъ же недалекимъ, какъ и прежде.

---

[1]) Войска, расположенныя на позиціи Джамъ, во все время стоянки сильно страдали отъ поносовъ. Врачи, бывшіе при отрядѣ, различно объясняли это прискорбное явленіе. Говорили между прочимъ, что будто бы продовольственная часть войскъ была поставлена очень плохо.

Изъ Гузара мы въ два дня пути доѣхали до города Карши. Здѣсь конечно мы должны были сдѣлать визитъ беку, при чемъ получили отъ него обычные подарки, отчасти возвратили ихъ—такъ, напримѣръ, я подарилъ младшему сыну бека, Корчію, револьверъ, чѣмъ привелъ его въ восторгъ, а старшему—двѣ стклянки духовъ Аткинсона—слушали пѣвцовъ и музыкантовъ, смотрѣли пляску бачей и т. п. Пляску бачей я думаю описать по подробнѣе какъ нибудь послѣ. Теперь же скажу, что во всякомъ туземномъ городѣ существуютъ собственные виртуозы, которые чѣмъ нибудь да отличаются отъ прочихъ своихъ сотоварищей по ремеслу. Такъ напр. въ одномъ городѣ бачи замѣчательны какъ пѣвцы, въ другомъ—какъ танцоры, въ третьемъ они отличаются чрезвычайной женственностью—такъ, по крайней мѣрѣ, думаютъ ихъ обожатели-соотечественники, въ четвертомъ... но довольно и перечисленныхъ мною качествъ.

Во время визита Каршинскій бекъ, Мулла-ханъ-бій, очень ядовито смѣялся надъ «пріятелемъ» нашимъ, ширабадскимъ бекомъ. Дѣло въ томъ, что ширабадскій бекъ былъ моложе каршинскаго, а между тѣмъ получилъ этою зимою чинъ, «первоначи», т. е. болѣе высокій, чѣмъ каршинскій бекъ. Для меня изъ всего ехиднаго зубоскальства бека на счетъ ширабадскаго первоначи было важно сообщеніе о томъ, что нашъ «пріятель», получивъ первыя свѣдѣнія о безпорядкахъ въ Мазари-Шерифѣ, поспѣшилъ донести эмиру бухарскому о томъ, что оставшіеся тамъ члены русскаго посольства ограблены до чиста и чуть ли не убиты. Благодаря своей поспѣшности бекъ остался, такимъ образомъ, съ носомъ отмѣнной длины.—Въ Карши я дневалъ, такъ какъ былъ не совсѣмъ здоровъ.

Сегодня, 24-го февраля, я выѣхалъ изъ Карши; ночую на совершенно новомъ мѣстѣ, въ селеніи Косанъ, расположенномъ верстахъ въ 25 отъ Карши къ сѣверозападу. Отъ самаго города Карши, на всемъ протяженіи сегодняшняго перехода, мы проѣзжали очень населенною мѣстностью. По обѣимъ сторонамъ дороги тянулись довольно большія селенія, въ которыхъ насчитываютъ нѣсколько сотъ и даже тысячъ сакель. Селеніе Косанъ, напр. имѣетъ до 2,000 дворовъ и собственный базаръ съ лавками. Видно было, что жители этихъ селеній добываютъ себѣ пропитаніе не безъ большихъ усилій. Населеніе здѣсь попреимуществу земледѣльческое, а между тѣмъ поля

очень малы, да и тѣ находятся въ постоянной опасности быть поглощенными сосѣдней песчаной пустыней. Просто становится страшно за эти лоскутки тщательно воздѣланной, удобной для земледѣлія почвы, когда видишь ихъ рядомъ съ первыми волнами и бурунами песчанаго моря...

26-го февраля, Какыръ.

Какыръ—не кишлакъ (т. е. селеніе), какъ значится на новѣйшей картѣ Средней Азіи, изданія Генер. Штаба; это и не зимовка, даже и не кочевка—это «раббатъ». Раббатъ представляетъ собою каменное зданіе, гдѣ путешественники могутъ найти пріютъ и ночлегъ. Въ великихъ пустыняхъ Средней Азіи такіе раббаты—не рѣдкость и составляютъ истинное благодѣяніе для путниковъ; поэтому они и разсѣяны почти по всѣмъ караваннымъ и торговымъ дорогамъ, прорѣзывающимъ здѣшнія пустыни по всѣмъ направленіямъ. Безъ воды раббатъ не мыслимъ. Но гдѣ же взять воду въ пустынѣ? При каждомъ раббатѣ обыкновенно находится каменная цистерна, въ которой и собирается дождевая вода. Чтобы предохранить воду отъ быстраго испаренія, весьма энергичнаго подъ отвѣсными почти лучами палящаго солнца, цистерна; или «сердоба»—какъ она здѣсь называется—снабжается каменными сводами.—Построеніе такихъ раббатовъ является, такимъ образомъ, дѣломъ благотворительности для лицъ, власть и состояніе имѣющихъ. Поэтому-то среднеазіатскіе властелины, желая снискать себѣ популярность, строили, въ разныхъ мѣстахъ пустыни, раббаты. Больше чѣмъ кто либо выстроилъ такихъ раббатовъ Абдулла-ханъ, извѣстный государь Бухаріи, жившій около 300 лѣтъ тому назадъ (р. 1538 † 1597). Весьма естественно, что почти всякій раббатъ считается основаннымъ этимъ государемъ. Но нашъ раббатъ, Какыръ-сердоба, построенъ средствами одного частнаго человѣколюбиваго лица, нѣкоего «достарханчи» Зекерія, жившаго лѣтъ 200 тому назадъ. Благодаря этой постройкѣ имя этого человѣка передается изъ рода въ родъ—даромъ, что онъ былъ «частный» человѣкъ, но имя государя, у котораго этотъ человѣкъ занималъ постъ достарханчи,—потомство позабыло.

Съ ночлега въ Ходжа-Мубарекъ мы поднялись, по обыкновенію, рано и весь переходъ до Какыра (3 таша=25 верстъ) шли подъ дождемъ. Сопровождавшій насъ сынъ карпинскаго бека, мирахуръ

Абдулъ-Азисъ, былъ очень радъ дождливой погодѣ и любовно смотрѣлъ на насъ—точно мы въ складкахъ своего платья разносили по бухарскимъ владѣніямъ дождь, ихъ благо. Онъ часто говорилъ намъ, моргая своими кроткими глазами, что «при такихъ обстоятельствахъ» охотно проводилъ бы насъ до самого Ташкента. Когда онъ прощался съ нами въ Какырѣ, то добрымъ пожеланіямъ съ его стороны и конца не было.

Во весь сегодняшній переходъ мы ѣхали по дорогѣ ровной и мягкой; песокъ здѣсь былъ еще не очень глубокъ и мой «Дворянинъ» шелъ ходко. Песчаная равнина уходила изъ глазъ, завладѣвая пространствомъ на многія десятки и сотни квадратныхъ верстъ. Кругомъ—ни былинки, ни зародыша жизни: вездѣ царила только одна смерть; пески, солончаки, да невысокіе барханы (холмы), лишенные даже и такого неприхотливаго на почву растенія, какъ корявый саксаулъ—сопровождали насъ во время всего сегодняшняго перехода. Дулъ довольно сильный юго-западный вѣтеръ, который быстро гналъ низкія водянистыя облака. Не будь дождя—намъ пришлось бы имѣть дѣло съ песчанымъ бураномъ. Дождь постепенно усиливался и наконецъ дошелъ до степени ливня. По мѣрѣ усиленія дождя, мало по малу непріятное чувство стало овладѣвать мною. Вѣтеръ почти насквозь пробивалъ мое, подбитое воздухомъ, лѣтнее пальто. Наконецъ песчаные барханы, съ мелкими, глинистыми ложбинами среди нихъ, тянувшіеся вокругъ насъ, сверху—дождь, а съ боку—вѣтеръ... сильно стали надоѣдать. Поэтому желаніе наше—поскорѣе доѣхать до ночлега—становилось съ каждымъ шагомъ все сильнѣе и сильнѣе. Вотъ въ туманной дали показалась неясная тѣнь чего-то обитаемаго, хотя и нельзя еще было разобрать, что это такое. По мѣрѣ приближенія, это «что-то» начинало обрисовываться болѣе ясно и вскорѣ можно было различить куполъ-раббата. За нѣсколько сотъ саженей отъ него мы встрѣтили всадника, ѣхавшаго намъ на встрѣчу. Но, не доѣзжая до насъ нѣсколькихъ десятковъ саженей, онъ круто поворотилъ коня и стремительно поскакалъ назадъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, отъ раббата отдѣлилась группа всадниковъ и направилась къ намъ. Это были бухарскіе чиновники, спеціально высланные изъ Бухары для моей встрѣчи. Начальникъ этой депутаціи, караулъ-бегъ,

Абдуррахманъ-мирза, объявилъ мнѣ, что ожидаетъ меня на этомъ раббатѣ уже третій день.

Наконецъ мы пріѣхали. Передо мной находится довольно большой четырех-угольникъ, обнесенный стѣнами изъ жженаго кирпича, вышиною въ полторы сажени, съ башнями по всѣмъ его четыремъ угламъ. На восточной сторонѣ этой крѣпостцы-раббата возвышаются ворота арабскаго стиля, безъ изразцовъ, черезъ которыя можно войти внутрь зданія. Подъѣхавъ къ воротамъ, я сошелъ съ коня—что оказалось совершенно излишнимъ. За воротами вдоль трехъ стѣнъ находятся три широкихъ и высокихъ корридора; во внѣшней стѣнѣ этихъ корридоровъ, покрытыхъ сверху могучими каменными сводами, находятся ясли для лошадей. Въ корридорахъ можно свободно помѣстить до 80-ти лошадей. Мы углубились подъ своды одного изъ корридоровъ и затѣмъ черезъ очень узкій ходъ вышли на занимающую центръ раббата четырехугольную, открытую сверху площадку. Площадка была вымощена кирпичными плитами, содержалась очень чисто, а съ западной стороны на нее открывались три двери, ведущія въ три жилыя комнаты. Для меня была приготовлена средняя, квадратная комната съ готическими сводами; стѣны ея были очень чисто отштукатурены, а кирпичный полъ былъ устланъ коврами и одѣялами. Въ комнатѣ было очень уютно. Никакая буря ничего не могла подѣлать съ путникомъ, помѣстившимся въ этой твердынѣ; здѣсь онъ можетъ считать себя въ полной безопасности и отъ непогоды и отъ степныхъ хищниковъ. Стѣны раббата такъ толсты, что нетолько стрѣла кочевника, но и пуля берданки ничего не можетъ подѣлать съ ними. Поданные сейчасъ же чай и достарханъ заставили насъ смѣяться надъ бушевавшей внѣ нашихъ стѣнъ бурею. Да, дѣйствительно, великое благодѣяніе для путниковъ составляютъ эти раббаты!..

Нашъ караулъ-бегъ оказался очень сообщительнымъ человѣкомъ. Онъ мнѣ разсказалъ, что недавно пріѣхалъ изъ Ташкента, вмѣстѣ съ Рахметуллой, мирахуромъ, что на дорогѣ, въ Куюкъ-Мазарѣ, они встрѣтили эсаула Булацеля съ г. Бендерскимъ, возвращавшихся изъ Бухары, что генералъ-губернаторъ совсѣмъ было собрался ѣхать въ Петербургъ и только ожидалъ телеграммы отъ военнаго министра, чтобы выѣхать, но позволенія не получилъ и долженъ былъ остаться въ Ташкентѣ, что эмиръ бухарскій находится теперь въ восьми вер-

стахъ отъ Бухары, въ своемъ загородномъ дворцѣ, что онъ слышалъ о моей болѣзни... и проч. и проч.

Когда дождь прекратился, я вышелъ на дворъ, т. е. собственно говоря, въ пустыню. Рядомъ съ нашимъ убѣжищемъ возвышалось другое, круглое зданіе, выстроенное, какъ и первое, изъ жженаго кирпича. Широкій куполъ его сажен. на 8 возвышался надъ окрестной пустыней и еще издали давалъ знать путникамъ о находящемся здѣсь убѣжищѣ. Я подошелъ къ нему. Съ западной стороны въ это куполообразное зданіе вела дверь. Входящій черезъ эту дверь долженъ затѣмъ спуститься внизъ по каменнымъ ступенямъ; спустившись на нѣсколько ступеней вы достигаете поверхности воды, которая наполняетъ, на извѣстномъ уровнѣ, все пространство подъ куполомъ. Все зданіе оказывается такимъ образомъ обширнымъ колодцемъ; только этотъ колодецъ, саженей 15—20 въ діаметрѣ, наполненъ не почвенною водою, а водой, принесенной издалека. Это водохранилище наполняется обыкновенно дождевой водой, а такъ какъ нынѣшней зимой дождей совсѣмъ почти не было, то вода напущена была сюда по арыку изъ рѣки Кашка-Дарьи. Такою же водой питается и «сердоба» селенія Ходжи-Муборека, находящагося на половинѣ разстоянія между Косаномъ и Какиромъ. Караулъ-бегъ сообщилъ мнѣ, что до дна колодца ведутъ 30 ступеней, а такъ какъ высота ступени не менѣе одного фута, то, значитъ, слой воды въ сердобѣ достигнетъ глубины около четырехъ саженей. Въ куполѣ башни и посторонамъ зданія, въ толщинѣ его стѣнъ, продѣланы небольшія отверстія для вентиляціи.

Проходя данною мѣстностью еще въ первый разъ, естественно— я обращалъ на нее нѣсколько болѣе вниманія, чѣмъ обыкновенно. При этомъ я не могъ не замѣтить нѣкоторыхъ неточностей карты Средней-Азіи, изданной въ 1876 г. (съ поправкой на 1878 г.) Главнымъ Штабомъ. Такъ, на этой картѣ совсѣмъ не показаны нѣкоторыя селенія, а показаны такія, какихъ не существуетъ. Не показаны напр. селенія: Дарыча, Байгунъ и др., показаны Музургъ и Бозургъ, между тѣмъ какъ это совсѣмъ не селенія, а сердобы, да и то лишенные въ настоящее время воды. Хорошо, что Н. А. Бендерскій проѣхалъ здѣсь: эти упущенія и ошибки будутъ исправлены.

Когда я, послѣ осмотра сердобы, возвратился въ наше помѣщеніе, караулъ-бегъ разсказалъ мнѣ, какъ эмиръ бухарскій писалъ мира-

хуру въ Ташкентъ о томъ, чтобы тотъ испросилъ у генералъ-губернатора того самаго лекарства, которымъ я снабдилъ его въ бытность свою въ Шаарѣ, какъ генералъ-губернаторъ долго думалъ— какое могло бы быть это лекарство и какъ, не отгадавъ, долженъ былъ написать объ этомъ мнѣ, прося заѣхать на обратномъ пути изъ Авганистана въ Бухару и проч. и проч.

Караулъ. 24-го февраля.

И здѣсь та же пустыня мозолитъ глаза, какъ и на предыдущей станціи. На протяженіи сдѣланнаго сегодня перехода пески иногда смѣнялись прогалинами глинисто-сланцевой почвы; въ этихъ мѣстахъ дорога подобна разосланной скатерти. Отъ Какыра до Караула, такого же раббата, какъ и первый, считается около 20 верстъ разстоянія. На пути мы повстрѣчались еще съ двумя заброшенными раббатами. Одинъ изъ нихъ, Бузачи, находящійся въ 4 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Какыра, представляетъ весьма внушительную по своимъ размѣрамъ постройку. Массивный порталъ высоко поднимается надъ уровнемъ пустыни; высоко и легко висятъ надъ вашими головами могучіе и изящные его своды. Стѣны этого раббата окружаютъ огромное пространство степи. Внутри ихъ, по всѣмъ сторонамъ, построено много жилыхъ, или—вѣрнѣе, назначенныхъ для жилья, но не обитаемыхъ теперь, зданій, увѣнчанныхъ каждое легкимъ, красивымъ, но уже разрушающимся куполомъ. Штукатурка на стѣнахъ зданій и на стрѣльчатыхъ сводахъ ихъ еще порядочно сохранилась. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣны испещрены надписями, монограммами, хронограммами и т. п. путевой литературой. Все зданіе построено изъ прекраснаго жженаго кирпича. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него возвышаются купола двухъ водохранилищъ (сердоба). Резервуаръ одного изъ нихъ въ уровень съ краями заметенъ пескомъ, который огромнымъ буруномъ подошелъ къ самымъ стѣнамъ зданія. Другая сердоба хотя и хорошо сохранилась, хотя и свободна еще отъ песку, но тоже неимѣетъ въ себѣ ни капли воды. Этотъ караванъ-сарай или раббатъ по народному преданію построенъ Абдулла-ханомъ, «хаканомъ» (т. е. верховнымъ государемъ) Бухаріи. Этому зданію, слѣдовательно, болѣе 300 лѣтъ. При видѣ подобныхъ зданій невольно возникаетъ въ головѣ мысль: какъ были велики прежніе бухарцы, какъ они были человѣчны и какъ измельчали настоящіе бухарцы, которые не только

не могутъ самостоятельно возводить такихъ грандіозныхъ и полезныхъ построекъ, но не въ состояніи даже и поддержать ихъ въ прежнемъ видѣ!.. Вотъ я и теперь ночую въ подобномъ же зданіи.—Караулъ представляетъ собою едвали не самую обширную и грандіозную постройку въ этомъ родѣ. Поистинѣ тяжело, до сердечной боли тяжело смотрѣть на это разрушающееся отъ времени и людской небрежности колоссальное зданіе, которое и въ своемъ разрушенномъ видѣ поражаетъ путника своею грандіозностью...

Представьте себѣ квадратъ, каждая сторона котораго равняется, приблизительно, 100 саженямъ. Этотъ квадратъ обнесенъ каменными стѣнами, около 2½ сажен. высоты, съ башнями, расположенными на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Посреди одной стѣны высоко, саженей на 8, поднимается порталъ, облицовка котораго состоитъ изъ разноцвѣтныхъ изразцовъ. Большая часть изразцовъ вывалилась. Недалеко отъ воротъ находится обычная сердоба; здѣсь же пріютилось нѣсколько жалкихъ лавченокъ, гдѣ можно достать предметы первой необходимости. Такъ, напримѣръ, здѣсь можно купить сотню клевера за 2 р. Въ Ташкентѣ это—немыслимая по дешевизнѣ цѣна не только въ концѣ февраля, но и въ іюлѣ мѣс.

Вы входите внутрь укрѣпленнаго квадрата и просто поражаетесь громадностью постройки. По всѣмъ четыремъ сторонамъ квадрата, или вѣрнѣе—прямоугольника, расположены обширныя галлереи, крытыя разнообразными по фигурѣ сводами, съ окнами, на высотѣ 1½—2 саженей отъ земли. Какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ стѣнахъ галлерей высѣчены каменные ясли для скота. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что въ этихъ грандіозныхъ конюшняхъ можно свободно размѣстить до 300 лошадей. Галлереи обхватываютъ собою очень значительное пространство, внутри котораго, въ свою очередь, въ сводчатыхъ нишахъ тоже устроены конюшни. Но здѣсь устроено и много жилыхъ помѣщеній, которыя высматриваютъ отдѣльными домами; онѣ всѣ непремѣнно увѣнчаны плоскими и конусообразными куполами. Нѣкоторыя помѣщенія построены въ два этажа.

И здѣсь штукатурка стѣнъ испещрена различными надписями. Нѣкоторые изъ моихъ казаковъ не выдержали соблазна и сами нацарапали углемъ свои имена, а нѣкоторые—такъ даже краткую исторію своего путешествія.—И это зданіе приписывается все тому же

великому строителю средневѣковой Бухаріи, Абдулла-хану. Чтобы дать понятіе о томъ громадномъ трудѣ, который былъ потраченъ на сооруженіе подобныхъ, каменныхъ городовъ (потому что это зданіе составляетъ цѣлый городъ) я скажу, что кругомъ его, на многія десятки и сотни верстъ простирается голая, песчаная пустыня, что, слѣдовательно, и кирпичи, и цементъ, и всякій другой строительной матеріалъ нужно было везти сюда издалека, напр. изъ самой Бухары, что и продовольствіе для рабочихъ, не говоря уже о нихъ самихъ, нужно было везти изъ той же Бухары и т. п. Сколько времени, сколько труда и матеріальныхъ средствъ потрачено на одну подобную постройку!.. А такія постройки щедрой рукой великаго «хакана» разсѣяны почти по всѣмъ дорогамъ и караваннымъ трактамъ Средней Азіи...

Сегодня я завтракалъ при совершенно европейской обстановкѣ; все это было выслано изъ Бухары, по повелѣнію и вслѣдствіе любезности эмира. Такъ, завтракъ былъ поданъ на англійскомъ фаянсѣ и фарфорѣ; ножи и вилки были отъ Генкеля, изъ Солингена, ложки—отечественныя произведенія; скатерти и салфетки—владимірской мануфактуры. Для дессерта была подана дыня. Признаюсь, очень пріятно покушать свѣжей дыни въ концѣ февраля, въ голой песчаной пустынѣ, гдѣ не всегда можно достать годной для питья воды!

Караулъ-бегъ сегодня предупредилъ меня, что завтра въ селеніи Коканѣ, нашемъ ночлегѣ, расположенномъ всего въ одной ташѣ (10 верстъ) отъ Бухары, меня имѣетъ встрѣтить «токсаба» съ отрядомъ войскъ, котораго эмиръ нарочно высылаетъ для моей встрѣчи.

Вѣчная, часто повторяющаяся, исторія съ джигитами и лаучами! Опять не досмотрѣли за жеребцами, которые передрались до крови. На этотъ разъ я вынужденъ былъ оштрафовать моего безотвѣтнаго караванъ-баши, Нассиръ-хана, 2-мя, рублями.—Кажется, я позабылъ упомянуть, что въ Гузарѣ я встрѣтилъ одного больнаго съ вполнѣ развитой «главкомой».

Коканъ 28 февраля.

Конецъ печальной пустынѣ, по которой мы ѣхали въ теченіи нѣсколько дней. Здѣсь песку нѣтъ, но зато какая грязь!.. Боже милосердный, что это за грязь... Я думалъ, что всѣ наши лошади вывих-

нутъ себѣ ноги, шлепая въ продолженіи добрыхъ двухъ часовъ по цѣлому морю глубокой и липкой грязи...

Отъ Караула [1]) до Кокана считается 4 «таша» (т. е. около 50 верстъ разстоянія, бухарскій ташъ—не менѣе 10 верстъ). Три таша пути приходится на долю пустыни, а 4-й ташъ на долю невообразимой грязи.—Версты черезъ двѣ отъ Караула намъ пришлось подняться на плоскую песчаную возвышенность. Здѣсь поверхность почвы была почти сплошь усѣяна кварцевыми обломками. Кругомъ—голая грязно-желтая пелена песку. Глазу совсѣмъ не на чѣмъ остановиться, нигдѣ не попадается для него ни какой точки опоры; однообразный ландшафтъ уходитъ въ туманную даль; кругомъ вездѣ плоско, голо, безцвѣтно; одинъ десятокъ квадратныхъ верстъ похожъ на другой какъ двѣ капли воды; и тамъ, какъ и здѣсь, одинаково бѣлѣютъ остовы павшихъ животныхъ; тамъ и здѣсь одни и тѣже невысокіе песчаные бугры—волны безбрежнаго песчанаго океана. Невыразимой тоской вѣетъ отъ этой пустыни! А вѣдь это только еще небольшой кусочекъ, незначительный заливъ песчанаго океана Турана. Для европейца непонятно, какъ можно прожить въ этой пустынѣ цѣлую жизнь, когда и нѣсколько проведенныхъ въ ней дней заставляютъ болѣзненно сжиматься сердце отъ тоски и скуки. А между тѣмъ для полудикаго обитателя ея, туркмена, она кажется чуть ли не раемъ, и во всякомъ случаѣ для него она—самая привлекательная страна въ мірѣ.

Пологій песчаный спускъ съ этой возвышенности привелъ насъ къ подножію довольно рѣзко очерченнаго кряжа известковаго строенія. Здѣсь находятся ломки алебастра. Дорога перекидывается черезъ этотъ кряжъ по невысокому перевалу, который возвышается надъ окрестной равниной футовъ на 200—300. У самаго подножія кряжа находятся развалины раббата Мама-Джаргаты. На имѣвшейся у меня картѣ генер. Штаба эти развалины обозначены кишлакомъ. Я не знаю, какими источниками пользовались составители карты, но она очень грѣшитъ по направленію этого маршрута. Мнѣ кажется, что здѣшняя

---

[1]) Этотъ раббатъ названъ такъ потому, что въ немъ постоянно находится конная бухарская стража для охраны путниковъ отъ разбоевъ туркменъ и другихъ степныхъ хищниковъ.

мѣстность нанесена на карту еще по свѣдѣніямъ Бёрнса. Въ печальныхъ развалинахъ Мама-Джаргаты даже нѣтъ и воды ни капли.

Съ вершины не высокаго перевала открывается уже болѣе разнообразный ландшафтъ, чѣмъ какой преслѣдовалъ насъ во все время пути, начиная отъ гор. Карши. На западѣ синѣло довольно обширное соленое озеро, Шоръ-Куль. На сѣверо-западѣ и сѣверѣ темнѣли неясныя массы садовъ и предмѣстій Бухары.

Лишь только мы спустились съ холма, какъ стали буквально утопать въ соленой грязи. Здѣсь нашъ путь пролегалъ по перешейку, протянутому между двумя солеными озерами. Поэтому мѣсто здѣсь было очень топкое; вездѣ виднѣлись лужи желтоватой, соленой воды; нѣкоторыя изъ нихъ высохли и оставили послѣ себя толстый слой осажденныхъ солей. Въ нѣкоторыхъ лужахъ я нашелъ кубическіе кристаллы поваренной соли рядомъ съ игольчатыми и пластинчатыми кристаллами другихъ выдѣлившихся изъ разсола солей. Даже грязь на своей поверхности—и та была покрыта бѣловатымъ налетомъ соли. Вездѣ виднѣлась соль. Нѣкоторыя пространства земли были покрыты такимъ густымъ слоемъ ея, что мѣстность казалась окутанною только что выпавшимъ снѣгомъ... Я спросилъ караулъ бега, не добываютъ ли жители изъ этихъ озеръ соль, но получилъ отрицательный отвѣтъ. Соль для Бухары добывается изъ другихъ копей.

Верстахъ въ трехъ отъ подножія холма, когда соли стало меньше, появились первыя деревья—правда, весьма чахлыя; еще далѣе—появились и тощія хлѣбныя поля. Но грязь не прекращалась, напротивъ—она стала еще гуще. Наши бѣдныя лошади постоянно спотыкались и грозили своимъ сѣдокамъ ежеминутнымъ паденіемъ: ноги ихъ постоянно скользили и разъѣзжались въ липкой грязи.

Вотъ у самой дороги намъ встрѣтился высокій курганъ, сплошь—по всѣмъ бокамъ и на вершинѣ—усѣянный надгробными камнями. Почти на самой вершинѣ холма, куда змѣйкой идетъ крутая и скользкая тропа, скучилась группа людей, очевидно принесшихъ новаго насельника этого «некрополя». Эти люди безучастно, изъ подъ ладони, приставленной къ глазамъ, посмотрѣли на проѣзжающихъ мимо чужестранцевъ, перекинулись парою словъ между собою—и снова принялись за свою печальную работу. Вотъ мимо насъ потянулась длинная вереница верблюдовъ, навьюченныхъ бухарскимъ хлопкомъ; ноги ихъ

скользятъ въ глубокой грязи; верблюдъ трусливо дрожитъ при этомъ всѣмъ своимъ отощавшимъ за зиму, еще не вылинявшимъ, тѣломъ, и реветъ благимъ матомъ, боясь разстянуться въ грязи... Все грязь и грязь! Вездѣ, куда ни оглянись,—грязь, грязь... и конца этой грязи не видно! Наконецъ мнѣ стало сильно надоѣдать это безконечное шлепанье по грязи. Но вотъ въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей впереди насъ показались разноцвѣтные и даже парчевые халаты. Сопровождавшій меня караулъ-бегъ сейчасъ же объявилъ, что это Токсаба и Шигавулъ со свитою выѣхали для встрѣчи меня. Ну, значитъ, близко и привалъ.—Мы подъѣхали къ ожидавшей насъ группѣ и обмѣнялись привѣтствіями. Оказалось, что оба эти сановника,—изъ которыхъ Токсаба командуетъ всѣмъ гарнизономъ Бухары—въ нѣкоромъ смыслѣ фельдмаршалъ, а другой, Шигавулъ, нѣчто въ родѣ министра иностранныхъ дѣлъ,—еще вчера пріѣхали изъ Бухары въ Коканъ, спеціально для нашей встрѣчи. Мы всѣ вмѣстѣ доѣхали до ночлега. Здѣсь произошли, конечно, неизбѣжныя повторительныя взаимныя привѣтствія, освѣдомленія о здоровьѣ и проч. Они передали мнѣ доброе пожеланіе и отъ эмира, который слышалъ о моемъ нездоровьѣ и нарочно послалъ ихъ освѣдомиться о немъ и проч. Конечно, подобное вниманіе эмира было для меня очень лестно.

Вечеромъ этого дня пріѣхалъ и мирахуръ Рахметулла. Этотъ по истинѣ болтливый человѣкъ сейчасъ же вступилъ со мной въ оживленную бесѣду, причемъ самъ разсказывалъ и меня разспрашивалъ о разныхъ предметахъ: о томъ, какъ онъ ѣздилъ въ Ташкентъ и жилъ тамъ, о нашемъ житьѣ въ Авганистанѣ, о болѣзни Ширъ-Али-хана, о послѣднихъ событіяхъ въ Авганистанѣ и о безпорядкахъ, происшедшихъ въ Мазари-Шерифѣ, о военныхъ дѣйствіяхъ авганцевъ противъ англичанъ и проч. Онъ хотѣлъ знать также число войскъ авганскихъ, причемъ сообщилъ мнѣ, будто въ бытность его въ Ташкентѣ Кемнабъ Магометъ-Хассанъ-ханъ говорилъ ему, что Авганистанъ располагаетъ 100 батальонами пѣхоты, и что вооруженіе ихъ войскъ даже лучше, чѣмъ англійскихъ (?) и т. п. Мирахуръ не обошелъ молчаніемъ и повода моей поѣздки въ Бухару, разсказавъ мнѣ чуть не въ сотый разъ исторію съ лекарствомъ, которое я далъ эмиру въ Шаарѣ; въ заключеніе онъ сказалъ, что можетъ быть завтра, а можетъ быть и позднѣе, онъ опять отправится въ Ташкентъ. Мнѣ показалось неловкимъ

спросить его: зачѣмъ онъ ѣдетъ опять въ Ташкентъ, но на мой вопросъ: долго-ли онъ тамъ думаетъ прожить—отвѣтилъ, что это будетъ зависѣть отъ генер. Кауфмана. Наконецъ Мирахуръ ушелъ отъ насъ, пожелавъ намъ хорошаго отдыха отъ труднаго пути и поручая насъ заботамъ Токсабы и Шигавула; самъ же онъ отправился къ эмиру, чтобы доложить Его Высокостепенству о томъ, въ какомъ состояніи онъ насъ нашелъ.

ГЛАВА XI.

Въ городѣ Бухарѣ.

Въѣздъ въ Бухару.—Евреи.—Въ нашемъ дворцѣ.—Письмо отъ Сердаря Нейкъ Магометъ-хана. — Разсказъ Максута. — Шпіонство нашего «добраго дорогаго друга», ширабадскаго бека.—Болтовня Рахметуллы, мирахура. — Туземный спектакль. — Виртуозъ на «каманчѣ». —Визитъ эмиру бухарскому. — Неожиданный конецъ аудіэнціи. — Въ гостяхъ у Кошъ-беги.—Папиросы фабрики Богданова.—Подарки эмира.—Кремль Бухары.—Мои амбулаторные больные.—Еврей Якубовъ. — Свѣжія новости объ Авганистанѣ.—Поѣздки по Бухарѣ.—Въ поискахъ за дервишами.—«Календеръ-ханэ».—На бухарскомъ базарѣ.—Вавилонское смѣшеніе типовъ.—Медрессе Миръ-Араба.—Колоссальный минаретъ.—Въ туземномъ «университетѣ». — Великовозрастный студентъ. — Недовольный профессоръ.—Курсъ ученія въ медрессе.—Видъ на городъ съ птичьяго полета.—Домашній базаръ.—Состояніе нашего курса на бухарскомъ рынкѣ.—Опять на базарѣ.—Дервиши.—Наша обычная «томаша».—Путешествіе ко гробу хаджи Бага-эдъ-дина. — Опять на кровлѣ медрессе.— Неожиданный скандалъ, устроенный прекрасною половиною бухарскаго населенія.—Вечерній отдыхъ въ саду.—Визитъ губернатора Бухары, Маметъ-Шерифъ-бея.—Первый весенній праздникъ въ Бухарѣ.—Народное гулянье.—Въ гостяхъ у губернатора Бухары.—Вѣсти изъ Авганистана.—Бухарское гостепріимство становится неудобнымъ.—Прощальная аудіэнція у эмира бухарскаго.

Бухара, 2-го марта.

Вчера въ 8 ч. утра мы выѣхали изъ Кокана, который составляетъ не отдѣльное селеніе, какъ это обозначено на картѣ генер. Штаба, а пригородъ Бухары. Въ пути насъ сопровождали тѣ же сановники, что встрѣчали третьяго дня, именно Токсаба и Шигавулъ. Нашъ путь, вплоть до самыхъ стѣнъ города, пролегалъ по густо заселенной и застроенной мѣстности. Соли теперь уже не было замѣтно, но грязь

была довольно глубокая. Дома и разныя зданія чередовались съ небольшими полями, покрытыми зеленѣющими нивами; вездѣ виднѣлись деревья, въ полномъ цвѣту. Абрикосы стояли точно осыпанные густымъ, пушистымъ снѣгомъ; алуча и альбухара дополняли общій цвѣтовой фонъ садовъ. На улицахъ, которыми мы слѣдовали, царила обычная въ азіатскихъ городахъ пестрота и патріархальность— каменьщики и кузнецы, не стѣсняясь, на виду всѣхъ, выдѣлывали свои незатѣйливыя произведенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога была совершенно запружена вьючными ослами и верблюдами; постоянно сновала взадъ и впередъ и толклась на мѣстѣ многочисленная, «халатная» толпа. Эти люди останавливались на пути, рабочіе прекращали свое дѣло и, раззиня рты, медленно провожали насъ любопытными взглядами. Иногда въ этой толпѣ слышались непонятныя для меня замѣчанія, относившіяся, по всей вѣроятности, къ намъ. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе любопытные, по пятамъ слѣдовали за нами и громко о чемъ-то толковали. Намъ пришлось проѣхать мимо незатѣйливыхъ двухъ-трехъ мечетей, нѣсколькихъ небольшихъ медрессе, а у самыхъ городскихъ воротъ мы проѣхали довольно обширнымъ кладбищемъ, со множествомъ подгробныхъ камней и склеповъ на немъ.

Вотъ и *Бухара*. Передъ нами возвышается глинобитная стѣна, саж. 4 въ вышину. Входныя ворота (юго-восточныя), а также и двѣ башни, расположенныя по обѣимъ сторонамъ воротъ, сложены изъ жженаго кирпича. Отъ Кокана до этихъ воротъ считается 10 верстъ.— Мы проѣзжаемъ воротами и сразу попадаемъ въ тѣсную, узкую улицу, обрамленную съ обѣихъ сторонъ глиняными стѣнами двухъ-этажныхъ домовъ. Здѣсь грязи не было, но зато было очень тѣсно; двѣ лошади въ рядъ только что могли ѣхать по улицѣ; арбъ здѣсь не замѣчалось. Попадавшіеся на нашемъ пути навьюченные верблюды положительно запирали просвѣтъ улицы; мы съ большимъ трудомъ могли протѣсниться мимо нихъ.

Далѣе, миновавъ нѣсколько красивыхъ медрессе, сложенныхъ изъ жженаго кирпича, мы достигли первыхъ лавокъ базара и вскорѣ въѣхали подъ тѣнь его сводовъ. Меня очень поразило огромное число евреевъ, попадавшихся на нашемъ пути; число ихъ было едва ли не болѣе, чѣмъ число туземцевъ. Тутъ были и старые, и малые, съ гор-

батыми носами и безъ оныхъ, съ черными и рыжими (!) волосами, бородатые и безбородые, съ красивыми, пластическими, точно изъ мрамора изваянными, чертами на черезъ чуръ блѣдномъ лицѣ, и безобразные, съ козлиными и ослиными физіономіями,—но всѣ непремѣнно съ пейсами.—Мы проѣхали улицами базара, выѣхали изъ подъ его дырявыхъ сводовъ и мимо двухъ, замѣчательныхъ по красотѣ постройки, мечетей направились къ нашему помѣщенію. По городу пришлось проѣхать верстъ 6. И это помѣщеніе, этотъ «дворецъ»—конечно глиняный, какъ и вездѣ почти въ Средней Азіи. Ничего характеристичнаго онъ не представляетъ, а потому я его и не описываю. Одна только комната во всемъ обширномъ помѣщеніи имѣетъ претензію на европейскій видъ,—она имѣетъ печь и стеклянныя окна. Мебель въ ней состоитъ изъ порядочнаго стола и 4 вѣнскихъ креселъ, спинки и сидѣнья которыхъ обиты довольно недурно туземнымъ, пестроцвѣтнымъ бархатомъ.

Въ нашъ дворецъ мы пріѣхали около 10 часовъ утра и застали въ немъ полнѣйшій хаосъ; ничего еще не было приготовлено для принятія «дорогихъ гостей»; комнаты были не прибраны, дворы только что выметены, мебель выколачивали... пыль столбомъ стояла въ неподвижномъ воздухѣ! Однако многочисленная толпа бухарской челяди быстро привела все въ достодолжный порядокъ. Вскорѣ поданъ былъ обычный достарханъ и завтракъ. Черезъ нѣсколько минутъ сопровождавшіе меня бухарскіе сановники откланялись и уѣхали къ эмиру для доклада. Я назначилъ время для визита къ эмиру 2-го марта, часа въ 4 пополудни.

Часа въ два этого же дня посланецъ ширабадскаго бека принесъ мнѣ письмо отъ Сердаря Нейкъ Магометъ-хана, изъ Мазари-Шерифа. Письмо было помѣчено 13 Ребіэль-евveля (22-го февраля). Вотъ текстъ этого письма, въ переводѣ съ персидскаго.

«Превосходительному, благородному и любезному другу, доктору Яворскому.

«Послѣ дружескаго привѣта и добрыхъ пожеланій увѣдомляю Васъ, что любезное письмо Ваше я получилъ черезъ руки служителя ширабадскаго губернатора и обрадовался очень, узнавъ о благополучномъ прибытіи Вашемъ въ этотъ городъ.

«Что касается до потерянныхъ Вами 1,000 тенегъ, серебряныхъ

вещей и нѣкоторыхъ ядовитыхъ медикаментовъ, то до сихъ поръ, несмотря на всѣ человѣческія усилія, намъ не удалось ихъ отыскать, вслѣдствіе чего я и отпустилъ обратно присланныхъ сюда людей.

«Если удастся найти вещи въ будущемъ, то немедленно вышлю ихъ Вамъ.—Здѣсь все обстоитъ благополучно; и въ населеніи и среди войскъ—все тихо. Желаю Вамъ всего лучшаго».

На оборотѣ письма приложена печать; «Нейкъ-Магометъ».

Конечно, со стороны Сердаря Нейкъ-Магометъ-хана было большею любезностью извѣстить меня о тѣхъ поискахъ, какія были произведены имъ съ цѣлію отысканія моихъ вещей. Я не хотѣлъ остаться у него въ долгу и поручилъ Замаанъ-беку написать Сердарю коротенькое и вѣжливое письмо въ отвѣтъ на его обязательное извѣщеніе.

Послѣ этого къ намъ пришелъ джигитъ Максутъ, находившійся въ услуженіи у генерала Разгонова, во время пребыванія его въ Авганистанѣ. Максутъ сообщилъ мнѣ, что въ Самаркандѣ авганскому посольству устроена была торжественная встрѣча, причемъ палили изъ пушекъ (сдѣланъ былъ 21 выстрѣлъ), что посольство пробыло въ городѣ два дня, а затѣмъ отправилось въ Ташкентъ на почтовыхъ и проч. Я спросилъ его: зачѣмъ онъ оставилъ службу у генерала Разгонова, который хотѣлъ взять его въ Ташкентъ? На это Максутъ отвѣчалъ, что онъ оставилъ службу у генерала только на время, а потомъ намѣренъ опять служить у него, что пріѣхалъ въ Бухару по просьбѣ сестры, которая послала ему три письма, въ которыхъ передавала бухарскіе базарные слухи о томъ, что будто всѣ русскіе, бывшіе въ Авганистанѣ, убиты авганцами, а съ ними вмѣстѣ и ихъ прислуга и, что Максутъ непремѣнно пріѣхалъ бы къ ней, въ Бухару, чтобы ее успокоить относительно его невредимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ мнѣ, что изъ Самарканда выѣхалъ уже 22 дня тому назадъ и тамъ о насъ ничего не слыхалъ, но когда пріѣхалъ въ Бухару, то узналъ, что эмиръ Ширъ-Али-ханъ померъ, а всѣхъ, оставшихся въ Мазари-Шерифѣ, русскихъ авганцы убили. Говорили также, что я и мои сотоварищи были окружены авганскими солдатами и три дня отстрѣливались отъ нихъ, что затѣмъ у насъ вышли всѣ заряды и тогда авганцы схватили насъ и убили; а другіе говорили, будто бы насъ не убили, но ограбили до чиста и отпустили на всѣ четыре стороны. — Я порядочно удивился, услыхавъ отъ Максута подоб-

ный разсказъ и недоумѣвалъ, изъ какого источника эти слухи почерпнуты. Но сегодня же Нассиръ-ханъ, мой невыносимый хотя и безотвѣтный караванъ-башъ, сообщилъ мнѣ, что въ предмѣстьи Коканъ люди Шигавула спрашивали его, какимъ образомъ мы освободились и выѣхали изъ Мазари-Шерифа, если насъ авганцы заперли въ тюрьму? Нассиръ-ханъ на подобный вопросъ отвѣчалъ, что насъ, русскихъ, авганцы не запирали въ тюрьму, но, что напротивъ—честь-честью проводили изъ города первые авганскіе сановники и, что странно—откуда могли получиться подобные нелѣпые слухи? На это ему люди Шигавула возразили, что они знаютъ это изъ донесеній ширабадскаго бека эмиру.—Значитъ источникъ этихъ слуховъ и сплетень снова подтвердился, но нашъ п р і я т е л ь, ширабадскій бекъ, слишкомъ поторопился своимъ донесеніемъ, хотѣлъ, очевидно, выслужиться передъ эмиромъ—и вдругъ получилъ такой афронтъ! Въ противоположность донесеніямъ бека мы живы, здоровы и со всѣмъ почти нашимъ имуществомъ предстаемъ передъ «грозныя и свѣтлыя очи повелителя правовѣрныхъ!..» Теперь одного только недостаетъ для полнаго посрамленія бека, это—пожаловаться на него передъ эмиромъ какъ на зловреднаго ябедника и лгуна. Но, пожалуй, излишнее усердіе «нашего дорогаго друга» обойдется ему въ такомъ случаѣ очень дорого; пожалуй эмиръ произнесетъ обычное: кесимъ-башка!—и бекъ простится съ заманчивой, даже въ трущобахъ Средней Азіи, губернаторской жизнью. Итакъ, будемъ великодушны, простимъ ему его вину, не обмолвимся о немъ передъ эмиромъ ни однимъ словомъ...

Нельзя однако не отдать справедливости нашему «пріятелю», писавшему мнѣ, да и другимъ членамъ посольства, такія сладкія письма: онъ прекрасно, методично выполнялъ свою щекотливую роль шпіона за русскимъ посольствамъ въ Авганистанѣ. Теперь стали понятны его частыя пересылки писемъ въ посольство, многократныя посылки конфектъ, плодовъ и разныхъ предметовъ. Все это были только благовидные предлоги, чтобы какъ можно удобнѣе шпіонить за нами. Я не знаю только—былъ ли онъ самостоятельнымъ шпіономъ, шпіономъ по страсти, изъ любви къ искусству, или онъ все это продѣлывалъ по приказанію эмира бухарскаго? Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе. Тогда понятна и посылка съ поздравленіемъ къ Лойнабу бухарскаго посла Ишана-ходжи. Для меня теперь ясно, какъ Божій

день, что Бухара не отказалась отъ своихъ традицій и видовъ и, выжидая время, подъ благовиднымъ предлогомъ постоянно шпіонитъ за своими сосѣдями...

Вчера вечеромъ къ намъ опять приходилъ опытный враль и любезникъ, мирахуръ Рахметулла. Онъ опять много разспрашивалъ меня объ Авганистанѣ, о его военныхъ силахъ, о томъ, кому было оказано больше почета: Разгонову или Столѣтову—когда они были въ Авганистанѣ; какъ встрѣчали авганцы русское посольство, какъ провожали, чѣмъ дарили и сколько и т. п. Онъ сообщилъ также, что въ Ташкентѣ былъ слухъ, будто генер. Столѣтовъ получилъ отъ Ширъ-Али-хана 13,000 тенегъ. Относительно этого пункта Замаанъ-бекъ поправилъ мирахура, сказавъ, что генер. Столѣтовъ дѣйствительно получилъ отъ эмира авганскаго денежный подарокъ, но не въ 13,000 тенегъ, а въ 11,000 рупій [1]), что онъ сначала не хотѣлъ, брать денегъ, но видя, что авганцы обижаются его отказомъ, по необходимости взялъ ихъ. Затѣмъ мирахуръ сообщилъ, что въ Ташкентѣ говорили, будто Разгоновъ особенно старался склонить эмира Ширъ-Али-хана къ поѣздкѣ его въ Россію, что, поэтому, желаніе эмира поѣхать въ Петербургъ приписываютъ вліянію на него генер. Разгонова. Тутъ же онъ сообщилъ, что Кошъ-беги получилъ изъ Ташкента извѣстіе о томъ, что авганское посольство выѣдетъ обратно въ Авганистанъ черезъ два дня отъ того числа, которымъ помѣчено письмо къ нему, что посольство будутъ сопровождать до Аму-Дарьи нѣсколько русскихъ чиновниковъ и т. п. Наконецъ онъ ушолъ, пожелавъ намъ спокойной ночи и сказавъ снова, что можетъ быть нѣсколькими днями раньше насъ выѣдетъ въ Ташкентъ. Зачѣмъ онъ туда ѣдетъ?..

Всѣхъ нашихъ лошадей я приказалъ расковать: пусть въ эти нѣсколько дней, которые я намѣренъ провести въ Бухарѣ, онѣ хотя сколько нибудь отдохнутъ. У меня явилась мысль замѣнить вьючный обозъ арбянымъ, такъ какъ отъ Бухары до Самарканда дорога вездѣ колесная. Посмотрю—какъ лучше поступить. А то съ джигитами и лаучами—просто наказаніе божіе! Ни одного дня не проходитъ безъ того, чтобы жеребцы не подрались между собою... Чуть было не позабылъ я записать сообщеніе мирахура, что Ишанъ-ходжа, бухар-

[1]) Номинальная стоимость «тенгэ» - 20 коп.; стоимость рупіи—60 к.

ской посолъ при Лойнабѣ, все еще находится взаперти въ Мазари-Шерифѣ и просидитъ въ немъ до тѣхъ поръ, когда заблагоразсудятъ авганскія власти дозволить ему выѣхать оттуда. Оказалось такимъ образомъ, что заперты-то въ Мазари-Шерифѣ не мы, русскіе, а бухарскіе послы...

4 марта.

2-го марта эмиру я не представлялся, такъ какъ въ этотъ день пришлась пятница, а у бухарцевъ вошло въ обычай, что въ этотъ день все населеніе города собирается въ великой мечети (мечети-келянъ) для молитвы. Эмиръ всегда долженъ присутствовать на этой молитвѣ. Между тѣмъ время моей аудіенціи было назначено въ 4 часа по полудни, т. е. во время «намаза дигеръ». Вслѣдствіе этого эмиръ и не могъ принять меня.

Около 4-хъ часовъ пришолъ мирахуръ и передалъ мнѣ просьбу эмира извинить его, такъ какъ онъ въ назначенное время принять меня не можетъ. Мирахуръ сейчасъ же разсыпался въ любезностяхъ. Одно его сообщеніе меня нѣсколько смутило. Такъ, между прочимъ, онъ обронилъ фразу, что я вѣроятно описалъ всѣ мѣста, какія посѣтилъ и видѣлъ, что это—очень хорошо съ моей стороны, такъ какъ потомъ можетъ доставить удовольствіе не только себѣ, но и своимъ друзьямъ и знакомымъ. Меня смутила эта фраза, потому что я не только ему, но и вообще никому изъ туземцевъ, не сообщалъ, что веду замѣтки, такъ что я не могу понять, откуда онъ узналъ о моихъ дневникахъ. Затѣмъ мирахуръ ушолъ, сказавъ, что завтра, т. е. 3 марта, онъ самъ заѣдетъ за мною и мы вмѣстѣ поѣдемъ къ эмиру. Уходя отъ насъ, онъ спросилъ, зачѣмъ мы вчера отказались смотрѣть «томашу»? [1]) На это я ему отвѣчалъ, что мы отказались отъ зрѣлища потому, что 1-хъ были очень утомлены предыдущимъ путемъ,—намъ хотѣлось отдохнуть, 2-е, и главное,—мы еще не видали лица эмира, а потому считаемъ неприличнымъ, невидавши главы государства, предаться удовольствіямъ.—Мирахуръ былъ видимо польщенъ

[1]) «Томаша» въ переводѣ на русск. языкъ значитъ собственно—зрѣлище (спектакль); состоитъ она изъ танцевъ, пѣнія, игры на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ, представленія клоуновъ, кукольнаго театра, разныхъ фокусовъ, борьбы и т. п.

такимъ отвѣтомъ и сказалъ мнѣ, что эмиръ объ этой причинѣ нашего отказа не зналъ и думалъ, что мы не смотрѣли «томаши» потому, что были чѣмъ нибудь недовольны—пріемомъ, угощеніемъ и т. п., но что теперь онъ питаетъ надежду, что его «дорогіе гости» не побрезгаютъ его средствами развлеченія, «хотя они, конечно, и не могутъ выдержать сравненія съ вашими, русскими удовольствіями»—закончилъ нашу бесѣду мирахуръ.

Вечеромъ этого дня, когда подали свѣчи (завода Губбардъ, въ Екатеринбургѣ), въ наше помѣщеніе пришли опять танцоры и музыканты. Отказаться отъ туземнаго балета и концерта было теперь, послѣ объясненія съ мирахуромъ, неловко. Объ этой «томашѣ» скажу только то, что танцы бачей были поставлены здѣсь очень плохо, гораздо хуже, чѣмъ въ Гузарѣ или Карши; у нихъ не было ни той ловкости, ни той граціи что у тѣхъ; на женственность манеръ не было и намека. Но эти танцоры исполнили одинъ новый нумеръ пляски съ палками въ одной рукѣ и съ каменными сгіе—сгіе въ другой. Былъ также солистъ на «каманчѣ»—настоящій виртуозъ, котораго съ удовольствіемъ можно послушать и не въ такой глуши. Звуки, извлекаемые музыкантомъ изъ его закоптѣлаго инструмента, лились широкой струею, уносились къ небесамъ, громомъ грохотали въ ушахъ слушателей, то какъ подавленный стонъ жалобно замирали... Артистъ былъ молодой туркменъ, съ выразительнымъ лицомъ и прекрасными, большими, полными страстнаго огня, глазами. На головѣ его была неизмѣнная папаха. Онъ сыгралъ нѣсколько пьесъ и, между прочимъ, одну подъ названіемъ «урусча». Мотивы этой пьесы напоминаютъ наши меланхолическіе народные пѣсни.—«Каманча»—музыкальный инструментъ, представляющій собою, такъ сказать первобытную віолончель. Къ небольшой декѣ придѣланъ очень длинный грифъ, раздѣленный на тоны и полутоны поперечными перемычками изъ проволоки. Струнъ на грифѣ 3 или 4; всѣ онѣ проволочныя; одна изъ нихъ никогда не берется въ интервалахъ гаммы, но издаетъ всегда одинъ, какъ бы основный, тонъ во все время игры, между тѣмъ какъ остальныя струны берутся въ разнообразномъ сочетаніи тоновъ. Что меня особенно поразило въ игрѣ этого музыканта, или вѣрнѣе, въ тонѣ инструмента—это чрезвычайная эластичность звуковъ и сходство ихъ съ человѣческимъ голосомъ. Одинъ разъ музыкантъ игралъ, аккомпани-

руя пѣнію, причемъ по туземному способу аккомпанимента «каманча» своими звуками «сопровождала» мелодію пѣвца въ униссонъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я затруднялся отличить звукъ инструмента отъ голоса пѣвца. Правда, способъ пѣнія у туземныхъ пѣвцовъ очень оригиналенъ и слишкомъ сильно отличается отъ европейскаго, такъ что, можетъ быть, этимъ отчасти и объясняется человѣческая звуко—способность каманчи, если можно такъ выразиться, но объ этомъ я поговорю послѣ. По струнамъ каманчи ударяютъ смычкомъ изъ конскихъ волосъ. Для игры на ней существуютъ оригинальныя ноты, но, кажется, это не есть ноты, въ видѣ той скалы, которая вошла во всеобщее употребленіе на Западѣ, но для каждой пѣсни здѣсь существуетъ извѣстный, разъ навсегда назначенный для нея, напѣвъ. Это лучше всего пояснить примѣромъ изъ туземнаго стихосложенія. Нѣкоторыя формы стиха обязательно требуютъ переложенія на голосъ, т. е. стихи эти не читаются, какъ напримѣръ у насъ, а поются, и этотъ способъ произнесенія ихъ обусловленъ исключительно формой стиха. Въ другой формѣ тотъ же стихъ можно прочитать, а уже не пѣть [1]. Тоже можно сказать, мнѣ кажется (я не увѣренъ въ этомъ), и о туземныхъ пѣсняхъ и балладахъ; они и пишутся уже на извѣстную мелодію.—Были здѣсь и пѣвцы, но о пѣніи ихъ я поговорю въ другой разъ.

Послѣ балета и концерта старикъ-фокусникъ сталъ показывать разныя «штуки» — вытягивалъ изо рта безчисленное множество лентъ, цѣлыхъ мотковъ нитокъ съ иголками и удочками, проглатывалъ и отрыгалъ назадъ монеты, ѣлъ горящую смолу съ паклей, топталъ въ мѣшкѣ сырыя яйца и снова показывалъ ихъ цѣлыми и т. п. и т. п.—Старикъ былъ тотъ же самый, котораго я видѣлъ зимою въ Шаарѣ.— Затѣмъ слѣдовало шутовское представленіе доморощенныхъ клоуновъ, остротъ которыхъ я не понялъ, но которыя вѣроятно не были лишены специфической соли, судя по задушевному смѣху сидѣвшей на корточкахъ кругомъ насъ, туземной толпы. Послѣ всего—театръ маріонетокъ, представленія которыхъ я, впрочемъ, не сталъ смотрѣть, такъ какъ «томаша» и безъ того продолжалась цѣлыхъ 3

---

[1]) Нужно замѣтить, что и стихосложеніе древнихъ грековъ отличалось такимъ же характеромъ. «Иліаду» и «Одиссею» пѣли, а не читали.

часа. Было уже 11 часовъ ночи и мнѣ сильно хотѣлось спать; я ушелъ, а Замаанъ-бекъ остался.

3-го марта около 10 часовъ утра пріѣхалъ къ намъ Шигавулъ, Софи-бей, и просилъ насъ пожаловать къ эмиру. Когда мы собрались, то онъ посмотрѣлъ на часы и просилъ насъ подождать еще минутъ 5, такъ какъ иначе «мы можемъ пріѣхать эъ эмиру ранѣе назначеннаго времени»—говорилъ Шигавулъ. По прошествіи 5 минутъ мы сѣли на лошадей и отправились въ путь. Намъ пришлось проѣхать частью базара, между прочимъ—мучнымъ рядомъ. Затѣмъ мы выѣхали на довольно большую площадь, съ которой открывался видъ на холмъ, обнесенный высокой глинобитной, съ зубцами, стѣной. Въ этой стѣнѣ. прямо передъ нами возвышались ворота, сложенныя изъ жженаго кирпича—очень высокія и очень широкія ворота. Этотъ холмъ, опоясанный двойной стѣной, и есть «аркъ», т. е. дворецъ эмировъ бухарскихъ.

Лишь только мы выѣхали на площадь и очутились въ виду воротъ, какъ наши бухарскіе спутники,—Шигавулъ, караулъ-бегъ и прочіе—сошли съ лошадей, объявивъ мнѣ, что всѣ бухарцы обыкновенно здѣсь сходятъ съ лошадей, но что мы русскіе, какъ хотимъ, такъ и поступимъ, гдѣ хотимъ, тамъ и сойдемъ съ лошадей. Подъѣхавъ къ воротамъ, я также сошелъ съ лошади и прошелъ ворота пѣшкомъ.—Я слыхалъ, что нѣкоторые русскіе люди (офицеры или чиновники), бывавшіе въ Бухарѣ и представлявшіеся эмиру, ни за что не хотѣли сойти съ лошади передъ воротами и непремѣнно хотѣли проѣхать ворота на лошади—что было очень непріятно бухарцамъ. Эти русскіе считали будто бы унизительнымъ исполнить просьбу бухарцевъ. Почему они считали этотъ поступокъ унизительнымъ—я не могу понять. Исполненіе требованій вѣжливости едва ли можно считать униженіемъ, а здѣсь все дѣло и состоитъ именно въ вѣжливости и правилахъ приличія. Въ Бухарѣ, да и вообще въ Средней Азіи, принято чтобы гость проходилъ ворота хозяина пѣшкомъ. Въ данномъ же случаѣ этимъ хозяиномъ былъ эмиръ бухарскій, который, кромѣ вѣжливости, еще обязываетъ каждаго къ извѣстной долѣ почтительности. Значитъ, проѣзжая воротами на лошади, эти люди нарушали обычныя и общеобязательныя правила вѣжливости. Этотъ поступокъ подобенъ тому, какъ если бы кто нибудь изъ нихъ въѣхалъ въ комнаты одного

изъ своихъ знакомыхъ на лошади.—Я иду еще далѣе. Я смотрю на бухарскій обычай сходить съ лошади передъ воротами цитадели, въ которой обыкновенно живутъ и жили, въ продолженіи, быть можетъ, цѣлыхъ тысячелѣтій, ихъ государи, какъ на нашъ русскій обычай—проходить извѣстными «Спасскими» воротами въ московскомъ кремлѣ съ непокрытыми головами. Судите сами о неприличіи того иностранца, который, будучи предупрежденъ объ этомъ обычаѣ, вздумалъ бы не снять въ «Спасскихъ» воротахъ своей шапки...

У воротъ я замѣтилъ нѣсколько лежащихъ мортиръ, безъ лафетовъ, а надъ воротами часы. Стражи при воротахъ я не замѣтилъ; толщина стѣны у воротъ болѣе 5 саженей. По другую сторону воротъ насъ встрѣтили: мирахуръ, удайчи, инакъ и нѣкоторые другіе царедворцы. Вслѣдъ за тѣмъ всѣмъ намъ пришлось подняться нѣсколько въ гору по хорошо вымощенной, узкой улицѣ; потомъ мы прошли два-три узенькіе и кривые переулка—и вотъ мы на дворѣ дворца эмира.—Дворецъ представлялъ обыкновенное, довольно обширное зданіе. Мы прошли мимо двухъ или трехъ террасъ, на которыя вели узкія лѣсенки въ 3—4 ступени, безъ балюстрадъ, взошли на одну изъ этихъ террасъ, прошли двумя - тремя комнатами—и очутились передъ лицомъ повелителя правовѣрныхъ.

Эмиръ сидѣлъ посреди комнаты, на довольно плохомъ креслѣ. Я думалъ, что онъ приметъ меня въ тронной залѣ, но ошибся въ разсчетѣ. Когда я вошелъ въ комнату, то эмиръ улыбнулся и его благообразная физіономія, оттѣненная сильно посѣдѣвшею бородою, выразила мягкую привѣтливость. Онъ подалъ мнѣ руку, но не привсталъ съ кресла, а затѣмъ жестомъ указалъ на приготовленныя для меня и Замаанъ-бека кресла. Мы сѣли и началась обычная бѣсѣда, предметомъ которой были обычныя привѣтствія и пожеланія. Отправляясь на аудіэнцію, я предполагалъ, что она будетъ продолжительна; я думалъ, что эмиръ станетъ разспрашивать меня о пребываніи русскаго посольства въ Авганистанѣ и о послѣднихъ событіяхъ въ Мазари-Шерифѣ, но ожиданія мои не оправдались. Дѣло въ томъ, что послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора у меня истощился весь запасъ привѣтствій и пожеланій и я замолчалъ. Эмиръ былъ что-то не разговорчивъ на этотъ разъ. Я разсчитывалъ, что Замаанъ-бекъ меня выручитъ, но онъ также упорно молчалъ. Произошло неловкое, гробовое

молчаніе; я хотѣлъ было снова заговорить—чуть-ли не въ десятый разъ повторить ему пожеланіе всѣхъ благъ, но въ это время Замаанъ-бекъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто желая встать—и эмиръ подалъ знакъ, что аудіэнція кончилась.

Послѣ этого намъ надо было сдѣлать визитъ Кошъ-Беги, бухарскому канцлеру. Это—первый сановникъ бухарскаго ханства; но это не есть высшій чинъ въ лѣстницѣ бухарской администраціи. Выше Кошъ-Беги Аталыкъ, а еще выше—Мирза. Лицъ въ этихъ званіяхъ въ бухарскомъ ханствѣ въ данное время нѣтъ. Въ прежнее время, когда Бухарское государство не представляло лишь «одинъ звукъ пустой», какъ теперь, а могущественную державу, владѣнія которой простирались отъ Оша до Арала, и отъ Урала до Гинду-куша, за аму-дарьинскими провинціями управлялъ бухарскій намѣстникъ въ санѣ Аталыка [1]).

Кошъ-беги (отъ кошъ—домъ; значитъ въ родѣ нашего до-петровскаго, дворцоваго боярина или дьяка; отсюда же взято слово — «кошевой» атаманъ у казаковъ) помѣщается тутъ же въ этой цитадели, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца эмира. По недлинному переходу мы дошли до воротъ помѣщенія Кошъ-беги, еще болѣе невзрачнаго, чѣмъ дворецъ эмира. Онъ встрѣтилъ насъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крыльца дома. Это — сѣденькій, низенькій, сгорбленный старичекъ съ ничѣмъ незамѣчательной физіономіей. Онъ былъ одѣтъ въ халатъ изъ великолѣпной кашемировой шали; на головѣ у него была навита безчисленными оборотами чалма изъ тончайшей индѣйской (англійской?) кисеи, съ затканными по ней золотыми блестками и другими украшеніями. Онъ любезно привѣтствовалъ насъ и пригласилъ пожаловать къ нему въ комнаты—откушать бухарскаго хлѣба-соли. Но мы очевидно нѣсколько раньше пожаловали къ нему, чѣмъ слѣдовало бы, такъ какъ достарханъ не былъ еще разставленъ и все казалось какъ будто не на своемъ мѣстѣ. Угощеніе сервировали уже при насъ. Тутъ фигурировали, конечно, обычныя бухарскія сласти конфекты, сахарныя печенья, засахаренныя фрукты, и между прочимъ сахаръ въ головкахъ и леденецъ—рафинадъ. Затѣмъ былъ на-

---

[1]) Якубъ-бекъ, основатель кашгарскаго ханства, въ періодъ завоеванія Кашгара, состоялъ на службѣ кокандскаго хана и имѣлъ санъ Аталыка.

крытъ обѣдъ, который по разнообразію и обилію блюдъ, а также и искусству приготовленія ихъ, удовлетворилъ бы и болѣе избалованный въ гастрономическомъ отношеніи желудокъ, чѣмъ мой.—Посидѣли, поговорили... Любезности и взаимныя комплименты такъ и пересыпались отъ одного къ другому, отъ меня къ Кошъ-беги и обратно. Мирахуръ, сопровождавшій насъ до дома Кошъ-беги, вскорѣ опять ушелъ къ эмиру. Возвратясь оттуда, онъ передалъ мнѣ крайнее удовольствіе эмира по поводу того, что мы прошли ворота арка пѣшкомъ. Теперь, при выѣздѣ изъ крѣпости, эмиръ, въ знакъ признательности просилъ насъ проѣхать тѣми же воротами верхомъ. При этомъ мирахуръ показалъ на стоявшихъ передъ окнами двухъ приведенныхъ коней, покрытыхъ парчевыми попонами, въ бирюзовыхъ уздечкахъ, и объявилъ, что эмиръ въ знакъ своего благоволенія и дружбы даритъ мнѣ и Замаанъ-беку по коню. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указалъ на груды халатовъ, которые также дарилъ эмиръ намъ и нашей прислугѣ. Конь, подаренный мнѣ, былъ туркменскій аргамакъ, огромнаго роста, широкогрудый, съ огненными глазами, безъ гривы и съ весьма жидкимъ хвостомъ. Его кофейнаго цвѣта, глянцевитая масть была великолѣпна. Танцуя прошелъ онъ мимо оконъ нашей комнаты.

За обѣдомъ разговоръ нашъ, само собою понятно, имѣлъ темой взаимныя дружескія отношенія Россіи и Бухары, какія давно уже установились между двумя государствами и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе крѣпли. Вспоминали при этомъ объ умершемъ Вейнбергѣ, при чемъ Кошъ-беги, а равно и мирахуръ, много соболѣзновали о его преждевременной смерти. Они говорили, что дай Богъ, чтобы теперь нашелся подобный ему человѣкъ на постъ дипломатическаго чиновника. «Онъ для Бухары, говорили они, сдѣлалъ много добра; бухарцы вѣрили каждому его слову, потому, что онъ всегда сдерживалъ его». Увидя, что Замаанъ-бекъ дѣлалъ себѣ вертушку, чтобы покурить, Кошъ-беги досталъ ключи изъ за пояса своего халата, отдалъ ихъ своему ключнику и велѣлъ принести папиросъ. Черезъ нѣсколько секундъ Замаанъ-бекъ уже вдыхалъ ароматный дымъ крученыхъ папиросъ фабрики Богданова. Затѣмъ черезъ нѣсколько времени мы откланялись Кошъ-беги. Онъ провожалъ насъ до самыхъ воротъ, а это значитъ, что онъ оказалъ намъ очень большую честь. Намъ подвели подаренныхъ эмиромъ лошадей и просили садиться. Мой «турк-

менъ» очень горячился, храпѣлъ, становился на дыбы—лишь только я хотѣлъ занести ногу въ стремя, и вообще казался очень безпокойнымъ. Ѣхать на немъ было довольно опасно, тѣмъ болѣе, что бирюзовая уздечка была не совсѣмъ надежна; въ случаѣ еслибы она порвалась—моя тріумфальная поѣздка моглабы кончиться весьма печально... Но не взирая на это, я храбро вскочилъ на коня, сдавилъ его крутые бока ногами и, крѣпко натянувши для пробы уздечку, сильно осадилъ его на заднія ноги. Послѣ этого я уже спокойно выѣхалъ изъ крѣпости.

Несмотря на тотъ поверхностный обзоръ кремля Бухары, какой я сдѣлалъ, нельзя было не замѣтить общихъ чертъ между нимъ и нашимъ московскимъ кремлемъ—разумѣется, если мы исключимъ изъ него новѣйшія постройки. И здѣсь била въ глаза та же аляповатая архитектура, смѣсь азіатскаго съ византійскимъ—то, что теперь принято у насъ называть «русскимъ стилемъ»: тѣ же пузатыя колонки у входовъ, тѣ же аляповатыя, безличныя скульптурныя украшенія по стѣнамъ, тѣ же узкія окна и толстыя стѣны домовъ—какъ и въ любомъ боярскомъ, до-петровскомъ дворцѣ...

6-го марта.

Я никакъ не успѣваю записывать свой дневникъ ежедневно; причина этому та, что вотъ уже въ продолженіи двухъ дней я разъѣзжаю по городу, стараясь познакомиться съ нимъ какъ можно лучше. Видѣлъ очень много интереснаго, можетъ быть, даже новаго—не только для меня, но и для моихъ читателей. Поэтому я постараюсь поподробнѣе записать обо всемъ томъ, что я видѣлъ и о чемъ слышалъ. Развѣ только мнѣ въ этомъ намѣреніи помѣшаютъ: теперь утро, а по утрамъ я и здѣсь устроилъ безплатный пріемъ приходящихъ больныхъ-туземцевъ. Надо отдать справедливость бухарцамъ—они не замедлили сдѣлать нѣсколько визитовъ русскому доктору и, повидимому, нисколько не брезгаютъ русской «кафирской» медициной.—Опишу на первый разъ только два болѣе выдающіеся случая.

На первомъ планѣ стоитъ слѣдующій больной, котораго я и обозначу № 1. Мой паціентъ—еврей, лѣтъ 40, хорошо упитанъ, женатъ, имѣетъ дѣтей, болѣетъ въ продолженіи 2-хъ лѣтъ. Болѣзнь его выражается слѣдующими симптомами: онъ почти совсѣмъ не можетъ ходить безъ посторонней помощи; при хожденіи его ноги перекидываются съ одного мѣста на другое, точно плети, и далеко

закидываются впередъ; такая походка на спеціальномъ языкѣ называется «пѣтушиною». Пораженныя конечности довольно хорошо сохранили чувствительность на всемъ своемъ протяженіи. Больной можетъ твердо стоять на ногахъ, даже и при закрытыхъ глазахъ. Затѣмъ — больной чувствуетъ постоянную боль въ крестцѣ и поясницѣ, а вокругъ туловища—ощущеніе какъ бы отъ стягиванія поясомъ. Болѣзнь развивалась постепенно. Хотя я и не имѣлъ возможности примѣнить въ данномъ случаѣ различныхъ тонкостей діагностики, напр. электрическаго изслѣдованія, но все же не колебался, на основаніи данныхъ признаковъ, опредѣлить болѣзнь какъ пораженіе переднихъ столбовъ спиннаго мозга. Очевидно, что предсказаніе для больнаго было весьма неблагопріятно (по Опольцеру бываютъ случаи излеченія, хотя и очень рѣдко).

Этого больнаго привелъ другой еврей, по фамиліи Якубовъ, хорошо говорящій по русски. По его словамъ—онъ каждый годъ ѣздитъ по коммерческимъ дѣламъ въ Москву и на Нижегородскую ярмарку, а его старшій братъ постоянно живетъ въ Москвѣ; вообще это—довольно приличный и дѣльный еврей. Я объяснилъ ему всю безуспѣшность мѣстнаго лѣченія больнаго и объяснилъ, что онъ нуждается въ клиническомъ лѣченіи. Якубовъ на это отвѣтилъ, что если нужно поѣхать въ Россію для излѣченія болѣзни, то больной можетъ это сдѣлать, такъ какъ вполнѣ располагаетъ нужными для этой поѣздки средствами. Тогда я указалъ ему на Казанскую и Московскую клиники. Незнаю исполнилъ ли больной мой совѣтъ, такъ какъ больше я его не видалъ.

№ 2. Haemiplegia sinistra. Больной—старикъ 69 лѣтъ, еще довольно крѣпкій и бодрый на видъ. Безъ посторонней помощи онъ совсѣмъ не можетъ ходить; лѣвой рукой не можетъ ничего дѣлать, но двигать пальцами можетъ; ногою—тоже. Судя по наружному виду—конечности совершенно нормальны, если не принять во вниманіе небольшой атрофіи ихъ; чувствительность ихъ находится въ удовлетворительномъ состояніи. Перекошенія лица, а также и искаженія выраженія его—нѣтъ; язычекъ виситъ почти вертикально. Болѣзнь продолжается уже 10 мѣсяцевъ и началась ударомъ; тогда больной въ теченіи двухъ дней находился въ безсознательномъ состояніи.—Ему

мною назначенъ былъ іодистый калій и массажъ конечностей. Іодистый калій я выдалъ ему изъ своей аптеки—конечно, безплатно.

Затѣмъ я упомяну о нѣкоторыхъ другихъ болѣе или менѣе выдающихся случаяхъ болѣзней. Были: общій сифилисъ съ слизистыми папулами во рту; случай ришты (filaria medinensis), различныя накожныя сыпи, аневризма arteriae femoralis и проч.

Больнаго еврея я видѣлъ 4 марта, а на слѣдующій день Якубовъ опять пришелъ ко мнѣ и привелъ съ собой больнаго, про котораго говорилъ, что у него чахотка.—Въ это время я уже совсѣмъ собрался, чтобы ѣхать осмотрѣть здѣшній базаръ, а также и посѣтить могилу здѣшняго знаменитаго святаго Бага-эдъ-дина. Поэтому я попросилъ Якубова зайти ко мнѣ на слѣдующій день утромъ.

Меня очень интересовало состояніе здѣшняго торговаго рынка; поэтому я попросилъ Якубова составить для меня списокъ товарамъ, обращающимся на здѣшнихъ базарахъ, и обозначить ихъ цѣнность. Мнѣ хотѣлось знать сравнительное распространеніе здѣсь русской, англійской и французской мануфактуры. Якубовъ обѣщалъ мнѣ доставить такой списокъ, заявивъ, что вообще здѣсь русскіе товары идутъ хорошо, да и качествомъ они превосходятъ западно-европейскіе. Самою дешевою и плохою мануфактурой здѣсь будто бы считается англійская. Шелковые товары здѣсь лучшіе—французскіе. Это подтвердилъ и мой караулъ-беги.

Съ тѣхъ поръ прошелъ день, а Якубовъ ко мнѣ не являлся; вотъ уже 10 часовъ 6 марта, а его нѣтъ и нѣтъ. Боюсь, что не придетъ совсѣмъ. Вѣроятно онъ подумалъ, что я собираю эти свѣдѣнія для ташкентскихъ купцовъ; очень можетъ быть, что онъ боится конкуренціи.

Между тѣмъ я получилъ свѣжія новости изъ Авганистана; новости эти почерпнуты мною изъ письма, полученнаго здѣшними авганскими купцами изъ Мазари-Шерифа. Въ немъ между прочимъ сообщалось слѣдующее. Бѣжавшіе изъ Мазари-Шерифа Сердарь Маметъ-Ибрагимъ-ханъ, сынъ эмира Ширъ-Али-хана, и Сердарь Ахмедъ-Али-ханъ, его внукъ,—въ Бамьянѣ получили отъ Якубъ-хана, изъ Кабула, письмо. Въ этомъ письмѣ Якубъ-ханъ укорялъ ихъ за то, что они выѣхали изъ Мазари-Шерифа и притомъ въ такое критическое время, когда имъ слѣдовало бы остаться тамъ и взять управленіе

страною въ свои руки, а не оставлять власть въ рукахъ малолѣтняго сына его, Маметъ-Иса-хана. Поэтому онъ просилъ бѣглецовъ вернуться назадъ и при помощи своихъ «приверженныхъ и честныхъ людей» управлять краемъ. Маметъ-Ибрагимъ-ханъ и Ахмедъ-Али-ханъ послушались совѣта Якубъ-хана. Пріѣхавъ въ Мазари-Шерифъ, они стали отъ имени Якубъ-хана и сына его Маметъ-Иса-хана управлять дѣлами. По прибытіи въ Мазари-Шерифъ, первымъ ихъ дѣломъ было будто бы убіеніе бывшаго Лойнаба, а также и Сердаря Феизъ-Магометъ-хана. Затѣмъ въ Мазари-Шерифѣ все успокоилось.—Въ томъ же письмѣ сообщалось, что одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ въ Авганистанѣ, Исмитулла-ханъ, сынъ Азисъ-хана, бѣжавшій незадолго до смерти эмира въ Кохистанъ, получилъ приглашеніе Якубъ-хана возвратиться въ Кабулъ и служить ему, какъ служилъ прежде его отцу. Одинъ наиболѣе уважаемый авганскій святой съ своей стороны тоже убѣждалъ Исмитулла-хана возвратиться въ Кабулъ и послужить родинѣ противъ общаго врага, англичанъ. Исмитулла-ханъ согласился и его пріѣздъ со дня на день ожидается въ Кабулѣ. Какой-то духовный, по имени Сагибъ-заде, собралъ въ Курумѣ авганское ополченіе, напалъ на англичанъ при Хуши, разбилъ ихъ и взялъ у нихъ 9 орудій. Съ прибытіемъ Исмитулла-хана, Якубъ-ханъ думалъ возобновить военныя дѣйствія противъ англичанъ.

Теперь начну описаніе города Бухары.

4-го марта я и Замаанъ-бекъ, сопровождаемые конвоемъ изъ 6 казаковъ, караулъ-бегомъ и многочисленной свитой изъ бухарцевъ, отправились осматривать достопримѣчательности города. Сначала мы проѣхали частью базара. Улицы его такъ узки, что по нимъ больше двухъ всадниковъ въ рядъ ѣхать не могутъ. Иногда попавшаяся на пути арба совершенно преграждала дорогу, такъ что намъ надо было сворачивать въ сосѣднюю улицу. Товары, разложенные на прилавкахъ, развѣшанные на шнурахъ, грудами лежавшіе на полкахъ— такъ и рябили въ глазахъ. Излишне было бы перечислять отдѣльные сорта товаровъ. Скажу только, что тутъ было все, что производитъ Средняя Азія и что привозится сюда изъ другихъ странъ; русскіе и западно-европейскіе товары лежали рядомъ съ туземными. Вотъ мы проѣхали ряды съ такъ называемымъ «краснымъ товаромъ». Подъ каменными сводами, увѣнчанными довольно широкимъ куполомъ,

которые устроены обыкновенно на мѣстѣ соединенія нѣсколькихъ базарныхъ улицъ,—я увидѣлъ мѣнялъ съ грудами серебряной и мѣдной монеты на грубо сколоченныхъ столахъ. Затѣмъ пошли ряды съ разными металлическими вещами, далѣе—гончарныя издѣлія. Мы ѣхали крытыми улицами базара почти до самой городской стѣны.

Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть бухарскихъ дервишей, или, какъ ихъ иногда называютъ,—«календеровъ». Поэтому мы выѣхали за городскую стѣну, въ одно изъ предмѣстій, гдѣ находился одинъ «календеръ-хане», т. е. пріютъ дервишей.—Въ нѣсколькихъ десяткахъ саженей отъ стѣны находилась мазанка, не очень грязная, хотя и нельзя сказать чтобы чистая. Кругомъ нея, покрайнѣй мѣрѣ на пространствѣ квадратной версты, были густо разбросаны надгробные камни и склепы. У самой стѣны «календеръ-хане» возвышался шестъ, на которомъ висѣлъ пукъ шерсти и волосъ—знакъ, что здѣсь находится могила какого либо святого.—Знакомый съ типами дервишей по рисункамъ и описаніямъ знаменитаго художника В. Верещагина, я ожидалъ увидѣть здѣсь дѣйствительно нѣчто оригинальное, хотя нашъ караулъ-беги и предупреждалъ меня, что я здѣсь ничего особеннаго не увижу «кромѣ опійныхъ пьяницъ». Но мнѣ не удалось увидать даже и этого.

Мы вошли въ «мазанку» и застали въ ней всего 2 дервишей, обыкновенныхъ старичковъ, ничѣмъ не отличающихся отъ простыхъ смертныхъ. Остальные дервиши, жившіе въ этомъ «пріютѣ», въ данное время были въ отлучкѣ и, по всей вѣроятности, расхаживали по базару, собирая милостыню. Не удовольствовавшись видѣннымъ мною, я зашелъ за стѣнку, отдѣлявшую этотъ домъ отъ сосѣдняго. Тамъ я увидалъ сидящаго подъ деревомъ старика, грѣвшагося на солнцѣ и что-то жевавшаго. Я подошелъ къ нему поближе. Передо мной находилась испитая фигура человѣка, съ блѣдно-желтымъ цвѣтомъ лица, съ ввалившимися въ орбитахъ глазами, съ потухшимъ, какъ бы матово-стеклояннымъ, неподвижнымъ взоромъ... Я подумалъ, что вотъ—вотъ засталъ, наконецъ, опіофага на мѣстѣ преступленія! Но кусокъ лепешки, который находился въ рукѣ старика и который, очевидно, онъ жевалъ своими беззубыми челюстями—разрушилъ всѣ мои предположенія. Такъ мнѣ и не удалось увидать дервиша во всей его неопрятной обстановкѣ, безъ прикрасъ.—При нашемъ приближеніи

старикъ открылъ полузакрытые глаза и обвелъ насъ мутнымъ взоромъ. Затѣмъ онъ попросилъ у насъ милостыню и началъ еще что-то говорить, но никто изъ насъ, даже и Замаанъ-бекъ, не могъ понять ни слова. Но вотъ подошелъ къ дервишу Нассиръ-ханъ, мой безсмѣнный и безотвѣтный караванъ башъ,—и дѣло разъяснилось. Этотъ несчастный старикъ былъ индіецъ и говорилъ по индійски. Оказалось, что Нассиръ-ханъ знаетъ также и этотъ языкъ. Нельзя было не пожалѣть, что при такихъ лингвистическихъ познаніяхъ онъ не зналъ русскаго языка.—Старикъ-дервишъ произносилъ много безсвязныхъ словъ и вѣроятно бредилъ подъ вліяніемъ незадолго до нашего посѣщенія принятаго опія. Но этому предположенію отчасти противорѣчило то обстоятельство, что онъ довольно ясно жаловался на боль въ ногѣ и просилъ у меня лекарства. Больно было смотрѣть на эту согбенную, когда то высокую и крѣпкую человѣческую фигуру, пришедшую въ скотское состояніе и утратившую «образъ и подобіе божіе». Поэтому я далъ ему нѣсколько «тенегъ» и поскорѣе направился къ выходу изъ этого вертепа убожества—физическаго и моральнаго. Мы сѣли на лошадей и направились, другою дорогою, опять въ городъ.

Сдѣлавъ нѣсколько сотъ шаговъ по внутри-стѣнному городу, мы снова очутились на базарѣ. Теперь пришлось намъ проѣхать центральными его улицами—и что за пестрое и шумное зрѣлище представилось моимъ глазамъ! Типы всѣхъ народностей Средней Азіи виднѣлись тутъ одинъ возлѣ другаго.—Природный бухарецъ, съ тонкими чертами лица и дѣловой купеческой физіономіей торговалъ рядомъ съ мѣнялой—индусомъ, огнепоклонникомъ, который жаднымъ взоромъ посматривалъ даже на свои собственныя деньги. Его продолговатая физіономія съ суровыми, жесткими чертами лица, съ краснымъ значкомъ на лбу и высокимъ шлыкомъ на конусообразной головѣ, выражала что-то дикое, надъ чѣмъ еще не пробудилось моральное сознаніе. Онъ самъ существуетъ для денегъ, а не деньги для него... Широкая, открытая физіономія самаркандца, пріютившагося тутъ же рядомъ съ своимъ шкапчикомъ, наполненнымъ туземными шелковыми тканями, представляетъ рѣзкій контрастъ съ физіономіей тутъ же торгующаго жида,—физіономіей, вытянутой, блѣдно-прозрачной, точно изъ мрамора изваянной, оживленной быстрыми, лукавыми глазами и

оттѣненной завитками длинныхъ пейсовъ. Широкоскулый, плосконосый, съ лицомъ какъ тарелка, съ узкими покосившимися внутрь глазами, обитатель киргизскихъ степей, лѣниво расхаживающій отъ одной лавки къ другой, наталкивается на хищника Туранскихъ пустынь, туркмена, клинообразная физіономія котораго, мягко оттѣненная небольшой, но довольно густой, черной бородой, не выражаетъ ни особенной свирѣпости ни, также, и мягкости. Его небольшіе сѣрые, чаще—каріе глаза, зорко смотрящіе изъ подъ нахлобученной, огромной мерлушковой папахи, говорятъ о коварствѣ. Эти ничего не продаютъ, но они также ничего почти и не покупаютъ. Вотъ передъ вами высокая, широкоплечая фигура авганца. Смуглый цвѣтъ лица, чорные блестящіе глаза, большая окладистая борода и длинные, нестриженные, косматые волоса—сразу выдаютъ его національность. Онъ непремѣнно мѣняла, рѣже—торговецъ индійскими чаями, иногда—продавецъ бирюзы, лапись лазури и т. п. А вотъ и длинная поджарая волосатая фигура персіянина. Высокая мерлушечья шапка, сдвинутая на затылокъ, длинный, слегка горбатый носъ, далеко-далеко выдающійся впередъ, украшающій его подвижную физіономію, красные ногти на пальцахъ, часто—выкрашенная въ огненный цвѣтъ борода...—сразу рекомендуютъ вамъ его. Онъ непремѣнно продавецъ фруктовъ или, рѣже, шелковыхъ матерій. Тутъ же, рядомъ съ нимъ вы видите довольно плотную фигуру средняго роста, обладающую подвижной и выразительной физіономіей. Эта физіономія украшена большими карими, иногда черными, живыми глазами; широкій разрѣзъ вѣкъ дополняетъ образъ пешаверца. Здѣсь же вы видите и казанскаго татарина, и астраханскаго калмыка, изрѣдка—желто-лимоннаго китайца и даже дикаго сына кавказскихъ горъ. Все это населеніе базара или толчется въ узкихъ, полутемныхъ улицахъ или чинно сидитъ за своими прилавками. Здѣшнія лавки скорѣе походятъ на шкафчики нашихъ мелкихъ торговцевъ, чѣмъ на обыкновенные лавки и магазины. Понятно, есть здѣсь и относительно хорошо устроенныя лавки, но ихъ очень мало [1]).

[1]) Въ Бухару ежегодно привозится разныхъ товаровъ изъ Россіи отъ 25—30 тысячъ верблюжихъ вьюковъ; изъ Индіи до 12 тысячъ вьюковъ; изъ Персіи и Хоросана—до 3 тысячъ вьюковъ. Лучшая мануфактура на здѣшнемъ рынкѣ считается французская, затѣмъ—русская, а потомъ уже—англійская.

Долгое время мы разъѣзжали въ полусвѣтѣ базарныхъ крышъ и сводовъ и вдругъ выѣхали на ярко освѣщенное мѣсто. Значитъ здѣсь находится какое либо большое зданіе. Дѣйствительно, мы выѣхали на небольшую площадь и глазамъ нашимъ представилась грандіозная картина. Мы стояли у подножія одного изъ тѣхъ зданій, которыя прославили Бухару и заслужили міровую извѣстность своими изразцовыми украшеніями.

Передъ нами возвышалось зданіе, обладающее весьма внушительными размѣрами. Оно построено изъ жженныхъ кирпичей.

Главный фасадъ зданія украшенъ грандіознымъ, величественно поднимающимся порталомъ, который поднимается на нѣсколько саженей выше стѣнъ зданія. Острыя очертанія его сводовъ, легкость и изящество ихъ завершенія, блестящія украшенія изъ разноцвѣтныхъ изразцовъ—представляютъ дѣйствительно оригинальное, поразительное зрѣлище. Это—знаменитое медрессе Миръ-Араба. Огромное и прекрасное зданіе это много теряетъ отъ того обстоятельства, что находится на очень тѣсной площади. Болѣе обширное мѣсто доставило бы ему возможность ярче высказать свои достоинства, хотя я и не могу удержаться отъ замѣчанія, что окружающіе это зданіе дома бухарскихъ обывателей и постройки базара,—въ большинствѣ случаевъ дрянныя лачуги,—много помогаютъ медрессе Миръ-Аба въ произведеніи вящшаго впечатлѣнія на зрителя: контрастъ слишкомъ силенъ. Конечно, въ какой либо европейской столицѣ это зданіе, вѣроятно, не составило бы выдающагося предмета—даже у насъ, въ Петербургѣ, но не нужно забывать, что мы въ Бухарѣ, и сообразно съ этимъ будемъ смотрѣть на все, попадающееся намъ на глаза, подъ извѣстнымъ, подходящимъ къ обстоятельствамъ, угломъ зрѣнія. Стѣсненное со всѣхъ сторонъ глиняными мазанками это изящное и прекрасное зданіе—прекрасное даже въ его настоящемъ полуразрушенномъ видѣ—кажется какъ бы забытымъ, заброшеннымъ (какъ это и есть на самомъ дѣлѣ),—точно чужой человѣкъ среди враждебной для него толпы, со всѣхъ сторонъ поднявшей на него посягательныя святотатственныя руки...

Передъ входомъ въ медрессе находится возвышенная площадка, выложенная плитами изъ жженыхъ кирпичей. На эту площадку ведетъ широкая лѣстница съ обвалившимися ступенями, за-

валенная хлопкомъ-сырцомъ и разными другими товарами. Мы всходимъ на площадку, подходимъ подъ высокіе своды портала и проходимъ на внутренній дворъ медрессе.

Дворъ представляетъ квадратъ, со всѣхъ сторонъ ограниченный стѣнами зданія, въ которыхъ устроены жилыя комнаты для обучающихся здѣсь студентовъ. Комнаты устроены въ два этажа. Въ нижнемъ этажѣ обыкновенно помѣщаются профессора медрессе—«мадаррисы», а въ верхнемъ—студенты. Стѣны зданія достигаютъ высоты 10 саж., а порталъ и молитвенныя ниши съ арками, устроенныя по всѣмъ четыремъ сторонамъ зданія—до 15 саж. По остаткамъ уцѣлѣвшихъ изразцовъ, которыми выложенъ фасадъ всѣхъ нишъ и арокъ, въ видѣ гирляндъ, букетовъ и разныхъ цвѣтовъ, можно до извѣстной степени судить о бывшемъ великолѣпіи подобныхъ украшеній. Арка надъ нишами и своды ихъ тоже облицованы великолѣпными разноцвѣтными изразцами, сохранившими до сихъ поръ изумительную свѣжесть красокъ; цвѣты, образованные сложной и очень тонкой изразцовой мозаикой, смотрятъ живыми. По аркамъ, надъ нишами выложены изразцами же стихи изъ корана, арабскими буквами. Тѣмъ тяжелѣе было созерцать этотъ величественный памятникъ славнаго прошлаго Бухары, что ни одна арка, ни одна ниша не сохранила вполнѣ своего цвѣтоваго, убора. Оголенныя отъ изразцовъ мѣста, точно страшныя раны зіяютъ на блестящей, всѣми цвѣтами радуги сіяющей, изразцовой облицовкѣ. Кое гдѣ эти раны теперешній измельчавшій бухарскій людъ вздумалъ залечить при помощи грубой замазки алебастромъ и глиной! Но подобныя заплаты вызываютъ въ зрителѣ еще болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ самыя раны, оголенныя отъ изразцовъ мѣста. Я неоднократно спрашивалъ свѣдущихъ бухарцевъ, почему они не вставятъ новыхъ изразцевъ на мѣсто выпавшихъ—и получилъ отвѣтъ что т е п е р ь н е у м ѣ ю т ъ д ѣ л а т ь т а к и х ъ и з р а з ц е в ъ. Нужно замѣтить, что это медрессе построено 357 лѣтъ тому назадъ.—Я хотѣлъ было взойти наверхъ, на кровлю зданія, которая въ Бухарѣ, какъ и вообще въ средней Азіи, дѣлается въ видѣ террассы и служитъ для жителей мѣстомъ прогулки и отдыха отъ ихъ трудовъ,—но получилъ отказъ. Отказъ былъ мотивированъ тѣмъ, что окружающая медрессе мѣстность застроена домами, въ которыхъ живутъ семейные люди и притомъ духовенство, а съ крыши медрессе можно

видѣть все, что дѣлается на дворахъ и даже въ комнатахъ сосѣднихъ домовъ... Въ это время я замѣтилъ двухъ-трехъ студентовъ, лежавшихъ на крышѣ зданія и, свѣся черезъ низкій парапетъ свои головы, глазѣвшихъ на насъ. Я не преминулъ обратить на это вниманіе почтеннаго бородатаго старичка, ректора этого мусульманскаго «университета», и замѣтилъ, что вѣроятно только намъ, «кафирамъ», нельзя быть на крышѣ, а «правовѣрнымъ» студентамъ—можно; но словоохотливый ректоръ сказалъ въ отвѣтъ на мое замѣчаніе какую-то шутку, прикрикнулъ на студентовъ, отчего свѣсившіяся головы моментально скрылись за парапетомъ,—и предложилъ мнѣ осмотрѣть кельи студентовъ и профессоровъ, но я отказался отъ этой чести, такъ какъ передъ тѣмъ только что подробно осмотрѣлъ медрессе муллы Махметъ-Шерифа, которое я и опишу вслѣдъ за этимъ.—Поскорбѣвъ о запустѣніи и разрушеніи этого не особенно древняго храма науки и бросивъ послѣдній взглядъ на его смѣло висящіе въ воздухѣ лазурные купола, увѣнчанные огромными гнѣздами аистовъ,—я тою же дорогою вышелъ на площадь.

Рядомъ съ этимъ медрессе находится колоссальный минаретъ, возвышающійся по крайней мѣрѣ на 25 саженей отъ земли. Съ него вѣроятно открывается великолѣпный видъ на городъ. Мнѣ очень хотѣлось взойти на него, но дверь, ведущая на минаретъ, оказалась запертою, а хранитель ключей куда-то отлучился. Я могъ догадываться, что дверь не заперта и хранитель ключей, если онъ существуетъ, совсѣмъ никуда не уходилъ, но вышеупомянутая причина, т. е. опасеніе, что каффиръ съ высоты минарета броситъ неосторожный взглядъ во «святая святыхъ» мусульманина, его гаремъ,—заперла дверь, а сторожа объявила безъ вѣсти пропавшимъ. Мирахуръ вчера во время урока, даннаго ему мною по части фармаціи, въ частности—приготовленія растворовъ разныхъ врачебныхъ веществъ (читатель вѣроятноне забылъ, что мирахуръ самъ врачъ, хотя и туземный) подтвердилъ мою догадку, сказавъ, что даже муэззинъ (азанчи) только по пятницамъ восходитъ на этотъ минаретъ для призыва правовѣрныхъ на молитву и тогда женщины въ окрестныхъ домахъ прячутся и непоказываются на своихъ дворахъ.—Дѣлать было нечего, надо было покориться своей участи и отказаться отъ заманчиваго восхожденія туда, гдѣ бываетъ только одинъ.

Зато въ этотъ же день, я любовался видомъ на городъ съ кровли медрессе муллы Махметъ-Шерифа, къ описанію котораго я и перехожу. Я видѣлъ это медрессе прежде чѣмъ медрессе Миръ-Араба и оно произвело тогда на меня сильное впечатлѣніе; но послѣ осмотра послѣдняго зданія это впечатлѣніе совершенно стушевалось.

Медрессе муллы Махметъ-Шерифа построено всего 80 лѣтъ тому назадъ, однимъ богатымъ купцомъ, во время правленія дѣда настоящаго эмира, Миръ-Гайдеръ-хана, прозваннаго за свою преданность религіи Сеидомъ (т. е. чистымъ). Оно представляетъ какъ бы модель предыдущаго зданія, но лишено куполовъ. Меня здѣсь особенно поразила мозаиковая кладка сводовъ портала. Своды, мавританскаго стиля, выложены изъ небольшихъ разноцвѣтныхъ изразцовъ. Оригинальность картины просто не поддается описанію. Хороша также рама портала, вся облицованная очень мелкими изразцами разныхъ цвѣтовъ.

Когда мы вошли во дворъ этого медрессе, то изъ комнаты, противоположной входной двери, вышелъ низенькій старичекъ и, обратившись къ намъ, началъ что-то говорить—неособенно мягкимъ тономъ, какъ мнѣ показалось. Я думалъ, что почтенный профессоръ,—какъ это потомъ и оказалось,—не имѣлъ достаточныхъ основаній хвалить насъ, нарушившихъ его уединеніе; я думаю, что онъ просто бранилъ насъ, судя по тону его рѣчи (онъ говорилъ по тюркски, а не по персидски, поэтому я его и не понялъ). Но вдругъ тонъ перемѣнился и оказалось, что будто бы онъ говорилъ намъ привѣтственную рѣчь. Я думаю объяснить такую метаморфозу тѣмъ, что сначала онъ вѣроятно не замѣтилъ сопровождавшаго насъ караулъ-бега и потому не хотѣлъ особенно стѣсняться съ нами, но потомъ перемѣна тона и была обусловлена тѣмъ обстоятельствомъ, что его хотя и старческіе, но еще зоркіе глаза отыскали въ сопровождавшей меня толпѣ нашего оффиціальнаго патрона, караулъ-бега. Какъ бы то ни было, но когда я изъявилъ желаніе осмотрѣть зданіе, то онъ любезно предложилъ войти въ его келью и, откинувъ тростниковую портьеру, закрывавшую входъ въ его жилище, предупредительно пропустилъ насъ впередъ.

Это была маленькая комнатка, полъ которой былъ устланъ коврами, а стѣны, чисто оштукатуренныя, по карнизамъ были расписаны цвѣтами. Видно было, что она хорошо, опрятно содержалась.

Посреди комнаты, подъ ватнымъ одѣяломъ находился «мангалъ», а кругомъ него въ живописномъ безпорядкѣ лежали старыя, черныя, въ кожанныхъ переплетахъ, книги. Свѣтъ падалъ въ комнату сверху, изъ окна, огражденнаго каменной рѣшеткой. Вообще это былъ довольно уютный кабинетъ мусульманскаго профессора. О мебели въ комнатѣ конечно не могло быть и рѣчи: для азіатцевъ она не нужна.— Налѣво отъ входа, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двери, сидѣлъ на корточкахъ великовозрастный студентъ, склонившись надъ раскрытой книжкой, которая лежала у него на колѣняхъ, на разостланномъ платочкѣ. Эта книга была коранъ. Студентъ, верзила 10 вер. ростомъ, лѣтъ 25, безъ всякой застѣнчивости объяснилъ намъ, что онъ читаетъ подъ руководствомъ профессора коранъ, съ переводомъ его на тюркское нарѣчіе и съ объясненіями. Типъ лица студента, его выговоръ и нѣкоторые другіе едва уловимые признаки заставили меня предположить въ немъ не кореннаго жителя Бухары, а пришельца, и притомъ—казанскаго татарина, либо жителя Оренбургской степи. На мой вопросъ, откуда онъ родомъ,—студентъ заявилъ, что онъ изъ за Ташкента, изъ «Каракузской» губерніи. Когда я сказалъ, что такой губерніи нѣтъ, но, что, можетъ быть, онъ разумѣетъ Каракаралинскій уѣздъ,—то онъ правильно повторилъ это названіе. Затѣмъ въ его рѣчи послышались слова: «Иртиста» (вѣроятно Иртышъ), «корпусный командиръ», «губернія», «дивана», «ярымъ падшахъ» и проч., въ которыхъ Замаанъ-бекъ не усмотрѣлъ никакого смысла. Для меня изъ всего этого, довольно безсвязнаго, разговора выяснилось несомнѣнно одно, что означенный студентъ—дѣйствительно уроженецъ нашихъ киргизскихъ степей; типъ лица его чисто татарскій. Затѣмъ студентъ, ссылаясь на свою бѣдность, попросилъ у насъ подаянія. Этотъ поступокъ непріятно подѣйствовалъ на его учителя, который тутъ же, въ нашемъ присутствіи, сдѣлалъ ему выговоръ. Студентъ замолчалъ, но не смутился отъ выговора, и черезъ нѣсколько минутъ объявилъ намъ, что такъ какъ онъ уже обратился къ намъ съ просьбой, то ему будетъ очень стыдно передъ окружающими, если мы ему ничего не дадимъ. Чтобы избавить этого бѣдняка отъ неловкаго положенія я далъ ему нѣсколько тенегъ; Замаанъ-бекъ—тоже.

Затѣмъ почтенный профессоръ, видимо недовольный своимъ про-

фессорскимъ мѣстомъ, началъ докладывать намъ о своемъ тяжеломъ положеніи и о томъ, что его постоянно преслѣдуетъ Кошъ-беги, что прежде онъ, профессоръ, былъ городскимъ казіемъ (судьею), но по проискамъ Кошъ-беги лишился этого мѣста. Поэтому онъ просилъ нашего ходатайства передъ казы-келяномъ (верховный судья) и эмиромъ. Караулъ бегъ для памяти записалъ имя этого ученаго.—Послѣ этого я осмотрѣлъ комнаты студентовъ. Это—крохотныя каморки, никакъ не болѣе 1 квадратной сажени, а пожалуй еще и менѣе. Въ каждой такой каморкѣ, лишенной всякой мебели, и даже постели, помѣщается одинъ, а то и двое—трое студентовъ, обыкновенно бѣдняковъ, пришедшихъ сюда, въ Бухару, «куполъ ислама», со всѣхъ концовъ мусульманскаго міра. Комнатки расположены зря, безъ всякой симметріи. Иногда нѣсколько комнатъ выходятъ дверями въ одинъ общій корридоръ, а иногда длинный, извилистый, то поднимающійся чуть не подъ самую крышу зданія, то опускающійся въ нижній этажъ, ходъ приводитъ васъ въ одну единственную комнату. Такія слишкомъ уединенныя комнаты даются обыкновенно тѣмъ изъ студентовъ, которые выкажутъ особенную наклонность къ созерцательному образу жизни. Нѣкоторыя комнатки выходятъ окнами на улицу, но большая часть выходитъ на дворъ.

Студенты, желающіе обучаться въ медрессе, избираютъ, такъ сказать, факультетъ, на которомъ они желаютъ заниматься. Конечно факультетъ—слишкомъ громкое названіе для отдѣленій наукъ, проходимыхъ въ туземныхъ «университетахъ», и если я употребилъ это слово, то для большей, такъ сказать, наглядности и чтобы быть болѣе понятнымъ для читателя, незнакомаго съ Средней Азіей. Студенты [1]) обучаются въ медрессе безплатно, поступаютъ туда послѣ соотвѣтствующихъ испытаній со стороны мударрисовъ и слушаютъ въ немъ лекціи сколько угодно лѣтъ. Поступивъ въ медрессе (безъ всякихъ документовъ о личности) и занявъ въ немъ келью, студентъ получаетъ и нѣкоторое содержаніе отъ медрессе. Дѣло въ томъ, что постройка медрессе не дозволяется туземными властями безъ того, чтобы основатель не положилъ на содержаніе его, профессоровъ и

[1]) Туземное названіе ихъ: «талибъ-уль-ильмъ», что въ переводѣ значитъ—жаждущій знаній, или «шагирдъ»—ученикъ.

положенныхъ по штату студентовъ, извѣстнаго капитала. Капиталъ этотъ заключается обыкновенно въ земляхъ, арендная плата съ которыхъ и употребляется на медрессе. Эти земли называются «вакуфами».—Такимъ образомъ и профессоръ, и его ученикъ, поступая въ медрессе, пользуются обезпеченнымъ положеніемъ. Нѣкоторыя, очень богатыя медрессе даютъ своимъ профессорамъ довольно приличное содержаніе, но въ бѣдныхъ медрессе наставникамъ, равно какъ и ученикамъ, приходится довольно плохо. Ректоръ медрессе, выражаясь примѣнительно къ нашему порядку вещей, въ учебно-воспитательное дѣло заведенія совсѣмъ не вмѣшивается; на его обязанности лежитъ главнымъ образомъ матеріальная сторона веденія дѣла: онъ завѣдуетъ сборомъ арендныхъ денегъ, раздачей жалованья профессорамъ и стипендій—студентамъ. Это скорѣе—смотритель, казначей заведенія, чѣмъ ректоръ,—каковое понятіе впрочемъ болѣе всего и приличествуетъ его туземному названію: «мутеваллій». Въ богатыя медрессе «мутевали» назначаются ханами и эмирами; обыкновенно они приходятся родственниками основателю медрессе.

Выше я упомянулъ, что студентъ при поступленіи въ медрессе, выбираетъ то отдѣленіе наукъ, которое онъ желаетъ слушать. Такихъ отдѣленій три и они не составляютъ три равноправныхъ и равномѣрно-ученыхъ корпорацій; это скорѣе—три отдѣленія одного и того же факультета, именно богословскаго: нисшее, среднее и высшее. Но студентъ можетъ, судя по степени своей подготовки, выбрать то или другое отдѣленіе, а не проходить всѣ три подъ рядъ. Есть студенты, которые по многу лѣтъ, лѣтъ по 20—40, сидятъ въ медрессе—и всетаки не могутъ пройти всѣ три отдѣленія мусульманской премудрости. Есть конечно и такіе, которые одолѣваютъ полный курсъ, но большинство довольствуется нисшимъ отдѣленіемъ, *риторикой* и *грамматикой*. Въ среднемъ отдѣленіи проходятъ *философію*, *діалектику* и *метафизику*. Въ высшемъ отдѣленіи изучаютъ *богословіе*, законы духовные и гражданскіе, т. е. шаріатъ.

О способахъ преподаванія въ медрессе много говорить нечего: все оно проникнуто средневѣковой схоластикой, приправленной соусомъ изъ мусульманскаго фатализма. Здѣсь преподаются не науки, въ настоящемъ значеніи этого слова, а догматическая ерунда, пересыпан-

ная баснями, сказками и, часто, даже безсмыслицами. О существованіи точныхъ наукъ здѣсь и не подозрѣваютъ, но вѣрятъ въ звѣздочетство и еще до сихъ поръ отыскиваютъ «философскій камень».

Студенты въ изученіи наукъ пользуются совершенной свободой. Они слушаютъ какого угодно профессора, занимаются въ медрессе сколько угодно времени: нѣсколько дней или нѣсколько лѣтъ. Изученіе наукъ ведется обыкновенно вездѣ по одинаковому шаблону: «шагирдъ» заучиваетъ книгу по частямъ наизустъ, а профессоръ объясняетъ непонятныя для его питомца мѣста. Иногда бываетъ такъ, что способный ученикъ занимаетъ мѣсто своего учителя. Но обыкновенно учителя находятся въ медрессе до смерти; иногда они переходятъ изъ одного медрессе въ другое; иногда они, въ тоже время, исполняютъ и обязанности городскаго казія.

Осмотрѣвъ зданіе, я поднялся по очень извилистой лѣстницѣ на кровлю. Оттуда я могъ однимъ взглядомъ обнять весь громадный городъ, разстилавшійся у нашихъ ногъ. Онъ былъ весь передъ нами, точно на ладони. Кругомъ, на огромномъ пространствѣ виднѣлись сплошныя массы крышъ. Въ разныхъ мѣстахъ высоко поднимались изъ этой сплошной массы жилищъ грандіозныя мечети и медрессе, сверкая на солнцѣ своими глазурованными, выложенными изразцами, яйцеобразными куполами. Въ верстѣ отъ насъ, а то и больше, къ сѣверовостоку виднѣлись купола медрессе Миръ-Араба. Это зданіе не имѣло себѣ соперниковъ. Напротивъ него виднѣлась мечеть-и-келянъ (великая мечеть) а между тѣмъ и другимъ зданіемъ высоко поднималъ свою вершину, въ формѣ чалмы, великанъ-минаретъ. Почти въ центрѣ города возвышалась темная масса дворца эмира. На западъ отъ насъ стѣна опоясывала городъ и подходила съ этой стороны довольно близко. За нею, къ сѣверо-западу, огнемъ горѣли на солнцѣ свѣтлыя струи Зеравшана. Картина была чудная. Солнце могучими потоками теплыхъ, вѣсеннихъ лучей наполняло городъ, молніей блистая на уцѣлѣвшихъ изразцахъ зданій, и золотя небольшія купы деревьевъ, рѣдко-рѣдко разбросанныя тамъ и сямъ по городу. Въ это время я очень жалѣлъ, что не могъ перенести всю эту картину цѣликомъ на полотно. Но дѣлать было нечего, пришлось удовольствоваться только однимъ созерцаніемъ.

Въ этотъ день я осмотрѣлъ и еще нѣсколько интересныхъ зда-

ній, былъ на знаменитомъ «лябихаурѣ» Диванъ-бега (прудъ, вырытый Диванъ-бегомъ), который я нашелъ, впрочемъ, далеко не такимъ привлекательнымъ, какъ Вамбери. Затѣмъ мы снова проѣхали базаромъ и возвратились домой. Поѣздка наша заняла около 5 часовъ времени. Однако теперь уже 12 часовъ ночи; пора ложиться спать, хотя я и не все еще записалъ, что нужно. А нужно записать слѣдующія извѣстія изъ Авганистана, полученныя Нассиръ-ханомъ отъ мѣстныхъ авганцевъ, его знакомыхъ.—Маметъ Якубъ-ханъ вызвалъ будто бы тѣ войска, которыя квартировали въ Гератѣ, въ Кабулъ; эти войска, во время написанія письма корреспондентомъ купцовъ въ Кабулѣ, находились уже въ Гиришкѣ. Кромѣ того Маметъ Ибрагимъ-ханъ, оставивъ въ Мазари-Шерифѣ Ахмедъ-Али-хана и Маметъ-Иса-хана, самъ почти со всѣми войсками, находившимися въ Тахтапулѣ и Мазари-Шерифѣ, по вызову Якубъ-хана отправился въ Кабулъ. Онъ захватилъ съ собой и два полка, стоявшіе гарнизономъ въ Ташъ-Курганѣ. Въ Кабулѣ будто бы составилось ополченіе изъ женщинъ (?) для войны съ англичанами; число ихъ простирается до 6,000. Якубъ-ханъ рѣшилъ продолжать войну съ англичанами до послѣдней возможности. Всѣ эти свѣденія были сообщены Нассиръ-хану авганскими купцами подъ великимъ секретомъ и то только потому, что онъ «самъ также авганецъ»—говорили купцы.

7-е марта.

Однако я начинаю тяготиться дальнѣйшимъ пребываніемъ въ Бухарѣ. Прямого дѣла для меня здѣсь нѣтъ никакого, а потому сложа руки; такъ, для удовольствія, жить здѣсь мнѣ не совсѣмъ по вкусу. Честь бухарскому эмиру оказана: русскій докторъ къ нему заѣхалъ, погостилъ; эмиръ теперь здоровъ—значитъ пора и вонъ отсюда. Хининомъ я его, на всякій случай, снабдилъ, приготовлять изъ него различные препараты я научилъ мирахура, однимъ словомъ—все дѣло устроено. Поэтому я вчера сообщилъ кому слѣдуетъ, что мнѣ пора откланяться эмиру за его хлѣбъ-соль и гостепріимство и отправиться въ путь. Нужно сказать, что въ другое время я съ большимъ удовольствіемъ воспользовался бы гостепріимствомъ державнаго хозяина и въ теченіи болѣе долгаго времени, но теперь, при данныхъ обстоятельствахъ, я не могу безъ ущерба для своей службы оставаться здѣсь, въ Бухарѣ. Кромѣ того мнѣ нужно спѣшить въ

Ташкентъ и для того, чтобы сдѣлать обстоятельный докладъ главному начальнику Края о событіяхъ, происшедшихъ въ послѣднее время въ Авганскомъ Туркестанѣ.—О моемъ желаніи былъ увѣдомленъ Кошъ-беги. Черезъ нѣсколько времени отъ него получился отвѣтъ, что онъ доложитъ объ этомъ эмиру. Караулъ-бегъ при этомъ замѣтилъ, что вѣроятно Джонаби-Али пожелаетъ оставить насъ еще дня на два на три, такъ какъ 9 марта начинается праздникъ послучаю наступленія весны и, что вѣроятно эмиру угодно будетъ доставить намъ удовольствіе показать разныя здѣшнія увеселенія и ярмарку, устраиваемую спеціально для этого случая.

— Вы ужь на такое задержаніе пожалуйста не будьте въ претензіи,—говорилъ намъ караулъ-бегъ.—Вѣдь и наши посольства, когда бываютъ въ Ташкентѣ, тоже оставляются на русскіе праздники (значитъ невѣсткѣ на отместку?)

Я конечно отвѣчалъ, что намъ будетъ пріятно все это видѣть, но къ сожалѣнію мы должны спѣшить въ Ташкентъ.

— А впрочемъ—какъ будетъ угодно эмиру, отвѣчалъ я.

Вчера я устроилъ въ нашемъ помѣщеніи базаръ. Принесли разныхъ ковровъ, туркменскимъ и хоросанскихъ (персидскихъ), мерлушекъ и мѣстныхъ шелковыхъ матерiей. Ковры очень хороши, особенно туркменскіе,—они хотя и не такъ цвѣтисты, какъ хоросанскіе, но за то чрезвычайно прочны и по ткани, и по краскамъ. Нѣкоторые изъ нихъ выглядѣли настоящими бархатными, хотя это была только верблюжья шерсть. Хоросанскіе ковры здѣсь не въ ходу, и вообще теперь не пользуются былой репутаціей. Здѣсь говорятъ, что они обладаютъ такими же качествами, какъ и англійская мануфактура—скоро линяютъ. Тѣмъ не менѣе цѣны на нихъ очень почтенныя. Такъ за одинъ коверъ, длиною въ 5 арш. и 5 вершк., шириной въ 3 арш. и 9 вершковъ продавцы просили 400 тенегъ, а это по здѣшнему курсу составило болѣе 100 р. на кредитные бил. Нужно замѣтить, что это былъ лучшій экземпляръ изъ всѣхъ, находившихся на лицо, весьма тонкой работы, очень нѣженъ—какъ по качеству шерсти такъ и по подбору рисунка и красокъ. Но сами же продавцы говорили, что нѣкоторыя краски «сбѣгутъ», выцвѣтутъ, особенно свѣтло-голубыя. За туркменскій коверъ 6 арш., длины и 2½ шир., просили 190 тенегъ, т. е. болѣе 50 р., кредиты.—Выборъ каракульскихъ мер-

лушекъ былъ очень ограниченъ и онѣ были всѣ довольно низкаго качества. Караулъ-бегъ говорилъ по этому поводу, что теперь не время для покупки этихъ шкурокъ, такъ какъ свѣжихъ въ это время не бываетъ, а есть только остатки отъ прошлаго года. Тѣмъ не менѣе цѣна на нихъ была весьма приличная: за одну шкурку мелкой мерлушки сѣраго цвѣта просили 30 тенегъ, т. е. около 9 р. по курсу. При этомъ считаю умѣстнымъ обратить вниманіе на курсъ нашего кредитнаго рубля; онъ здѣсь далеко не въ блестящемъ положеніи: за сто рублей бухарскимъ серебромъ даютъ 145 р. и даже 150 р. кредитн. т. е. рубль считается только въ 67—69 коп. Но вѣроятно онъ бываетъ и еще ниже. Такъ напр. будучи въ Гузарѣ, я слышалъ отъ извѣстнаго уже читателю жида (смотр. 1-й т. 3 ч.), что тамъ за 100 кредитн. рублей давали только 50 р. серебряными теньгами, т. е. кредитный рубль цѣнился только въ 50 коп. серебромъ. Надѣясь заполучить отъ еврея Якубова вѣдомость о состояніи здѣшняго рынка, я разсчитывалъ заручиться отъ него и свѣдѣніями о состояніи нашего курса на бухарской биржѣ. Но я напрасно прождалъ его весь вчерашній день: онъ не явился. Сегодня я распорядился послать моего на все способнаго караванъ баши, Нассиръ-хана, на базаръ собрать нужныя мнѣ по этому вопросу данныя. Если бы онъ успѣлъ также и въ этомъ, такъ сказать, биржевомъ вопросѣ, какъ онъ успѣвалъ до сихъ поръ въ авганскомъ вопросѣ, то я сложилъ бы съ него штрафъ и забылъ бы его бывшія неисправности въ «лошадиномъ» вопросѣ.

Затѣмъ буду продолжать разсказъ о своихъ поѣздкахъ по городу.

Проѣзжая базаромъ, 4 марта, послѣ осмотра различныхъ зданій, мы повстрѣчали нѣсколькихъ дервишей. Они всѣ стояли кружкомъ подъ сводами одного изъ перекрестковъ базара и горланили какую-то дикую мелодію. Какой-то замогильный тонъ пѣнія преобладалъ надъ всѣми; это было воплощенное и исполненное звуками отчаяніе и отреченіе отъ всего земнаго и живаго; суровымъ фанатизмомъ такъ и вѣяло отъ каждаго выкрика и каждой модуляціи. Одинъ изъ нихъ особенно привлекъ мое вниманіе своимъ страннымъ одѣяніемъ. Я въ свою очередь обратилъ на себя его вниманіе. Это былъ высокій сухопарый парень, еще не очень пожилой, съ дикимъ, какъ бы застыв-

шимъ, выраженіемъ лица. Высокій шлыкъ, покрывавшій его голову, окрашенный въ какой-то невозможный пестрый цвѣтъ, еще болѣе оттѣнялъ эту физіономію идіота. Разодранное рубище, которому нельзя было дать никакого названія, покрывало его грязное, бронзоваго цвѣта тѣло. Но я не замѣтилъ у него ни классической чашечки, висящей на ремнѣ, ни папахи, ни палки,—какъ рисуетъ ихъ Верещагинъ. Большая часть дервишей, которыхъ я встрѣчалъ на базарѣ, ничѣмъ не отличались отъ нашихъ побродягъ—нищихъ и ничего не имѣли оригинальнаго. Почти всѣ они толпились въ съѣстномъ ряду, поближе къ горячимъ лепешкамъ и вареному плову.

На базарѣ я встрѣтилъ нѣсколькихъ татаръ, традиціонно торгующихъ и здѣсь мыломъ. На ходу я спросилъ ихъ, не изъ Казани ли они?—и получилъ утвердительный отвѣтъ.

По возвращеніи домой, мнѣ захотѣлось отдохнуть отъ того шума и гама, отъ той суеты и пыли, которые царили на базарѣ, хотѣлось подышать чистымъ, свѣжимъ воздухомъ. Поэтому я вошелъ въ садъ, примыкавшій къ нашему помѣщенію и занимавшій нѣсколько десятинъ пространства. Къ западу онъ доходилъ до самой городской стѣны. Здѣсь я дѣйствительно нашелъ чѣмъ подышать. Садъ былъ засаженъ плодовыми деревьями, которые теперь всѣ были въ полномъ цвѣту. Абрикосы, персики, алуча, бухарская слива, черешня—цвѣли въ запуски, точно стараясь перещеголять другъ друга своею новой, цвѣтовой одеждой. Солнце обильно поливало ихъ горячими, золотыми лучами; они согрѣвали воздухъ, ласкали былинки цвѣтовъ и накаляли проходящую позади сада городскую стѣну. На ясномъ, темнолазурномъ небѣ не было не одного облачка.

Въ саду меня встрѣтилъ чаръ-башъ, садовникъ—старикъ лѣтъ подъ 70. Онъ поднесъ мнѣ какую-то траву, которую сейчасъ же началъ расхваливать, говоря, что самъ Кошъ-беги постоянно изволитъ кушать ее за обѣдомъ. Я отвѣдалъ ее и нашелъ, что это былъ п а р е й. Здѣсь онъ разводится въ огородахъ и садахъ, какъ овощь. Я съ удовольствіемъ поѣлъ этой первой «зелени» наступающей весны. Начиная съ этого дня старикъ чааръ-башъ ежедневно приносилъ къ нашему столу нѣсколько пучковъ этого овоща.

Вечеромъ этого дня насъ снова потѣшали плясуны, музыканты и пѣвцы. Что касается пѣвцовъ, то они на этотъ разъ оказались до-

вольно сносными. Между ними былъ одинъ теноръ, обладавшій невѣроятно высокимъ діапазономъ, иногда переходившимъ въ альтовый тембръ. Это былъ молодой мужчина, лѣтъ 23—25, коренной бухарецъ. Изъ мальчиковъ пѣвцовъ замѣтно выдѣлялся одинъ звучный, чистый, хотя и не очень высокій альтъ. Пѣніе состояло изъ пьесъ сольныхъ и хоровыхъ, а также и антифонныхъ, т. е. въ одной и той же пьесѣ соло и хоръ смѣняли другъ друга по очередно. Своебразность мотивовъ и мелодій исполненныхъ пѣвцами пьесъ—словами передать нѣтъ возможности; нужно каждый мотивъ положить на ноты, тогда только можно опредѣлить его характеръ. Но я сомнѣваюсь, чтобы нѣкоторыя мелодіи можно было изобразить нотами. Особенную трудность для этого представятъ горловые, дрожащіе звуки; мнѣ кажется, что имъ нельзя подобрать никакого мѣста на нотной скалѣ. Игра «каманчиста» и теперь была также превосходна, какъ и прежде. На этотъ разъ были еще «нейчи»—флейтисты, игравшіе на флейточкахъ домашняго издѣлія. Такія флейточки, объемомъ не болѣе двухъ октавъ, приготовляются въ Бухарѣ; тоны ихъ подобраны такъ плохо, что они производятъ сильную какофонію, когда берутъ въ унисонъ. Тутъ были конечно и бубны разныхъ тоновъ, съ погремушками и безъ нихъ. Хотѣли было трубачи пустить въ дѣло громадныя мѣдныя трубы (корнай), но я отказался слушать ихъ пронзительные, дикіе звуки.

На этотъ разъ «томаша» происходила въ саду, на каменной террасѣ, устланной коврами, въ сосѣдствѣ съ цвѣтущими, благоухающими деревьями, подъ покровомъ яснаго темно-синяго, вечерняго неба... Такая обстановка много скрашивала этотъ, все же довольно грубый, концертъ. Въ этотъ вечеръ плясали только два самыхъ красивыхъ, искусныхъ и ловкихъ танцора. Тѣмъ не менѣе, черезъ полчаса времени, проведенные мною въ созерцаніи этого, довольно уже наскучившаго намъ зрѣлища, у меня поднялась мучительная зѣвота и стало сильно клонить ко сну.

5-го марта я посѣтилъ Мазари-Шерифъ, величайшую бухарскую святыню. Бухарцы утверждаютъ, что послѣ Мекки и Медины это мѣсто почитается всѣмъ мусульманскимъ міромъ болѣе чѣмъ какое либо другое. Троекратное паломничество сюда считается равносильнымъ путешествію къ «каабѣ» т. е. къ гробу пророка (Магомета).

Эмиры бухарскіе непремѣнно разъ въ годъ отправляются сюда на богомолье. Въ прежнее время «благочестивые» эмиры проходили все разстояніе отъ Бухары до этого мѣста (около 10 верстъ) пѣшкомъ. Нынѣшній эмиръ пользуется для этого осломъ.—Мазари-Шерифъ есть ничто иное, какъ гробница знаменитаго мѣстнаго святаго, ходжи Бага-эдъ-дина. Онъ жилъ въ 14 столѣтіи и померъ въ 1388 г. Онъ то и положилъ основаніе среднеазіатскому ордену мусульманскихъ монаховъ, «дервишей». Этотъ орденъ называется «накшбенди». Имя этого святого извѣстно во всей Средней Азіи и пользуется величайшимъ уваженіемъ, а послѣдователи его находятся чуть ли не во всякомъ азіатскомъ городѣ, населенномъ мусульманами.

Я опасался, что мнѣ, какъ «невѣрному», не разрѣшатъ посѣтить гробницу этого святаго. Но эмиръ любезно согласился на мою просьбу.

Въ 10 часовъ утра мы сѣли на лошадей и отправились въ путь. Едва мы отъѣхали отъ городской стѣны версты двѣ, какъ начались сыпучіе пески. Тѣмъ не менѣе растительность зеленой коймой обрамляла арыки, которые были теперь безъ воды. Тутовыя деревья буквально какъ колья торчали изъ песчаныхъ бугровъ и волнъ. По лѣвой (восточной) сторонѣ дороги изрѣдка виднѣлись полоски зеленой нивы; это засѣянные озимой пшеницей миніатюрные клочки годной къ обработкѣ земли. По ту и другую сторону тянулись незавидные домики, иногда полузасыпанные пескомъ. Проѣхали мимо двухъ-трехъ плохенькихъ мечетей и медрессе. Видно было, что здѣсь ведется мѣстными жителями отчаянная борьба съ надвигающейся на нихъ пустыней; только тщательное поддержаніе оросительныхъ канавъ и спасаетъ еще эту мѣстность отъ совершеннаго засыпанія пескомъ. Дорога по этой песчаной полосѣ тянулась на протяженіи 4—5 верстъ и затѣмъ почва стала лучше. Теперь появилось и болѣе сплошное строеніе, и болѣе густые сады, а въ арыкахъ замѣчалась вода. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ гробницѣ, тѣмъ болѣе людно становилось на улицахъ. Наконецъ изъ за темной, еще едва зазеленѣвшій, чащи садовъ [1]) выглянулъ куполъ Мазара. Недоѣзжая нѣсколькихъ

---

[1]) Въ Средней Азіи весною сады представляютъ оригинальное зрѣлище: всѣ деревья осыпаны цвѣтомъ, точно снѣгомъ, и ни одного на нихъ зеле-

сотъ шаговъ до гробницы, мы остановились въ одномъ караванъ—сараѣ, гдѣ было уже приготовлено для насъ угощеніе. Напившись здѣсь чаю и отдохнувъ отъ пути, мы отправились осматривать Мазаръ.

Сначала къ гробницѣ пошелъ одинъ Замаанъ-бекъ, въ сопровожденіи нашего караулъ-бега. Время было полуденное, Замаанъ-бекъ хотѣлъ у гроба святаго совершить «намазъ пишинъ» (мусульманская полдневная молитва) и я не хотѣлъ стѣснять его благоговѣйное настроеніе своимъ присутствіемъ. Еще до отъѣзда изъ города Замаанъ-бекъ высказалъ желаніе совершить паломничество въ халатѣ и въ туземномъ головномъ уборѣ. Я постарался отклонить его отъ исполненія такого намѣренія, выставляя на видъ неумѣстность подобнаго маскарада для чиновника Русскаго государства, тѣмъ болѣе, что въ коранѣ, кажется, нѣтъ прямого закона, обязывающаго носить одежду непремѣнно въ формѣ халата. Замаанъ-бекъ согласился на мои доводы, хотя и съ видимой неохотой. Тѣмъ не менѣе, поѣхавъ на богомолье, онъ взялъ съ собой халатъ и я не знаю—надѣвалъ онъ его при входѣ въ Мазаръ или нѣтъ?—Когда онъ возвращался изъ Мазара, то за нимъ слѣдомъ шла цѣлая туча мальчишекъ-побирушекъ, всевозможныхъ возрастовъ; они неистово горланили, выпрашивая себѣ милостыню—и если бы не боялись палки караулъ-бега, то вѣроятно не очень-то стали бы съ нимъ церемонится, несмотря на его «правовѣрность».

Четверть часа спустя и я отправился къ мѣсту успокоенія ходжи Бага-едъ-дина. Рой маленькихъ нищихъ и меня облепилъ со всѣхъ сторонъ—и я чуть не на головахъ ихъ вошелъ въ ограду Мазара. Гробница и мавзолей находятся въ глубинѣ обширнаго двора. Пройдя воротами, находящимися въ ограждающей дворъ стѣнѣ, передъ которыми, въ которыхъ и за которыми сидѣло множество женщинъ, старыхъ и молодыхъ, просящихъ милостыню,—мы пошли по довольно широкому выложенному камнемъ проходу. Съ одной стороны ограничивала нашу дорогу стѣна, а съ другой—низкія зданія, безъ оконъ, сложенныя изъ какого то сѣраго камня. Этимъ проходомъ мы сдѣ-

---

наго листочка! Только когда уже деревья начинаютъ отцвѣтать, то появляются на нихъ и листья.

лали шаговъ 200, послѣ чего достигли портала самаго Мазара. Въ аркѣ портала виситъ лампада, въ родѣ люстры или паникадила. Пройдя эти ворота я очутился на не большомъ квадратномъ дворѣ, гладко выложенномъ тесанымъ камнемъ. Прямо передо мной возвышался небольшой холмъ, сложенный изъ того же дикаго камня. У подножія холма укрѣпленъ шестъ, на которомъ виситъ пукъ волосъ или шерсти; рядомъ съ этимъ на другомъ древкѣ развѣвается зеленое знамя, подъ которымъ сложена большая куча бараньихъ роговъ. Дворикъ этотъ окруженъ съ трехъ сторонъ галлереей, поддерживаемой колоннами. Съ потолка галлереи, богато украшенной очень мелкой мозаикой, спускается нѣсколько паникадилъ, съ зажженными въ нихъ лампадами. Стѣны галлереи очень просто, хотя и чисто, оштукатурены и носятъ лишь слѣды изразцовыхъ украшеній; но за то мозаика на потолкѣ отлично сохранилась; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по мозаикѣ сверкала позолота.—Мавзолей этотъ былъ воздвигнутъ долгое время спустя послѣ смерти святаго, именно во время правленія Бухаріею Абдулъ Азисъ-хана, четвертаго государя изъ династіи Шейбанидовъ, въ 1490 г.

Когда я вошелъ во дворъ, то замѣтилъ передъ самой гробницей кучку колѣнопреклоненныхъ людей; среди нихъ виднѣлись двѣ-три сѣдыя бороды. Судя по ихъ безмолвно созерцательному настроенію, можно было догадаться, что они «творили намазъ», хотя теперь время для полдневной молитвы и прошло. Мнѣ хотѣлось по подробнѣе осмотрѣть памятникъ, но эта кучка людей положительно сковывала мое любопытство. Мысль—что мое присутствіе здѣсь вѣроятно не очень приходится по вкусу для находящихся здѣсь мусульманъ—связывала мой языкъ и заслоняла мои любопытные глаза завѣсой излишней скромности. А тутъ еще одна изъ сѣдыхъ бородъ оглянулась на меня и во взглядѣ ея я прочелъ брезгливое недовольство и безпокойство по поводу присутствія здѣсь, на этой священной почвѣ, «кафира», да еще съ 6 казаками въ хвостѣ, съ ружьями за плечами. Поэтому я молча постоялъ въ теченіи нѣскольких минутъ передъ гробницей, «опустя глаза долу», обвелъ мимолетнымъ взглядомъ окружавшую меня обстановку и направился къ выходу, на лѣво. При выходѣ я не вытерпѣлъ искушенія, остановился и повнимательнѣе осмотрѣлъ мозаичныя украшенія. Затѣмъ, вышедши изъ Мазара, мы прошли

мимо монастыря (ханки), при которомъ находится и медрессе, построенное въ недалекомъ разстояніи отъ гробницы. Это—простое зданіе изъ жженаго кирпича, двухэтажное, какъ и обыкновенно строятся подобныя зданія, безъ какихъ либо изразцовыхъ украшеній—очевидно позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ Мазаръ.

Про хожду Бага-эдъ-дина благочестивые почитатели его разсказываютъ много чудеснаго. Такъ, говорятъ, что онъ обладалъ даромъ пророчества. Какъ и всегда эти разсказы сильно грѣшатъ противъ истины. Приведу для примѣра одинъ разсказъ. Святой ходжа, постоянно живя въ Бухарѣ, зналъ все, что дѣлалось на свѣтѣ. Такъ, когда Османъ взялъ Константинополь, то святой ходжа въ тотъ же день возвѣстилъ объ этомъ бухарскому населенію.—Насколько этотъ разсказъ вѣренъ можно видѣть уже изъ того обстоятельства, что Бага-эдъ-динъ померъ въ 1388 г., а Константинополь былъ завоеванъ турками значительно позднѣе. Но благочестивые почитатели святаго чужды исторической критики и какого либо скептицизма и никогда не повѣрятъ вамъ, если вы дадите себѣ трудъ доказать невѣрность преданія.—Про него говорятъ также, что предвидя какому чествованію со стороны нисходящихъ поколѣній правовѣрныхъ подвергнется его прахъ, онъ разъ навсегда опредѣлилъ норму приношеній, какія могли бы быть жертвуемы его гробу богомольцами. Онъ постановилъ, чтобы приношенія эти не были свыше 7 «тенегъ» отъ одного лица, но и не были меньше этой суммы. Щедрая же рука богомольца не стѣсняется этой нормой—и въ казну святаго попадаетъ всегда больше этой суммы. Мѣстныя муллы оправдываютъ нарушеніе закона святого ходжи тѣмъ, что собственно на гробъ Бага-эдъ-дина идетъ только 7 тенегъ, а излишекъ противъ этой суммы идетъ въ пользу другихъ святыхъ...

Когда я возвратился на нашу стоянку, то было уже два часа пополудни. Къ этому же времени погода совсѣмъ измѣнилась; небо заволокло тучами, а поднявшійся вѣтеръ началъ крутить песчаные вихри. Позавтракавъ, мы отправились обратно въ Бухару.

8-го марта.

Сегодня Нассиръ-хинъ принесъ мнѣ свѣжую новость. Сюда, въ Бухару, нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ изъ Катта-Кургана джигитъ, состоящій въ распоряженіи уѣзднаго начальника В. Онъ

разсказалъ Нассиръ-хану, какъ своему знакомому и сослуживцу, слѣдующее. Около мѣсяца тому назадъ, проживающій въ Самаркандѣ Абдуррахманъ-ханъ послалъ къ эмиру бухарскому своего приближеннаго, Абдулла-джана. Этотъ посланный долженъ былъ попросить у эмира для Абдуррахманъ-хана тѣ 500 авганцевъ-солдатъ, которые находятся у него на службѣ. Но вскорѣ послѣ прибытія Абдулла-джана въ Бухару, эмиръ получилъ письмо самаркандскаго губернатора генерала Иванова. Неизвѣстно, о чемъ писалъ генералъ Ивановъ эмиру, но только послѣ этого, т. е. послѣ полученія письма Иванова, Абдулла-джанъ былъ посаженъ подъ арестъ.—Джигитъ сообщившій эти свѣдѣнія Нассиръ-хану, посланъ былъ своимъ начальствомъ въ Бухару для собиранія разныхъ свѣдѣній, и между прочимъ, узнать о томъ, что сталось съ Абдулла-джаномъ.

До сихъ поръ не получено мной никакихъ извѣстій отъ эмира относительно выѣзда моего изъ Бухары. По этому поводу я серьезно поговорилъ съ караулъ-бегомъ.

— Я не думаю, чтобы эмиръ на сдѣланную ему любезность отвѣтилъ безцѣльнымъ задержаніемъ насъ здѣсь въ Бухарѣ—говорилъ я караулъ-бегу. Между тѣмъ дѣло какъ будто клонится къ тому. Я подозрѣваю, что эмиру не доложили о моемъ желаніи.

На это караулъ-бегъ отвѣтилъ, что онъ докладывалъ о моемъ желаніи Кошъ-беги; а эмиру долженъ доложить самъ Кашъ-беги и что онъ, караулъ-бегъ, не ручается за то, что докладъ сдѣланъ.

— Въ такомъ случаѣ передайте Кошъ-беги—продолжалъ я—что онъ сильно ошибается, если думаетъ, что гостепріимство, оказываемое противъ моего желанія, можетъ мнѣ нравиться.

Послѣ этого я снова отправился осматривать городъ. Снова заѣхалъ я въ знакомое уже и мнѣ, и читателю, медрессе муллы Маметъ-Шерифа. Въ немъ я встрѣтилъ теперь одну только нелюбезность. Когда я хотѣлъ войти въ «храмъ мусульманской науки», то передъ самымъ моимъ носомъ заперли двери. Но начальническій голосъ караулъ-бега, какъ тѣнь слѣдовавшаго вездѣ за мною, заставилъ ихъ снова раскрыться. Старый знакомый мударрисъ, печальный ex-казій, поспѣшилъ передо мною расшаркаться и извиниться за нелюбезный пріемъ, который по его увѣренію, произошелъ «вслѣдствіе выходки одного полоумнаго шагирда».—Я опять взошелъ на крышу медрессе—

и снова могъ любоваться великолѣпной панорамой города. Но на этотъ разъ мой осмотръ долженъ былъ прекратиться очень скоро; на кровляхъ сосѣднихъ домовъ появилось много женщинъ и они съ хохотомъ принялись указывать въ нашу сторону, выдѣлывая при этомъ разные жесты. Мои проводники-мусульмане были сильно скандализованы такимъ эпизодомъ и старались укрыться въ тѣни разныхъ выдающихся предметовъ—за своды портала, за трубы и проч. Даже лежавшіе до сихъ поръ неподвижно на крышѣ и грѣвшіеся на солнцѣ студенты—и тѣ лѣниво поднялись съ своего мѣста, посмотрѣли на точно бѣсновавшихся женщинъ, буркнули себѣ подъ носъ какую-то фразу,—вѣроятно какой либо стихъ Саади, преисполненный мусульманской морали—и медленно стали, одинъ за другимъ, исчезать въ отверстіи входной лѣстницы. Я долженъ былъ послѣдовать ихъ примѣру.—Съ высоты этого зданія можно было судить о размѣрахъ внутри-стѣнной Бухары. Она представляла эллипсъ, съ длинною осью въ 5—6 верстъ, направленной съ сѣверо-востока на юго-западъ; короткая ось эллипса равняется 3—4 верстамъ. Все это пространство густо застроено; растительности внутри стѣнъ почти совсѣмъ нѣтъ. Въ центрѣ города возвышается аркъ, къ востоку отъ него медрессе Миръ-Араба и мечеть-и-келянъ; центръ базара также находится болѣе къ восточной сторонѣ города. Впрочемъ—Бухара есть ничто иное, какъ одинъ огромный базаръ-рынокъ. Если внутри-стѣнная Бухара представлялась лишенною растительности, сплошнымъ моремъ желтовато-сѣроватыхъ крышъ, то застѣнная Бухара представлялась вся утонувшею въ массѣ садовъ.

Сойдя внизъ, я сѣлъ на своего «великана» (такъ окрестили джигиты моего туркменскаго коня, подареннаго эмиромъ) и снова объѣхалъ главныя улицы базара.

Нассиръ-ханъ не доставилъ мнѣ обѣщаннаго его знакомымъ купцемъ отчета объ оборотахъ Бухарскаго рынка. Боюсь, что и этотъ купецъ обманетъ меня также, какъ и еврей Якубовъ.

Сегодня къ намъ приходили авганскіе купцы, продавцы нишабурской бирюзы. Я выбралъ два самыхъ большихъ камня, діаметромъ отъ 3 до 4 линій, и еще 4 меньшихъ, діаметромъ отъ 1 до 1½ линіи. За эти шесть камней купцы просили 300 тенегъ, т. е. по курсу около 87 рублей. Бирюза безъ сомнѣнія была хороша, но и деньги,

которыя за нее просили—тоже были очень хорошія, а потому я и отказалъ себѣ въ удовольствіи имѣть полный запоночный бирюзовый приборъ. Эти купцы, логанійцы, подтвердили тѣ извѣстія изъ Авганистана, которыя собралъ Нассиръ-ханъ.

9-е марта.

Сегодня утромъ караулъ-бегъ пришелъ къ намъ, противъ обыкновенія, довольно поздно. Онъ между прочимъ сообщилъ, что видѣлъ мирахура, уже совсѣмъ готоваго къ отъѣзду въ Ташкентъ; поэтому онъ высказалъ предположеніе, что мирахуръ поѣдетъ вмѣстѣ съ нами. Вмѣстѣ съ тѣмъ караулъ-бегъ мнѣ объявилъ, что сегодня непремѣнно меня извѣстятъ, когда можно будетъ выѣхать изъ Бухары: эмиру о моемъ желаніи давно де извѣстно. Весь этотъ день я ждалъ извѣстія отъ эмира, но оно не пришло; вечеръ также не принесъ ничего въ этомъ отношеніи.

Чрезвычайно-теплая погода, чистый, благоухающій воздухъ сада—заставили меня съ Замаанъ-бекомъ покинуть нашу скучную и холодную, не смотря на каминъ (?), комнату и переселиться въ садъ. Я велѣлъ постлать ковры на садовой террасѣ и дать намъ чаю. Свободно вдыхала грудь чистый вечерній воздухъ, аппетитно пился чай, хотя и плохенькій, какимъ угощали насъ «друзья наши—бухарцы», но все же русскій «фамиль-чай», а не надоѣвшій выше головы зеленый чай, такъ усердно истребляемый среднеазіатцами. Заходящее солнце въ своихъ золотыхъ лучахъ посылало намъ прощальный поцалуй и пожеланіе добраго вечера. Прошло нѣсколько минутъ—и багровый отблескъ зашедшаго солнца окрасилъ въ пурпуръ западъ горизонта. Мало по малу тѣни становились все гуще и гуще. На потемнѣвшимъ небѣ появлялись одна за другой свѣтлыя звѣздочки, посылавшія на успокоивавшуюся отъ дневной суеты землю свой мерцающій, тихій свѣтъ—точно материнское благословеніе для отходящаго ко сну своего дѣтища... Громадный городъ дѣйствительно отходилъ ко сну; обычный дневной шумъ и гулъ постепенно стихалъ. Только кое гдѣ раздавались еще запоздалые звуки бубновъ и звонкое пѣніе пѣвцовъ. Это былъ послѣдній отголосокъ народнаго веселья, охватившаго сегодня весь великій городъ: сегодня—первый день весны,—сегодня народъ праздновалъ праздникъ весны, любви, жизни... Но скоро и эти звуки стали стихать, а затѣмъ были совершенно заглушены раз-

ноголосымъ хоромъ муэззиновъ, призывавшихъ правовѣрныхъ совершить «намазъ-шамъ»—вечернюю молитву. Звуки ихъ голосовъ и характерныя мадуляціи напѣва звонко раздавались въ чистомъ, вечернемъ воздухѣ. Послѣднія нотки ихъ, какъ будто натянутыя струны, дрожали въ воздухѣ и наконецъ уныло, жалобно обрывались, точно недоговоренная жалоба или точно вздохъ, насильно подавленный въ груди...

Подъ вліяніемъ всей этой картины я совершенно забылся; недопитый стаканъ холоднаго чаю стоялъ на столикѣ и напрасно ожидалъ послѣдняго моего глотка.

Вдругъ рѣзкое ощущеніе свѣта заставило меня прійти въ себя.—Расуль-Верды, нашъ бухарскій прислужникъ, принесъ въ это время три толстыя сальныя свѣчи на огромныхъ подсвѣчникахъ—какія у насъ употребляются къ церквахъ—и поставилъ ихъ на террасу. Это сразу испортило всю картину нашего вечерняго «кейфа», а вмѣстѣ съ нимъ и мое душевное настроеніе. Затѣмъ изъ сосѣдняго флигеля послышались дребезжащіе звуки «дутары»; подъ ея звуки сталъ въ полголоса напѣвать какую-то мелодію нашъ безсмѣнный пѣвецъ. Теноръ его, на этотъ разъ, былъ не въ порядкѣ: онъ замѣтно сипѣлъ. Вскорѣ ему на помощь явился нашъ виртуозъ, каманчистъ; нѣжные звуки его инструмента пріятно скрашивали грубоватость пѣнія. Вотъ послышались и тихія трели «нейчи»... Расуль Верды опять появился на террасѣ; въ обѣихъ рукахъ онъ держалъ около полудюжины китайскихъ фонарей; затѣмъ онъ подвѣсилъ ихъ на вѣтки сосѣднихъ деревьевъ, снова исчезъ за дверьми флигеля, опять вынырнулъ оттуда съ полными руками разноцвѣтныхъ шкаликовъ... Очевидно было, что караулъ-бегъ намѣревался опять угостить насъ «томашею». Онъ уже сдѣлалъ было распоряженіе позвать сюда «бачей»... но я былъ противъ «томаши»,—поэтому всталъ съ мѣста и прослѣдовалъ въ спальню. Вскорѣ пришелъ и Замаанъ-бекъ. Этимъ поступкомъ я хотѣлъ дать понять, что уже слишкомъ сытъ угощеніемъ эмира бухарскаго, что болѣе не нуждаюсь въ разнаго рода «потѣшныхъ людяхъ», а единственно—въ разрѣшеніи эмира уѣхать изъ Бухары.

10-го марта.

Сегодня нашъ караулъ-бегъ заявился къ намъ по утру довольно

поздно. Послѣ обычныхъ привѣтствій онъ сообщилъ намъ, что сынъ Кошъ-беги, Маметъ-Шерифъ-бій, губернаторъ города Бухары, пріѣхалъ навѣстить насъ. Хотя время для визитовъ было очень раннее, но бію не пришлось ждать въ передней ни минуты, такъ какъ мы были уже одѣты. Я встрѣтилъ его въ комнатѣ, а не вышелъ на дворъ, какъ бы слѣдовало по мѣстному обычаю. Этимъ я хотѣлъ дать ему понять, что не особенно доволенъ ихъ гостепріимствомъ.

Вошедши въ комнату бій обмѣнялся съ нами привѣтствіями и началъ извиняться въ томъ, что до сихъ поръ не навѣстилъ насъ, хотя и долженъ былъ—говорилъ онъ — сдѣлать это тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ въ Бухару.

— Прошу на меня не гнѣваться за это; что станешь дѣлать?—государева служба—не свой братъ; нужно дѣлать то, чего требуетъ Джонаби-Али—бормоталъ онъ въ смущеніи.

Затѣмъ онъ просилъ насъ не скучать, говоря, что вѣроятно завтра эмиръ извѣститъ насъ о времени выѣзда изъ города. Къ этому онъ прибавилъ, что Рахметулла-мирахуръ совсѣмъ готовъ къ отъѣзду и что вѣроятно мы поѣдемъ вмѣстѣ. На это я отвѣтилъ, что если мирахуръ, поѣдетъ вмѣстѣ съ нами, то, конечно, это доставило бы намъ много удовольствія.

— Что же касается просьбы не скучать здѣсь—продолжалъ я—то скука наша происходитъ отъ неопредѣленности положенія, а равно и отъ отсутствія всякаго серіознаго дѣла. Мое желаніе поскорѣе отправиться въ Ташкентъ должно быть для васъ понятно: вы сами только что упомянули о службѣ государевой; и насъ призываетъ въ Ташкентъ такая же служба: мнѣ нужно сдѣлать необходимые доклады начальнику Края. А между тѣмъ мы медлимъ здѣсь безъ всякой разумной причины. Генералъ-губевнатору вѣроятно не понравится наше промедленіе въ Бухарѣ...

Бій на это отвѣтилъ, что эмиръ убѣдительно проситъ меня остаться здѣсь еще на короткое время.

— Что же касается вашего опасенія относительно неудовольствія Ярымъ-падшаха (полъ-царя—титулъ, данный туземцами туркестанскому генералъ-губернатору) за ваше промедленіе въ Бухарѣ, то эмиръ посылаетъ ему съ мирахуромъ письмо, въ которомъ объ-

ясняетъ причину вашего задержанія, принявъ всю вину на себя. На этотъ счетъ вы будьте спокойны...

Затѣмъ установилась довольно монотонная бесѣда между нами. Я недоумѣвалъ, зачѣмъ пожаловалъ къ намъ бій; онъ, съ своей стороны, кажется ждалъ только удобнаго момента, чтобы окончить свой натянутый визитъ. Къ счастью и общему нашему удовольствію въ это время вошелъ мирза и подалъ бію записку. Бій тутъ же прочиталъ ее, приложилъ къ глазамъ и, подумавъ немного, объявилъ, что ѣдучи сюда онъ намѣренъ былъ провести у насъ болѣе долгое время, чѣмъ это довелось, но что «государева» служба призываетъ его къ исполненію его прямыхъ обязанностей... извинился, поднялся съ кресла и раскланялся съ нами.

Сегодня здѣсь также, какъ и вчера, праздникъ. Въ Бухарѣ каждый годъ весну встрѣчаютъ празднованіемъ; праздникъ продолжается нѣсколько дней—въ одинъ годъ больше, въ другой—меньше, какъ назначитъ эмиръ; иногда празднуютъ цѣлый мѣсяцъ. Въ эти дни всѣ лавки на базарѣ закрываются. Устраивается на это время ярмарка передъ дворцомъ эмира, на площади, такъ называемомъ «Ригистанѣ». Во дни этого праздника сюда стекается почти все населеніе Бухары, богатый и бѣдный, знатный и простолюдинъ—всѣ отъ мала до велика. Торговцы и купцы переносятъ сюда на это время свои товары въ готовыя лавки, или въ наскоро выстроенные балаганы. Купцы зашибаютъ здѣсь барыши, фокусники и бачи забавляютъ народъ; народъ веселится, покупаетъ, объѣдается... но не пьянствуетъ, если не принять во вниманіе колосальнаго количества потребляемаго здѣсь зеленаго чая.

Услыхавъ объ этомъ праздникѣ-ярмаркѣ отъ нашего караулъ-бега, я захотѣлъ поѣхать посмотрѣть на это народное гулянье. Онъ сейчасъ же написалъ донесеніе Кошъ-беги о моемъ желаніи.

Покуда караулъ-бегъ писалъ свое донесеніе, тѣмъ временемъ ко мнѣ пришелъ Нассиръ-ханъ. Онъ принесъ мнѣ отъ купца обѣщанный отчетъ о бухарской торговлѣ. Довольно большой листъ былъ кругомъ исписанъ персидскими буквами и какими-то спеціальными знаками. Но теперь некогда было читать его; поэтому чтеніе его я отложилъ до Ташкента.

Около 12 часовъ дня въ наше помѣщеніе вошелъ караулъ-бегъ въ сопровожденіи другаго какого-то человѣка, тоже повидимому караулъ-бега, такъ какъ нашъ караулъ-бегъ затруднялся сѣсть рань-

ше того человѣка—когда я пригласилъ ихъ садиться. Онъ объявилъ мнѣ, что эмиръ изволилъ разрѣшить поѣздку на гулянье и что бій проситъ насъ послѣ гулянья къ себѣ—откушать его хлѣба-соли.

День былъ пасмурный съ самаго утра; жиденькія сѣрыя облака набросили свинцовое покрывало на лазурное, почти всегда здѣсь ясное небо. Довольно сильный вѣтеръ гналъ эти облака изъ великой западной пустыни по направленію къ величайшей въ свѣтѣ горной возвышенности—Памиру. Съ каждымъ часомъ вѣтеръ крѣпчалъ все болѣе и болѣе—и вскорѣ ураганъ засвистѣлъ по безлистнымъ еще вѣтвямъ столѣтнихъ абрикосовыхъ деревьевъ сосѣдняго сада. Вскорѣ цвѣтъ неба изъ сѣро-свинцоваго превратился въ грязно-желтый. Затѣмъ къ этому окрашиванію присоединился какой-то зеленоватый оттѣнокъ. Странное, жуткое впечатлѣніе произвело на меня это необычайное, доселѣ невиданное мною, окрашиваніе неба. Столбы пыли наполнили воздухъ; вѣтеръ крутилъ изъ нихъ миніатюрные смерчи и прихотливо разсѣевалъ ихъ по пылинкѣ. Стало душно. Въ воздухѣ чуствовалось могучее дыханіе сосѣдней пустыни; уже во второй разъ я чувствовалъ это дыханіе въ Бухарѣ. Но если «дыханіе» пустыни было довольно ощутительно здѣсь, въ Бухарѣ, то что же происходило въ это время среди песковъ, въ безводной пустынѣ?..

Между тѣмъ мы совсѣмъ уже приготовились къ поѣздкѣ, лошади осѣдланы, а казаки уже ожидали насъ въ сѣдлахъ. И хотѣлось мнѣ ѣхать, да и непогода ужь очень розыгралась. Однако караулъ-бегъ убѣждалъ поѣхать; онъ увѣрялъ, что вся буря скоро окончится, и окончится ничѣмъ. Выѣхали. На пути-двѣ-три тяжелыя капли дождя упали мнѣ на лицо... Но этимъ все дѣло и кончилось: дождь такъ и не пошелъ, вѣтеръ постепенно стихалъ и облака точно руками были разведены въ разныя стороны. Когда мы подъѣзжали къ дому бія, то даже пыль, поднятая порывомъ вѣтра, вся улеглась, какъ будто ничего не бывало.

Домъ бія находился почти у самыхъ воротъ, ведущихъ во дворецъ эмира, бокъ-о-бокъ съ «Ригистаномъ». Но прежде чѣмъ мы поѣхали къ нему—проѣхались по импровизованному базару-ярмаркѣ. Многотысячная толпа народа переполняла ряды этого скороспѣлаго базара. Лавки и балаганы были увѣшаны разными матеріями и коврами. На прилавкахъ, наскоро сбитыхъ изъ грубыхъ досокъ и жер-

дей, лежали груды разныхъ товаровъ: мануфактура была перемѣшана съ пряностями; мяса висѣли рядомъ съ шелковыми и шалевыми халатами и парчевыми попонами. Все самое лучшее было выставлено здѣсь на показъ. Все это щупалось, теребилось и покупателями и продавцами. При этомъ никто не стѣснялся. Мясникъ, только что отрѣзавшій кусокъ жирнаго барана, простодушно щупалъ своими сальныти руками вывѣшенный, рядомъ со стягомъ конины, шелковый халатъ, который тутъ же на виду у всѣхъ и примѣрялъ на себя. Вся бродящая и сидящая, гуляющая и торгующая, публика была одѣта въ лучшія свои платья, въ праздничные халаты, а головы ихъ были увѣнчаны разноцвѣтными чалмами. Эта толпа шумѣла, галдѣла, пѣла, ѣла, курила, глазѣла на себѣ подобныхъ и все попадавшееся ей на глаза. Люди были на улицахъ, люди были въ лавкахъ, балаганахъ, на крышахъ домовъ, импровизованныхъ террасахъ... вездѣ виднѣлось цѣлое море головъ. Народъ могуче веселился. А вотъ въ углу, между двумя рядами лавокъ, толпа обступила малютку-бачу, засѣдающаго среди тѣснаго кружка своихъ почитателей съ важностью и осанкой владѣтельнаго князя. Онъ разливалъ чай и поредавалъ налитыя чашки нѣкоторымъ изъ окружающихъ его лицъ. Получить чашку чая изъ рукъ бачи считается здѣсь верхомъ отличія и счастья. Этотъ человѣкъ сразу выигрываетъ во мнѣніи толпы и гордо озирается вокругъ себя. На этотъ разъ бача подарилъ своимъ вниманіемъ сѣдаго старика, лѣтъ 70. Тоненькая, нѣжная ручка его протянулась—и старикъ бережно, съ благоговѣніемъ принялъ чашку, а вслѣдъ затѣмъ отвѣсилъ бачѣ низкій—пренизкій поклонъ. О-бокъ съ бачею сидитъ каманчистъ и задумчиво перебираетъ струны на своей «ситарѣ». Вотъ мы проѣхали мимо воротъ цитадели, надъ которыми часы показывали 2 часа.

Нечего и говорить, что нашъ поѣздъ, состоявшій изъ двухъ «урусъ-тюра», 9 казаковъ, и нѣсколькихъ джигитовъ въ хвостѣ, обратилъ на себя общее вниманіе. На лицахъ многихъ бухарцевъ играла улыбка, на всѣхъ—любопытство; не замѣчалось ни одного косаго взгляда, брошеннаго изъ подълобья какимъ нибудь фанатикомъ на насъ, «каффировъ»!—Безъ самохвальства скажу, что я едва ли не болѣе, чѣмъ кто либо изъ посѣтившихъ Бухару русскихъ людей, познакомилъ этотъ городъ съ «урусами». Частыя поѣздки по городу и за городъ

какія я предпринималъ, всегда съ конвоемъ изъ казаковъ, доставили возможность почти всѣмъ здѣшнимъ жителямъ хоть разъ увидать «урусовъ». Теперь уличные мальчишки вездѣ, при нашемъ появленіи, громко выкрикивали, точно своимъ старымъ знакомымъ: «саламъ-алейкумъ»!

Бій Маметъ Шерифъ встрѣтилъ насъ на дворѣ своего дома и пригласилъ въ комнаты, гдѣ былъ уже накрытъ обѣденный столъ. Столовая представляла обширную, свѣтлую, хорошо отштукатуренную, безъ обоевъ, комнату. Около наскоро сбитаго, огромнаго стола были разставлены вѣнскія кресла-качалки, отличной работы. Полъ былъ устланъ великолѣпными, огромныхъ размѣровъ, хоросанскими и туркменскимъ коврами. На одной изъ голыхъ стѣнъ комнаты висѣлъ термометръ Реомюра, а въ углу, около входной двери, помѣщался огромный, окованный желѣзомъ, сундукъ—очевидно русскаго происхожденія, по всей вѣроятности купленный на Нижегородской ярмаркѣ. Въ широкія окна, безъ стеколъ, закрывающіяся обыкновенными подъёмными ставнями, виднѣлась часть отвѣсно поднимающейся, саженей на 7—8, стѣны цитадели.

Наша застольная бесѣда началась обычными, неизбѣжными въ Средней Азіи, комплиментами и привѣтствіями. Бій еще разъ просилъ извинить его за то что онъ раньше не могъ посѣтить насъ. Къ этому онъ прибавилъ, что слышалъ, будто мы скучаемъ и чѣмъ-то недовольны, но что завтра—время нашего отъѣзда будетъ извѣстно. Такъ какъ еще вчера я получилъ отъ Нассиръ-хана извѣстіе объ обратномъ отъѣздѣ авганскаго посольства изъ Ташкента и о проѣздѣ его Шахрисябземъ, то, желая провѣрить это извѣстіе, я спросилъ бія, не знаетъ ли онъ объ этомъ? На этотъ вопросъ бій мнѣ отвѣчалъ, что хотя и имѣетъ своего собственнаго корреспондента въ Шаарѣ, но никакого извѣстія въ этомъ родѣ отъ него не получалъ. Къ этому онъ прибавилъ, что народная молва гласитъ (ужь эта народная молва въ Средней Азіи!.. Она положительно дѣлаетъ не нужною здѣсь телеграфную проволоку!), что въ прошлую пятницу (т. е. 2 марта) авганское посольство выѣхало изъ Самарканда въ сопровожденіи какого-то полковника и брата И. И. Ибрагимова. Затѣмъ наша бесѣда перемѣнила тему. Говорили о Ширъ-Али-ханѣ, о его, конечно, смерти и проч. Между прочимъ бій разсказалъ кое что о сноше-

ніяхъ Ширъ-Али-хана съ эмиромъ бухарскимъ. Такъ напр. онъ разсказалъ, что когда здѣсь былъ Булацель, то извѣстилъ бухарскихъ сановниковъ, что черезъ нѣсколько дней отъ Ширъ-Али-хана должно получиться въ Бухарѣ письмо съ извѣщеніемъ о проѣздѣ его черезъ бухарскія владѣнія. Но вотъ прошли эти три - четыре дня, а письмо не было получено. Потомъ, дней черезъ 6, пришло это письмо: въ немъ эмиръ Ширъ-Али-ханъ извѣщалъ эмира бухарскаго, что вслѣдствіе болѣзни ноги онъ отложилъ свою поѣздку въ Ташкентъ. Послѣ этого черезъ нѣсколько дней было получено здѣсь донесеніе ширабадскаго бека, въ которомъ тотъ сообщалъ о проѣздѣ черезъ его городъ русскаго посольства въ сопровожденіи 4-хъ авганскихъ сановниковъ. Тогда же въ Бухарѣ, сдѣлалось окончательно извѣстно, что эмиръ совсѣмъ остается въ Мазари-Шерифѣ. При этомъ ширабадскій бекъ присовокуплялъ, что «народъ о причинахъ, воспрепятствовавшихъ эмиру ѣхать въ Ташкентъ, говоритъ разно: одни говорятъ, что эмиръ отложилъ свою поѣздку вслѣдствіе болѣзни; другіе—что войска, находящіеся въ Мазари-Шерифѣ, воспротивились этой поѣздкѣ». Потомъ разговоръ нашъ коснулся мѣстной болѣзни—ришты, ташкентской сельско-хозяйственной выставки и проч. Мы пробыли у бія болѣе двухъ часовъ времени.

Еще когда мы ѣхали къ бію, я встрѣтилъ у воротъ нашего помѣщенія того самаго студента-татарина, котораго я видѣлъ въ медрессе. Мнѣ было очень жаль, что онъ пришелъ въ такое неудобное время и что я не могъ поговорить съ нимъ; отъ него я надѣялся услыхать много интереснаго. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ нашего дома мы встрѣтили на своемъ пути одного авганца, бывшаго въ конвоѣ, оберегавшемъ русское посольство во время слѣдованія въ Кабулъ и обратно. Я сейчасъ же приказалъ одному изъ сопровождавшихъ меня джигитовъ пригласить авганца на нашъ дворъ и тамъ, угостивъ его, поразспросить обо всемъ, что касается Авганистана. Возвратившись домой, я уже не засталъ этого авганца, но Нассиръ-ханъ сообщилъ мнѣ о немъ, а также и о томъ, что тотъ разсказывалъ, слѣдующее. — Въ Бухарѣ въ настоящее время находится авганское посольство; въ числѣ свиты этого посольства находится и этотъ авганецъ. Весь персоналъ посольства достигаетъ 30 человѣкъ. Это посольство доставило сюда вышеупомянутое письмо Ширъ-Али-хана,

въ которомъ онъ отказывался отъ поѣздки въ Ташкентъ. Авганское посольство получаетъ отъ эмира бухарскаго ежедневное содержаніе въ размѣрѣ 200 тенегъ; на эти деньги посольство хозяйничаетъ само; этотъ авганецъ въ данное время везъ для посольства ячмень, купленный на базарѣ и потому не могъ у насъ долго оставаться.—Я поручилъ Нассиръ-хану хорошенько его поразспросить, если онъ еще прійдетъ къ намъ.

Сегодня вечеромъ мы опять смотрѣли «томашу»... Дай Богъ, чтобъ это была послѣдняя! Послѣ нея я роздалъ всѣмъ нашимъ увеселителямъ по халату. Однако, теперь вѣроятно уже очень поздно: вторые пѣтухи пропѣли—пора и спать. Часы мои нейдутъ,—дѣлать нечего, поневолѣ приходится узнавать время по пѣтухамъ, да развѣ еще по звѣздамъ; да вотъ и міровой маятникъ—малая медвѣдица—сдѣлалъ уже болѣе половины своего размаха и изъ вертикальнаго положенія переходитъ въ обратно-горизонтальное. Небо по временамъ освѣщается полосками молніи; слышны глухіе отдаленные раскаты грома... что еще? А, впрочемъ, до завтра!..

11-е марта.

Оказалось, что бій Маметъ Шерифъ говорилъ намъ неправду, когда увѣрялъ, что з а в т р а непремѣнно будетъ извѣстно время нашего отъѣзда изъ Бухары. Весь сегодняшній день я напрасно прождалъ, но не только рѣшительнаго, но и никакого извѣстія отъ эмира не получилъ. Когда сегодня вечеромъ я сталъ говорить объ этомъ съ дежурнымъ караулъ-бегомъ—что бій оказался человѣкомъ, говорящимъ на вѣтеръ и нимало не заботящимся о согласованіи своихъ словъ съ дѣломъ, то тотъ замѣтилъ, что бій тутъ ни причемъ: все зависитъ отъ эмира. Потомъ онъ сообщилъ, что эмиръ вѣроятно потому сегодня не далъ никакого рѣшенія, что ѣздилъ на богомолье къ гробницѣ Бага-эдъ-дина, что сегодня ночью онъ вернется въ свой загородный садъ Чааръ-багъ, гдѣ, по всей вѣроятности, и дастъ намъ прощальную аудіэнцію.

— Да и Бій Маметъ-Шерифъ совсѣмъ не говорилъ на вѣтеръ—продолжалъ караулъ-бегъ. Вѣдь онъ говорилъ, что окончательное рѣшеніе узнается завтра *или* п о с л ѣ з а в т р а. Очевидно, что надо вамъ подождать до завтра.

Во всемъ этомъ я видѣлъ только одно: желаніе задержать меня

на нѣсколько дней въ Бухарѣ. Но я никакъ не могу понять: зачѣмъ нужно эмиру бухарскому задерживать меня здѣсь, противъ моего желанія и безъ всякой надобности для себя? Можетъ быть онъ хочетъ отпустить меня вмѣстѣ съ мирахуромъ, а этотъ послѣдній еще не готовъ? Но вѣдь мирахуръ могъ поѣхать и одинъ. Наконецъ—эмиръ вѣдь знаетъ же, что я тороплюсь ѣхать въ Ташкентъ. Что же ему отъ меня нужно? Скажу откровенно, что онъ самъ напрашивается на нелюбезность съ моей стороны. Мнѣ очень не хотѣлось бы прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ,—выѣхать изъ Бухары безъ прощальнаго визита эмиру, но при дальнѣйшей проволочкѣ я не ручаюсь за то, что не поступлю подобнымъ образомъ.

Сегодня караулъ-бегъ имѣлъ безсовѣстность опять предложить томашу. Онъ опять прогласилъ было пѣвцовъ, танцоровъ, музыкантовъ и tutti quanti. Разумѣется, я на отрѣзъ отказался отъ ихъ концерта.

Авганецъ, видѣнный мною вчера, опять приходилъ сегодня къ Нассиръ-хану. Отъ него я узналъ, что авганское посольство сидитъ здѣсь въ полнѣйшемъ невѣдѣніи того, что творится въ Авганистанѣ. Посольство отправило отсюда въ Мазари-Шерифъ уже троихъ нарочныхъ, но ни одинъ изъ нихъ не возвратился. Дней 15 тому назадъ, оно получило изъ Ташкента извѣстіе о томъ, что авганское посольство благополучно достигло этого города и чествуется тамъ всевозможнымъ образомъ.

Вчерашняя гроза разрѣшилась сегодня дождемъ, который шелъ напусками, нѣсколько разъ, то переставая, то возобновляясь. Вслѣдствіе этого сегодня въ воздухѣ довольно свѣжо.

12-е марта.

От эмира не получено до сихъ поръ никакихъ извѣстій. Караулъ-бегъ не является намъ на глаза. Поэтому около 11 часовъ дня я приказалъ готовиться къ выступленію изъ города. Заранѣе сожалѣю, если придется прибѣгнуть къ этой мѣрѣ; но что-же дѣлать? Кажется, бухарцы потеряли въ данное время всякое понятіе о гостепріимствѣ; или я, наконецъ, ничего не могу понять—что они творятъ. Я рѣшился поступить такъ: послать Кошъ-беги ультиматумъ въ томъ смыслѣ, что если я сегодня же къ вечеру не получу опредѣленнаго отвѣта отъ эмира, то завтра утромъ я выступаю, недождавшись чести видѣть его высокостепенство.

Сегодня опять приходилъ вчерашній авганецъ. Онъ сообщилъ намъ, что сегодня авганскимъ посольствомъ получено письмо изъ Мазари-Шерифа. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что англичане разбиты въ Курумѣ, такъ что нѣсколько баталіоновъ ихъ войскъ уничтожено и семь орудій достались авганцамъ. Войска англійскія, находящіяся въ Джелалабадѣ, отрѣзаны отъ Пешавера. Дядя Якубъ-хана, Наурусъ-ханъ, и сынъ Сватскаго Ахунда постоянно нечаянными нападеніями безпокоятъ англичанъ. Вообще англичанамъ приходится теперь на занятыхъ ими позиціяхъ плохо. Они отправили къ Якубъ-хану посольство съ мирными предложеніями, обѣщая жить съ авганцами въ дружбѣ, какъ и прежде. На это Якубъ-ханъ будто бы отвѣчалъ англичанамъ, что онъ вслѣдствіе ихъ дѣйствій уже много горя испыталъ, изъ за нихъ былъ столько лѣтъ въ заключеніи, и что еще и теперь онъ не свободенъ отъ нравственныхъ страданій, такъ какъ, благодаря англичанамъ, до сихъ поръ на него смотрѣли въ Авганистанѣ какъ на измѣнника родинѣ. Вотъ теперь Якубъ-ханъ и хочетъ заказать, что онъ—вѣрный и надежный сынъ ея. Поэтому де онъ до тѣхъ поръ и не положитъ оружія, пока у него останется хотя одинъ солдатъ, или покуда не останется ни одного англичанина въ Авганистанѣ и, что, съ помощію Бога, онъ надѣется освободить свою родину отъ нашествія враговъ; въ противномъ случаѣ пусть будетъ—что будетъ.—Затѣмъ этотъ авганецъ сообщилъ намъ, что Лойнабомъ (собственно не Лойнабомъ, а эмиръ-девлетомъ—званіе, съ которымъ сопряжено какъ военное, такъ и гражданское управленіе округомъ) назначенъ Гуламъ-Гайдеръ-ханъ, родомъ Вердекъ, что бывшій Лойнабъ, Хошь-Диль-ханъ, и Сердарь Феизъ-Магометъ-ханъ не убиты, но находятся въ заключеніи. Посланецъ, доставившій это письмо здѣшнему авганскому посольству, сообщилъ также, что въ Серъ-абѣ встрѣтилъ возвращающееся авганское посольство; его сопровождали два русскихъ чиновника. Этотъ посланецъ имѣлъ письмо и къ возвращавшемуся авганскому посольству.

Около 6-ти часовъ вечера ко мнѣ принесли одного раненаго авганца, находящагося на службѣ эмира бухарскаго. Я осмотрѣлъ рану: она, очевидно, была произведена небольшею пулею. По разспросамъ оказалось, что рана произведена вслѣдствіе нечаяннаго выстрѣла изъ револьвера небольшаго калибра. Рана находилась немного кнутри отъ

верхушки бедреннаго треугольника. Выходнаго отверстія не было; пулю прощупать не было возможности.

Покуда я занимался съ больнымъ — тѣмъ временемъ Замаанъ-бекъ разговорился съ однимъ изъ принесшихъ больнаго авганцевъ, повидимому, ихъ начальникомъ. Онъ подтвердилъ полученное нами прежде свѣденіе о томъ, что на службѣ эмира бухарскаго находится около 500 авганцевъ. Всѣ они въ прежнее время служили въ войскахъ Абдурахманъ-хана и когда онъ удалился въ Самаркандъ, то поступили на службу къ эмиру бухарскому. Авганецъ этотъ сообщилъ также намъ нѣкоторыя свѣденія о происшествіяхъ въ Авганистанѣ. А свѣдѣнія его были самыя свѣжія, такъ какъ онъ почерпнулъ ихъ изъ письма, полученнаго здѣшними авганскими купцами сегодня же въ полдень. Письмо это было прислано ихъ корреспондентами, находящимися въ Кабулѣ. Такъ, онъ подтвердилъ извѣстіе о пораженіи англичанъ въ Курумѣ, а также и о печальномъ положеніи англійскихъ войскъ въ Джелалабадѣ. Затѣмъ—будто-бы дядя Якубъ-хана Наурусъ-ханъ, узнавъ о смерти Ширъ-Али-хана и объ избраніи эмиромъ своего племянника, Якубъ-хана, написалъ англичанамъ письмо, въ которомъ отказалъ имъ въ своей поддержкѣ, прося ихъ очистить занятыя ими позиціи по теченію рѣки Кабулъ-Дарьи; въ противномъ случаѣ горозилъ запереть всѣ входы и выходы изъ Хайберскаго ущелья. Англичане отказались, конечно, очистить позиціи, вслѣдствіе чего теперь постоянно подвергаются нападенію со стороны горцевъ. Послѣ этого англичане послали къ Якубъ-хану посольство, которое привезло ему 1.000,000 рупій. Вмѣстѣ съ деньгами англичане предложили ему слѣдующія мирныя условія: вмѣсто занятія 4-хъ пунктовъ въ Авганистанѣ, что они предлагали Ширъ-Али-хану, теперь они требовали занятія только двухъ пунктовъ: Кабула и Герата. Гарнизоны англійскіе будутъ, впрочемъ, жить внѣ этихъ городовъ, въ нарочно выстроенныхъ для этого, отдѣльныхъ фортахъ. Якубъ-хану будетъ выплачиваться англичанами ежегодная субсидія въ размѣрѣ не менѣе одного милліона рупій. Кромѣ того Англія будетъ защищать Авганистанъ отъ иноземнаго вторженія.

На мой вопросъ: принялъ-ли Якубъ-ханъ мирныя предложенія англичанъ?—получился отвѣтъ, что «разумѣется принялъ, если взялъ деньги». На вопросъ же Замаанъ-бека: зачѣмъ Якубъ-ханъ

бьетъ англичанъ, если взялъ деньги? — нашъ авганецъ отвѣчалъ, что «авганцы всѣ таковы: и деньги возьмутъ и побьютъ, если представится случай». — Затѣмъ онъ сообщилъ почти слово въ слово тѣ извѣстія, какія я получилъ изъ авганскаго посольства въ Бухарѣ, именно — что эмиръ-девлетомъ назначенъ Гайдеръ-ханъ, Вердекъ, что фактическая власть надъ округомъ находится въ его рукахъ, хотя въ Мазари-Шерифѣ и живутъ Маметъ Ибрагимъ-ханъ и Ахмедъ-Али-ханъ, что наслѣдникомъ престола объявленъ сынъ Якубъ-хана, Маметъ-Иса-ханъ, что бывшій Лойнабъ и Сердарь Феизъ-Магометъ-ханъ не убиты, но находятся въ заключеніи и проч. и проч. и проч.

Сегодня я такъ и не получилъ отъ эмира никакихъ извѣстій. Караулъ-бегъ не показался и къ ужину. Посмотримъ, что будетъ завтра. Дѣлать нечего: надо по словамъ Саади—«на коверъ ожиданіи положить подушку терпѣнія».

13-е марта.

Такимъ образомъ я напрасно ожидалъ извѣстія отъ эмира. Вчера нашъ караулъ-бегъ объявилъ, что послѣ полудня непремѣнно полученъ будетъ отвѣтъ эмира. Прошелъ полдень, наступила ночь... а рѣшенія эмира я такъ и не дождался.—Сегодня утромъ, когда караулъ-бегъ пришолъ къ намъ, чтобы передать обычный «салямъ» (привѣтствіе), я спросилъ его: получилъ ли онъ какія-либо извѣстія отъ эмира. Отвѣтъ былъ отрицательный. Ясно было, что или эмиръ не торопился своимъ рѣшеніемъ, или бій—своимъ докладомъ. Дольше терпѣть такого обращенія нельзя было мнѣ: я въ данномъ случаѣ не былъ частнымъ человѣкомъ, а представителемъ Россіи. Дальнѣйшее ожиданіе, дальнѣйшія уступки съ моей стороны уже имѣли тѣнь униженія. Поэтому въ присутствіи караулъ-бега я призвалъ моего караванъ-баши, Нассиръ хана, и приказалъ ему сѣдлать вьючныхъ лошадей и приготовить вьюки. Затѣмъ я призвалъ вахтмистра и велѣлъ ему приготовить казаковъ къ немедленному выступленію изъ города. Я попросилъ Замаанъ-бека передать всѣ мои, только что отданныя, приказанія караулъ-бегу.

— Мы цѣлыхъ три дня ожидали распоряженія эмира, обратился я къ нему,—но ничего не дождались и насъ вы, да и бій, постоянно обманывали. Больше ждать я не могу, поэтому рѣшился выѣхать и

безъ прощальной аудіэнціи, хотя, сознаюсь, рѣшился на этотъ поступокъ съ крайнею неохотой и сожалѣніемъ.

Видя мои распоряженія, слыша мои слова и замѣтя начавшееся движеніе казаковъ, джигитовъ и лаучей, караулъ-бегъ смутился.

— Вѣдь вы же, докторъ-туря, рѣшили соображаться въ этомъ съ желаніями эмира—возразилъ караулъ-бегъ.—Вѣдь вы же тогда сказали: когда будетъ угодно Джонаби-Али, тогда мы и выѣдемъ. Если вы такъ сказали, то очевидно вы должны подождать рѣшенія эмира.

Я былъ удивленъ и даже разсерженъ такой аргументаціей караулъ-бега. Какъ! этому глупому человѣку нужно разъяснять что такое любезность и что такое обязанность? Но дѣлать нечего, пришлось ему разъяснить, что сказанная выше фраза есть ничто иное какъ любезность съ моей стороны и, что если и эмиръ не понимаетъ настоящаго смысла этой любезности, какъ и онъ, караулъ-бегъ, то для него же хуже.

— Въ слѣдующій разъ мы будемъ знать, продолжалъ я,—что съ вами нельзя быть любезнымъ.

Караулъ-бегъ на это отвѣтилъ, что если бы я, по пріѣздѣ въ Бухару, назначилъ день для отъѣзда, то мнѣ не пришлось бы прождать и часа лишняго.

— Всѣ русскіе, бывшіе въ Бухарѣ, такъ поступали; они назначали день выѣзда и эмиръ не задерживалъ ихъ ни одного дня болѣе. Напрасно и вы не сдѣлали также—продолжалъ караулъ-бегъ.

Тогда я объявилъ ему, что въ такомъ случаѣ назначаю днемъ своего отъѣзда завтрашній день, и при томъ непремѣнно.

— Такъ сообщите и бію, продолжалъ я.—Угодно будетъ эмиру дать мнѣ прощальную аудіэнцію, или не угодно—я не измѣню своего рѣшенія.

Караулъ-бегъ, послѣ такого категорическаго заявленія, поспѣшно отправился къ бію. — Между тѣмъ вьюки уже были готовы и только ждали знака, чтобы тронуться въ путь. Пришелъ и вахтмистръ и объявилъ, что казаки готовы къ выступленію и спрашивалъ, можно ли садиться на лошадей. Я приказалъ подождать...

Около полудня пришелъ караулъ-бегъ и принесъ намъ записку отъ бія. Губернаторъ Бухары объявлялъ намъ, что по его докладу эмиръ

согласился «отпустить» насъ и посылаетъ Шигавула пригласить «доктора-туря» сегодня къ себѣ въ загородный садъ. — Конечно, я былъ очень радъ этому письму. Значитъ, до открытаго разрыва дѣло не дошло—и слава Богу! Но зачѣмъ нужно было эмиру задерживать насъ здѣсь до сихъ поръ? Странные люди...

Пока мы переодѣвались для визита эмиру, пріѣхалъ Шигавулъ и объявилъ, что «Джонаби-Али проситъ насъ пожаловать къ себѣ». Отъ него мы узнали, что эмиръ теперь находился въ своемъ загородномъ дворцѣ, именно—въ саду «Шири-даръ». Садъ этотъ отстоитъ отъ Бухары верстъ на 5. Сейчасъ же мы всѣ сѣли на коней и поѣхали. День былъ жаркій, даже—знойный. Пыль стояла въ воздухѣ, особенно на пути изъ города къ саду эмира. Дѣло въ томъ, что на время пребыванія эмира въ своемъ загородномъ дворцѣ, вблизи него устроилась временная ярмарка и народное гулянье. По нашей дорогѣ взадъ и впередъ ѣхало очень много разнаго люда. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ саду, тѣмъ становилось тѣснѣе и тѣснѣе. Наконецъ давка стала ужасна. Отъ столпившагося народа и скучившихся арбъ почти совсѣмъ не было проѣзда. Нагайкѣ ѣхавшаго впереди насъ караулъ-бега пришлось довольно часто прогуливаться по широкимъ спинамъ и толстымъ головамъ бухарцевъ, заграждавшихъ намъ дорогу. Вотъ показались и балаганы съ фокусниками и пѣвцами. Немного далѣе, передъ воротами въ садъ, полукругомъ былъ разставленъ почетный караулъ, который при нашемъ проѣздѣ отдалъ честь.

Здѣсь, у воротъ, встрѣтили насъ приближенные эмира, въ числѣ которыхъ были бій Маметъ-Шерифъ и Удайчи, Шаади-бекъ. Мы сошли съ коней и вошли во дворъ, гдѣ всѣ прочіе остались, а я и Заманъ-бекъ, предшествуемые біемъ, прошли на слѣдующій, небольшой дворъ. Въ глубинѣ двора виднѣлось довольно большое, простое по архитектурѣ, зданіе; въ немъ-то и ожидалъ насъ эмиръ. Бій, шедшій впереди насъ, все время отвѣшивалъ низкіе поклоны, почти до земли. Вотъ онъ подошелъ къ двери зданія, остановился у нея, боязливо заглянулъ въ комнату и, точно чего испугавшись, откинулся назадъ, жестомъ пригласивъ насъ пройти впередъ...

Эмиръ сидѣлъ посреди комнаты, по обыкновенію—на простенькомъ креслѣ, въ довольно бѣдномъ платьѣ. Онъ опять не привсталъ, но также дружелюбно подалъ намъ руку, какъ и въ первый разъ. За-

тѣмъ мы обмѣнялись привѣтствіями, причемъ я не преминулъ восхвалить гостепріимство эмира до небесъ... Въ отвѣтъ на это эмиръ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ оказать намъ этого гостепріимства на болѣе продолжительное время.

— Вы очень ужъ торопитесь оставить меня и мою столицу—продолжалъ эмиръ. Вѣроятно вамъ не нравится мой хлѣбъ соль... но я, по крайней мѣрѣ, старался доставить вамъ всѣ, доступныя намъ, удовольствія и развлеченія.

— Гостепріимство вашего высокостепенства извѣстно всему свѣту— отвѣчалъ я—и для насъ нѣтъ болѣе высокаго наслажденія, какъ сколь возможно дольше пользоваться этимъ гостепріимствомъ, но наши обязанности, наша служба—призываютъ насъ къ своему посту.

Разговоръ нашъ продолжался въ томъ же духѣ нѣсколько минутъ, послѣ чего я всталъ и откланялся эмиру.—У дверей насъ ожидалъ бій. Онъ повелъ насъ въ садъ, объявивъ, что эмиръ желаетъ показать намъ его новый, еще неотстроенный вполнѣ, загородный дворецъ. На этомъ пути намъ пришлось проходить мимо оконъ той самой залы, въ которой насъ только что принималъ эмиръ. Подозрѣвая, что онъ находится еще въ залѣ, я шелъ мимо оконъ, приложивъ руку къ головному убору. Проходя мимо одного открытаго окна, я заглянулъ въ него, ожидая увидѣть сидящаго по среди комнаты эмира. Я не ошибся въ своемъ предположеніи; эмиръ черезъ плечо наблюдалъ за нами, пока мы шли мимо оконъ. — Затѣмъ мы прошли на другой дворъ и глазамъ нашимъ представилось очень красивое, довольно большое зданіе, подковообразной формы. Сразу можно было увидѣть въ архитектурѣ его смѣсь европейскаго съ азіатскимъ. Вообще зданіе не заслуживаетъ названія дворца, а скорѣе—дома зажиточнаго помѣщика. Дворъ, передъ дворцомъ, хорошо утрамбованный и усыпанный пескомъ, освѣщается огромнымъ фонаремъ съ зеркальными стеклами: въ этотъ фонарь вставляется до 30—40 свѣчъ.

Домой мы возвратились около 6 часовъ вечера. На слѣдующій день мы оставили стѣны «благородной Бухары» — Бухара-и-шерифъ,— какъ ее называютъ сами бухарцы, и потянулись къ границѣ дорогой Россіи.

ГЛАВА XII.

Возвращеніе въ Ташкентъ.

Путь отъ г. Бухары до Катта-кургана.—Кермине.—Зіаддинъ.—На границѣ.—Зера-булакскія высоты.—День въ Катта-Курганѣ.—Отъ Катта-Кургана до Самарканда. — Міанкальская долина. — Прибытіе въ Ташкентъ. Общій взглядъ на событія, происшедшія въ 1878—79 г.—Заключеніе.

14-го марта я выѣхалъ изъ Бухары. Въ Куюкъ-Мазарѣ мы завтракали, а ночевали въ селеніи Бустанѣ. Все время нашъ путь лежалъ по тщательно воздѣланной мѣстности. Сады смѣнялись полями, которые, частію, были еще только вспаханы, а частію уже засѣяны. Живописность мѣстности еще болѣе выигрывала отъ того, что селенія были окружены небольшими рощицами; кровли домовъ часто были увѣнчаны огромными гнѣздами аистовъ. Они уже давно возвратились сюда изъ за Гималаевъ и Гиндукуша и громко давали о себѣ знать своимъ оригинальнымъ, похожимъ на клокотаніе воды въ кальянѣ, клекотомъ.—Мѣстами, однако, и здѣсь пустыня врѣзывала въ свѣже вспаханныя поля и цвѣтущіе сады когти своихъ мертвыхъ объятій; мѣстами и здѣсь нѣтъ—нѣтъ да и встрѣтишь песчано солонцеватую отмель сосѣдней пустыни.

Гурбунь—довольно большое селеніе, все заваленное разнаго рода и разныхъ породъ, лѣсомъ. Рядомъ съ довольно мизерными бревнами лежали жерди, плахи, даже почти прутья. Это—лѣсная пристань Бухары. Сюда весь этотъ лѣсъ сплавляется изъ верховьевъ Зеравшана, причемъ, чтобы достигнуть Гурбуня, лѣсъ проходитъ многія версты по довольно широкому каналу Шахъ-абаду, выведенному изъ Зеравшана. Отсюда же весь этотъ лѣсъ доставляется въ Бухару на

телѣгахъ (арбахъ) и ослахъ. Это селеніе находится въ 7 верстахъ отъ нея.

На слѣдующій день мы сдѣлали переходъ отъ Бустана до небольшаго селенія Меликъ. Верстахъ въ четырехъ-пяти отъ перваго селенія сады и деревни кончаются, мѣстность становится пустынной, это — степь Меликъ. Такъ какъ грунтъ земли здѣсь глинисто-песчаный, — то во время дождей здѣсь страшно грязно, а лѣтомъ, во время сухой погоды—страшно пыльно. Мы ѣхали въ самое удобное время; небольшіе дожди едва смочили землю и степь одѣлась довольно тощимъ зеленымъ газономъ. Вскорѣ вправо отъ насъ взялся невысокій горный гребетъ, который отсюда тянется до г. Катта-Кургана. Длина степи равняется приблизительно 30—35 верстамъ, а ширина—20.—Есть и другія дороги ведущія изъ Бухары въ Кермине, которыя минуютъ степь Меликъ, огибая ее съ сѣвера и направляясь по съуженной, въ этомъ мѣстѣ, долинѣ Зеравшана.

Въ селеніи Меликъ мы ночевали, сдѣлавъ въ этотъ день около 35 верстъ пути.

Отъ Мелика до города Кермине считается около 20 верстъ пути. Верстахъ въ пяти-шести отъ Мелика, въ которомъ обращаетъ на себя вниманіе довольто эфектная полуразрушенная мечеть, отдѣланная изразцами, начинаются уже сады, которые идутъ сплошнымъ густымъ лѣсомъ до самаго города. Городъ этотъ ничѣмъ не замѣчателенъ, но онъ довольно обширенъ. Мостъ, построенный еще Абдуллаханомъ, составилъ этому городу извѣстность во всей Средней Азіи. Это единственный мостъ, существующій на Зеравшанѣ.

Въ Кермине мы пользовались гостепріимствомъ сына эмира, Саматъ-хана, который здѣсь исправлялъ должность бека. Это—цвѣтущій здоровьемъ, сильный дѣтина, лѣтъ 18; на лицѣ его еще не пробивался ни одинъ волосъ. Кажется, онъ былъ не умнѣе своихъ братьевъ, которыхъ я видѣлъ въ разныхъ городахъ Бухарскаго ханства. Вѣроятно онъ и храбростью не отличается, потому что когда я подарилъ ему винтовку Бердана и хотѣлъ при немъ же выстрѣлить изъ нея въ цѣль, чтобы показать ея дѣйствіе,—то принцъ боязливо отказался отъ такого эксперимента. Тогда мнѣ стало жаль, что винтовка подарена мною человѣку, который, можетъ быть, и въ руки-то ее

не возметъ, а не то что будетъ охотиться съ нею; но дѣлать было уже нечего.

Въ Кермине мы ночевали. А на слѣдующій день, т. е. 17 марта, мы сдѣлали переходъ до Зіаддина, верстъ 35. Не доѣзжая до селенія Ташъ-Купрюка (букв. пер. каменный мостъ—черезъ каналъ Нура-пай) мы подверглись сильному ливню. Хорошо, что до станціи было не болѣе 5—6 верстъ. Мы пустили лошадей полнымъ карьеромъ и минутъ черезъ 15—20 были уже подъ гостепріимнымъ кровомъ ташъ-купрюкскаго старшины. Тѣмъ не менѣе мы всѣ промокли буквально до костей; польто, сюртукъ, бѣлье—все было насквозь пробито сильнѣйшимъ «какъ изъ ведра» дождемъ. Мы не мало досадовали на это обстоятельство, но бухарцы благословляли нашъ пріѣздъ именно потому, что мы «привезли съ собой дождь», источникъ ихъ благоденствія—какъ они говорили. Такъ какъ наше запасное платье находилось во вьючныхъ сундукахъ, а они остались назади, во вьючномъ обозѣ, то добрые бухарцы облекли насъ въ свои халаты и шубы. Затопленный каминъ, горячій чай и сытный завтракъ—заставили насъ смѣяться надъ продолжавшимся ливнемъ и непогодой. Сейчасъ же наши гостепріимные хозяева развели «мангалы» и на нихъ начали сушить наше измоченное платье. Черезъ часъ все уже было готово—и мы перемѣнили халаты на наши обычныя платья.

Отдохнувъ здѣсь нѣсколько часовъ и переждавъ дождь, мы двинулись далѣе. Отсюда до Зіаддина считается одна ташь, т. е. верстъ 8—10. Послѣ дождя дорога наша представляла собою сплошное болото; ноги лошадей вязли въ грязи почти по колѣно. Каналъ Нурапай (выведенный также изъ Зеравшана какъ и Шахъ-абадъ) вспучился и ревѣлъ какъ настоящая горная рѣка. Сады, поля—все было залито водой. Попадавшіяся на пути селенія казались утонувшими въ морѣ грязи. Грязь была внизу, грязь была и вверху: облака сплошнымъ грязнымъ покрываломъ одѣвали небо; грязь была на нашемъ платьѣ, на нашихъ лицахъ... вездѣ была грязь. Я очень былъ радъ, когда увидалъ наконецъ передъ собой зубчатую стѣну зіаддинской крѣпости.

У воротъ крѣпости былъ выстроенъ почетный караулъ изъ бухарскихъ солдатъ. При немъ было два знамени. Когда я проѣзжалъ по корридору, образованному двумя шеренгами солдатъ, то заиграла музыка, забили барабаны и знамена склонились. Я, конечно, отдалъ

имъ подобающую честь, но былъ очень скандализованъ такою встрѣчею. Въ воротахъ насъ встрѣтилъ мѣстный бекъ; онъ имѣлъ чинъ «первоначи» и оказался очень любезнымъ, даже милымъ собесѣдникомъ. О гостепріимствѣ, которое намъ было здѣсь оказано, и говорить излишне.

18 марта мы снова вступили въ предѣлы Русской земли. Въ этотъ день мы сдѣлали переходъ отъ Зіаддина до Катта-Кургана. Въ селеніи Ширинъ-Хатунъ (букв. перев.—сахарная женщина) мы простились съ бухарскими проводниками. Отпуская ихъ въ обратный путь, я далъ имъ записку объ одобрительномъ поведеніи. Такая записка была, по ихъ словамъ, необходима для нихъ. Еслибы они вернулись въ Бухару безъ моего рекомендательнаго письма, то начальство ихъ могло бы подумать, что они чѣмъ либо не угодили мнѣ, и могло подвергнуть ихъ наказанію.

Отъ самаго гор. Кермине до Катта-Кургана, на протяженіи около 75 верстъ пути, мы ѣхали по мѣстности, покрытой густыми садами; вообще мѣстность здѣсь прекрасно воздѣлана и очень живописна. Но болѣе всего она живописна между Зіаддиномъ и Ширинъ-Хатуномъ. Здѣсь сады и поля расположены террасами. Вправо отъ насъ виднѣлись отдѣльныя купы садовъ, точно небольшія рощицы, перемѣжавшіяся съ зеленѣвшими полями. Они расположены нѣсколько выше дороги и орошены водою изъ канала Нура-пай. По лѣвую же руку отъ насъ, къ сѣверу, поля и сады спускались къ глубокому ложу Зеравшана и терялись изъ виду въ туманной дали. Солнце ярко свѣтило и обливало своимъ золотымъ свѣтомъ всю громадную, представившуюся нашему взору, великолѣпную картину мѣстности. Я теперь очень хорошо понимаю восторженные отзывы азіатскихъ, особенно арабскихъ, географовъ о долинѣ Зеравшана. Еще бы! Истомленный длиннымъ путемъ по знойной, мертвой, песчаной пустынѣ, отдѣляющей Персію отъ долины Зеравшана, странникъ вдругъ попадаетъ въ страну, обильную и водой и растительностью... Какъ разъ то, въ чемъ онъ такъ долго терпѣлъ крайній недостатокъ, находитъ здѣсь въ изобиліи. А къ этому еще присоединялись и любезность, и гостепріимство жителей этой роскошной долины—качества, какими они отличались, по свидѣтельству первыхъ арабскихъ географовъ, въ прежнее время.

На русско-бухарской границѣ, всего верстахъ въ 3—4 отъ Зерабулака, возвышается каменный столбъ. съ изображеніемъ русскаго государственнаго герба. Проѣхавъ мимо этого столба, мы всѣ сняли шапки и перекрестились... Недалеко отъ селенія Зерабулака, на плоской возвышенности, тамъ, гдѣ произошло сраженіе между горстью русскихъ орловъ и полчищами эмира бухарскаго, 2-го іюня 1868 г., такъ блистательно кончившееся въ нашу пользу,—въ честь павшихъ воиновъ поставлена колонна. Миръ праху вашему, доблестные сыны Русскаго царства!

Въ Катта-Курганъ мы пріѣхали около 4-хъ часовъ по полудни, гдѣ и пользовались гостепріимствомъ уѣзднаго начальника, полковника Войцеховича. Скажу откровенно—я отдалъ должную дань его кухнѣ. Туземная, среднеазіатская кухня, услугами которой мы исключительно пользовались со времени выѣзда нашего изъ Мазари-Шерифа, такъ мнѣ надоѣла, что я не могъ видѣть безъ отвращенія «палау», а знаменитый «кябабъ» (шашлыкъ) своимъ видомъ возбуждалъ во мнѣ тошноту.

Отъ Катта Кургана до Самарканда считается 66 верстъ пути. Хотя отсюда я могъ поѣхать въ Самаркандъ на почтовыхъ, но предпочелъ сдѣлать остатокъ путешествія верхомъ. Это разстояніе мы прошли въ два дня. Дорога все время пролегаетъ по лѣвому, возвышенному берегу р. Зеравшана. Съ нея открывается великолѣпный видъ на знаменитый Міанкалъ, т. е. среднюю часть Зеравшанской долины, представляющей, какъ извѣстно, островъ, верстъ 90 въ длину и верстъ 20 въ ширину. Этотъ островъ расположенъ между двумя главными руслами Зеравшана, Акъ-дарьей и Кара-дарьей. Да, Вамбери несомнѣнно былъ въ Самаркандѣ, потому что сады Міанкала съ нашей дороги представляются дѣйствительно темными лѣсами—какъ онъ и говоритъ о нихъ. Между тѣмъ по возвышенному берегу Зеравшана, представляющему собою довольно ровное плато, передовую террассу Самаркандскаго горнаго хребта, тянулись только что въ спаханныя поля. Съ какимъ удовольствіемъ я смотрѣлъ на тянувшуюся вдоль дороги нить телеграфа! Съ какимъ чувствомъ замиранія я слушалъ знакомый, родной звукъ почтоваго колокольчика... О, родная земля!—дѣйствительно: «и дымъ отечества намъ сладокъ».

Въ Самаркандѣ всѣ мои знакомые смотрѣли на меня точно на вы-

ходца съ того свѣта. До полученія здѣсь моихъ донесеній изъ Ширъабада меня считали уже умершимъ, убитымъ во время политическихъ неурядицъ, происшедшихъ въ Мазари-Шерифѣ послѣ смерти Ширъ-Али-хана. Почти отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ встрѣчавшихся со мною, я слышалъ одну и ту же фразу: «Какъ! вы живы... вы не убиты фанатиками-авганцами? А мы васъ совсѣмъ было уже похоронили»...

25 марта я былъ уже въ Ташкентѣ.

Разсказъ мой доведенъ до конца; можно было бы поставить здѣсь окончательную точку, но я считаю не лишнимъ высказать свой собственный взглядъ на ту роль, которую играло русское посольство въ событіяхъ, происшедшихъ въ 1878 году, не только въ Средней Азіи, но и въ Европѣ, и въ цѣломъ свѣтѣ.

Несомнѣнно, что посланіе этого посольства находилось въ тѣсной связи съ событіями на Балканскомъ полуостровѣ и вообще въ Европѣ, а потому имѣетъ значеніе весьма важнаго историческаго событія. Наши вѣчные враги, англичане, руководимые политическими вдохновеніями «великаго жида нашихъ дней», хотѣли умалить до возможнаго минимума успѣхъ нашего оружія, поднятаго для освобожденія нашихъ братьевъ по плоти и духу. Вслѣдствіе усилій этого великаго, даже и въ своей ненависти, человѣка въ Берлинѣ собрался ареопагъ заправилъ судебъ Европы и цѣлаго свѣта. Здѣсь всѣ были противъ насъ. «Честный маклеръ» заранѣе уже потиралъ руки въ чаяніи хорошаго гонорара за свое маклерство. Вполнѣ естественно, что въ то время истинно русскіе люди душевно сокрушались о томъ, что побѣдоносные орлы наши должны были предстать на судъ нечистоплотныхъ коршуновъ. Единственная возможность, какая представлялась намъ для поддержанія народной чести и удержанія хотя части своихъ завоеваній, это — бить въ ахиллесову пяту британскаго льва. Этою пятою была, есть и впредь, до извѣстнаго времени, будетъ—Индія. Бить Англію намъ можно только съ этой стороны, и она здѣсь вполнѣ уязвима; только съ этой стороны и есть брешь въ ея непроницаемой бронѣ. Движеніе нашихъ войскъ отъ Самарканда къ Индіи могло сослужить роль прекраснаго громоотвода для грозы, собравшейся въ Измидскомъ заливѣ и въ Берлинѣ. Но

такъ какъ между русскимъ Туркестаномъ и Индіею находится довольно обширное государство, считавшееся уже давнымъ давно подъ вліяніемъ и поровительствомъ Англіи—трудно проходимый, гористый Авганистанъ, который намъ было бы выгодно привлечь на стоорону, — то къ правителю этой страны и было послано русское посольство.

Посольство имѣло своею ближайшею цѣлью—склонить на нашу сторону Ширъ-Али-хана, заключить съ нимъ, если возможно, наступательно-оборонительный союзъ противъ Англіи, т. е. въ данномъ случаѣ противъ Индіи. Конечно, такая диверсія съ нашей стороны была прекрасна. Одно только можно было сказать противъ нея еще и въ то время: посольство слишкомъ запоздало своимъ отъѣздомъ въ Авганистанъ; его нужно было бы послать въ началѣ 1878 г. Тогда вѣроятно не существовало бы ни берлинскаго конгресса, ни берлинскаго трактата, а былъ бы только миръ и трактатъ Санъ-стефанскій...

Но миссія, хотя и поздно, все таки была послана въ Кабулъ. Посмотримъ теперь, какъ она исполнила свое порученіе?

И хорошо, и худо.—Хорошо—въ томъ смыслѣ, что она съумѣла привлечь Авганистанъ на сторону Россіи, хотя это и не стоило ей большаго труда. Хорошо—что своимъ присутствіемъ въ Кабулѣ она вызвала со стороны англичанъ трудную войну, стоившую имъ большихъ издержекъ и деньгами, и людьми. Хорошо—что благодаря ей отнынѣ выяснилось очень рельефно, что авганцы—естественные союзники Россіи противъ Англіи.—Худо исполнила свое дѣло наша миссія въ томъ смыслѣ, что б е з ъ в с я к о й н у ж д ы поощряла эмира Ширъ-Али-хана къ энергическому образу дѣйствій по отношенію къ англичанамъ. Худо—что при этомъ миссія дозволила себѣ дѣлать Ширъ-Али-хану разныя серьезныя обѣщанія, которыхъ потомъ русское правительство не могло исполнить. Худо—что поступая такимъ образомъ, наша миссія внесла въ наши сношенія съ авганцами фальшь и безъ нужды повторила ошибку нашихъ агентовъ, дѣйствовавшихъ въ 1837—38 г. въ Кабулѣ и Гератѣ,—Всѣ поименованные выше хорошіе результаты, получившіеся вслѣдствіе посланія нашей миссіи въ Кабулъ, были бы также хорошо достигнуты, еслибы она и не давала преувеличенныхъ обѣщаній главѣ авганскаго государства. Теперь, если намъ опять встрѣтится необходимость завязать прямыя сношенія съ Кабуломъ,

опять положить на вѣсы вліяніе наше и англійское на авганцевъ, то нужно будетъ употребить гораздо больше усилій, чѣмъ прежде, для достиженія желаемаго результата. Какъ бы тамъ ни было, но наша миссія обманула ожиданія авганскаго народа, и онъ это очень хорошо сознаетъ. Конечно, въ концѣ концевъ онъ будетъ все таки вмѣстѣ съ Россіею, а не съ Англіею, но онъ уже будетъ болѣе осторожевъ въ своихъ сношеніяхъ съ нами. Относительно этого нужно помнить только одно: покуда Англія будетъ смотрѣть на всѣ народности—въ томъ числѣ и на авганскій народъ, конечно—съ утилитарной точки зрѣнія, будетъ смотрѣть на нихъ, какъ на рабовъ, осужденныхъ работать на Англію, какъ на своего господина, покуда она будетъ такъ неразборчиво-жестока въ сношеніяхъ съ покоренными ею народами—до тѣхъ поръ Авганистанъ будетъ, въ случаѣ спора Россіи съ Англіею, на нашей сторонѣ. Поэтому пята ея, т. е. Индія, всегда будетъ для насъ уязвима. Но вотъ когда и эта брешь въ непроницаемой бронѣ Англіи закроется, — когда она сдѣлается болѣе христіанскою націею по отношенію къ покореннымъ и сосѣднимъ съ нею народомъ, когда она будетъ соперничать съ нами не только на политическомъ и торговомъ поприщѣ, но и на поприщѣ христіанскаго милосердія. Тогда Авганистанъ скорѣе подпадетъ ея вліянію, чѣмъ нашему. Тогда «ключи отъ воротъ въ Индію» она будетъ носить въ своемъ карманѣ. Но есть основаніе думать, что подобная метаморфоза моральнаго облика англійскаго народа едва-ли скоро совершится и мы можемъ быть на этотъ счетъ совершенно спокойны.

Итакъ—наша миссія «зарвалась» въ своихъ сношеніяхъ съ авганскимъ правительствомъ. Но разъ былъ сдѣланъ такой промахъ необходимо было его поправить. Представитель Россіи обѣщалъ (на свой собственный страхъ) эмиру Ширъ-Али-хану военную помощь, въ случаѣ столкновенія его съ Англіею. Этой помощи Россія не могла оказать эмиру, и онъ былъ разбитъ англійскими войсками. Но Россія могла, и должна была, оказать ему хотя моральную поддержку. Вѣдь эмиръ потомъ отъ насъ большаго уже и не требовалъ. Онъ просилъ, и при томъ какъ милости, позволить ему проѣхать въ Петербургъ для свиданія съ государемъ Русскимъ, котораго онъ признавалъ своимъ сюзереномъ, а себя—его вассаломъ. И вдругъ онъ получаетъ отказъ въ этой просьбѣ... И этотъ отказъ онъ получаетъ въ то время, когда наше

посольство находилось въ его государствѣ, при его дворѣ! И этотъ отказъ онъ получилъ въ просьбѣ, подсказанной ему нашимъ же посольствомъ!.. Потомъ, впрочемъ, эмиръ получилъ приглашеніе посѣтить Ташкентъ, но это приглашеніе слишкомъ запоздало. Не смотря на это, Ширъ-Али-ханъ былъ настолько уменъ и великодушенъ, что самъ неоднократно указывалъ миссіи на средства поправить ея промахи. Такъ, онъ просилъ выслать на Аму нѣсколько батальоновъ нашихъ войскъ.

— Я не хочу, говорилъ онъ, чтобы эти войска переходили границу моего государства, а тѣмъ болѣе,—приняли активное участіе въ борьбѣ авганскаго народа съ англичанами. Я хочу только, чтобы эти войска находились вблизи нашей границы. Мой народъ тогда видѣлъ бы, что онъ не покинутъ окончательно Бѣлымъ Царемъ на произволъ Англіи...

Но мы не вняли его совѣту, мы слишкомъ много боялись разныхъ запросовъ со стороны англійскаго кабинета. Какъ? Что? Зачѣмъ? Почему?—возопили бы въ Лондонѣ. И вотъ эмиру посылается предупредительно-вѣжливый отказъ въ его желаніи. Въ этомъ случаѣ Россія добровольно отказалась отъ нѣкоторой доли своего вліянія на авганскій народъ. Можетъ быть тѣ люди, которымъ вѣдать это подобало, не обратили тогда вниманія на всю странность подобныхъ вопросовъ со стороны англійской дипломатіи. Въ самомъ дѣлѣ: что сказали бы англійскія власти, если бы мы задали имъ такой вопросъ: почему индійская администрація произвела такія-то передвиженія войскъ въ Нипалѣ или Кашмирѣ? Не отвѣтили ли бы намъ и англійскіе государственные люди, и народъ, что передвиженія эти находятся внѣ сферы нашего вліянія?—Тоже самое и мы могли сказать англичанамъ по поводу несомнѣнно возникшихъ бы съ ихъ стороны нескромныхъ вопросовъ зачѣмъ? и почему?—относительно передвиженія нашихъ нѣсколькихъ баталіоновъ къ берегамъ Аму. Вѣдь въ силу соглашенія между Россіею и Англіей въ 1873 г. о «нейтральномъ» поясѣ земель между русскою границею и Индіею,—Бухарское ханство совершенно изъято изъ сферы вліянія Англіи. Напротивъ, Англія признала въ немъ господство единственнаго, русскаго вліянія.

Накопецъ, если ужь нужно было намъ отвѣчать Англіи на ея неумѣстные вопросы болѣе изящными фразами, чѣмъ—«не суйте носъ

не въ свое дѣло»,—то предлоговъ для этого было множество: съ одной стороны—вспыхнувшее въ 1878 г. волненіе въ Каратагскихъ горахъ, во вторыхъ—подготовка къ экспедиціи противъ Теке-Туркменъ. Но самымъ главнымъ поводомъ къ присутствію отряда нашихъ войскъ вблизи авганской границы было—пребываніе въ Кабулѣ нашего посольства. Забота о личной безопасности нашихъ пословъ въ Авганистанѣ требовала присутствія нашей вооруженной силы вблизи авганской границы. Вѣдь и англичане для эскорта своего посольства въ Кабулъ снарядили цѣлую армію, а Кабулъ отстоитъ отъ англійской границы гораздо ближе, чѣмъ отъ русской.—Конечно, жалко, что мы ничего не сдѣлали для смягченія промаховъ нашего посольства. Въ будущемъ намъ прійдется не только поправлять ошибки прошлаго, но и начинать все снова. Авганцы повѣрятъ нашему будущему посольству только въ томъ случаѣ, если слѣдомъ за нимъ пойдетъ наша армія...

Конецъ 2-го тома.

